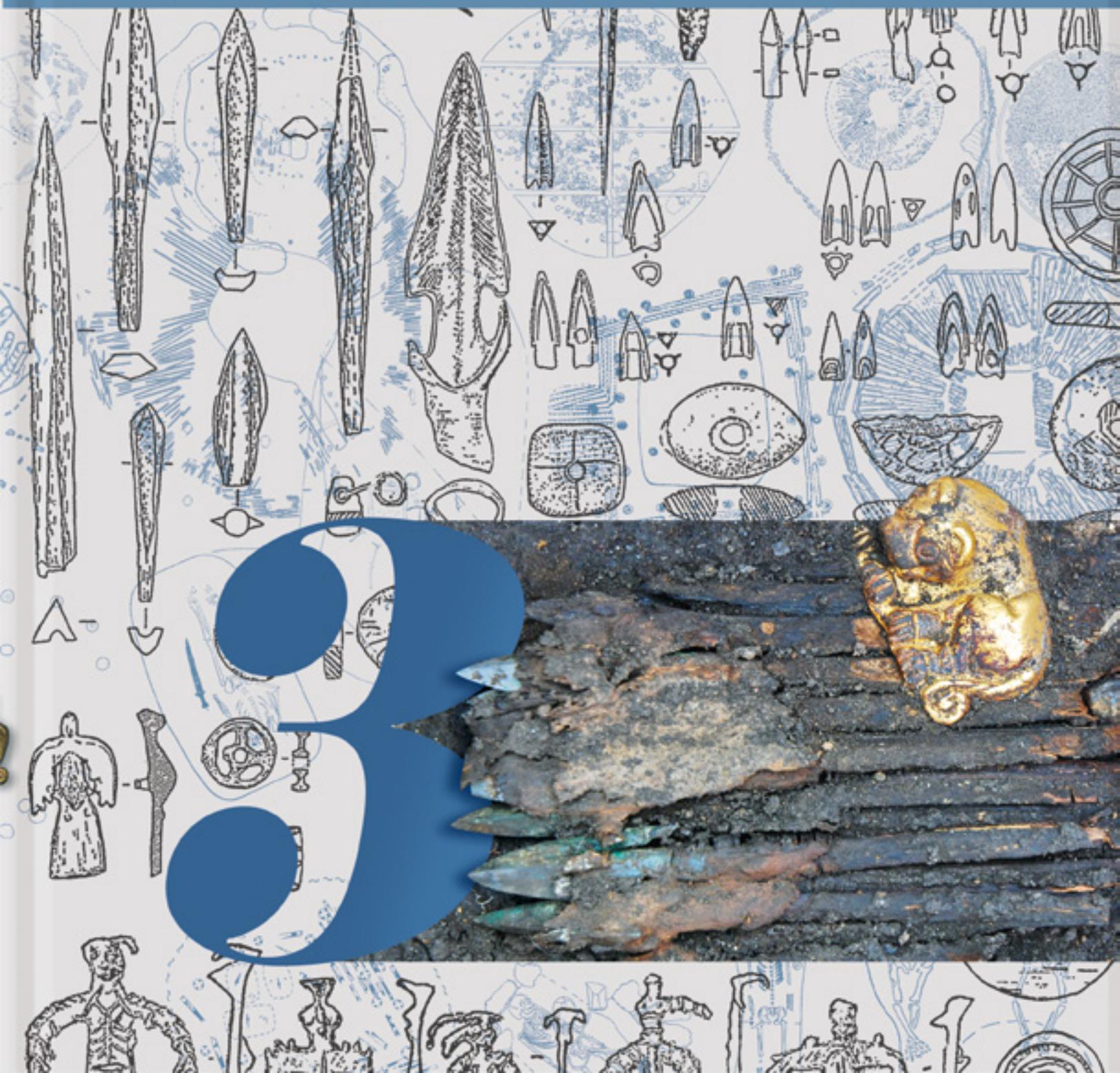

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

История
Южного
Урала

История Южного Урала

серия
из 8 книг

Восьмитомное издание «История Южного Урала» подготовлено ведущими учеными-историками Южно-Уральского государственного (национально-исследовательского) университета при поддержке ректора ЮУрГУ А. Л. Шестакова и президента вуза Г. П. Вяткина.

В издании на основе обобщения накопленных материалов по археологии Южного Урала и сопредельных территорий представлена история социального, культурного и экономического развития населения региона в эпоху камня, бронзы и в раннем железном веке. Комплексный анализ археологических и письменных источников раскрывает исторические процессы, протекавшие в южноуральских степях с эпохи Великого переселения народов до распада Золотой Орды. Новые данные, полученные в результате архивных исследований и подробного анализа горного законодательства дореволюционной России, представляют Южный Урал в XVI–XIX веках. Современные исследования раскрывают ключевые события истории Южного Урала в XX веке.

Том 1. В. С. Мосин. Южный Урал в эпоху камня

Том 2. А. В. Епимахов и коллектив авторов. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век

**Том 3. А. Д. Таиров. Южный Урал
в эпоху ранних кочевников**

Том 4. С. Г. Боталов. Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала (II–VIII века)

Том 5. С. Г. Боталов и коллектив авторов.

У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX– начало XV века)

Том 6. Г. Х. Самигулов и коллектив авторов. Южное Зауралье (1420– конец XIX века)

Том 7. В. М. Свистунов, А. Г. Тептеев.

Горнозаводская политика России и заводы Южного Урала (1734–1900)

Том 8. И. В. Сибиряков и коллектив авторов. Южный Урал. Век двадцатый

**ЮЖНЫЙ
УРАЛ
В ЭПОХУ
РАННИХ
КОЧЕВНИКОВ**

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36) +
Т48(2Р36)
Т145

Печатается по решению Ученого совета
Южно-Уральского государственного университета.
Протокол № 4 от 29.12.2018 г.

Руководитель проекта:
Г. П. Вяткин,
член-корреспондент Российской академии наук

Т145

Таиров, А. Д.

Южный Урал в эпоху ранних кочевников / А. Д. Таиров // История Южного
Урала : в 8 т. Т. 3. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. — 400 с.

ISBN 978-5-696-05083-6 (т. 3)
ISBN 978-5-696-05081-2

Третий том многотомной «Истории Южного Урала» посвящен этнокультурным
процессам, протекавшим в регионе в I тысячелетии до нашей эры. Особое вни-
мание уделяется взаимоотношениям ранних кочевников Южного Зауралья
с окружающим их миром.

Книга будет интересна для специалистов-историков, студентов, учащихся
и широкому кругу читателей.

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36) +
Т48(2Р36)

ISBN 978-5-696-05083-6 (т. 3)
ISBN 978-5-696-05081-2

© Таиров А. Д., текст, 2019
© Шарапов Р. Я., оформление, макет, 2019
© Издательский центр ЮУрГУ, 2019

ТЗ(2)
Т145

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук», Южно-Уральский филиал

Южный Урал в эпоху ранних кочевников

Том **3**
История Южного Урала

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2019

Проект «История Южного Урала» имеет большое значение не только для Южно-Уральского государственного университета, который выступил его инициатором и сыграл ключевую роль в его реализации. Это проект, значение которого выходит далеко за пределы локального научного или образовательного эксперимента. Создание многотомной «Истории Южного Урала» — это серьезный шаг в процессе конструирования нового образа региона, сыгравшего заметную роль в истории России. Формирование такого образа является сложной и ответственной задачей — политической, экономической, социальной, нравственной. Южный Урал в эпоху ранних кочевников (I тысячелетие до н. э.) демонстрирует нам разные палеоэкономические модели использования

природных ресурсов. В степной зоне основой хозяйства становится кочевое скотоводство с ежегодными сезонными миграциями на огромные расстояния. Зауральская лесостепь — это зона преимущественно полукочевого скотоводческого хозяйства. Население, занимающее предгорья Южного Урала с их богатыми меднорудными месторождениями, становится одним из основных поставщиков цветного металла для многих племен евразийской степи и лесостепи. Весь этот разнородный мир, говорящий на разных языках, объединен многочисленными экономическими, политическими и культурными связями, позволяющими нам рассматривать Южный Урал как самостоятельный и своеобразный этнокультурный регион Центральной Евразии.

Ректор Южно-Уральского
государственного университета
А. Л. Шестаков

История Южного Урала неразрывно связана со многими важнейшими эпохами в истории человечества. Проект, который был инициирован учеными Южно-Уральского государственного университета, по-своему уникален. Он призван показать тесную историческую взаимосвязь социальных, экономических и культурных процессов, протекавших на Южном Урале на протяжении тысячелетий, с аналогичными процессами в различных точках евразийского пространства. Исследования ведущих ученых региона раскрывают особую роль, которую сыграл Южный Урал в истории Евразии, открывают новые грани исторических проблем, решение которых может оказать существенную помощь политикам, деятелям культуры, ученым, размышляющим не только о прошлом страны, но и о ее будущем.

Том посвящен одному из наиболее ярких периодов в древней истории Южного Урала — эпохе ранних кочевников (VIII—II века до н. э.).

Это время становления и развития кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства, на многие века определившего направление основной хозяйственной деятельности населения южноуральской степи и лесостепи, расцвета древней металлургии меди, широких культурных связей и массовых миграций, меняющих этническое лицо целых регионов. Это эпоха расцвета скифо-сибирского звериного стиля — уникального явления в мировой художественной культуре. Время активного взаимодействия южноуральских племен, имеющих разное происхождение, хозяйство, язык, культуру и социальную организацию, выработки ими основных принципов взаимоотношений и совместного проживания. Появление в I тысячелетии до н. э. на страницах исторических хроник названия племен, живших на Южном Урале или связанных с ним своим происхождением, является отражением их участия в событиях мировой истории.

Президент Южно-Уральского
государственного университета
Г. П. Вяткин

Оглавление

1

Введение

Общая характеристика культурно-исторических процессов в Южном Зауралье в раннем железном веке –

10

2

Глава 1.

Южное Зауралье в раннесакскую эпоху (VIII–VI века до н. э.) –

72

3

Глава 2.

Южное Зауралье в савроматское время (вторая половина VI – третья четверть V века до н. э.) –

138

Глава 3.
Южное Зауралье в конце V – II веке до н. э. –

234

4

Глава 4.
Искусство Южного
Зауралья эпохи
ранних кочевни-
ков (I тысячелетие
до н. э.) –
336

Заключение
Этногеография
Южного Урала VII–
IV веков до н. э. –
378

**Список
сокращений –
396**

**Об авторе –
399**

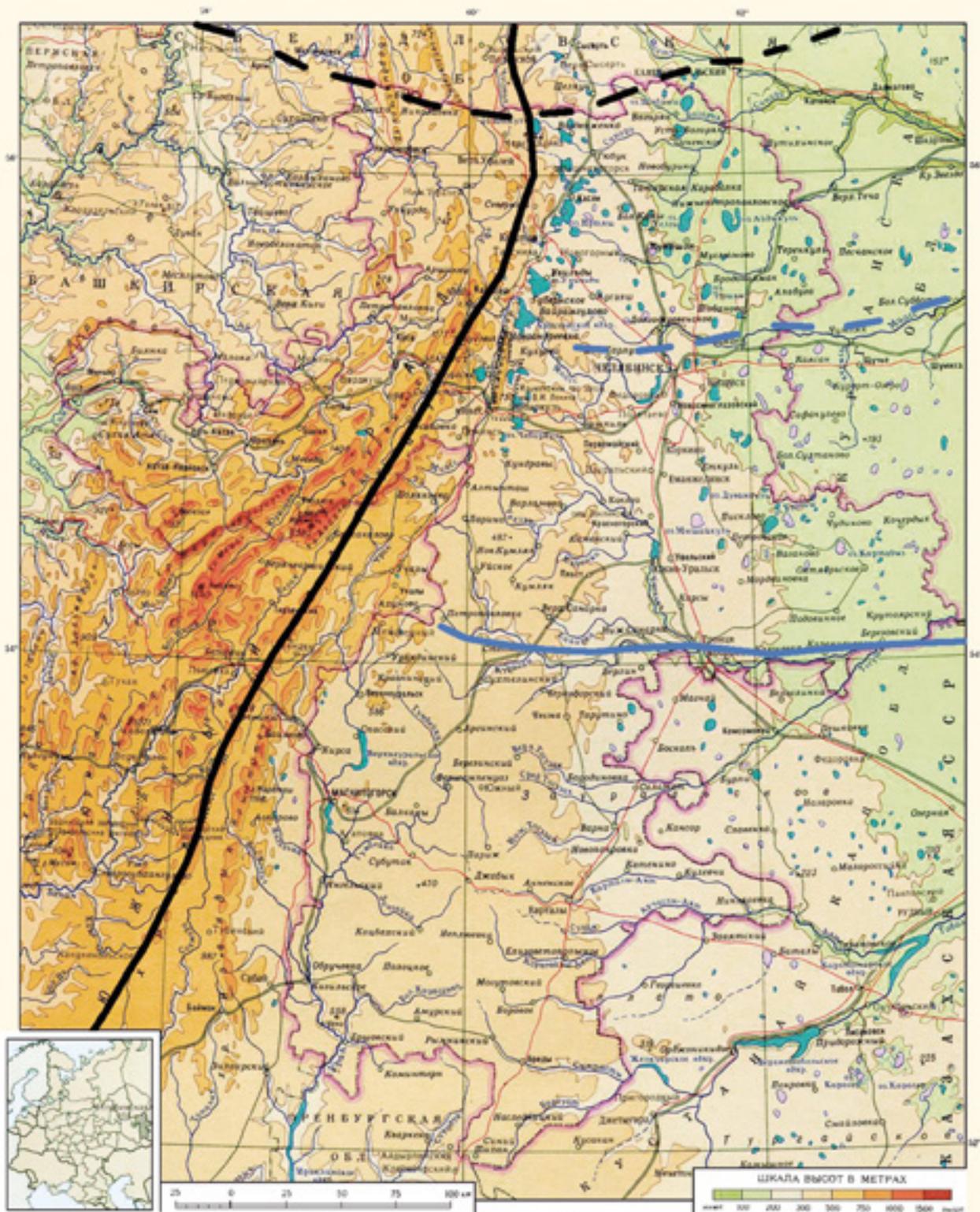
Река Уй близ Троицка.
Челябинская область.
Фото: А. Таиров

История Южного Урала

3

ГОМ
Введение

- - граница Южного Приуралья и Южного Зауралья
- -** - граница Южного и Среднего Зауралья
- - граница степи и лесостепи в Южном Зауралье
- -** - граница южной и северной лесостепи в Южном Зауралье

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика культурно-исторических процессов в Южном Зауралье в раннем железном веке

В изучении исторических процессов, протекавших в Древности и Средневековье в евразийских степях, особое место принадлежит Южному Зауралью. Это обусловлено тем, что любое крупное перемещение кочевников с востока степной Евразии на запад или с запада на восток проходило, в силу географических особенностей степного пояса, через Южное Зауралье. Древности этого региона отразили динамику взаимодействия населения восточной и западной частей евразийских степей. На этой территории осуществлялся сплав привнесенных переселенцами традиций Востока и Запада, здесь зарождались новые этнокультурные образования, сыгравшие в дальнейшем свою роль в древней истории западной части Евразии, особенно Восточной Европы.

Вместе с тем степи Южного Зауралья являлись составной частью системы «оазис — степь — лесостепь», включавшей три основные подсистемы: государственные образования оседло-земледельческих обществ Центральной Азии, кочевые объединения урало-казахстанских степей и оседлые и полuosедлые образования лесостепи. Естественно, каждая из названных подсистем имела свою специфику, присущие только ей особенности и закономерности развития. Однако входя в систему взаимоотношений, любая из этих подсистем так или иначе влияла на другие и, в свою очередь, испытывала обратное воздействие. Ключевым звеном в этой системе, звеном, объединяющим систему, были кочевники урало-казахстанских степей, в частности кочевники Южного Зауралья.

Несколько слов об используемых в работе понятиях. Под *урало-казахстанскими степями* понимаются, исходя из физико-географических данных и археологических материалов, степи от восточных отрогов гор Южного Урала и Мугоджар на западе, до долины Иртыша на востоке, от лесостепной полосы Зауралья и Западной Сибири на севере, до озера Балхаш и правобережья рек Чу и Сырдарья на юге. Эту обширную область можно разделить на три крупных региона — *Южное Зауралье*, *Северный Казахстан* и *Центральный Казахстан*. Границей между Южным Зауральем и Северным и Центральным Казахстаном является Тургайская ложбина с реками Тургай и Убаган, системой озер Сарыкопа, Аксуат, Жарман и Кушмурун. Границу между Северным и Центральным Казахстаном можно условно провести по широтному отрезку реки Ишим и долине Селеты. Кочевые общества этих регионов на протяжении всего периода существования здесь кочевничества

составляли единую культурно-хозяйственную общность, в основе которой лежала пастбищно-кочевая система.

Южный Урал делится на две подобласти — западную, или Приуральскую, включая Западный Казахстан, и восточную, или Зауральскую. Граница между ними проходит по центральным хребтам Урала и Мугоджар. В археологической литературе западную подобласть принято именовать *Южным Приуральем*, восточную — *Южным Зауральем*. Границы Южного Урала как историко-культурного региона достаточно условны. С юга он ограничен линией, идущей от низовий Тургая через южную оконечность Мугоджар (плато Шагырай) до устья реки Урал. Западная граница Южного Приуралья проходит по правобережью реки Урал до Уральска, далее по средней части Бугульминско-Белебеевской возвышенности до устья реки Белой. На севере границу Южного Урала можно условно провести по северной границе Башкирии и Челябинской области до города Каменска-Уральского и далее по реке Исеть до ее устья. Восточная граница Южного Зауралья проходит по рекам Тобол и Убаган, Тургайской ложбине и реке Тургай до ее низовий.

Отличия в историческом окружении, в направлении этнокультурных связей населения Южного Зауралья и Южного Приуралья, обусловленные естественно-географическими факторами и маршрутами сезонных перекочевков, нашли отражение в их материальной культуре, традициях погребальной обрядности и, в конечном счете, в особенностях исторического развития.

Южное Зауралье (территории Челябинской и восточных районов Оренбургской областей, Восточной (Зауральской) Башкирии, западных районов Кустанайской и восточных Актюбинской областей Казахстана) географически входит как в урало-казахстанские степи, так и в Южный Урал. Этот географический фактор определил особенности исторического развития Южного Зауралья на протяжении, по крайней мере, I тысячелетия до н. э.

Кочевое скотоводство, или номадизм. С хозяйственной стороны кочевое скотоводство (номадизм) можно определить как особый вид производящей экономики, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, связанное с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму. Все население (или его большая часть) вовлечено в регулярные периодические перекочевки в пределах определенных пастбищных территорий либо между ними. Несмотря на то что при номадизме скотоводство составляет основу хозяйственной деятельности и доставляет главные средства существования, оно не исключает и других видов деятельности. В качестве основных форм скотоводческого хозяйства, по мнению А. М. Хазанова, выделяются два: кочевое и полукочевое. Кочевое скотоводство в своих чистых проявлениях характеризуется отсутствием земледелия даже в качестве вспомогательного занятия, полукочевое — тем, что, хотя экстенсивное скотоводство с периодической сменой пастбищ на протяжении всего или большей части года является и в нем преобладающим занятием, в качестве второстепенного и вспомогательного оно дополняется земледелием или, как в Северной Евразии, сочетается с иными родами хозяйственной деятельности [55, с. 84–89].

Понятие «номадизм» включает не только хозяйственную, но и социальную характеристику общества, так как номады составляют обособленные от земледельческих народов социальные организмы, а экстенсивный пастбищный скотоводческий базис порождает соответствующую социальную структуру и племенную форму общественной организации [15, с. 61].

Однако «*кочевое скотоводство кочевому скотоводству рознь*» [9, с. 26]. В разных областях Евразии оно имело свои особенности, обусловленные прежде всего природными условиями территории. И данное обстоятельство необходимо учитывать при реконструкции хозяйственной деятельности номадов каждого конкретного региона.

Термин «*саки*» впервые употреблен в ранних персидских источниках для обобщающего наименования кочевых племен, проживавших на территориях современных Средней Азии и Казахстана, безотносительно к их этнической и языковой принадлежности. В таком же расширенном значении он применяется в данном исследовании для именованя кочевых племен азиатских степей и предгорий. Критерием отнесения того или иного комплекса к числу «сакских» остается тот же набор признаков, по которым он был бы отнесен к «скифскому», но с одним неперменным ограничением — его размещение в азиатской части Евразии [46, с. 34]. Соответственно ранний этап истории кочевых племен этого обширного региона, охватывающий период с конца IX по конец VI века до н. э., носит название «раннесакское время». На наш взгляд, применение этого термина в исторических исследованиях, посвященных кочевым обществам азиатской части Евразии, а также для характеристики оставленных ими археологических памятников более оправданно, чем использование термина «раннескифское время».

Сарматы — собирательное название, которым сначала древнегреческие, а затем древнеримские историки и географы обозначали различные кочевые племена, первоначально обитавшие к востоку от Дона, а затем занявшие обширные степные районы от Южного Зауралья до реки Дунай. Они являлись частью обширного кочевого мира, освоившего в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. — начало нашей эры) евразийские степи. В состав сарматов входили многочисленные племена: дахи (даи), роксоланы, аланы, аорсы, сираки, языги и многие другие. По образу жизни, характеру хозяйства, культуре они во многом были близки к северопричерноморским скифам, сакам и массагетам, савроматам, а также к усуням, юэчжам и хуннам. Судя по археологическим данным, древнейшим районом начала формирования одной из первых сарматских культур, названной прохоровской по раскопаным в начале XX века курганам у села Прохоровка Оренбургской губернии, был район Южного Зауралья. Окончательное оформление раннесарматской (прохоровской) археологической культуры произошло в Южном Приуралье в IV веке до н. э. в результате переселения в этот регион части кочевников (протосарматов) Южного Зауралья и групп зауральского лесостепного населения, представленных, вероятно, носителями гороховской археологической культуры.

На рубеже IV–III веков до н. э. началось движение южноуральского кочевого населения на запад — в предкавказские и восточноевропейские

степи. Это движение нашло отражение в античных источниках, в которых появились топоним «Сарматия» и этноним «сарматы». С последних веков до нашей эры этноним «сарматы» занимает господствующее положение среди других названий кочевых народов степей Восточной Европы, так как сарматы, изгнав скифов, стали здесь ведущей политической силой. Власть сарматов в восточноевропейских степях сначала была подорвана вторжением в Северное Причерноморье готов (III век н. э.) и окончательно сокрушена в 375 году н. э. гуннами, перебившими значительную часть сарматского населения. Часть сарматского (аланского) населения, обосновавшись в горных районах Кавказа, оказалась включенной в процесс формирования некоторых современных кавказских народов. В составе осетинского народа сарматы сохранили основу своего языка. Оставшиеся на юге нашей страны группы сарматов в раннее Средневековье смешались с другими народами (славянскими, северокавказскими), в большей степени с тюркоязычными племенами. Среди сарматских племен Южного Урала, участвовавших в событиях IV–II веков до н. э. в Средней Азии и Иране, наибольшую роль играли дахи (даи). Вполне вероятно, что более раннее название реки Урал — Яик — происходит от названия этого племени и могло звучать как Даик.

История изучения раннего железного века Южного Зауралья

Археологические памятники Зауралья, особенно курганы и городища, были известны местному населению издавна. Однако связывали они их либо с исторически известными болгарами, ногайцами, монголами, либо с неизвестным им народом — чудью. Так, известный уральский краевед Р. Г. Игнатъев, который специально занимался народными преданиями и легендами о памятниках археологии, отмечал: «...народ указывает на пустые места, где нечаянно открывают признаки жилые, что здесь жил чужой, неизвестный народ, чудь, чудаки. Они заживо закапывались в землю, особенно от неприятеля, отчего и ямы на вершинах курганов». В другом месте он пишет: «...башкиры Верхне-Уральского уезда называют их (курганы) татарскими, Золотой Орды. Между верхнеуральскими башкирами живы предания о местах ханских кочевок и жилищ, об ордынских женах, о князьях и воинах (батырах) знаменитых, во имя которых названы урочища и курганы-могилы известных по именам и неизвестных князей и батырей ордынских. Итак, здесь много преданий об ордынских временах» (цит. по: [36, с. 9]).

Ученые обратили внимание на памятники древности вскоре после присоединения Урала к Русскому государству. Однако раскопки археологических объектов начинались с поисков местными крестьянами «чудского золота», спрятанного в курганах. В XVIII веке в Зауралье, так же как и в Средней России и Сибири, целые артели кладоискателей-бугровщиков занимались поисками драгоценных вещей в курганах-буграх. В 1715 году А. Н. Демидов поднес императрице по случаю рождения царевича Петра Петровича «богатые золотые бугровые сибирские вещи», которые составили основу знаменитой ныне Сибирской коллекции Петра I [48, с. 52].

Ученый-путешественник Д. Г. Мессершмидт в 1721 году отмечал, что раскопки курганов составляют обычный промысел зауральского населения. Разграблением курганов занималось и государство, направляя специаль-

А. Н. Демидов

П. И. Рычков

Титульный лист второго тома книги на немецком языке «Reise durch verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs» («Путешествие по разным провинциям Российского государства»). 1773 год

П. С. Паллас

Курган Бабий Бугор
(Курганская область),
внизу: космоснимок

ные отряды «для прииску золота, серебра и иных вещей в недрах насыпей». Очевидно, что большая часть экспонатов из собранной в то время Сибирской коллекции происходит из лесостепных районов по Исети и Тоболу.

Первые научные известия о древних памятниках Зауралья относятся лишь к 1760-м годам. Один из ярких ученых-энциклопедистов того времени, первый член-корреспондент Российской академии наук П. И. Рычков (1712–1777) в своей «Топографии Оренбургской губернии» (1762) среди многочисленных памятников древности описал городища раннего железа и курганы разных эпох, в том числе «три знатнейших Чудских могилы» возле Шадринска.

В XVIII веке области за Уралом начали активно осваиваться Российской империей. Выполнению этой задачи были подчинены и труды участников Великих академических экспедиций. Ученые, работавшие в них, получали подробные инструкции, в числе которых имелось указание «примечать встречающиеся древности, осматривать развалины и остатки древних мест». В конце XVIII века в Зауралье побывали академики П.-С. Паллас, И. И. Лепехин и И. П. Фальк, которые обследовали ряд древних городищ, селищ и рудников. Паллас, ученый-натуралист, зоолог, немец по происхождению, приглашенный в Россию, в 1769–1771 годах совершил несколько поездок по Южному Уралу, результаты которых он подробнейшим образом описал в своем трехтомном «Путешествии по разным местам Российского государства». Здесь среди описания встретившихся ему на пути рудников, курганов, городищ, дается и первое подробное описание знаменитого Царева кургана на реке Тобол в черте нынешнего города Кургана. П.-С. Паллас оставил и первые относительно детальные описания городищ иткульской культуры в районе озер Иртяш и Наного. В 1770 году он провел исследования на островном (Гусева гора) и мысовом городищах на озере Большая Наного, обследовал и описал еще три городища на озере Иртяш: Старая Займа, Островки, городище на южном берегу озера¹.

Первые сведения об одном из крупнейших погребальных памятников раннего железного века в лесостепном Зауралье — о так называемом «Бабьем Бугре» дал И. П. Фальк.

В 1838 году известный исследователь П. А. Словцов опубликовал «Историческое обозрение Сибири», в котором сообщил о большом количестве курганов на озерах восточнее Уральских гор, по берегам Исети, Пышмы, Туры и Иртыша. По его мнению, эти курганы являются либо остатками «летних старшинских кочевий», либо остатками сторожевых насыпей, либо могилами. Соорудила их либо «югра», жившая на территории к северу от реки Миасс, либо болгары, жившие южнее до 1236 года, до того как все эти земли вошли в число волостей Великого Новгорода [53, с. 547].

В середине XIX века член Русского географического общества, священник Т. Успенский раскопал несколько крупных курганов, располагавшихся на возвышенности при впадении реки Течи в Исеть (территория современного

1

Подробнее об исследовании иткульских городищ в районе озер Наного и Иртяш см. [32, с. 188–196].

Р. Г. Игнатъев

Далматовского района Курганской области). Он же первым описал городище у деревни Мурзино.

Новый всплеск внимания к археологическим памятникам Южного Зауралья возник в 1840–60-е годы, когда в России появился ряд научных обществ, занимавшихся отечественной археологией: Русское археологическое общество (1846), Археологическая комиссия (1859), Московское археологическое общество (1864).

В это же время началась археологическая деятельность талантливого самородка-краеведа А. Н. Зырянова (1830–1884), выходца из крестьян, уроженца села Верхний Яр Далматовского района. В течение ряда лет он проводил разведочные и рекогносцировочные работы в районе среднего течения реки Исети. Так, в 1855 году им было раскопано три крупных кургана в Шадринском уезде, а в 1865–1871 годах он исследовал не менее восьми курганов у сел Сухринское и Замараевское, а также в Верхнетеченской и Долматовской волостях, которые, судя по оставленным описаниям, относились в основном к эпохе раннего железа. В его статьях и заметках, опубликованных в Пермских губернских ведомостях, а также в различных местных и центральных изданиях, содержатся данные о целом ряде древних городищ и курганов. В них А. Н. Зырянов, основываясь на бытовавших в то время представлениях о «чуди», утверждал, что раскопанные им курганы являются очевидными свидетельствами пребывания в Зауралье иных народов, «финского племени или монгольского периода, охватывавшего Зауральский край до 16 века», причем крупные курганы он рассматривал как погребения людей «именитых и родовых», а мелкие относил к «беднякам, рядовым и голытьбе» [11; 50, с. 166].

В 1861 году в «Известиях археологического общества» вышла статья Н. А. Абрамова, посвященная курганам и городищам нескольких округов Тобольской губернии. В ней автор, в частности, описал Царев курган и привел связанную с ним легенду об умершей дочери татарского или ногайского князя, над могилой которой якобы и был сооружен этот курган.

Большое значение для становления археологии и охраны археологических памятников Зауралья имела деятельность Р. Г. Игнатъева (1818–1886), выпускника Лазаревского института восточных языков, журналиста и композитора, окончившего Парижскую консерваторию, члена Московского археологического общества, связавшего свою жизнь с Южным Уралом. Интересуясь древностями, этнографией и фольклором, Р. Г. Игнатъев дал согласие Оренбургскому статистическому комитету заниматься археологическими изысканиями на Южном Урале. В 1863–1865 годах он обследовал огромную территорию и особенно активно работал в Южном Зауралье, считая эту местность богатейшей по числу древних памятников. Ему принадлежит приоритет в открытии и описании городища Чудаки у села Горохово. С 1865 года Р. Г. Игнатъев привлекался к деятельности Московского археологического общества, стал его постоянным помощником и сотрудником. В том же году он по поручению и на средства управителя Миасских золотых промыслов члена Уфимского статистического комитета К. Д. Романовского в дачах промыслов

Д. Н. Анучин

раскопал в Троицком уезде семь курганов на горах Кавелиной и Кискановой близ Мулданаевского рудника на реках Убала и Атлян.

В середине 1860-х годов Р. Г. Игнатъев приступил к созданию обширного «Археологического описания Оренбургской и Уфимской губерний». Уже к I Археологическому съезду, состоявшемуся в Москве в 1869 году, им была подготовлена первая сводка о памятниках археологии в Оренбургской губернии. Часть этой работы под названием «Городища и курганы Оренбургской губернии» увидела свет после смерти автора. В пределах Троицкого уезда Р. Г. Игнатъев обнаружил 410 курганов и городищ, а в пределах Челябинского уезда — 60 городищ и свыше 135 курганов. На северо-востоке Оренбургской губернии (юго-запад и запад современной Курганской области) им найдено и описано около 70 древних курганов и городищ. Им же обследован и мавзолей Кесене («Башня Тамерлана») у села Варна.

В 1873 году в семи выпусках газеты «Тобольские губернские ведомости» опубликована работа Игнатъева «Памятники древности в Курганском округе Тобольской губернии», где содержались описания более 60 памятников древней истории Зауралья.

Все памятники Р. Г. Игнатъев делил, согласно народным преданиям, которым он полностью доверял, на болгарские, ногайские, монгольские, чудские и югорские. Большинство курганов Южного Урала определялись им как ногайские и монгольские, а часть связывалась с угорскими или еще какими-то не известными в то время науке племенами, жившими до ногайцев и монголов [12, с. 30–41].

В 1878 году оргкомитет Антропологической выставки в Москве командировал в Шадринский уезд Н. Ю. Зографа, хранителя Зоологического музея Московского университета. Целью командировки было получение антропологических и археологических экспонатов для этой выставки. В Зауралье Н. Ю. Зограф приступил к раскопкам известных по работам А. Н. Зырянова курганов у села Замараевского и у деревни Максимовой. Менее чем за полмесяца им было вскрыто 78 насыпей, осмотрены пещеры на Исети и Синаре.

Работы по изучению курганов лесостепного Зауралья были продолжены в 1887 году экспедицией Московского археологического общества под общим руководством профессора Д. Н. Анучина и Ф. А. Уварова. Помимо раскопок Замараевских курганов было предпринято исследование могильника близ Чекарева к югу от села Усть-Караболка. В 1887 году Д. Н. Анучин производил раскопки на городищах Островки, Гусева Гора и на мысу озера Большая Нанюга близ Кыштыма, были также найдены новые городища и следы древних плавильных заводов.

В 1876–1888 годах масштабные исследования на Южном Урале проводил Ф. Д. Нефедов, член императорского Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Им зарегистрировано до тысячи памятников, раскопано около 150 курганов. В одной из статей он с гордостью отмечал: «Мне выпало на долю счастье положить начало археологическим исследованиям в Тургайской области, на землях Оренбургского казачьего войска и в губерниях Самарской, Оренбургской и Уфимской» [34, с. 83]. Особенно успешны были работы, проведенные им по поручению

Ф. Д. Нефёдов

Э. Ю. Петри

Московского археологического общества в 1887–1888 годах. Так, в Южном Зауралье Ф. Д. Нефедов обследовал разрушенное кладоискателями-казаками погребение савроматского времени близ поселка Черниговского Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Об археологическом значении Южного Урала Ф. Д. Нефедов писал: «...наша родная страна богата доисторическими памятниками. Особенно богат ими Оренбургский край. Азия считается колыбелью человечества, с глубокой древности отсюда высеялись народы, они шли через Сибирь, шли по речкам и дорогам, направленным через степи Тургайской и Уральской областей, степи Оренбургской и Самарской губерний, переправлялись через реки Урал и Волгу, и потом южными степями достигали моря, заселяя нынешний Крым, побережья Черного и Азовского морей и наконец всю Западную Европу. Оренбургский край, со времен незапамятных, служил воротами из Азии в Европу, он был свидетелем этого грандиозного шествия, великого переселения народов. Бесчисленное множество курганов, городищ, городков, которыми на тысячи верст усыпаны степи, сырты, берега рек и озер — вот эти немалые летописи, содержащие в себе повествования о народах, чей образ жизни, и деяниях — народных, давно исчезнувших с лица земли или благополучно здравствующих и известных теперь под именами славян, германцев, французов, англичан и т. д. Здесь проходили и останавливались все народы, кочевали и обитали племена оседлые. Позднее через здешние степи двигались полчища печенегов, половцев и монголов, оставивших о себе мрачную память в истории русского народа. <...> Этот замечательный край, имеющий, скажем без преувеличения, всемирное значение, до сих пор остается почти еще не тронутым в археологическом и антропологическом отношении» (цит. по [36, с. 54–55]).

В 1889 году П. Назаров исследовал в 12 верстах от Кустаная большой курган, раскопки которого были начаты русскими переселенцами, обнаружившими здесь человеческие кости и медный кинжал. В этом же году в Кустанайском уезде Э. Ю. Петри раскопал три кургана в урочище Биш-Оба.

В конце XIX — начале XX века большую работу по археологическому изучению Оренбургской и Тургайской губерний проделала Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК). Члены комиссии А. П. Аниховский, Г. Е. Броневский, Г. Н. Милюков, А. В. Попов, Д. Панков, А. Инфантьев, И. Инфантьев, И. А. Кастанье, М. П. Чернокутов и другие вели раскопки на территории степного и лесостепного Зауралья, собирали сведения о курганах, их раскопках и отдельных найденных предметах древности, дали первые интерпретации степных древностей. Так, в статье И. С. Шукшинцева, опубликованной в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» за 1900 год, содержатся первые сведения о курганах на горе Тушкан (могильник Кичигино I). В докладе об археологии Тургайской и Уральской областей, прочитанном на заседании комиссии 29 мая 1904 года, А. В. Попов впервые связал степные курганы с пребыванием в этом регионе скифов-саков. В северной же части Тургайской области, по южному берегу Урала и по Тоболу, по его мнению, жила, одновременно со скифами, чудь. Но уже в 1910 году в выступлении по докладу А. И. Деревенского о находках на Маячных каменоломнях близ Оренбурга А. В. Попов отмечал: «Наши курганы с каменными блюдами

Титульный лист книги
И. А. Кастанье [16]

и столиками мы можем назвать скифскими или скифо-сарматскими...
Определив обряд погребения, предметы быта, вооружения и т.д. как скифские (или скифо-сарматские), мы далеки от того, чтобы утверждать, что скифы наших степей и южнорусских были один и тот же народ; могла быть только одна культура, одни верования и сходные обряды погребения...» [40, с. 70–71].

В 1897 году сельский учитель Баранов исследовал курган близ села Вознесенского Троицкого уезда. При раскопках им были найдены железный наконечник копья и обломки железного кинжала, медные наконечники стрел и фрагменты глиняного сосуда. В 1898 году в трудах ОУАК была помещена «Заметка о курганах» М. Юдина, в которой дано описание курганов близ Павловской станицы.

В 1900 году Оренбургская комиссия разослала священникам и учителям Оренбургской губернии вопросные листки, прося дать ответы на следующие вопросы:

1. Имеются ли в волости или станице курганы, то есть земляные насыпи, называемые народом то курганами, то морами, то сопками, и если имеются, то где именно: у каких городов, станиц, поселков, сел, деревень, хуторов, рек или других урочищ, на чьей земле и в каком числе (один, два, пять, десять и более) и какой величины в высоту (аршин и сажень) и в окружности?

2. Если такие курганы были раскопаны, то неизвестно ли, когда и с какой целью? Не было ли находимо в них угольев, золы, костей, черепков, медных или других старинных вещей?

3. Нет ли в народе каких-либо преданий об этих курганах и кем они насыпаны?

Ответы на эти вопросы поступили из 34 мест.

В 1901 году Императорская археологическая комиссия выдала разрешение на раскопки курганов у села Редутского Каминской волости Челябинского уезда священнику Александру Инфантьеву, который уже исследовал это место в 1900 году, а на раскопки у деревни Ерохиной Кипельской волости того же уезда — священнику Илье Инфантьеву. Один из курганов у Ерохино остался недораскопанным. Впоследствии он был доисследован К. В. Сальниковым, отнесшим весь могильник к гороховской культуре.

В 1905–1906 годах в Оренбургской и Тургайской областях производил раскопки А. И. Аниховский. О результатах работ он докладывал на заседаниях Комиссии, публиковал материалы в издаваемых ею «Трудах...». На собрании Оренбургской комиссии 20 февраля 1906 года Подьяконов рассказал о раскопанных им курганах около Дуванкульского поселка Нижнеувельской станицы Челябинского уезда.

В 1910 году вице-президент ОУАК, хранитель музея И. А. Кастанье издал наиболее полную сводку древностей Оренбургского края и киргизской степи. В нее вошли все имеющиеся на тот момент данные об археологических памятниках этих территорий. Значительное место в издании было отведено и Южному Зауралью. Приводя только перечень памятников, И. А. Кастанье не пытался дать историко-культурное обобщение собранного материала. Он снабдил свою сводку лишь кратким историческим очерком, где отмечал, что

Д. Н. Мамин-Сибиряк

«в южной части Оренбургской губернии по Уральской области и области на восток от нея до Яксарта жили массагеты» [16, с. 15].

Члены комиссии прилагали массу усилий для сохранения памятников древности и фиксации находок из грабительских раскопок. На заседании 30 ноября 1906 года действительный член комиссии священник Е. А. Орлов предупреждал собравшихся «о хищнических раскопках и предложил принять меры, дабы памятники древности не подвергались расхищению» [42, с. 65–66]. Комиссия старалась поощрять лиц, которые направляли свои средства на производство раскопок. Она исходила из того, что эти лица, заинтересованные в научных работах, постараются всюду предупреждать хищнические раскопки. Массовое переселение в зауральские степи выходцев из южных районов Европейской России привело к значительному росту числа грабительских раскопок. Член Архивной комиссии Д. Панков с тревогой отмечал: «И теперь все чаще и чаще при поездке по степи наталкиваешься на хищнически вскрытый курган, раскопанный с единственной целью найти золото, вообще “клад”. На это явление, при быстром заселении степи, нельзя не обратить внимания, надо спешить спасти от расхищения те богатства в научном отношении, которые еще не тронуты; надо внушить новому населению, чрез надлежащую власть, что памятники древности должны быть неприкосновенными; надо спешить зарегистрировать и изучить эти самые памятники — иначе безвозвратно погибнет этот богатейший материал для изучения жизни в былые времена» [39, с. 130–131].

Многочисленные данные о грабительских раскопках курганов в Южном Зауралье привел в 1905 году член комиссии Аничков. По его сведениям, в Кособродской станице, за Троицком, казаки разрыли курганы и нашли меч в 22 фута; «около Веринской станицы есть курган, который копали, дошли до толстого леса, но дальше не копали»; на реке Уе за Троицком около поселка Подгорного разрыт большой курган, в середине образовалась яма. В станице Наследницкой казаки разрыли курган и нашли в нем скелет в лежащем положении вниз лицом, около него меч, щит, 70 стрел; скелет был прикован медной цепью «к приколу». Раскопки остановил атаман. Около Андреевского поселка был курган; казаки разрыли и нашли золотой (или бронзовый) кувшин, который был закрыт крышкой; в кургане были зола и пепел. Казак Нижне-Увельской станицы нашел в поле каменную «бабу» и отбил у нее руку, за это пристав оштрафовал его на три рубля; после этого казак «бабу» закопал.

В трудах ОУАК за 1905 год можно найти и такое сообщение: «По поручению Архивной Комиссии г. Лысов отправился для осмотра курганов близ поселка Атаманского Наследницкой станицы. Из расспросов Н. П. Лысов узнал, что вокруг поселка Атаманского и в киргизской степи раскопано очень много курганов (около 50) с единственной целью добывания древесного угля» (цит. по [16, с. 16]). Многочисленные сведения о грабительских раскопках курганов в степном Зауралье дает и фундаментальная работа И. А. Кастанье.

В 1870 году в Екатеринбурге было создано Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), которое поставило себе целью комплексное изучение края. С созданием в 1879 году при нем археологического отдела исследования древностей приобрели целенаправленный характер. Помимо

И. Я. Словоцов

профессионалов (Д. И. Анучин, Н. А. Пономарев) в работу отдела были вовлечены любители естественных наук (О. Е. Клер, М. В. Малахов), учителя (А. А. Спицын, И. Я. Словоцов), писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, горный инженер Ю. Ф. Гебауэр. На одном из заседаний Московского археологического общества Д. Н. Мамин-Сибиряк изложил результаты своей поездки 1888 года по Южному Уралу, от Миасского завода до станицы Кидыш. Он, в частности, отметил, что «области оренбургского южного Урала можно назвать стороной могил и курганов, но здесь нет таких городищ и жилья около воды, как в среднем или северном Урале. Сохранились остатки исключительно кочевой культуры» [25, с. 95–103].

В 1880–1882 годах член Русского географического общества и УОЛЕ М. В. Малахов в поисках «чудских» рудников обследовал реку Багаряк. Он также ввел в научный оборот многочисленные данные, почерпнутые им из архивов Златоустовских горных заводов, о древних рудниках, открытых русскими горнопромышленниками XVIII века.

Иллюстрация из книги В. Я. Толмачева «Древности Восточного Урала». 1913 год

В. Я. Толмачев

Групповой снимок в Этнографическом отделе Харбинского музея по случаю посещения Музея археологом К. Кобаяси. 10 января 1933 года. Крайний правый в первом ряду В. Я. Толмачев. Из личного архива В. Е. Ларичева

В 1890 году Московское археологическое общество обратилось к УОЛЕ с просьбой о составлении археологической карты зауральских уездов Пермской губернии. Первая попытка ее составления была предпринята членами УОЛЕ еще в 1888 году. В дальнейшем эта работа была связана с именем В. Я. Толмачева (1879–1942). На рубеже XIX–XX веков он приступил к археологическому обследованию Зауралья и неоднократно проводил здесь разведку. Наиболее систематические обследования им проводились по рекам Синара, Караболка, Багаряк, Исеть.

В 1902 году вышла его статья «Городища и курганы в окрестностях города Шадринска Пермской губернии», в которой описаны шесть городищ и около десятка курганных групп по берегам Исети. В 1910 году В. Я. Толмачев проводил разведку в северо-восточных уездах Оренбургской губернии. В Челябинском уезде, в пределах современных Притобольского и Целинного районов Курганской области, им были открыты и обследованы 12 археологических памятников, в том числе Звериноголовской курган, Усть-Уйские и Кочердыкские курганы, курганы на западном берегу озера Маян, Каменогорское городище и селище «Чесноковская пашня» на Синаре. В опубликованной в 1913 году работе «Древности Восточного Урала» В. Я. Толмачев ввел в научный оборот уникальные материалы по древней истории Зауралья, в частности о знаменитом Сапоговском кладе бронзовых фигурок воинов и кладе медных птицевидных идолов с озер Большой и Малый Куяш.

Значительную помощь В. Я. Толмачеву в создании археологической карты оказал Ю. П. Аргентовский, выпускник Петербургского университета, уроженец города Шадринска (как, впрочем, и В. Я. Толмачев). Им лично или с его участием были открыты и обследованы многие археологические памятники (Прыговское городище и курганы, Ильтяковское и Ичкинское (Юлдус), Мурзинские городища, а также ряд курганных могильников). Характеризуя лесостепное Зауралье, Ю. П. Аргентовский писал: «Сравнительно мягкий климат, большие леса и прекрасная почва представляют все благоприятные условия для человеческого существования. И сотни лет назад весь этот край, пожалуй, заселен был так же густо, как и в наше время. Какая масса памятников может засвидетельствовать это! Незаметно притаившись по озерам и по речкам, охраняя даль минувшего, ждут они давно и терпеливо любознатель-

А. А. Спицын

В. Г. Дружинин

ного человека. Широкой полосой тянутся отсюда в Сибирь разнообразные курганы; по высоким берегам, на выдающихся мысах лежат остатки древних городищ, стоянки каменного, бронзового, железного веков...» [2, с. 3].

С конца XIX века территория лесостепного Зауралья стала рассматриваться как прародина угорских народов. Это обусловило работу здесь в 1893–1894 годах финляндской экспедиции А. Гейкеля. Среди собранных им материалов имеются зарисовки вещей раннего железного века, в частности бронзовой пластины в зверином стиле из Челябинского уезда, сосудов, костяных панцирных пластин, железного наконечника копья, удила из Замараевских курганов.

В 1892–1895 годах член Императорской археологической комиссии московский археолог В. Г. Дружинин исследовал городища Гусева Гора, Большое Наногское, Иртяшское II на озерах Наного и Иртяш. Близ деревни Муслюмовой Кунашакского района он раскопал два кургана и место, где были случайно найдены золотые вещи позднесарматского времени.

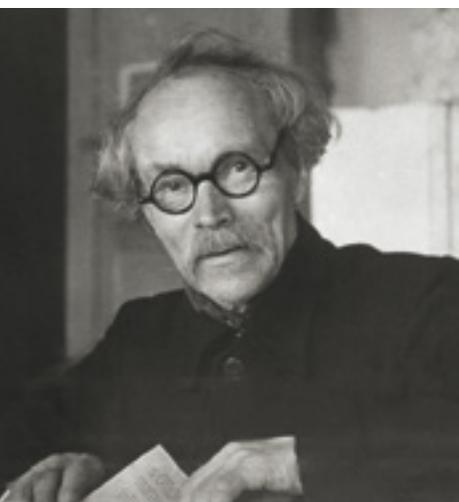
В конце XIX — начале XX века экспедиция под руководством А. А. Спицына и Д. Н. Анучина провела детальную разведку побережья озера Иртяш. Ею описаны городища Гусева Гора, Моськин Остров, Старая Займа, на полуострове Большая Галька, на мысу озера Большая Наного, в урочище Новая деревня, у Мокрой Ямы на озере Кызылташ.

В 1906–1911 годах систематические раскопки в окрестностях Челябинска производил чиновник переселенческого управления Н. К. Минко. Добытые им материалы, а вскрыто было 125–130 курганов в пределах 20–25 верст от Челябинска, неоднократно привлекались для различных историко-культурных и этнических построений. Долгое время это были единственные крупные исследования в южной лесостепи Зауралья. В окрестностях Челябинска в 1908 году производил раскопки и учитель Сухомесовской школы Челябинской станицы М. П. Чернокутов.

В тесном сотрудничестве с В. Я. Толмачевым в 1909 году началась археологическая деятельность одного из известных зауральских краеведов В. П. Бирюкова. В 1911 году он, еще будучи студентом, обследовал стоянку Татарский Бор у современной деревни Барсуково и предпринял попытку раскопать находящиеся там же курганы раннего железного века. В 1913 году

Н. К. Минко
на раскопках
курганов близ
Челябинска

В. П. Бирюков

М. И. Ростовцев

В. П. Бирюков описал Бакланский могильник и раскопал несколько древних курганов в пойме Исети у села Долговского. В 1910–1930 годах он производил раскопки и разведку в различных местах Зауралья. Им были открыты разнообразные археологические памятники по берегам Исети, Синары, Багряка, Миасса, Течи. В числе прочих памятников он обследовал гамаюнские и иткульские городища в окрестностях сел Багаряк и Зотино на реке Багаряк. После войны, в 1947 и 1949 годах, В. П. Бирюков, будучи уже в составе экспедиции Уральского университета, обследовал бассейны рек Синара и Багаряк.

Первым научным обобщением материалов по раннему железу Южного Урала явилась работа М. И. Ростовцева «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», вышедшая в 1918 году и фактически подытожившая исследования археологов дореволюционного периода. Курганы Оренбургского края (в том числе известные к этому времени материалы из Южного Зауралья) М. И. Ростовцев определил как сарматские. При этом исследователь видел в сарматах конных наездников иранского происхождения, сохранивших тесную связь со своей иранской родиной.

В начале 1920-х годов закончился первый период изучения археологических памятников Зауралья. Его с полным основанием можно назвать периодом накопления материалов и формирования на их основе первоначальных представлений о древностях Зауралья. По социальному происхождению и профессиональной принадлежности состав исследователей древней истории края в этот период был весьма пестрым: от мелких чиновников, священнослужителей до ученых различного профиля. Тем не менее они владели определенным методическим уровнем раскопок, отражавшим уровень развития археологической науки в целом. Характерной чертой многочисленных публикаций, появившихся в этот период, является выраженная описательность, отсутствие, за редким исключением, попыток анализа материалов и их обобщений. Следует также отметить, что преобладающая часть коллекций, полученных любителями-археологами из раскопок зауральских курганов в XIX веке, ныне утрачена, а материалы памятников так и не были включены в научный оборот. Наиболее значительный результат этого периода — появление первых сводов археологических памятников Тобольской, Оренбургской и Пермской губерний.

В середине 1920-х годов в изучении археологических памятников Зауралья начался новый период. Качественным отличием его от предыдущего периода явилась в первую очередь профессионализация самих раскопок. Археологические экспедиции возглавили центральные академические подразделения (Государственная академия истории материальной культуры), университеты и музеи Москвы и Ленинграда. Местную археологию представляли А. А. Берс, Ю. П. Аргентовский, Н. А. Рыжников и другие исследователи-профессионалы.

С. Н. Дурылин

С. Н. Дурылин
среди
сотрудников
Челябинского
музея

В 1924–1925 годах сотрудником Челябинского краеведческого музея С. Н. Дурылиным² раскопано более 20 курганов в окрестностях Челябинска. В одном из курганов у деревни Исаково им было исследовано погребение гороховской культуры. Позднее на основании материалов раскопок Н. К. Минко и своих собственных С. Н. Дурылин описал своеобразие и отличительные черты причелябинских погребальных памятников, связав курганы раннего железного века с пребыванием на этой территории кочевников.

В 1928 году Н. Н. Бортвин, возглавлявший Курганский отряд экспедиции Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), исследовал курган раннего железного века у деревни Вагиной (территория современного Белозерского района Курганской области), который он отнес к кругу сарматских древностей. Наиболее крупные стационарные работы на городищах раннего железного века, в том числе на мысу Толстик и Иртяшском городище, проведены в 1938 году московским археологом, уроженцем Тюмени П. А. Дмитриевым. Результатом его работ стало определение характера Иртяшского городища как ремесленного центра, специализировавшегося на выплавке и обработке металла, его датировка IV–III вв. до н. э. Курганы раннего железного века лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири он считал сарматскими. Основанием для такого вывода послужило сходство их инвентаря с материалами из сарматских погребений. В то же время П. А. Дмитриев замечал: «...другой вопрос — принадлежат ли они одной группе сарматского населения... Возможно, что в будущем удастся объединить в одну группу курганы Тюменского, Тобольского, Омского, Барабинского, а может быть, и некоторых других округов Зауралья, где как будто бы преобладает северная ориентировка покойников и находится приблизительно

П. А. Дмитриев

2

Сергей Николаевич Дурылин [14 (26) сентября 1886, Москва — 14 декабря 1954, Болшево] — русский педагог, богослов, литературовед, религиозный писатель и поэт. Арестован 20 июня 1922 года и после полугодичного пребывания в Бутырской и Владимирской тюрьмах сослан в Челябинск, где до 1924 года заведовал археологическим отделом Челябинского музея.

Б. Н. Граков

Б. Н. Граков и И. В. Яценко в 1945 году. Никопольское курганное поле

одинаковый могильный инвентарь» [8, с. 189]. Он первым обратил внимание на оригинальные жертвенные плиты с головой барана, во множестве найденные на территории лесостепного Зауралья. Он отнес их к скифо-сарматскому кругу памятников и датировал IV в. до н. э.

На основании систематических и широких исследований отдельных районов в 1930-е годы были сделаны первые в советское время исторические обобщения. Работа А. А. Берса «Прошлое Урала: С древнейших времен до русской колонизации» явилась попыткой по-новому осмыслить археологический материал, введенный в научный оборот еще М. В. Малаховым и И. Я. Словцовым. Он, в частности, выделил в Зауралье две новые культуры III–I тыс. до н. э.: шигирскую (западную, горноуральскую) и андреевскую (восточную, преимущественно лесостепную). Археологический материал с бассейна реки Тобол был обобщен Н. Н. Бортвиным в его работе «Доисторическое прошлое Курганского округа», вышедшей в 1930 году.

В начале 1930-х годов экспедицией ГАИМК под руководством известного археолога Б. Н. Гракова в степной зоне Южного Зауралья, в бассейне Урала, проведены широкомасштабные разведки. Необходимость их была связана с проектированием южноуральских гидроэлектростанций. Сотрудниками экспедиции Б. Н. Граковым, П. А. Дмитриевым и А. И. Тереножкиным в зонах затопления Губерлинской, Орской, Магнитогорской и Ириклинской плотин обследованы и учтены 838 погребальных сооружений в составе 168 курганных групп и могильников, пять открытых стоянок и две обитаемые пещеры.

В 1933 году на Южном Урале началась археологическая деятельность К. В. Сальникова (1900–1966). Выпускник Высших этнологических курсов в Самаре и историко-этнологического факультета МГУ, он, будучи сотрудником Челябинского областного краеведческого музея, в 1937 году совершил свою первую экспедицию в лесостепное Зауралье и начал работы на известном городище раннего железного века Чудаки (Гороховское). В последующие годы помимо многочисленных разведочных работ и раскопок памятников каменного и бронзового веков им были исследованы курганы гороховской культуры в Разбегаевском могильнике, у сел Ерохино, Елесина Яма. В 1959–1960 годах К. В. Сальников произвел беспрецедентные по тем временам раскопки Царева кургана на реке Тобол (ныне территория Кургана). Работал К. В. Сальников и в степной зоне Южного Зауралья. В 1949 году им, в частности, исследованы погребения савроматского и раннесарматского времени в курганах у сел Клястицкое и Таракановка, в могильнике Мало-Кизыльский I.

Многолетнее изучение городища Чудаки и ряда погребальных сооружений раннего железного века позволили К. В. Сальникову выделить для лесостепного Зауралья в раннем железном веке гороховскую культуру. Носителей этой культуры К. В. Сальников считал древними уграми и отмечал: «...есть основания предполагать, что древнеугорские племена лесостепи Зауралья были известны античным авторам под именем исседонов» [51, с. 124]. Им же была выделена и охарактеризована иткульская культура.

Дал К. В. Сальников и первые обобщающие характеристики раннего железного века степной зоны Южного Зауралья. Проанализировав немногочис-

ленные материалы из этого региона, он пришел к выводу, что на территории Челябинской области обитали племена «видимо, родственные, во всяком случае, близкие по культуре» скифам и сарматам Нижнего Поволжья, Заволжья и Южного Приуралья. Кроме того, «предметы материальной культуры в некоторых погребениях курганов Приуральских и Зауральских степей очень сходны с находками в скифских курганах основной Скифии. Таков, например, курган в поселке Черниговский, близ Магнитогорска. Это дает основание считать население степей Приуралья и Зауралья, оставивших нам такие курганы, теми скифами, о которых Геродот говорит как об отделившихся южных скифах» [49, с. 56–57].

Под научным руководством К. В. Сальникова в 1930–50-е годы проводились многочисленные разведочные работы в лесостепных и степных районах Южного Зауралья. Так, в 1937 году член Челябинского краеведческого общества студент техникума В. Королев проверил состояние городищ по рекам Караболка и Синара. Значительное число курганов в Кунашакском районе зарегистрировал в 1938 году краевед-любитель кузнец М. В. Можжерин. Аналогичную работу в Красноармейском районе вел другой краевед — колхозник С. Х. Хайрулин. В 1948 году В. П. Бирюков осуществлял разведку в районе Магнитогорска, в следующем году — по рекам Караболка, Синара и Багаряк. В 1951 году он возглавил отряд, производивший разведку по реке Миасс от села Тургояк до Челябинска.

Сотни новых археологических памятников были выявлены Н. П. Кипарисовой в 1950–1952 годах во время разведочных работ по рекам Уй, Увелька, Кидыш, Кабанка, Теча и др. Ею были доисследованы разрушающиеся курганы у сел Бирюковка и Клястицкое. В 1950–1952 годах разведочные работы

К. В. Сальников

К. В. Сальников (второй справа в первом ряду) на раскопках стоянки Кысы-Куль. 1937 год

Е. М. Берс

по реке Урал от Верхнеуральска до поселка Кизильский, рекам Малый и Большой Кизил, Янгелька вела В. И. Фомина [50, с. 200–204].

С 1943 по 1959 год сотрудница Уральского университета Е. М. Берс в горнолесном и лесостепном Зауралье исследовала значительное число памятников возрастом от эпохи камня до Средневековья. На основе систематизации старых и изучения новых материалов ею была создана археологическая карта Среднего Зауралья, опубликован каталог коллекции Свердловского областного краеведческого музея и сделан ряд научно-популярных экскурсов. Е. М. Берс разработала и периодизацию археологических культур лесостепного Зауралья от неолита до Средневековья, выделив новые культуры — гамаюнскую, исетскую, петрогромскую.

В конце 1950-х годов завершился второй этап исследования памятников раннего железа в лесостепном и степном Зауралье. За это время намного увеличилось количество археологических источников, улучшилось их качество. Основным существенным отличием этого этапа от предшествующего явилось формирование первоначальных представлений об эпохе с выделением ряда археологических культур (гамаюнской, гороховской, иткульской). Такое положение стало возможным благодаря появлению местных археологов-профессионалов, которые, соотнеся выделенные ими культуры с общей канвой древностей сопредельных территорий, создали хронологию и периодизацию археологических древностей Зауралья.

Однако ученые этого периода, работавшие, по существу, в одиночку, не могли охватить в своей деятельности ни всю территорию Южного Зауралья, ни все проблемы эпохи раннего железа. Отсюда неравномерность изучения Южного Зауралья в территориальном и хронологическом плане, лакуны в знаниях. Малочисленность же фактического материала привела к недостаточной обоснованности выдвигаемых суждений, которые обычно строились на широких аналогиях с малой степенью вероятности.

Следующий, третий этап археологического изучения региона связан с образованием крупных региональных научных центров и постоянно действующих местных археологических экспедиций.

С 1961 года в исследование памятников древней истории Зауралья активно включились отряды Уральской археологической экспедиции Уральского университета, которую долгие годы возглавлял талантливый ученый и организатор В. Ф. Генинг. Сотрудники экспедиции В. Е. Стоянов, В. Т. Юровская (Ковалева), В. Т. Петрин, Н. В. Варанкин, А. Г. Дегтярев, Т. Г. Гашева, Т. Г. Бушуева, М. М. Чеснокова, В. Н. Фролов, А. Г. Ширяев, В. И. Неживых, В. В. Евдокимов, Г. Б. Зданович и многие другие в 1960–70-е годы открыли и обследовали заново сотни археологических памятников различных эпох. Многолетние исследования памятников раннего железного века лесостепного Зауралья были обобщены В. Е. Стояновым в диссертации «Ранний железный век Западносибирской лесостепи». Он сформулировал основные положения о территории, времени существования и развития культур, которые до сих пор, с некоторыми изменениями и уточнениями, являются основными ориентирами в изучении раннего железного века лесостепного Зауралья.

В. Ф. Генинг

В. С. Стоколос

Археологи Уральского государственного университета. 1966 год. Первый ряд, слева направо: В. Е. Стоянов, Б. Б. Овчинникова, Л. П. Шорикова, Е. М. Шилина (Мырсина), В. Ф. Генинг; второй ряд, слева направо: В. В. Евдокимов, Г. Б. Зданович, М. К. Болотов

Л. Н. Корякова

Г. И. Матвеева

В. А. Борзунов

В середине 1960-х годов в Кургане на базе местного педагогического института и краеведческого музея под руководством Т. М. Потемкиной была организована лаборатория археологических исследований, занимавшаяся в основном проблемами эпохи бронзы. Экспедицией лаборатории наряду с памятниками эпохи бронзы раскапывались и курганы раннего железного века у сел Раскатиха, Язево, Шикаевка.

Уникальные данные о культурах кочевников степной зоны Зауралья были получены в результате работ В. С. Стоколоса и Г. И. Матвеевой (курган у села Варна, Бобровский могильник).

Результаты исследований 1960-х — начала 1970-х годов до сих пор используются при построении многих схем развития культур раннего железа и, несмотря на значительное прибавление фактического материала, в основе своей не пересматривались.

К настоящему времени сложилось несколько центров археологического изучения Южного Урала, в том числе Южного Зауралья, и лесостепи Западной Сибири. Археологи из Екатеринбурга (Уральский государственный университет, Институт истории и археологии УрО РАН), несмотря на широкомасштабные исследования на севере Западной Сибири, продолжают изучение и раннего железного века лесостепи Зауралья и Западной Сибири. Л. Н. Коряковой охарактеризована саргатская культура, дана общая схема развития населения лесостепи Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке.

В работах В. А. Борзунова дана всесторонняя характеристика гамаюнской культуры. Становление и развитие иткульской металлургии и металлообработки — главная тема исследований Г. В. Бельтиковой. Поднимаются вопросы антропологии древнего населения Южного Зауралья, развития гончарных традиций, скотоводства лесостепных зауральских племен и т. п.

А. Г. Гаврилюк

С. Г. Боталов

М. К. Хабдулина

С. Ю. Гуцалов

Г. В. Бельтикова

А. Х. Пшеничнюк

Со второй половины 1970-х годов к изучению раннего железного века Западной Сибири подключились археологи Тюменского государственного университета, а позднее и Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН. В ряде монографических исследований Н. П. Матвеева дает не только полную характеристику саргатской и гороховской культур, но и характеризует социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Антропология населения Западной Сибири этого времени детально исследована А. Н. Багашевым.

С открытием в 1976 году Челябинского государственного университета возобновились широкие археологические исследования в степной зоне Южного Зауралья. Сотрудниками Урало-Казахстанской археологической экспедиции университета (с конца 1990-х годов — Комплексная археолого-этнографическая экспедиция Челябинского государственного университета и центра «Аркаим»), а с конца 90-х — начала 2000-х годов — Археологического научного центра, Южноуральского филиала Института истории и археологии УрО РАН и Южно-Уральского государственного университета — М. К. Хабдулиной, А. Д. Таировым, С. Г. Боталовым, А. Г. Гаврилюком, С. Ю. Гуцаловым, Т. С. Малютиной, И. В. Ульяновым и многими другими — раскопаны десятки памятников ранних кочевников в степной и лесостепной зонах Южного Зауралья. Среди них курганы могильника Обручевский, Варненские, Кичигино I, Иртяш-14, Кумкуль. Полученные материалы позволили перейти на качественно новый уровень исследований и создать систематическую историю населения степного Зауралья в эпоху раннего железа.

Полевые работы на памятниках раннего железного века Башкирии, проведенные в 1960–70-е годы уфимскими археологами, позволили А. Х. Пшеничнюку создать схему этнокультурного развития ранних кочевников Южного Урала, наметить основные проблемы их истории. Исследования памятников раннего железа лесостепной и степной части Зауральской Башкирии были продолжены И. М. Акбулатовым, Р. Б. Исмагиловым (Р. Исмагилом), Н. С. Савельевым, В. Н. Васильевым, В. К. Федоровым и др.

Богатейший материал по ранним кочевникам Южного Зауралья получен в ходе работ археологической экспедиции Орского краеведческого музея под руководством С. Н. Заседателевой и О. Ф. Бытковского.

Цикличность истории ранних кочевников

Таким образом, в настоящее время ранний железный век является одной из наиболее исследованных эпох древней истории Южного Зауралья. Однако, несмотря на несомненные успехи в его изучении, по-прежнему остается множество нерешенных вопросов.

В эпоху поздней Древности и в Средневековье в степях Евразии отмечались неоднократные этнокультурные трансформации, генератором которых выступали номады Внутренней Азии — пространства от Алтая до Тибета и от Хингана до Памира. В I тысячелетии до н. э. кочевой мир этого субрегиона был слабо подвержен влиянию со стороны китайской цивилизации, где еще не возникло единое централизованное государство. Это дает нам возможность построить модель этнокультурных трансформаций без учета влияния внешнего по отношению к кочевым обществам политического фактора.

С переходом населения Внутренней Азии к полукочевому и кочевому скотоводству в полной мере проявилась его зависимость от природных условий, в частности от изменений климата. Благоприятные для скотоводства климатические условия приводили к увеличению демографической емкости территории. С ухудшением же условий, вызванных прежде всего аридизацией, возникала относительная перенаселенность, что приводило к оттоку населения за пределы Внутренней Азии. Следствием этого являлось снижение плотности населения в данном регионе и выход его на новый уровень равновесия с окружающей средой. Таким образом, история номадов Внутренней Азии носит циклический характер. Это — демографические циклы.

Значительную роль в глобальных изменениях климата играет солнечная активность, проявления которой связывают с солнечными циклами различной периодичности. Среди них достаточно хорошо прослеживается вековой, точнее, квазивековой цикл (около ста лет), который определяет глобальный вековой климатический ритм. С ним хорошо согласуется вековой цикл развития природы и общества. Этот цикл обуславливал периодические квазивековые оттоки кочевого населения из Внутренней Азии, которые в силу географических особенностей региона были направлены в Алтае-Саянскую горную страну и степи к западу от нее.

Отток мог иметь различный характер: миграция, инфильтрация или переселение. Под миграцией следует понимать перемещение относительно большой группы людей в сравнительно короткий промежуток времени, в отличие от инфильтрации — передвижения небольшой группы или отдельных лиц в короткий промежуток времени, и переселения — растянутого во времени передвижения группы людей на новую территорию.

Миграции, как представляется, можно разделить на локальные, региональные и глобальные. Локальные миграции (традиционные и экстраординарные) — это перемещения населения в пределах историко-культурного региона, границы которого определялись его природными условиями. Традиционные миграции обусловлены естественно-географическими особенностями и являются формой хозяйственного использования ресурсов региона. Экстраординарные миграции вызывались повторяющимися в той

Миграция — перемещения людей, связанные со сменой места жительства. Люди, совершающие миграцию, называются *мигрантами*.

или иной части региона неблагоприятными климатическими условиями в отдельные сезоны года. Это угрожало потерей скота в результате пастбищной бескормицы или эпизоотиями и принуждало население к изменению традиционных маршрутов кочевания. Следует подчеркнуть, что достаточно часто экстраординарные локальные миграции определялись социально-экономическими и политическими причинами. Изредка они могли быть направлены и за пределы историко-культурного региона. Как представляется, именно локальные миграции приводили к формированию культурного и этнического единства населения в пределах определенных территорий. Археологическим выражением этого единства являются близость погребального обряда и материальной культуры на определенной географически обусловленной территории. Такую близость принято обозначать как культурно-исторические или историко-этнографические общности.

Региональные миграции кочевого населения — передвижения значительных масс людей за пределы ранее обжитого региона. Направлены они были в первую очередь в близкие по природным условиям районы, в которых наступление аридных эпох отставало по времени, либо интенсивность протекавших там процессов аридизации была менее выражена. Это позволяло сохранить традиционные формы скотоводческого хозяйства, слегка видоизменив их. Лишь в исключительных случаях миграции этого типа были направлены в районы с отличными от привычных природными условиями, что приводило к кардинальной перестройке всей хозяйственной деятельности.

Приход мигрантов на новые территории приводил либо к вытеснению местного населения, либо к смешению с ним, либо, что, очевидно, было гораздо чаще — к вытеснению одной части местного населения и к смешению с другой, оставшейся на месте. Естественно, конкретный сценарий взаимоотношений пришельцев и аборигенов зависел от множества трудно уловимых в настоящее время условий. Однако появление в том или ином регионе пришельцев и включение их в систему традиционных и экстраординарных локальных миграций местного населения вело к быстрому формированию новых синкретичных стереотипов культуры у всего населения. Археологически эти изменения фиксируются как смена культур или их этапов, продолжительность которых соответствует вековому циклу.

В случае вытеснения достаточно большого количества аборигенного населения региональная миграция имела тенденцию к перерастанию в глобальную. Под глобальной миграцией следует понимать перемещение относительно больших групп людей, охватывающее последовательно (по «принципу домино») несколько крупных регионов. По большому счету, любая глобальная миграция возникает первоначально как региональная. Глобальная миграция, в отличие от региональной, приводит к кардинальным изменениям этнокультурной ситуации либо в нескольких соседствующих регионах степной Евразии, либо во всем евразийском поясе степей. Здесь уместно привести выдержку из трактата Марвази «Табаи ал-хайаван» (начало XII века): «Среди них (тюрок) есть группа племен, которые называются кун, они прибыли из Кытай, боясь Кыта-хан. Они были христиане-несториане. Свои округа они

покинули из-за тесноты пастбищ... За кунами последовал (или: их преследовал) народ, который называется каи. они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Куны переселились на землю шаров, а шары переселились на землю туркменов. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Черного) моря» (цит. по [17, с. 133]).

Археологическим выражением миграций этого вида является достаточно резкая одновременная, но не обязательно однонаправленная, трансформация погребального обряда и материальной культуры в нескольких соседних регионах. Трансформация этого типа находит отражение в смене культурно-хронологических горизонтов, охватывающих значительные территории степной Евразии (Тува, Алтай, Казахстан, Южный Урал, Нижнее Поволжье, Северное Причерноморье)³.

Отсюда, на наш взгляд, следует вывод о том, что периоды резкой перестройки культур населения степной Евразии происходят синхронно и связаны с глобальными квазивековыми ритмами изменений климата, обусловленными соответствующими циклами солнечной активности. В азиатской части степной Евразии для I тысячелетия до н. э. можно выделить несколько культурно-хронологических горизонтов мощностью около ста лет, датировка которых в настоящее время нам представляется следующим образом: вторая половина VIII — первая половина VII века до н. э. (шиликтинский); вторая половина VII — середина VI века до н. э. (аржано-кичигинский). Около середины VI века до н. э. в азиатских степях происходит коренная перестройка всей свиты (или формации) культур раннесакского времени. Формируется новая свита (формация) культур сакского времени, которая, очевидно, тоже разделяется на ряд культурно-хронологических горизонтов: вторая половина VI — третья четверть V века до н. э.; последняя четверть V — третья четверть IV века до н. э. (филипповский); последняя четверть IV — середина (?) III века до н. э.; вторая половина (?) III — середина II века до н. э. Изменение этнополитической ситуации в восточной части степного пояса в первой половине II века до н. э. приводит к формированию новой свиты культур гунно-сарматского времени в азиатской части степной Евразии.

Как уже отмечалось, в силу географических особенностей региона отток кочевого населения из Внутренней Азии был направлен в большинстве случаев прежде всего в Алтае-Саянскую горную страну. Поэтому трансформация стереотипов культуры начиналась здесь чуть раньше, чем в остальных регионах степной Евразии. Последнее обстоятельство может послужить основанием для представлений о переселении кочевников Саяно-Алтая на запад и трансформации культур населения степей Центральной Евразии под их влиянием. Однако, как представляется, близость материальной культуры и отчасти погребальной обрядности кочевников степей Евразии и Саяно-Алтая вызывалась прежде всего близостью культуры выходцев из Внутренней Азии.

3

О культурно-хронологических горизонтах применительно к памятникам ранних кочевников и культурных маркерах см. [59, с. 43–52; 60, с. 309–312].

Квазивековой — от *квази...* + *вековой*. Квази... — приставка, соответствующая по значению словам «мнимый», «ненастоящий» или словам «почти», «близко».

Движение на запад осуществлялось через урало-казахстанские степи, которые отгорожены от Внутренней Азии почти непрерывной цепью хребтов, разделенных двумя основными проходами — долиной Иртыша и Джунгарскими Воротами. Пройдя через них, кочевники устремлялись на Запад южным путем — через Семиречье (Жетису) и Среднюю Сырдарью на Нижнюю Сырдарью, далее через Южный Урал в заволжские степи.

В случае, если геополитическая ситуация не позволяланомадам Внутренней Азии двигаться на запад через Семиречье (Жетису) и Приаралье (южный путь), переселение шло сначала на северо-запад — вдоль западных и северо-западных предгорий Алтая в Обь-Иртышское междуречье. Далее переселенцы, осваивая Тоболо-Ишимо-Иртышское междуречье (Северный и Центральный Казахстан), выходили в Южное Зауралье и Приуралье. Отсюда, если позволяла обстановка, они двигались в Волго-Уральское междуречье и далее в волго-донские степи до Предкавказья.

В I тысячелетии до н. э. миграции и переселения кочевников на Запад проходили в основном южным путем. Северный был задействован, вероятно, лишь однажды — в конце VIII или на рубеже VIII–VII веков до н. э. Преимущественное использование южного пути было обусловлено, очевидно, наличием в степях Северного и Центрального Казахстана и / или в зауральско-западносибирской лесостепи достаточно мощных кочевых или полукочевых объединений, которые не допускали массовых переселений через контролируемые ими территории. В последующей истории по северному пути шло расселение кыпчаков и калмыков.

И последнее. Глобальные миграции и вызванные ими переселения, зародившиеся во Внутренней Азии, затрагивали не только азиатскую часть евразийских степей, отголоски их в виде «импульсов из восточной зоны евразийских степей» достаточно отчетливо фиксируются и в восточноевропейской степи (см., например, [1, с. 179, 184, 190; 6, с. 149, 150]), что подтверждают новейшие палеогенетические исследования [64].

Периодизации истории ранних кочевников Южного Зауралья

Вопрос о датировке погребальных памятников ранних кочевников Южного Зауралья достаточно сложен. Отсутствие письменных источников и надежно датированных импортных изделий делает датировку «по аналогиям» единственным основанием для установления их хронологических позиций⁴.

Для датировки погребений раннесакского времени (VIII–VI вв. до н. э.) в качестве аналогов привлекаются главным образом материалы памятников Северо-Западного Китая, Саяно-Алтая, Казахстана и особенно Приаралья. Основой же для датировки комплексов последующего времени служат прежде всего аналоги из памятников Северного Кавказа и Предкавказья, степи и лесостепи Восточной Европы.

Анализ накопленных за последние годы материалов о ранних кочевниках азиатской части степной Евразии, Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, а также лесостепи и степи Восточной Европы, позволяет предложить следующую

4

О датировке «по аналогиям» см. [27, с. 173–177; 28, с. 185–190].

Культурно-хронологический горизонт азиатских степей	Хронологические рамки	Время		Археологическая культура	Этап истории ранних кочевников степной зоны Южного Зауралья (этап культуры)
шиликтинский	вторая половина VIII – первая половина VII в. до н. э.	раннесакское		бобровско-тасмолинская	варненский
аржано-кичигинский	вторая половина VII – середина VI в. до н. э.				бобровский
?	вторая половина VI – третья четверть V в. до н. э.	савроматское	савромато-сарматское	зауральский вариант прохоровской	обручевский (древне-прохоровский)
филипповский	последняя четверть V – третья четверть IV в. до н. э.	сарматское			переволочанский (ранне-прохоровский)
?	последняя четверть IV – середина (?) III в. до н. э.				?
?	вторая половина (?) III – середина II в. до н. э.				солнцевский
?	вторая половина II – конец I в. до н. э.	гунно-сарматское			стрелецкий

Периодизация истории ранних кочевников степной зоны Южного Зауралья

щую периодизацию истории населения раннего железного века степной зоны Южного Зауралья, согласовав ее с общей периодизацией развития кочевников азиатских степей (см. таблицу).

Раннесакское время в степи Южного Зауралья (вторая половина VIII — середина VI в. до н. э.) соответствует свите (или формации) культур раннесакского времени в азиатской части степной Евразии, состоящей из двух культурно-хронологических горизонтов — шиликтинского (вторая половина VIII — первая половина VII в. до н. э.) и аржано-кичигинского (вторая половина VII — середина VI в. до н. э.). Ранее памятники этого времени из южно-зауральских степей включались в бобровско-тасмолинскую археологическую культуру, в развитии которой выделялись два этапа — варненский и бобровский⁵, соответствующие первым двум этапам истории ранних кочевников региона.

С учетом уже устоявшегося в археологии представления о культурно-хронологических схемах истории ранних кочевников Южного Урала следующая эпоха определяется как савромато-сарматское время (вторая половина VI — середина II в. до н. э.). Оно соответствует свите (формации) культур сакского времени в азиатских степях. Ранее памятники этого времени

5

Здесь и далее названия даны по наиболее ярким археологическим памятникам в рамках того или иного этапа.

в зауральской степи включались в зауральский вариант прохоровской (раннесарматской) археологической культуры Южного Урала, в развитии которого выделялись два этапа — древнепрохоровский и раннепрохоровский, охватывающие вторую половину VI — IV век до н. э. В настоящее время в развитии зауральского варианта прохоровской (раннесарматской) археологической культуры, а также в истории ранних кочевников степи Южного Зауралья второй половины VI — середины II века до н. э. целесообразно выделять четыре этапа, соответствующие четырем культурно-хронологическим горизонтам свиты культур сакского времени азиатских степей. Предварительно эти этапы могут быть определены как обручевский (вторая половина VI — третья четверть V в. до н. э.), переволочанский (последняя четверть V — третья четверть IV в. до н. э.). Для этапа, приходящегося на последнюю четверть IV — середину (?) III в. до н. э., пока нет названия; этап, ограниченный второй половиной (?) III — серединой II в. до н. э., предлагается именовать «солнцевским».

Как уже отмечалось, изменение этнополитической ситуации в восточной части степного пояса в первой половине II века до н. э. привело к формированию новой свиты культур гунно-сарматского времени в азиатской части степной Евразии. В степи Южного Зауралья первый этап истории кочевников этого времени получил наименование «стрелецкий».

Хозяйство ранних кочевников Южного Зауралья

В раннем железном веке в Южном Зауралье сосуществовали две основные формы хозяйства: кочевое скотоводство (номадизм) — в степной, лесостепной и степной предгорной зонах; мясная промысловая охота на крупных копытных — в горнолесной. Однако основным, определяющим являлось кочевое скотоводство, или номадизм.

С хозяйственной стороны кочевое скотоводство (номадизм) можно определить как особый вид производящей экономики, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, связанное с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму. Все население или его большая часть вовлечена в регулярные периодические перекочевки в пределах определенных пастбищных территорий или между ними. Несмотря на то что при номадизме скотоводство составляет основу хозяйственной деятельности и доставляет главные средства существования, оно не исключает и других видов деятельности. В качестве основных форм скотоводческого хозяйства выделяются две — кочевое и полукочевое скотоводство. В Южном Зауралье кочевое скотоводство являлось основой хозяйственной деятельности населения степной и южной лесостепной зон. Полукочевое скотоводство практиковали племена, обитавшие в северной лесостепной и степной предгорной зонах.

Кочевое скотоводство в своих чистых проявлениях характеризуется отсутствием долговременных поселений и земледелия даже в качестве вспомогательного занятия. Полукочевое — наличием долговременных поселений и тем, что хотя экстенсивное скотоводство с периодической сменой пастбищ на протяжении всего года или большей его части является преобладающим

занятием, оно дополняется иными родами хозяйственной деятельности в качестве второстепенных и вспомогательных.

Кочевой тип хозяйственной деятельности во всех его вариантах являлся своеобразной формой адаптации человека к специфическим условиям среды обитания. В природно-климатических условиях евразийских степей, полупустынь и пустынь, в том числе и в степях Южного Урала кочевое хозяйство являлось в докапиталистическую эпоху единственно возможным и экономически оправданным. К тому же данный тип хозяйства был наиболее рациональным и наиболее полно соответствовал природно-климатическим условиям при существующем на то время уровне развития производительных сил.

Как подчеркивает Н. Э. Масанов, «никакая иная форма или режим хозяйствования не могли предложить сколь-нибудь реалистичной альтернативы освоению огромных пространств Евразийского умеренного пояса» [29, с. 27]. Вследствие этого нomaдизм в евразийских степях, полупустынях и пустынях, сложившийся в конце эпохи бронзы, просуществовал кое-где без значительных изменений вплоть до конца XIX — начала XX века.

Специфика экстенсивной кочевой экономики, которая мало менялась с течением времени, и экологически сходные условия, которые приводят к выработке однотипных форм кочевого хозяйства, позволяют привлекать данные по кочевым в недавнем прошлом народам для реконструкции хозяйства, культуры, социально-экономических структур древних нomaдов евразийских степей, полупустынь и пустынь. Наибольший интерес в плане реконструкции хозяйства ранних кочевников степей Южного Урала представляет кочевое общество казахов XVIII — начала XX века, различные аспекты хозяйства, материальной культуры и социальной организации которого исследованы достаточно полно.

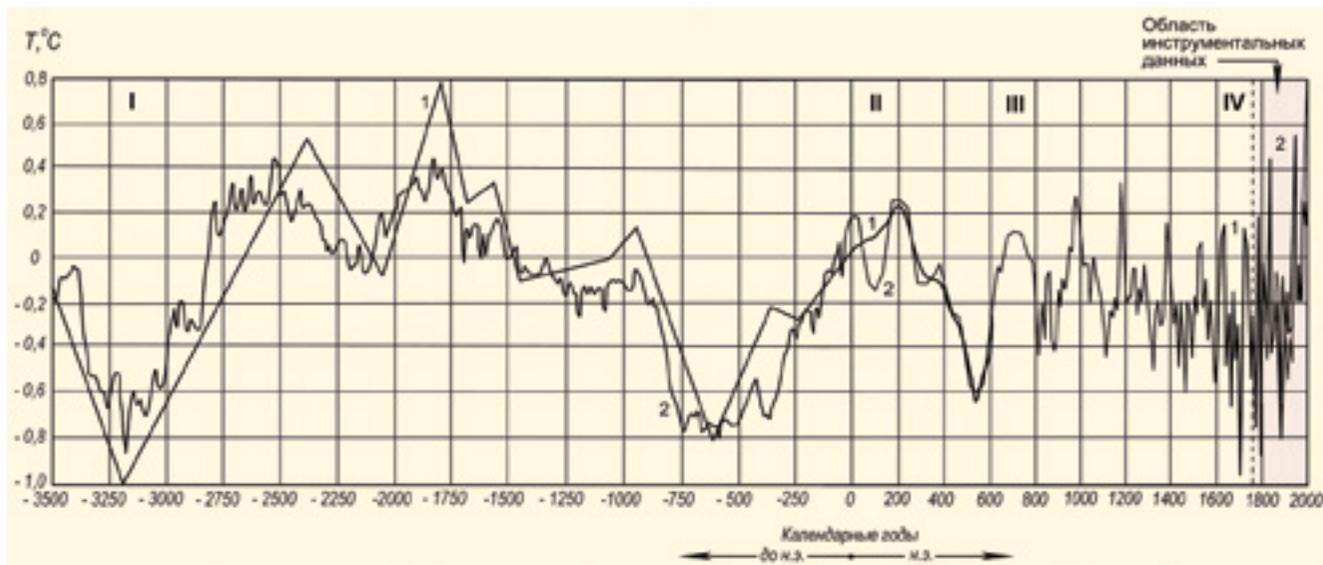
При привлечении исторических и этнографических данных необходимо учитывать то, что они в большинстве своем относятся ко второй половине XIX — началу XX века. Однако уже с середины XVIII века начинается постепенно усиливающийся процесс оседания казахов-кочевников, что в значительной мере было связано с присоединением Казахстана к России. Вызван он был как внутренними, происходящими внутри казахского общества, так и внешними обстоятельствами. Развитие оседлости шло по пути сокращения радиуса кочевания и перехода к полукочевому хозяйству. Причем, и это следует подчеркнуть, оседание первоначально происходило главным образом в северных степных районах, на территориях, примыкавших к русским пограничным линиям, то есть в районах прежних летних пастбищ. Отсюда и многочисленные упоминания зимних пастбищ степной зоны Казахстана в источниках XIX — начала XX века. В этих источниках зачастую дается характеристика казахского скотоводческого хозяйства без разделения на кочевое и полукочевое, что, впрочем, можно сказать и о некоторых современных исследованиях. Однако надо помнить, что если в XVIII — начале XIX века не менее 80 % основного населения Казахстана представляло собой «чистых кочевников», то есть не имело стационарных поселений и кочевало в течение всего года, то во второй половине XIX — начале XX века традиционный кочевой образ жизни вело лишь около четверти всего населения Казахстана.

Наиболее распространенным типом хозяйства у казахов того времени было полукочевое скотоводство. Для него характерны стационарные поселения и пастбищно-стойловая система содержания скота — в течение весны, лета, осени и частично зимы скот содержался на подножном корму. Причем дальше 60–70 верст не кочевали даже самые богатые хозяйства, обычно же кочевание ограничивалось 15–20 верстами. В неблагоприятное зимнее время домашних животных оставляли в стойлах и кормили сеном. Сенокосение, таким образом, было одним из существенных признаков казахского полукочевого скотоводческого хозяйства. Заготовка травы на зиму, правда, в мизерных количествах — «буквально в виде отдельных клочков сухой травы», всегда бытовала у кочевников-скотоводов. Большее развитие сенокосение получило в Восточном Казахстане, в Семиречье и ряде других районов, где преобладало полукочевое скотоводство. Однако в степной зоне Казахстана у полукочевых казахов широкое распространение сенокосение получило лишь во второй половине XIX века, и в значительной степени было заимствовано у переселенцев из Европейской России, главным образом у крестьян.

Другим важным признаком полукочевого скотоводства является занятие в той или иной степени земледелием. Первоначально земледелием начинали заниматься бедняки, и только позднее к нему переходила и достаточно зажиточная часть населения. Для полукочевого скотоводческого хозяйства казахов характерно также наличие постоянного жилища на зимовках — от землянок и полуземлянок до домов из дерева, саманного кирпича и камня. Здесь следует подчеркнуть, что в северной половине Казахстана первые постоянные зимние жилища появились в конце XVIII — начале XIX века. Строили их главным образом оставшиеся на севере обедневшие, лишившиеся скота бедняки — егенши. С середины XIX века сооружение долговременных зимних жилищ в окраинных районах степи близ русских пограничных линий стало приобретать массовый характер. Однако вплоть до конца XIX века у казахских скотоводов абсолютно преобладал временный тип поселений, представленный стоянками и сезонными стойбищами, основой формирования которых являлись разборные жилища (юрта, шалаш) и передвижные (неразборные) жилища на повозках, а также переносные разборные загоны для скота.

В связи с развитием сенокосения и земледелия происходят и изменения в составе стада. В отличие от кочевников у полукочевников значительное место в нем занимает крупный рогатый скот. Так, в начале XX века в стаде у постоянных кочевников Атбасарского уезда было свыше 76 % овец и коз, только 1,6 % крупного рогатого скота, 12,6 % лошадей и 9,2 % верблюдов. В то же время у полукочевников района реки Ишим овец и коз было около 55 %, крупного рогатого скота — 16,8 %, то есть в десять раз больше, лошадей — 26 % и только 2,2% верблюдов.

Среди внешних причин, ведущих к оседанию кочевников и переходу их к полукочевому хозяйству, следует выделить сужение пастбищных пространств, прежде всего за счет сокращения летних пастбищ, первоначально в результате строительства пограничных укрепленных линий, организации сети проникающих в глубь степей опорных баз как в виде укрепленных фор-

Изменение среднегодовой температуры Северного полушария в 3500 г. до н. э. — 2000 г. н. э.:

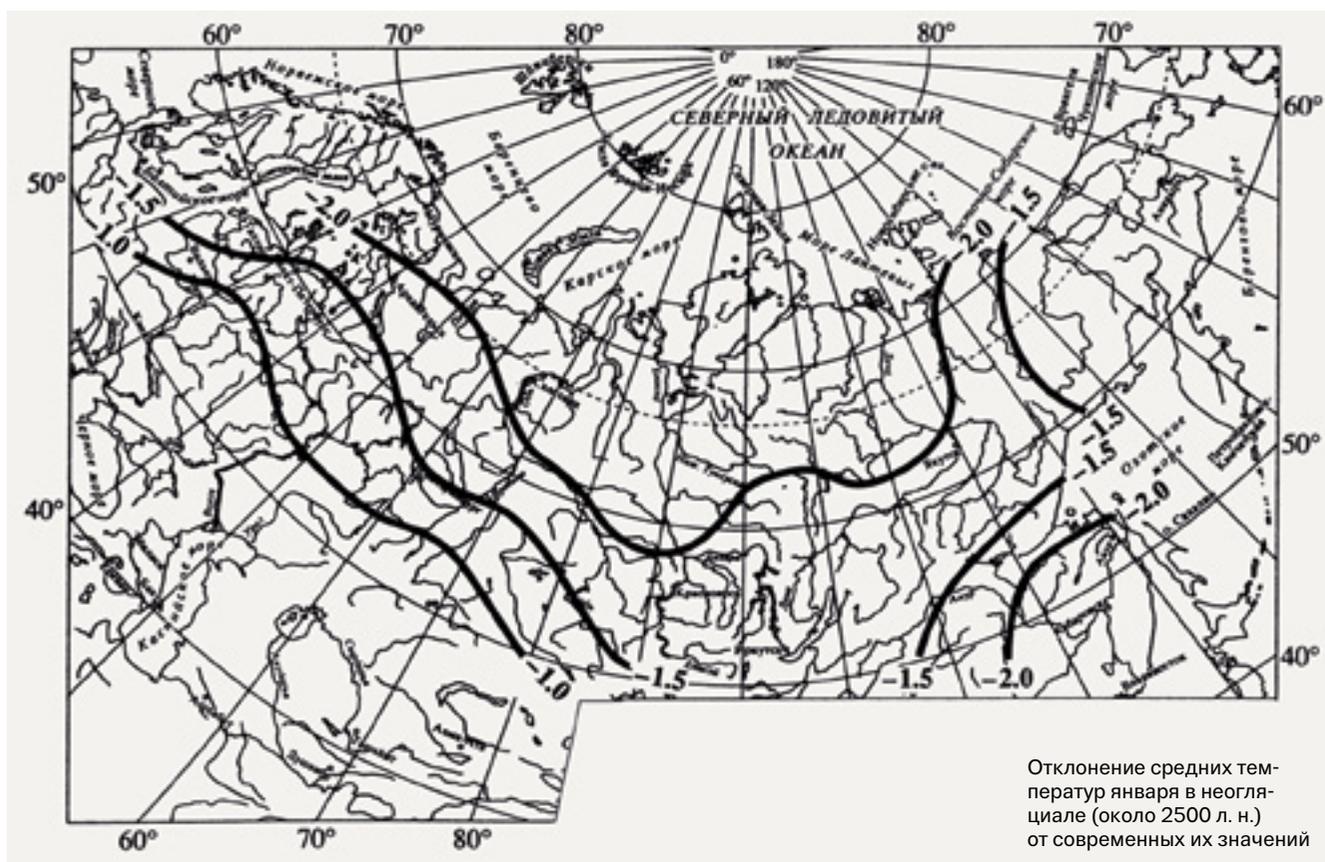
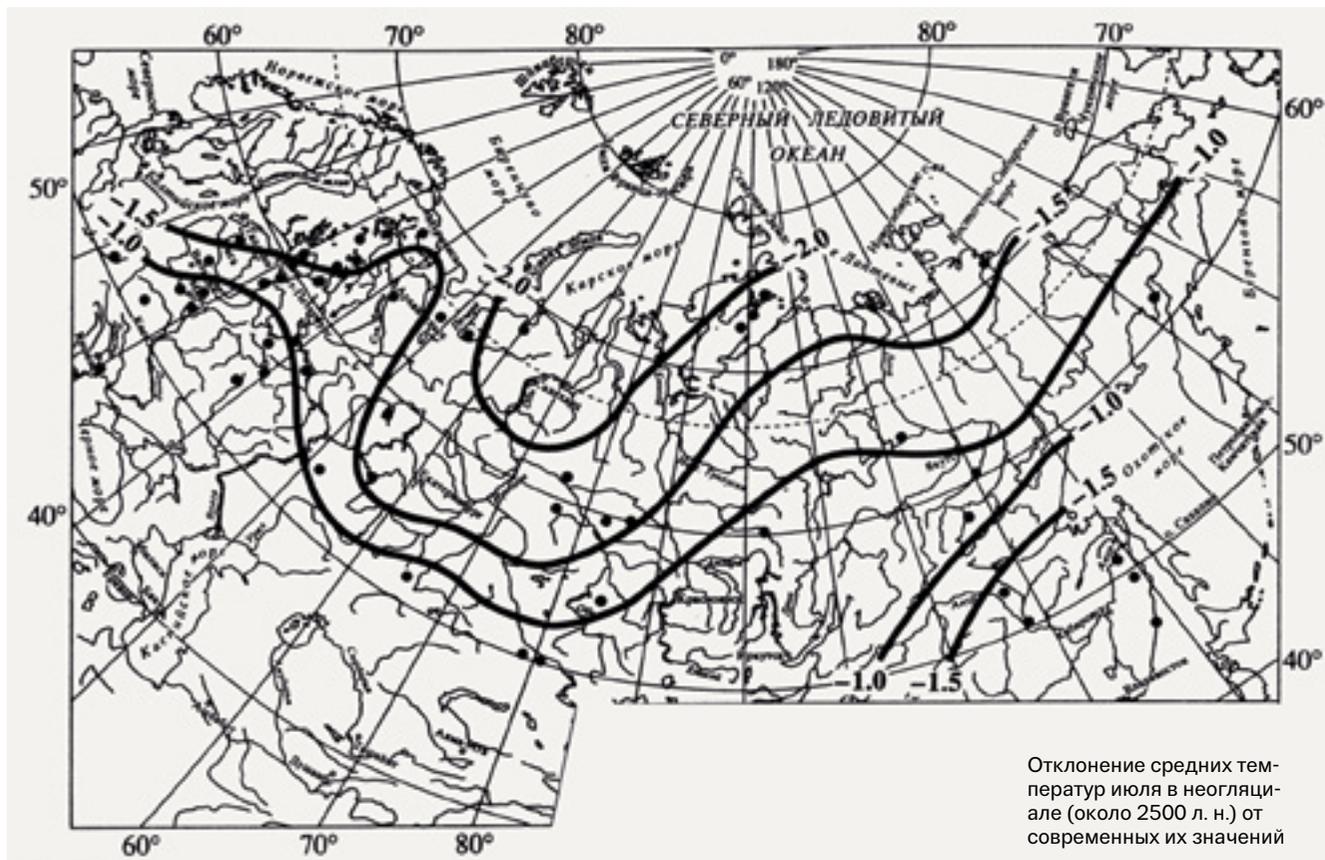
I — реконструкция (1) и модельные расчеты (2) среднегодовой температуры Северного полушария в IV–I тыс. до н. э. Модельные температуры представляют собой сглаженные 11-летние значения. Температура отсчитана в разности от средней за 1951–1980 гг. величины. Модельные температуры представляют собой сглаженные 11-летние значения; II — реконструкция среднегодовой температуры Северного полушария в I–VI вв. н. э. 1 — данные В. В. Клименко с соавторами, пересчитанные из радиоуглеродной в календарную шкалу времени; 2 — детализированные данные. Температура отсчитана в разности от средней за 1951–1980 гг. величины; III — реконструкция среднегодовой температуры Северного полушария в VII–XVI вв. Температура отсчитана в разности от средней за 1951–1980 гг. величины. IV — отклонения средней годовой температуры воздуха (1) от современных значений и их сравнение с инструментальными данными (2) для территории Русской равнины (осредненное по 10-летиям) для XVII–XX вв.

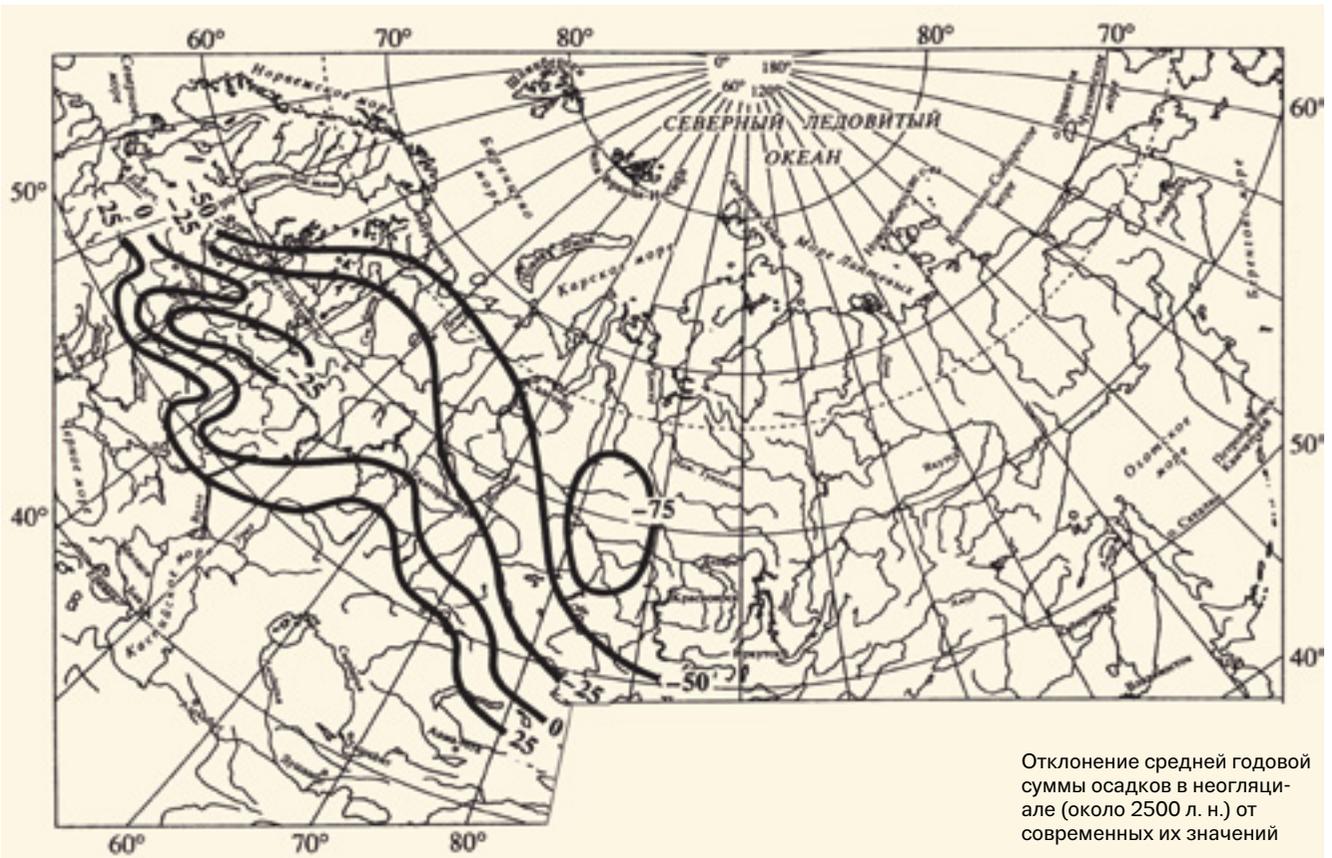
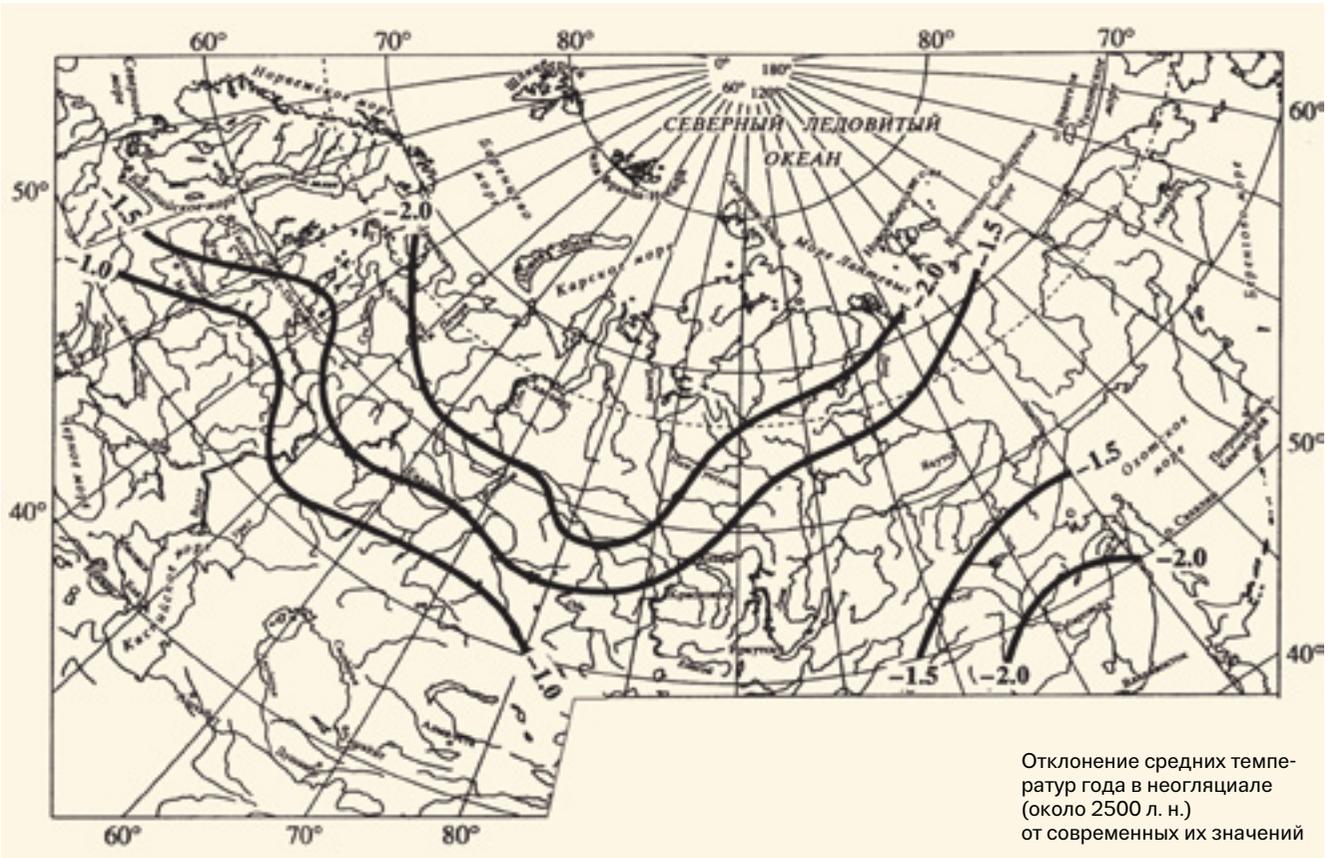
постов, так и в виде казачьих станиц. Дальнейшее значительное сокращение площади летних пастбищ, используемых казаками-кочевниками, происходило во второй половине XIX — начале XX века в результате образования на их летовках, причем лучших из них, поселений казаков, а затем крестьян-переселенцев из России, а также из-за того, что к этому времени многие летовочные территории были заняты под зимние пастбища, сенокосы и пахотные угодья казаками, ведущими полукочевой и оседлый образ жизни. Это вызвало нарушение традиционных путей кочевания, вело к дальнейшему сокращению расстояния кочевков. Изъятие земель на севере вело к изменениям в расположении зимних пастбищ и традиционных маршрутов кочевания.

Далее, прежде чем перейти к характеристике кочевого хозяйства казахов Урало-Казахстанских степей в XVIII — начале XX века, остановимся на вопросе о степени различия природных условий региона этого времени и начала эпохи железа (I тысячелетие до н. э.).

По данным В. В. Клименко и В. А. Климанова, самое сильное похолодание за последние 5000 лет приходится на период 2500–2200 лет назад, которому в соответствии с современной версией калибровки отвечают календарные даты — 650–280 года до н. э. (см. рисунок). В свете новейших разработок это похолодание представляется как асимметричный двойной холодный эпизод, в котором два этапа похолодания были разделены кратковременным потеплением — примерно между 450 и 380 годами до н. э. Из двух этапов похолодания наиболее значительным был второй, кульминации которого соответствует календарная датировка 280 ± 50 лет до н. э. В Северном полушарии аномалия температуры в этот максимум похолодания оценивается в $- (0,5 \dots 0,6) \text{ } ^\circ\text{C}$ от уровня 1901–1960 годов. Это существенно ниже аномалии в $-0,23 \text{ } ^\circ\text{C}$ для самой холодной декады (1901–1910 годы) в эпоху современных инструментальных наблюдений и находится на уровне самых холодных декад Малого ледникового периода (XIV–XIX века).

Экстремум глобального похолодания 2500 лет назад известен также как неогляциал, радиоуглеродный возраст которого — 2500 ± 100 лет назад,

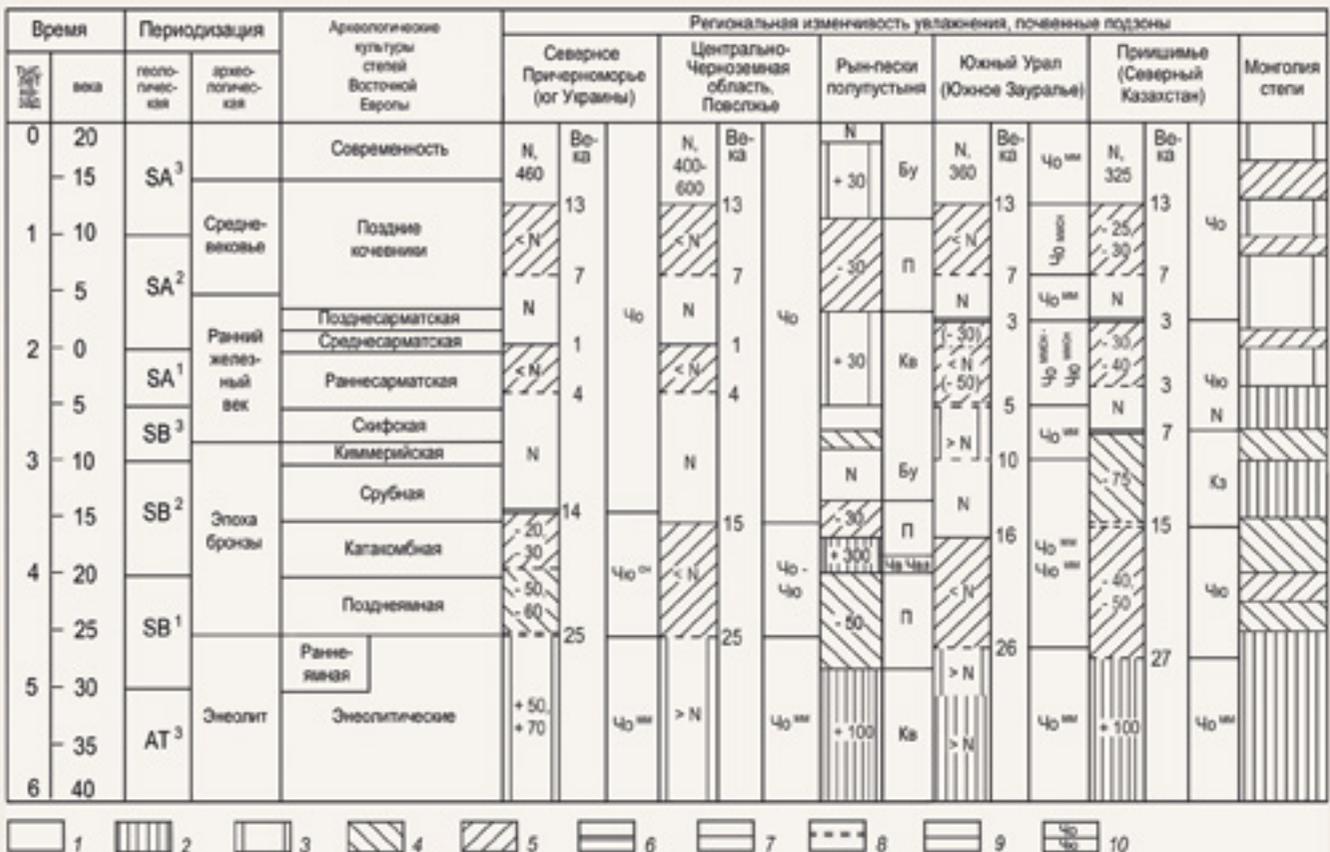
Изменчивость увлажнения в степной зоне Евразии за последние 6000 лет. Многовековые экологические эпохи: 1 — нормальные; 2 — оптимальные ярко выраженные; 3 — оптимальные менее выраженные; 4 — кризисные ярко выраженные; 5 — кризисные менее выраженные. Изменения экологических условий: 6 — улучшение резкое; 7 — улучшение постепенное; 8 — ухудшение резкое; 9 — ухудшение постепенное. Количество атмосферных осадков: N, 460 — современное (норма), мм/год; N, > N, < N, 50 — близкое современному, выше нормы, ниже нормы, относительное по сравнению с нормой, мм/год; 10 — изменение состояния почв во времени (в веках). Состояние почв: Чо — черноземы обыкновенные среднemosные; Чомм — черноземы обыкновенные маломощные; Чю — черноземы южные; Чюсн — черноземы южные солонцеватые; Чв — черноземовидные; Кз — темно-каштановые; Кв — каштановидные; Бу — бурые пустынностепные; Чвл — лугово-черноземовидные; П — пустыни с пескоземами

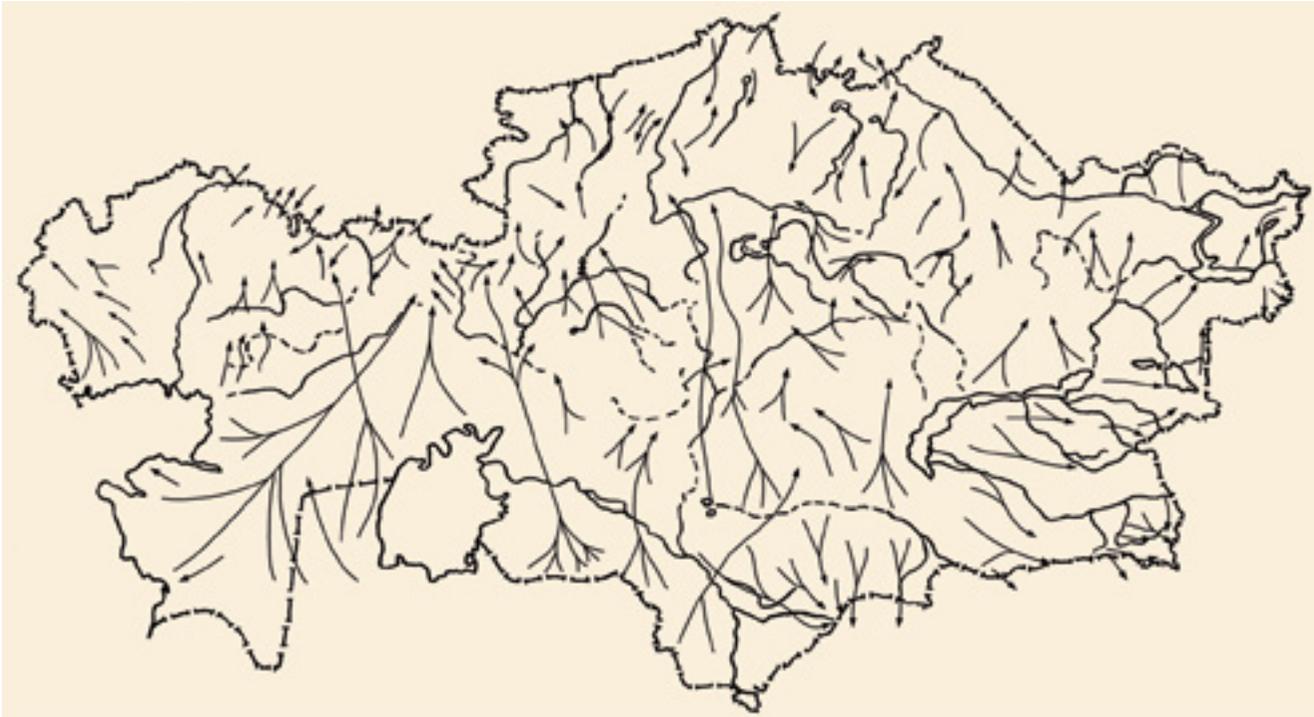
а календарный, как указывалось выше,— около 650 года до н. э. На основе палинологических и радиоуглеродных данных по Северной Евразии В. А. Климанов восстановил количественные характеристики климата для этого времени и представил эти характеристики в виде отклонений от современных их значений.

Так, на большей части Западной Сибири и на севере Средней Сибири средние температуры июля были ниже, чем в настоящее время, на 1,5–2 °С. В Северном Казахстане и Южном Зауралье средние температуры июля отклонялись от их современных значений на 1–1,5 °С. На юге Западной и Средней Сибири, в Центральном Казахстане и Южном Приуралье отклонения температур были менее 1 °С.

Область со средними температурами января ниже современных более чем на 2 °С охватывает большую часть Западной и Средней Сибири, что может быть связано с углублением северной ветви Азиатского антициклона. На юге Западной Сибири и севере Центрального Казахстана, большей части Южного Зауралья и в Южном Приуралье отрицательные отклонения средних температур января были менее 1 °С.

Среднегодовые температуры, имеющие интегральную характеристику между средними температурами июля и января, были ниже современных более чем на 2 °С в северной половине Западной и Средней Сибири. На юге Западной Сибири, на севере Казахстана, в северной части Южного Зауралья они были меньше современных на 1 °С. В Центральном Казахстане, на боль-

Направление кочевых путей в Казахстане в конце XIX – начале XX века (стрелками показаны только основные направления путей от зимних пастбищ к летовкам)

шей части Южного Зауралья и в Южном Приуралье отклонения среднегодовых температур от современных их значений были менее 1 °С.

Среднегодовая сумма осадков имеет наибольшие отрицательные отклонения в центре Западной Сибири, где осадков выпадало меньше современной нормы на 75 миллиметров. К юго-западу величина отклонений осадков уменьшается. На большей части Западной и Средней Сибири осадков было меньше на 50 миллиметров и более. В Северном Казахстане и на востоке Центрального Казахстана количество осадков почти соответствовало современной норме. На севере Центрального Казахстана, в Южном Зауралье и на большей части Южного Приуралья осадков выпадало уже больше современной нормы на величину, превышающую 25 миллиметров.

Таким образом, ландшафтно-климатические условия большей части I тысячелетия до н. э. в урало-казахстанских степях, в том числе и в Южном Зауралье, не являлись для кочевников более благоприятными по сравнению с XVIII–XIX веками. И, что особенно важно, эти условия были более неблагоприятными, чем в XX веке, особенно в его второй половине.

Одной из основных особенностей хозяйства казахов-кочевников была пастбищно-кочевая система, или посезонное распределение пастбищ и водных источников, с круглогодичным кочеванием в меридиональном направлении, с постоянными районами летних и зимних пастбищ, то есть замкнутый цикл кочевания.

По мнению большинства исследователей, пастбищно-кочевая система, уже сложившаяся в момент перехода скотоводов к кочеванию в IX–VIII веках до н. э., фактически оставалась неизменной на протяжении тысячелетий. Становление этой системы было обусловлено природно-климатическими факторами (температура воздуха, высота и плотность снежного покрова,

количество и сезонное распределение осадков и т. п.); зональностью и сезонными особенностями продуктивного периода с активной вегетацией растительного покрова и его низкой кормовой производительностью; ярко выраженной аридностью и неравномерностью распределения водных источников, их сезонностью; периодичностью поедания скотом скудной растительности. Все эти факторы определили не только динамическое состояние кочевников, вынужденных передвигаться в поисках естественного травостоя и водных источников, но и в значительной степени время и конкретное направление этих передвижений, то есть посезонный характер использования пастбищ.

Одна из причин периодических перекочетов — необходимость восстановления кормовой производительности пастбищ. Как отмечал И. Я. Златкин, «процесс кочевания — это труд, приложенный не только к стаду, но и к данной пастбищной территории с целью восстановления ее кормовой производительности, без чего было бы невозможно возвращение производителя на данное место через установленное время» [10, с. 75]. Единственным же способом интенсификации кочевого хозяйства в то время было увеличение количества кочеваний или удлинение кочевого пути. Этим объясняется необходимость громадной площади естественного пастбища даже для сравнительно небольшого числа кочевых хозяйств. Причем чем большим количеством скота располагало хозяйство, тем чаще и дольше по сравнению с малоскотными хозяйствами ему приходилось кочевать.

Особенно ценны для кочевников зимние пастбища, что обусловлено резко континентальным климатом степей, полупустынь и пустынь Центральной Евразии, наименьшей продуктивностью естественного травостоя в этот период года. Поэтому к их выбору предъявлялись особые требования. В. В. Радлов

Схема основных пастбищных массивов и путей кочеваний в 1926–1930 годах в Казахстане

писал: «К зимним стоянкам предъявляется гораздо больше требований, чем к летним... И поэтому именно зимние стоянки определяют плотность расселения кочевников и от них зависит благополучие поголовья скота. Не случайно для кочевника богатство какого-то района определяется обилием и удобством зимних стоянок, и можно считать, что все сражения и военные походы киргизских орд в прошлые столетия были не чем иным, как постоянным стремлением захватить лучшие зимние стоянки» [45, с. 254].

Места зимних пастбищ номадов урало-казахстанских степей и полупустынь определились еще в эпоху раннего железа (VIII–IV века до н. э.), и лучшие из них не менялись в течение всего периода существования здесь номадизма. Располагались они в основном южнее летних — в северных пустынях Центральной Азии. В районах Семиречья в связи с особенностями природно-климатических условий зимние пастбища находились севернее летних, но также в зоне пустынь (летние — на юге, в предгорной полосе или в горных долинах).

Расположение зимних пастбищ в зоне пустынь определялось естественно-географическими условиями региона и биологическими особенностями домашних животных. В данной зоне продолжительнее безморозный период, меньше толщина и плотность снежного покрова и продолжительность его устойчивого залегания. Здесь меньше и опасность снежных заносов, метелей и буранов. Кроме того, из-за сильных ветров, неровностей рельефа и солнечной инсоляции снежный покров в зоне пустынь очень неравномерен: здесь всю зиму встречаются большие участки, лишенные снега. В некоторых районах зоны пустынь — междуречье Амударьи и Сырдарьи, Устюрт, Мангышлак — устойчивый снежный покров бывает примерно каждую вторую зиму.

Кроме перечисленных климатических особенностей использование южных районов для зимних пастбищ определялось и тем, что здесь преобладала эфемерная и полынная растительность; продуктивность таких пастбищ в осенне-зимний период была наивысшей. Недосток водных источников, который существенно ограничивал использование пустынь в летнее время, зимой восполнялся за счет снега.

Согласно сообщениям персидского богослова, путешественника и историографа Ибн Рузбихана (1457 — после 1530), помещенным в его сочинение «Михман-наме-и Бухара» («Записки бухарского гостя»), самые большие зимовья кочевников в начале XVI века были на Сырдарье, где они имели протяженность 300 фарсахов, начиная от пределов города Туркестана до дельты Сырдарьи. Кочевники нового времени особенно ценили зимние пастбища на правом берегу нижнего течения Чу, в Кызылкумах, песках Сам, Самматай, Карын-ярык, Сойгыр-кум и Тумгача на Устюрте, в песчаных массивах и горных районах Мангышлака и Бузачи. Характеризуя пастбища Устюрта, Б. Скалов отмечал: «Осень и первая половина зимы бывают настолько благоприятны для скотоводов, что в южной части Темирского уезда до подошвы Усть-урта и на самом Усть-урте, особенно в районе его пониженной части (Сам-Матай и др.) и к югу от них задерживаются со своими стадами все кочевники, уходящие даже на зиму в Хивинские пределы, куда они перекочевывают в первой половине декабря... На Усть-урте обычно

Лошади Пржевальского на тебеневке. Участок «Предуральская степь» заповедника «Оренбургский»

Лошади на тебенёвке

многие проводят всю зиму, уходящие в Хиву и на юг Закаспийской области проводят здесь ноябрь и декабрь, а назад на север идут с растаянием снега в марте, нередко даже с начала марта; очень редко таяние снега начинается с конца февраля... Значительное количество лошадей оставалось тебеневать на Усть-урте, и только гололедица или особенно сильные бураны заставляют киргиз⁶ перегонять свои табуны далее на юг, вплоть до Кунграда. С верблюдами и овцами киргизы довольно долго задерживаются в песках к югу от Асматай-Матай и Сама. Некоторые даже остаются здесь зимовать: только в особо неблагоприятные годы в Хивинские пределы уходит большинство, где и зимуют в окрестностях Кунграда и по низовьям Аму-Дарьи и на побережье Аральского моря» [52, с. 88, 90].

В междуречье Волги и Урала лучшие зимовки находились главным образом близ Камыш-Самарских озер, между рек Большой и Малый Узень, в Рын-песках, близ побережья Каспийского моря. В зимний период в этих местах снега выпадало мало. Густая камышовая растительность вдоль рек, у озер, в дельтовых областях и на побережьях Аральского и Каспийского морей спасала от холода, ветров и снежных буранов. А. И. Левшин писал в 1832 году: «Притом пастбища обыкновенно бывают у киргизов двойкие: одни летние, другие зимние. Ничем не закрытая, ровная и тучная пажить очень хороша для скота летом, но зимою потребны для оною, в особенности для овец, частые холмы, которые могли бы защищать от бурь и ветров, пески, вбирающие в себя воду и потому скорее обнажающиеся от снега, камыши и кустарники, служащие в пищу верблюдам и вместе для топки или для согревания пастухов. По сим-то причинам видим, что все почти роды имеют одни кочевья летние, другие зимние, и последние, по большей части, бывают южнее первых. По сему-то баганалин-найманец, проведя лето на Ишиме или Тургае, идет на зиму к Куван-дарье, а яппасец в ноябре месяце удаляется с менового двора из Троицка к берегам Сыра. То же можно сказать и о многих других» [22, с. 298].

Тебенёвка — зимняя пастьба, самостоятельная добыча копытными животными (из домашних — лошадь, овца, олень) корма из-под снега. Животные откапывают корм из-под снега копытами передних ног.

6

В источниках XVIII — начала XX века кочевое население территории современного Казахстана — казахи — фигурировало под именем «киргизы» или «киргиз-кайсаки». А кочевое население современной Киргизии обозначалось как «кара-киргизы» или «дикокаменные киргизы».

Одни из лучших зимних пастбищ издревле находились в Кызылкумах, которые отличаются тем, что на 80–90 % покрыты травой. Другой их особенностью является то, что они в основном тянутся правильными рядами холмов, между которыми имеются глубокие впадины. В зимние месяцы здесь не бывает сильных ветров, метелей и буранов. Все это делало Кызылкумы незаменимым зимним пастбищем даже во время суровой зимы с глубоким снегом. Летом же в Кызылкумах температура воздуха поднимается до 70–80 °С, вода имеет горько-соленый привкус и находится на глубине 70–80 метров. Летом от жары и недостатка влаги выгорают травы, скот сильно тощает, козы и овцы за лето почти никогда не набирают среднего веса. Кроме того, использование песков под выпас само по себе таит большую угрозу вследствие ряда особенностей песка как субстрата. Умеренный выпас может неопределенно долгое время держать пески в стадии бугристых, когда на них достаточно корма и близки грунтовые воды. Перевыпас же приводит к нарушению растительного покрова, разбиванию бугров скотом, что чревато образованием барханов. Двигаясь, барханы засыпают пастбища и котловины с пресной водой. Опасаясь этих последствий, казахи весной покидали пески и откочевывали на север.

Летние пастбища кочевников Урало-Казахстанских степей и полупустынь располагались в основном на севере, в зоне степей и полупустынь. В предгорной и горной зонах Казахстана летние пастбища находились, как правило, в горах. Такое расположение летовок было связано с тем, что основным критерием их выбора являлась обеспеченность водными источниками. «Для летних стоянок... желательно иметь свободные открытые пространства с хорошим водоснабжением — на берегах озер или текучих вод — и вдобавок такие места, где скот будет меньше страдать от насекомых» [45, с. 254]. Наиболее удобные летние пастбища находились в степной и лесостепной зонах, где основная часть атмосферных осадков выпадает в теплый период года, довольно

Лошади Пржевальского. Участок «Предуральская степь» заповедника «Оренбургский»

густа речная сеть, имеется большое количество различных по величине озер, преобладают пресные и слабосоленоватые подземные воды.

Одной из причин размещения летних пастбищ на севере было и то, что летом на юге жалящие насекомые препятствовали нормальной наживровке скота. «Пастбищные условия [Казалинского] уезда, в котором наиболее обитаемыми являются долины рек Сыр-Дарьи и Куван-Дарьи, в отношении развития скотоводства, нельзя признать вполне благоприятными. Именно по притокам этих рек, с сетью озер, питаемых разливами Сыр-Дарьи, водится летом столько оводов, слепней и т. п. насекомых, сильно беспокоящих животных, что пастьба скота становится невозможной. Помимо того, призимовочные пастбища с преобладающим в речных долинах камышом мало пригодны для главнейших видов разводимого скота — верблюдов и овец, предпочитающих более сухие пастбища. Все это заставляет киргизов откочевывать весной на джайляу в Кара-Кумы и дальше в Тургайскую область (Иргизский и Кустанайский уезды) и оставаться там до осени» [31, с. 48]. «Когда в 1894 году весной чуйцев и кипчаков задержали на границе уездов в причуйской и придарьинской пустынях, они потеряли в мае более 10 000 баранов от клещей, бескормицы, дурной воды и жары» [20, с. 212].

Места лучших летних пастбищ, так же как и зимних, определились довольно рано и оставались неизменными на протяжении тысячелетий. За определенным родом или родовым объединением закреплялись не только зимние,

но и летние пастбища. Как отмечал Б. А. Куфтин в отношении казахов конца XIX — начала XX века, «каждая летовка находится в пользовании только определенной группы киргизов, в большинстве случаев одного рода, вследствие чего и кочевать на ней может только известный род или его ответвления» [21, с. 15].

О значении зимних и летних пастбищ для казахов ярко свидетельствует замечание генерал-лейтенанта М. А. Терентьева: «Опыт убедил, наконец, что ни султаны-правители, ни летучие отряды... ни жестокость, ни дипломатия... не в состоянии подчинить нам киргизов, пока их летовки и зимовки не будут в наших руках» [54, с. 13–15]. Чуть ранее Л. Костенко писал: «Киргизы, если б и желали, не могли быть покорны нам в то время, когда образ жизни приводил их летом к нашим пределам, а зимою подвергал произволу хивинских и коканских правителей. Сознано было, что покорность их зависела от возможности кочевать мирно по заведенному порядку с юга на север (к лету) и обратно (к зиме), постоянно под защитою и в зависимости от одной власти» [18, с. 137]. М. Тевкелев в своем представлении в Коллегию иностранных дел от 10 апреля 1733 года о пользе постройки крепости на устье Ори писал: «Не токмо противным кайсакам, но и всему киргис-кайсацкому народу будет великий страх и принуждение быть в проекции е. и. в... И будут оные кайсаки думать, что ежели им от российской протекции уклонитца, то им ни одного лета летовать из оной крепости не допустят по рекам Улькайяк, Иргис, Енбы, которые не очень в дальном разстоянии оной крепости будут. А где они зимуют летом, в тех местах текущих рек нет — такмо колодези, а множества имеющегося у них скота из оных колодезей удовольствоваться не могут» [14, с. 100].

Следует подчеркнуть, что процесс перехода с зимних пастбищ на летние и обратно не нужно рассматривать как непрерывное и максимально «быстрое» движение с юга на север и наоборот. В силу хозяйственной необходимости, а также при благоприятных климатических условиях кочевники достаточно долго оставались в удобных местах, имеющих максимум кормов для скота.

Весенние пастбища находились, как правило, на пути движения кочевников на север — на летние пастбища. Обычно их использовали и как осенние пастбища, на которых останавливались во время перекочевков на зимовки. Весною фактор аридности отступал на второй план — потребность в воде полностью покрывалась за счет таяния снегов, паводкового разлива рек, наполнения озер и других естественных водоемов тальми водами и атмосферными осадками. В начале весны использовались пастбища с эфемерно-злаковой растительностью, а также участки, где произрастали ковыли и куга, так как весна — самая благоприятная пора их поедания, в другое же время года они жестки, малосочны и малопитательны. Весною кочевники стремились использовать прежде всего те пастбища, которые хуже всего обеспечены водой. Именно весной номады проходили ускоренным маршем безводные пастбища в пустынных районах, таких как Бетпак-Дала и Устюрт.

В казахских ханствах накануне и в период присоединения Казахстана к России руководители родов, а иногда ханы и султаны давали указания, когда начинать кочевку, какие пути выбирать. Они же решали вопрос о спорных

пастбищах. Это «распределение кочевых путей и пастбищ между родами было неизбежным и необходимым условием пастбищно-кочевой системы: в противном случае вся система кочевания была бы нарушена, начался бы хаос в землепользовании, что привело бы к хищническому истреблению пастбищ и гибели скота» [58, с. 33].

Время перекочевки с зимнего пастбища на весеннее во второй половине XIX — начале XX века, после реформ 1867–1868 годов, отменивших привилегии султанов, назначали старейшины семейно-родственных объединений, как правило, после совещания с главами хозяйств. При этом они руководствовались традициями, многолетними наблюдениями за природой, в том числе и за дикими животными. «Местные скотоводы... при определении времени перекочевки следили за сайгой. Если стада их начинали переходить весной на север, значит — и казахам пора собираться и идти на север, на джайляу (летние пастбища.— А. Т.), иначе, если запоздают, пересохнут “хаки” (временные водоемы.— А. Т.) со снежной водой на пути на джайляу, и скот нечем будет поить. Это уже означало, что холодов уже не будет на севере. Следили также за тем, как сайга начинает уходить на юг осенью, да и сами собираются уходить на кстау (зимние пастбища.— А. Т.). Даже посылают джигитов (молодых мужей) следить за этим передвижением» [20, с. 137]. Перегон лошадей на пастбища другого сезона не требует особых усилий со стороны людей. Отмечается сильное предмиграционное беспокойство животных, и при недостаточном надзоре со стороны людей они сами устремляются по знакомому маршруту кочевки. Интересно, что стремление уйти к пастбищам приближающегося сезона возникает у лошадей не во время пастбы, а во сне, в период отдыха. Проснувшись, животное сразу же уходит по маршруту кочевки, движется, почти не останавливаясь, два-три дня, проходя за это время 100–150 километров.

Сайгак

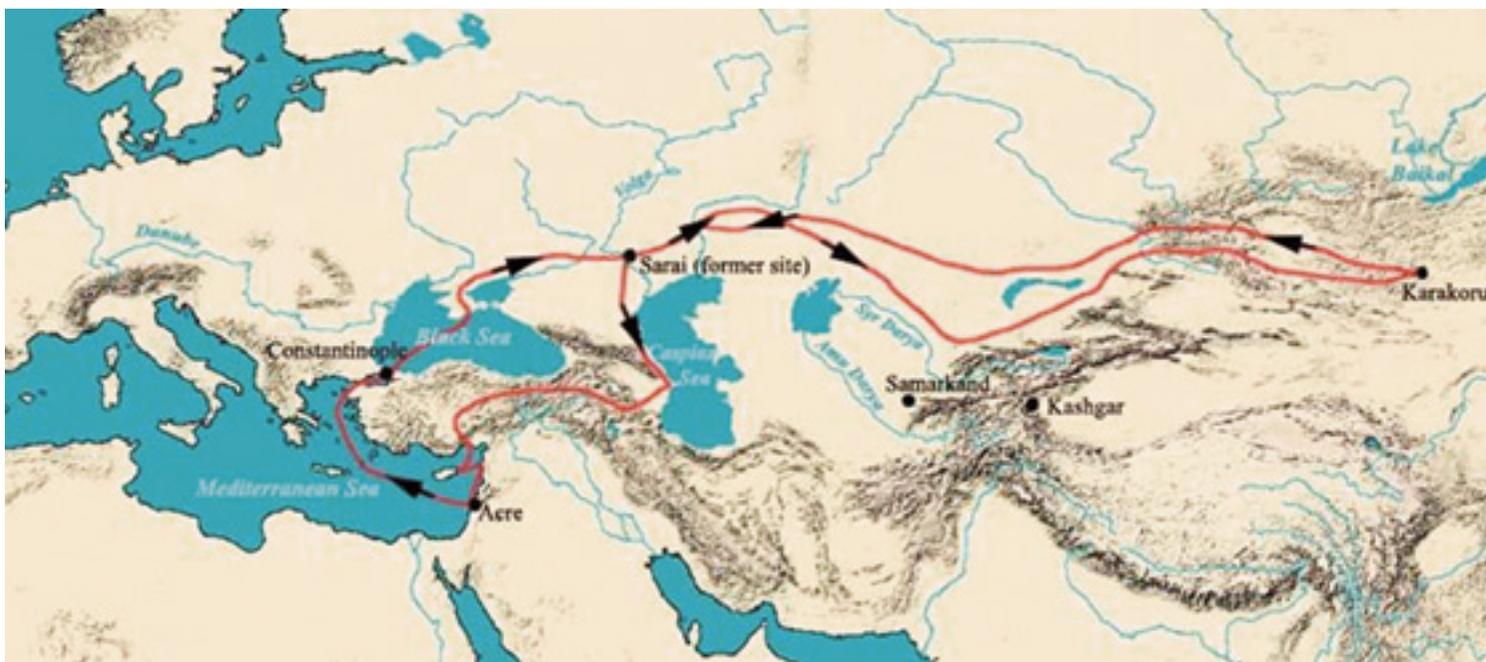
Гильом де Рубрук

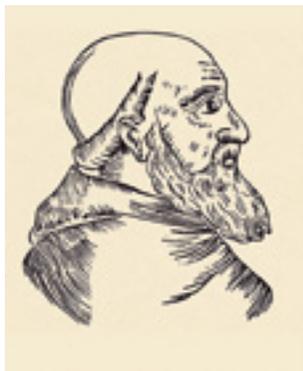
На выбор осенних пастбищ влияли прежде всего наличие и качество травостоя и условия водоснабжения. Осенью пользовались злаками осенней вегетации, солянковыми и полынными ассоциациями, которые в это время достигали высокой степени продуктивности.

Основная масса кочевников урало-казахстанских степей и полупустынь в течение всего периода существования здесь номадизма кочевала в меридиональном направлении. Фазлаллах Бен Рузбехана в книге «Михман-наме-и-Бухара» (начало XVI века) сообщает, что казахский улус имеет зимовки и летовки, которые располагаются на протяжении шестисот фарсангов. Причем зимовки находятся по берегам реки Сейхун (Сырдарья), в Каракумах, а летние пастбища — по окраинам Дашь и Кипчака, вплоть до реки Итиля (Волги).

Фламандский монах-францисканец Гильом де Рубрук, совершивший в 1253–1255 годах по поручению французского короля Людовика IX путешествие к монголам и проезжавший через урало-казахстанские степи, писал во второй главе своего сочинения «Путешествие в восточные страны», что здесь «всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды» [43, с. 79–80]. Говоря о Бату (Батые), который кочевал к востоку от Волги, Рубрук отмечает, что «именно с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться» [Там же, с. 103]. С этим сообщением Рубрука согласуются данные, приводимые итальянским францисканцем Джованни Плано Карпини, совершившим по заданию папы Иннокентия IV в 1246–1247 годах путешествие в ставку

Маршрут Гильома де Рубрука

Джованни Платано Карпини

великого монгольского хана Гуюка близ Каракорума. Говоря о Волге в своем сочинении «История Монгалов, именуемых нами Татарами», он замечает, что «эта река очень велика, у нее переходит с места на место Бату, четвертая называется Яик, у нее переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегам этих самых рек поднимаются на горы» [Там же, с. 61]. Приблизительный путь орды Бату во время перекочевков выглядит следующим образом. Зимой она располагалась в пределах волжской дельты и (или) рядом с ней. К лету орда достигала территории, располагающейся на левобережье Волги между реками Большой Иргиз и Самара. Вся орда или какая-то ее часть летом оказывалась в степях Самарского Заволжья напротив Жигулевских гор либо около Соколиных гор, расположенных чуть севернее низовий Самары.

Абу-л-Гази (1603–1664), хивинский хан, известный также как историк, в сочинении «Родословная тюрков» сообщает о том, что Батый в середине XIII века при распределении земель определил границы владений Шибана (Шайбана), предписав ему: «...летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-суук, Орь, Илек, до горы Урала, а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр — при устьях рек Чуй-су и Сары-су» (цит. по [19, с. 212]).

Меридиональный путь кочевания был типичен и для кангюйцев (II век до н. э.), о чем свидетельствуют данные китайской хроники. Кангюйцы, как и более поздние канглы и кипчаки, совершали сезонный кочевой путь между бассейном Сырдарьи и Улутаусскими горами. По мнению А. Х. Маргулана, «гунны, по примеру других кочевников, вели посезонную перекочевку между южными и северными областями» [26, с. 27]. По-видимому, меридиональное и обратномеридиональное направления кочевания преобладали и у большинства кочевников евразийских степей, полупустынь и пустынь.

Здесь необходимо подчеркнуть, что на протяжении почти всей истории кочевничества в степях одновременно в рамках одного и того же общества наблюдались процессы как оседания кочевников (седентаризация), так и перехода оседлого населения к кочеванию (номадизация). Тенденция к седентаризации определялась как внутренними социально-экономическими причинами (обнищанием части кочевников, политическими или экономическими интересами социальной верхушки и т. п.), так и рядом других факторов (климатическими изменениями, неблагоприятной политической ситуацией, влиянием земледельческих цивилизаций и т. д.). Развитие процессов седентаризации и номадизации находилось в тесной зависимости от конкретно-исторической ситуации, а в различные периоды истории преобладала та или иная тенденция. Поэтому в составе одной и той же преимущественно кочевой народности или племенного объединения какая-то часть его была полукочевой и даже оседлой, а элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство. Несмотря на абсолютное преобладание кочевого скотоводства, в отдельных благоприятных по естественно-географическим условиям районах — на окраинах земледельческих оазисов, в низовьях и дельтовых областях рек Амударьи, Сырдарьи, Таласа, Чу и др.,

А. И. Левшин

в лесостепной зоне, горнолесных массивах Центрального Казахстана, в низовьях Ирғиза, Турғая, Эмбы, Урала. в предгорной зоне Южного Урала — часть населения с древнейших времен вела полукочевой образ жизни, занимаясь только скотоводством или сочетая скотоводство с земледелием.

В продолжение всего периода существования номадизма в урало-казахстанских степях и полупустынях оставались неизменными не только система меридионального кочевания, но и расположение сезонных пастбищ, и маршруты кочевания. Лишь в условиях продолжительных периодов пастбищной бескормицы (джутов), нашествий и длительных междоусобиц кочевники не имели постоянных, твердо установленных кочевий. А. И. Левшин в своем труде «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832) писал, что «для избежания по возможности междоусобий они (казахи. — А. Т.) большею частью (особенно зимою) придерживаются одних и тех же урочищ, если причины важные не заставляют их изменять сего обычая». Так, «многие аулы алимулинского поколения, зимовавшие всегда на Сыре, по вражде с однородцами своими, которым покровительствует хивинский хан, в 1821 году пришли на зиму к Илеку. В то же время несколько других аулов, обыкновенно кочевавших у границ наших, удалились к Хиве» [22, с. 292, 300]. Но лишь только прекращаются нападения и междоусобицы — появляется определенность в использовании одних и тех же пастбищ, восстанавливается пастбищно-кочевая система с ее четко определенными сезонными пастбищами и маршрутами кочевания.

Для казахов первой половины XIX века при нормальных, обычных условиях отклонения от традиционного пути кочевания допускались весьма редко. К этому вынуждали чрезвычайные обстоятельства, особые причины, которые делали невозможным пользование освоенными ранее угодьями. А. Ашмарин писал по этому поводу: «Право киргизского рода на определенный кочевой путь, в лучшем случае — результат добровольного международного соглашения, а в худшем — международной борьбы в течение целых десятков лет. Изменение направлений кочевых путей происходит — или в силу той же родовой вражды, или же в условиях каких-либо иных посторонних вмешательств. В таких случаях киргизы, оттесненные от своего пути, попадают в положение, граничащее с полной гибелью скота, почему им приходится или силою захватывать путь другого рода, или же идти со своими стадами следом за другими, довольствуясь остатками вытравленных пастбищ и теряя отощавший и обессилевший в пути скот» [3, с. 117]. Поэтому, как отмечается в источниках, «у каждой волости, каждого аула при летних перекочевках для пастбищного содержания скота есть свой известный путь следования, которым никто уже другой не имеет права пользоваться и потравить» [13, с. 34]. «Каждый род или аул следует год за годом именно по тому направлению, идя по тем же тропинкам, останавливаясь у тех же ключей, по которым и у которых останавливались их предки тысячу лет тому назад, а многие аулы, зимующие всегда по соседству, каждым летом удаляются друг от друга на целые сотни верст. Эти переходы до того регулярны и точны, что можно бы заранее предсказать где можно будет найти какой из этих кочевых аулов в любой день в году», — писал один из военных чиновников России в 1875 году [24, с. 42].

А. А. Кауфман

«В поисках за кормом для своих стад... киргизы большую часть года передвигаются с места на место. Каждый отдельный род или аул кочует из года в год по одному и тому же пути, останавливаясь у тех же колодцев и речек, где останавливались его предки в старину, и возвращаясь на зимовку в одно и то же место» [47, с. 374].

«Вся степь,— отмечал в 1907 году А. Кауфман,— как бы разбита на длинные и узкие полосы, вытянутые на сотни верст в направлении либо с юга на север, либо от жарких долин на горные летние пастбища; и каждая такая полоса представляет собой обычный кочевой путь, или район кочевков той или иной группы» (цит. по [20, с. 78]). «При том бедные киргизы, не будучи в состоянии следовать за богатыми по всей полосе их перехода с зимней на летнюю кочевку, остаются по пути, ожидая их возвращения, и от того летом один род растягивается на весьма большое пространство» [5, с. 92]. Примеров такого рассеивания одного рода по обширным пространствам степи можно привести множество, но ограничимся лишь двумя. Так, зимние кочевья казахов «Карасакальского племени Алимудинского рода» находились «между рр. Сыр и Куванью, в урочищах Ак-Синкир и Кух-Синкир, выше Караката. Летние: начиная от озера Аксакал-Барби, чрез больш. Тургай, по Тоболу, по высохшим озерам, изобильным кочками до Верхне-уральска». Казахи «Урусского колена Чиклинского племени Алимудинского рода» кочевали следующим образом: «Зимние кочевья Булякчуринцев в песках Барсуках и при устье Эмбы; летние по Илеку и по трем рекам Бердам, т. е. колена Чурена и Назар зимуют при устье Эмбы и несколько по течению ея; летом же кочуют по Илеку и по одной Берде. Колена Тлеу и Кабака зимуют в бол. Барсуках по Аральскому морю до р. Кус-Булака; летом кочуют по верхней Берде и в Биштамаке. Колена Кичкии зимует по р. Сыру, около Джайкента; летом же кочует по р. Иргизу, в Мугоджарских горах и вершинах Эмбы. Прочие же колена Уруса зимуют от Кургана Кара-Тюбе, что на Сыр-Дарье, до самого Аральского моря; летом кочуют по р. Ургызу, вершинам Эмбы около горы Айрюк, Уркач (близ Мугоджарских гор) и в песках Уркач» [7, с. 77, 79].

Часто междоусобные столкновения у кочевников вызывались именно изменением каким-либо родом мест своих постоянных пастбищ или даже маршрутов перекочевков. Военный чиновник Мак-Гахан писал о казахах второй половины XIX века: «...ни один аул никогда не сбивается со своего пути и не позволяет другому вступить на него. Каждый аул имеет право пересечь дорогу другому аулу, но пройти хотя небольшое расстояние тем же путем его никогда не допустят. Малейшее уклонение какого-то ни было аула или племени от пути по которому переходили его предки уже считается достаточным предлогом для войны; да на деле и оказывается, что основанием почти всех распрей и побоищ между киргизами служит то, что один какой-нибудь род завладел — не пастбищами, как можно еще было бы предполагать, но — дорогой другого рода или аула» [24, с. 42].

Выбор же маршрутов и амплитуда кочевания были обусловлены ландшафтом, гидрографической сетью, наличием источников воды и их сезонным распределением, отдаленностью сезонных пастбищ друг от друга, учетом характера сезонных миграций копытных (лошади, сайгака, кулана) в степях

и полупустынях. «Первый номад, овладевший стадом овец (и верблюдов), вначале, надо полагать, должен был заботиться только о том, чтобы они не разбежались или, лучше сказать, не ускользнули из его рук. Он наверное даже не направлял своих стад, а только шел за ними, давал им ночлег около своей кибитки и охранял их от нападения волков и других хищников. Животные же шли за кормом и за погодой» [32, с. 8]. В связи с этим интересно отметить, что в XIX — начале XX века места летних и зимних пастбищ, сроки и пути перегона скота кочевниками-казахами почти полностью совпадали с местами летних и зимних пастбищ, а также путями сезонных миграций сайги.

Изучение кочевого скотоводства у сарматов I тысячелетия до н.э. и калмыков XVIII–XIX веков привело А. М. Хазанова к выводу, что «одинаковое или сходное экологическое окружение неизбежно приводит к выработке однотипных форм кочевого хозяйства». У обоих народов (сарматов и калмыков), разделенных двумя с половиной тысячелетиями и совершенно различных этнически и культурно, но кочевавших на одной и той же территории, «близки... направления перекочевки и даже конкретные маршруты» [56, с. 108]. К таким же выводам, но для территории Западного Туркменистана, пришел Х. Юсупов [59, с. 127, 130].

И. В. Пьянков, рассматривая размещение массагетов, упоминаемых в труде древнегреческого историка Геродота (V век до н. э.), приходит к заключению: то, что сменяющие друг друга объединения кочевников последовательно занимают примерно одну и ту же территорию в Арало-Каспийском степном регионе, было обусловлено потребностями кочевого хозяйства, необходимостью далеких меридиональных перекочевки. «Так, отмечает он,— удобные для

Сезонные миграции сайгака на территории Казахстана:
а — места летовок сайгака;
б — летние заходы животных;
в — основные направления весенне-летней миграции;
г — места зимовок сайгака;
д — зимние заходы животных;
е — районы значительного скопления животных на зимовках;
ж — основные направления осенне-зимней миграции

кочевников места зимовок находились в низовьях Урала и Сырдарьи, в районе слияния Иргиза и Тургая, а места летовок — по притокам Урала, в верховьях Тобола, по Иргизу; зимовки на Мангышлаке и Устюрте были связаны с летовками в долинах Эмбы, Сагиза, Уила. Последним по времени племенным союзом кочевников, занимавших эти места, был казахский Младший жуз. Очевидно, одним из далеких предшественников его и являлось племенное объединение массагетов» [44, с. 67].

В. Н. Ягодин, проанализировав памятники ранних кочевников Устюрта, приходит к выводу, что «в условиях пустынного плато Устюрт мы имеем тот случай, когда действительность, фиксируемая этнографией, является в ряде случаев прямым аналогом прошлой археологической действительности. Данные по этнографии кочевников Устюрта, а также пустынь умеренного пояса Евразии в целом удивительным образом совпадают с той информацией, которую нам дает археология». По его мнению, часть населения Южного Приуралья «вела кочевой образ жизни с круглогодичным циклом кочевания. Пути кочевий шли в меридиональном направлении и выходили на юге к границам древних городских и оседло-земледельческих цивилизаций Хорезма и юга Туркмении» [62, с. 98, 128]. Несколько ранее он отмечал, что «обнаружение раннесарматских памятников на Устюрте и локализация их меридиональной цепочкой, протянувшейся через Устюрт к центрам древнехорезмийской оседло-земледельческой цивилизации, позволяет вновь поднять вопрос о существовании кочевого цикла у сарматов по маршруту Южное Приуралье — Юго-Западное Приаралье... Именно специфические природно-географические условия определили формирование сарматского кочевого цикла... Надо полагать, что часть сарматских памятников Южного Приуралья характеризует лишь летовочные стоянки, а зимовочные следует искать далеко на юге. Не исключено, что известные ныне памятники сарматского времени к югу и востоку от Устюрта дешифрируют на карте места зимовок сарматских племен, чьи кочевые трассы пересекали гигантское плато Устюрт» [63, с. 48]. Археологические же материалы III–IV веков н. э. свидетельствуют о том, что культура этого времени Устюрта «может быть связана с кочевым скотоводческим населением, с круглогодичным хозяйственным циклом меридионального кочевания между летовками Южного Приуралья и зимовками на юго-востоке Устюрта, на границах позднеантичного Хорезма» [62, с. 129].

Исходя из всего вышесказанного и опираясь на исторические и этнографические данные, можно, по-видимому, определить пути сезонных перекочевок ранних номадов урало-казахстанских степей и полупустынь, места их летних и зимних пастбищ.

Зимние пастбища ранних кочевников Западного Казахстана и Южного Приуралья могли находиться в низовьях Эмбы, на Мангышлаке, Устюрте, в низовьях Амударьи. На лето одна их часть, возможно, оставалась здесь, другая откочевывала на север, на притоки Ори, Урала, Илека, Эмбы, Сагиза, Темира, в район Мугоджарских гор. Отдельные группы могли иметь летние пастбища в предгорных и горных районах Приуральской Башкирии.

Кочевники, зимовавшие в Кызылкумах, на средней и нижней Сырдарье, в Северном и Северо-Восточном Приаралье (пески Большие и Малые Барсу-

ки, Приаральские Каракумы), в предгорьях Каратау, низовьях Чу и Сарысу, а также в Северо-Западном Прибалхашье (пески Мойынкум, предгорья Айтау), на лето, вероятно, уходили далеко на север. Их летние кочевья располагались по притокам верховьев Урала, Тобола, Иргиза, Тургая, Ишима, Сарысу, Нуры, в долине Иртыша, достигая на севере границ лесостепи (Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан).

Часть скотоводов, зимовавших в песках Мойынкум, в предгорьях Каратау, на лето также откочевывала в Центральный и Северный Казахстан, часть поднималась в горы Каратау и Заилийского Алатау. В этих же горах, а также в Джунгарском Алатау и на северных отрогах Тянь-Шаня летовали скотоводы, проводившие зиму в песках Южного Прибалхашья, в долинах Таласа, Чу, Или.

Контакты ранних кочевников степей и полупустынь Центральной Евразии и номадов центральноазиатских пустынь и предгорий, обусловленные концентрацией их в зоне пустынь, на местах зимних пастбищ, расположением летовок отдельных групп в непосредственном соседстве, определили быструю передачу новшеств в области материальной культуры, особенно вооружения и конской упряжи. Единая же генетическая основа и близкий уровень социально-экономического развития способствовали этим контактам, облегчали заимствования не только в области материального производства, но и в духовной сфере.

Расположение зимних пастбищ кочевников урало-казахстанских степей вблизи земледельческих оазисов Центральной Азии благоприятствовало активным контактам кочевого и оседлого населения, налаживанию тесных экономических, культурных и политических связей. Эти связи возникли с момента становления кочевого скотоводства: кочевники не могли существовать без продуктов земледелия и ремесла. Поэтому они были заинтересованы в обмене своей продукции (скот, кожи, шерсть и т. п.) даже больше, чем жители земледельческих областей, имеющие не такое одностороннее хозяйство, как у кочевников.

Экономические, культурные и политические связи существовали также между кочевниками степей и полупустынь и полуседлым и оседлым населением лесостепи Зауралья и Западной Сибири. В то же время кочевники являлись и связующим звеном между земледельческим и полукочевым населением Центральной Азии и племенами лесостепи. Таким образом, складывалась единая система взаимодействий «оазис — степь — лесостепь», включающая три основные подсистемы: государственные образования оседло-земледельческих обществ Центральной Азии, кочевые объединения урало-казахстанских степей и оседлые и полуседлые образования лесостепи Зауралья и Западной Сибири. Естественно, что каждая из названных подсистем имела свою специфику с присущими только ей особенностями и закономерностями развития. Однако, входя в систему взаимоотношений, любая из этих подсистем так или иначе влияла на другие и в свою очередь испытывала обратное воздействие. Ключевым звеном в этой системе, звеном, объединяющим систему, были, вне всякого сомнения, кочевники урало-казахстанских

степей, в том числе и номады Южного Зауралья, являющегося составной частью этого субрегиона степной Евразии.

Как уже отмечалось, в Южном Зауралье в раннем железном веке кочевое скотоводство являлось основной хозяйственной деятельностью населения степной и южной лесостепной зон. Полукочевое скотоводство практиковали племена, обитавшие в северной лесостепной и степной предгорной зонах. В лесостепи для этой эпохи можно выделить два основных ареала — иткульский и гороховской, или гороховско-саргатский. Первый занимал лесостепь от восточного склона Урала и примерно до границ современных Челябинской и Курганской областей. Второй охватывал лесостепное Притоболье в пределах современной Курганской области.

Хозяйство населения зауральской лесостепи раннего железного века большинством исследователей характеризуется как сочетающее производящие (скотоводство) и присваивающие (охота, рыболовство) отрасли, при доминировании скотоводства. Допускается наличие земледелия, правда, без всяких на то оснований.

Скотоводство определяется как полукочевое. Судя по остеологическим материалам, среди домашних животных преобладала лошадь, второе место в стаде занимал крупный рогатый скот, третье — мелкий рогатый скот. На ряде поселений найдены немногочисленные кости верблюда.

Как предполагается, зиму и раннюю весну население зауральской лесостепи проводило на стационарных поселениях, перекочевки происходили весной, летом и осенью. О жизни на поселениях лишь в зимний период свидетельствует планировка, различие в застройке их частей, очень тонкий и бедный находками культурный слой.

Определенную роль в хозяйстве населения играла охота. Ее объектами, судя по остеологическим материалам поселений, являлись копытные (лось, косуля, северный олень), пушные (бобр, лиса, волк, заяц), медведь. Охотились на боровую и водоплавающую дичь. На ряде поселений найдены кости рыб.

Привлечение данных по хозяйству башкир лесостепи Южного Зауралья XVIII–XIX веков позволяет конкретизировать представления о хозяйстве населения этого региона в раннем железном веке. Такое привлечение обусловлено и оправдано рядом факторов. Во-первых, зауральские башкиры, «иткульцы» и «гороховцы», занимали одну и ту же территорию лесостепи Южного Зауралья — от восточных склонов Урала до Тобола. Во вторых, климатические условия XVIII–XIX веков и VII–IV веков до н. э. весьма близки. В-третьих, зауральские башкиры и население лесостепи раннего железного века вели одинаковый полукочевой образ жизни, имели сходный состав стада. Отметим также, что природные условия лесостепного Зауралья, благоприятные для полукочевого скотоводства, способствовали длительному сохранению здесь традиций номадизма. Даже в конце XIX — начале XX века значительная часть зауральских башкир летом выезжала на кочевки. В Курганской области кочевки прекратились лишь в конце 1920-х годов.

К середине XIX века в лесостепном Зауралье башкиры жили двумя крупными группами. Одна занимала территорию по течению рек Исеть, Синара, Караболка, Теча и верховья Миасса. Вторая занимала лесостепь между

Башкирская юрта [48]

Башкирская летовка [4]

Миассом на севере и Тоболом и его притоком Уй на востоке и юге. Такое расселение в целом соответствует иткульскому (первая группа) и гороховско-саргатскому ареалам.

По своему типу башкирское скотоводческое хозяйство в лесостепном Зауралье XVII — первой половины XIX века было полукочевым. Башкиры, имея постоянные зимние поселения, кочевали весной, летом и осенью по сезонным пастбищам и содержали скот на подножном корму. В стаде

преобладали лошади, чуть меньше было овец. Крупный рогатый скот составлял до трети от количества лошадей. В небольшом количестве держали верблюдов.

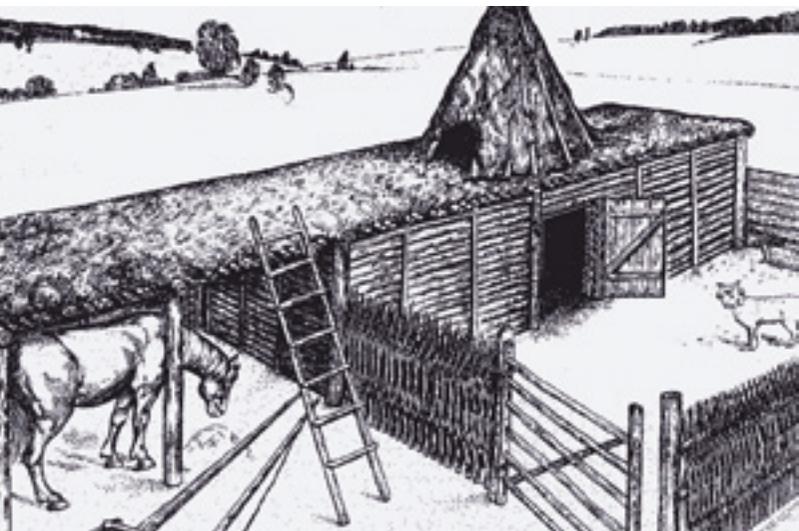
Отмечая разницу в количественном соотношении животных в стаде башкир — с одной стороны, «иткульцев», «гороховцев» и «саргатцев» — с другой, надо иметь в виду следующее: показатели количественного соотношения животных в древнем стаде, исчисляемые по остеологическим материалам, отличаются от действительного количественного соотношения животных в стаде, исчисляемого по живому поголовью. Одной из причин этого может быть то, что в теплый период года на мясо забивался преимущественно мелкий рогатый скот. Лошади и крупный рогатый скот забивался, судя по этнографии кочевых и полукочевых народов, в том числе и башкир, преимущественно в зимний период. Поэтому на зимних поселениях полукочевников раннего железного века лесостепного Зауралья в остеологическом материале преобладают кости лошади и крупного рогатого скота. В реальном же стаде башкир этого региона преобладают лошади и мелкий рогатый скот.

Зимовья зауральские башкиры покидали, в зависимости от их местоположения и погодных условий, в конце апреля — конце мая и переходили на весенние пастбища, расположенные недалеко от деревни. За время, проведенное на весенних пастбищах, исхудавший за зиму скот поправлялся и набирался сил. В конце мая — начале июня скот отгоняли к летним стоянкам — еще дальше от зимних жилищ. Как свидетельствуют источники, в летнее время «деревни пустеют и не остается в них не только ни одной души, но даже собак» [57, с. 145].

В зависимости от травостоя летние стоянки менялись несколько раз. Особо отметим, что места стоянок и маршруты перекочевков были традиционными, и их нарушение допускалось лишь в исключительных случаях.

Башкиры северных районов современной Челябинской области в XVIII веке, по свидетельству П.-С. Палласа, «для пастьбы своих стад избирают летом по большей части горы и около оных лежащие места... а осенью и зимою кочуют они по большей части в долинах солонцами и многими

Помещение и загоны для скота [4]

Бревенчатая избушка и корьева шалаш [4]

Вид переносного лубяного жилища коши

солеными озерами наполненных» [38, с. 8]. Об этом же в начале XIX века писал Н. С. Попов: «Башкирцы Екатеринбургского уезда (севера современной Челябинской области) занимают южную часть оною по рекам Зузелке, Тече, Караболке, Синаре и около озер, между ими лежащих. Все имеющие довольно количество скота выезжают летом из юрт своих для кочевания в Уральские горы, а недостаточествующие им остаются при своих деревнях». В другом месте он отмечает, что башкиры этого уезда «выезжают из юрт своих весною для кочевья в Уральские горы, на 40 и 70 верст расстояния от своего жилища» [41, с. 5, 16].

Основная часть курганских башкир во второй половине XVIII — начале XIX века с мая по октябрь кочевала в пределах лесостепи в долине реки Уй, вплоть до ее впадения в Тобол. «Башкирцы Шадринского уезда обитают также при реках, в южную сторону Исети текущих, и около озер, между

ними лежащих. Летом также выезжают они из юрт своих для кочевки со всем скотом и именем» [Там же, с. 7]. Некоторые из курганских башкир вплоть до начала XIX века перегоняла скот к Уральским горам, к верховьям рек Синара, Теча и Караболка (территория нынешней Челябинской области), а также на реку Белянку (Белокатайский район Республики Башкортостан). Таким образом, основная часть курганских башкир проводила все время в лесостепной зоне в пределах Миасско-Уйского междуречья, а часть перемещалась на полгода в горнолесную зону.

Башкиры, кочевавшие в лесостепи, на летовках ставили юрты. В горнолесной зоне сооружались «небольшие деревянные избушки, род наших крестьянских погребов или скорее полевых избушек, которые покрываются дерном или лубом». Такие летовки башкиры устраивали в нескольких местах (двух-трех или более) и переходили из одной в другую, по мере того как трава съедалась скотом. Бедные башкиры вместо избушек «делают род шалашей из тонких жердей, которые связываются наверху веревкой; крыша делается из бересты... Иногда же делаются просто берестовые домики» [35, с. 50–51].

В конце июля и начале августа переходили на осенние пастбища. Время пребывания на них совпадало с сенокосом и, там, где практиковалось земледелие, с жатвой. Впрочем, «не довольно сена на зиму запасают» [37, с. 97], «токмо для мелкой скотины и для лошадей, которых берегут к войне зимою малое число» [30, с. 486].

В деревни возвращались в разное время. Малосостоятельные хозяева — в сентябре, после заготовки сена и уборки урожая, состоятельные же — в октябре, с первыми морозами, реже — после первого снега.

Зимой скот старались держать как можно дольше на подножном корму в окрестностях деревни. С наступлением холодов, при высоком снежном покрове и других неблагоприятных для выпаса погодных условиях крупный и мелкий рогатый скот содержали в специальных помещениях, давая ему заготовленный корм. Продолжительность подкормки скота в стойлах зависела от состояния погоды и, как правило, не превышала двух-трех дней. Как только заканчивались неблагоприятные условия, скот вновь выгоняли на зимние пастбища. В качестве подкормки использовали сено. С развитием земледелия стали использовать солому, реже — мякину и зерно. Для подкормки мелкого рогатого скота использовали ветки и кору деревьев. На ночь скот, за исключением лошадей, пригоняли домой или в специальные загоны на околице и запирали. Башкиры севера нынешней Челябинской области практиковали отгон основной части лошадей и крупного рогатого скота на тебеневку за Миасс, в южную лесостепь.

Заметное место в хозяйстве зауральских башкир до середины XVIII века занимала охота. Как отмечал П.-С. Паллас, башкиры Исетской провинции «ловят довольно обоих родов куниц... также простых лисиц и волков». В мирное время ходят «на ловлю в пустыне степи до самого Тобола и Ишима и возвращаются обыкновенно с богатой добычей, состоящею в корсаках, лисицах, волках, бобрах и выдрах» [38, с. 14]. В числе добываемых пушных зверей упоминаются также горностай и соболь. Охотились и на копытных —

Табун. Башкирия

косулю и лося, а также на птицу. Во второй половине XVIII — первой половине XIX века зауральские башкиры на сезонных кочевках практиковали рыболовство.

Полукочевым, очевидно, было и хозяйство населения раннего железного века предгорных районов Южного Урала, граничащих со степью. Моделью такого хозяйства может выступать хозяйство юго-западных, южных и юго-восточных башкир XVIII–XIX веков. Держали они лошадей, овец, крупный рогатый скот, верблюдов.

Зиму башкиры этих районов проводили в постоянных зимних домах. Скот в это время тебеневал (добывал корм из-под снега) в окрестностях поселения. «Стада лошадей и прочего скота, ходят зимой в степи без сена... питаются всю зиму травой сухой, выкапывая копытом из-под снегу» (цит. по [4, с. 47]), — сообщал кунгурский бургомистр Юхнев (1725–1726). Лишь жеребята и мелкий скот держались возле дома и кормились сеном, которое заготавливалось в небольшом количестве. Достаточно часто из-за бескормицы, вызванной погодными условиями (глубокий снег, бураны, мороз), гибло значительное количество скота.

С наступлением весны башкиры со всем своим скотом уходили на летние кочевья, расположенные в пределах одного-двух, иногда и больше, дневных переходов от зимних поселений. Летними жилищами являлись войлочные кибитки, балаганы. И. И. Лепехин отмечал, что летом башкиры «держат при себе весь свой скот и с ним с места на место перекочевывают, оставляя ближайšie поля... невредимыми для осеннего сенокоса» [23, с. 41–42]. В поселения возвращались поздней осенью, стремясь по возможности как можно дольше сохранять нетронутыми зимние пастбища.

Ф. Рубо. «Охота башкир с соколами в присутствии императора Александра II»

Лошади на озере
Яктыкуль (Банное)

Горнолесные районы Южного Зауралья в первой половине I тысячелетия до н. э. были заняты носителями гамаюнской археологической культуры. Основным их занятием была мясная промысловая охота на лесных копытных, основными промысловыми животными — косуля и лось, реже северный олень. Промысел медведя и пушных имел второстепенное значение и определялся внутренними потребностями. Скотоводство у «гамаюнец» находилось в зачаточном состоянии, а содержание скота было придомным. Из домашних животных наибольшее значение имела лошадь, которая, возможно, поступала от племен зауральской лесостепи и прежде всего от иткульского населения. Крупный и мелкий рогатый скот встречался в основном на южных гамаюньских поселениях, граничащих с иткульской культурой и степным кочевым миром. На северных гамаюньских территориях было развито рыболовство, которое, однако, оставалось при этом сезонным подсобным промыслом.

Гамаюньскую культуру характеризует также довольно высокая техника строительства оборонительных сооружений и жилищ при относительно архаичном наборе каменных орудий. «Гамаюньцы» освоили основные приемы обработки меди, но металлические орудия у них не получили распространения. Их полностью заменяли орудия из камня, кости, дерева и глины. В целом хозяйство «гамаюнец» можно рассматривать как присваивающее с элементами производящего (скотоводство), чем оно резко отличается от хозяйства окружающего населения Южного Урала.

Список литературы

1. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003.
2. Аргентовский Ю. П. Археологические находки на дюнах близ д. Могилевой Кондинской волости Шадринского уезда // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 15, вып. 1. Екатеринбург, 1911.
3. Ашмарин А. Кочевые пути, зимовья и летовки (Историческое описание) // Совет. Киргизия. 1925. № 5–6.
4. Бикбулатов Н. В. и др. Башкиры: этническая история и традиционная культура. Уфа : Башк. энцикл., 2002.
5. Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства // Военно-статистический обзор Российской империи. Т. 14, ч. 3. СПб., 1948.
6. Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Рос. археология. 1991. № 1.
7. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Оренбургский край и земли киргиз-кайсаков. СПб., 1848.
8. Дмитриев П. А. Мысовские стоянки и курганы Тюменского округа Уральской области // Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. 4. М., 1928.
9. Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1958.
10. Златкин И. Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // Вопр. истории. 1955. № 4.
11. Зырянов А. Н. Несколько слов о курганах в Шадринском уезде // Перм. губерн. вед. 1860. 29 янв.
12. Игнатъев Р. Г. Могильное поле между деревнями Ишимбаевой и Мандишевой // Сборник исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранные и разработанные в течение 1866 и 1867 гг. Уфа, 1868.
13. Кадомцев А. В. Отчет о поездке в киргизские степи. СПб., 1877.
14. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1961.
15. Калиновская К. П., Марков Г. Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1983. № 3.
16. Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1910. Вып. 22.
17. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата : Рауан, 1992.
18. Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871.
19. Костюков В. П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 6. М. ; Магнитогорск, 1998.
20. Курылев В. П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб. : МАЭ РАН, 1998.
21. Куфтин Б. А. Киргиз-казаки. Культура и быт. М. : Изд-во Центр. музея народоведения, 1926.
22. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы : Санат, 1996.
23. Лепехин И. И. Записки путешествия (1768–1772 гг.) : в 3 ч. Ч. 3 // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 4. СПб., 1822.
24. Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875.
25. Мамин (Сибиряк) Д. Н. Археологическая поездка по Уралу // Древности : тр. Имп. Моск. археол. о-ва. Т. 15, вып. 1 : протоколы заседаний о-ва с 17 февр. 1889 по 16 марта 1890 г. М., 1894.
26. Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Отчет экспедиции 1948 года // Изв. АН КазССР. Сер. Археология. № 108, вып. 3.
27. Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Высш. шк., 1989.
28. Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 2002.
29. Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата : Наука КазССР, 1984.
30. Материалы по истории Башкирской АССР : в 6 т. Т. 3. Экономика и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949.
31. Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906–1912 гг. Т. 5. Казалинский уезд. Ташкент, 1913.
32. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 5. Тургайская область, Кустанайский уезд. Воронеж, 1903.
33. Наумов А. М. Фортификация и планиграфия Иртышских городищ иткульской культуры // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей, 2016.
34. Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 3. М., 1899.
35. Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.
36. Обыденнов М. Ф. История археологического изучения Урала XVIII — начала XX века. Уфа, 1994.
37. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства : в 2 ч. Ч. 2, кн. 1. СПб., 1786.
38. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства : в 2 ч. Ч. 2, кн. 2. СПб., 1786.
39. Панков Д. О вскрытом переселенцами могильнике «Кос-оба», «Карага-оба», тоже на участке № 90, Адамовского, Кустанайского уезда Тургайской области // Тр. Оренб. ученой архив. комиссии. 1911. Вып. 23.
40. Попов А. В. По поводу доклада А. И. Деревенскова «Сообщение об археологических находках при работах на Маячных каменоломнях близ Оренбурга в 1908 году» // Тр. Оренб. ученой архив. комиссии. 1911. Вып. 23.
41. Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию : в 3 ч. Ч. 3. СПб., 1813.

42. Протоколы заседаний архивной комиссии за 1906 г. // Тр. Оренб. ученой архив. комиссии. 1907. Вып. 19.
43. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы : Гылым, 1993.
44. Пьянков И. В. Массажеты Геродота // Вестн. древ. истории. 1975. № 2.
45. Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука, 1989.
46. Раевский Д. С. Об этнониме «саки» в системе археологической терминологии // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Вып. 1. Л. : Б. и., 1983.
47. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 19. Туркестанский край. СПб., 1913.
48. Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I // Археология СССР. Свод археологических источников. 1962. Вып. ДЗ-9.
49. Сальников К. В. Древнейшее население Челябинской области (по данным археологических памятников). Челябинск, 1948.
50. Сальников К. В. История археологических исследований на Южном Урале // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск : Абрис, 2009.
51. Сальников К. В. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время // Совет. этнография. 1966. № 5.
52. Скалов Б. А. Естественно-исторический и хозяйственный очерк кочевых волостей юга Темирского уезда // Известия Оренбургского отделения ИРГО. Вып. 22. Оренбург, 1911.
53. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири : в 2 кн. Кн. 1. М., 1838.
54. Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии СПб. : Тип. Меркульева, 1875.
55. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы : Дайк-Пресс, 2000.
56. Хазанов А. М. Сармато-калмыцкие параллели (К вопросу об однотипности кочевого хозяйства в одинаковом экологическом окружении) // Проблемы алтаистики и монголоведения : тез. докл. и сообщений Всесоюз. конф. Элиста : Б. и., 1972.
57. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
58. Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община : вопр. образования, эволюции и разложения. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1964.
59. Юсупов Х. Раннекочевнические племена на территории Северо-Западного Туркменистана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций : тез. докл. совет.-фр. симпозиума по археологии Центр. Азии и сосед. регионов. Алма-Ата : Наука КазССР, 1987.
60. Яблонский Л. Т. На востоке скифской ойкумены. М. : Грифон, 2017.
61. Яблонский Л. Т. Новое о хорошо забытом старом: некоторые теоретические подходы в современной скифо-сарматской археологии // Проблемы современной археологии. М. : Ин-т археологии РАН : ТАУС, 2008.
62. Ягодин В. Н. Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. Вып. 5. Ташкент : Фан, 1991.
63. Ягодин В. Н. Устюрт и Приаральская дельта: (Некоторые итоги археологических исследований 1971–1975 гг.) // Обществ. науки в Узбекистане. 1976. № 11.
64. Mari Järve, Lehti Saag, Christiana Lyn Scheib, Ajai K. Pathak, Francesco Montinaro, Luca Pagani, Rodrigo Flores, Meriam Guellil, Lauri Saag, Kristiina Tambets, Alena Kushniarevich, Anu Solnik, Liivi Varul, Stanislav Zadnikov, Oleg Petrauskas, Maryana Avramenko, Boris Magomedov, Serghii Didenko, Gennadi Toshev, Igor Bruyako, Denys Grechko, Vitalii Okatenko, Kyrylo Gorbenko, Oleksandr Smyrnov, Anatolii Heiko, Roman Reida, Serheii Sapiehin, Sergey Sirotin, Aleksandr Tairov, Arman Beisenov, Maksim Starodubtsev, Vitali Vasilev, Alexei Nechvaloda, Biyaslan Atabiev, Sergey Litvinov, Natalia Ekomasova, Murat Dzhaubermmezov, Sergey Voroniatov, Olga Utevska, Irina Shramko, Elza Khusnutdinova, Mait Metspalu, Nikita Savelev, Aivar Kriiska, Toomas Kivisild, and Richard Villems. Shifts in the Genetic Landscape of the Western Eurasian Steppe Associated with the Beginning and End of the Scythian Dominance // Current Biology. 2019. Vol. 29. Pp. 2430–2441.

Река Сухарыш.
Увельский район.
Челябинская область.
Фото: А. Таиров

История Южного Урала

3
ГОМ
глава
1

**ЮЖНОЕ
ЗАУРАЛЬЕ
В РАННЕСАК-
СКУЮ ЭПОХУ
(VIII–VI века
до нашей эры)**

Глава 1.

ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ В РАННЕСАКСКУЮ ЭПОХУ (VIII–VI века до нашей эры)

Переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку в степях Центральной Евразии от Урала до Иртыша характеризовалось прогрессирующим потеплением и пониженной по сравнению с современностью увлажненностью. Сложившаяся в степной зоне аридная экологическая ситуация вызвала отток значительной части населения в соседние регионы, прежде всего в лесостепные районы Западной Сибири и предгорья Алтая и отчасти в земледельческие области Центральной Азии. Оставшееся немногочисленное население степей концентрировалось в районе горных массивов Северного и Центрального Казахстана, предгорьях Южного Урала. Эти группы смогли адаптироваться к новым условиям, перейдя к ведению хозяйства, основанного на различных формах специализированного скотоводства. Практиковалось, где это было возможно, земледелие.

Улучшение экологических условий в начале раннего железного века привело к тому, что в VIII–VII веках до н. э. степи от Южного Урала до Иртыша после долгого периода относительного запустения были вновь освоены носителями трех родственных культур — тасмолинской Центрального Казахстана, улубаевско-тасмолинской Северного Казахстана и бобровско-тасмолинской Южного Зауралья. Все они входили в тасмолинскую

историко-этнографическую общность¹. Основой сложения и функционирования общности являлась пастбищно-кочевая система с ее круглогодичным кочеванием в меридиональном направлении, постоянными районами летних и зимних пастбищ, относительно стабильными маршрутами перекочевков. Археологическим выражением этой общности является та близость погребального обряда и инвентаря, которая отчетливо прослеживается при анализе памятников раннесакского времени (вторая половина VIII — середина VI века до н. э.) Центрального и Северного Казахстана, а также Южного Зауралья.

Захоронения ранних кочевников Южного Зауралья этого времени являются основными или, изредка, вводными в курганы эпохи бронзы.

1

Под историко-этнографической общностью понимается общность народов определенной территории, хотя бы и различного происхождения, но связанных между собой общностью исторических судеб, длительностью соседства и общения. Конкретным выражением такой совокупности нескольких народов, объединенных общей историей, является историко-этнографическая область.

Курган — округлая или продолговатая насыпь, воздвигнутая над одним или несколькими захоронениями. Насыпь

часто окружена рвом, кольцом из вертикально установленных или уложенных плашмя крупных камней и плит.

Надмогильные сооружения — курган или округлая кольцевая вымостка — входят в могильники, включающие погребальные сооружения эпохи бронзы и раннего железа или только раннего железа. Могильники второго типа — это бессистемные курганные группы или неправильные цепочки. Расположены они на возвышенностях, находящихся на останцах первых надпойменных террас и на коренных берегах рек, у берегов озер.

Все вводные погребения совершены в курганах с земляной насыпью. Насыпи курганов с основными захоронениями раннесакского времени состоят из земли, камней или их сочетаний. Современный их диаметр колеблется от 7 до 35 метров при высоте 0,1–1,9 метра. В курганах с каменно-земляной

Раскопки кургана раннесакского времени на берегу озера Кумкуль (VII–VI вв. до н. э.)

Могильная яма с подбоем (IV век до н. э.). Могильник Кичигино I

Подбой (могильная яма с подбоем) — вырытое в грунте погребальное сооружение, состоящее из вертикальной входной ямы, в боковой стенке которой имеется специальная ниша (собственно подбой) для погребения. Длина подбоя, как правило, равна длине входной ямы. Перепад между дном входной ямы и подбоя либо отсутствует, либо имеет вид крутой ступеньки.

Отверстие, соединяющее входную яму с подбоем, иногда закрыто «закладом» — деревом, камнями, стенкой из сырцового кирпича.

Раскопки кургана раннесакского времени (вторая половина VII в. до н. э.). Могильник Кичигино I

насыпью камень использовался для сооружения панциря на насыпи, вымостки над и вокруг могильной ямы, кольцевой вымостки под насыпью, кольца из вертикально поставленных плит вокруг насыпи. В насыпи курганов, как правило, в полах найдены кости лошади, лошади и барана. В редких случаях в насыпи и под ней отмечены следы огня в виде зольных пятен и небольших кострищ.

Захоронения совершались в простых грунтовых ямах прямоугольной, овальной или неправильной округлой формы, иногда с нишей вдоль продольной или торцевой стенки, в ямах с подбоем вдоль длинной стенки или в ямах с дромосом. Примечательно, что крупные курганы и погребения в могильных ямах с дромосом раннесакского времени исследованы пока только в пограничье степи и лесостепи

Южного Зауралья. По сравнению со степной зоной региона здесь чаще встречаются погребения в подбоях.

Засыпка ям состояла из земли, в которой встречались мелкие угольки и зола, смеси земли и камня или только камня. Следы перекрытия простых могильных ям не зафиксированы. Входы в подбой закрывались, очевидно, какими-то деревянными конструкциями, остатки которых отмечены лишь однажды. В одном случае зафиксировано плоское деревянное перекрытие погребальной камеры и дромоса. Оно состояло из бревен, уложенных вплотную друг к другу, вероятно, в два слоя. Отмечены случаи отсутствия ям; при этом кости животных, керамика и вещи находились на уровне древней поверхности. На дне погребальных

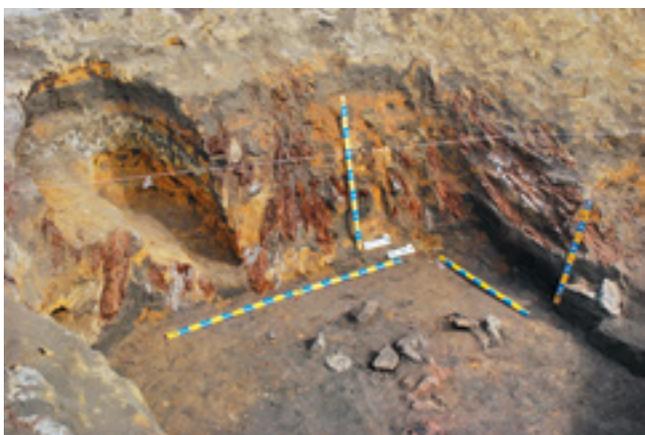

камер выявлены следы органической подстилки коричневого, черного или белесого цвета.

Положение погребенных — вытянуто на спине, руки, как правило, вдоль тела, иногда обе ноги покойного были отклонены от оси тулова влево. В одном случае зафиксирована «атакующая» поза,

то есть одна нога вытянута, а другая согнута в колене. Ориентировка погребенных разнообразна, но в основном преобладает расположение головы в северо-западном секторе. На дне ям отмечаются следы органической подстилки или золистой подсыпки. В качестве напутственной пищи в погре-

Раскопки кургана раннесакского времени. Дромос, ведущий в погребальную камеру и глиняный вал вокруг неё. Могильник Кичигино I

Раскопки кургана раннесакского времени. Остатки перекрытия погребальной камеры. Могильник Кичигино I

Раскопки кургана раннесакского времени.

Остатки перекрытия погребальной камеры у дромоса. Могильник Кичигино I

Каменный жертвенник без ножек. СКОИКМ

Каменный жертвенник с четырьмя короткими ножками (вверху слева).

Каменный жертвенник без ножек и галька-растиральник. СКОИКМ

Жертвенник (алтарик) — предмет культа, каменный, разнообразных форм (столики на ножках, блюда и т. п.), часто с зооморфным оформлением или орнаментированный.

Колчан — футляр для стрел из кожи, дерева, ткани, металла. Располагался на поясе или за спиной у пеших стрелков, у конных обычно на поясе или подвешивался к седлу. Стрелы, как правило, помещались оперением вверх, чтобы их было легко достать и зарядить.

Колчанный крюк — элемент воинского снаряжения для фиксации колчана или горита к ремню портупей.

бальную камеру помещались передняя или задняя нога барана, грудная часть лошади.

Погребальный инвентарь мужских захоронений представлен предметами вооружения (кинжалы, чеканы, стрелы, колчаные крюки), наборными поясами. В женских погребениях встречены зеркала, каменные жертвенники без ножек или с четырьмя короткими ножками, наборы для татуировки.

Анализ мужских воинских захоронений этого времени позволяет разделить их на три основные группы, отличающиеся размерами и сложностью погребальных сооружений и составом сопроводительного инвентаря. В погребениях первой группы обнаружены наконечники стрел, колчаные крючки и ножи. Для погребений второй группы характерен представительный комплекс вооружения, включающий кинжал, колчан со стрелами, поясной набор, атрибуты воинского статуса. Захоронения третьей группы отличает сложность погребальных сооружений, богатый набор вооружения и наличие изделий из драгоценных металлов. Погребения первой группы можно интерпретировать как захоронения рядовых воинов, второй группы — как захоронения представителей воинской элиты, а погребения третьей группы связать с захоронениями племенной знати.

Погребение раннесакского времени у озера Кумкуль (VII–VI вв. до н. э.)

Раннесакские памятники Южного Зауралья характеризуют не только представительный комплекс вооружения, но и значительное количество предметов искусства, выполненных в лучших традициях скифского звериного стиля евразийских степей. Их можно разделить на две хронологические группы: 1) архаическую, пока весьма немногочисленную и 2) кичигинскую, более позднюю и представительную.

Самым ранним произведениям искусства зауральских кочевников свойственны те же признаки, что и произведениям раннего скифского звериного стиля вообще. Это четкое акцентирование наиболее важных частей тела животного, преувеличение этих деталей, трактовка глаза, уха, ноздри и пасти кружками, канонические позы зверей (оленья и свернувшегося хищника). По некоторым признакам эти образцы звериного стиля можно отнести к его восточной модификации: более плавная, чем в западных областях степной Евразии, моделиров-

ка поверхности тела животного, один передний отросток рогов оленя, «загадочные картинки» — композиционный прием взаимовписывания фигур.

Кичигинская группа изображений, сохраняя в основном традиционные черты скифского звериного стиля, отличается рядом признаков, не встреченных ранее. Это изображение именно львов, а не абстрактных хищников, специфическая поза хищника — с подвернутой задней лапой, трактовка лошадиной гривы полосками, широкое распространение сложного завитка, сочетание его с объемными изображениями, ажурные композиции из золотой фольги.

Как уже отмечалось, по своим основным показателям погребальный обряд зауральских nomadов раннесакского времени наиболее близок погребальному обряду ранних кочевников Северного и Центрального Казахстана, что позволяет объединять население Урало-Иртышского междуречья в рамках тасмолинской историко-этнографической общности. Погребальные комплексы этой общности по определяющим параметрам достаточно четко отличаются от памятников кочевого населения

раннесакского времени сопредельных территорий — Южного и Юго-Восточного Приаралья, Восточного Казахстана и Алтая.

Однако среди памятников раннесакского времени северных и северо-западных предгорий Алтая выделяется группа комплексов, близкая по погребальному обряду памятникам кочевников тасмолинской общности. Это погребения, где умершие уложены вытянуто на спине головой на запад, северо-запад, север или северо-восток. Совершены они изредка на поверхности древнего горизонта, гораздо чаще — в простых грунтовых ямах или ямах с подбоем вдоль длинной стенки. Часто в сакральное пространство могильной ямы, будь то простая яма или яма с подбоем, помещена лошадь или ее макет (шкура с головой). Инвентарь этих погребений, особенно снаряжение коня, находит ближайшие аналогии в тасмолинских древностях Центрального Казахстана. Как представляется, в основе отмеченной близости раннесакских культур Алтая, Казахстана и Южного Урала лежит процесс становления культур этого времени в степной Евразии.

Погребение раннесакского времени (вторая половина VII в. до н. э.). Могильник Кичигино I

Погребение раннесакского времени. Горит. Могильник Кичигино I

Костяной гребень раннесакского времени. Варненские курганы (вторая половина VIII – первая половина VII вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Бляха в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. Находка у озера Увильды. ГИМЮУ

Долгое время в археологии господствовало представление о прямом и непосредственном происхождении культур раннего железного века Южного Урала, Центральной Азии, Казахстана, Западной Сибири и Алтая от срубной или андроновской культур эпохи бронзы. Однако рассмотрение археологических материалов этих двух эпох на уровне конкретных регионов, будь то Южный Урал, Центральный Казахстан или Центральная Азия, не дает оснований говорить о постепенной трансформации культур эпохи бронзы в культуры раннего железного века. Скорее речь может идти не о плавной трансформации, а о появлении на указанных территориях разнородных объединений всадников-мигрантов, не имеющих здесь собственных этногенетических корней и привнесших сюда элементы собственной этнической культуры и новый геном. Палеоантропологи отмечают: межгрупповой анализ краниологической серии Западной Сибири, Алтая, Центральной Азии, Казахстана и Северо-Западного Китая эпохи бронзы и раннего железного века показал, что морфологический комплекс андроновского расового типа не улавливается в большинстве групп носителей сакских культур и андроновский антропологический пласт не может рассматриваться как исходный тип для основного массива сакского населения Центральной Азии, Казахстана, Южной Сибири и Внутренней Азии². Эти выводы полностью подтверждаются материалами погребальных памятников эпохи поздней бронзы и раннесакского времени Урало-Иртышского междуречья, в том числе и Южного Зауралья.

Скорее всего, фиксируемая археологически близость памятников этого времени урало-казахстанских степей, северо-западных и западных предгорий Алтая базируется на общих путях расселения родственных групп кочевников, выходцев из районов Северного и Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана) и Монголии — через Джунгарские ворота и долину Черного Иртыша,

² Внутренняя Азия — континентальная область бессточных водных бассейнов от Алтая до Тибета и от Хингана до Памира.

Деталь поясного набора (бронзовый крюк с изображением головы лошади). Могильник Кичигино I (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

вдоль предгорий Алтая в Центральный и Северный Казахстан и далее в степи Южного Зауралья.

Общим для всех групп переселенцев из Внутренней Азии, освоивших пространства от северо-западных предгорий Алтая до восточных отрогов Уральского хребта, было широкое использование камня для возведения внемогильных конструкций — кольцевых или прямоугольных выкладок и оград, каменных панцирей над земляной насыпью, каменных набросок, вымосток и т. п. Общим было и положение умерших вытянуто на спине при разнообразной ориентировке, но преимущественно в северный или западный сектор.

Краниология — в антропологии комплекс научных дисциплин, изучающих нормальные вариации размеров и формы черепа и его отдельных частей. В морфологии человека исследуют закономерности изменчивости и связей признаков строения черепа, возрастные изменения, половые различия и другие общетеоретические проблемы.

В расоведении на основе изучения черепного (краниологического) материала делаются заключения о дифференциации расовых типов. Сопоставление краниологических серий одной или разных эпох, связанных с определенной территорией, выявляет сходства или различия древних людей, населяющих эту территорию.

Вероятно, неоднородный состав переселенцев обусловил разнообразие погребальных сооружений: простая грунтовая яма (основной тип погребальной камеры), каменный ящик, могильная яма с подбоем и др. Однако в отношении сакрального пространства могилы существовали, очевидно, две ярко выраженные традиции. Согласно первой могила предназначалась не только для человека, но и для его лошади. Согласно другой традиции не только могильная яма, но и так или иначе выделенная подкурганная площадка предназначались только для человека.

В Южном Зауралье, так же как и в Северном Казахстане, абсолютно преобладала вторая традиция — погребения в грунтовой яме различной конструкции, в том числе с подбоем, без сопроводительного захоронения лошади, ее «макета» или «символа». В Центральном Казахстане обе традиции сосуществовали. Здесь известны погребальные сооружения различного типа, где захоронен только человек, но в таких же сооружениях, за исключением могильных ям с подбоем, вместе с человеком помещалась и его лошадь, представленная «макетом» в виде черепов с предметами упряжи и копыт, или «символом» — уздечным набором.

Движение кочевых племен Внутренней Азии за пределы этой области проходило, вероятно, в несколько этапов, имело различную интенсивность и было направлено в разные регионы. Первое, возможно, незначительное по своим масштабам переселение началось, очевидно, в конце IX века до н. э. и было направлено главным образом в горные районы Алтая. Более массовый характер миграция в этот регион приобрела в начале VIII века до н. э. Вторая, более массовая волна миграций произошла, скорее всего, в конце VIII века до н. э. или на рубеже VIII–VII веков до н. э. Она охватила более обширные территории и проходила, как представляется, двумя путями. Одна группа кочевников прошла через Джунгарские ворота, Алакольскую котловину, Семиречье и Южный Казахстан и достигла низовий Сырдарьи и Амударьи. Путь другой группы пролегал через Джунгарскую впадину и долину Черного Иртыша, вдоль западных (Восточный Казахстан) и северо-западных предгорий Алтая в Центральный и Северный Казахстан и далее в степи Южного Зауралья. Отдельные группы мигрантов этой волны проникли, очевидно, и в районы Горного Алтая.

Общие пути расселения родственных групп кочевников в конце VIII века до н. э. или на рубеже

Бляшки с изображением лежащих львов. Могильник Кичигино I. Раннесакское время (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

VIII–VII веков до н. э. как раз и явились основой близости погребальных памятников этих регионов, отмечаемой многими исследователями. Состав мигрантов был, по всей вероятности, весьма неоднороден. Возможно, первую волну переселенцев составили носители традиции «скорченных погребений». Вторая волна охватила главным образом носителей традиции «вытянутых погребений».

Смешение же мигрантов с местным населением — носителем культурных традиций эпохи бронзы, имевшим свои, региональные особенности в погребальной обрядности, привело к формированию некоторых особенностей культур раннесакского времени того или иного региона. Однако немногочисленное, в силу неблагоприятных экологических условий, местное население Южного Зауралья, так же как население Северного и Центрального Казахстана, очевидно, не смогло оказать существенного влияния на погребальные традиции пришельцев. Поэтому, как представляется, и не прослеживается почти никакой преемственности в погребальной обрядности населения эпохи поздней бронзы и раннесакского времени этих территорий.

Как уже отмечалось, исходными территориями миграций начала I тысячелетия до н. э. были, вероятно, районы Северного и Северо-Западного Китая и Монголии. В пользу этого предположения могут свидетельствовать некоторые данные археологии и антропологии. Так, положение умерших вытянуто на спине характерно для различных культур Северного Китая с эпохи неолита. Для II — начала I тысячелетия до н. э. оно отмечено в Ордосе и Восточном Туркестане. Захоронения же в подбоях и катакомбах характерны для разных культур Северо-Западного Китая начиная еще с эпохи бронзы и даже финального неолита. Следует подчеркнуть, что для эпохи бронзы Урало-Иртышского междуречья неизвестны не только захоронения в подбоях, но и положение погребенного вытянуто на спине. В эту эпоху умершие в могильную яму укладывались почти исключительно в скорченном положении на боку.

С Северным и Северо-Западным Китаем исследователи связывают распространение в евразийских степях некоторых категорий погребального инвентаря, таких как литые бронзовые зеркала

Мужчина раннесакского времени. Антропологическая реконструкция А. И. Нечвалоды по материалам

погребения знатного воина из могильника Иртыш-14 (VII–VI вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

в виде круглого диска с центральной петлей на оборотной стороне, удила со стремевидными окончаниями, бронзовые колесики-амулеты с четырьмя спицами. Северный Китай являлся, очевидно, родиной литых бронзовых шлемов «кубанского» типа и бронзовых черешковых наконечников стрел.

В литературе уже неоднократно обращалось внимание на то, что к северу от Великой Китайской стены существует целая группа предметов мелкого пластического искусства, которые можно с полным правом назвать ранними образцами скифо-сибирского звериного стиля. Вероятно, под

влиянием китайского искусства у кочевников Внутренней Азии возникают мотивы свернувшегося хищника, оленей «на цыпочках», кабанов, головок хищной птицы. И уже из Внутренней Азии они проникают в более западные области степной Евразии.

Причина неоднократных миграций населения из Внутренней Азии в ту далекую эпоху кроется не столько в политических событиях на границах Китая и кочевого мира, сколько в изменении экологических условий в степях Монголии, Северного и Северо-Западного Китая. Дело в том, что с переходом населения этого региона к полукочевому и кочевому скотоводству в полной мере проявилась его зависимость от природных условий, в частности от изменений климата. Благоприятные для скотоводства климатические условия приводили к увеличению демографической емкости территории. С ухудшением же условий, вызванных прежде всего аридизацией, возникала относительная перенаселенность, что приводило к оттоку населения за пределы Внутренней Азии. Следствием этого являлось снижение плотности населения в данном регионе и выход его на новый уровень равновесия с окружающей средой.

Период около рубежа II–I тысячелетий до н. э. в степях Внутренней Азии, так же как и в урало-

Аридизация — сложный и разнообразный комплекс процессов уменьшения степени увлажненности территорий и вызванного этим сокращения биологической продуктивности

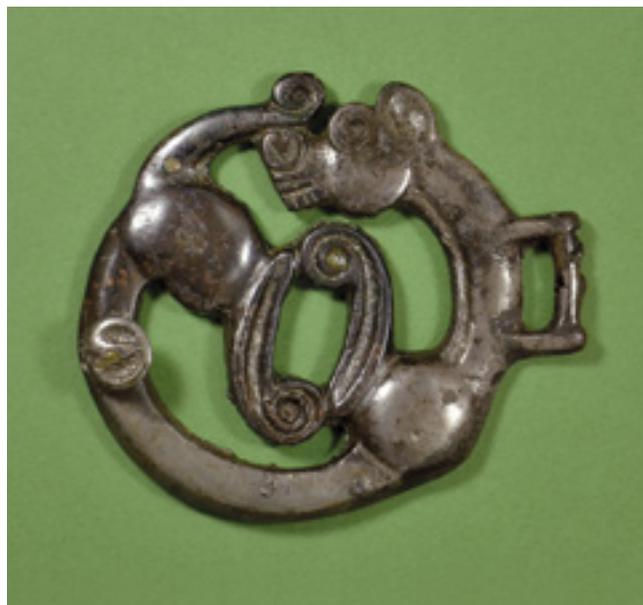
экосистем. Происходит в силу как природных (циклические изменения климата), так и антропогенных (откачка подземных вод, эрозия, пыльные бури) причин.

Бронзовое зеркало раннесакского времени

(VII–VI вв. до н. э.).
Могильник Бобровский

Бронзовые удила раннесакского времени.
Случайная находка

Бляха с изображением свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. Клад на берегу

озера Травакуль (VII–VI вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

казахстанских степях, в Приаралье, Семиречье, на Алтае, характеризуется как эпоха с достаточно выраженными аридными климатическими условиями. В дальнейшем эпохе ярко выраженного экологического кризиса в степях Монголии и периоду опустынивания Северного и Северо-Западного Китая соответствуют оптимальные экологические условия в Центральном Казахстане, Южном Зауралье и Южном Приаралье. Эти изменения природно-климатических условий и обусловили в эпоху близ рубежа VIII–VII веков до н. э. миграцию кочевого населения Внутренней Азии в регионы с более благоприятными экологическими условиями, привлекающие к ней с севера и северо-запада.

Основой сложения общности культур ранних кочевников Казахстана и Центральной Азии, в том числе тасмолинской историко-этнографической общности, явилась пастбищно-кочевая система, или система сезонного распределения пастбищ и водных источников. Ею же во многом было обусловлено и взаимодействие кочевников Южного Урала с окружающим миром в раннесакское время.

Как уже отмечалось, основным районом зимовок ранних кочевников степей от Урала до Иртыша, в том числе и номадов Южного Урала, являлась полоса пустынь и предгорий, протянувшаяся от Каспийского моря на западе до озер Балхаш и Алаколь на востоке: Мангышлак, Устюрт, низовья Амударьи и Сырдарьи, Кызылкумы, Приаралье, низовья Сарысу, долины рек Талас, Чу, Или, предгорья Каратау, пески Мойынкум и Южного Прибалхашья (Таукум, Сарыесик-Атырау). Здесь в зимний период концентрировалась основная масса кочевого населения степей и полупустынь Урало-Иртышского междуречья, кочевников и полукочевников Центральной Азии, что способствовало общению между родственными кочевыми племенными объединениями, в другое время года разобщенными и обособленными обширностью степных территорий. Ведь зачастую у кочевых групп, зимующих по соседству, летние пастбища находились в различных регионах степей Урало-Иртышского междуречья, как это было у казахов XVIII–XIX веков. Так, казахи Казалинского уезда Сырдарьинской области (роды шекты, шомекей, торткара, каракесек), зимующие в низовьях Сырдарьи, в песках Кызылкумов,

на северо-западном и северо-восточном побережьях Аральского моря, уходили на летовки к рекам Тобол, Ирғиз Турғай, к Эмбе и Мугоджарским горам. Одна группа казахов Перовского уезда этой же области (роды кыпчак, табын, найман, кете, керейт, жаппас и др.) располагалась на летовки в верховьях Сарысу, другая группа переходила в горы Улугтау и Кшитау в Центральном Казахстане, третья имела летовки в Южном Зауралье, в верховьях Тобола и на реке Уй у Троицкой укрепленной линии (до постройки этой линии казахи, по-видимому, уходили и за Уй), четвертая все лето проводила неподалеку от зимовок. Зимовки рода конграт были расположены на юго-западных склонах Каратау, а летовки — в горах Каратау и Атбасарском уезде Акмолинской области [7, с. 192–197]. Казахи одних и тех же аулов (наиболее мелкая единица административного деления) различных волостей Перовского и Казалинского уезда Сырдарьинской области в конце XIX — начале XX века на лето делились на две-три части. Одни оставались в пределах своих волостей и уездов, где кочевали в районе зимовок и одновременно занимались земледелием и сенокосением, то есть вели полукочевой образ жизни. Другие откочевывали в Атбасарский уезд Акмолинской области (Центральный Казахстан),

Бляха из набора предметов снаряжения коня раннесакского времени. Клад на берегу

озера Травакуль (VII–VI вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

«В ауле».
Художник Евгений Ким.
www.antika.kz

«Будни в ауле».
Художник Евгений Ким.
www.antika.kz

третьи располагались на летовки в Тургайском, Иргизском и Кустанайском уездах Тургайской области (Южное Зауралье) [8, с. 142–147]. «Зимние пастбища Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области находились в основном в долинах Чу, Таласа, в песках Мойынкум, на северных склонах Алатау и в отрогах Каратау. Большая часть летовок располагалась в пределах своего уезда по склонам Алатау... и на Каратау. Лишь 25 % общего числа кочевников уходили за пределы Сыр-Дарьинской области на север, в Атбасарский, Акмолинский, Каркаралинский уезды (Центральный Казахстан.— А. Т.), пересекая Бетпак-Далу, часть же крупных баев откочевывала в Наманганский уезд Ферганской области» [10, с. 77].

Перековывающие на зиму в центральноазиатские пустыни номады урало-казахстанских степей и полупустынь взаимодействовали с кочевым и полукочевым населением, обитавшим здесь по-

«Караван в пустыне. Добывают воду» (1903).
Художник Н. Н. Каразин

«Перековка аула».
Художник Евгений Ким.
www.antika.kz

стоянно. Это население не всегда было этнически отличным от них. В его состав могла входить часть кочевой народности или племенного объединения, по тем или иным причинам кочующая здесь или осевшая и ведущая полукочевой или оседлый образ жизни. Так, полукочевниками были значительная часть кыпчаков, осевших на местах зимовок — в бассейне Сырдарьи, Сарысу, в предгорьях Каратау. А отдельные их группы занимались орошаемым земледелием в районах Улутау, Тургая, Ишима. К концу XIX — началу XX века относятся сведения о кочевых казахах, приводимые Б. Скаловым. После зимовки в окрестностях Кунграда по низовьям Амударьи и по берегам Аральского моря казахи в начале марта начинают двигаться через Устюрт на север, спеша пройти его, «пока в низинах среди степи везде находится снеговая вода. Необ-

ходимость пользоваться водой из колодцев очень затрудняет перекочевку. Приблизительно в начале или к середине апреля киргизы подходят к северному краю Усть-урта и спускаются в при-чаганскую равнину, откуда и движутся к Эмбе и далее на летовки средней и северной части Темирского уезда. Отдельные аулы и родовые отделения переходят в Актюбинский уезд. Сравнительно незначительная часть кочевников, простояв некоторое время на Чагане и Кара-табане, снова возвращается на Усть-урт, где и стоит все лето на колодцах. Другие и совсем не спускаются с Усть-урта и летуют по его северному краю на ключах и колодцах, или в песках к югу от Матай и Сама. Значительная часть кочевников табынского рода... остаются летовать в описанных степях между Усть-уртом и Эмбой» [9, с. 90, 91, 95].

Встречи кочевников, занимавших различные регионы Урало-Иртышского междуречья, происходили не только на зимовках, но и в местах летовок. Так, судя по этнографическим данным, племена, зимующие на Устюрте, Мангышлаке, в низовьях Амударьи, лето проводили в предгорьях Урала, на западных склонах Мугоджар (верховья Эмбы и Ори в Южном Приуралье). Отдельные же группы номадов, имевшие зимние пастбища в низовьях Сырдарьи, в Кызылкумах и Северо-Восточном Приаралье, располагались на летовки на восточных склонах Мугоджар (на притоках Иргиза), в Восточном Оренбуржье (на притоках Урала и Ори в Южном Зауралье), доходя до верховьев Эмбы и Ори, то есть кочевали летом в непосредственном соседстве с номадами Западного Казахстана и Южного Приуралья.

«Летовка для кочевника-скотовода имеет и громадное общественное значение,— отмечал А. Ашмарин.— На ней сходятся кочевники отдаленных местностей, не имеющих между собой сообщения в течение целого года, почему она и является чуть ли не единственным местом связи для киргизских родов. Здесь каждый кочевник знакомится со всеми событиями прошедшего года — со всеми сторонами жизни прочих родов, упадком или развитием хозяйства... Здесь совместно обсуждаются вопросы общего характера... На летовках проводится большинство общих и семейных праздников: устраи-

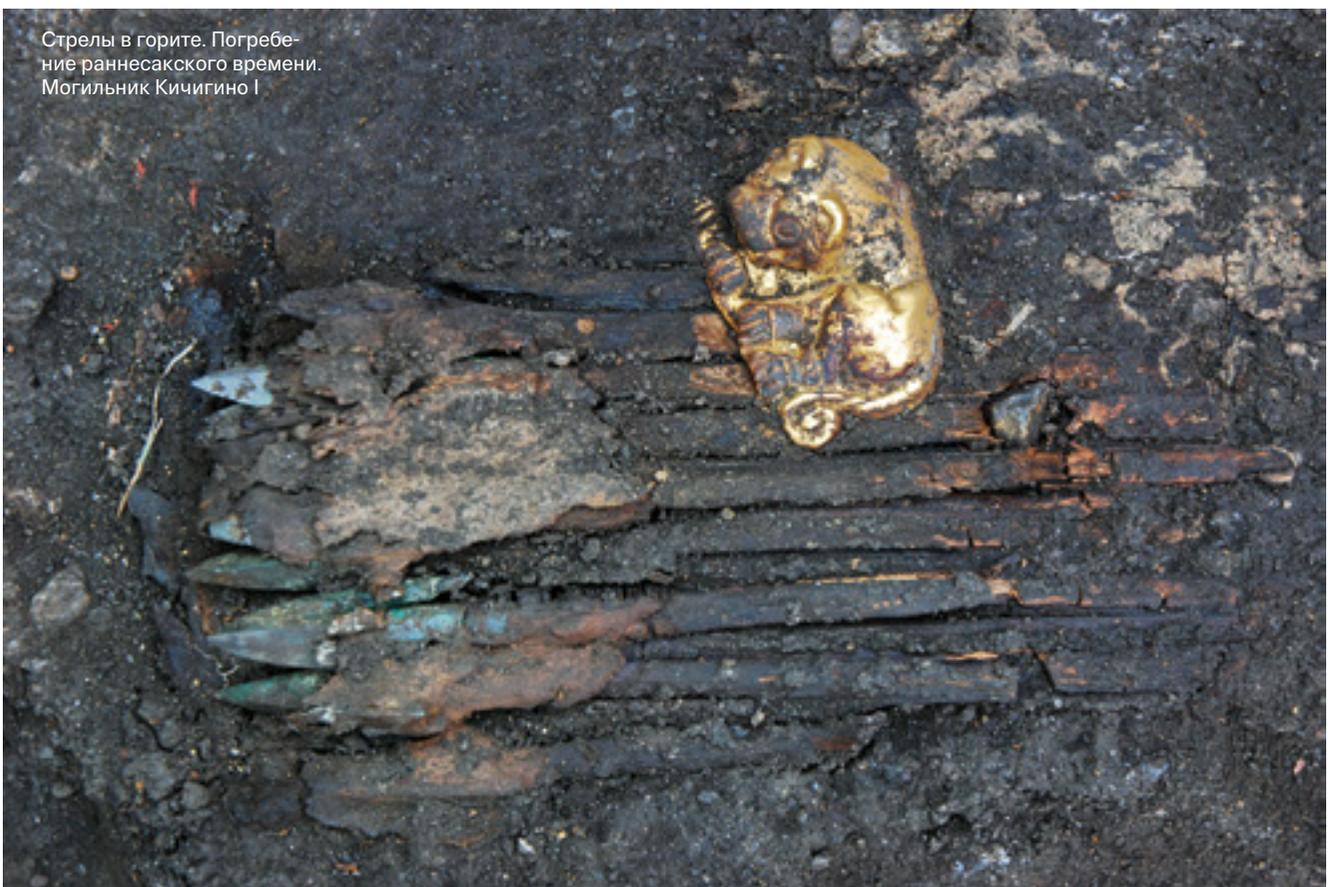

Подготовка к перекочевке

ваются свадьбы, поминки... В этих празднествах участвуют сотни, а иногда и тысячи киргиз... Каждый старается показать лучшую лошадь, лучшую сбрую, лучший костюм... Потеря летовок для киргизского скотовода равносильна полному разорению» [1, с. 122].

Контакты ранних кочевников урало-казахстанских степей и полупустынь и номадов центральноазиатских пустынь и предгорий, обусловленные концентрацией их в зоне пустынь и на местах зимних пастбищ, расположением летовок отдельных групп в непосредственном соседстве, определили быструю передачу новшеств в области материальной культуры, особенно вооружения и конской упряжи. Единая же генетическая основа и близкий уровень социально-экономического развития способствовали этим контактам, облегчали заимствования в области не только материального производства, но и духовной сферы. Все это в конечном счете приводило к нивелировке культур ранних кочевников различных регионов азиатской части степной Евразии, входящих в единую сакскую историко-этнографическую область.

Именно природные условия, которые являлись главным обстоятельством при выборе номадами урало-казахстанских степей маршрутов своих сезонных перекочевок, мест летних и зимних пастбищ и, в конечном счете, вхождения их в тасмолинскую

Бронзовые наконечники стрел раннесакского времени. Могильник Шатрово (VII–VI вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

историко-этнографическую общность, определили то сходство обряда и инвентаря, которое достаточно отчетливо прослеживается при анализе погребальных памятников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана.

Расположение зимних пастбищ кочевников тасмолинской общности в непосредственной близости от низовьев Сырдарьи, контакты с сырдарьинскими саками, входившими в другую историко-этнографическую общность, определили ту близость погребального инвентаря и отдельных элементов погребального обряда, что прослеживается между памятниками Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана, с одной стороны, и курганами могильников Приаралья (Уйгарак, Южный Тагискен, Сакар-чага) — с другой. Это пояса с бронзовыми обоймами, «зеркала» с длинными ножевидными ручками, некоторые типы втульчатых и черешковых наконечников стрел, детали конского снаряжения, каменные переносные жертвенники овальной формы с четырьмя короткими, круглыми в сечении ножками, а также в форме стилизованной головы хищной птицы.

Саки

Саки — название ираноязычных племен (преимущественно кочевых) раннего железного века (I тысячелетие до н. э. — первые века нашей эры). В клинописных древнеперсидских, китайских хрониках, индийских и других источниках применялось для обозначения различных кочевых племен Евразии (в античных источниках саки, как правило, соответствуют скифам). В древнеперсидских надписях саки первоначально фигурируют как нечто единое, но затем появляются три их группы: саки-хаумаварга (у античных авторов — амюргии), саки-тиграхауда («с остроконечными шапками») и саки «которые за морем» (вероятно, скифы Причерноморья). В современной научной литературе саками называют древние племена северных и восточных районов Центральной Азии, Казахстана, Восточного Туркестана, в отличие от родственных им массагетов Приаралья и Закаспия и скифов Северного Причерноморья. В конце VI — начале V века до н. э. часть саков была покорена персидскими царями (Кир II и Дарий I) из династии Ахеменидов, платили им подати и поставляли воинов. В составе персидской армии саки, составляя основную массу кавалерии, участвовали в греко-персидских войнах и несли гарнизонную службу в различных областях государства Ахеменидов, в частности

в Египте. Александр Македонский, а позднее Селевкиды вели военные действия против саков, угрожая их владениями в Средней Азии. Около середины III века до н. э. группа сакских племен вторглась в пределы Парфии и сыграла значительную роль в образовании Парфянского царства. В конце II — первой половине I века до н. э. саки проникли в Северную Индию. На территории Центральной Азии, Афганистана, Пакистана и Северной Индии саки уже в первые века нашей эры были, очевидно, ассимилированы местными народами и пришлыми кочевыми племенами.

Основным занятием саков было кочевое скотоводство, отдельные их группы переходили к оседлости. Археологические материалы говорят о том, что уже в раннее время в среде саков сложилось имущественное неравенство. Памятники культуры саков — их погребальные курганы — открыты в Казахстане, Киргизии, Таджикистане. В Южном Зауралье с саками могут быть связаны памятники бобровско-тасмолинской археологической культуры (вторая половина VII — середина VI века до н. э.).

С конца VI века до н. э. в недрах сако-массагетского кочевого мира Южного Урала формируется прохоровская археологическая культура, носителей которой большинство исследователей определяет как ранних сарматов.

Изображение сака с пучком прутьев в руке (VI вв. до н. э.). Амударьинский клад

Саки-тиграхауда, приносящие дар персидскому царю. Детали рельефа из дворца Ксеркса в Персеполе (V в. до н. э.)

Связи между кочевниками Южного Урала и Приаралья прослеживаются и при сравнении предметов их декоративно-прикладного искусства. Так, по схеме изображения ближайшими аналогиями подпружным пряжкам в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника с берегов озер Иртяш и Травакуль является подпружная пряжка из кургана 33 могильника Уйгарак в Юго-Восточном Приаралье. В этом же регионе находят аналогии и изображения в зверином стиле из кургана 5 южноуральского могильника Кичигино I — такие как стоящие и лежащие хищники из породы кошачьих, а также птичьи головки. Форма головы хищника, изображенного на костяном гребне из кургана 2 Варненской группы в Южном Зауралье, находит параллели в изображении головы фантастического грифона на бронзовых накладках из могильника Сакарчага 6 и головы льва на золотых накладках из кургана 45 могильника Южный Тагискен в Приаралье.

Характеризуя в целом контакты между южнозауральскими номадами и племенами низовий Сырдарьи, отметим прежде всего, что они были непосредственными и выступали в форме взаимодействия (взаимовлияния). Осуществлялись они главным образом в период зимовки

Деталь поясного набора (бляшка с петлей на обороте в виде стоящего хищника кошачьей породы).

Могильник Кичигино I (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Грифон — мифическое существо с головой, когтями и крыльями орла и телом льва.

Каменный жертвенник ранне-сакского времени (VII–VI вв. до н. э.). Случайная находка

на сопредельных территориях, то есть периодически, и охватывали, вероятно, широкие слои общества. По способу осуществления контакты могли быть как мирными, так и военными, связанными с борьбой за лучшие пастбища, стремлением обогатиться за счет соседей и т. п. С функциональной точки зрения контакты эти были, скорее всего, не только хозяйственными, вернее, технологическими, но и потестарно-политическими и духовно-идеологическими. Заимствовались в основ-

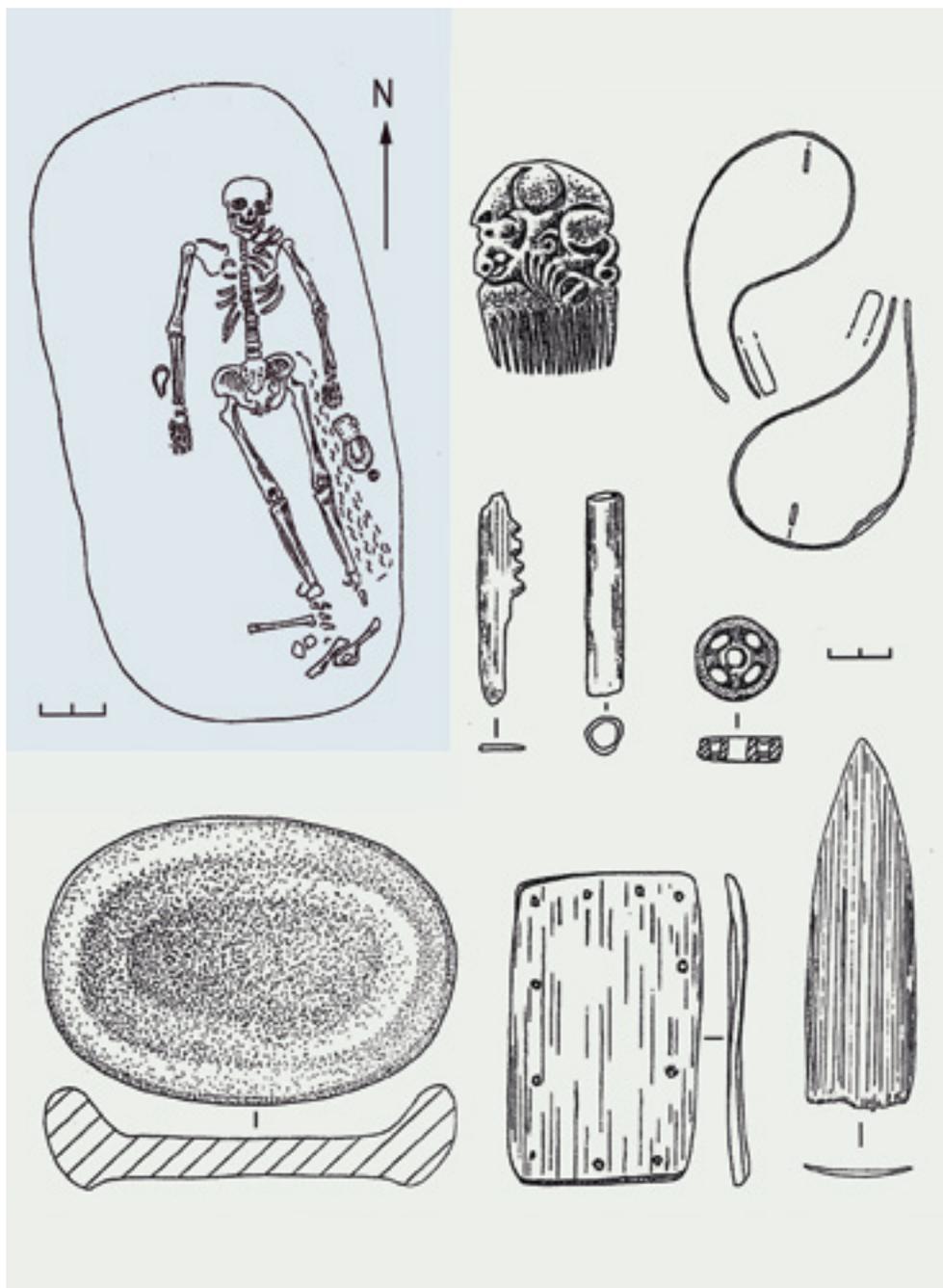
ном образцы вооружения и конской упряжи. Потестарно-политические контакты выражались в заключении союзов, договоров, посылке посольств и т. п. Результатом духовно-идеологических контактов является распространение однотипных предметов культа, в частности жертвенников и зеркал, близость искусства контактирующих обществ.

Исходя из предположения о существовании уже в VII–VI веках до н. э. кочевого цикла Приаралье — Приуралье, можно сделать вывод, что кочевники

Потестарная организация — термин, принятый в отечественной этнологии для обозначения организации власти в догосударственном, дополитическом обществе.

Потестарно-политическая организация — организация общества в период разложения первобытно-общинных отношений и формирования классовых обществ.

Потестарность — форма организации общественной власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, не имевших политических и государственных институтов и атрибутов.

Погребение раннесакского времени в кургане 2 Варненской группы курганов

Южного Зауралья вступали с амударьинскими саками и в непосредственные связи на местах летовок, в восточных и северных районах Южного Приуралья. В таком случае по своему характеру, способу осуществления и функциональной направленности контакты кочевников Южного Зауралья с кочевыми племенами Южного Приаралья (низовья Амударьи) мало отличались от контактов с саками Юго-Восточного Приаралья (низовья Сырдарьи).

Если одно направление связей южнозауральских кочевников, входивших в тасмолинскую историко-этнографическую общность, — с кочевниками и полукочевниками Центральной Азии и, в частности, Приаралья — было обусловлено расположением зимних пастбищ, то другое — с лесостепными племенами Зауралья и Западной Сибири — местонахождением летовок. Приходя на них, кочевники вступали в разнообразные контакты, в том числе военные, с полукочевым населением лесостепи, стремившимся к использованию богатых пастбищных возможностей степной зоны. Иллюстрацией этого положения могут служить материалы по башкирско-казахским взаимоотношениям в XVIII — начале XIX века. В домонгольское время для тюркоязычных скотоводческих племен, вошедших впоследствии в состав башкир, предгорья Южного Урала были лишь местом летних кочевий. На зиму они уходили со своим скотом на юг — в низовья Сырдарьи и Приаралья. Такую систему хозяйствования, установившуюся, по его мнению, к рубежу I–II тысячелетий н. э., Р. Г. Кузеев назвал «Арало-Уральским циклом кочевания». Постепенное затухание этого цикла у предков башкир, вызванное изменением политической ситуации в степи в X–XV веках, привело к оседанию кочевников на Южном Урале и развитию у них полукочевое хозяйство с присущими для него постоянными жилищами на зимниках и сенокошением. Как отмечает Р. Г. Кузеев, крупные исторические потрясения «сначала, в предмонгольскую эпоху, изолировали башкир от привычной жизни приаральско-прикаспийских степей, а позднее, с начала монгольского нашествия, заставили башкирские племена откочевать в районы, мало пригодные для круглогодичной кочевки». Поэтому «период с XI по XV век характери-

Бронзовое зеркало.
Могильник Кичигино II (VII–VI вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

зуется постепенным переходом башкир от кочевого скотоводства к полукочевому с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте» [4, с. 278, 280]. В XVI–XIX веках башкиры — уже типичные полукочевники с небольшим радиусом перекочевков, с постоянными жилищами на зимовках, с сенокошением, правда, развитым незначительно. Однако некоторые группы башкир юго-восточного Зауралья, южного и юго-западного Приуралья еще в XVIII и даже в начале XIX века на зиму скот, главным образом лошадей, составляющих основу стада, перегоняли на тебеневку в степи. Если позволяла политическая обстановка, южноуральские и казахстанские степи использовали в качестве летних пастбищ, а зимние кочевки достигали на юге Прикаспийской низменности. В XVI — начале XVII века степи Южного Урала являлись территорией ногайских кочевий, доходивших в Зауралье до верховий Урала и долины реки Уй, являющейся географической границей между степной и лесостепной зонами. Часть башкир в этот период кочевала, вероятно, вместе с ногайцами на одних и тех же территориях. По крайней мере, из башкирских преданий и шежере известно, что в Заволжье в осенне-зимнее время башкиры, так же как

и ногайцы, перекочевывали вплоть до Чижинских разливов, Эмбы и низовий Яика. Из-за столкновений с калмыками в середине XVII века заволжские башкиры вынуждены были оставить эти территории и переселиться в Уфимскую провинцию, на берега Белой, Сакмары, Ика. Впрочем, часть башкир, вероятно, признала власть калмыков и стала кочевать вместе с ними. После ухода большинства калмыков в Китай в 1771 году башкиры в массовом порядке стали возвращаться на свои старые кочевки в заволжских степях. Однако в 1806 году казахский султан Младшего жуза Букей получил разрешение на право переселения в междуречье Волги и Урала, и здесь образовалось Букеевское ханство. Результатом частых конфликтов из-за пастбищных угодий между башкирами и казахами, а также уральскими казакми стало окончательное вытеснение башкир с бассейнов рек Узень и Чижи и переселение большинства их в долины рек Большой Иргиз, Камелик и Каралек [6, с. 84–86].

В Южном Зауралье в XVII–XVIII веках башкиры занимали всю лесостепную зону, а их летние кочевья встречались даже на реке Тогузак в степной зоне Зауралья. В начале XVII века башкирские кочевья в Зауралье неоднократно разорялись калмыками, доходившими до Исети и даже до Пышмы. К середине этого столетия калмыцкие кочевья распространились до верховьев Яика, что вызвало обострение башкиро-калмыцких отношений и создало почву для военных столкновений. В 1648 году российское правительство объявило башкирам, что калмыки станут кочевать по Яику, Ори, Килу, Сакмаре и другим рекам. Однако уже в следующем, 1649 году правительство призывало калмыцкого Дайчин-тайши отойти за Яик и Эмбу, а по рекам Ори, Килу, Сакмаре и другим не кочевать. В начале второй половины XVII века калмыки обосновались к западу от Яика — в Поволжье. Однако уже в начале XVIII века башкиры постепенно вытесняются из степной зоны Зауралья, ставшей местом летних кочевий казахов. Так, в описании «Киргиз-Кайсакской орды» 1734 года говорится, что казахи Среднего жуза «кочуют по реке Таргой (Тургай) и по другим, которые башкирцы называют своими». Казахи же Младшего жуза, кочевавшие «близ Аральского озера», а также меж-

ду Средним жузом и Яиком, «не мало башкирской земли захватили» (цит. по [4, с. 267]). А. И. Левшин в своем труде, изданном в 1832 году, писал: «На запад подались киргиз-казаки в первой половине XVIII столетия; в конце же XVII, и даже в первых годах XVIII, между верховьями Урала и Эмбы кочевали башкиры, а между устьями сих рек — калмыки», занявшие место ногаев [5, с. 159]. Таким образом, для башкир XVI–XIX веков, ведущих полукочевое скотоводческое хозяйство, степи, прилегающие к Южному Уралу, служили для зимнего выпаса главным образом лошадей, а при благоприятной политической ситуации — и местом летних пастбищ. Но в основном эти территории являлись местом летних пастбищ сначала ногаев, затем калмыков и казахов. Отметим также, что одной из особенностей казахского кочевого хозяйства была система зимнего отгонного выпаса лошадей на территории летних пастбищ, что в значительной мере было связано с нехваткой хороших и обширных зимних пастбищ на юге. В этом случае с лошадьми на север отправлялись лишь табунщики. Зимой для выпаса табунов использовались пастбища, по разным причинам недоступные в летнее время. Отсюда вполне вероятно, что между кочевниками степи и полукочевниками лесостепи могли происходить столкновения и из-за зимних пастбищ, расположенных на севере степной зоны.

Исходя из данных археологии и письменных источников эпохи Средневековья и Нового времени, а также принимая во внимание материалы этнографии кочевых и полукочевых в недавнем прошлом народов Урала и Западной Сибири, можно констатировать, что в I тысячелетии до н. э. контакты ранних кочевников степи с населением лесостепи были весьма разнообразны по форме, интенсивности, широте и глубине, по своему характеру, способу осуществления и функциональной направленности. Они могли быть постоянными, периодическими или эпизодическими, охватывать все слои общества или отдельные его страты, выступать в форме взаимодействия и (или) воздействия. По своему характеру и способу осуществления эти контакты могли быть военными или мирными, миграционными и инфильтрационными. Миграционные контакты — результат

перемещения относительно больших групп людей; инфильтрационные — результат перемещения небольших групп или даже отдельных лиц (например, при смешанных браках, включении в военную дружину иноплеменников и т. п.). Контакты можно разделить на хозяйственные, включая разделение труда между контактирующими обществами, социальные (массовые и элитарные), потестарно-политические и культурно-идеологические. Все эти типы контактов менялись во времени и пространстве в соответствии с конкретно складывающимися и меняющимися обстоятельствами. В одно и то же время типы контактов с разными группами населения (носителями гороховской, иткульской, саргатской культур лесостепного Зауралья) могли быть разными. Различными в разное время могли быть и контакты с одной и той же группой населения. На том или ином отрезке истории преобладали те или иные типы контактов. Это зависело от множества трудно уловимых в настоящее время нюансов.

В относительно стабильные периоды преобладали, очевидно, постоянные хозяйственные, в том числе торгово-обменные контакты, инфильтрации, включая брачные связи, охватывающие не только элитарные, но и рядовые слои населения. В такие периоды открывались значительные возможности и для культурно-идеологических контактов, проводниками которых в обществах лесостепи выступала родоплеменная верхушка, связанная своим происхождением с кочевым миром. В периоды же политической и экологической нестабильности преобладали, скорее всего, потестарно-политические контакты военного характера, сопровождавшиеся миграционными (включением в состав того или иного объединения достаточно крупных групп инородного населения).

Гороховская культура — археологическая культура раннего железного века в лесостепном Зауралье, в бассейне рек Исеть, Миасс, Тобол (V–II века до н. э.).

Саргатская культура — археологическая культура раннего железного века лесостепи Западной Сибири (V в. до н. э. – V в. н. э.).

Гамаюнская культура

Гамаюнская археологическая культура существовала в IX–IV веках до н. э. в горнолесном и лесостепном Зауралье. Памятники культуры, представленные городищами, неукрепленными поселениями и стоянками, тянутся узкой прерывистой полосой вдоль восточного склона Уральского хребта от реки Вагиль до озера Чебаркуль. Картографирование их выявило семь локальных вариантов культуры, из которых два — каслинско-синарский и миасско-аргазинский — находятся на территории Южного Зауралья.

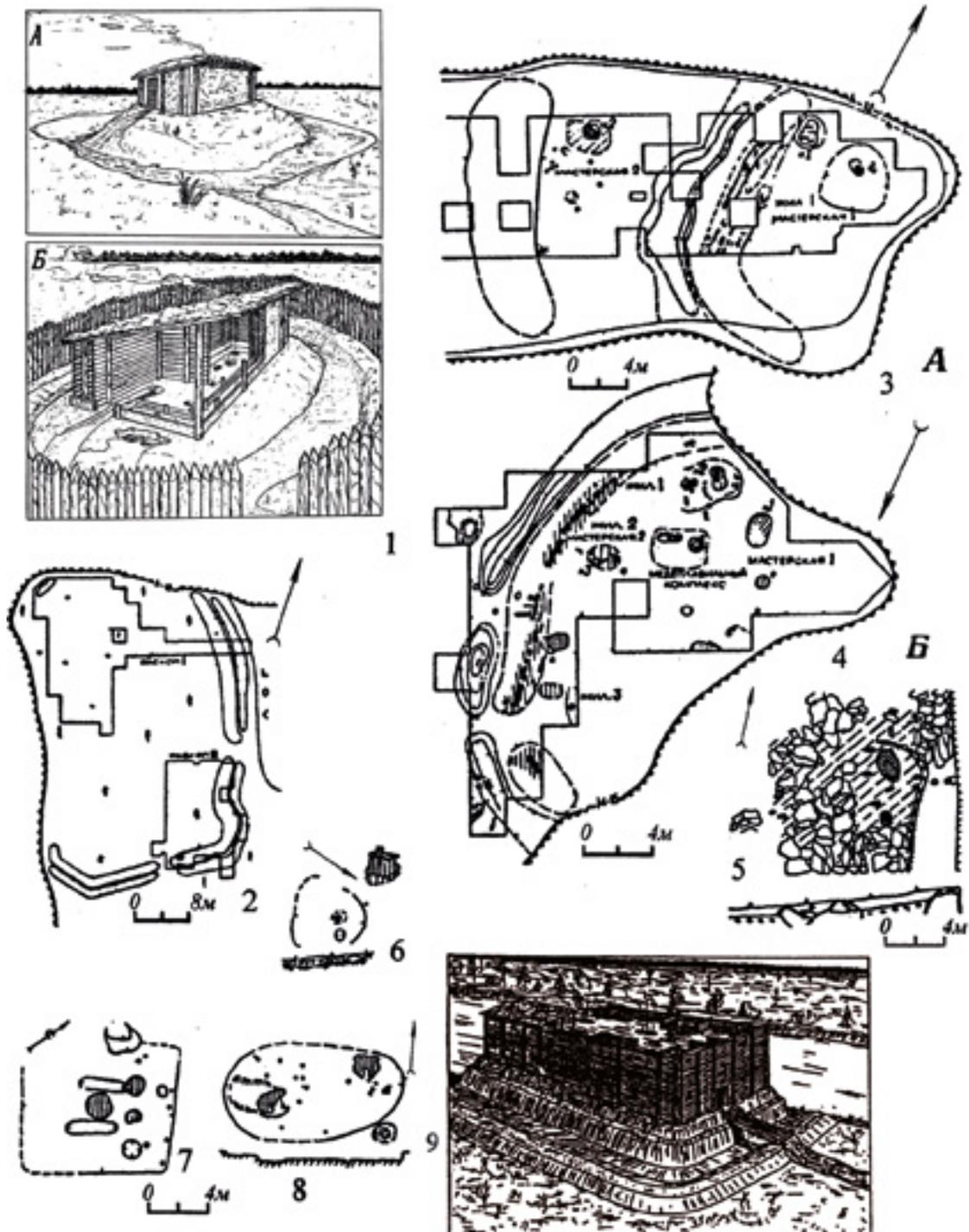
Городища гамаюнской культуры мысовые или береговые, одно- и двухплощадочные. Фортификационные сооружения представлены бревенчатыми одно- или двухрядными стенами, валами и рвами. Встречены и дома-крепости — окруженные рвом мощные прямоугольные в плане бревенчатые сооружения, внешние стены которых одновременно являлись и жилыми, и оборонительными. Основная масса городищ была основана в начале железного века — в VIII–VII веках до н. э. — и существовала до конца гамаюнской культуры. Отсутствие селищ при городищах, а также расположение на их площадках жилых и производственных комплексов характеризуют гамаюнские укрепленные центры как места постоянного обитания и производственной деятельности населения, а не только как простые убежища на случай военной опасности. Строительство фортификаций обуславливалось двумя причинами: вначале необходимостью закрепления на осваиваемых землях в условиях чуждого окружения, что характерно для ранних этапов развития культуры, а несколько позднее, после прихода гамаюнского населения в Южное Зауралье — с целью защиты от кочевников. Неукрепленные гамаюнские поселения представляли собой круглогодичные селища, сезонные и кратковременные промысловые стоянки, располагавшиеся, как правило, по берегам озер и рек.

Экономика гамаюнской культуры имела присваивающий характер с элементами производящего хозяйства (скотоводство). В Северном и Среднем Зауралье основой хозяйства являлась охота, в Южном Зауралье роль скотоводства возрастала.

Развитие скотоводства на юге гамаюнской территории обуславливалось природными условиями и влиянием соседних культур с устойчивыми традициями скотоводства. Однако и здесь оно не стало ведущей отраслью хозяйства гамаюнского населения. Причину этого можно видеть, вероятно, в высокой численности диких копытных в этом районе. Основным домашним животным была ло-

шадь, известен также крупный и мелкий рогатый скот. Главными промысловыми видами на Южном Урале были косуля и лось, меньше охотились на северного оленя, на пушных зверей охотились очень мало. Вероятно, последние добывались лишь для собственных нужд. Рыболовство, очевидно, играло вспомогательную роль.

Гамаюнская культура.
1 — реконструкция Туманских верхнего (А) и нижнего (Б) укрепленных поселений-жилищ; 2-4 — планы гамаюнских городищ; 5-8 — планы гамаюнских жилищ; 9 — реконструкция укрепленного жилища (по В. А. Борзунову)

Каменогорское городище
на реке Синара.
Каслинский район

Известны камнеобрабатывающее, гончарное, меднолитейное и костерезное производства. Возможно, существовали кожевенное производство, ткачество и собирательство.

Основные виды гамаюньских орудий изготовлены из камня. Ими обрабатывали кожу, дерево, кость, камень, керамику, резали мясо. Большинство составляют орудия, связанные с охотой, разделкой туш и обработкой кож (наконечники дротиков и стрел, ножи и пилки, скребла, скребки и т. п.). Изделия из кости представлены наконечниками стрел и копий, ножами, проколками, орудиями типа кельта, гарпунами, рукоятками ножей, пряжками, накладками на лук. Весь цветной металл, основными поставщиками которого являлись племена иткульской культуры, использовался для отливки украшений.

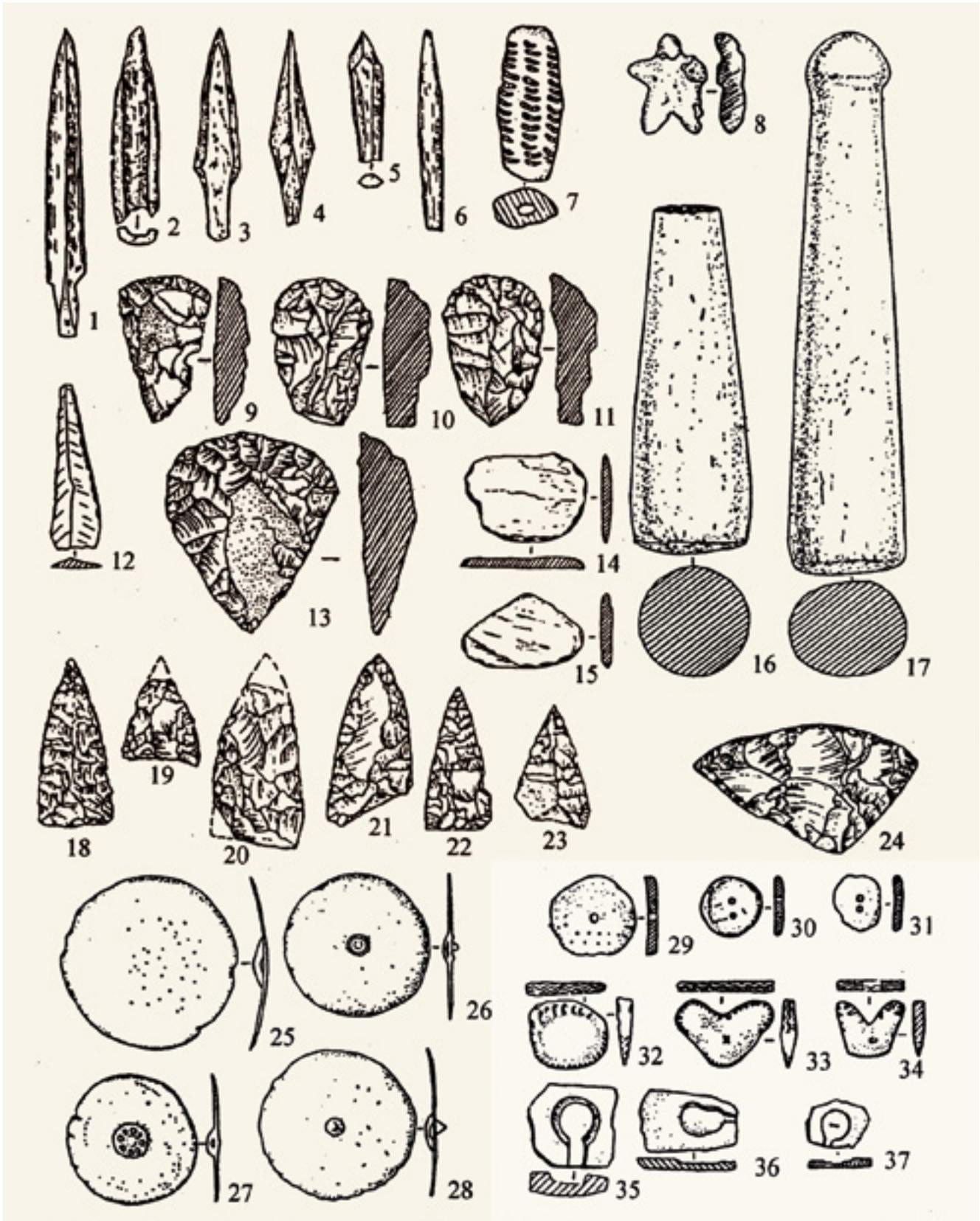
Для гамаюньской культуры характерно широкое использование глины в качестве строительного и поделочного материала. Кроме посуды из нее делали штампы для орнамента керамики, пряслица, пуговицы, грузила, литейные формочки, подвески, фигурки и другие вещи.

Истоки гамаюньской культуры следует искать к северу от ее основной территории. Сформировалась она в X–IX веках до н. э. в бассейне реки Лозьвы и верховьях Тавды в результате смешения местного населения с мигрировавшими сюда с севера охотниками и рыболовами таежной зоны Нижнего Приобья. В Среднем Зауралье первые гамаюньские памятники появляются около IX века до н. э., в Юж-

ном Зауралье — около VIII века до н. э., а в массе — в VII веке до н. э., в момент оформления иткульской культуры.

Первоначальное заселение Зауралья гамаюньскими племенами носило, вероятнее всего, немирный характер. Именно с внедрением гамаюньских племен в инородную культурную среду связано массовое распространение крепостей в этом регионе. На это указывают также следы разрушения гамаюньских и местных поселков (городища Ближнее Багарякское, Зотинское IV, Колпаковское). Впоследствии отношения аборигенов с пришельцами стали более гармоничными. Можно предполагать, что гамаюньские общины включились в сложившееся разделение труда лесостепного населения Зауралья и у них произошла переориентация хозяйства преимущественно на мясную охоту. Благодаря влиянию иткульских и оседлых лесостепных племен гамаюньское население Зауралья познакомилось с приемами содержания и разведения скота, с железными орудиями.

По мере продвижения нижнеобского таежного населения к Уральским горам имело место, как ни странно, развитие не металлургии и металлообработки, а камнеобрабатывающего производства. Первоначальным районом обитания этого населения была Западно-Сибирская низменность, чрезвычайно бедная выходами камня. Поэтому жившее первоначально в условиях постоянного дефицита каменного сырья пришлое в Зауралье население перешло к массовому производству орудий из камня

Инвентарь: 1-6 — кость; 7, 8, 29-37 — глина; 9-24 — камень; 25-28 — медь и бронза.

Гамаюнская культура
(по В. А. Борзунову)

всех доступных видов и сортов. Вплоть до конца развития культуры камень оставался основным сырьем для изготовления большинства орудий труда. Его дополняли кость и глина. Обработка цветного металла, несмотря на тесное соседство с иткульцами, не получила у гамаюнцев существенного развития. По крайней мере, орудия из металла не изготавливались. Вполне вероятно, что некоторые готовые металлические изделия могли поступать к гамаюнскому населению от иткульского в обмен на продукты охотничьего хозяйства.

Этнолингвистическая принадлежность носителей гамаюнской культуры большинством исследователей определяется как угорская. Безусловно и ее участие в сложении финно-угорских культур раннего железного века Урала — иткульской и отчасти ананьинской.

Определяющим для гамаюнских общин было взаимодействие с населением иткульской культуры. Сложение последней и начало функционирования возникшего на ее базе металлургического очага совпало с приходом в Зауралье основной массы гамаюнских племен. Необходимость охраны средств металлургического производства, технологических секретов и производимого продукта потребовала организации местным населением эффективной защиты производственных центров (оборонительные сооружения обнаружены на большинстве иткульских поселений, содержащих остатки металлургии). Со временем отношения, по-видимому, стабилизировались. В этот новый период, характеризующийся активизацией брачных контактов, отражением чего стало формирование смешанных типов керамики, и, возможно, обменных связей, начала складываться и функционировать особая социально-экономическая модель. Два общества, одно из которых ориентировалось на производящие отрасли хозяйства (металлургия, металлообработка, скотоводство), а другое — на присваивающие (охота, рыболовство), взаимодополняли друг друга. Активизировавшееся в теплое время года металлургическое производство, включавшее добычу и транспортировку руды, углежжение, выплавку металла, изготовление орудий, отвлекало большую часть трудоспособного населения поселков. В этих условиях непрерывность производственного про-

Сосуд гамаюнской культуры.
Городище Шатанов-2. ОГМ

цесса зависела от снабжения металлургов продуктами. Частично эта задача могла решаться за счет внутренних резервов, частично — за счет соседних общин, не обязательно иткульских, поставлявших металлургам скот и продукты охоты. Следствием таких контактов явилось приобщение таежных охотников и рыболовов к основам разведения скота и использованию металлических орудий.

Гамаюнское же влияние было особенно сильно в момент заселения новых территорий и формирования иткульской культуры. Со временем это влияние ослабевало, уступая усиливавшемуся воздействию более прогрессивной иткульской культуры. Тесное взаимодействие носителей гамаюнской и иткульской культур привело к тому, что около IV века до н. э. гамаюнское население было ассимилировано иткульским.

По отношению к кочевникам степи гамаюнское население заняло позицию активной обороны. В этой связи возведение основной массы гамаюнских укрепленных поселений в пограничных районах между лесом и степью — на реках Синара, Багаряк, Исеть — явление далеко не случайное. Наряду с иткульскими, воробьевскими и гороховскими городищами они представляли собой цепь укреплений, защищавших внутренние районы от набегов кочевников. Общая задача обороны,

Река Синара в окрестности
села Усть-Багаряк.
Север зауральской лесо-
степи. Кунашакский район

вероятно, укрепляла и иткульско-гамаюнский культурно-хозяйственный союз, способствовала сплочению зауральского лесостепного населения и формированию в VI–IV веках до н. э. смешанных общин, занимавших укрепленные поселки (Зотинское IV, Каменогорское, Красный Камень и др.) [1; 2, с. 203–244].

В предшествующее время, в конце эпохи бронзы, лесостепные пространства Зауралья и Западной Сибири были заняты племенами — носителями культур межовско-ирменского пласта. В переходный от эпохи бронзы к раннему железу период они испытали мощное давление лесных по происхождению культур с крестово-штамповой орнаментацией керамики. Продвижение их носителей из Нижнего Приобья в сторону лесостепи привело к изменению облика культур южной кромки тайги и севера лесостепи, формированию кратковременной, но ярко выраженной общности культур крестовой керамики. В горно-лесном Зауралье это гамаюнская, в Притоболье и Прииртышье — карьковско-красноозерская культуры. В VII–VI веках до н. э. в горнолесной зоне Урала и в Зауралье складывается иткульская культура, на базе которой развивается мощный очаг цветной металлургии.

В более восточных районах зауральской лесостепи идет постепенная трансформация обществ эпохи поздней бронзы в группу культур раннего железа, сопровождавшаяся преимущественным развитием полукочевого скотоводства.

В начале раннего железного века в зауральском ареале Тоболо-Иртышской культурно-исторической провинции Зауралья и Западной Сибири переплелись несколько линий культурного развития, несколько культурных традиций, проявляющих себя в различных типах керамики [3]. Первая, иткульская линия объединяет памятники, близкие иткульским, образующим своеобразную общность, или исетскую ассоциацию. Ее характеризуют преобладание гребенчатой орнаментации с включением ямочных узоров в украшении керамики, полужемляночные и наземные постройки небольшой площади, сочетание открытых поселений, укрепленных производственных площадок и городищ. В VII–VI веках до н. э. эта линия развития была ведущей в зауральском ареале.

Вторая, баитовская культурная традиция, которая формируется позднее иткульской, маркируется комплексами, содержащими керамику с преобладанием ямочно-накольчатых орнаментов. Она за-

Река Багаряк у села Зотино.
Север зауральской лесостепи. Каслинский район

нимает промежуточное место на стыке западного и восточного ареалов Тоболо-Иртышской провинции, между исетской и зарождающейся саргатской общностями.

Третья, наиболее поздняя линия развития представлена гороховскими древностями. Для нее характерны укрепленные и неукрепленные городища со сложной архитектурой жилых и оборонительных сооружений, могильники с явной социально-имущественной дифференциацией погребенных. Типична для нее также тальковая керамика с преобладанием грубых резных узоров. Появление гороховской культуры положило начало культурной нивелировке в западном ареале провинции, но не сломало системы связей, которые концентрировались вокруг иткульского металлургического очага.

Хозяйство населения зауральской лесостепи этой эпохи большинством исследователей характеризуется как сочетающее производящие и присваивающие отрасли, то есть скотоводство сочеталось с охотой и рыболовством. При этом доминировало скотоводство, которое определяется как полукочевое.

В VIII–VII веках до н. э. зауральская лесостепь была еще слабо связана с формирующимися культурами тасмолинской общности степей Зауралья и Казахстана. В ней сохранялись собственные внутренние отношения, к тому же, как уже указывалось, с севера она испытывала давление лесных по происхождению культур. Однако, уже в VII веке до н. э. воздействие степного сакского мира на население лесостепи значительно усилилось. Благоприятные климатические условия VII–VI веков до н. э. способствовали широкому освоению номадами степной и южной лесостепной зон. В Южном Зауралье этот период характеризовалось большей, чем в настоящее время, увлажненностью при, возможно, более низкой среднегодовой температуре. Такие климатические условия способствовали увеличению продуктивности пастбищ по сравнению с предшествующей эпохой.

Судя по расположению курганов, ранние кочевники VII–VI веков до н. э. занимали весьма обширные территории в пределах современной зауральско-западносибирской лесостепи. В Южном Зауралье ими была освоена вся современная южная

Баитовская культура — археологическая культура начала раннего железного века (VIII/VII–V/IV века до н. э.) в лесостепном и южно-таежном Зауралье. Распространена в среднем и нижнем течении рек Тура и Ница, на правобережье среднего и нижнего Тобола, в лесостепном междуречье Ишима, Тобола и Среднем Приишимье.

Городище — поселение, укрепленное одним или несколькими земляными или каменно-земляными валами, часто имеющими внешние рвы. На валах, как правило, возводились защитные стены из различных материалов.

лесостепь до реки Миасс на севере. По-видимому, Миасс и являлся той естественной границей, которая в VII–VI веках до н. э. отделяла лесостепное зауральское население от беспокойного кочевого мира.

О контактах лесостепного населения со степным в VII–VI веках до н. э. свидетельствуют материалы поселений и городищ, расположенных в лесостепи Зауралья, Притоболья и Тоболо-Иртышского междуречья. Это находки бронзовых зеркал с центральной петлей на обороте, бронзовых ножей без выделенной или слабо выделенной, рукоятью, бронзовых двухлопастных втульчатых, двух- и трехлопастных черешковых наконечников стрел и форм для их отливки, бронзовых амулетов-колесиков, железных булавок, предметов конской упряжи. Через территорию Южного Зауралья или Северного Казахстана попали вглубь Урало-Иртышской лесостепи биметаллические чеканы и бронзовые кинжалы. Вероятно, имело место и прямое проникновение воинских контингентов номадов в зауральско-западносибирскую лесостепь. Об этом могут свидетельствовать ранние (VII — первая половина VI века до н. э.) погребения Прыговского могильника на Средней Исети, в инвентаре которых присутствуют предметы, типичные для кочевников степи. Однако эти проникновения не приводили к оседанию кочевников в лесостепи. Оставленные же здесь номадами погребения маркировали, как представляется, лишь

Бронзовый кинжал с зооморфным оформлением рукояти. Случайная находка (VII–VI вв. до н. э.). ШКМ

Бронзовый нож. Раннесакское время (VII–VI вв. до н. э.). Учалинский район. Случайная находка. МНТУ ЮУрГУ

крайние пределы их летних кочевий, являясь своеобразным символом «сферы интересов».

Рассматривая контакты кочевников тасмолинской общности с племенами зауральско-западносибирской лесостепи, следует иметь в виду, что форма, интенсивность, характер, способ осуществления и функциональная направленность их у племен Северного Казахстана и Южного Зауралья были различны.

Лесостепные просторы Западной Сибири, бедные минерально-сырьевыми ресурсами, были в целом мало привлекательны для кочевников. Необходимость же в расширении пастбищ в VII–VI веках до н. э. в связи с благоприятными природными условиями в самом Северном Казахстане, вероятно, еще отсутствовала. Поэтому контакты номадов этого региона с племенами лесостепи Западной Сибири хотя и были непосредственными, но осуществлялись, вероятнее всего, нерегулярно и вряд ли охватывали широкие слои общества. По способу осуществления со стороны кочевников они были прежде всего военными, военно-граби-

Бронзовый наконечник стрелы раннесакского времени. Могильник Шатрово (VII–VI вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

тельскими, имеющими целью получение добычи. Однако, как кажется, нельзя исключать и технологические контакты, связанные с распространением орудий и навыков. Вероятно, имели место и какие-то формы матримониальных связей.

Иначе строились взаимоотношения между кочевниками Южного Зауралья и племенами лесостепного Зауралья и Притоболья. На рубеже VIII–VII веков до н. э. в лесостепи Южного Зауралья

Погребальная камера захоронения раннесакского времени у озера Кумкуль (VII–VI вв. до н. э.)

появляются первые городища — сначала гамаюнские, затем иткульские. Среди причин, обусловивших их строительство,— необходимость закрепления на осваиваемых землях у «гамаюнцев» и потребность в охране средств металлургического производства, технических секретов и производимого продукта у «иткульцев» — главной, определяющей следует считать необходимость эффективной защиты от кочевников.

Зотинское III городище
на реке Багаряк. Иткульская
культура (IV–II вв. до н. э.)

Иткульская культура

Иткульская археологическая культура была выделена Е. М. Берс в Среднем Зауралье (под наименованием «исетская»), а К. В. Сальниковым — в Южном Зауралье. Основная часть памятников иткульской культуры располагается вдоль восточного склона Уральских гор от верховий реки Реж (правый приток реки Ницы) до озера Чебаркуль. Восточная граница их распространения проходит примерно по устью реки Синары (правый приток Исети). Известны городища, неукрепленные поселения и святилища. Хронологические рамки существования культуры определяются VII–III веками до н. э.

Вопрос о происхождении носителей иткульской культуры остается до сих пор открытым. По мнению одних исследователей, базой для их сложения послужили местные позднебронзовые племена. В процессе трансформации их культуры в культуру иткульских племен они подверглись интенсивному влиянию со стороны пришлых гамаюнских групп. Таким образом, с этой точки зрения иткульскую культуру следует рассматривать как двухкомпонентную, сложившуюся на местной, позднебронзовой основе при участии гамаюнского субстрата.

По мнению других исследователей, происхождение иткульской культуры, как и других культур горнолесного и лесостепного Зауралья начала

раннего железа, связано с разделением на группы по производственно-экономическому принципу некоего единого первичного этноса. Выделение из него коллективов, специализировавшихся на производстве металла, и стало основой для становления иткульской культуры. В силу специфики производства эта группа держалась обособленно, поддерживая при этом постоянные экономические отношения с соседними, родственными ей коллективами. Эта обособленность в конечном счете привела к формированию особенностей культуры.

С точки зрения лингвистики постулируется угорская принадлежность носителей иткульской культуры.

Поселения, керамика.
Иткульская культура

Сложение иткульской культуры и функционирование на ее базе металлургического очага совпало с приходом в Зауралье основной массы гамаюнских племен. Необходимость охраны средств металлургического производства, технологических секретов и производимого продукта потребовала организации местным населением эффективной защиты своих производственных центров. Это явилось одной из причин появления в горнолесной зоне Южного Зауралья укрепленных поселений — городищ. Часть населения иткульской культуры, обитавшая за пределами горнолесной зоны и не специализировавшаяся на производстве черного металла, проживала в обычных неукрепленных поселениях, занимаясь скотоводством и охотой.

В экономике «иткульцев» основным являлся производящий сектор, включавший, наряду с металлургией и металлообработкой, скотоводство. Основными объектами скотоводства были лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. Роль охоты зависела от географического положения поселений. Большая она была в горнолесной зоне, меньшая — в лесостепной. Охотились главным образом на крупных копытных — лося, косулю. Изредка на поселениях находят кости медведя, лисицы, зайца, бобра. Определенную роль в экономике играло

и рыболовство, с которым связаны находки каменных грузил.

На материалах иткульских памятников VII–III веков до н. э. в Зауралье выделен иткульский очаг медной металлургии, появлению которого в Уральской горно-металлургической области предшествовал длительный период накопления здесь соответствующего опыта племенами эпохи бронзы. Мощный стимул развитию металлургического производства у иткульцев давало соседство с кочевым миром Южного Урала, который испытывал постоянную потребность в металле, металлических изделиях, особенно в оружии.

Иткульские металлурги специализировались на производстве цветного металла, главным образом меди. Сортамент цветной металлоиндустрии включал десятки категорий оружия, орудий труда, посуды, украшений, предметов туалета и культа, распространенных в скифо-сарматском и ананьинском мире. Свообразием и самобытностью иткульские изделия из металла, за единичными исключениями, не отличались, хотя местное их происхождение несомненно.

Производство меди являлось хорошо отлаженным процессом. Сырье — окисленные и сульфидные руды — поступало стабильно, поскольку

Городище иткульской культуры Иртяшское-1

Инвентарь памятников
иткульской культуры
(VII–IV вв. до н. э.)

Кунашакское городище

основная часть поселений располагалась в полосе концентрации рудных месторождений — вдоль Тагило-Магнитогорского прогиба. Для выплавки металла использовались горны разных конструкций с искусственным поддувом. Выплавка осуществлялась одноразово, возможно, с периодическим сливом шлака. Основной формообразующий прием — литье в формы с последующей кузнечной доработкой изделий.

Анализ литейной техники дает основание утверждать, что иткульские металлурги владели основными техническими приемами этого периода: литье осуществлялось в закрытые формы (одноразовые или многоразовые), изготовленные из различного материала — глины, камня, редко меди. При этом выбор материала не был случайным. Мастера руководствовались принципом экономической и технологической целесообразности. Одноразовые формы использовались для литья по восковой модели, а также для изготовления предметов с приливаемыми деталями. Все многоразовые формы были разборными, состояли из двух, трех и более створок. Для отливки клиньев, некоторых ножей и шильев использовались открытые одностворчатые формы.

В явном противоречии с развитой техникой литья в закрытые формы находится то обстоятельство, что в качестве сырья использовалась преимущественно чистая нелегированная медь. Вероятно, это несоответствие можно объяснить дефицитом лигатуры (олова, мышьяка, сурьмы и т. п.), а не низким уровнем знаний и навыков. Набор приемов кузнечной доработки изделий включает десятки операций. Однако изучены они пока в самых общих чертах.

Бронзовый кельт. Могильник Кумкуль II (VII–VI вв. до н. э.). ГИМЮУ

Бронзовое пряслице иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). ГИМЮУ

Судя по отдельным находкам на поселениях, в иткульском очаге начало развиваться железоделательное производство. Сортамент изделий из железа ограничен и включает ножи, булавки, шилья. Откованы они из металла разного качества: из кричного железа, редко — из неравномерно науглероженной или высокоуглеродистой стали. Судя по всему, навыки, приобретенные иткульски-

Литейная форма иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). ГИМЮУ

Литейные формы зеркаловидной бляшки иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). ГИМЮУ

ми металлургами при работе с цветным металлом, повлияли на темпы развития и уровень мастерства при обработке черного металла.

В развитии иткульского очага медной металлургии выделяются три периода: VII–VI, конец VI — V и IV–III века до н. э. В первые два периода развитие шло по нарастающей, восходящей линии; третий период — это время некоторого равновесия и последующего движения по нисходящей.

Для первого периода характерно производство только цветного металла (медь, бронза). Разделения труда металлурга и кузнеца-литейщика, вероятно, еще не существовало. Поэтому на площадках осуществлялся полный цикл производства изделий — от выплавки металла до обработки готовой вещи.

На втором этапе в Исетском и Полевском предгорных гнездах культуры появляется принципиально новый тип памятников — производственные площадки. На них отсутствуют жилые постройки, а значительное число плавильных горнов и связанных с ними металлургических остатков фиксируют здесь большие масштабы выплавки меди. Производство становится биметаллическим: наряду с медным на половине памятников отмечены признаки становления железоделательного ремесла. Наблюдается развитие специализации: появляются площадки, где фиксируется только одна фаза — обработка меди и железа, иногда — фаза обработки меди и полный цикл производства железа.

Факт появления в предгорных гнездах сугубо производственных площадок, выполнявших роль

опорных пунктов выплавки металла, а также периферийных площадок, где производилась главным образом обработка металла, свидетельствует о том, что процесс расширения металлургического очага неизбежно приводит к естественной (вынужденной) специализации. Основная часть металла производится в предгорных гнездах. Здесь же, очевидно, отливается большая часть металлоизделий. На окраинах же очага, на поселениях лесостепной зоны Зауралья, осуществляется преимущественно металлообработка. Расширение очага, отдаление производства от источника руды могло также послужить причиной разделения труда металлурга и кузнеца-литейщика.

В основе изменений в иткульском очаге медной металлургии V века до н. э. исследователи видят ряд факторов внутреннего и внешнего порядка. Наиболее важными являются два одновременно действовавших. Внешний фактор сводится к повышению в конце VI — V веке до н. э. военной и политической активности южных соседей иткульских племен — ранних кочевников Южного Урала. Увеличение спроса на металл и металлическое оружие частично удовлетворяется ими за счет иткульских металлургов: на иткульских поселениях по степным образцам отливаются наконечники стрел, котлы, круглые ворворки, петельчатые бляхи-зеркала и другие изделия; изготавливаются каменные курильницы на ножках. Увеличение производства в очаге привело к поиску новых источников руды, завершившемуся освоением богатых месторождений Полевского района и созданием новых гнезд очага в погранич-

Зеркаловидные бляшки иткульской культуры. Случайная находка на берегу озера Травакуль (VII–IV вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Городище иткульской культуры Иртяшское-2 (VII–IV вв. до н. э.)

ных с номадами зонах. Южные памятники очага были не только производственными центрами, но и опорными пунктами для совершения обменных операций с кочевниками. Расширение территории очага, интенсификация производства в свою очередь способствовали специализации производства и процессу разделения труда металлурга и кузнеца-литейщика. Накопленные в области металлургического производства меди технико-технологические усовершенствования и опыт позволили иткульским металлургам освоить процесс изготовления железа.

Появление железоделательного производства стало вторым, внутренним фактором перемен в очаге. Это обстоятельство способствовало усилению центробежных сил и расширению территории очага: в Зауралье месторождения железных руд, в отличие от медных, территориально расконцентрированы, и поэтому пункты по производ-

ству железа здесь жестко не привязаны к горному хребту. Расширение же очага и, соответственно, удаление последних от источников сырья (меди) само по себе запускает механизм специализации гнезд по отдельным фазам производства. Таким образом, с освоением производства железа специализация по отдельным фазам металлургического цикла и разделение труда металлурга и кузнеца-литейщика должны были протекать интенсивней.

Время постепенного упадка иткульского очага приходится на IV–III века до н. э. В этот период перестают функционировать основные производственные центры. Продолжают свое существование центры, возникшие в основном в V веке до н. э., но появляются и новые. Именно на них продолжает развиваться производство железа. Но, вероятно, это уже отдельные пункты, а очаг как система, как единый организм прекращает свое существование в III веке до н. э.

С прекращением функционирования иткульско-го очага цветной металлургии традиции иткульской культуры нашли отражение в других, более поздних, культурах зауральско-западносибирской лесостепи, в частности в кашинской и прыговской [1, с. 142–163; 2, с. 162–186; 3, с. 102–114].

Чем же привлекала южноуральских nomадов зауральская лесостепь? Вряд ли она могла снабжать кочевников продуктами земледелия, которое здесь если и существовало, то не могло иметь в силу специфических природных условий широкого распространения. Как уже отмечалось, главную роль в хозяйстве лесостепных зауральских племен играло скотоводство. Ощутима была и роль охоты, главными промысловыми животными были лось и косуля. Промысел пушных видов имел солидное значение лишь в зауральской лесостепи, у племен восточного склона Урала (иткульская, гамаюнская культуры) он был очень мал и ограничивался, видимо, только собственным потреблением.

Главное, что привлекало кочевников Южного Зауралья, то, ради чего они стремились на север, был, очевидно, металл — медь и железо, ибо те племена, которые оказываются лучше обеспеченными металлом, получают преимущество, прежде всего в вооружении, над соседями. Спектроаналитическое исследование цветного металла из памятников VII–VI веков до н. э. с территории Челябинской области показывает доминирование в это время металла сакского круга, не связанного с южноуральскими источниками. Скорее всего, в начале этого периода nomады Южного Зауралья получали как готовые изделия, так и сырье для собственного металлообрабатывающего производства в основном от своих восточных соседей — племен Центрального Казахстана. Однако ряд предметов этого времени, найденных в степной зоне Зауралья, изготовлены уже из металла, произведенного иткульскими металлургами. Очевидно, что именно потребность в металле стимулировала активную

Спектральный анализ — определение состава веществ путем изучения их спектров.

Керамический котелок иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). ГИМЮУ

Бронзовый котелок иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). ГИМЮУ

деятельность кочевников на северных рубежах своей территории. Показательно в этом отношении то, что большинство предметов, имеющих аналогии в кочевом мире, происходит с памятников иткульской культуры. Ее поселения и городища тянутся полосой вдоль восточного склона Уральского хребта от верховьев реки Реж до озера Чебаркуль, вос-

точная граница проходит примерно по устью реки Синары.

Именно на территории локализации иткульской культуры (восточные склоны Уральского хребта) сосредотачивались крупные запасы медных руд, разработка которых началась еще в эпоху бронзы. Месторождения меди были и на территории,

Металлические изделия иткульской культуры. Случайные находки на берегу озера Большой Теренкуль. МНТУ ЮУрГУ

Зеркаловидная бляшка иткульской культуры. Случайная находка на берегу озера Большой Теренкуль. МНТУ ЮУрГУ

Иткульское I городище.
Художник Шмелев Ю. В.

занимаемой ранними кочевниками в степной части Южного Зауралья, и они также активно разрабатывались в эпоху бронзы. Однако никаких данных об их эксплуатации в раннем железном веке нет. С конца эпохи бронзы прекращается эксплуатация крупных зауральских рудников Таш-Казган, Никольское, а с началом раннего железного века — Каргалинского горно-металлургического комплекса в Южном Приуралье. Отсутствуют какие-либо данные и об эксплуатации в раннем железном веке медных месторождений в Мугоджарах.

Если кочевники и добывали металл, о чем свидетельствуют археологические, исторические и этнографические данные, то занимались этим вынужденно, поскольку выгоднее, рациональнее для них было получать металл от своих соседей, обменивая его на скот и продукты скотоводства. А если таких соседей не оказывалось или металлодобыча у них

была развита слабо, кочевники сами разрабатывали рудные месторождения. Так, по-видимому, обстояло дело у кочевников Центрального и Северного Казахстана. Их северные и северо-восточные

Находки с городища
Иртышское-1. ОГМ

Святылище на вершине горы на берегу озера Травакуль. Место обнаружения клада предметов снаряжения коня раннесакского времени

соседи на территории Западно-Сибирской низменности не имели крупных запасов медных руд. Получение же необходимого количества металла с Алтая, лежащего в стороне от традиционных путей сезонных миграций, на территории, контролируемой другими кочевыми племенами, было затруднено. Поэтому скотоводческие племена Центрального и Северного Казахстана продолжали разработки известных еще с эпохи бронзы медных месторождений.

Номады Южного Зауралья VII–VI веков до н. э. в основном получали металл и изделия из него из наиболее близких горно-металлургических центров — Центрального Казахстана. Рудные источники Центрального Казахстана и более восточных областей находились в руках кочевых племен, поэтому поступление металла отсюда являлось, скорее всего, проявлением различных форм обмена и вряд ли было результатом торговых операций. Единственное, что производили номады в количествах, значительно превышающих внутренние потребности, — скот и продукты скотоводства — не могли

выступать товаром при торговле или обмене между кочевниками (тем более что одинаковые природные условия Южного Зауралья и Центрального Казахстана обуславливали и одинаковый состав стада). Внеэкономические же способы получения металла, в частности военные набеги, хотя и давали некоторый его приток, однако не могли, в силу общего уровня социально-экономического развития и относительно одинакового уровня военного дела и военной организации, обеспечить устойчивое и в требуемых количествах его поступление. Набеги по самой своей сущности являлись слишком ненадежным и нестабильным каналом самообеспечения вообще, слишком зависящим от баланса сил в каждый конкретный исторический момент.

Потребность в металле была постоянной. Он был нужен для изготовления оружия, украшений, орудий труда, конской упряжи и т. п. И крайне важно было его регулярное и в достаточном количестве поступление. Поэтому кочевники Южного Зауралья, вероятно, уже в VII веке до н. э. сделали ставку на ближайших его производителей — племена

Место обнаружения клада предметов снаряжения коня раннесакского времени на берегу озера Травакуль (VII–VI вв. до н. э.)

Предметы снаряжения коня раннесакского времени. Клад на берегу озера Травакуль (VII–VI вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

зауральской лесостепи, в частности племена иткульской культуры. Для иткульцев, способных обеспечить себя в достаточном количестве не только металлом, но и скотом, и продуктами скотоводства, эти связи не были так необходимы, как для их южных соседей. Естественно, при благоприятных условиях кочевники не прочь были и силой добыть необходимый им металл — путем грабительских набегов. Именно это стало одной из причин, наряду с внутренними социально-экономическими факторами, развития местных обществ, появления и широкого распространения в лесостепном Зауралье укрепленных поселений. Таким образом, строительство фортификаций явилось закономерной реакцией лесостепного населения Зауралья на агрессивность их степных соседей. Цепь гамаюнских и иткульских фортификаций, оформившаяся к VI–IV векам до н. э. по рекам Багаряк, Синара, в среднем течении Исети, защищала внутренние лесные районы от экспансии кочевых племен.

Наиболее ранние (вторая половина VIII — первая половина VII века до н. э.) следы проникновения степных кочевников в ареал формирующейся иткульской культуры маркируются немногочисленными случайными находками предметов вооружения и конской упряжи на берегах зауральских озер Увильды, Иртяш, Травакуль. Одним из наиболее ярких свидетельств военной активности кочевников на южных рубежах иткульского мира является погребение 3 в кургане 2 могильника Иртяш. Следует подчеркнуть, что на берегах близлежащих озер Иртяш и Большая Нанюга находится несколько городищ иткульской культуры (Иртяшские I и II, Семеновское и др.). Эти памятники вместе с городищем Иткульское I на озере Иткуль, в 30 километрах севернее озера Иртяш, входят в Иртяшское гнездо культуры, которое функционировало уже в VII–VI веках до н. э. Наиболее ранний памятник гнезда — городище Иткульское I — является также одним из первичных металлургических центров иткульского очага медной металлургии. Время существования этого городища определяется VII–IV веками до н. э. Нижняя дата существования городища Иртяшское I — VII–VI века до н. э., в пределах VI–IV веков до н. э. датируется городище Иртяшское II.

Обращает на себя внимание совпадение во времени процесса становления иткульской культуры и функционировавшего на ее базе металлургического очага и начала активного проникновения кочевников в лесостепь, в частности в ареал формирующейся иткульской культуры. Как представляется, именно потребность кочевого мира в цветном металле определила становление и стимулировала дальнейшее развитие иткульской культуры и иткульского очага металлургии, который и в дальнейшем был тесно связан со степью.

Однако набеги, как уже отмечалось, не могли обеспечить регулярное и в необходимых объемах поступление металла; когда обе стороны — кочевники и оседлое население — сохраняют свою политическую самостоятельность, эксплуатация подобного рода не является надежно гарантированной, не имеет каких-либо строго фиксированных форм. Кроме того, и это, пожалуй, главное, набеги не стимулировали производства металла, да и не только металла, тая в себе и возможность разрушения самих основ хозяйственной жизни оседлого населения. Поэтому набеги не могли служить удовлетворению все возрастающих потребностей кочевников Южного Зауралья в металле.

Одним из способов обеспечения бесперебойного и в достаточном количестве поступления необходимых для кочевников продуктов (земледелия, ремесла, металлургии) на самых выгодных для них условиях, способом, к которому стремились все кочевники, а при благоприятных условиях и проводили в жизнь, было внеэкономическое подчинение (завоевание) их производителей. В этом случае необходимыеномадам продукты поступали в виде регулярной дани в обмен на покровительство, защиту от других кочевников и т. д.¹

Характерной особенностью данничества как формы эксплуатации было то, что при даннических

¹ Вероятно, следствием давления со стороны кочевников в конце VI — начале V века до н. э. стал отток части иткульского и гамаюнского населения далеко на восток, в Ишимо-Иртышское лесостепное междуречье. Придя на новое место, переселенцы заняли схожую экологическую нишу — поселились на берегах системы Больших Крутихинских озер. Отдельные гамаюнские и иткульские общины мигрировали, вероятно, и на северо-восток Башкирии (в долину рек Ай и Юрюзань).

Погребение знатного воина
раннесакского времени
(VII–VI вв. до н. э.).
Могильник Иртяш-14

Знатный воин раннесакского времени. Реконструкция Евгения Края по материалам могильников Кичигино I (Южное Зауралье) и Гилево 10 (Алтай)

отношениях речь шла об изъятии прибавочного (а иногда и части необходимого) продукта у побежденных коллективов, которые, тем не менее, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарные и экономические общности.

Таким образом, результатом военной активности южноуральских кочевников в VII–VI веках до н. э. в зауральской лесостепи явилось установление, по всей вероятности, системы даннических отношений: в обмен на гарантии «покровительства» иткульские племена поставляли кочевникам цветной металл и изделия из него. При этом «иткульцы», очевидно, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарная и экономическая общность.

Военно-грабительский характер первых контактов, а в дальнейшем и даннические отношения привели к почти полному отсутствию культурно-идеологических контактов между «иткульцами» и кочевниками. Их взаимоотношения, не затра-

гивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего элитарные группы населения.

Ситуация, имевшая место в VII — начале VI века до н. э. в ареале иткульской культуры, была близка той, что сложилась в киммерийское время (XI–VII века до н. э.) на правобережье лесостепного Среднего Поднепровья. Здесь присутствуют три основных группы киммерийских памятников. Это, во-первых, погребения, во-вторых, предметы киммерийского вещевого комплекса на поселениях местного населения и, в-третьих, многочисленные случайные находки, в числе которых преобладают воинские аксессуары. Причину, по которой киммерийцы, а впоследствии и скифы продвинулись на север, в лесостепные пределы, видят в их стремлении овладеть источником получения металла, игравшего огромную роль в военизированном быте кочевников. Не исключено, что поиски источников

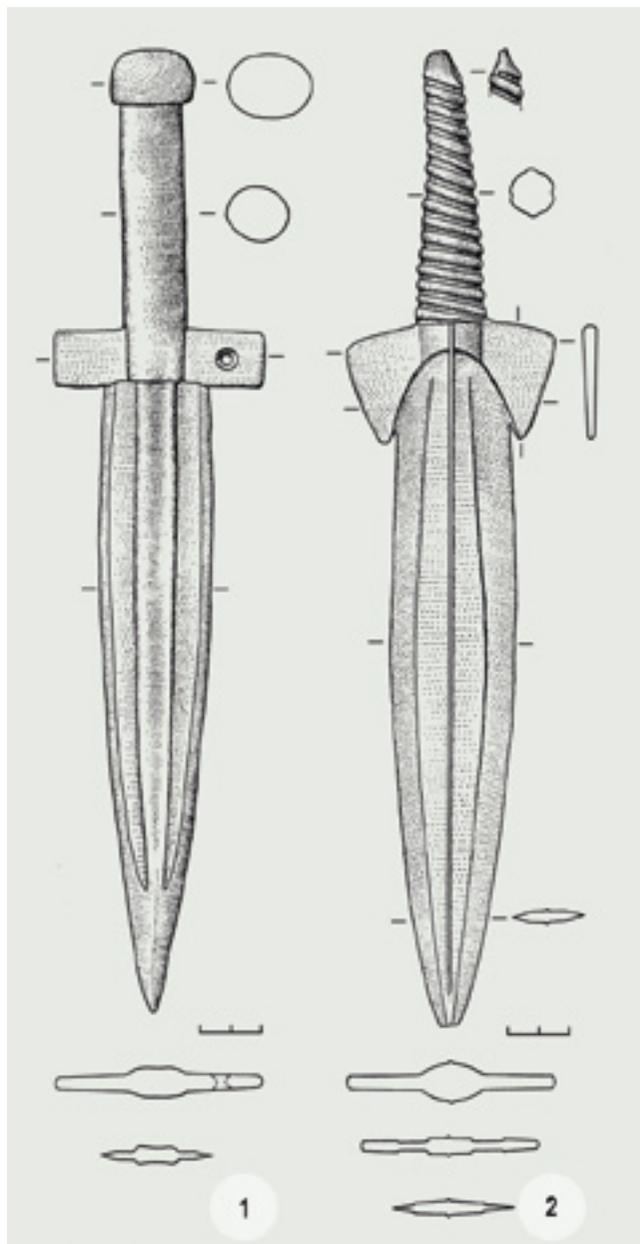
получения металла были одной из главных причин, побудивших «киммерийцев»², а затем и ранних скифов проникнуть на территорию Южного Урала.

Центром расселения древнейших скифов, продвигавшихся на юг Восточной Европы, стали районы Северного Кавказа и Предкавказья. Эти же территории рассматриваются большинством исследователей и в качестве плацдарма, с которого происходит проникновение скифских воинских контингентов в Закавказье, Переднюю Азию, лесостепное Поднепровье. В этот период основными поставщиками металла населению восточноевропейской степи и лесостепи были, вероятно, ананьинские племена Средней Волги, имевшие в VIII–VI веках до н. э. развитое металлообрабатывающее производство, базировавшееся на использовании главным образом металла волго-уральской, волго-камской и частично еленовско-ушкаттинской химико-металлургических групп, который поступал из южноуральских и более восточных металлургических центров. Большую часть металла в VII–VI веках до н. э. ананьинцы получали от своих восточных соседей — племен иткульской культуры Зауралья.

Показателен в этом плане анализ металла из Краснознаменских курганов (Северный Кавказ) середины — конца VII века до н. э. Он, во-первых, происходит, вероятнее всего, из рудных месторождений Южного Зауралья и севера Мугоджар и неясного источника, расположенного к востоку от Урала; во-вторых, он близок металлу синхронных памятников Северного Кавказа и Украины. Отметим, что среди инвентаря Краснознаменских курганов имеются каменный жертвенник, стремевидные удила, предметы с солярным знаком, близкие южноуральским. Наибольшую стабильность связи с населением Волго-Камья приобретают в период возвращения скифов из переднеазиатских походов и активного их проникновения в степи Северного Причерноморья, Нижнего Дона, в лесостепное

2

С «киммерийцами» на Южном Урале можно связать оленный камень из Большого Гумаровского кургана, принадлежащий той же традиции, что и предкавказские и некоторые причерноморские стелы. Под влиянием «киммерийцев» в Южном Зауралье появились и своеобразные бронзовые «киммерийские» кинжалы.

«Киммерийские» кинжалы
Южного Зауралья.
1 — из района Магнитогорска;

2 — из окрестностей станции
Кушмурун (Кустанайская об-
ласть, Республика Казахстан)

Ананьинская культура — археологическая культура раннего железного века на территории Среднего Поволжья и в бассейне Камы (VIII–III века до н. э.).

Солярный символ, солярный знак — знак, обозначающий солнце, олицетворяющий свет и тепло. Одним из наиболее распространенных солярных знаков является свастика — крест, лучи которого согнуты под прямым углом в одном направлении.

Поднепровье и Подонье, а также непосредственно в ареал ананьинской культуры в Среднем Поволжье. Это проникновение рассматривается или как походы мужчин-воинов, смешавшихся с местным населением и растворившихся в его среде, или как миграция «отложившихся скифов». Скорее всего, контакты между жителями Северного Кавказа и Степного Причерноморья и ананьинским населением Волго-Камья были многократными и, вероятно, более или менее регулярными. Очевидно, они носили характер военно-торговых экспедиций, в которых принимали участие не только воины, но и другие слои населения.

Проникновение скифского этнического компонента происходило не только на север — на Среднюю Волгу, но и на северо-восток — на Южный Урал. Возможно, одним из наиболее ранних свидетельств появления здесь скифских воинских контингентов является погребение 3 Большого Гумаровского кургана. Наиболее активное же проникновение скифов, прежде всего их воинских контингентов, в этом направлении, так же как и на другие территории, происходит, как уже отмечалось, на рубеже VII–VI веков до н. э., после возвращения скифов из переднеазиатских походов. Именно к этому времени, к концу VII — первой половине VI века до н. э., относятся весьма немногочисленные комплексы Южного Приуралья, которые рядом исследователей интерпретируются как памятник ранних скифов.

Постулируемое вхождение ранних кочевников Южного Зауралья VII–VI веков до н. э. в сакскую историко-этнографическую область позволяет обратить внимание и на связи ананьинских племен с сакским миром. Существование этих связей не вызывает сомнений, ибо документируются они находками в Волго-Камье многочисленных изделий, характерных для восточных районов Евразии: предметов вооружения (кинжалы, чеканы, наконечники стрел), удила, уздечных принадлежностей, зеркал, поясных наборов, украшений и т. п.

Но как, каким путем осуществлялись контакты ананьинских племен с сакским миром? Н. Л. Членова, рассмотрев наиболее точные аналогии ряду предметов ананьинской культуры в памятниках Урала, Сибири и Казахстана начала железного

Биметаллический чекан раннесакского времени (VII в. до н. э.). Случайная находка у села Шантарино Троицкого района

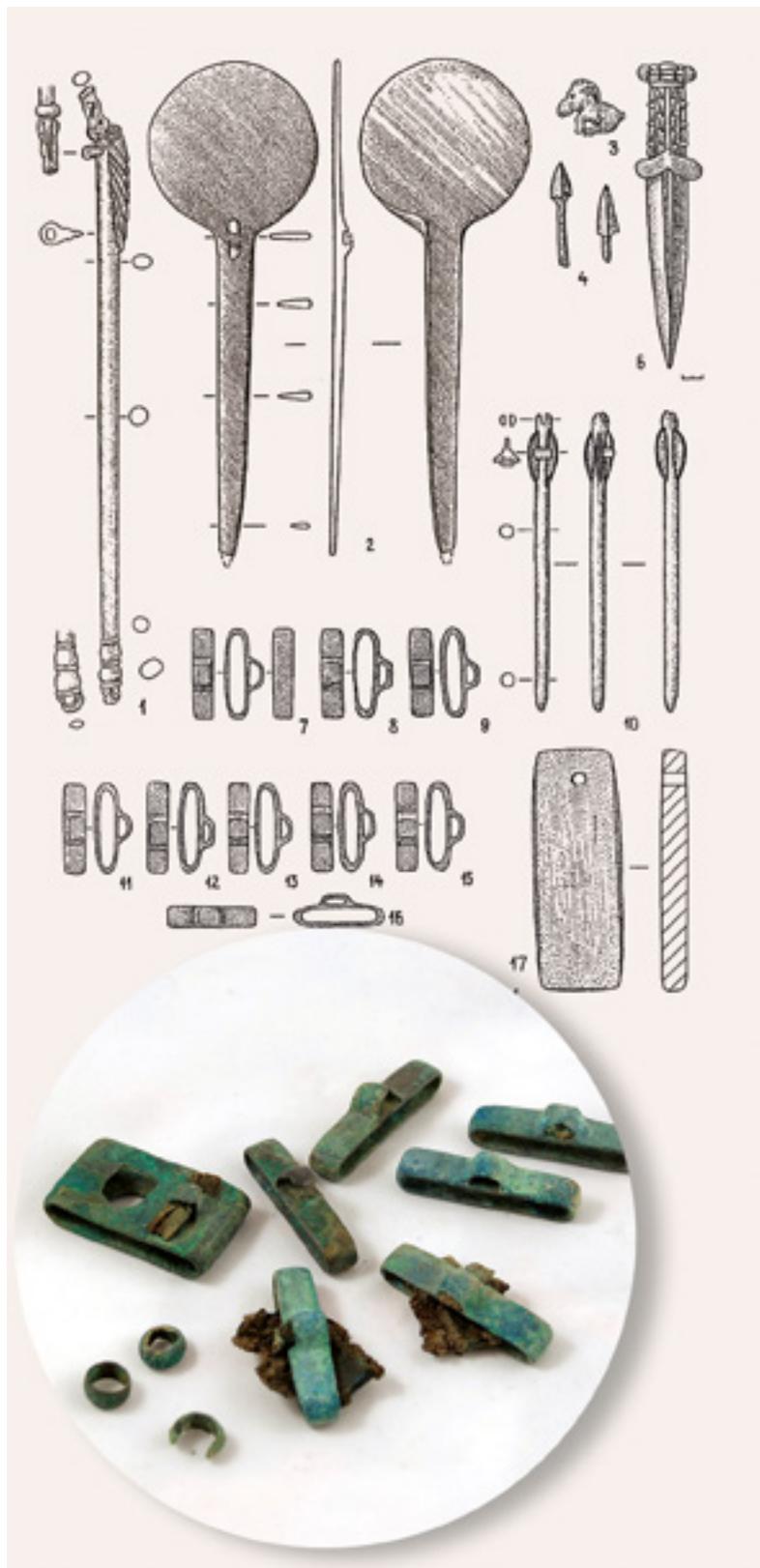
века, пришла к выводу о преобладании в это время иртышско-алтайских связей ананьинских племен, которые могли быть торговыми. Направление этих связей, по ее мнению, «совпадает с направлением течения Иртыша — с юго-востока, через Восточный Казахстан на северо-запад, в Западную Сибирь» до Омска. Далее — возможно, северным путем — по Иртышу до Тобольска и оттуда по Тоболу до Исети, или более южным [11, с. 16, 17]. Такой путь совпадает в некоторых своих частях с направлением торговых караванных дорог, связывавших Восточный Казахстан с Уралом и Приуральем в средневековье. Однако очевидно, что в VII–VI веках до н. э. в азиатской части степной Евразии вряд ли существовала караванная торговля. В это время в степи и примыкающих к ней с юга регионах Центральной Азии еще только складывались ее предпосылки. Свидетельств же поэтапного межплеменного обмена, связывавшего Восточный Казахстан и Алтай с Уралом, у нас нет — находки предметов, которые можно связать с сакским миром, в лесостепном Тоболо-Иртышском междуречье чрезвычайно редки. И они скорее свидетельствуют не о торговых связях Урала и Восточного Казахстана, а о контактах местных племен с кочевниками Северного и Центрального Казахстана.

Вероятнее всего, в VII–VI веках до н. э. связи ананьинских племен с сакским миром (в том числе

Биметаллический кинжал
раннесакского времени
(VII в. до н. э.). ЗГКМ

Комплекс предметов из курга-
на 4 могильника Бобровский

Поясной набор (VII–
VI вв. до н. э.). Могиль-
ник Иртяш-14. ОГМ

с Восточным Казахстаном и Алтаем) осуществлялись двумя путями. Первый, западный, проходил через Западную (Приуральскую) Башкирию, Южное Приуралье и Приаралье (низовья Амударьи и Сырдарьи). Второй, восточный, — через лесостепное Зауралье (иткульская культура), Южное Зауралье и низовья Сырдарьи, Чу и Сарысу. Направление этих связей совпадает с маршрутами ежегодных перекочевок кочевников Южного Приуралья (или Южного Приаралья) и кочевого населения Южного Зауралья.

Как уже отмечалось, кочевники, зимовавшие на Устюрте, Мангышлаке, в низовьях Амударьи, на лето откочевывали далеко на север — в районы Южного Приуралья, а отдельные их группы летовали в Приуральской Башкирии. Здесь они могли вступать в контакты с местными полукошевыми племенами, а через них и с ананьинским миром. Спускаясь на зиму к югу, кочевые племена Южного Приуралья и Приуральской Башкирии на местах традиционных зимних пастбищ непосредственно соседствовали с кочевыми и полукошевыми племенами Центральной Азии, которые проводили лето в этом же регионе — на Устюрте, Мангышлаке,

в Южном Приаралье. Такое соседство, естественно, приводило к самым тесным связям различных кочевых и полукошевых племен. Концентрация кочевников в полосе пустынь и предгорий от Каспия до Балхаша и Семиречья способствовала тесному взаимодействию кочевников Урало-Иртышского междуречья не только с племенами Южного Казахстана и Центральной Азии, но и с племенами Восточного Казахстана и Алтая. Именно по этому пути могли проникнуть с этих отдаленных территорий в Приуралье, к племенам ананьинской культуры, инновации, прежде всего, в области вооружения и конской упряжи и связанные с ними идеологические воззрения.

О возможности такого направления связей свидетельствуют, во-первых, находки предметов сакского облика (импортные или изготовленные местными мастерами по импортным образцам) в Южном Приуралье и Приуральской Башкирии: бронзовые черешковые наконечники стрел, бронзовый и железный чеканы из Ново-Уфимского могильника и городища Кара-Абыз; во-вторых, находки биметаллических чеканов (Ананьинский могильник, гора Сулак близ Оренбурга, могильник

Уйгарак в Приаралье, Восточный Казахстан). Биметаллические чеканы наиболее присущи ананьинцам, и находки их на других территориях (в том числе на Северном Кавказе) рассматривались даже в качестве ананьинского импорта.

Значение этого направления особенно возрастает со второй половины VI века до н. э., когда в результате передвижений ананьинские племена расселяются по берегам реки Белой до города Уфы и даже несколько южнее. Значительные изменения в социально-экономических отношениях и расселении происходят в этот период и у ранних кочевников Южного Урала. Все это создало условия для непосредственного контакта ананьинцев с их юго-восточными соседями, а через них и с кочевым и оседлым миром Центральной Азии. И если в первой фазе существования ананьинского очага металлургии и металлообработки (конец VIII — конец VI века до н. э.) связи с ранними кочевника-

Поясная пряжка и обойма. Могильник Кичигино I.

Раннесакское время (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУРГУ

Конный воин тасмолинской культуры Центрального Казахстана.

Могильник Талды 2 (VII–VI вв. до н. э.). Реконструкция К. Алтынбекова

Реконструкция костюма из кургана Аржан 2. Автор К. Алтынбеков

Погребальный инвентарь.
Курган Аржан 2 (по Чугу-
нову К. В., Парцингеру Г.,
Наглеру А., 2017)

ми Южного Приуралья не были ни глубокими, ни доминирующими, то во второй фазе (конец VI — IV век до н. э.) они становятся очень интенсивными и доминирующими. В это время увеличивается и количество изделий из южноуральского металла у ананьинских племен.

Второй путь связей племен ананьинской культуры с сакским миром проходил через лесостепное Зауралье (иткульская культура), Южное Зауралье

и низовья Сырдарьи, Чу и Сарысу. Группы ранних кочевников Южного Зауралья, летовки которых располагались в бассейне Тобола, верховьях Урала, Уя, междуречье Уя и Миасса, имели зимние пастбища в пустынной зоне между рекой Сырдарья и озером Балхаш. На этой же территории зимовали и кочевники Северного и Центрального Казахстана, кочевники и полукочевники ряда районов Центральной Азии. Это, естественно, благоприятствовало различного рода связям между племенами, обмену достижениями в области материального производства, духовной жизни. Причем возможностей для связей с кочевниками Восточного Казахстана, Алтая, Тувы и Минусинской котловины у племен тасмолинской историко-этнографической общности было больше, чем у кочевников Южного Приуралья и Приаралья. Об этом, в частности, могут свидетельствовать и предметы из оловянистой бронзы, обнаруженные в погребальных памятниках VII–VI веков до н. э. из Северного и Центрального Казахстана и Южного Зауралья, такие как зеркала с центральной петелькой-ручкой, предметы вооружения и конской упряжи.

Иткульские металлурги, которые, вполне вероятно, уже в VII–VI веках до н. э. были одними из поставщиков металла и изделий из него ранним кочевникам Южного Зауралья, были хорошо знакомы с комплексом сакского вооружения и конской упряжи, предметами культа и искусства. Связи же иткульских племен с ананьинцами своими корнями уходят в эпоху бронзы, когда прослеживаются различного рода контакты и перемещения племен восточного и западного склонов Урала. Эти связи документируются находками как общих для этих культур предметов, так и изделий, характерных для ананьинцев на восточном склоне Урала, ананьинской керамики на иткульских памятниках и тальковой (зауральской) керамики в Приуралье.

Сравнение иткульской культуры Южного Зауралья с рядом синхронных культур Приуралья и Западной Сибири показало [2, с. 142–144], что из западных культур по ряду показателей наиболее близка иткульской именно соседняя ананьинская. В частности, установлено некоторое совпадение образцов химических и металлургических групп цветного металла, сходство химического состава

металла. Отмечаются также общие технологические приемы металлообработки, морфологическое подобие вещей. Все это фиксирует такую иткульско-ананьинскую общность, которая предполагает регулярные связи. Контакты же между двумя этими культурами реализовались не только как заимствования идей технологии и формообразования, но и как обмен продукцией, включая, несомненно, руду и металлическую медь. Очевидно, что нормальные постоянные связи с населением Среднего и Южного Урала имели для ананьинцев VIII–VI веков до н. э. узловое значение. Именно отсюда, скорее всего, поступал основной поток цветного металла к кузнецам-литейщикам Волго-Камья. Иткульские металлурги, вероятно, оставались основными поставщиками меди племенам южнотаежного Прикамья и в V–IV веках до н. э.

Таким образом, иткульские племена поддерживали связи как с ранними кочевниками Южного Зауралья, а через них со всем сакским миром, так и с населением Волго-Камья. По-видимому, иткульские металлурги и являлись тем звеном, которое соединяло ананьинцев с номадами сакской историко-этнографической области.

О возможности существования ананьинско-сакских контактов через территорию Южного Зауралья свидетельствуют находки здесь биметаллического чекана, меча, аналогичного мечу из Луговского могильника ананьинской культуры. Об этом же могут, по-видимому, говорить и находки в Южном Зауралье наборных поясов с бронзовыми или железными обоймами, распространенных в Туве, на Алтае, Памире, в Центральном Казахстане и известных в комплексах ананьинской культуры Марийского Поволжья. Об этом же говорит и распространение кинжалов так называемого североказахстанского типа на Алтае, в Северном и Центральном Казахстане, Южном Зауралье, Прикамье. В качестве примера можно привести и подпружные пряжки с изображением свернувшегося хищника с берегов озер Иртыш и Травакуль, ближайшей аналогией которым являются подпружная пряжка из могильника Уйгарак в Юго-Восточном Приаралье и бляха из Старшего Ахмыловского могильника в Марийском Поволжье.

Контакты племен Южного Зауралья с ананьинскими племенами осуществлялись разными путями, в том числе, очевидно, и «трансуральским», проходящим примерно там, где сейчас пролегает автомобильная дорога Челябинск — Бирск (Челябинск — Чебаркуль — Миасс — Златоуст — Сатка — Месягутово — Караидель — Бирск), проложенная по издревле освоенному маршруту. В этом плане интересны бронзовая секира из Златоустовского музея, найденная на склоне горы в окрестностях города Юрюзань и имеющая ряд аналогий в ананьинских древностях Волго-Камья, а также биметаллический кинжал из этого же музея, изготовленный, без сомнения, в ареале ананьинской культуры.

Какой из двух намеченных путей связей ананьинских племен с сакским миром — восточный или западный — имел решающее значение, сказать трудно. Скорее всего, в разные исторические периоды роль того или иного пути была различной. Она зависела от множества не всегда нами улавливаемых факторов — экономических, политических, природных и т. п.

Как уже отмечалось, в VII–VI веках до н. э. на обширных пространствах урало-казахстанских степей ведущей силой было, очевидно, объединение племен Центрального Казахстана. Именно оно определяло направление и характер культурных изменений в регионе, являясь своего рода «законодателем моды» не только в материальной, но, очевидно, и в духовной культуре. Это было время расцвета и могущества тасмолинской историко-этнографической общности. Ведущее положение центральноказахстанских племен в этой общности базировалось, скорее всего, на контроле за источниками цветного металла — медными месторождениями Центрального Казахстана, разработки которых продолжались и в раннем железном веке, в отличие от месторождений меди в степной зоне Южного Урала.

Кочевники Южного Зауралья, являясь составной частью тасмолинской историко-этнографической общности, поддерживали тесные связи не только с племенами Северного и Центрального Казахстана. Через территории Восточного Казахстана и Алтая они взаимодействовали и с номадами более

восточных районов Евразии, прежде всего с ранними кочевниками Тувы. В таких археологических комплексах, как, например, «царский» курган Аржан-2, находят аналогии большинство предметов из погребений раннесакского времени Южного Зауралья. Это боевые пояса с бронзовыми обоймами различной формы, чеканы с головкой хищной птицы в углу между втулкой и бойком, бронзовые наконечники стрел некоторых типов. Однако следует подчеркнуть, что сходство памятников Тувы и Южного Зауралья, так же как Тувы и Северного и Центрального Казахстана, выявляется главным образом при сопоставлении комплексов инвентаря, в то же время конструкция и погребальный ритуал курганов тасмолинской общности достаточно сильно отличают их от тувинских памятников.

Связи ранних кочевников тасмолинской общности и племен Алтая и сопредельных с ним территорий в VII–VI веках до н. э. базировались, несомненно, во-первых, на общности происхождения и, во-вторых, на экономических интересах племен тасмолинской культуры Центрального Казахстана, через которых эти связи в основном и осуществлялись кочевниками Северного Казахстана и Южного Зауралья. Контакты же тасмолинцев Центрального Казахстана с алтайскими племенами выступали в форме непосредственного постоянного взаимодействия. Охватывали они, очевидно, различные сферы жизни кочевых обществ и по своей функциональной направленности были как хозяйственными, главным образом технологическими (распространение оружия и орудий, а также навыков), так и социальными, охватывающими прежде всего элитарные слои.

Имели место, вероятно, и различного рода потестарно-политические связи: мы не можем исключить возможность объединения отдельных родов или племен в военные союзы, посылки посольств, обмена дарами и т. п. Возможно, такими дарами являются плоды вишни и лоха, обнаруженные в углу погребальной камеры могилы 5 кургана Аржан-2, ареал произрастания которых охватывает Казахстан, в том числе и Северный, и территории равнинного Алтая.

Очевидно также, что взаимодействие племен степной части Урало-Иртышского междуречья

Древнее
золото
Центрального
Казахстана.
Могильник
Талды-2.
Раскопки
А. З. Бейсенова

и Алтай было не только мирным, но и военным, прежде всего военно-грабительским. Не исключено, что имели место и миграционные контакты, то есть переселение отдельных родов или родовых групп как с Алтая в урало-казахстанские степи, так и в обратном направлении.

При таком разнообразии и постоянстве связей, без сомнения, имели место и инфильтрационные контакты — перемещение небольших групп (прежде всего воинских) и отдельных лиц, в том числе при смешанных браках. Близость происхождения и интенсивные связи, охватывающие различные слои общества, способствовали и развитию духовно-идеологических контактов, что нашло выражение в искусстве.

Подчеркнем, что все сказанное выше относится прежде всего к связям между тасмолинцами Центрального Казахстана и племенами Алтая. Контакты же кочевников Северного Казахстана и Южного Зауралья с населением Алтая были, естественно, опосредованными и осуществлялись через племена Центрального Казахстана. Данное обстоятельство было еще одним фактором, обеспечивающим ведущую роль тасмолинских племен в обществе кочевников урало-казахстанских степей.

Итак, в начале I тысячелетия до н. э. в результате резкого ухудшения климатических условий степные пространства от Волги до Иртыша практически опустели. Проживавшее здесь ранее многочисленное население в массе своей уходит в районы, более благоприятные по своим природно-климатическим показателям. И когда в конце VIII века до н. э. в степях наметилось улучшение природных условий, немногочисленное и разрозненное их население не смогло противостоять мощной волне мигрантов из Внутренней Азии, районов современного Северного и Северо-Западного Китая и Западной Монголии. Двигаясь вдоль западных предгорий Алтая в Центральный и Северный Казахстан и далее в Южное Зауралье, мигранты заселили огромные пространства урало-казахстанских степей.

Генетическая близость мигрантов и естественно-географические особенности урало-казахстанских степей привели к оформлению уже в VII веке до н. э. тасмолинской историко-этнографической общности, включающей три крупных

объединения кочевников — североказахстанское (улубаевско-тасмолинская культура), центрально-казахстанское (тасмолинская культура) и южно-зауральское (бобровско-тасмолинская культура). Ведущую роль в этой общности играли, несомненно, племена Центрального Казахстана. Их главенствующее положение в общности базировалось на контроле источников цветного металла — медных месторождений региона. Из меди этих месторождений изготавливали оружие, конскую упряжь, орудия труда и украшения не только номады Центрального Казахстана, но и кочевые племена Северного Казахстана и Южного Зауралья.

Основой не только сложения, но и функционирования тасмолинской историко-этнографической общности являлась пастбищно-кочевая система или система посезонного распределения пастбищ и водных источников. Эта система во многом определила связи ранних номадов урало-казахстанских степей с кочевыми и полукочевыми племенами Центральной Азии, прежде всего номадами Приаралья, и населением лесостепи Зауралья и Западной Сибири.

Естественно-географические особенности двух крупных регионов урало-казахстанских степей — Южного Зауралья, с одной стороны, Северного и Центрального Казахстана, с другой — предопределили специфику хозяйства их населения, пути кочевков, места сезонных пастбищ и, в конечном счете, преимущественное направление экономических, культурных и потестарно-политических связей, конкретное историческое окружение.

Основной вектор интересов номадов Северного и Центрального Казахстана был направлен на юго-запад, в Приаралье, и на юго-восток, на Алтай. Связи же с лесостепными племенами Западной Сибири (Тоболо-Иртышское междуречье) были достаточно слабы и эпизодичны. Западная Сибирь в этот период не представляла интереса для кочевого социума.

Если взаимосвязи номадов Северного и Центрального Казахстана с Приаральем во многом были обусловлены пастбищно-кочевой системой, в частности расположением зимовок, то в основе взаимосвязей с племенами Алтая лежали экономические интересы — потребность в цветном

металле, прежде всего в олове, для собственного металлургического производства. Генетическое же родство с племенами Алтая облегчало эти взаимосвязи, делая их более глубокими, охватывающими не только экономику, но и потестарно-политическую и духовно-идеологическую сферы.

Для кочевников Южного Зауралья взаимосвязи с племенами Приаралья также были обусловлены пастбищно-кочевой системой — расположением зимовок и летовок. Однако основной вектор их интересов был направлен на север, в лесостепное Зауралье, прежде всего в ареал формирующейся иткульской культуры. Потребность в цветном металле, стремление к независимости от центральноказахстанских племен в его получении, близость источников металла стимулировали военную активность южнозауральских номадов в этом направлении. Вероятно, уже в VI веке до н. э. племена иткульской культуры попали в определенную, скорее всего, данническую зависимость от кочевников. Потребность же кочевого мира в металле, наряду с внутренним развитием лесостепных обществ, стимулировала развитие иткульского очага металлургии и металлообработки.

Лесостепные и степные племена Южного Зауралья, вероятно, явились теми звеньями, которые соединили ананьинский мир Волго-Камья с сакским миром степной Евразии.

Список литературы

1. Ашмарин А. Кочевые пути, зимовья и летовки (Историческое описание) // Совет. Киргизия. 1925. № 5–6.
2. Бельтикова Г. В. Иткульский очаг металлургии: ориентация, связи // Урал. ист. вестн. 2002. № 8.
3. Корякова Л. Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1993. 72 с.
4. Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии : в 5 т. Т. 3. Уфа, 1968.
5. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы : Санат, 1996.
6. Маннапов М. М. Некоторые проблемы расселения древнебашкирских племен в Степном Заволжье // Этнос. Общество. Цивилизация : Кузеевские чтения : материалы Международ. науч.-практ. конф. Уфа : ЦЭИ УНЦ РАН, 2006.
7. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей : в 12 т. Т. 5. Тургайская область, Кустанайский уезд. Воронеж, 1903.
8. Муканов М. С. К вопросу о родорасселении казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области (вторая половина XIX в.) // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана : тр. Ин-та истории, археологии и этнографии Акад. наук КазССР. Т. 12. Алма-Ата, 1961.
9. Скалов Б. А. Естественно-исторический и хозяйственный очерк кочевых волостей юга Темирского уезда // Изв. Оренб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. Вып. 22. Оренбург, 1911.
10. Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков : материалы к ист.-этногр. атласу. Алма-Ата : Наука КазССР, 1980.
11. Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука, 1981.

Городище Большое Баландинское на реке Миасс (гороховская культура). Челябинская область. Фото: А. Таиров

История Южного Урала

3
ГОМ
глава
2

**ЮЖНОЕ
ЗАУРАЛЬЕ В
САВРОМАТ-
СКОЕ ВРЕМЯ
(вторая поло-
вина VI —
третья чет-
верть V века
до нашей эры)**

Глава 2.

ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ В САВРОМАТСКОЕ ВРЕМЯ (вторая половина VI — третья четверть V века до нашей эры)

Вторая половина VI века до н. э. в истории степной Евразии ознаменовалась распадом предшествующих культур раннесакского времени и сложением новых этнокультурных образований. Процесс этот затронул и урало-казахстанские степи и прежде всего Южное Зауралье, где на смену бобровско-тасмолинской культуре приходит прохоровская, представленная памятниками древнепрохоровского (обручевского) этапа второй половины VI — третьей четверти V века до н. э.

Вопрос о культурной принадлежности памятников второй половины VI — третьей четверти V века до н. э. Южного Зауралья большинством исследователей решался однозначно — они включали их в самаро-уральский вариант савроматской археологической культуры или в самостоятельную культуру ранних кочевников Южного Приуралья, для которой были предложены названия «самаро-уральская» и «орская».

Среди археологических памятников Южного Урала второй половины VI — V века до н. э. особо выделяется своеобразная группа памятников в южной части Челябинской области, Северо-Восточном Оренбуржье и юго-восточных районах Башкирии, то есть в тех районах, которые включаются в Южное Зауралье. Именно в этих местах впервые в составе погребального инвентаря ранних кочевников появляется круглодонная керамика. Памятники

этого района имеют и некоторые общие черты с памятниками тасмолинской культуры Центрального Казахстана. Для населения, оставившего эти памятники, характерны тесные культурные, торговые, а возможно, и идеологические контакты с сакским миром, особенно с кочевым населением Северного и Центрального Казахстана и Приаралья.

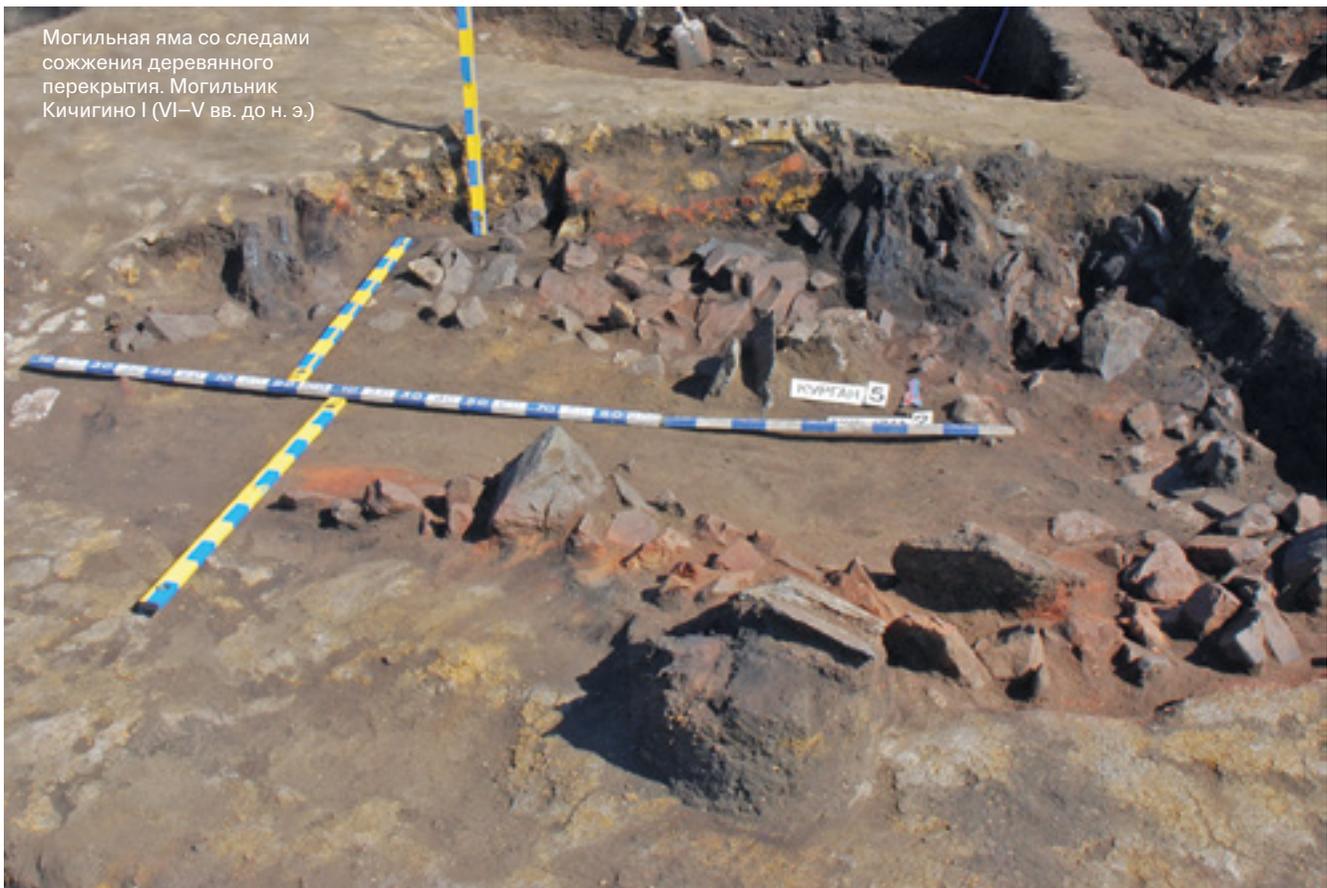
Рассматривая погребальные комплексы конца VI — III века до н. э. восточных (зауральских) районов Башкирии и сопоставляя их с памятниками северо-восточной периферии савроматской археологической культуры, особенно с Аландскими курганами в Северо-Восточном Оренбуржье, А. Х. Пшеничнюк еще в 1983 г. пришел к выводу о возможности выделения в дальнейшем памятников ранних кочевников Зауралья в особый локальный вариант или даже самостоятельную археологическую культуру, родственную савроматской и одновременно близкую лесостепным культурам Зауралья. Он также отмечал, что материалы памятников ранних кочевников Башкирского Зауралья имеют многочисленные параллели в сакском мире Приаралья и Центрального Казахстана [14, с. 83, 84, 127–129]. Развитием этих представлений стало включение погребальных комплексов южной лесостепи и степи Южного Зауралья второй половины VI — третьей четверти V века до н. э. в зауральский вариант прохоровской (раннесарматской) археологической культуры в качестве ее первого, древнепрохоровского этапа.

Отмечая наличие значительного числа сакских черт в погребальном обряде и инвентаре памятников ранних кочевников Южного Урала, исследователи объясняли этот факт генетической связью населения Южного Урала, Приаралья, Северного и Центрального Казахстана с носителями близких, возможно, родственных культур эпохи бронзы, торговыми, культурными, военными и другими контактами, взаимными инфильтрациями, вхождением в общие этнополитические объединения и т. п. Одну из причин близости погребальных комплексов этих регионов видели в непосредственном участии в формировании самаро-уральского варианта савроматской культуры сакских (сакомассагетских) племен в результате их инфильтрации на север.

Близость погребального обряда и инвентаря ранних кочевников Южного Урала и Юго-Восточного Приаралья привела некоторых исследователей к выводу о миграции кочевников с территории Приаралья (правда, без уточнения конкретной области этого обширного региона)

на территорию Южного Приуралья и Нижнего Поволжья на рубеже VII–VI веков до н. э., появлению культуры ранних кочевников Южного Приуралья в «готовом», сложившемся виде во второй половине VI века до н. э.

Как уже отмечалось, во второй половине VII — середине VI века до н. э. ранние кочевники Южного Зауралья включались в сакскую историко-этнографическую область, составляя внутри нее, вместе с номадами Северного и Центрального Казахстана, тасмолинскую историко-этнографическую общность. Анализ погребального обряда памятников VII–VI веков до н. э. и второй половины VI — V века до н. э. свидетельствует о несомненной культурно-генетической преемственности населения этого региона. Однако кардинальное изменение большинства составляющих прежний стандарт погребального обряда и трансформация его в новый стандарт говорили о проникновении в среду номадов Южного Зауралья носителей иных культурных традиций.

Могильная яма со следами сожжения деревянного перекрытия. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

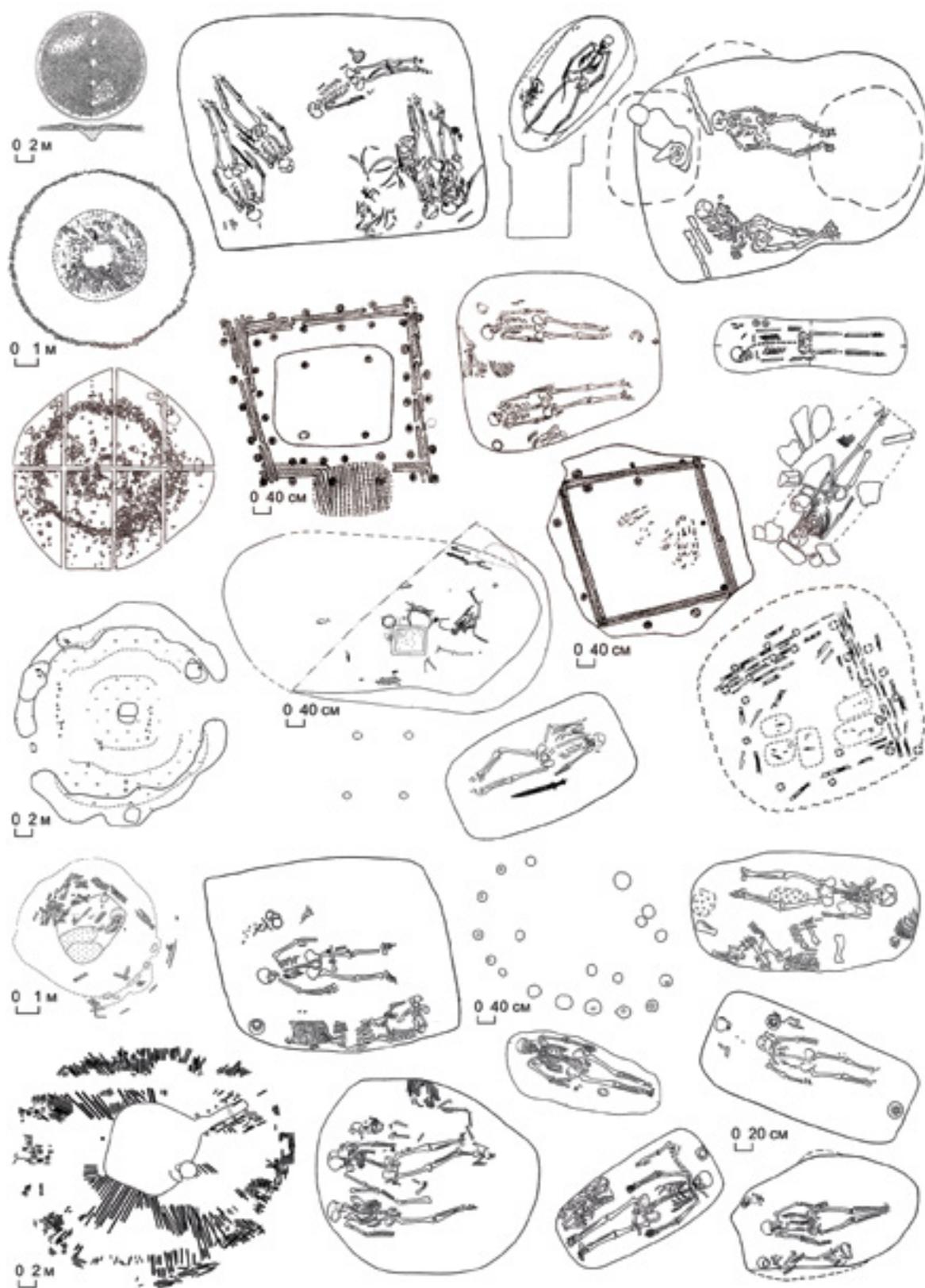
Ряд черт погребального ритуала кочевников Южного Зауралья второй половины VI — V века до н. э. не имеет местных корней. Поиски их истоков заставили нас обратить внимание на области, лежащие к югу от Зауралья — на Среднюю Азию и прежде всего Приаралье, на племена историко-этнографической общности саков низовий Амударьи и Сырдарьи.

Сравнивая погребальный обряд ранних кочевников Южного Урала и саков Приаралья (низовья Сырдарьи), можно выделить следующие общие черты: обряд трупосожжения, совершаемого на месте; подожжение внешней деревянной или иной конструкции над могилой; подкурганное сооружение в виде обширной квадратной камеры с длинным дромосом; сочетание квадратной и круглой планировки в конструкции надмогильного сооружения; трупосожжение на дневной поверхности и деревянные конструкции над ним; широкое использование травы и камыша для перекрытий и в качестве подстилок в могилах и т. д., диагональные погребения. В Южном Зауралье в могильниках

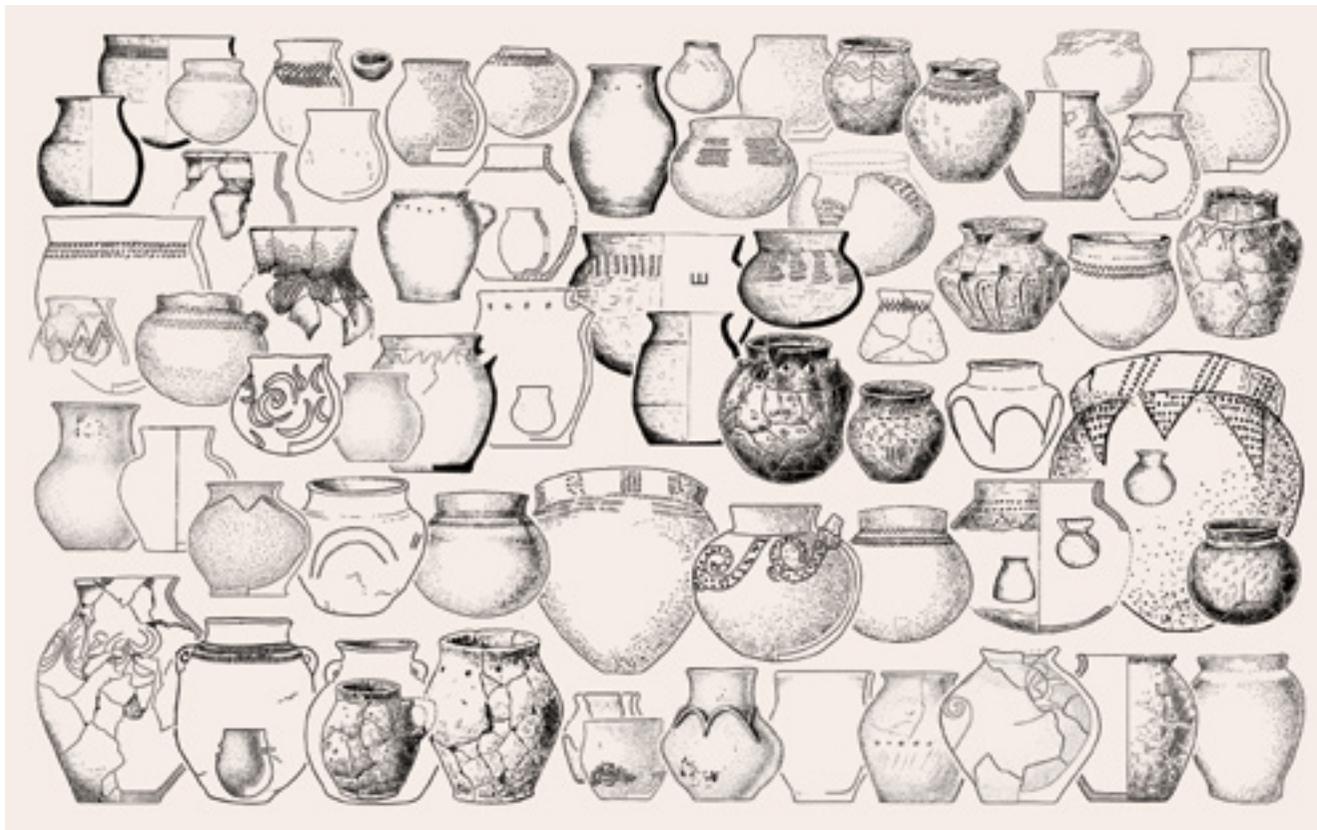
Солончанка II, Маровый Шлях, Шагалы обнаружены остатки погребальных каркасно-столбовых конструкций, археологически представленных одинарным или двойным кольцом столбовых ям, аналогичных конструкциям могильников Уйгарак и Южный Тагискен в Приаралье. К чертам, общим для Приаралья и Южного Зауралья, следует также добавить сожжение перекрытия могильных ям, выстилание травой (на Южном Урале — деревом) дневной поверхности вокруг ям, разбрасывание углей над покойником или по кольцу под насыпью, наличие парных и коллективных погребений, помещение керамических сосудов в могильную яму. В Южном Зауралье эти черты погребального ритуала, неизвестные в VII–VI веках до н. э., зафиксированы в памятниках древнепрохоровского (обручевского) этапа. В низовьях Сырдарьи же большинство этих признаков известно уже в комплексах VII–VI веков до н. э., то есть более ранних по сравнению с другими на Южном Урале. У саков Южного Приаралья конца VIII — VI века до н. э. известны устилание дневной поверхности

Разрушенное коллективное погребение савроматского времени. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

Погребальные сооружения и погребальный обряд. Памятники ранних кочевников Южного Зауралья второй половины VI—V вв. до н. э.

Керамика.
Памятники ранних кочевников

Южного Зауралья второй
половины VI–V вв. до н. э.

слоем камыша, индивидуальные трупосожжения в могильных ямах, индивидуальные и коллективные трупоположения и трупосожжения на уровне древнего горизонта в пределах площадки, ограниченной каменным кольцом, или внутри каркасно-столбовой конструкции, археологически представленной одинарным или двойным кольцом столбовых ям, надмогильные сооружения в виде выкладок или пирамидок из камня, помещение в могилу глиняной посуды.

Дважды в погребальных комплексах Южного Зауралья второй половины VI — начала V века до н. э. встречены глиняные подквадратные оградки-очаги (курган у села Варна, курган 2 могильника Обручевский). Возможно, подобного типа очаг (алтарь) находился и в кургане Елга на Бузулуке (не позднее конца VI века до н. э.). Прямоугольные очаги в виде кострища, углубленного в землю на 5–15 см, обнаружены также в курганах 3 и 4 могильника Бес-Оба конца VI — V века до н. э. в Южном Приуралье, известны здесь и более

поздние сооружения (Филипповка I). Обручевский и Бесобинский курганы сближает не только эта деталь, но также обряд погребения, конструкция надмогильных сооружений, сопровождающий инвентарь (жертвенники, оружие, конская сбруя, керамика и др.). Эти оградки-очаги обнаруживают интересную параллель с миниатюрными очагами круглой и квадратной формы в могильных ямах курганов конца II — начала I тысячелетия до н. э. Западного Памира и с прямоугольными и круглыми очагами у края могильных ям курганов 3 и 29 могильника Тарым-Кая I куюсайской культуры Южного Приаралья. Остатки круглых и прямоугольных погребальных костров выявлены и около двух погребений VII–VI вв. до н. э. Луговского могильника ананьинской культуры Прикамья, что, возможно, отражает влияние мировоззрения кочевого мира.

Во второй половине VI — начале V века до н. э. в Южном Зауралье, как и в Приуралье, появляются новые типы погребального инвентаря, которые своим происхождением связаны с Центральной Азией и Ближним Востоком. Это сосуды с трубчатым

Глиняный сосуд савроматского времени. Малый Климовский курган (V в. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Бегазы-дандыбаевская культура — археологическая культура последнего периода

бронзового века на территории Центрального Казахстана (IX–VIII века до н. э.).

Бронзовое зеркало савроматского времени. Могильник Шатрово (VI–V вв. до н. э.)

Могильник бегазы-дандыбаевской культуры Каражартас. Центральный Казахстан

Мавзолеи бегазы-дандыбаевской культуры. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан

носилом-сливом, которые были известны на юге Центральной Азии еще в эпоху бронзы, а в сакское время широко распространились по всей Центральной Азии. Встречены они и в комплексах VII–VI вв. до н. э. Приаралья.

Возможно, под влиянием древних керамических форм Центральной Азии и Ирана появились на Южном Урале в VI веке до н. э. плоскодонные горшки с грушевидным туловом. Сосуды этой формы известны в Приаралье с раннесакского времени. Генетически эта форма восходит, вероятно, к сосудам бегазы-дандыбаевской и тагискенской культур эпохи поздней бронзы. Вполне вероятно и определенное влияние центральноазиатской, в том числе приаральской керамики эпохи бронзы и раннего железа на сложение форм круглодонной посуды ранних кочевников Южного Урала.

В южнозауральском кургане 6 Аландской группы III (V в. до н. э.) найдены два плоскодонных сосуда с маленькими петлевидными ручками. Такого же типа сосуд происходит из южноприуральского комплекса рубежа VI–V вв. до н. э. на Илеке. К концу VI в. до н. э. относится круглодонный сосуд с четырьмя петельками из Ново-Кумакского могильника в Северо-Восточном Оренбуржье. В более

раннее время, в VII–VI веках до н. э., плоскодонные сосуды этого типа известны в Приаралье.

Вероятно, центральноазиатское или иранское происхождение имеют зеркала с плоским диском и боковой ручкой, с закраиной без ручки, которые на Южном Урале появляются лишь в конце VI века до н. э. Прототипом последних могли послужить дисковидные зеркала с отогнутым бортиком по краю и петлевидной ручкой в центре обратной стороны — типа зеркала из кургана 66 могильника Южный Тагискен (не позднее середины VI в. до н. э.).

Еще К. Ф. Смирнов отмечал, что среди южноуральских древностей нет предметов, которые можно было бы считать прототипами сарматских алтарей на ножках. Они, по его мнению, были созданы, скорее всего, под воздействием знакомства с каменными алтарями Ближнего Востока, вероятно, через посредство Центральной Азии, в ахеменидскую эпоху [16, с. 168]. Находки каменных жертвенников на четырех низких ножках в Южном Зауралье, Центральном Казахстане и Приаралье в комплексах VII–VI веков до н. э. нисколько не противоречат этому выводу.

Следует отметить, что некоторые черты погребального обряда, появившиеся у южнозауральских кочевников во второй половине VI — начале V века до н. э., известны были у племен предшествующего времени Центрального и Северного Казахстана (подкурганые надмогильные конструкции из дерева в виде выкладок, клетей или срубов, каркасно-столбовых конструкций; погребения на древнем горизонте или материке; сожжение деревянных построек под насыпью кургана на древней поверхности; сожжение или обугливание деревянных перекрытий могильных ям). Однако, несмотря на тесные связи с этими регионами, так же как и с Приаральем, в раннесакское время (VII–VI вв. до н. э.) в Южном Зауралье и тем более в Южном Приуралье они не фиксируются.

Одновременное появление во второй половине VI — начале V века до н. э. комплекса черт погребального обряда и инвентаря, характерных для саков Приаралья, наводят на мысль о возможной миграции части этих племен на Южный Урал и последующем включении их в состав аборигенного населения.

Археолог прибегает к понятию «миграция», когда в построенной им хронологической колонке для того или иного региона смена одного периода другим или одной культуры другой не происходит достаточно плавно, когда основные черты или составные части новой культуры не могут быть выведены из соответствующих основных черт или частей старой, предшествующей культуры. О миграции говорят в том случае, когда культурные изменения, затрагивающие различные стороны жизни общества, могут быть объяснены другой традицией, отнюдь не свойственной данной культуре. Материалы погребальных памятников ранних кочевников Южного Урала второй половины VI — V века до н. э. отвечают и ряду априорно выделенных критериев миграций — «территориальному критерию» (мигрирующая культура по своей территории распространения должна соприкасаться с ареалом исходной культуры) и «хронологическому критерию» (в районе происхождения мигрирующая культура существовала раньше, чем в новом районе). Согласно еще одному критерию — «критерию лекальности» — мигрирующая культура на новом месте

должна быть точной копией культуры на месте ее происхождения, или, иначе говоря, на новом месте должен быть зафиксирован весь комплекс черт, представленный на старом месте. Однако надо иметь в виду, что сама миграция — это встряска, которая приводит к быстрой трансформации культуры. Разрыв старых связей и установление новых, выход из старой системы отношений, перемена природной среды, ослабление старых норм и авторитетов порождали резкую перестройку культуры пришельцев. Причем эта культура в результате стремительно текущих процессов могла настолько видоизменяться, что мы, как правило, можем говорить уже о новом общественном организме, который предстает перед нами в виде комплекса иных культурных стереотипов. Определяющими в таком случае являются уже принципиально новые черты, а исходные корни нередко лишь только угадываются. Кроме того, необходимо учитывать и фактор «неидентичности состава», то есть факт того, что состав мигрантов и несомой ими культуры обычно не идентичен комплексу компонентов, который был в наличии на родине мигрантов. Это объясняется тем, что в миграцию часто отправляется не все общество и не пропорциональный срез всех его слоев и сегментов, а одна из его фракций — например, молодые мужчины-воины. Кроме того, активная группа мигрантов часто вовлекает в движение осколки соседних племенных групп с весьма широкого ареала, и культурные компоненты, захваченные ими из родных мест, быстро сплавляются в единую культуру.

Миграция, имевшая место во второй половине VI — начале V века до н. э. из Приаралья на Южный Урал, ближе всего к тому типу миграций, при которых и пришлая, и местная культура с самого начала появляется перед археологами в смешанном виде. Культура же пришлого населения никогда не предстает в чистом виде, а выступает как составная часть общей культуры, то есть культура пришельцев в чистом виде неизвестна. Лишь отдельные черты в архитектуре погребальных сооружений, искусстве, направлении культурных связей, традиции, языке, антропологическом облике заставляют говорить о миграциях.

Бронзовое зеркало.
Курган у села Наваринка
(VI–V вв. до н. э.). ГИМЮУ

Однако ограничиваться только признанием возможности миграции совершенно недостаточно. Необходимо выяснение ее причин, хода и, особенно, последствий. Чаще всего при рассмотрении миграционных процессов, происходящих в кочевых обществах, причины их ищут в трансформации природных условий, вызванных изменениями климата.

В VI веке до н. э. экологические условия в урало-казахстанских степях (Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан) благоприятствовали развитию кочевого скотоводства. Увлажнение степи при общем похолодании способствовало увеличению продуктивности пастбищ. В Северном Казахстане и Южном Зауралье средние температуры июля были ниже современных их значений на 1–1,5 градуса, в Центральном Казахстане отклонения температуры от современной нормы составляли менее одного градуса. Зимы на севере Центрального Казахстана, большей части Южного Зауралья были лишь немного холоднее современных (менее чем на один градус), в Северном же Казахстане было несколько холоднее (на 1–1,5 градуса). Количество атмосферных осадков в Северном Казахстане и на востоке Центрального Казахстана

Каменный
жертвенник
на трех ножках
со стилизован-
ными изоб-
ражениями
волчьих голов.
Могильник Об-
ручевский (VI–
V вв. до н. э.).
МАиЭ ЧелГУ

почти соответствовало современной норме, на севере Центрального Казахстана и в Южном Зауралье осадков выпадало больше современной нормы.

Благоприятными экологические условия были и в Южном Приуралье. Растительный покров представлял собой достаточно богатую разнотравьем степь, в составе которой присутствовали как луговые, так и сухостепные группировки, местами росли леса. Период VII–VI веков до н. э. был еще сравнительно влажным. Климатические условия, по одним данным, были более влажными, чем современные, по другим — более сухими, хотя и незначительно. Климат был менее континентальным и контрастным, чем сейчас, хотя и оставался резко континентальным. Лето и зима были лишь немного холоднее, чем в настоящее время. Отклонения средних температур июля и января от современных их значений составляло менее градуса.

В Южном Приаралье продолжающееся увлажнение привело к тому, что в середине I тысячелетия до н. э. в условиях пониженных среднеиюльских температур и повышенной влажности на аллювиально-дельтовой равнине господствовали лесные тугайные сообщества на аллювиальных почвах. На прилегающих пространствах сформировались луго-степные и степные сообщества. В Присарыкамьше, пустынях Каракумы и Кызылкумы, на плато Устюрт, солончаках Барса-Кельмес функционировали системы проточных озер.

Таким образом, во второй половине VI — начале V века до н. э. экологические условия в урало-казахстанских степях, Южном Приуралье и Южном Приаралье были весьма благоприятными для развития кочевого скотоводства. Однако надо иметь в виду, что на время примерно 2550 лет назад приходится максимум солнечной активности — так называемый максимум Геродота. А в степной зоне Евразии в периоды солнечной активности увеличивается континентальность климата, наблюдается примерно в 2,5 раза больше засух, чем в годы пониженной солнечной активности.

Однако, несмотря на благоприятные экологические условия в Южном Приаралье и в прилегающих к нему областях Устюрта, археологически достаточно отчетливо фиксируется отток части кочевого и полукочевого населения этого региона в степи

Южного Урала и в зауральско-западносибирскую лесостепь. Причину этого явления, как нам представляется, следует искать не только в сложившейся во второй половине VI века до н. э. исторической ситуации в Хорезмском оазисе, но и в политических событиях этого времени в Центральной Азии.

Раннесакская культура Юго-Восточного Приаралья (низовья Сырдарьи) представлена погребальными памятниками (могильники Южный Тагискен и Уйгарак), комплексами «шлаковых» курганов, а также поселениями и пастушескими стоянками. Причем система развешанных поселений сакского времени, зафиксированных в дельте Сырдарьи, может говорить о полуоседлом образе жизни местных скотоводов. Основу их хозяйства составляло скотоводство, земледелие, если оно и было, носило лишь вспомогательный характер. Судя по материалам могильника Южный Тагискен, во второй половине VI века до н. э. происходила культурная переориентация местного населения. Археологически она проявилась в появлении новых форм вооружения, некоторых деталей конской узды, в изменении стилистики звериного стиля. О кризисе традиционной культуры свидетельствуют и инновации в погребальном обряде, с которыми, вероятно, связано появление «шлаковых» курганов.

В Южном Приаралье VII–VI веков до н. э. можно выделить три локальные группы памятников: могильники сакского (сакарчагинского) культурного типа; могильники куюсайского типа; крепости и поселения кюзелигырского типа. Первые два типа памятников оставлены населением, имеющим различное антропологическое и этническое происхождение. Однако это не помешало их представителям войти в тесный контакт, результатом чего и стало формирование здесь специфической и, по-видимому, синкретической культуры, которая на территории левобережного Хорезма получила название куюсайской.

Шлаковые курганы — курганы раннего железного века Приаралья, для которых характерно кольцо, опоясывающее

основание насыпи, возведенное из глыб специально изготовленного гончарного шлака.

Период проживания сакарчагинцев в Южном Приаралье охватывает, по мнению одних исследователей, конец VIII — VII век до н. э., по мнению других — VII — середину VI века до н. э. В ахеменидское время в этом регионе они уже не фиксируются. Вытесненные из Южного Приаралья кюсайцами, сакарчагинцы практически не оставили здесь следов своего пребывания ни в культурном, ни в антропологическом плане.

Результатом тесных контактов саков Хорезмского оазиса, оставивших памятники типа поселения Кюсай 2 и Сакарчагинских курганов, с земледельческими цивилизациями бассейнов Мургаба и Теджена, предгорьев Копетдага и течения Атрека стало формирование в VII веке до н. э. кюзелигырской культуры. Она сочетает заимствованные черты (сырцовый кирпич, тип круговой керамики) с местными, сакскими особенностями (вооружение и конская упряжь, украшения в зверином стиле, традиции в лепной керамике). На основе этой культуры уже в VII веке до н. э. начинается процесс формирования хорезмийской государственности, складывается местная династия. Примерно на рубеже VII–VI веков до н. э. разворачивается строительство Кюзели-гыра, а не позднее начала VI века до н. э. саки низовьев Амударьи получают свой собственный этноним — «хорасмии» («хорезмийцы»).

Возникновение древнегосударственной архаичной (кюзелигырской) культуры вызвало в Присарыкамышье еще в доахеменидское время кризис сакской культуры, последствия которого могли быть различными. С одной стороны, местные саки или какая-то их часть, возможно, составили один из этнических компонентов кюзелигырской культуры. С другой стороны, какие-то сакские популяции и вовсе покинули этот регион. Вероятно, обострение этого кризиса приходится на вторую половину VI века до н. э., когда активизируется процесс этнокультурного взаимодействия саков Присарыкамышья и населения, оставившего памятники кюзелигырской культуры. Окончательную точку в развитии данного кризиса поставило завоевание Хорезма Ахеменидами в последней трети VI века до н. э.

К концу царствования Кира II из рода Ахеменидов, создателя одной из крупнейших «мировых

империй» древности, Персия (Ахеменидская держава) подчинила огромную территорию от берегов Средиземного моря до Инда и от Хорезма на севере до Индийского океана на юге. Между 545 и 539 годами до н. э. к державе Кира II были присоединены или покорены им земледельческие государства Центральной Азии — Парфия, Согдиана, Бактрия и Маргиана, Хорезм и часть сакских кочевых племен, в частности прикаспийские и амюргийские саки.

В завоеванных областях были созданы сатрапии, управляемые назначенными из центра наместниками. Покоренные области обязаны были платить подати, поставлять в персидскую армию воинские контингенты. Последние несли гарнизонную службу в различных концах империи, участвовали в завоевательных походах. Так, на острове Элефантина близ южной границы Египта в V веке до н. э. нес гарнизонную службу хорезмиец Даргаман. Саки-конники входили в состав персидского гарнизона египетского города Мемфиса. Античные авторы, перечисляя подразделения персидской армии Ксеркса, выступавшей против Греции, называют отряды бактрийцев, саков-амюргиев, хорезмийцев, согдийцев, саков и каспиев. При Дарии I в знаменитой Марафонской битве (490 год до н. э.) мужественно сражался отряд саков. Пехота саков упоминается при описании боев при Фермопилах, бактрийцы и саки сражались в битве при Платеях. Эсхил в трагедии «Персы» упоминает бактрийцев, павших в битве при Саламине.

После покорения части Средней Азии и взятия Вавилона Кир II готовился захватить и Египет. Однако предварительно он решил обезопасить северо-восточные границы своего государства в Центральной Азии от набегов кочевых племен массагетов, зафиксированных в персидских источниках под именем саков-тиграхауда (саков, носящих остроконечные шапки, или «острошапочных саков»). Массагеты наносили значительный ущерб оседлым иранским народам, подданным Ахеменидской державы. Чтобы ликвидировать опасность их вторжения, Кир II создал в Центральной Азии, на крайнем северо-востоке государства, ряд пограничных укрепленных поселений, обычно называемых античными историками городами. Однако

Кочевники Южного Урала (саки, сарматы) в VII–IV вв. до н. э.
 Греко-персидские войны. Участие сакских контингентов персидской армии в: 1 — Марафонской битве (490 г. до н. э.); 2 — битве у Фермопил (480 г. до н. э.); 3 — битве при Платеях (479 г. до н. э.); 4 — саки-конники в составе персидского гарнизона Мемфиса; 5 — предполагаемое место гибели в битве с саками (массагетами) основателя Персидской державы Кира II (529 г. до н. э.); 6 — предполагаемый район сражения персидской армии Дария I с саками тиграхауда (519 г. до н. э.).

Среднеазиатский поход Александра Македонского (329–328 гг. до н. э.): 7 — сражение с саками на правом берегу Танаиса (Сырдарья) (329 г. до н. э.); 8 — зона активных боевых действий кочевников (саки, дахи, массагеты, скифы и другие) на стороне Спитамена против македонской армии в междуречье Окса (Амударья) и Танаиса (Сырдарья). 9 — «торговый путь Геродота», соединяющий античные города Северного Причерноморья с Южным Уралом и Волго-Камьем (VI–IV вв. до н. э.). Основной статьей экспорта с Южного Урала были медь и золото; 10 — путь, соединяющий Северный Кавказ с Южным Уралом и Волго-Камьем (VI–IV вв. до н. э.); 11 — пути, соединяющие Среднюю Азию с Южным Уралом и Сибирью (IV–III вв. до н. э.)

для обеспечения полной безопасности границ необходимо было покорить или хотя бы утратить массагетов. Массагеты занимали территорию где-то к востоку от Каспия, находившуюся в непосредственной близости к Хорезму и Согду. Именно сюда Кир II в 530 году до н. э. отправился в свой поход, закончившийся, как известно, гибелью самого царя.

Большинство отечественных историков локализуют массагетов в Прикаспии и Приаралье, в районах, примыкающих к Амударье и Узбою. Однако возможна и другая их локализация — на левобережье Сырдарьи или в степях за Сырдарьей. Согласно Д. А. Щеглову, поход Кира II представлял собой не локальную операцию в районе Узбою, а грандиозную военную экспедицию. Пройдя Бактрию, персы завоевали Согдиану, оккупированную к тому времени массагетами. Здесь, на берегу Сырдарьи, на месте нынешнего Истаравшана в Таджикиста-

не, был построен город-крепость Кирополь. При попытке же вторгнуться в коренные массагетские степи за Сырдарьей персидская армия была разгромлена [17, с. 114–118].

Разгром ахеменидского войска и гибель основателя государства не привели, однако, к освобождению центральноазиатских областей от власти Персии. Политику Кира II в этом регионе продолжил Дарий I Гистасп. В 519 году до н. э. он совершил большой и удачный поход против массагетов (саков-тиграхауда), которым навязал своего ставленника и причислил их к X (Мидийской) сатрапии. Об этом сообщает столбец V Бехистунской надписи Дария I: «Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке (Амударье? — А. Т.), на ту сторону ее со всем войском я пере-

шел. Затем я наголову разбил часть саков, а другую [часть] захватил в плен... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого назначил [их] вождем, как [на то] было мое желание. Затем страна стала моей» [7, с. 100–101].

Таким образом, в последней трети VI века до н. э. Ахемениды дважды совершали походы против кочевых и полукочевых племен Центральной Азии. Причем второй поход, поход Дария I, закончился для персов успешно — удалось подчинить ряд кочевых племен.

Эти события привели к расколу популяций центральноазиатских кочевых и полукочевых племен, к их перемещениям и перегруппировкам, оттоку отдельных их групп за пределы региона. Часть кочевых и полукочевых племен Нижней Сырдарьи вынуждена была покинуть свои прежние места обитания и мигрировать на север, в степи Южного

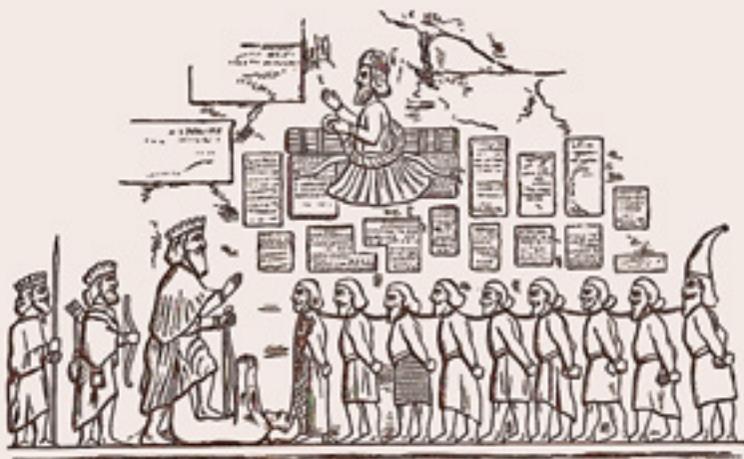
Легковооруженный сакский воин (VI–V вв. до н. э.).
Реконструкция М. В. Горелика

Персидские (1, 2) и сакский (3) воины V–IV вв. до н. э.
Реконструкция М. В. Горелика

Бехистунская надпись — надпись на скале Бехистун, которая находится на дороге Керманшах — Хамадан в Иране. В 516 году до н. э. Дарий I, правитель Ахеменидской державы, повелел увековечить свои победы в надписи на скале. Надпись была выполнена клинописью на трех языках — древнеперсидском, эламском и вавилонском.

Скала Бехистун. Иран

Пленники перед Дарием I (последний в ряду – Скунха). Рельеф на скале Бехистун (конец VI века до н. э.). Иран

Зауралья и Южного Приуралья, а также в зауральскую лесостепь и прилегающие к ней районы Западной Сибири. Здесь они вошли в состав кочевников, кочевавших на обширной территории от предгорий Южного Урала до Приаралья, или приняли участие в формировании населения саргатской и гороховской культур.

Следует отметить, что кочевники присарыкамьшского историко-этнографического района в доахеменидское время вряд ли были однородны в хозяйственном отношении. Часть их, вероятно, имея зимовья в Присарыкамьше, на лето уходила в степи Южного Приуралья. Часть кочевала по Устюрту, имея в Присарыкамьше лишь зимовочные территории. Часть вела полукочевой образ жизни, не выходя за пределы региона. После политических событий второй половины VI века до н. э. присарыкамьшская группировка кочевников раскололась. Одни из них связали свою судьбу с Хорезмом — это были, прежде всего, полукочевники, носители куюсайской культуры. Их хозяйство было наиболее связано с Присарыкамьшем. И в ахеменидское время поселения куюсайской культуры здесь сосуществуют с памятниками кюзелигырской культуры. Другие же, не желая подчиниться Хорезму и Ахеменидам, вынуждены были изменить места своих основных зимних пастбищ, передвинув их на запад — на Устюрт и Мангышлак, где в этот период в условиях высокой увлажненности господствовали степные и сухостепные ландшафты.

После VI века до н. э. в Южном Приаралье уже не встречается захоронений на поверхности древнего горизонта, да и погребальные комплексы скотоводческого населения, которые достаточно уверенно можно датировать в пределах V века до н. э., пока не обнаружены. Данное обстоятельство можно объяснить взрывообразным развитием кюзелигырской культуры, которая поглотила основную массу скотоводческого населения региона и самым существенным образом изменила этнокультурную ситуацию, включая погребальные традиции. Можно предположить, что кюзелигырцы поголовно использовали обряд выставления трупов в его классическом проявлении, поэтому и отсутствуют погребальные памятники второй половины VI —

V века до н. э. Однако в это же время начинается широкое освоение кочевниками плато Устюрт и прилегающих к нему районов (Узбой, Закаспий, Мангышлак). Веками V–II до н. э. датируется период погребений на горизонте в каменных ящиках (или в пределах каменного кольца, или спирали, или в склепах на горизонте), которые оставлены скотоводческими племенами, использовавшими эти районы как пастбищные и зимовочные территории.

Скорее всего, политические события в Центральной Азии, прежде всего в Хорезме, вынудили кочевников, кочевавших между западными отрогами гор Южного Урала и Южным Приаральем, не только передвинуть свои зимовочные территории на Устюрт, но и перенести политический, экономический и культурный центр своего племенного объединения и родовые могильники с юга на север, в степи Южного Приуралья. Здесь, на Илеке, с конца VI — начала V века до н. э. возникают крупные некрополи родоплеменной верхушки. Именно этим объясняются появление во второй половине VI века до н. э. в «готовом», сложившемся виде как будто совершенно новой, не имеющей местных корней культуры ранних кочевников Южного Приуралья, резкое и многократное увеличение кочевнических памятников, почти не известных в предшествующее время.

Исторические события второй половины VI века до н. э. в Центральной Азии и особенно политика Ахеменидов в этом регионе оказали значительное влияние на другие племена обширного сакского мира. Так, археологический материал Минусинской котловины говорит о связях тагарской культуры в конце VI — V веке до н. э. с районами восточнее Сырдарьи — Восточным Казахстаном и, может быть, Семиречьем и Киргизией. Более того, они, очевидно, свидетельствуют о проникновении каких-то групп населения из этих районов в Минусинскую котловину. Как предполагали некоторые исследователи, возможно, часть саков-тиграхауда («носящих высокие колпаки») не была покорена Дарием, а откочевала на восток и вместе с другими увлеченными ими племенами достигла Енисея. Вероятно и передвижение на рубеже VI–V веков до н. э. какой-то части населения из Центральной

Азии и Казахстана в алтайские степи, что подтверждается аналогиями в вооружении, погребальном обряде, керамике, а также антропологически данными.

Как эти события сказались на кочевниках Северного и Центрального Казахстана? Анализ погребального обряда тасмолинцев Центрального Казахстана и улубаевцев Северного Казахстана VII — первой половины VI века до н. э. и конца VI — V века до н. э. показал, что ни в Центральном, ни в Северном Казахстане во второй половине VI — начале V века до н. э. значительных изменений в погребальной обрядности местных племен не произошло. Отсутствие же значительных инноваций со всей очевидностью свидетельствует о том, что во второй половине VI — начале V века до н. э. массовых миграций в эти районы не было. Данное обстоятельство можно, как представляется, объяснить тем, что племенные объединения тасмолинцев и улубаевцев были еще достаточно сильны, чтобы не допустить массового притока на свою территорию кочевников извне, в частности из Центральной Азии.

При характеристике особенностей культуры Южного Урала, в том числе и Южного Зауралья, конца VI — V века до н. э. следует также учитывать и значительное влияние на ее сложение культурных традиций населения западных районов степной Евразии, прежде всего Предкавказья и Северного Причерноморья.

Центром расселения древнейших скифов, осуществлявших продвижение на юг Восточной Европы, стали районы Северного Кавказа и Предкавказья. Эти же районы рассматриваются большинством исследователей и в качестве плацдарма, с которого происходит проникновение скифских воинских континентов в Закавказье, Переднюю Азию, лесостепное Поднепровье.

В раннескифский период основными поставщиками металла населению восточноевропейской степи и лесостепи были, вероятно, ананьинские племена Средней Волги, имевшие в VIII–VI веках до н. э. развитое металлообрабатывающее производство. Ананьинцы использовали главным обра-

зом металл группы ВК и ВУ и, частично, группы ЕУ¹, который поступал из уральских и более восточных центров. Большую же часть металла в VII–VI веках до н. э. ананьинцы получали от своих восточных соседей — племен иткульской культуры Зауралья.

О реальности связей населения Волго-Камья, в частности Среднего Поволжья, лесостепного Поднепровья и Северного Кавказа в VIII–VI веках до н. э. свидетельствуют, помимо данных спектрального анализа цветного металла, материалы раннеананьинских памятников на Средней Волге и отдельные находки на Северном Кавказе.

Основными же производителями металлических изделий для кочевников восточноевропейской степи в VII–IV веках до н. э. были лесостепные племена Скифии. В эпоху архаики лесостепное Поднепровье, районы Восточного Крыма и Прикубанья были связаны путями ежегодных перекочевков скифов. Об активных сношениях и связях населения Прикубанья и лесостепного Поднепровья свидетельствуют и данные спектроаналитического изучения архаических комплексов Посулья. В ранний период не исключены и полувоенно-полоторговые экспедиции кочевников степей Предкавказья непосредственно в Волго-Камье по пути, который совпадает с более поздней караванной дорогой, ведущей из Булгарии в Прикубанье и на Кавказ. Все это объясняет наличие уральского металла (группа ЕУ) и металла из неясного источника, расположен-

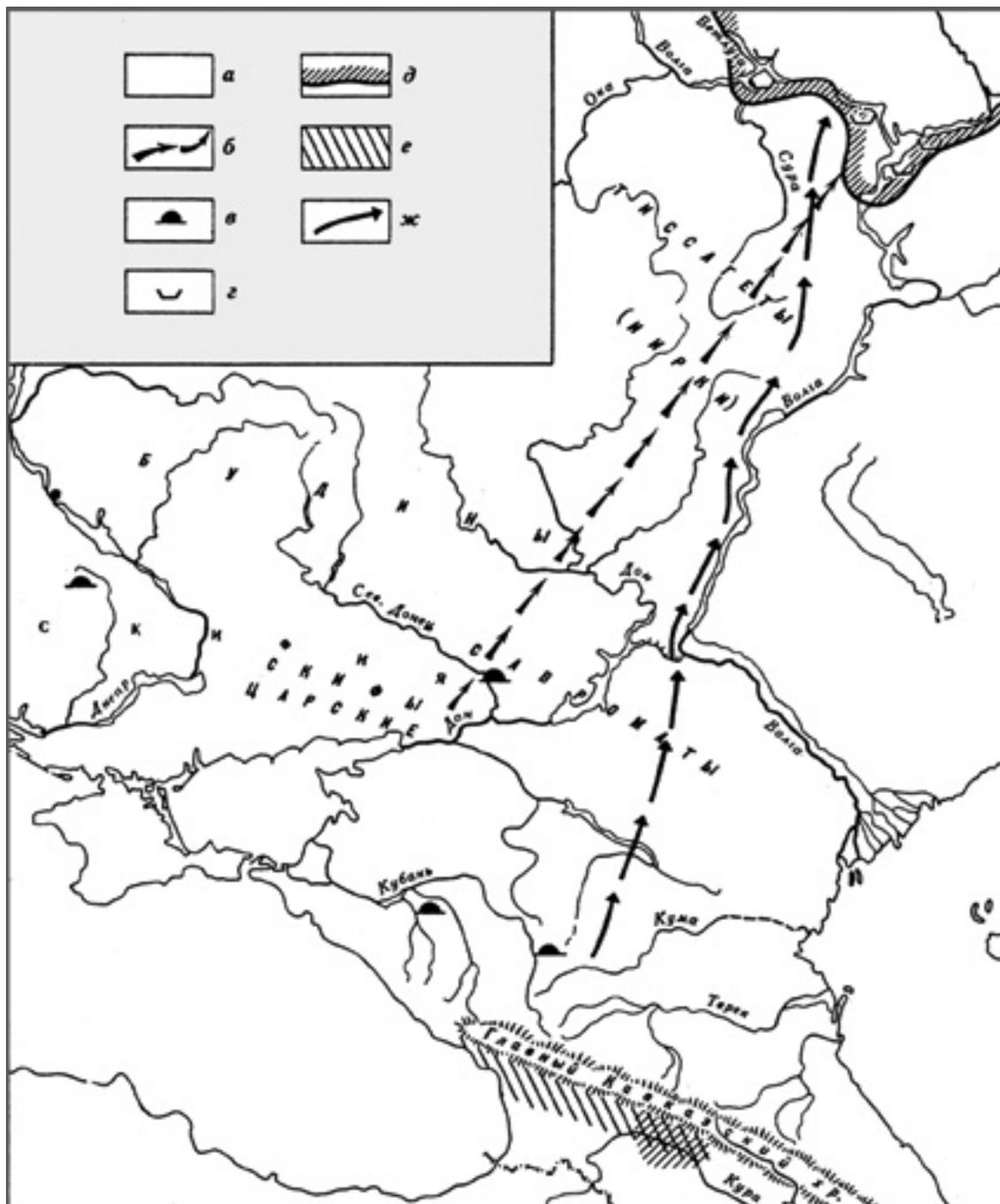
1

ВУ — волго-уральская химико-металлургическая группа с рудным источником, расположенным к востоку от Урала (?); ВК — волго-камская группа с неясным рудным источником; ЕУ — еленовско-ушкаттинская группа. Последнюю связывают с месторождениями Еленовка и Уш-Катты на севере Мугоджар. В нее включают и другие близкие по геохимии месторождения на севере этого региона. Ряд исследователей связывает с этой группой и металл, выплавляемый племенами иткульской культуры. Рудные месторождения, разрабатываемые иткульскими металлургами, первоначально объединяли в группу ЗаУ, связываемую с месторождениями, разбросанными от Южного до Среднего Урала. Однако в дальнейших исследованиях древней металлургии эта группа уже не фигурирует. Лишь в некоторых относительно новых работах вновь отмечается металл группы ЗаУ, из которого отлита подавляющая часть изделий иткульской культуры. Надо иметь в виду, что исследователями древней уральской металлургии неоднократно подчеркивалось, что металл группы ЗаУ трудно отличим от металла группы ЕУ.

ного к востоку от Урала (группа ВУ) в памятниках Прикубанья и Северного Кавказа. Так, например, анализ металла из Краснознаменских курганов (Северный Кавказ) середины — конца VII века до н. э. показал, что, во-первых, он происходит, вероятнее всего, из рудных месторождений на севере Мугоджар (группа ЕУ, металл которой, напомним, трудно отличим от металла группы ЗаУ) и неясного источника, расположенного к востоку от Урала (группа

ВУ); во-вторых, он близок к металлу из синхронных памятников Северного Кавказа и Украины. Отметим, что в составе инвентаря Краснознаменских курганов имеются каменный жертвенник, стремевидные удила, предметы с солярным знаком, близкие южноуральским.

Наибольшую стабильность эти связи приобретают в период возвращения скифов из переднеазиатских походов и активного их проникновения

Юго-Восточная Европа в скифское время.
 а — области расселения восточно-европейских народов по Геродоту;
 б — путь в землю отложившихся скифов по Геродоту;
 в — курганы раннескифского времени с элементами древневосточной культуры;
 г — раннеананьинские могильники на Средней Волге;
 д — юго-западная граница ареала ананьинской культуры;
 е — зона наибольшего распространения элементов скифской культуры в Закавказье;
 ж — сухопутный путь из Предкавказья на Среднюю Волгу (по: Погребова М. Н., Раевский Д. С.)

«Торговый путь Геродота» — описанный древнегреческим историком Геродотом путь, который шел из Гавани

борисфенитов (Ольвия) к аргиппеям и исседонам, живущим, скорее всего, на Южном Урале и в Зауралье.

Карта «Торговых» путей савроматского времени в Волго-Уральских степях

в степи Северного Причерноморья, Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья, в лесостепное Поднепровье и Подонье.

Проникновение же скифов на рубеже VII–VI веков до н. э. в лесостепное Поднепровье вывело их на один из путей распространения меди из Приуралья в Причерноморье, на тот путь, который в литературе получил название «торговый путь Геродота». Предыстория этого пути уходит еще в эпоху бронзы. В предмонгольское время (IX–XIII вв.) эта торговая артерия была известна как путь из Бул-

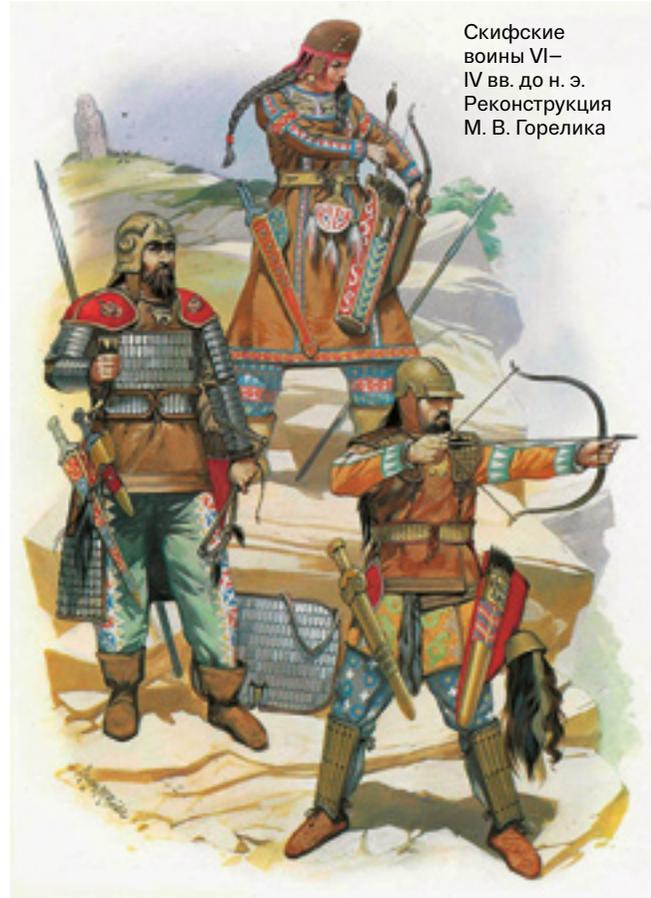
гара в Киев. Активное функционирование этой артерии в эпоху раннего железа подтверждается спектроаналитическим исследованием цветного металла из памятников лесостепного днепровского левобережья, где от 24 до 36 % бронзовых предметов VI–IV веков до н. э. изготовлено из металла южноуральских рудных источников.

Северный Кавказ являлся и исходной территорией для проникновения на рубеже VII–VI веков до н. э. скифского этнического компонента на север — на Среднюю Волгу. Это проникновение рассматривается или как походы мужчин-воинов, смешавшихся с местным населением и растворившихся в их среде, или как миграция «отложившихся скифов», о которых упоминает «отец истории» Геродот. Однако, как представляется, вряд ли

правомерно рассматривать его только как походы мужчин-воинов. Тем более что с этим проникновением с Кавказа на Среднюю Волгу пришли кавказские мастера, принесшие свои традиции обработки черных металлов. Но и рассматривать данное проникновение как миграцию «отложившихся скифов» нет никаких оснований. Скорее всего, контакты между жителями Северного Кавказа и степи Предкавказья с населением Волго-Камья были многократными и более или менее регулярными. Очевидно, они носили характер военно-торговых экспедиций, в которых принимали участие не только воины, но и другие слои населения.

Проникновение скифского этнического компонента на рубеже VII–VI веков до н. э. происходило не только на север — на Среднюю Волгу, но и на северо-восток — в Южное Приуралье. Именно к этому времени, к концу VII — первой половине VI века до н. э., относится курган 59 могильника Целинный I на Илеке в Южном Приуралье, интерпретируемый его исследователем как памятник ранних скифов, продвинувшихся из украинской лесостепи не позднее середины VI века до н. э. С продвинувшимися в Южное Приуралье скифами связывают еще несколько комплексов VI века до н. э., в частности погребение 2 кургана 8 у села Бурдыгино в бассейне Самары и погребение 1 кургана 17 могильника Покровка II на Илеке. В этом плане интересна находка рогового трехдырчатого псаля начала VI века до н. э. с арамейской надписью в кургане у села Рысайкино близ города Бугуруслана в Северо-Западном Оренбуржье. Он аналогичен псалям, найденным на Кавказе и в Прикубанье в памятниках, которые, безусловно, связаны с возвращением скифов после их вторжения в Переднюю Азию. Вполне вероятно, что рысайкинский псалий, скифский по типу, мог быть занесен в Южное Приуралье с волной кочевников, вернувшихся из переднеазиатских походов.

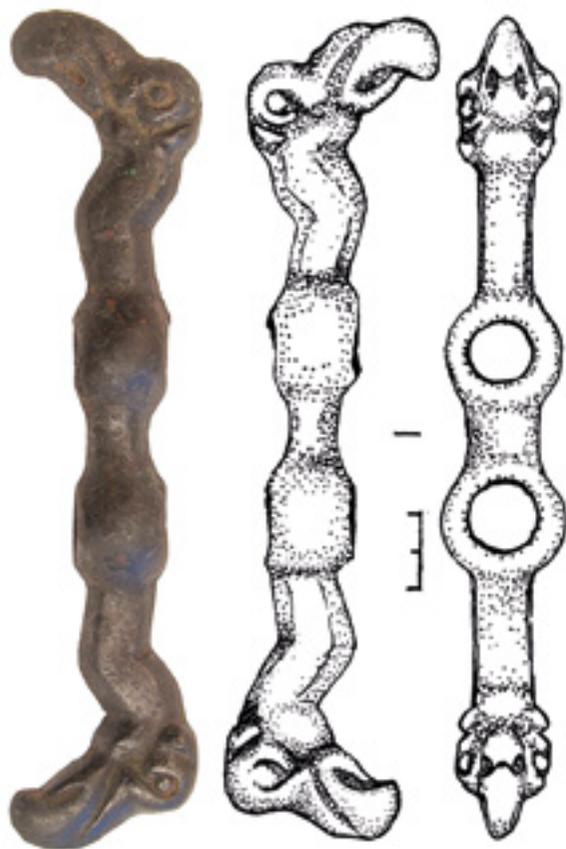
Одним из наиболее надежных признаков миграции определенного этноса (при отсутствии антропологических и лингвистических данных) является наличие на удаленных друг от друга территориях стилистически близких изваяний. Изваяния, в частности, отразили этапность перемещения

Скифские воины VI–IV вв. до н. э. Реконструкция М. В. Горелика

основной массы скифов в VI–IV веках до н. э. с Северного Кавказа в Северное Причерноморье.

В степях Южного Урала, Северного и Центрального Казахстана выявлено значительное число антропоморфных изваяний сакского времени, которые хотя и не могут быть безоговорочно отнесены к числу собственно скифских, все же несут явные следы влияния скифской изобразительной традиции. Причем наиболее ранние параллели их стилистических особенностей прослеживаются на скифских изваяниях ранней хронологической группы конца VII — VI века до н. э., происходящих с территории Северного Кавказа. Несомненно, появление изваяний, несущих скифские черты, на той или иной территории невозможно без прямого участия «скифов» либо без существенного их влияния. Следовательно, антропоморфные изваяния урало-казахстанских степей, по-видимому, фиксируют не только проникновение, но и присутствие в данном регионе скифского этнического компонента.

Бронзовый псалий с изображением голов хищных птиц на окончаниях.

Могильник Маровый Шлях (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Псалий — элемент конской упряжи, костяное или металлическое приспособление, чаще в виде разной формы стержня, на конце удил для прикрепления поводий.

Антропоморфное изваяние — человекообразное изваяние, изваяние по форме похожее на человека, монументальная скульптура с чертами человеческого тела, которая передает обобщенный (стилизованый) либо реалистический образ человека.

Как представляется, все это дает реальные основания для утверждения о наличии на Южном Урале во второй половине VI века до н. э. скифского этнического компонента. По мнению С. Ю. Гуцалова, этот компонент в дальнейшем играл «решающую роль в социально-политической структуре общества» ранних кочевников Южного Приуралья. «Именно скифы, — отмечает он, — стали этническим ядром мощного кочевого союза, зародившегося во 2-й половине VI в. до н. э. и получившего у археологов название “прохоровская культура”». Данное обстоятельство дает, на его взгляд, основание для размещения в этом регионе «скифов отделившихся» [6, с. 88]. «Отделившимися скифами» считает общность кочевников савроматского времени Южного Приуралья и Н. Е. Берлизов. По его мнению, эта общность сформировалась в результате почти одновременного освоения уральских степей выходцами из скифского и сакского миров. Под последними он, вероятно, понимает тасмолинцев Центрального Казахстана [5, с. 57].

В конце третьей четверти или в конце VI века до н. э. этнополитическая ситуация в Причерноморье начинает коренным образом изменяться. Важно то, что не позже конца VI века до н. э. происходит переселение на Средний Дон части полукочевой военно-аристократической верхушки приднепровского лесостепного населения. Одной из причин ее ухода на восток было, возможно, нежелание признать владычество новых хозяев Степи — «скифов царских». Вместе с ними пришло сюда и рядовое население — оседлые земледельцы и скотоводы, построившие здесь свои городища и поселения. Другой причиной ухода части приднепровского лесостепного населения на восток было стремление поставить под свой контроль восточный отрезок «торгового пути Геродота», который проходил через лесостепное Подонье и являлся частью «трансевропейского лесостепного пути», соединяющего Южный Урал с Венгерской равниной².

Дело в том, что с перенесением в середине — конце VI века до н. э. политического центра Скифии в степи Северного Причерноморья путь, связывающий непосредственно Северный Кавказ с Волго-Камьем, приходит в упадок. Отметим также, что в условиях дестабилизации военно-политической ситуации в степях Причерноморья, которая началась в третьей четверти VI века до н. э. на Нижнем

2

Западный отрезок «пути Геродота» пролегал от Ольвии через Посулье (Басовское городище) и Курское Посеймье на Средний Дон.

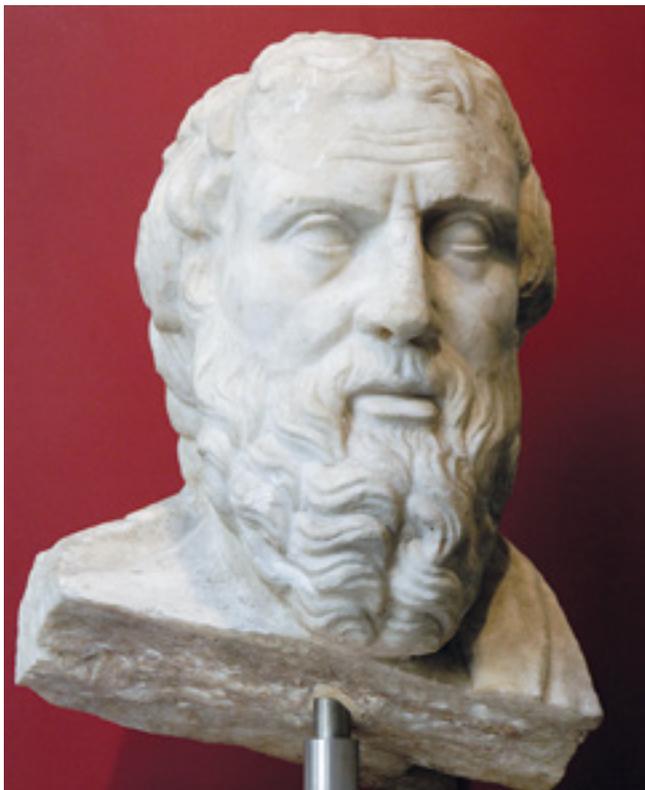
Дону, исчезают на несколько десятилетий кочевнические погребения. Появляются они здесь вновь не ранее конца первой четверти V века до н. э. Данное обстоятельство свидетельствует об утрате кочевниками контроля не только над Нижним Подоньем, но и над путем, связывающим Северный Кавказ с Волго-Камьем. В этих условиях все большее значение приобретает путь из Ольвии в Приуралье. Охрана и контроль среднедонскими номадами «пути Геродота», а также торговой трассы с Елизаветовского городища вверх по Дону способствовало, наряду с другими факторами, культурному обособлению кочевой элиты населения Среднего Дона. Кроме того, сформировавшаяся в лесостепном Днепровском Левобережье новая этническая общность в конце первой четверти V века до н. э. устанавливает контроль над таким важным районом, как устье Танаиса, являвшимся перекрестком сухопутных и водных торговых коммуникаций.

Вполне вероятно, что переселение части полукочевой верхушки приднепровского лесостепного населения произошло не только в лесостепное Подонье и на Нижний Дон. Какие-то отдельные их группы, возможно, проникли и в степи Южного Урала, где вошли в состав активно формирующейся местной военно-жреческой элиты. Это проникновение было вызвано, скорее всего, следующим обстоятельством. В конце VI века до н. э. резко прерывается развитие ананьинской и аккозинской культур Среднего Поволжья. Происходит массовый отток населения из этого региона. Основная масса волжских ананьинцев, очевидно, бежала на восток — в Прикамье, и ушла на север — в Поволжье. Большая же часть аккозинского населения мигрировала на северо-запад, на Верхнюю Волгу и далее, а отдельные группы ушли вместе с ананьинцами. Причины, вызвавшие массовое перемещение населения Среднего Поволжья, до конца не ясны. Высказывалось предположение, что оно было вызвано походом Дария I Гистаспа в Причерноморскую Скифию. Возможно, основной причиной, повлекшей за собой массовый уход раннеананьинского населения, было катастрофическое землетрясение. Впрочем, этот уход не был единовременной акцией, а происходил в течение достаточно длительного времени.

Каменное изваяние савроматского времени. Могильник Елантау (VI–V вв. до н. э.). Варненский РКМ

Как уже отмечалось, военная активность номадов Зауралья на южных рубежах иткульской культуры в VII–VI веках до н. э., вероятно, привела к установлению уже в VI веке до н. э. каких-то форм зависимости иткульцев от кочевников. Вероятно, эксплуатация иткульского населения включала помимо неэквивалентного обмена сбор дани продуктами металлургии и металлообработки. Полученный кочевниками металл мог идти на экспорт в качестве платы за престижно значимые вещи. Уже во второй половине VI века до н. э. кочевники Южного Зауралья включаются в обменные операции

Древнегреческий историк Геродот.

Римская копия греческого оригинала IV в. до н. э. Из района Порты Метрония, Рим

по «торговому пути Геродота». Массовый же отток ананьинцев Среднего Поволжья на восток и север приводит к тому, что кочевники Южного Зауралья становятся, по-видимому, основными поставщиками металла в лесостепное и степное Причерноморье. Это обстоятельство и могло вызвать приток сюда скифского этнического компонента из лесостепного Поднепровья.

Таким образом, во второй половине VI века до н. э. в степях Южного Урала произошли коренные изменения, связанные со сложным процессом смешения на данной территории нескольких этнических компонентов различного происхождения. Эти изменения были обусловлены не только историческими событиями в Центральной Азии, но и изменением этнокультурной ситуации в восточноевропейской степи и лесостепи после возвращения скифов из переднеазиатских походов. Вполне вероятно и приход на Южный Урал во второй половине VI века до н. э. отдельных групп кочевников из Внутренней Азии. Впрочем, перемены, затронув-

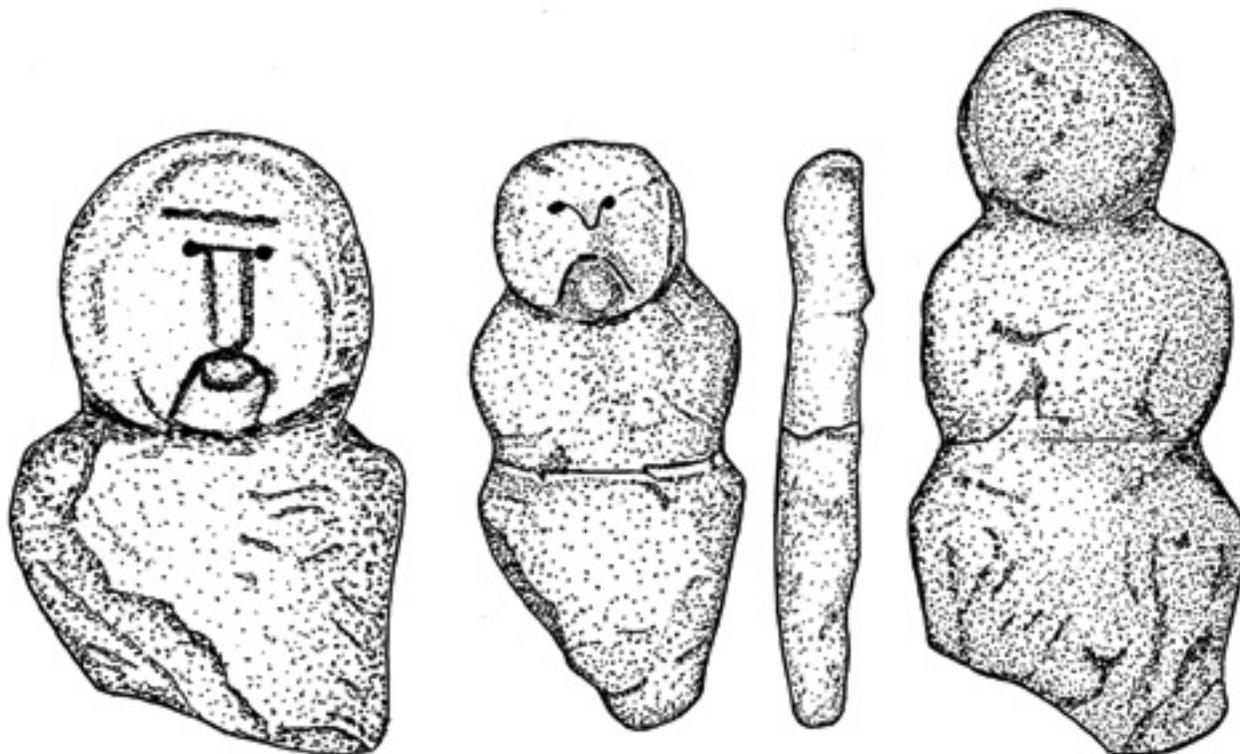
шие весь Южный Урал, имели свои особенности как в Южном Зауралье, так и в Южном Приуралье.

В степи Южного Зауралья, в среду местных племен — носителей бобровско-тасмолинской культуры, во второй половине VI века до н. э. проникает скифский этнический компонент. Представлен он был группами скифов-кочевников Северного Кавказа и Предкавказья и полукочевников приднепровской лесостепи. Вероятно, чуть позднее в состав разноэтничного южнозауральского населения входит сегмент кочевых и полукочевых племен Нижней Сырдарьи. Одновременно фиксируется и приток в Зауралье кочевых племен из Внутренней Азии (см. ниже).

В Южном Приуралье ситуация выглядит по-иному. Во второй половине VI века до н. э. сюда, в среду местных племен, кочующих между западными отрогами гор Южного Урала и Южным Приаральем и уже включающих какие-то раннескифские группы, проникает скифский этнический компонент. Он, так же как и в Южном Зауралье, был представлен группами скифов-кочевников Предкавказья и полукочевников приднепровской лесостепи. Политические события в Центральной Азии, прежде всего вокруг Хорезма, вынудили кочевников Южного Приуралья не только передвинуть свои зимовочные территории на Устюрт, но и перенести политический, экономический и культурный центр своего племенного объединения и родовые могильники с юга на север, в степи Южного Приуралья — на Илек. Одновременно в это объединение вошли какие-то группы кочевого населения Присаярьямышья и Нижней Сырдарьи, а также кочевников Внутренней Азии.

О проникновении каких-то групп кочевого населения Юго-Восточного Приаралья в степи Южного Урала, а позднее уже отсюда — в степи Самарского Заволжья, свидетельствуют материалы могильника Березки I и кургана 2 Новоберезовского могильника V века до н. э., исследованных в Заволжье. Это широкое применение пахсы и сырцового кирпича для возведения погребальных сооружений, дромосные могильные ямы, активное применение огня в погребальном ритуале. Эти и другие данные приводят исследователей к выводу о том, что районом (или одним из районов), откуда происходило

Каменное изваяние савроматского времени из могильника Наурзум IV (VI–V вв. до н. э.). Реконструкция в музее-заповеднике Аркаим

Каменные антропоморфные изваяния (VI–V вв. до н. э.). Южный Урал

расселение скотоводческих групп в Самаро-Уральский регион, являлось Восточное Приаралье.

Примерно та же ситуация, что и в Южном Приуралье, прослежена в Северном Причерноморье. На всем пространстве степи от Дона до Дуная, где пребывали немногочисленные группы кочевников или находились их летние пастбища, известно весьма незначительное количество погребений VII–VI веков до н. э. В середине — конце VI века до н. э., когда центр скифского объединения переносится с Предкавказья в степное Поднепровье, количество погребений резко возрастает. Причем в период с конца VI по начало V века до н. э. происходят довольно резкие изменения в культуре причерноморских кочевников. Эти изменения связаны с определенным импульсом из восточной зоны евразийских степей и Северного Кавказа, вызванным нестабильной ситуацией в приграничных кочевнических районах Персидской империи и давлением ее на кочевой мир³.

Возвращаясь к Южному Уралу, следует особо подчеркнуть, что если состав пришлого компонента в Южном Зауралье и Южном Приуралье был примерно одинаков, то соотношение различных его составляющих в этих регионах было явно неодинаково.

Таким образом, во второй половине VI века до н. э. на Южном Урале развитие местных культур было резко прервано. Но после короткого периода деструкции начинается период стабилизации. Он знаменуется выработкой в разноэтнической среде единых стереотипов — вызреванием черт общей археологической культуры.

Именно этот процесс смешения местных и пришлых элементов ближе к тому типу миграций, при которых и пришлая, и местная культуры с самого начала появляются перед археологами в смешанном виде. Культура пришельцев в чистом виде неизвестна. Она никогда не предстает в чистом виде, а выступает как составная часть общей культуры. И лишь отдельные черты в архитектуре погребаль-

ных сооружений, искусстве, направлении культурных связей, традиции, языке, антропологическом облике заставляют говорить о таких миграциях.

Как уже неоднократно отмечалось в литературе, главным и решающим критерием, удостоверяющим наличие факта миграции, является «антропологический критерий», а именно появление на данной территории новой для нее комбинации антропологических признаков. В конечном счете только этот критерий свидетельствует о бесспорной миграции. Не настаивая на том, что данные антропологии могут служить для степной части Урало-Аральского региона доказательством процессов передвижения населения, тем не менее, следует отметить следующее. Проанализировав антропологические материалы второй половины VI — V века до н. э. из Альмухаметовских курганов (Зауральская Башкирия), башкирский антрополог Р. М. Юсупов пришел к выводу, что население савроматского времени (вторая половина VI — V век до н. э.) Южного Урала генетически не связано с предшествующим населением эпохи бронзы Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Оно по комплексу признаков обнаруживает морфологическое сходство с сако-усуньскими группами Казахстана и особенно с саками Приаралья VII–V веков до н. э. [18, с. 4–5]. Здесь следует подчеркнуть, что для характеристики всего населения Южного Урала использованы антропологические материалы Зауральской Башкирии, являющейся составной частью Южного Зауралья. С выводом Р. М. Юсупова согласился и Л. Т. Яблонский, уточнивший однако, что сближаются они более всего с саками Нижней Сырдарьи [21, с. 62]. В более поздней работе Р. М. Юсупов констатирует, что в скифо-сарматский период «расовый тип кочевников Южного Урала близок к таковому у саков Казахстана из памятников Чирик-Рабат, Тагискен, Уйгарак и др.» [19, с. 127]. Наличие в составе некоторых сарматских групп Оренбуржья и Приуралья расового компонента, генетически связанного с сакским населением Приаралья, фиксирует и А. Н. Багашев [4, с. 64].

Проводя межгрупповое сравнение краниологических материалов из раннесакских могильников Сакар-чага в Южном Приаралье с сериями эпохи бронзы и раннего железа ряда регионов Евразии,

3

Уже в другую эпоху хунну под натиском Циньского Китая так же вынуждены были перенести политический и культурный центр основанного ими государства на север, на территорию Северной Монголии.

в том числе и со сборной серией из могильников савроматского и раннесарматского времени Южного Приуралья, Л. Т. Яблонский пришел к выводу, что по обеим системам признаков мужчины типа Сакар-чага наибольшее сходство обнаруживают с савромато-сарматскими группами Южного Приуралья, а также с сакским населением Северного и Восточного Казахстана. Женщины Сакар-чага по обоим системам признаков обнаруживают наибольшее сходство с серией савромато-сарматского времени из Южного Приуралья [20, с. 57–58]. Как представляется, важен и вывод Л. Т. Яблонского о том, что население левобережного Хорезма второй половины I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. по своему антропологическому типу было сходным в целом с савромато-сарматскими популяциями Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, что предположительно может говорить и о генетической близости скотоводов обоих культурных районов [22, с. 35].

Однако следует отметить, что, по мнению того же Л. Т. Яблонского, антропологические данные, правда, пока еще довольно малочисленные, не поддерживают гипотезу о миграциях в степях Арало-Каспийского региона в савроматскую эпоху и что нет также ни антропологических, ни археологических оснований полагать, что часть центрально-азиатских скотоводов, передвинувшись на север, в Приуралье, сыграла значительную роль в формировании прохоровской культуры [Там же, с. 38].

Археологические данные были приведены выше. Что же касается данных антропологии, то мы оставляем в стороне вопрос о правомерности сравнения краниологических материалов, полученных из узкого локального региона, каким является возвышенность Сакар-чага, и сборной серии савромато-сарматского времени из Южного Приуралья, куда традиционно включено собственно Южное Приуралье и Южное Зауралье. Еще в 1960-е годы на фоне выявленной антропологической неоднородности населения Южного Урала савроматского времени были показаны различия между населением Южного Зауралья (могильники Новый Кумак и Аландская группа III) и Южного Приуралья (могильники Увак, Тара-Бутак) [1, с. 397, 402, 404]. Да и сам Л. Т. Яблонский отмечает, что в случае резкой ан-

тропологической неоднородности населения «суммарные средние скрывают истинное краниологическое своеобразие каждой из популяций, вошедших в состав суммарной выборки» [22, с. 33]. И при анализе краниологических материалов из могильника Южный Тагискен он отказался от объединения их в одну серию с материалами из могильника Уйгарак, хотя они и находятся в одном регионе, так как «при осмотре обеих серий черепов... сложилось впечатление об определенной разнице в физическом типе людей, оставивших могильники сакского типа на Нижней Сырдарье» [9, с. 73].

Передвижение в конце VI века до н. э. части центральноазиатского населения на север, приход на Южный Урал, вероятно, в это же время кочевников Внутренней Азии, а чуть ранее также скифского этнического компонента сыграли огромную роль в дальнейшей истории номадов Южного Урала. Во-первых, миграция зачастую приводит к формированию археологической культуры, отличающейся как от культуры аборигенов, так и от культуры пришельцев. Как правило, в результате миграций меняются тип захоронений, ритуальные действия, состав наборов погребального инвентаря, иногда форма погребальных сооружений. Во-вторых, в период миграций чаще всего наблюдаются процессы раскола и распада одних этнических популяций и формирование иных, уже совершенно своеобразных культурных объединений. В-третьих, миграции и переселения способствуют социальной дифференциации общества, выделению в нем военной прослойки, возрастанию роли военных вождей, на которых падает основная тяжесть защиты мигрирующей популяции и сохранения ее единства. В-четвертых, в результате миграций деформируются основные структуры нормативного фактора, закреплявшего положение отдельных этносоциальных группировок, а трансформация производственных стереотипов нередко сопровождается взлетом производства и развитием принципиально новых идей.

Кроме того, здесь же необходимо учитывать и постоянную военную угрозу со стороны державы Ахеменидов и подвластных ей древнеземледельческих центров Центральной Азии. Так, в период правления Ксеркса I (486–465 гг. до н. э.)

было покорено сакское племя дахов, обитавшее в Центральной Азии. Военная угроза стимулировала политическое объединение этнически близких коллективов с целью совместной самообороны, усиливала социально-имущественную стратификацию, способствовала более четкому обособлению военной знати.

Результатом всех этих процессов явилось сложение на Южном Урале двух крупных объединений кочевников — в Южном Приуралье с центром на Илеке и в Южном Зауралье с центром в южных районах нынешних Челябинской области и Северо-Восточном Оренбуржье⁴. Эти объединения развивались в тесном взаимодействии друг с другом, составляя, вероятно, этнопотестарную общность типа племенного союза с иерархической структурой.

Следует, однако, подчеркнуть, что несмотря на безусловную близость этих объединений, каждое из них имеет свои особенности как в конструкции погребальных сооружений, так и в материальной культуре. Данное обстоятельство, вероятно, обусловлено не только неодинаковостью аборигенного населения, но и различным соотношением составляющих пришлого компонента. В самом предварительном плане можно отметить следующие моменты. В Южном Зауралье господствуют каменные курганы, в то время как в Южном Приуралье — земляные, в Южном Зауралье почти в два раза больше узких прямоугольных могил, чем в Южном Приуралье, чаще встречается западная ориентировка погребенных. В Южном Зауралье в конце VI — первой половине V века до н. э. совершались трупосожжения и трупоположения внутри каркасно-столбовой конструкции, археологически представленной одинарным или двойным кольцом столбовых ям. Для Южного Зауралья характерно раннее (конец VI века до н. э.) появление

4

Примечательно, что исторические процессы, протекавшие во второй половине VI — V веке до н. э. на Южном Урале (миграция кочевых групп из Приаралья на Южный Урал, продвижение племен с северокавказских степей в сторону Южного Приуралья, сложение крупных объединений кочевников в Приуралье и Зауралье, составивших единую этнопотестарную общность, продвижение некоторых групп в лесостепь и оседание их здесь и т. п.), повторяются в своих основных чертах в конце I — начале II тысячелетия н. э.

Стратификация — расслоение. Социальная стратификация или общественное расслоение: 1) в социологическом значении — всякое разделение на обособленные общественные группы, слои, или страты; 2) в специальном этнографическом значении — возникновение в процессе разложения первобытного общества групп населения, различающихся своим общественным и/или имущественным положением.

Ахемениды — династия царей древнеперсидской державы (558–330 гг. до н. э.); ведет начало от Ахемена, вождя союза персидских племен.

и широкое распространение круглодонной керамики, в том числе с примесью талька. Имеются также формы сосудов, встреченные только в Южном Зауралье или распространенные здесь наиболее широко. Для Южного Зауралья характерно также раннее появление тальковой керамики, близкой к керамике племен зауральской лесостепи.

Для искусства ранних кочевников Южного Зауралья, в отличие от искусства номадов Южного Приуралья, не характерен образ двугорбого верблюда, не встречены здесь и орнаментированные кабаньи клыки или их имитации.

Определенные отличия между Южным Зауральем и Южным Приуральем отмечаются и в антропологии древнего населения. Достаточно отчетливо фиксируется и различная направленность этнокультурных связей каждого из объединений: Хорезм и Восточная Европа — для кочевников Южного Приуралья; Юго-Восточное Приаралье, лесостепь Зауралья и Западной Сибири, саки Казахстана и Алтая — для номадов Южного Зауралья.

Военно-жреческая верхушка объединения кочевников Южного Урала в качестве одного из способов маркировки своего элитарного статуса широко использовала в погребальной обрядности комплекс социально престижных символов, ставших впоследствии общесарматскими. Частично эти символы были заимствованы у находящихся на более высокой ступени общественного развития

скифских племен степи и лесостепи Восточной Европы.

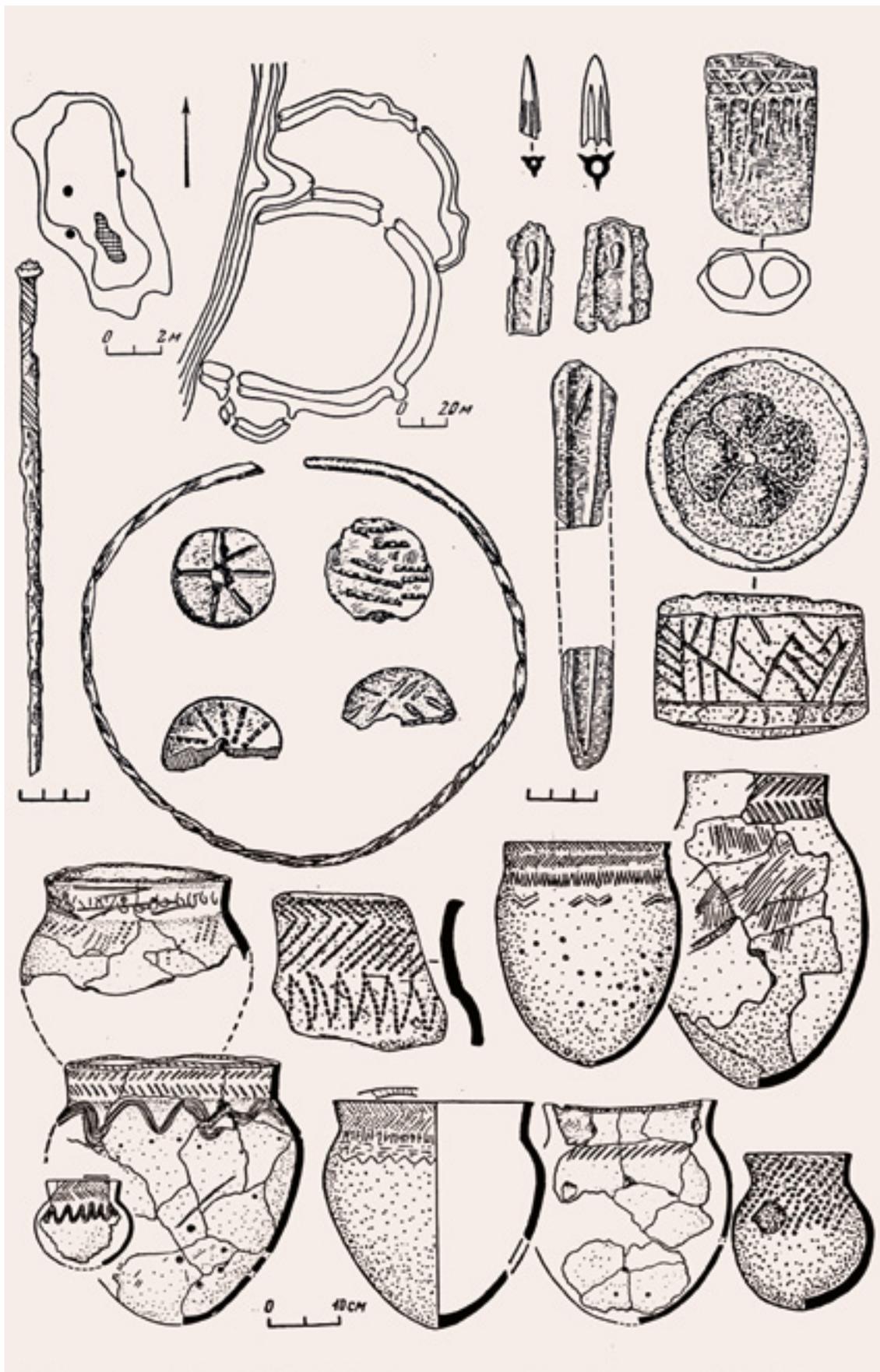
Приток в Южное Зауралье во второй половине VI века до н. э. нового населения, очевидно, вызвал передел пастбищных угодий, а следовательно, и перегруппировку кочевых родов в регионе. В результате этого некоторые группы аборигенного населения были оттеснены с занимаемых ими ранее степных равнинных территорий в изолированные

горные районы Южного Урала (Ирендык и Крыкты), характеризующиеся горно-южнолесостепными ландшафтами, переходными к типично степным. Заняв эту экологическую нишу, они, скорее всего, вынуждены были сменить и форму ведения кочевого хозяйства. На смену дальним перекочевкам в меридиональном направлении пришли перекочевки «летом — горы, зимой — долины, степь». Такой способ кочевки был традиционным для

Сосуды савроматского времени. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Городище,
жилище,
инвентарь.
Воробьевский
тип памят-
ников

юго-восточных башкир XVIII–XIX веков. С одной из таких родоплеменных групп, достаточно долго, вплоть до конца IV века до н. э., сохранявшей традиции погребальной обрядности, можно связать каменные курганы в восточных предгорьях Южного Урала.

Другие группы бобровско-тасмолинского населения степей Южного Зауралья вынуждены были уйти в зауральскую лесостепь — в среду местных племен, оставивших памятники воробьевского типа. На основе смешения воробьевских и бобровско-тасмолинских племен, а также пришедших сюда кочевых групп из Приаралья в лесостепном Зауралье формируется гороховская культура. Интересный факт: изучение небольшой серии черепов из погребений гороховской культуры показало, что наблюдается как минимум двухкомпо-

нентность их антропологического состава. Один из компонентов, вероятнее всего, местного происхождения, а второй, по-видимому, генетически связан с савроматскими и сарматскими популяциями Южного Урала [2, с. 27].

В данном контексте интересно сопоставление с историей формирования зауральской группы башкир, занимавших в XVII–XVIII веках территорию лесостепи от долины Исети и Пышмы на севере до реки Уй на юге, а в XIX–XX веках — восточные склоны Урала, среднее течение Миасса, верхнее течение Течи и долину Караболки (то есть территорию, на которой в V–II веках до н. э. располагались памятники иткульской и гороховской культур). До XIII века южноуральские горы были для этих племен местом летних кочевий, на зиму они перегоняли свои стада далеко на юг, в Приаралье. События

Бронзовые наконечники стрел в коллективном погребении савроматского времени. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

в степи в XIII–XIV веках и позднее заставили родоплеменные группы кочевников, принимавших участие в этногенезе башкир, передвинуться на север, в лесостепь, и перейти к полукочевому хозяйству. Теперь скот на лето перегоняли в горы, а на зиму — в степи, до реки Уй.

Переселения и подвижки населения в степной зоне Южного Зауралья во второй половине VI — начале V века до н. э., вероятно, вызвали интенсивные этнические процессы, имевшие объединительный характер и приведшие впоследствии к формированию некой этнической общности. Причем, как отмечается в литературе, начальной точкой формирования новой этнической общности в результате переселений обычно выступал не столько сам момент миграции этнической общности или отделения переселяющейся этнической группы от «материнского этноса», сколько тот период, когда между переселенцами и автохтонными этническими единицами начиналось взаимодействие, в ходе которого у них появлялись общие характерные черты.

Вхождение в состав формирующегося этнопопуляционного объединения ранних кочевников Южного Урала скифского этнического компонента привело к установлению устойчивых экономических, политических и культурно-идеологических связей кочевников Южного Урала с населением восточноевропейской степи и лесостепи. По-видимому, результатом контактов со скифским миром, контактов мирного или военного характера, явилось распространение в среде южноуральских кочевников трехгранных и трехлопастных с острыми концами граней втульчатых наконечников стрел. В западных районах Евразии такие наконечники, изготовленные из кости или бронзы, известны еще с эпохи бронзы, а в раннескифское время они уже имели довольно широкое распространение и были почти везде, где отмечены факты наиболее раннего пребывания скифов или следы их походов (на

Кавказе, в Закавказье и Передней Азии). В это же время они впервые проникают в Южное Приуралье (Большой Гумаровский курган, погребение 3, рубеж VIII–VII веков до н. э. или VII век до н. э.), хотя и не получают здесь широкого распространения до VI века до н. э. В это время они становятся господствующими в колчанах приуральских и зауральских кочевников. А уже отсюда широко распространяются по всему востоку Евразии, быстро вытеснив все прочие типы наконечников стрел.

По-видимому, под влиянием скифов у ранних кочевников Южного Урала появляются железные петельчатые удила и двудырчатые псалии. Железные удила с петлями на концах, традиция изготовления которых зародилась, скорее всего, в Прикубанье, на Кавказе и Украине, известны в ряде комплексов первой половины VII века до н. э., и к середине этого столетия они уже являются характерной принадлежностью раннескифских уздечек. Но только в VI веке до н. э. они сочетаются с железными или бронзовыми двудырчатыми псалиями различного типа. Наиболее ранние двудырчатые псалии найдены в скифских курганах Предкавказья первой половины VI века до н. э. и в памятниках лесостепного Поднепровья конца VI — начала V века до н. э. или первой половины VI века до н. э. Во второй половине VI века до н. э. они появляются на Южном Урале и в Марийском Поволжье. То, что новая конструкция узды — петельчатые удила и двудырчатые псалии — были заимствованы кочевниками Южного Урала именно с запада, свидетельствует само оформление окончания удила — петельчатое (то есть концы загнуты в петли), а не кольчатое, как в восточных районах Евразии. Кроме того, окончания наиболее ранних железных двудырчатых псалиев второй половины VI — начала V века до н. э. оформлены в виде головы (верхнее окончание) и копыта (нижнее окончание) лошади. Такое оформление псалиев очень характерно для памятников скифского времени лесостепного Поднепровья; так же оформлены и наиболее ранние двудырчатые псалии из кургана у хутора Шумейко.

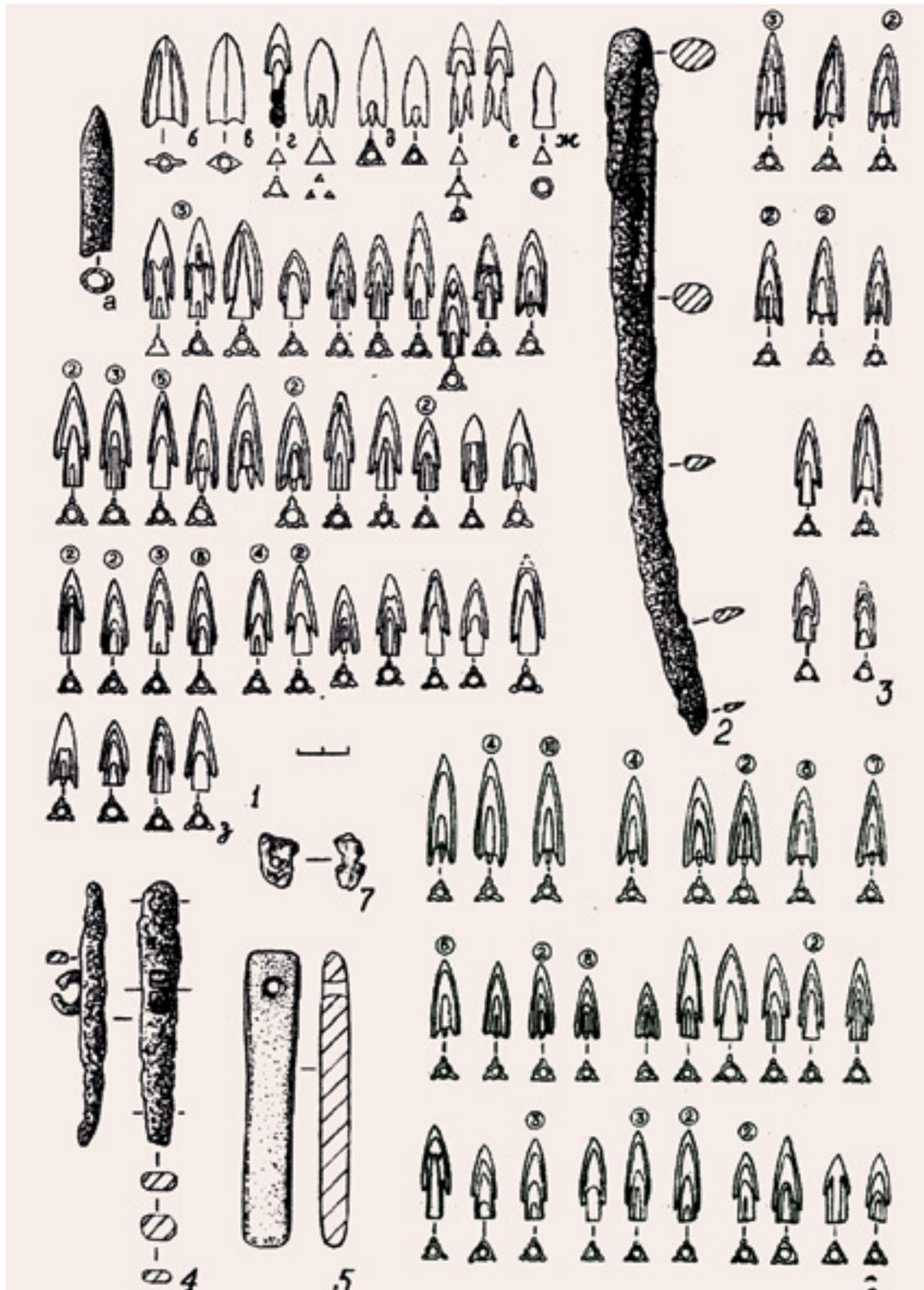
Вместе с уздой нового типа, по-видимому, были заимствованы и некоторые детали ее украшения, в частности когтевидные обоймы для перекрестных

Автохтонный — местный, присущий данной местности; местный, коренной

по происхождению; возникший и продолжающий существовать в данной местности.

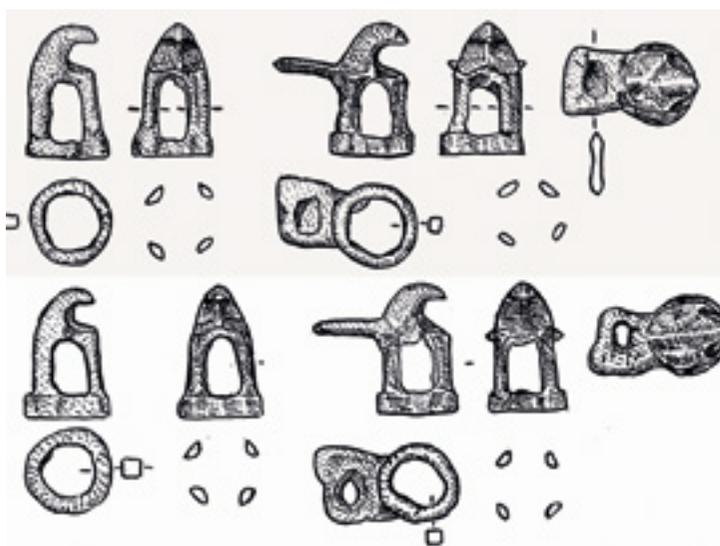
ремней. Они известны в памятниках VII–VI веков до н. э. Прикубанья, Северного Кавказа, Закавказья и Передней Азии. Значительное количество их найдено и в лесостепном Поднепровье в памятни-

ках VII — начала V века до н. э. Скифские истоки узды южноуральских кочевников подчеркивают и находки конских налобников и нащечников, характерных именно для скифской культуры.

Инвентарь кургана савроматского времени. Могильник Обручевский (VI–V вв. до н. э.)

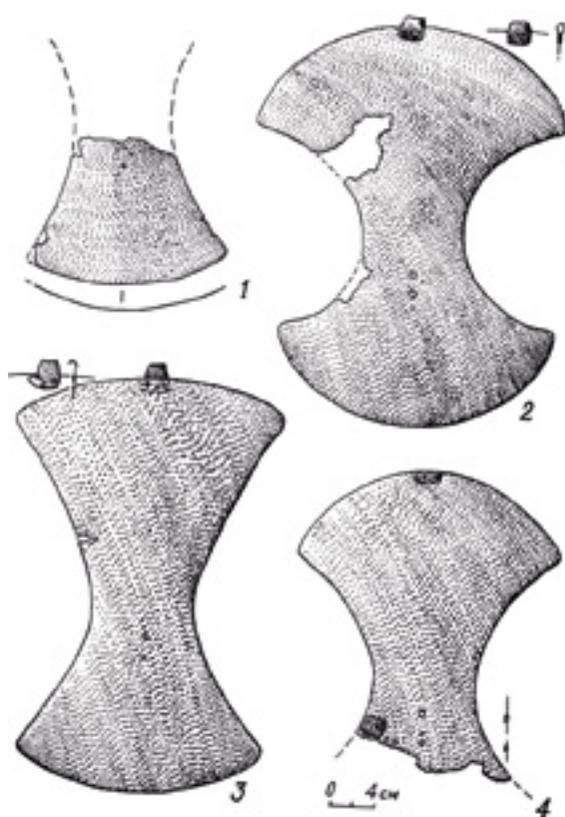
Уздечные наборы савроматского времени. Курган у села Варна (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

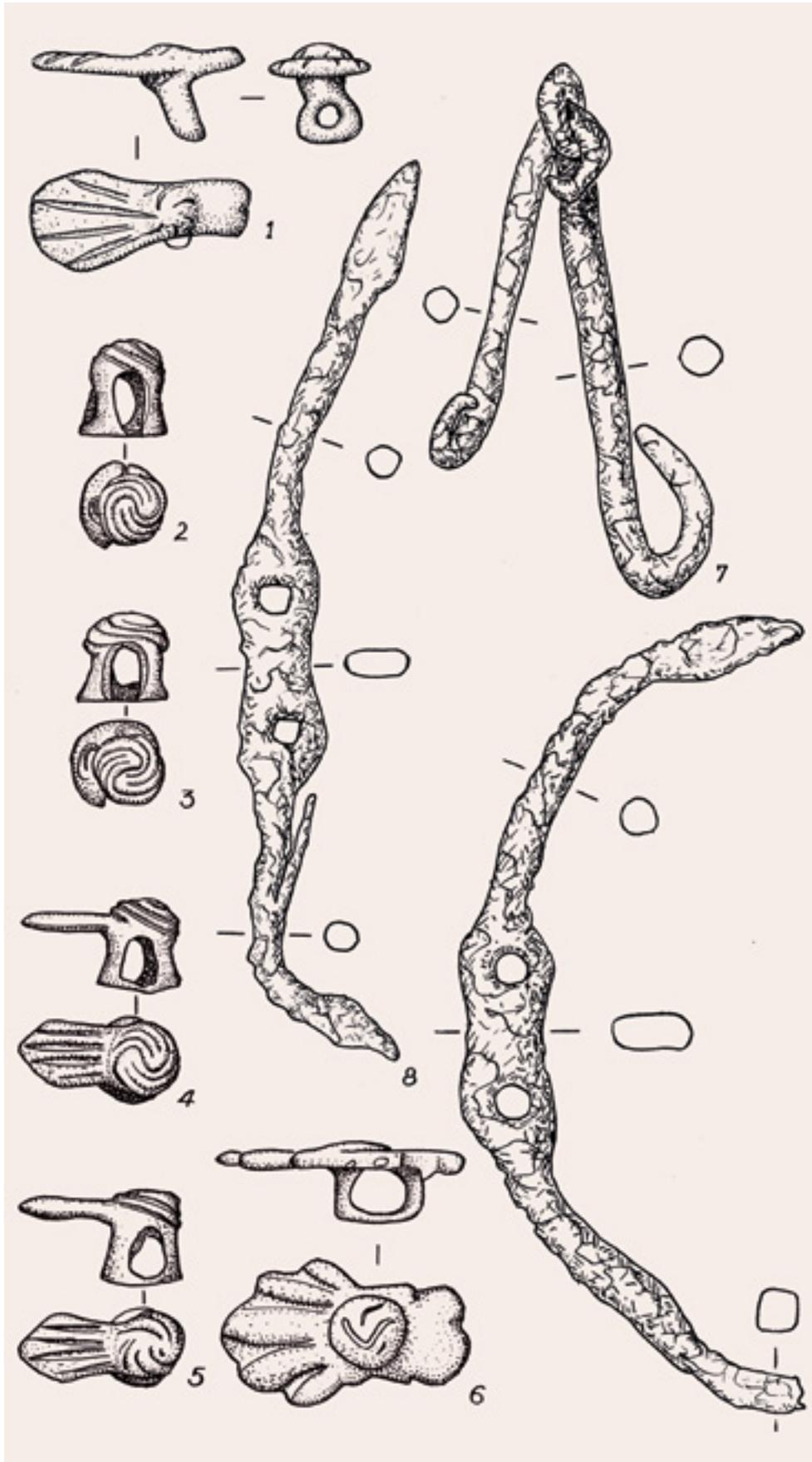

Налобник — элемент конской упряжи, украшение уздечки, которое крепилось на лобной части лошади.

Бронзовые уздечные принадлежности. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

Бронзовые конские налобники. Большой Климовский курган (VI в. до н. э.)

Уздечный набор 1 савроматского времени. Курган у села Варна (VI–V вв. до н. э.)

Бронзовые уздечные бляшки для перекрестных ремней со стилизованным изображением головы и когтя хищной птицы. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Возможно, южноуральские мечи и кинжалы с брусковидным навершием и бабочковидным или сердцевидным перекрестием ведут свое происхождение от более ранних видов оружия Причерноморья и Северного Кавказа. Основой же для их формирования послужили, очевидно, закавказские мечи и кинжалы кабардино-пятигорского типа. Следует отметить и то, что появление акинаков скифских типов в лесостепном Поднепровье и Волго-Камье совпадает по времени с появлением здесь скифского этнического компонента.

Вполне вероятно, что такие виды вооружения, как копьё и дротик, были выработаны в Скифии, а затем привнесены в степи Южного Урала. С лесостепными районами Украины связывают и появление в Южном Приуралье и Южном Зауралье целого ряда разновидностей лепных сосудов и, в частности, круглодонных сосудов кубковидной формы (погребение 2 кургана 19 могильника Новый Курмак, курган 3 могильника Ивановские курганы I). Бесспорно, скифским влиянием объясняется появление в Южном Зауралье щитов со сплошным металлическим покрытием (курган 10 могильника Переволочан).

Влияние скифского мира на ранних кочевников Южного Урала сказывалось не только в области материальной культуры, но, очевидно, и в погребальной обрядности. Быстрое углубление процесса социального расслоения в среде южноуральских кочевников, обусловленное передвижениями и миграциями второй половины VI — начала V века до н. э., вызвало повышение значения родоплеменной аристократии, возрастание роли военных вождей. Одновременно с возвышением военных предводителей шел и процесс формирования дружин. Для Южного Урала в этом плане интересно наблюдение Б. Ф. Железчикова, который отмечает, что в савроматское время по количеству мечей и кинжалов в погребениях первое место среди различных районов Южного Урала занимают памятники Восточного Оренбуржья, оставленные племенами, игравшими ведущую роль в кочевом мире этого региона [8, с. 8].

Все эти процессы сопровождались активными поисками новых, в дополнение к уже существующим, социально престижных символов, маркирую-

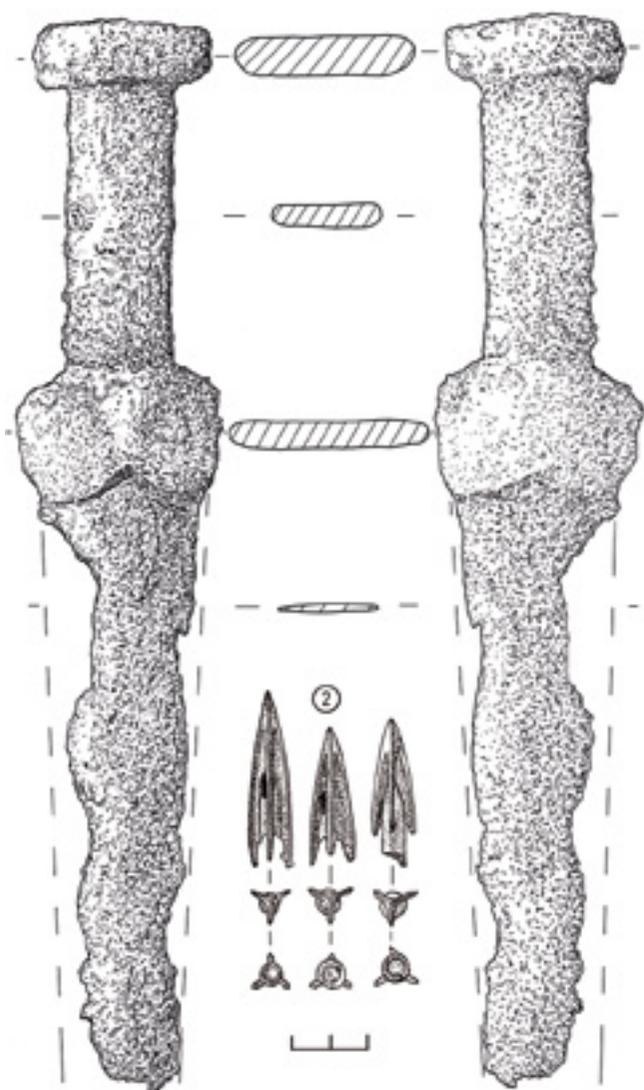
щих элитарный статус погребенных. Рассматривая закономерности восприятия внешних импульсов культурой этноса, можно заметить, что внешнее воздействие воспринимается тем полнее, быстрее и легче, чем ближе находятся друг к другу контактирующие культуры в стадильном, типологическом, историческом и прочих отношениях. Ибо судьба внешнего импульса во многом зависит от того, насколько он совпадает с тенденциями внутреннего развития. В этом отношении прекрасным образцом для подражания были скифские племена после возвращения из переднеазиатских походов с их глубоко зашедшей стратификацией общества, разработанной системой маркировки социального статуса погребенного в погребальной обрядности. Бесспорно, скифское общество к середине V века до н. э. достигло рубежа государственности⁵, а сарматское общество уже ступило в эпоху развитого классового образования.

Важно отметить, что в межэтнические контакты ранее всего вступают относительно элитарные слои населения: правящие классы, аристократия, купечество. Дело в том, что у элитарных слоев гораздо больше возможностей ознакомиться и усвоить элементы иноэтнической культуры. Но поскольку элитарные слои выступают в качестве референтной группы по отношению к нижестоящим социальным слоям, понятно, что усвоение элитой новшеств подчас почти автоматически приобретает для нижестоящих престижное значение.

Многие черты погребального обряда племен степного Прикубанья и Северного Кавказа, Северного Причерноморья и лесостепного Поднепровья, такие как захоронение в ямах и на горизонте, наличие деревянных конструкций в ямах, постройка деревянных гробниц на поверхности, трупосожжения или подожжение деревянных погребальных конструкций, шатровые надмогильные сооружения, могильные ямы с дромосом и т. п., свидетельствуют о существовании общих, единых традиций в погребальном обряде ираноязычных кочевников, порожденных близостью их идеологических представлений. Поэтому такие признаки, взятые

5

Ряд исследователей считают, что уже на рубеже VII–VI веков до н. э. у скифов возникли классы и государство.

Железный кинжал и бронзовые наконечники стрел (VI–V вв. до н. э.). Могильник Кирса

Оружие второй половины VI–V вв. до н. э. Памятники ранних кочевников Южного Зауралья

в отдельности, не могут служить для этнических определений. Однако индивидуальные, локальные особенности погребального обряда и конструкции подкурганых сооружений в сочетании с характерными предметами инвентаря, при учете хронологии памятников, исторической ситуации в регионе, направления культурных и экономических связей, могут быть и этническими определителями. Особенно перспективным в этом плане явилось бы детальное сравнение погребального обряда племен приднепровской лесостепи и кочевников Южного Урала. Между этими регионами в VI–V веках до н. э. существовали очень тесные экономические и культурные взаимосвязи, отражением которых явился «торговый путь Геродота», по которому в обоих направлениях проникали не только изделия местных мастеров, но и технические новшества и идеи. По-видимому, через лесостепное Поднепровье осуществлялись связи и с другими областями Скифии. Однако такое сравнение — дело будущих исследователей. Отметим лишь некоторые их черты, сближающие, на наш взгляд, памятники обеих регионов, на примере Южного Зауралья.

Так, шатровые (шатрообразные) надмогильные конструкции из дерева известны в Северном

Курган савроматского времени. Могильник Маровый Шлях

Причерноморье уже с предскифского времени, в раннескифское время они бытуют в Прикубанье и на Северном Кавказе. Во второй половине VII века до н. э. они появляются, а затем и довольно широко распространяются в лесостепном Поднепровье. Широкое распространение деревянных гробниц в этом регионе большинство исследователей в настоящее время связывают с проникновением сюда скифского кочевого этнического компонента. Наиболее ранние погребальные конструкции шатрового типа в Южном Зауралье относятся ко второй половине VI — началу V века до н. э. (курган 2 Обручевского могильника, курган 8 могильника Алмухаметово, Большой Климовский курган), и в инвентаре этих памятников отчетливо ощущаются скифские черты.

В качестве одного из существенных элементов погребального обряда скифов, распространявшегося по мере проникновения их на другие территории, рядом исследователей рассматриваются кольцевые валы из материкового выкида вокруг могильных ям. Они известны на Северном Кавказе, степной Скифии, лесостепном Поднепровье и Днепро-Донском междуречье. Встречены такие валики и в курганах кочевников Южного Урала.

На Северном Кавказе, в Северном Причерноморье, лесостепном Поднепровье и Днепро-Донском междуречье известны деревянные и каменные склепы с входом с юга; могильные ямы с дромосом, идущим с юга; положение погребенных головой на юг, при преобладании западной ориентировки; коллективные захоронения с ортогональностью в ориентировке костяков, с сопроводительными захоронениями женщин и вооруженных мужчин; посыпка дна могильных ям золой, известью и краской. Среди памятников воинско-жреческой знати лесостепного Приднепровья VII–VI веков до н. э. дромосные могилы достаточно часто сочетаются с южной ориентировкой погребенных. Встречены они и в Южном Зауралье.

Интерпретируя некрополи VI–V веков до н. э. днепровской левобережной лесостепи как воинские или дружинные, исследователи отмечают, что в них были погребены почти исключительно взрослые мужчины-воины. Лишь в немногих курганах основные погребения были женскими, притом они принадлежали женщинам довольно высокого социального ранга. Не вызывает сомнений и военно-жреческая принадлежность большинства южнозауральских погребений в курганах

Раскопки кургана савроматского времени Шихан (Уба-Тай) (VI–V вв. до н. э.)

Расчистка сожженной деревянной конструкции кургана. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

с деревянными сооружениями различного типа, дромосными гробницами, яркими чертами огненного ритуала. Все это позволяет сделать предположение о том, что военно-жреческая знать этнопотестарного объединения кочевников Южного Урала заимствовала у находившихся на более высокой ступени общественного развития племен Восточной Европы ряд социально-престижных символов как в материальной культуре, так и в погребальном обряде.

Как уже отмечалось, изменение исторической ситуации в степи и лесостепи Восточной Европы после возвращения скифов из переднеазиатских походов привело к установлению экономических, культурных и, вероятно, военно-политических контактов племен Скифии с номадами Южного Урала. Уже во второй половине VI века до н. э. кочевники Южного Зауралья включаются в обменные операции по «торговому пути Геродота». Массовый отток ананьинцев Среднего Поволжья на восток и север приводит к тому, что кочевники Южного Зауралья становятся основными поставщиками металла в лесостепное и степное Причерноморье. Присутствие в составе военно-жреческой аристо-

кратии кочевников Южного Урала скифского этнического компонента способствовало дальнейшему расцвету этой торговой артерии, связывающей степи Северного Причерноморья, лесостепные районы Поднепровья и Подонья с Южным Приуральем и Зауральем, обусловило дальнейшие тесные связи кочевников Южного Урала с населением лесостепного и степного Поднепровья.

Главной статьёй экспорта с Южного Урала была, очевидно, медь, кроме нее вывозились, возможно, золото и пушнина. Спектроаналитическими исследованиями цветного металла Скифии установлено, что одним из трех источников скифского металла была восточная группа месторождений. Наиболее близкие аналогии им — еленовско-ушкаттинская (ЕУ) и, соответственно, трудно отличимые от них зауральские (ЗаУ) месторождения. Группа ЗаУ является основной и для иткульского металла. На долю восточной группы источников в скифской коллекции приходится от 24 % в VI веке до н. э. до 36 % в V веке до н. э. и 28 % в IV веке до н. э. По этому пути на Урал проникали готовые изделия и достижения в области материальной культуры (прежде всего в сфере военного дела) и идеологии.

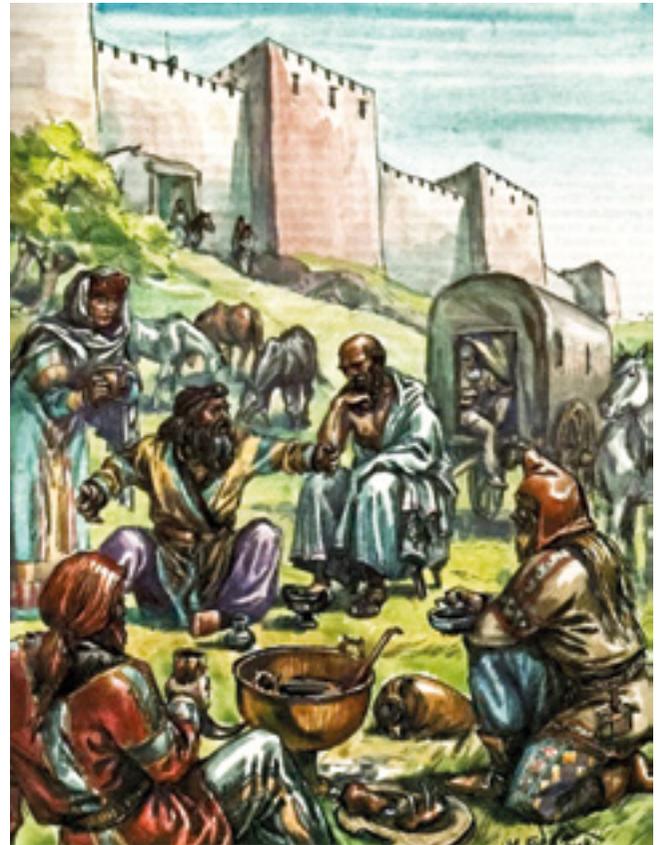
Коллективное погребение савроматского времени. Могильник Гумбейский (VI–V вв. до н. э.)

«Торговый путь Геродота» документируется находками зеркал так называемого ольвийского типа. Обнаружение таких зеркал близ Орска, в междуречье Бузулука и Самары, в бассейне нижней Самары, у Самарской Луки (Андреевка, курган у Кашпирского поворота) может, вероятно, свидетельствовать о том, что конечный отрезок этого «торгового пути» от Самарской Луки, где находилась одна из наиболее удобных переправ через Волгу, до Орска совпадал со старой «московской дорогой», описанной еще в первой половине XVIII века.

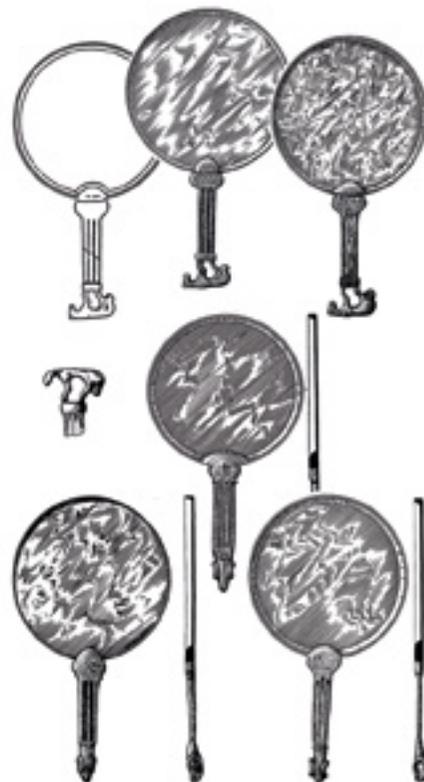
В погребении конца VI века до н. э. в кургане у села Андреевка вместе с зеркалом ольвийского типа найдена золотая бляха с изображением горного козла с подогнутыми ногами и повернутой назад головой, имеющая явно западное, причерноморское происхождение. Из этого же погребения происходят и предметы, характерные для ранних кочевников VII–VI веков до н. э. Южного Урала, в частности Южного Зауралья,— каменный овалный жертвенник без ножек и бронзовое колесико.

Геродот слушает рассказы скифов у стен Ольвии.
Современная иллюстрация

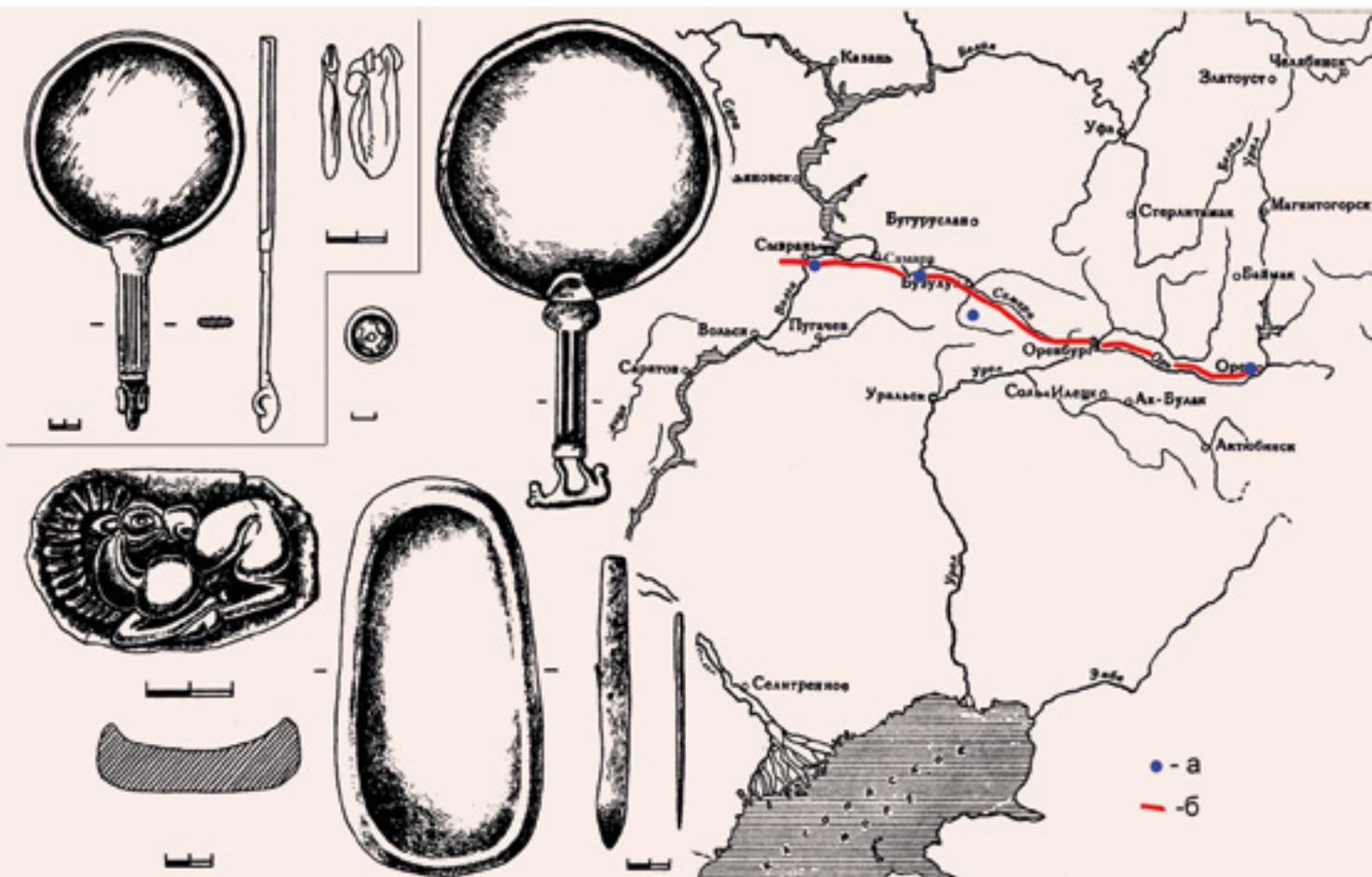

Коллективное погребение савроматского времени.

Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

Зеркала «ольвийского типа» (по Т. М. Кузнецовой)

В кургане у Кашпирского поворота рядом с зеркалом находился небольшой кожаный мешочек, заполненный черным веществом, с вставленной в него деревянной палочкой. Мешочки или трубочки с минеральной краской, в том числе черной, и вставленными в них деревянными палочками или костяными иглами — достаточно частая находка в памятниках савроматского времени Южного Урала. В Южном Зауралье и Северном Казахстане обычай помещать в могилу емкости с минеральной краской зафиксирован еще в VII–VI веках до н. э. Интересно отметить, что в кургане Биш-Оба близ Орска вместе с зеркалом ольвийского типа обнаружены три раковины с синей и серебристой краской и реальгаром.

Стремлением контролировать отрезок «торгового пути Геродота» от Самарской Луки до Южного Зауралья можно, вероятно, объяснить появление в V веке до н. э. в степном Самарском Заволжье воинской группы кочевников, оставивших мо-

Вещи из памятников савроматского времени Самарского Поволжья (по В. Н. Мышкину и В. А. Скарбовенко) и маршрут старой «московской дороги».

а — места находок зеркал «ольвийского типа»;
б — маршрут «московской дороги»

гильник Березки I и сходные с ним памятники на водоразделе рек Самара и Чапаевка. Южноуральское происхождение этой группы подтверждается тем, что памятники, оставленные ими, по некоторым характеристикам совершавшихся обрядовых действий близки памятникам восточных районов южноуральских степей и в какой-то степени приаральского региона, прежде всего района Илека и Южного Зауралья. Кроме того, предметы материальной культуры, а также образцы звериного стиля, имеют близкие аналогии среди древностей Южного Приуралья.

Ольвийские зеркала, вероятно, документируют и путь с Прикубанья и западной части Северного Кавказа, где их достаточно много, в Среднее Поволжье и на Южный Урал. Об этом, по нашему

Каменный жертвенник с набором для татуировки. Погребение раннесакского времени у озера Кумкуль (VII–VI вв. до н. э.). ГИМЮУ

Каменный жертвенник савроматского времени.

Могильник Атчергат (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

мнению, говорит и находка такого зеркала в погребении 1 кургана 10 Аксеновского могильника в междуречье Волги и Дона на юге Волгоградской области. В этом же погребении найдено плоское бронзовое зеркало с бортиком и ручкой в виде двух столбиков на оборотной стороне, а также бусины овальной уплощенной формы из голубого стекла с голубоватыми глазками в светлых ободках и светлыми полосками по краям и подтреугольные глазчатые бусины из синего стекла, аналогичные южно-зауральским. В междуречье Дона и Сала в одном из погребений второй половины VI века до н. э. у хутора Семенкин вместе с зеркалом ольвийского типа конца VI — первой половины V века до н. э. найдены две бусины из голубого прозрачного стекла с бело-голубыми глазками «в виде головок сов», аналогичные южнозауральским. В этом же районе в кургане VI века до н. э. найден круглый каменный жертвенник без ножек, боковые стенки которого профилированы двумя горизонтальными валиками. А спектральный анализ изделий из цветного металла, происходящих из раннесавроматских комплексов Нижнего Дона, устанавливает их восточное, приуральское происхождение.

Весьма интересные материалы получены при исследовании двух погребений второй половины VI — первой четверти V века до н. э., обнаруженных при раскопках средневекового мавзолея у поселка Комсомольский Красноярского района Астрахан-

ской области. У головы похороненной здесь женщины найдены остатки кожаного мешочка. В нем, помимо всего прочего, находились створки раковин (одна со следами растирания реальгара), пряслице, бронзовое колесико-амулет, аналогичный южно-зауральским VII–VI веков до н. э., кусочки серы, реальгара, железная проколка. Рядом с мешочком положено было бронзовое зеркало ольвийского типа, аналогичное зеркалу из погребения Андреевского могильника в степном Самарском Заволжье. В соседнем мужском погребении найдены золотая серьга с конусовидной подвеской, украшенной зернью, а также железная плоская бляха в виде прямоугольной вытянутой пластины, заканчивающейся фигурной головкой грифона с загнутым клювом.

Пряслице — грузик в форме диска или невысокого цилиндра со сквозным отверстием по продольной оси, применявшийся для утяжеления ручного веретена и крепления пряжи на нем. Пряслица изготавливались из камня, глины, кости. Иногда их делали из стенок битых горшков.

Проколка — предмет из кости или металла, который использовали для проделывания отверстий в том или ином материале.

Распределение зеркал с бортиком и центральной ручкой-петелькой различных вариантов на территории Восточной Европы (по Т. М. Кузнецовой)

Бронзовое зеркало савроматского времени с отпечатком деревянного гребня на обратной стороне. Могильник Кичигино I (VI-V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Два предмета из этих погребений (золотые серьги и железная бляха) находят ближайšie аналоги в могильниках Илека в Южном Приуралье. Примечательно также, что аналоги головному убору женщины обнаруживаются на Северном Кавказе и в лесостепном Поднепровье. Как представляется, эти погребения, вместе с приведенными выше материалами из междуречий Волги и Дона, Дона и Сала, позволяют поставить вопрос о возможности проникновения каких-то групп южноуральских кочевников в Волго-Донское междуречье уже в конце VI — начале V века до н. э. и об их дальнейшей судьбе.

Отражением торговых или обменных операций населения лесостепного Поднепровья с племенами Южного Урала по «пути Геродота» в VI — начале V века до н. э., возможно, выступают зеркала с бортиком и центральной ручкой-петелькой на оборотной стороне. Впрочем, они могут быть связаны и с возможным передвижением в конце VI века до н. э. или на рубеже VI–V веков до н. э. в Северное Причерноморье новых орд кочевников с более восточных по отношению к Причерноморью территорий евразийской степи (см. ниже). С этим передвижением, или неким восточным импульсом в конце VI — начале V века до н. э., некоторые исследователи связывают распространение в восточноевропейской степи и лесостепи зеркал указанного типа, неорнаментированных и орнаментированных кабаньих клыков. Показательно, что большинство плоских зеркал с бортиком и центральной ручкой-петелькой конца VI — начала V века до н. э. происходит с территорий лесостепного Поднепровья, Предкавказья и Северного Кавказа. Анализ металла четырех зеркал этого типа с лесостепного днепровского левобережья показал, что, скорее всего, они являются импортными, привезенными из восточных областей Евразии. Следует также отметить, что в одном из погребений VI века до н. э. этого региона найдены зеркало описываемого типа и фрагмент каменного жертвенника без ножек, характерные для Южного Урала и более восточных районов. Аналогичное сочетание зафиксировано и в погребении VI века до н. э. в одном из курганов Западного могильника близ Ростова-на-Дону.

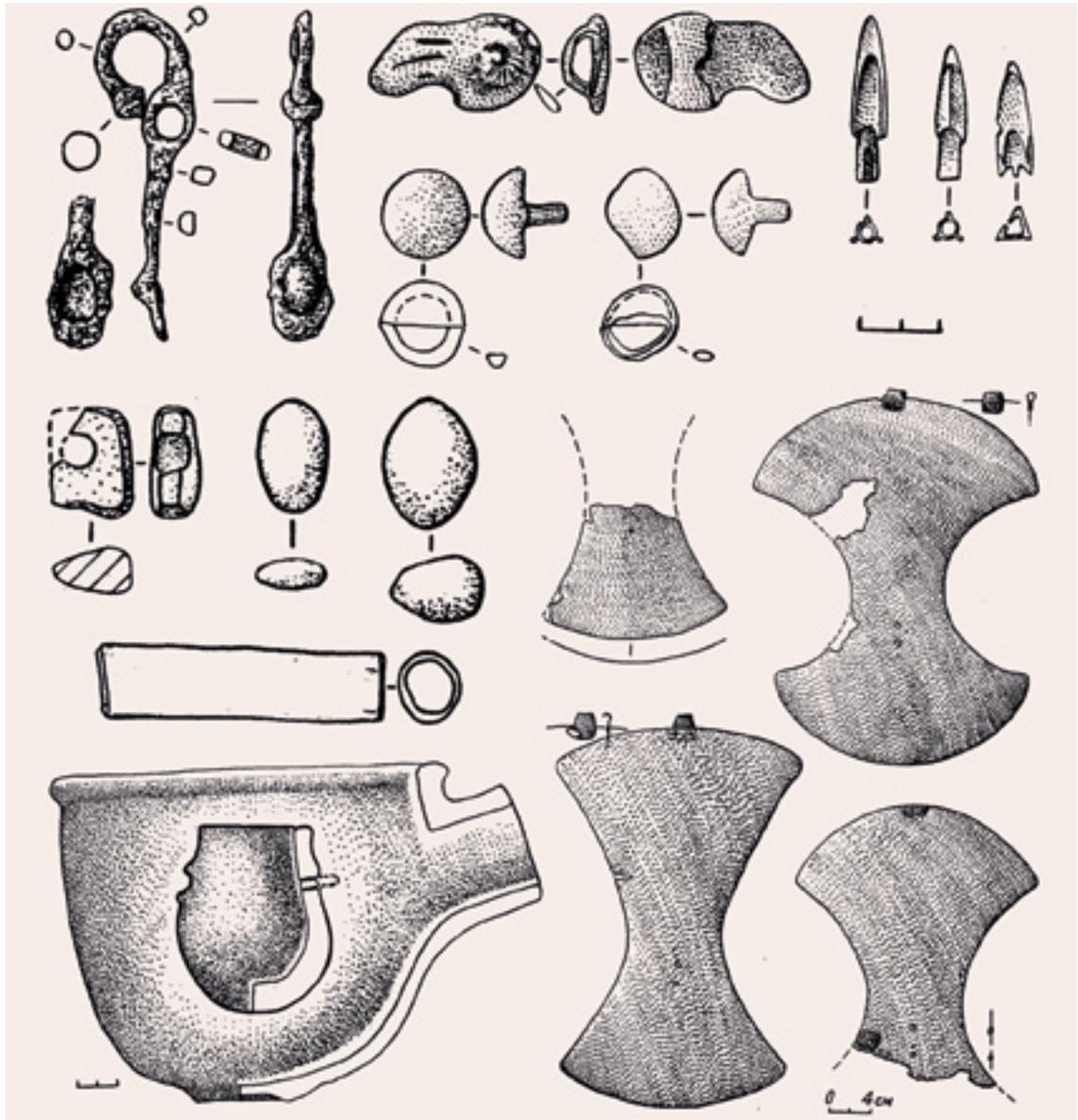

Стеклянные бусы. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

О связях южнозауральских номадов с западными областями уже в конце VI века до н. э. говорит и находка в Большом Климовском кургане (Челябинская область) единственной пока в Южном Зауралье уздечной бляшки в виде головы бараноптицы. Этот образ, широко распространенный в раннескифское время в степи и лесостепи Восточной Европы, неизвестен в зверином стиле не только кочевников Южного Урала, но и более восточных областей сакского мира. Появляется он у скифов, вероятнее всего, в период их пребывания в Предкавказье, а сам мотив бараноптицы восходит, очевидно, к луристанским бронзам. Точные аналогии климовскому изображению пока неизвестны. Однако манера передачи рогов рядом полудуг находит ближайšie параллели на изображениях бараноптиц из Келермесских курганов и комплекса Норшунтепе в Анатолии.

По «геродотову торговому пути» в Южное Зауралье, как и в Приуралье, поступали украшения, в частности бусы, изготовленные в Передней Азии и Египте, и образцы скифского оружия (мечи с когтевидным навершием и без навершия), которые уже на месте активно перерабатывались местными мастерами. Отметим, что наиболее ранние мечи с когтевидным навершием, близкие по схеме аргаяшскому и варненскому типам из Южного Зауралья, происходят из курганов конца VI — начала V века до н. э. у села Аксютинцы в лесостепном

Комплекс находок из Большого Климовского кургана (VI в. до н. э.)

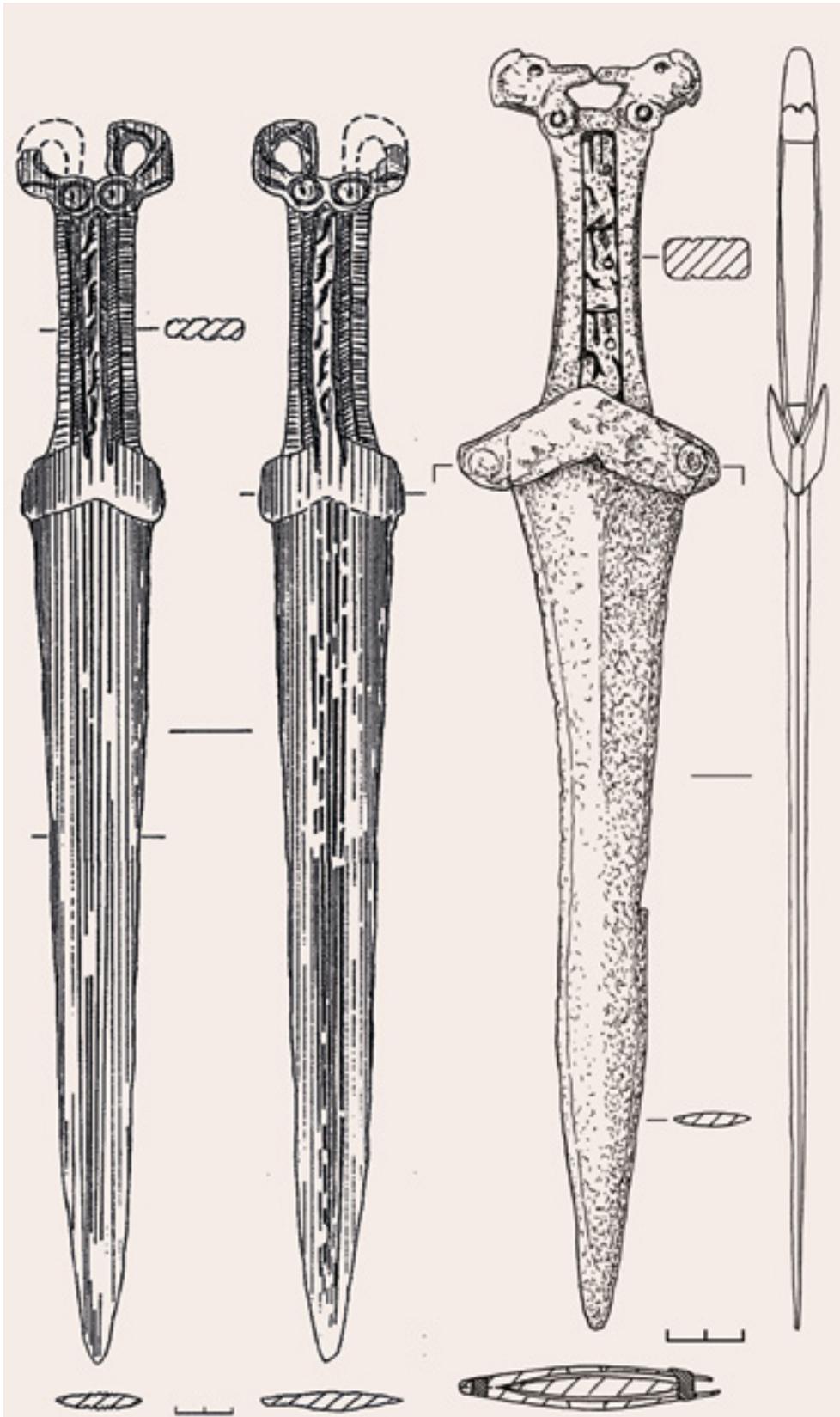

Поднепровье. В материалах же как этого могильника, так и других памятников данного района достаточно много изделий из металла южноуральских источников. В некоторых же комплексах, таких как курган 2 в урочище Стайкин Верх у села Аксютинцы, весь проанализированный бронзовый инвентарь отлит из сырья южноуральских источников (типа ЕУ). Мечи с когтевидным навершием, весьма близкие к южнозауральским, известны и в степном Самарском Заволжье, в частности в районе Самарской Луки, где находилась наиболее удобная переправа через Волгу.

Железный кинжал из кургана 2 могильника Корсакбас на крайнем юге Зауралья входит в группу ме-

чей и кинжалов с сердцевидным перекрестием без навершия, распространенных в скифское время от Прикамья до Карпато-Подунавья. По форме рукояти и перекрестия он ближе всего к экземплярам, датированным VI–V веками до н. э.

С другой стороны, некоторые предметы, найденные в Скифии, можно связать с влиянием южноуральских, в том числе и зауральских кочевников. Это прежде всего бронзовые литые амулеты-колесики, характерные для уральских номадов. Наиболее ранние их находки происходят из погребений VII–VI веков до н. э. Южного Зауралья. Такие колесики известны в памятниках VI–V веков до н. э. лесостепного Приднепровья и Подонья.

Железный кинжал из села Варна (VI–V вв. до н. э.).
Случайная находка

Железный кинжал из Аргаяшского района (VI–V вв. до н. э.).
Случайная находка

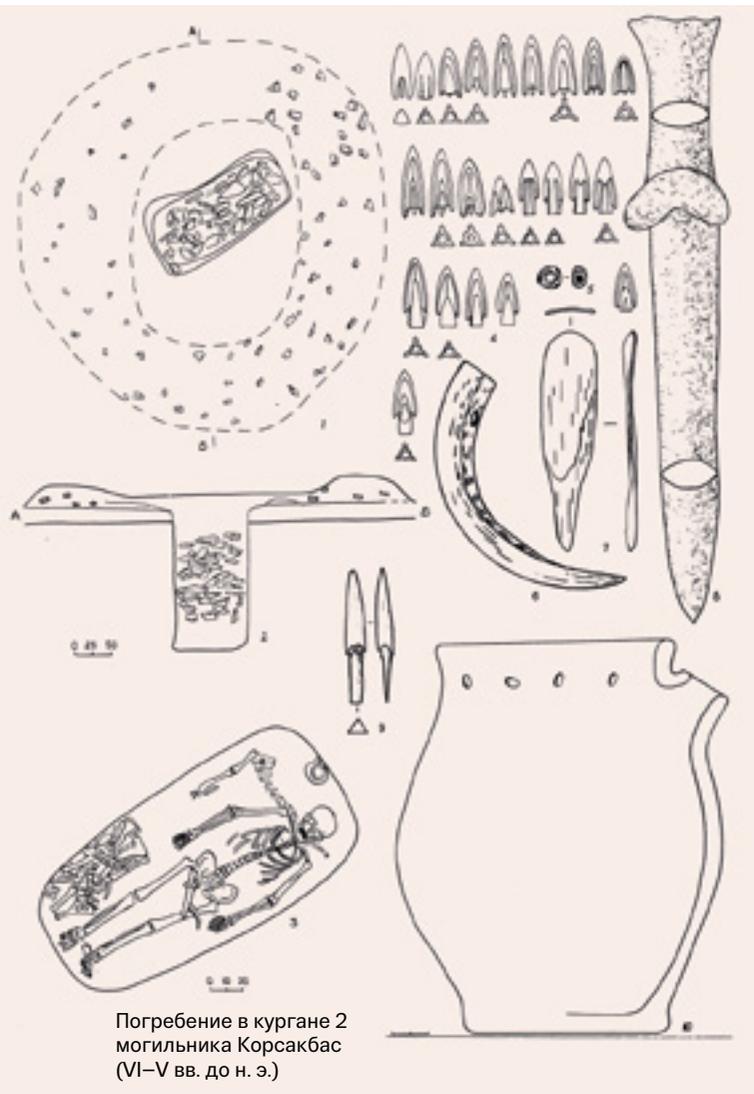

Щиток сбруйной пряжки, оформленный в виде стилизованной головы грифона (VI–V вв. до н. э.).
МНТУ ЮУрГУ

Колчанный крюк с изображением голов волка, лошади и хищной птицы. Окончание рукояти железного ножа с изображением головы ушастого грифона (внизу).
Курган у села Котлик (VI–V вв. до н. э.). ГИМНУ

Погребение в кургане 2
могильника Корсакбас
(VI–V вв. до н. э.)

В кургане 402 у села Журовка (правобережье Среднего Поднепровья) VI–V веков до н. э. найден железный нож, конец рукояти которого оформлен в виде головки орла. Очень близкий к журовскому нож найден в кургане у села Котлик Челябинской области.

Интересно отметить, что из Среднего Поднепровья, в том числе из курганов у села Журовка происходят и несколько мечей с навершием в виде головки орла или грифона. Исходной формой для развития подобных мечей и кинжалов в Восточной Европе явились южноуральские мечи этого типа. Они же, в свою очередь, сложились под воздействием сибирского оружия. В лесостепном Поднепровье в памятниках конца VI — начала V века до н. э. изредка встречаются и характерные для

Железный кинжал с навершием в виде противопоставленных голов кошачьих хищников. Могильник Кичигино II (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Южного Урала плоские зеркала с прямой плоской неорнаментированной ручкой.

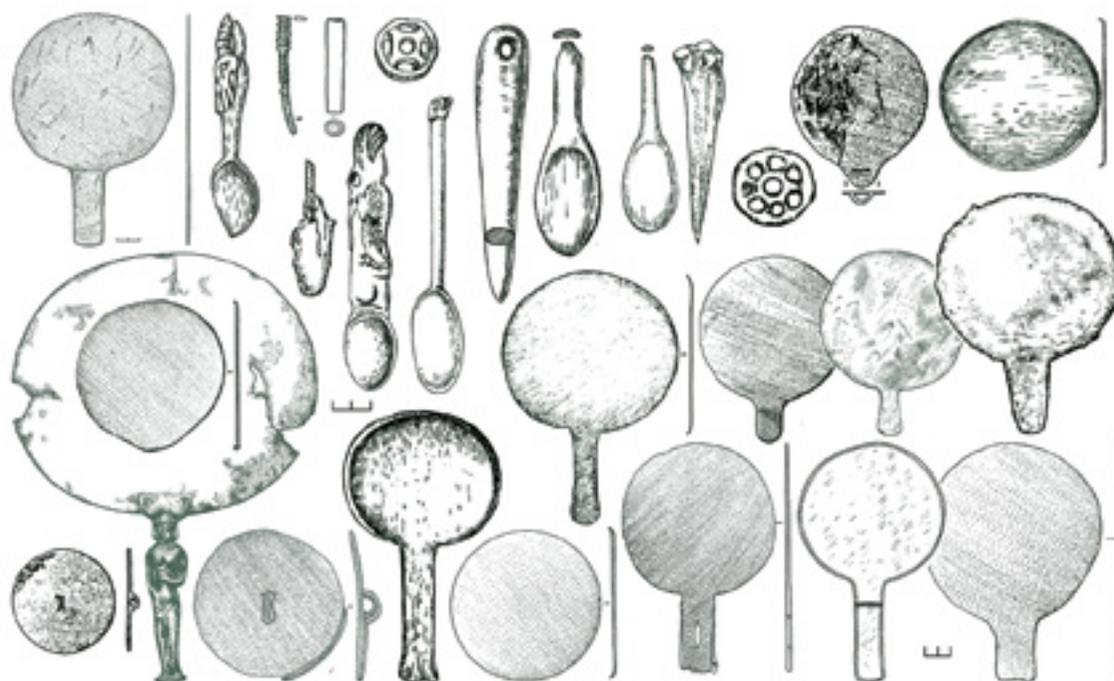
В Среднем и Нижнем Подонье, в Поволжье, лесостепной и степной Скифии, так же как и на Южном Урале, в памятниках второй половины VI — V века до н. э. продолжают встречаться, хотя и значительно реже, каменные жертвенники без ножек, известны здесь и жертвенники на двух-четырех ножках. Причем исчезновение их в обоих регионах произошло практически одновременно. Интересную картину дает анализ распространения этих жертвенников. Так, в Поволжье они сосредоточены на севере — у Самарской Луки, а на юге — в Астраханской области и междуречье Волги и Дона. В Европейской Скифии жертвенники встречаются лишь в правобережной и левобереж-

ной днепровской лесостепи, на Среднем и Нижнем Дону, в Центральном Предкавказье. Во всех этих районах, по данным спектрального анализа, зафиксирован цветной металл южноуральского происхождения. Эти же районы примыкают либо к «торговому пути Геродота», либо к «торговой» артерии Среднее Поволжье — Северный Кавказ. Поэтому каменные жертвенники могут служить маркерами связей населения различных районов восточноевропейской степи и лесостепи с кочевниками Южного Урала. В основе же этих связей лежала, в первую очередь, потребность в цветном металле — меди. Показательны в этом плане материалы Бельского городища (украинская лесостепь), представляющего собой крупный ремесленный центр, связанный, прежде всего, с добычей и обработкой черных, цветных и благородных металлов (причем цветные и благородные металлы поступали на городище преимущественно в виде слитков). На этом городище обнаружены обломки ладьевидных каменных блюд-жертвенников. Здесь же найден цельножелезный боевой нож с рукоятью, оформленной в зверином стиле, аналогичный ножу из Журовки и Котлика.

Каменные жертвенники, в отличие от оружия, конской упряжи, украшений из драгоценных металлов, художественных изделий, в том числе зер-

кал ольвийского типа, вряд ли были предметом обмена. Скорее всего, они являются отражением инфильтрационных контактов, то есть перемещения небольших групп людей или даже отдельных лиц, например, при смешанных браках. Вероятно, таким образом, но по торговому пути, описанному Геродотом, попал в Ольвию не только каменный жертвенник на трех ножках, но и некоторые «каменные блюда». Вблизи Ольвии подобные каменные блюда встречены только на Березани. Но, как считают некоторые исследователи, туда обычно помещать «каменные блюда» в могильную яму привнесен извне — возможно, из Ольвии. Причем в других архаических некрополях Северного Причерноморья ни блюд, ни каменных плит до сих пор не найдено.

Зеркала с длинной плоской металлической ручкой, отлитой вместе с плоским диском, который иногда имеет слегка отогнутый и заостренный край, известны в Южном Зауралье и Приуралье в памятниках конца VI — рубежа IV–III веков до н. э., но главным образом конца VI — V века до н. э. В более позднее время, чем в Южном Приуралье, они появляются в Поволжье и на более западных территориях и связаны с началом проникновения ранних кочевников задонских, поволжских и, возможно, южноуральских степей в Скифию. Зеркала такой

Зеркала и предметы культа из памятников ранних кочевников Южного Зауралья второй половины VI–V вв. до н. э.

формы известны и к востоку от Урала, в Северном и Центральном Казахстане, на Алтае, в Центральной Азии, Киргизии и Семиречье.

Не исключено, что появление в конце V века до н. э. в низовьях Днепра прямоугольных «святилищ» с каменными антропоморфными изваяниями в центре также связано с влиянием именно южноуральских кочевников.

Несколько замечаний о взаимоотношениях ранних кочевников Южного Урала с населением Среднего Дона в савроматское время. В среднедонских курганах конца VI — V века до н. э., так же как и в курганах лесостепного Поднепровья и Южного Зауралья, отмечены монументальные шатровые перекрытия, опирающиеся на кольцевые валики из материкового выкида. Известны здесь и каркасно-столбовые склепы с дромосами, в том числе и на древнем горизонте, парные и коллективные погребения, сожжение погребальных сооружений,

которые стали появляться с конца VI века до н. э. и особенно с V века до н. э. и были, по-видимому, заимствованы у населения лесостепного Поднепровья. Следует, однако, подчеркнуть, что столбовые гробницы, исследованные на Среднем Дону, по своему устройству не имеют сколько-нибудь близких аналогов на Южном Урале.

Так же как и в лесостепном Поднепровье, курганные могильники лесостепного Подонья являются некрополями не всего среднедонского населения, а лишь его части — военно-аристократической верхушки. Основное ядро этнокультурного комплекса среднедонских могильников было привнесено в лесостепное Подонье в уже сложившемся виде не позднее конца VI — V века до н. э. из районов днепровского лесостепного правого и левого бережья и было связано с переселением части приднепровского населения, что, кстати, подтверждается и анализом иконографических схем звериного стиля.

Стеклянные бусы. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Рукоять железного кинжала савроматского времени (V в. до н. э.)

Бронзовая уздечная подвеска с изображением головы волка. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Зооморфный — уподобленный животному; использующий или стилизующий фигуры

или части фигур реальных или фантастических животных.

Бронзовые псалии с окончаниями в виде голов ушастых грифонов. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

Подтверждением связи ранних кочевников Южного Зауралья с племенами Среднего Дона служит находка железного зооморфного крючка в комплексе V века до н. э. из кургана Котлик в Челябинской области. Он наиболее близок зооморфным крючкам лесостепного Подонья конца V — середины III века до н. э. Кроме области Среднего Дона, которая являлась, по-видимому, местом происхождения зооморфных крючков этой группы, подобные крючки известны и на других территориях Восточной Европы, в том числе в памятниках IV–III веков до н. э. Приуральской Башкирии.

В памятниках лесостепного Подонья V–IV веков до н. э. известны, помимо упомянутых выше бронзовых литых колесиков-амулетов, железные налобники, близкие к климовскому из Зауралья. А в одном из курганов у села Мастюгино (IV–III века до н. э.) найдена бусина, аналогичная бусинам V века до н. э. из Южного Зауралья, которые особенно характерны для памятников кочевников Южного Урала и за пределами этой территории встречаются очень редко. Достаточно редкая даже для Южного Урала крупная бусина с четырьмя синими глазками в белых ободках и крестообразной фигурой между ними найдена в Песочинском могильнике на окраине Харькова (лесостепное днепровское левобережье). Больше таких бусин к западу от Южного Урала нам не известно.

Среди случайных находок с территории лесостепного Подонья выделяется достаточно многочисленная серия кинжалов конца IV — V века до н. э. с когтевидным навершием. Большинство из них принадлежат к типам, более характерным для кочевников Южного Приуралья. Между обеими регионами много общего и в трактовке некоторых мотивов звериного стиля (пасть волка, медведь). По мнению некоторых исследователей, широко распространенная на Южном Урале манера изображения хищника, стоящего в профиль с опущенной головой на прямых когтистых лапах, по всей видимости, и послужила источником возникновения среднедонского образа «медведя». А южноуральский образ головы волка с оскаленной пастью, вероятно, мог служить отдаленным прототипом лесостепных донских изображений голов хищника, похожего на волка.

Другое — южное — направление связей являлось традиционным для кочевников Южного Урала, в том числе и для номадов Южного Зауралья. Следует также подчеркнуть, что уход части центральноазиатских кочевников с прежних мест обитания на Южный Урал не повлек за собой разрыва их традиционных экономических и культурных связей с земледельческими областями, особенно с Хорезмом. Именно с этого времени фиксируются устойчивые взаимосвязи номадов Южного Урала, и прежде всего Южного Приуралья, с земледельческими государствами Центральной Азии и Ближним Востоком.

Включение же Хорезма в состав Ахеменидского государства привело к активизации процесса этнокультурного взаимодействия населения, оставшегося памятники куюсайской и кюзелигырской культур. Это вызвало очень быструю, скачкообразную трансформацию материальной и духовной культуры. Одним из результатов этого процесса стало исчезновение классических для саков Присарыкамшыя традиций погребальной обрядности. Параллельно произошла и значительная трансформация их физического облика.

Кочевники Южного Приуралья поддерживали постоянные контакты с населением Южного Приаралья, Узбоя и Устюрта. В основе этих контактов лежала пастбищно-кочевая система. Анализ материалов памятников Устюрта второй половины I тысячелетия до н. э. показывает, что параллельно с культурой «погребений на горизонте» в этом регионе существовала и другая археологическая культура кочевников Южного Приуралья. Напомним, что часть населения Южного Приуралья вела кочевой образ жизни с круглогодичным циклом кочевания. Пути кочевий шли в меридиональном направлении и выходили на юге к границам древних городских и оседло-земледельческих цивилизаций Хорезма и юга Туркмении. В ходе этих перекочевок, а также в период пребывания на зимовках и осуществлялись контакты номадов Южного Приуралья с кочевниками Устюрта и прилегающих к нему районов. Эти контакты нашли отражение в определенном параллелизме формирования основных черт погребальной обрядности скотоводческого населения этих регионов. Вероятно,

в результате этих контактов попали в Южное Приаралье женщины, захороненные в могильных ямах с дромосами из сооружений 11 и 39 Сакар-чага I, комбинация краниологических признаков которых типична для древнего населения Приуралья.

Оставшиеся в Юго-Восточном Приаралье подвижные (полукочевые, полуседлые) скотоводы первоначально, во второй половине VI — начале V века до н. э., продолжали вести свое традиционное хозяйство, изменив направление культурной ориентации. Это изменение связано, вероятно, с тем, что включение части нижнесырдарьинского скотоводческого населения в состав объединения номадов Южного Зауралья не оборвало их связей с оставшимися. Тем более что их зимние пастбища располагались в этом же регионе. Этим, вероятно, было обусловлено появление в памятниках второй половины VI — V века до н. э. Юго-Восточного Приаралья трехлопастных и трехгранных втульчатых наконечников стрел, конской узды нового типа (с петлевидными удилами и двудырчатыми псалиями), длинных мечей с бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием. Позднее, в V веке до н. э., когда прекращается сток воды в Инкардаря, на берегах которой расположены могильники Уйгарак и Южный Тагискен, «шлаковые» курганы, неукрепленные поселения и стоянки, и образуется Жанадарья, оставшееся сакское население, вероятно, принимает участие в освоении этой новой гидросистемы. Здесь на основе культуры сакских племен под сильным культурным влиянием земледельческих оазисов юга Центральной Азии формируется чирикрабатская культура рубежа V–IV — начала II века до н. э. Носители этой культуры занимались скотоводством и орошаемым земледелием с использованием примитивных ирригационных систем. Севернее же, в бассейне Эскидарьялыка (Пракувандарьи), в этот период продолжается развитие джетысарской культуры скотоводов и земледельцев (конец эпохи бронзы — IX век н. э.).

Появление на территории Южного Урала нового быстро крепнущего этнопотестарного объединения кардинальным образом изменило расстановку сил в урало-казахстанских степях. Ведущую роль в этом регионе постепенно начинают играть кочев-

ники Южного Урала. Со временем они, а не тасмолинцы Центрального Казахстана, становятся «законодателями моды» не только в материальной, но, вероятно, в какой-то степени и в духовной культуре. Проявлением этого стал процесс постепенной «сарматизации» культуры кочевников восточной части урало-казахстанских степей, начавшийся, вероятно, уже с начала V века до н. э., но особенно ярко проявившийся на протяжении IV–III веков до н. э.

Усиление роли южноуральских кочевников было обусловлено не только факторами, связанными со становлением этнопотестарного объединения в степях Южного Урала (ломка старых стереотипов культуры и формирование новых, деформация основных структур нормативного фактора, социальная дифференциация общества, выделение в ней военной прослойки, возрастание роли военных вождей и т. п.), но, очевидно, и рядом других обстоятельств. Одним из них было то, что население Южного Урала, в особенности племена Южного Зауралья, становится независимым в получении цветного металла от кочевников Центрального Казахстана. Потребности в нем удовлетворяются теперь за счет иткульских племен лесостепного Зауралья. Спектроаналитическое изучение цветного металла памятников VII–IV веков до н. э. Челябинской области ярко иллюстрируют этот процесс. Так, все проанализированные предметы VII–VI веков до н. э. изготовлены из металла сакского круга, 10 % предметов второй половины VI — начала V века до н. э. произведены уже из металла южноуральской группы (ЕУ), а в V–IV веках до н. э. господствовали изделия из металла группы ЕУ.

Изменения, происходившие в конце VI — V веке до н. э. в урало-казахстанских степях, в том числе и процесс постепенной «сарматизации» культуры кочевников восточной части этого региона, демонстрируют материалы погребальных комплексов Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана. Ранние кочевники Южного Зауралья во второй половине VI — V веке до н. э. по-прежнему сохраняют разнообразные (экономические, политические, торговые и т. п.) связи с племенами Северного и Центрального Казахстана, обусловленные пастбищно-кочевой системой. Номады

Наконечники стрел савроматского времени (VI–V вв. до н. э.). Могильник Кичигино II. МНТУ ЮУрГУ

Бронзовый наконечник стрелы савроматского времени. Случайная находка (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Центрального Казахстана являлись тем звеном, которое соединяло южнозауральские племена с населением Семиречья, Киргизии, Восточного Казахстана и Алтая. Однако новая историческая ситуация, сложившаяся в конце VI — начале V века до н. э. в Центральной Азии и на Южном Урале, привела к тому, что постепенно на первый план у номадов Южного Зауралья выступают взаимоотношения с кочевниками Южного Приуралья и Приаралья, древними государствами Центральной Азии, прежде всего Хорезмом. Процесс этот нашел отражение в материалах погребальных комплексов обрубчевского, или древнепрохоровского этапа. Наибольшее количество аналогий в памятниках Центрального и Северного Казахстана или вообще сакского мира, исключая Приаралье и Центральную Азию, дают наиболее ранние погребения

этапа, которые датируются второй половиной VI — началом V века до н. э. В памятниках же V — рубежа V–IV веков до н. э., прежде всего в рядовых погребениях, такие аналогии почти не прослеживаются.

При решении вопросов взаимосвязи племен рассматриваемых регионов археологи вынуждены оперировать преимущественно погребальным инвентарем, так как проследить проявление этих связей в погребальном обряде, за редким исключением, весьма сложно. Многие черты погребальной обрядности южнозауральских племен, близкие к обрядам кочевников Казахстана, имеют местные истоки — в погребениях предшествующего времени. Другие же — погребения на горизонте, подкурганые надмогильные конструкции из дерева и их сожжение, керамика в могильной яме и т. п. — могут быть сопоставлены с таковыми как в Казахстане, так и в Приаралье и Центральной Азии.

Различного рода контакты с южно-зауральским населением, в том числе и военно-политические, способствовали быстрому распространению среди кочевников Северного и Центрального Казахстана, а через них и у ряда племен востока Евразии, трехлопастных и трехгранных втульчатых наконечников стрел, нового типа конской узды — однокольчатых удила в сочетании с двудырчатыми псалиями, которые появились и распространились на этих территориях, так же как и на Южном Урале, не ранее второй половины VI века до н. э. Анализ некоторых элементов культуры кочевников, таких как конское снаряжение и оружие, позволяет зафиксировать, что наиболее целесообразные, «любимые» типы этих категорий вещей, наиболее оптимальные для какого-то времени в условиях повышенной коммуникабельности и благодаря единому уровню восприятия распространяются чрезвычайно широко. В рассматриваемое время, по-видимому, возрастает значение военного фактора в развитии кочевых обществ, прежде всего, как уже отмечалось, племен Южного Урала. Это нашло отражение в увеличении в погребальном инвентаре количества предметов вооружения, в активных поисках его наиболее рациональных форм. Последним, вероятно, объясняется быстрое взаимодействие ранними кочевниками восточных рай-

онов урало-казахстанских степей различных форм оружия у соседних племен Южного Зауралья. Дело в том, что широкое распространение однотипных предметов вооружения в синхронных или близких по времени существования культурах является результатом жесткой функциональной детерминации форм оружия и активной инфильтрации достижений в военной области в ходе постоянных военных столкновений. Причем если в сфере хозяйственной деятельности и духовной жизни сообщества, принадлежащие к разным культурам или разным хозяйственно-культурным типам, обитающие на соседних территориях, могут развиваться вполне обособленно или взаимодополняться, то в области военных отношений такая изоляция невозможна. Любой качественный дисбаланс между соседними этнополитическими общностями на уровне развития вооружения, форм военной организации и военного искусства не может быть компенсирован иначе, как восполнением недостающих видов и типов оружия, повышением эффективности приемов их использования. В противном случае неизбежно военное поражение, утрата самостоятельности или даже истребление кочевого этноса.

Здесь следует отметить, что для Южного Урала и областей к западу от него характерны железные удила, у которых окончания петельчатые, то есть загнуты в петлю. Для восточных же районов Евразии характерны удила не петельчатые, а с однокольчатым окончанием. Однокольчатые удила встречаются здесь еще в предшествующее время. Однако сочетание их с двудырчатыми псалиями, бронзовыми или железными, фиксируется лишь с середины VI века до н. э. Видимо, при создании узды нового типа местные племена позаимствовали лишь идею двудырчатых псалиев, использовав уже существующий тип удила. Кочевники Южного Урала восприняли с Запада не только двудырчатые псалии, но и петельчатые удила. Даже изготовленные из бронзы, они имеют не кольчатые, а петельчатые окончания.

Детерминировать — обуславливать, предопределять (*детерминированный* — обусловленный, предопределенный).

Ярким показателем влияния южноуральских кочевников на племена Северного Казахстана являются железные кинжалы. Один из них найден на правом берегу Ишима у села Бесколь (Бишкуль) Северо-Казахстанской области. Он входит в немногочисленную группу кинжалов с навершием в виде пары подпрямоугольных лопастей с нанесенным на них зооморфным декором. Не только форма навершия этого кинжала, но и набор зооморфных сюжетов на навершии и рукояти, приемы их трактовки, композиционное оформление отвечают традициям искусства ранних кочевников Южного Урала. Данный кинжал, судя по форме перекрестия (узкое, бабочковидной формы), должен датироваться в рамках второй половины V века до н. э. В пределах V века до н. э. датируется и кинжал с ложнотреугольным перекрестием и когтевидным навершием из Петропавловского Приишимья. Наиболее близкие, в том числе и территориально, аналоги его происходят из Южного Зауралья.

Северными соседями ранних кочевников урало-казахстанских степей во второй половине VI — V веке до н. э. были население лесостепных городищ

с баитовской и воробьевской керамикой, племена гороховской, иткульской, гамаюнской и саргатской культур. Между населением, оставившим поселения с керамикой различного типа (или различных культур), прослеживаются глубокие взаимные инфильтрации, приводившие к чересполосному расселению, и взаимодействия, определившие определенное сходство материальной культуры.

Тесное взаимодействие населения лесостепи Зауралья и Западной Сибири с кочевниками урало-казахстанских степей, особенно с кочевниками Южного Урала, хорошо документируется археологическими материалами. Они, в частности, свидетельствуют об участии традиций лесостепного зауральского населения в сложении керамического комплекса раннесарматской (прохоровской) культуры. Особенно тесные связи у южнозауральских кочевников прослеживаются с племенами иткульской культуры. Активной стороной в этих связях выступали, без сомнения, номады Южного Зауралья. Чем же привлекали южноуральских номадов племена иткульской культуры? Вряд ли они могли снабжать кочевников продуктами земледелия,

Рукоять железного кинжала савроматского времени (V в. до н. э.). Случайная находка у села Устиново. МКМ

Рукоять железного кинжала савроматского времени (V в. до н. э.).

Школьный музей, село Зильдярово. Республика Башкортостан

Древовидный
идол
иткульской
культуры
(VII–IV вв.
до н. э.).
ГИМНУ

которое у них если и существовало, то не могло иметь в силу специфических природных условий широкого распространения. Главную роль в хозяйстве лесостепных зауральских племен играло скотоводство. Ощутима была и роль охоты, главными промысловыми животными были лось и косуля. Промысел пушных видов имел солидное значение лишь в зауральской лесостепи, у племен восточного склона Урала (иткульская, гамаюнская культуры) он был очень мал и ограничивался, видимо, только собственным потреблением.

Главное, что привлекало кочевников, то, ради чего они стремились на север, был металл — медь, железо, ибо те племена, которые лучше обеспечивались металлом, получали преимущество над соседями. Как уже отмечалось, в VII–VI веках до н. э. потребность в металле стимулировала активность кочевников Южного Зауралья на северных рубежах их территории. В этот период они получали металл и изделия из него в основном из наиболее близких горно-металлургических центров Центрального Казахстана. Рудные источники Центрального Казахстана и более восточных областей находились в руках кочевых племен, поэтому получение металла отсюда являлось, скорее всего, проявлением различных форм обмена и вряд ли было результатом торговых операций. Единственный продукт, который производили кочевники в количествах, значительно превышающих внутренние потребности — скот и продукты скотоводства, — не мог служить товаром во взаимоотношениях между кочевниками. Внеэкономические же способы получения металла от других кочевых племен, в частности военные набеги, хотя и играли определенную роль в удовлетворении потребностей, не могли в силу общего уровня социально-экономического развития и относительно одинакового уровня военного дела и военной организации обеспечить устойчивого и в требуемых количествах его поступления. Набеги по самой своей сущности являлись слишком ненадежными и нестабильными, слишком зависящими от баланса сил в каждый конкретно-исторический момент.

Металл же был нужен постоянно — для изготовления оружия, украшений, орудий труда, конской упряжи и т. п. Вот почему крайне важным было

его регулярное и в достаточном количестве поступление. Поэтому-то, вероятно, кочевники Южного Зауралья уже в VII–VI веках до н. э. сделали ставку на ближайших его производителей — племена иткульской культуры. Для иткульцев, способных обеспечить себя в достаточном количестве не только металлом, но и скотом и продуктами скотоводства, эти связи не были так необходимы, как для их южных соседей. Естественно, при благоприятных условиях кочевники не прочь были и силой добыть необходимый им металл — путем грабительских набегов. Именно это явилось одной из причин, наряду с внутренними социально-экономическими факторами развития местных обществ, появления и широкого распространения в лесостепном Зауралье укрепленных поселений. Таким образом, строительство укрепленных поселений явилось закономерной реакцией лесостепного населения Зауралья на агрессивность степняков. Цепь гамаюнских и иткульских фортификаций, оформившаяся к VI–IV векам до н. э. по рекам Багаряк, Синара, среднему течению Исети, защищала внутренние лесные районы от экспансии кочевых племен.

Вероятно, следствием давления со стороны кочевников в конце VI — начале V века до н. э. стал отток части иткульского и гамаюнского населения далеко на восток, в Ишимо-Иртышское лесостепное междуречье. Придя на новое место, переселенцы заняли схожую экологическую нишу — поселились на берегах системы Больших Крутихинских озер. Отдельные гамаюнские и иткульские общины мигрировали, вероятно, и на северо-восток Башкирии (долины рек Ай и Юрюзань).

Но, во-первых, набеги не могли обеспечить регулярного и в необходимых объемах поступления металла: когда обе стороны — кочевники и оседлое население — сохраняют свою политическую самостоятельность, эксплуатация подобного рода не является надежно гарантированной, не имеет каких-либо строго фиксированных форм. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, набеги не стимулировали производства металла, да и не только металла, тая в себе возможность разрушения самих основ хозяйственной жизни оседлого населения. Поэтому набеги не могли служить удовлетворению все воз-

Бронзовый ковш.
Большой Климовский курган
(VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

растающих потребностей кочевников Южного Зауралья в металле.

Одним из способов обеспечения бесперебойного и в достаточном количестве поступления необходимых для кочевников продуктов (земледелия, ремесла, металлургии) на самых выгодных для них условиях, способом, к которому стремились, а при благоприятных условиях и проводили в жизнь все кочевники, было внеэкономическое подчинение (завоевание) их производителей. В этом случае необходимыеномадам продукты поступали в виде регулярной дани в обмен на покровительство, защиту от других кочевников и т. д. Характерной особенностью данничества как формы эксплуатации было то, что при даннических отношениях речь шла об изъятии прибавочного (а иногда и части необходимого) продукта у побежденных коллективов, которые, тем не менее, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарные и экономические общности.

Как уже отмечалось, во второй половине VI века до н. э. кочевники Южного Зауралья становятся одним из основных контрагентов племен Восточной Европы в их торговых операциях на «торговом пути Геродота». Основным предметом экспорта была, скорее всего, медь, получаемая от племен иткульской культуры. Увеличение внутренних потребностей в цветном металле, а также интересы «внешней торговли» у южнозауральских номадов, очевидно, стимулировали и рост его производства

Контрагент — каждая из сторон в договоре, соглашении, взаимодействии по отношению друг к другу. При этом

подразумевается, что стороны противопоставляются друг другу в рамках этих отношений.

на зауральских городищах, расцвет иткульского очага металлургии и металлообработки. Как раз во второй половине VI века до н. э. и особенно в V веке до н. э. территория этого очага металлургии расширяется и достигает максимума. В это же время меняется характер памятников и производства на них — появляются производственные площадки, предназначенные для выплавки меди в значительных масштабах. В V веке до н. э. производство становится биметаллическим — наряду с медным производством отмечено наличие железодельного ремесла. Кроме того, в производстве металла наблюдается развитие определенной специализации.

Повышение в конце VI — V веке до н. э. политической и военной мощи кочевников степной зоны Южного Зауралья, увеличение их спроса на металл и металлическое оружие повлекло увеличение производства металла в иткульском очаге металлургии и металлообработки. Это, в свою очередь, вызвало поиск и освоение дополнительных источников руды, создание, главным образом в зоне контакта

с номадами, новых пунктов для производства и обменных операций. Внутренним импульсом перемен в очаге стало появление железодельного производства, что способствовало расширению очага и соответственно специализации отдельных регионов по отдельным фазам производства. Все это привело к тому, что в V–IV веках до н. э. иткульцы стали основными поставщиками металла кочевым народам Южного Урала. Причем к кочевникам поступали не только готовые изделия, но, вероятно, и сам металл в слитках, и литейные формы для отливки предметов «повседневного спроса» кочевников — прежде всего наконечников стрел, конской упряжи, украшений и т. п.

Примечательно, что с изменением исторической ситуации в зауральской лесостепи в конце V — IV веке до н. э., вызвавшим ослабление связей со степными районами Южного Урала, и оттоком кочевников из Южного Зауралья и Приуралья приходит в упадок и иткульская металлургия, а в III веке до н. э. иткульский очаг металлургии как система, как единый организм прекращает свое существование, одновременно прекращает свое существование и сама иткульская культура. Это является еще одним свидетельством значительного влияния кочевых племен южноуральских степей на развитие зауральской металлургии.

Здесь следует подчеркнуть, что подавляющее большинство аналогий предметам из металла

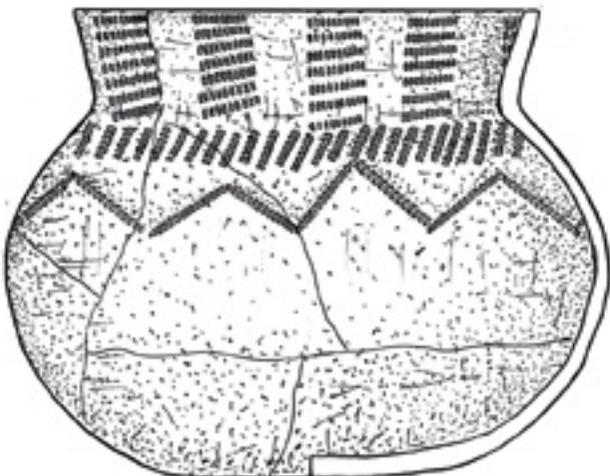
Птицевидные фигурки иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). ГИМЮУ

и камня, обнаруженным на иткульских городищах, прослеживается на юге — в степях Зауралья и Приуралья. В этой связи можно упомянуть и находку бронзового птицевидного идола близ города Коркино, на территории, занимаемой в VII–V веках до н. э. кочевым населением Южного Зауралья. Он по своим стилистическим особенностям близок к идолам с Азов-горы, памятника иткульской культуры.

О достаточно тесных связях носителей иткульской культуры с кочевниками говорят и находки в степной зоне Южного Зауралья сосудов, близких, а порой и идентичных по форме и орнаментации иткульским. По мнению уфимского археолога Н. С. Савельева, практически весь тальковый керамический комплекс южноуральских кочевников свои исходные формы и орнаменты имеет в иткульской культуре. Кроме того, значительная часть кочевнических тальковых сосудов по всему своему облику весьма близка к гафурийскому типу керамики Южного Приуралья [15, с. 34].

Немногочисленные памятники с гафурийским типом керамики в Зауралье в настоящее время исследованы в достаточно узком регионе — на берегах озера Аргази. Здесь же известны и наиболее южные иткульские металлургические центры. Естественно, что в процессе активных контактов кочевников степи с иткульскими металлургами в них было вовлечено и родственное иткульцам гафурийское население. По мнению Н. С. Савельева, не политические и не экономические контакты, а брачные связи населения зауральской лесостепи и степи явились определяющими в становлении у кочевников талькового керамического комплекса [Там же, с. 38]. С этим утверждением вполне можно согласиться, отметив лишь следующее. Во-первых, вероятно, существовали брачные связи кочевников Южного Зауралья не только с иткульским и зауральским гафурийским, но и с воробьевским и гороховским населением. Во-вторых, характерны они были, скорее всего, для начальной поры взаимодействия в условиях определенной этнополитической стабильности. В дальнейшем же, в условиях начавшегося политического и социально-экологического кризиса, определяющими, в том числе и в развитии талькового керамического комплекса, явились другие формы взаимодействия. В-третьих, нельзя недооценивать и постоянные сезонные контакты. Приход кочевников на летовки в Южное Зауралье, на границу степи и лесостепи, а также в предгорья

Сосуд савроматского времени. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). ЮУрГУ МНТУ

Урала неизбежно вызывал взаимодействия между племенами различного хозяйственно-культурного типа. В результате этих контактов, которые со временем становились постоянными, могли осуществляться те или иные формы обмена, в ходе которого степняки, вероятно, получали необходимые им продукты (например, дерево определенных пород, рыбий клей, смолу, рога оленя и лося и т. п.) и керамическую посуду. Последняя необходима была им в том числе и для погребального культа. Не исключено, что отдельные группы лесостепного и горнолесного населения Южного Урала изготавливали ее специально для кочевников, сообразуясь с их вкусами и запросами. И последнее — брачные контакты, очевидно, также носили сезонный характер.

В V–IV веках до н. э. иткульские металлурги по-прежнему оставались основными поставщиками меди, ее сплавов и готовых изделий племенам Прикамья. О наличии ананьинско-иткульских связей, помимо данных спектроаналитического исследования цветного металла, свидетельствуют находки в Прикамье керамики иткульского типа и фрагментов ананьинской керамики на поселениях горнолесного и лесостепного Зауралья. Сортамент иткульских изделий включает типы орудий труда,

в частности кельты, оружия и украшений, бытовавших в ананьинском мире. По-видимому, в V–IV веках до н. э., как и в предшествующее время, иткульские металлурги являлись тем звеном, которое соединяло с востока ананьинский мир с кочевниками Южного Урала, племенами урало-казахстанских степей. Показательно, что на Галкинском городище в Среднем Прикамье вместе с керамикой иткульского типа найдена обойма для перекрестных ремней с рельефным изображением головы хищной птицы, выступающей в вертикальной плоскости, и пальметкой в виде стилизованной головы птицы в профиль, аналогичная обойме из кургана 2 группы Маровый Шлях в Южном Зауралье. Появление в Прикамье иткульской керамики можно связывать с проникновением в этот регион групп иткульского населения — экспортеров цветного металла.

В плане ананьинско-иткульских связей особый интерес представляют материалы грота Шайтанозерский Каменный Остров I у железнодорожной станции Нейва-Рудянка и культового места на вершине горы Голый Камень в районе Нижнего Тагила. При исследовании грота найдены три сосуда иткульской культуры, а на Голем Камне вместе с бронзовыми наконечниками стрел обнаружена

Сосуды и кости животных
в коллективном погребении
савроматского времени.
Могильник Кичигино I
(VI–V вв. до н. э.)

керамика иткульского и ананьинского типа. Отметим также и пещерное святилище на камне Дыроватом на реке Чусовой, соединяющей Среднее Зауралье со Средним Приуральем и выводящей на Среднюю Каму в районе Перми. Кстати, близ Перми на «поселении» Заосиновском I найдена керамика иткульско-гамаюнского облика. При раскопках же пещерного святилища на камне Дыроватом обнаружено значительное количество бронзовых наконечников стрел, имеющих ближайшие аналогии в памятниках иткульской культуры и в погребальных комплексах кочевников Южного Зауралья.

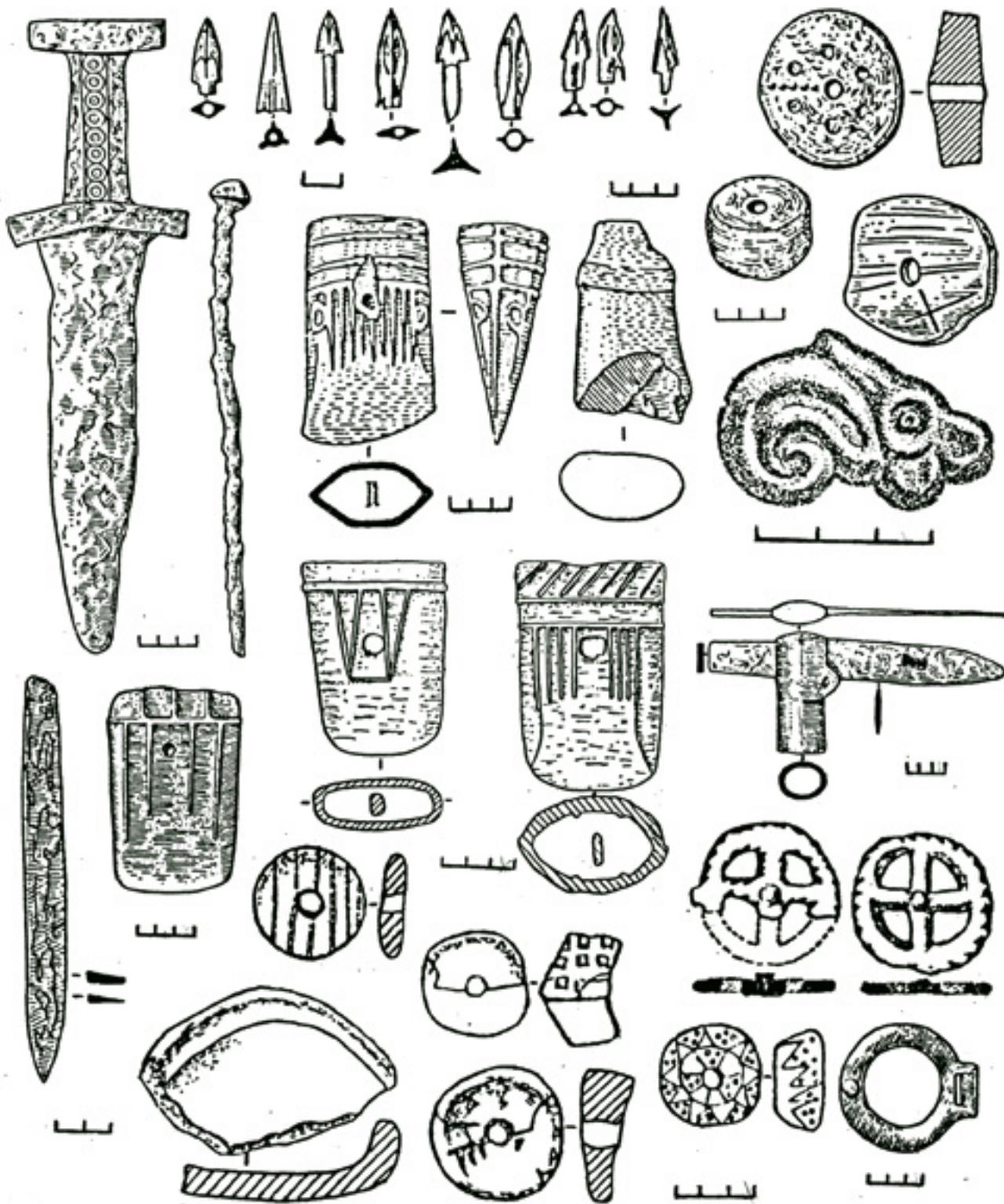
Проникновение групп иткульского населения — экспортеров цветного металла — осуществлялось, очевидно, и на северо-восток — в лесное Среднее Зауралье и, вероятно, далее в Нижнее Приобье. Об этом могут свидетельствовать находки в лесной зоне Зауралья иткульской керамики и бронзового птицевидного идола. Часть продукции иткульских металлургов поступала в бассейн Белой, в карабызские и приуральские гафурийские производящие центры. В этом плане интересные материалы получены недавно при исследовании пещерных памятников западного склона Южного Урала (Сикияз-Тамак, Сабакай, Еланлино и др.), где встречена

как иткульская, так и приуральская гафурийская керамика.

Иткульской медью и изделиями из нее (наконечники стрел, котлы, кельты и т. п.) снабжались лесостепные носиловские, баитовские и воробьевские племена, а также производящие центры саргатской и гороховской культур в Зауралье. Об этом могут свидетельствовать и данные спектральноаналитического исследования цветного металла с памятников гороховской культуры лесостепного Зауралья и саргатской культуры Среднего Притобоя и Северного Казахстана (городище Актау). Потребителями иткульского цветного металла и изделий из него являлись и кочевники Северного Казахстана, что было вызвано почти полным прекращением в это время поступления олова из районов Центрального и Восточного Казахстана. В лесостепном Зауралье устанавливаются даже специальные места обмена, одно из которых находилось на острове Каменные Палатки. В его западной части располагались металлургические площадки. В пределах этих площадок, а также в других частях острова обнаружены фрагменты сосудов ананьинской, иткульской и гороховской культур. Здесь же найден фрагмент жертвенника из красного песчаника.

Детали уздечки (псалий и обойма для перекрестных ремней) с изображением голов хищных птиц. Могильник Маровый Шлях (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

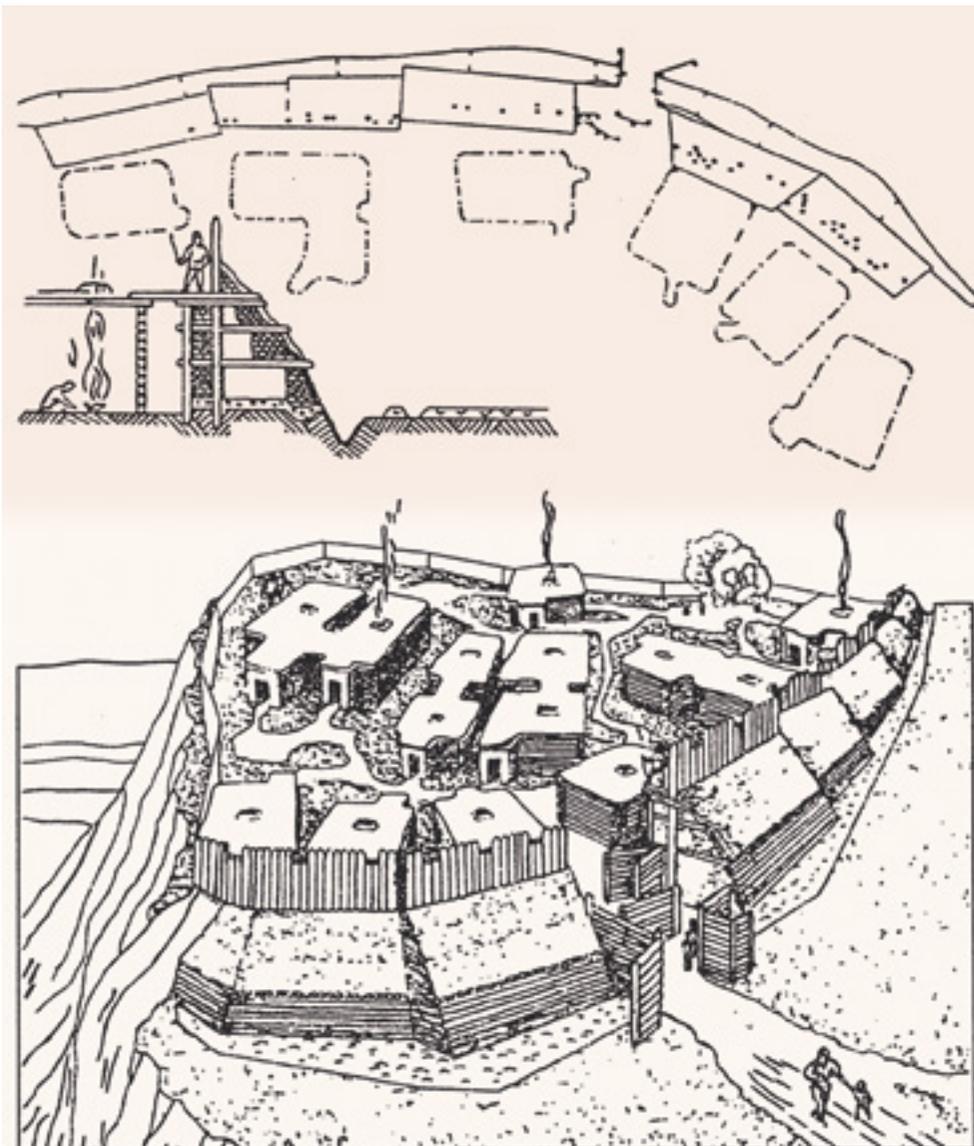
Инвентарь.
Баитовская культура

Контакты кочевников урало-казахстанских степей с племенами лесостепи, прослеживаемые еще с VII–VI веков до н. э., достигли своего расцвета в V–IV веках до н. э. В это время население лесостепи Зауралья и Западной Сибири подверглось интенсивному иранскому воздействию. Этим воздействием, по-видимому, обусловлены не только иранские заимствования в угорских языках, связанные с хозяйством, религией, социальными отношениями и военным делом, но и проникновение в мировоззрение древних угров элементов мировоззрения ираноязычных народов, в частности ряда космологических идей и «митраистского комплекса».

Усиление контактов с ираноязычными кочевниками степи в VI — первой половине V века до н. э. сопровождалось, вероятно, проникновением от-

дельных их групп в районы зауральской и западно-сибирской лесостепи. Возможно, этим проникновением и обусловлено происхождение некоторых уральских топонимов, в частности группы гидронимов с начальным «р» на юге Свердловской области, на границе лесостепи и леса.

Пришедшие в лесостепь группы переселенцев сыграли решающую роль в ускорении социально-экономического развития лесостепного населения, инициировав, в частности, переход к подвижным формам скотоводства. Они приняли участие в формировании саргатской (на востоке) и гороховской (на западе) культур. Последнее обстоятельство нашло отражение в погребальном ритуале, конструкции могильных ям, надмогильных сооружений, инвентаре и искусстве.

Митраистский

комплекс — комплекс представлений, обусловленных митраизмом. *Митраизм* — особая религия с культом Митры — божества индоиранского происхождения, связанного с дружелюбностью, договором, согласием и солнечным светом.

Городище Актау. Реконструкция М. К. Хабдулиной

Саргатская культура

Археологическая культура раннего железного века лесостепи Западной Сибири (V век до н. э.— V век н. э.). Выделена В. А. Могильниковым по материалам курганного могильника у села Саргатка Омской области. Ареал культуры в основном совпадает с большей частью лесостепной зоны Западной Сибири, краем захватывая северные участки степной и южные участки лесной зон. Западная и юго-западная границы территории распространения саргатской культуры очерчиваются низовьями Тобола, Пышмы, Тавды, средним течением Исети и Миасса. Выделяются локальные группы, или варианты единой культуры — барабинский, прииртышский, приишимский, притобольский. В Притоболье саргатская культура не является автохтонной. Сформировалась она в Прииртышье и отчасти в Приишимье на базе андроновидных культур лесостепи Западной Сибири при участии северного, сузгунского, компонента носителей саргаринской культуры, а также казахстанских и других южных и юго-западных кочевников. Во второй половине V века до н. э. начинается движение племен саргатской культуры на запад и в конце V — начале IV века до н. э. первые памятники культуры появляются в Среднем Притоболье. Столкнувшись здесь с племенами носителей баитовской и гороховской культур, «саргатцы» часть их ассимилировали, а часть оттеснили на север или на запад и северо-запад. В дальнейшем западными соседями саргатских племен Среднего Притоболья были носители гороховской культуры. Тесные связи «саргатцев» и «гороховцев» нашли отражение в общих чертах домостроительства, в формах и орнаментации керамики. Особенно тесными контакты племен гороховской и саргатской культур были в V–IV веках до н. э., продолжались они и в III–II веках до н. э., но постепенно ослабевали, что объясняется тем, что на рубеже IV–III веков до н. э. основная масса гороховского населения покинула зауральскую лесостепь, а оставшиеся группы были ассимилированы.

В развитии саргатской культуры Среднего Притоболья выделяются три этапа.

Первый этап — конец V — начало III века до н. э.— характеризуется долговременными поселениями, одно- и многокамерными жилищами сложной конфигурации (каркасно-столбовыми со срубными пристройками). Для этого времени характерны одиночные захоронения в курганах, которые окружались многоугольным замкнутым рвом, могильные ямы широкие прямоугольные, квадратные или овальные. Погребенные ориентированы головой на север и северо-запад. Инвентарь скифо-сарматских форм.

Второй этап — вторая половина III — I век до н. э. Поселения сравнительно недолговременные, жилища правильные четырехугольные, каркасно-столбовые. Характерны кучное расположение могил под центром насыпи, северо-западная и северо-восточная ориентировка погребенных. Могильные ямы прямоугольные, широкие или узкие. В инвентаре сочетание вещей сарматского, среднеазиатского и хуннского (китайского) происхождения.

Для третьего этапа — I–V века н. э.— характерны одно- и двухкамерные жилища с короткими коридорами или смежными помещениями. Погребальный обряд отличается многомогильностью и круговым расположением могил под насыпью. Появляется обряд сооружения нескольких рвов вокруг кургана, усиливаются проявления огненного культа, увеличивается количество сопроводительного инвентаря, особенно предметов центральноазиатского импорта.

Основу хозяйства саргатских племен Среднего Притоболья составляло скотоводство, находившееся в переходной стадии от пастушеского к отгонному. Разводили в основном лошадей и крупный рогатый скот, значительно меньше — мелкий рогатый скот. Обилие костей верблюда на поселениях свидетельствует о тесных торговых связях с Центральной Азией. Находки железных тесел, мотыжек, костяных рукояток составных пахотных орудий, а также серпов позволяют предполагать наличие у носителей саргатской культуры пойменного земледелия. Развита была и охота на крупных копытных (лось, косуля, благородный и северный олень), медведя и кабана, пушных зверей, боровую и водоплавающую дичь. Важное место в хозяйстве

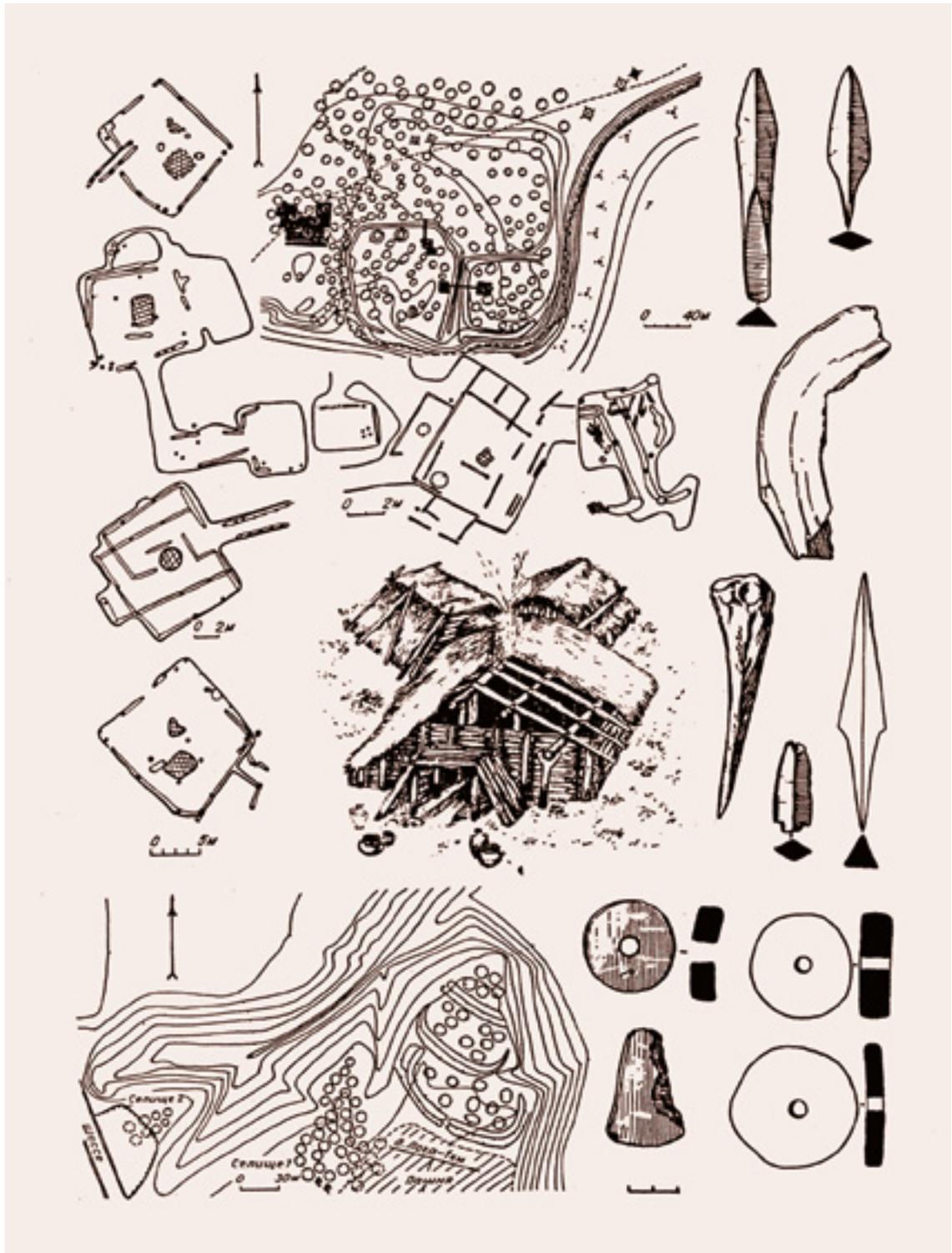
Погребальные памятники
конца V — начала III вв. до н. э.

Саргатская культура
Среднего Притобья
(по Н. П. Матвеевой)

саргатцев Среднего Притоболья занимало рыболовство, о чем свидетельствуют находки грузил, поплавков от сетей, костей и чешуи рыб. Находки на поселениях фрагментов литейных форм, обломков котлов и украшений, подготовленных к переплавке, ошлакованных стенок посуды и тиглей свиде-

тельствуют о наличии у «саргатцев» собственно бронзолитейного производства, для которого использовалось привозное сырье. Поставщиками слитков меди и готовых изделий, которые позднее в виде лома шли в переплавку, были племена иткульской культуры. Развито было и собствен-

Поселения,
инвентарь.
Саргатская
культура
Среднего
Притоболья
(по Н. П. Мат-
веевой)

ное железоделательное и железообрабатывающее производство. Традиционными занятиями можно считать прядение и ткачество, керамическое производство.

Саргатское общество, вероятно, было трехсловным. Два основных сословия — рядовые и аристократия — делились еще и на ранги согласно заслугам, выполняемым профессиональным ролям и имущественному положению. Зависимое население было незначительно и, видимо, связано с домашним рабством, обслуживанием лиц высокого статуса. Социальная неоднородность дополнялась имущественной. Системность памятников саргатской культуры, планомерность в расположении узлов обороны (городищ) вдоль границ свидетельствует о значительной централизации управления.

Этнолингвистическая принадлежность носителей саргатской культуры в настоящее время большинством исследователей определяется как смешанная «угорско-иранская», включающая в себя угорский субстрат (рядовое население) и иранский суперстрат (аристократия). Не исключается вхож-

дение в состав саргатской общности самодийских и прототюркских (хуннских) элементов. Вполне вероятно, что на позднем этапе развития саргатской культуры в состав ее носителей входили и угорско-тюркские популяции. В дальнейшем часть саргатских племен вошла в состав южной группы хантов и бакальской культуры. Носители саргатской культуры прослеживаются и в составе кушнаренковского и караякуповского населения Южного Приуралья, связанного с венгерским (мадьярским) этногенезом. Вероятно, часть «саргатцев» ушла в ходе Великого переселения народов вместе с гуннами на запад, в Европу.

Существенная роль кочевого иранского элемента в окончательном формировании саргатской и гороховской культур нашла отражение в наиболее популярной в настоящее время точке зрения о смешанной «угорско-иранской» этнической принадлежности носителей этих культур. Так, В. А. Могильников считал как саргатскую, так и гороховскую культуры многокомпонентными по своему генезису. Они, по его мнению, включали в себя

Воинское снаряжение мужчины элитарного сословия саргатской культуры. Реконструкция Н. П. Матвеевой

Тяжеловооруженный воин саргатской культуры. V–III вв. до н. э. Реконструкция А. И. Соловьева

угорский субстрат и иранский суперстрат с влиянием саков Северного Казахстана и Приаралья. Последний явился культурообразующим фактором и стабилизатором этнополитической структуры, занимая господствующее положение в среде саргатцев и гороховцев [13, с. 126]. Н. П. Матвеева предположительно определяет следующие этнические компоненты носителей саргатской культуры: восточноиранский (аристократия), потомки неразделенных индоиранцев (рядовое население южной лесостепи), угорский (обитатели подтаежной зоны Притоболья и Приишимья) и самодийский (население подтаежной зоны Прииртышья и Барабы). Причем ведущие субстратные компоненты саргатской культуры, с ее точки зрения, были, очевидно, иранскими. Рядовое население гороховской культуры было представлено южными уграми, в том числе протомадьярами, а аристократическое сословие — восточными иранцами или являлось смешанным с преобладанием восточноиранского компонента [10, с. 128; 11, с. 30, 32, 38; 12, с. 129].

Уже давно отмечено, что ряд аналогий в погребальном ритуале и конструкции надмогильных сооружений гороховской и саргатской культур уводят далеко на юг — в Приаралье. Речь идет о каркасно-столбовых конструкциях и настилах над погребениями, трупоположениях в могильных ямах со следами столбовых конструкций по углам, канавках по периметру могильной ямы, западной ориентировке погребенных и т. п. К строительным традициям Центральной Азии, очевидно, восходят и истоки гороховской, отчасти и воровьевской фортификации. Это обстоятельство заставляет предполагать проникновение отдельных групп сакского населения центральноазиатского междуречья в зауральско-западносибирскую лесостепь. С миграцией саков Приаралья связывается и проникновение в лесостепь Тоболо-Иртышского междуречья, так же как и в степное и лесостепное междуречье Оби и Иртыша и Верхнее Приобье, некоторых сюжетов звериного стиля, в частности изображения кошачьего хищника в позе «туловище в профиль, голова в фас».

Костюм женщины элитарного сословия раннесаргатского периода. Реконструкция Н. П. Матвеевой

Костюм знатного мужчины саргатской культуры. Реконструкция Н. П. Матвеевой

Костюм рядового мужчины саргатской культуры. Реконструкция Н. П. Матвеевой

Костюм рядовой женщины саргатской культуры. Реконструкция Н. П. Матвеевой

Сопоставление краниологических материалов из погребений раннего железного века западносибирской лесостепи с синхронными материалами из соседних регионов показывает, что наименьшее различие они обнаруживают с группами савроматского и сарматского времени Южного Урала, саками юго-восточного Приаралья и Казахстана, усунями Киргизии и Казахстана. Антропологические данные не противоречат и предположению о миграции в западносибирскую лесостепь в период формирования саргатской общности ранних сарматских кочевых племен. Причем динамика изменчивости монголоидной примеси у населения лесостепи позволяет полагать, что приток пришлого населения, в основном мужчин, не был, видимо, растянут во времени и был более или менее существенным только в период сложения саргатской общности, а на следующих этапах ее функционирования практически прекратился. Фиксируется также как минимум двухкомпонентность антропологического состава населения гороховской культуры. Один из компонентов — местного лесостепного зауральского происхождения, второй генетически связан, скорее всего, с популяциями савроматского и сарматского времени Южного Урала. Причем удельный вес европеоидного компонента, родственного сарматским популяциям, выше в составе населения гороховской культуры, чем в составе саргатских групп [3, с. 52–56].

Проникновение кочевых ираноязычных групп в состав аборигенного населения лесостепи поначалу, очевидно, сопровождалось установлением даннической зависимости последних. Тем самым принадлежность к кочевым, сакским по происхождению родам определяла знатность и высокий социальный статус носителей гороховской и саргатской культур. Вероятно также, что именно с кочевниками были связаны представители аристократии, погребенные в курганах обеих культур с шатровыми сооружениями. Иранское же происхождение родовой знати у саргатцев и гороховцев в дальнейшем давало широкие возможности для развития торговых контактов, брачной дипломатии, военно-политических связей с кочевыми племенами Южного Зауралья и Казахстана. Местное же угорское население, хотя и не сразу, но воспри-

няло основные элементы модели мира ираноязычных кочевников, их погребальной обрядности. Этим, вероятно, объясняется распространение курганного погребального обряда у гороховцев и саргатцев. Однако сакские черты в погребальной обрядности по-прежнему были присущи лишь военной аристократии.

Вместе с кочевниками степи в лесостепь проникают бронзовые трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники стрел «скифского типа», остававшиеся ведущими типами бронзовых наконечников на протяжении длительного времени, петельчатые удила и двудырчатые псалии, изготавливаемые, правда, преимущественно из кости и рога. Инфильтрацией кочевого сакского элемента в состав лесостепного населения объясняется и появление в лесостепи каменных жертвенников без ножек или на четырех коротких ножках. Позднее такие жертвенники изготавливались уже из глины.

Таким образом, мигрировавшие в лесостепь ираноязычные кочевники явились культуурообразующим фактором и стабилизатором этнополитической структуры, занимая господствующее положение в среде саргатцев и, вероятно, гороховцев, у которых были более выражены связи с кочевниками Южного Зауралья.

Итак, в начале V века до н. э. на территории зауральско-западносибирской лесостепи окончательно оформились, при участии и (или) под влиянием кочевых ираноязычных групп, саргатская (на востоке) и гороховская (на западе) культуры. Одновременно идут интенсивная консолидация гороховской и саргатской культур, процессы поглощения ими менее стабильных этнообразований лесостепи и интеграции пришлых кочевых групп. Причем у саргатских племен все это протекало несколько быстрее, чем у гороховских. Процессам, происходившим в лесостепи, способствовали благоприятные для развития скотоводства климатические условия региона в V–IV веках до н. э. Подъем скотоводческой экономики определил и рост населения, что, в свою очередь, обуславливало расширение ареала культур. Под влиянием же кочевого мира степи ускоряются процессы социального расслоения и обособления племенной аристократии.

Контакты кочевников степи с населением лесостепи были весьма разнообразны по форме, интенсивности, широте и глубине, по своему характеру, способу осуществления и функциональной направленности. Они могли быть постоянными, периодическими или эпизодическими, охватывать все слои общества или отдельные его страты, выступать в форме взаимодействия и (или) воздействия. По своему характеру и способу осуществления эти контакты могли быть военными или мирными, миграционными и инфильтрационными. Миграционные контакты — результат перемещения относительно больших групп людей, инфильтрационные — результат перемещения небольших групп или даже отдельных лиц (например, при смешанных браках, включении в военную дружину иноплеменников и т. п.). Контакты можно разделить

на хозяйственные, включая разделение труда между контактирующими обществами, социальные (массовые и элитарные), потестарно-политические и культурно-идеологические.

Все эти типы контактов менялись во времени и пространстве в соответствии с конкретно складывающимися и меняющимися обстоятельствами. В одно и то же время типы контактов с разными группами населения (гороховцы, иткульцы, саргатцы, гафурийцы и т. д.) могли быть разными. Различными в разное время могли быть и контакты с одной и той же группой населения. На том или ином отрезке истории преобладали те или иные типы контактов. Это зависело от множества трудноуловимых в настоящее время нюансов. Поэтому вряд ли стоит абсолютизировать ту или иную форму контактов, тот или иной их характер, способ осуществления, функциональную направленность, придавая им всеобщий, универсальный характер.

В относительно стабильные периоды, очевидно, преобладали постоянные хозяйственные, в том числе торгово-обменные контакты, инфильтрации, включая брачные связи, охватывающие не только элитарные, но и рядовые слои населения. В такие периоды открывались значительные возможности и для культурно-идеологических контактов, проводниками которых в обществах лесостепи выступала родоплеменная верхушка, связанная своим происхождением с кочевым миром. В периоды же политической и экологической нестабильности преобладали, скорее всего, потестарно-политические контакты военного характера, сопровождавшиеся миграционными процессами (включением в состав того или иного объединения достаточно крупных групп инородного населения). В целом же, характеризуя контакты населения урало-казахстанских степей и племен зауральско-западно-сибирской лесостепи, можно говорить о том, что начиная с V века до н. э. идет процесс постепенной «сарматизации» лесостепного населения.

Уже в V веке до н. э. гороховцы, очевидно, стали играть заметную роль во взаимоотношениях кочевников Южного Зауралья (шире — Южного Урала) с населением лесостепи. Одновременно носители гороховской культуры стали органической частью, поддерживающей баланс взаимоотно-

Жреческий комплекс (каменный жертвенник, бронзовое зеркало, минеральные краски). Курган у поселка Мирный (VI–V вв. до н. э.)

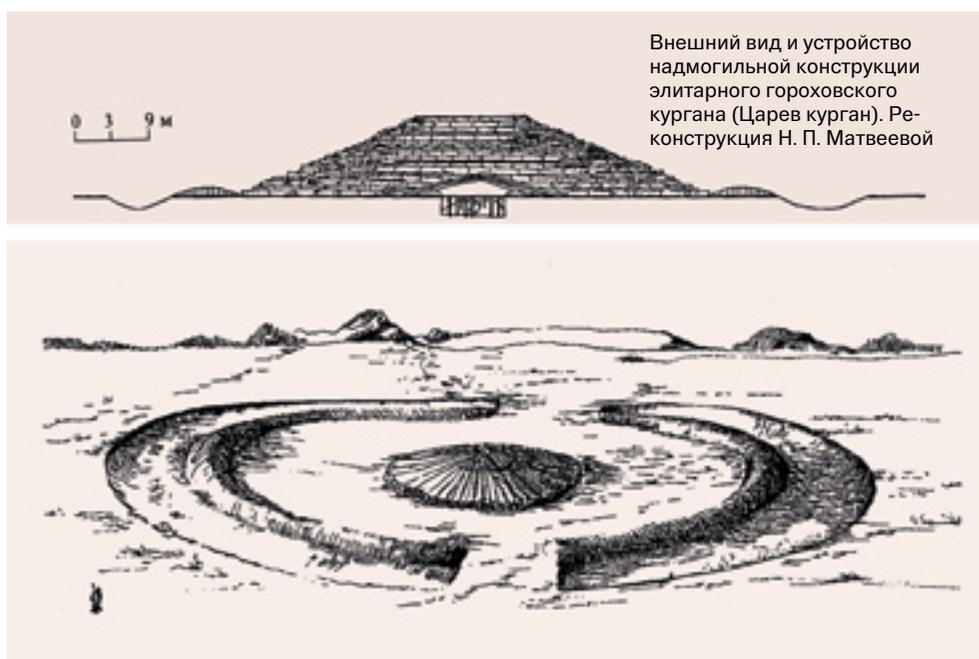
Каменный жертвенник со следами красной краски.

Курган у поселка Мирный (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

ношений в системе «оазис — степь — оазис». От состояния отношений с ними во многом зависело и снабжение кочевников металлом. Отношения эти, вероятно, носили в основном мирный характер, прерываемый отдельными военными столкновениями. Тесные связи, существовавшие между гороховскими племенами и кочевниками Южного Зауралья, документируются находками предметов савромато-сарматского облика на территории расселения гороховцев. Обусловлены же они были непосредственным соседством, близкими формами хозяйства и генетическим родством. Говоря о генетическом родстве, мы имеем в виду, что в формировании гороховской культуры помимо местного лесостепного населения, оставившего памятники воробьевского типа, приняли участие кочевые группы из Приаралья, а также кочевники Южного Зауралья VII–VI веков до н. э., носители бобровско-тасмолинской культуры. Инфильтрацией кочевников Южного Зауралья в лесостепь можно, вероятно, объяснить появление на Тоболе (могильник Скаты I) захоронений в могильных ямах с подбоем. Эти связи политического, экономического и матримониального характера явились причиной распространения уже в V веке до н. э. у кочевников Южного Зауралья круглодонной керамики с примесью талька в глине, близкой по форме, технологии изготовления и орнаментации гороховской.

В V веке до н. э. гороховцы активно осваивают земли воробьевских, баитовских и иткульских племен. В это время гороховская керамика появилась на баитовских, иткульских и гамаюно-иткульских городищах и поселениях (Рафайловское, Коровяковское, Шайдурихинское, Каменогорское, Серный Ключ, Носиловское 2, Баитовское 1 и 3 и др.). Судя по находкам керамики, отдельные воробьевские группы, обитавшие ранее на средней Исети, в результате гороховского давления проникли в верхья Миасса, Исети, на Багаряк, где складываются относительно крупные укрепленные поселения, заселенные смешанным населением (Красный Камень, Зотинские II и III, Дальнее Багарякское, Каменогорское).

В это же время на месте Воробьевского городища эпонимной культуры была возведена трехплощадочная гороховская крепость со сложной системой фортификации. Кольцевые гороховские и сходные с ними укрепления с фигурной линией фортификации распространились в Притоболье, низовьях Синары, на Нижней и Средней Исети. Как показала стратиграфия Носиловского городища и ряда других памятников Среднего Притоболья, прослеживается определенная тенденция к распространению гороховских памятников на восток, вытеснению баитовцев и заселению баитовских территорий. С этим расширением ареала

Внешний вид и устройство надмогильной конструкции элитарного гороховского кургана (Царев курган). Реконструкция Н. П. Матвеевой

Эпонимный памятник (от *эпоним* — дающий чему-либо свое имя) — археологический памятник, по которому названа археологическая культура, ее вариант или этап. Например: ананьинская культура раннего железного века Среднего Поволжья и Прикамья названа по первому открытому могильнику у села Ананьино близ Елабуги (Татарстан), раскопанному в 1858 году.

гороховской культуры в V веке до н. э. связывается и проникновение гороховского населения в Месягутинскую лесостепь (Северо-Восточная Башкирия). В конце V — начале IV века до н. э. гороховцы уже занимали северную зауральскую лесостепь от восточного склона Урала до Среднего Тобола.

Вероятно, под воздействием носителей гороховской культуры у отдельных групп иткульского населения появляется обряд грунтовых захоронений, хотя здесь не исключено и влияние кочевого населения степной части Южного Зауралья. Число исследованных и опубликованных иткульских погребений крайне мало, чтобы охарактеризовать погребальный обряд, и потому данный вывод, естественно, носит предварительный характер. Тем не менее один из иткульских могильников — Березки VIIIa — находится на берегу озера Аргазы, где в могильнике Березки Vб исследованы как гороховские погребения, так и раннекочевническое захоронение VII–VI веков до н. э. Гороховские погребения присутствуют также в могильниках Березки Vг и Березки Ve.

К концу V века до н. э. в Южном Зауралье оформляются две основные модели взаимодей-

ствия населения степи и лесостепи. Первая, «иткульская», являлась более ранней. Судя по археологическим данным, первые контакты кочевников степи с обитателями поселений восточного склона Урала относятся к VII веку до н. э. Первоначально они носили военно-грабительский характер и были обусловлены стремлением кочевников овладеть источниками поступавшего в степь цветного металла. Результатом военной активности номадов явилось установление системы даннических отношений: в обмен на гарантии «покровительства» иткульские племена поставляли кочевникам цветной металл и изделия из него. При этом иткульские племена, очевидно, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарная и экономическая общность. Военно-грабительский характер первых контактов, а в дальнейшем и даннические отношения привели к почти полному отсутствию культурно-идеологических контактов между «иткульцами» и кочевниками. Их взаимоотношения, не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего элитарные группы населения.

Глиняный сосуд савроматского времени. Курган у села Наваринка (VI–V вв. до н. э.). ГИМЮУ

Глиняный сосуд савроматского времени. Курган у села Наваринка (VI–V вв. до н. э.). ГИМЮУ

Курган савроматского времени Шихан (Уба-Тай) (VI–V вв. до н. э.)

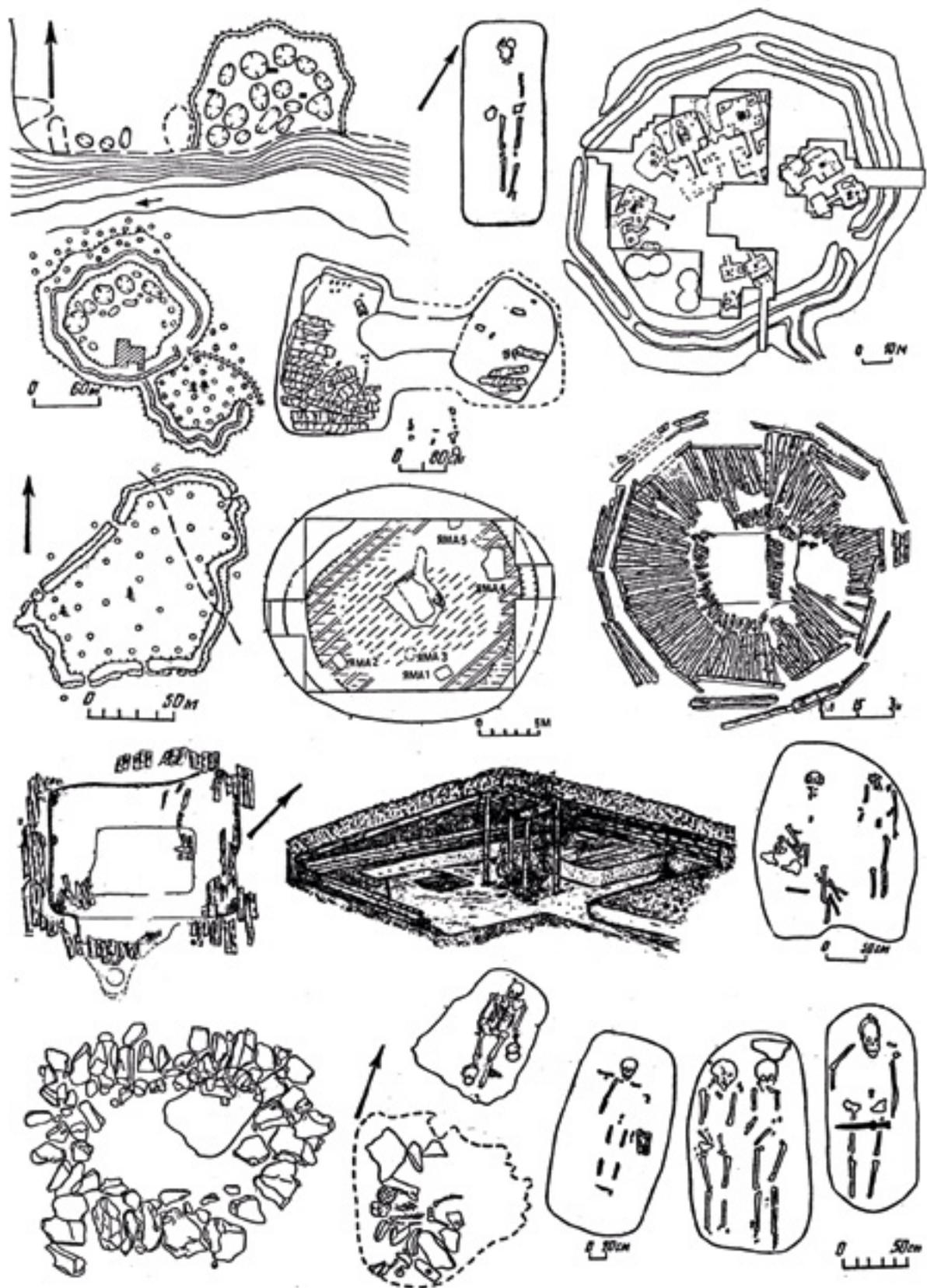
Формирование второй, «гороховской», модели связано с миграцией в конце VI — начале V века до н. э. групп ираноязычных кочевников Южного Зауралья и Приаралья в лесостепи Зауралья и Западной Сибири. Эти группы сыграли решающую роль в ускорении социально-экономического развития западносибирского населения и приняли участие в формировании гороховской и саргатской культур. Последнее обстоятельство нашло отражение в погребальном ритуале, конструкции могильных ям, надмогильных сооружений, инвентаре, фортификации и искусстве. Принадлежность к кочевым, сакским по происхождению родам определяло знатность и высокий социальный статус носителей гороховской и саргатской культур. Сакское же происхождение родовой знати в дальнейшем давало широкие возможности для развития хозяйственных, социальных, потестарно-политических и культурно-идеологических контактов с кочевыми племенами Южного Зауралья и Казахстана. Причем контакты эти охватывали не только элитарные, но и рядовые слои населения.

Рассматривая памятники конца VI — V века до н. э., оставленные номадами Южного Зауралья, являющимися частью этнопотестарного объединения ранних кочевников Южного Урала, нельзя не обратить внимания на одно весьма примечательное обстоятельство: большинство аналогов ряду предметов материальной культуры находится далеко на востоке — в Семиречье, Юго-Восточном Казахстане, в лесостепи и степи Обь-Иртышья, в Верхнем

Приобье, в предгорных районах Алтая, Туве, Минусинской котловине, в северных и северо-западных районах Китая. Причем большинство этих предметов относятся к концу VI — началу V века до н. э.

Одним из наиболее ранних памятников обрубчатого этапа (вторая половина VI — V век до н. э.) в Южном Зауралье является курган у села Варна. Здесь найдены два жертвенных комплекса, состоящих из наборов конской уздечки. Находились они к юго-западу от центра кургана, в 2,2 метра от внешнего края рва и 8,5 метра друг от друга. Уздечные бляшки с петлей на обороте (пуговицеобразные пронизи), аналогичные варненским, в комплексе со стремевидными удилами известны в Центральном Казахстане, Семиречье и Восточном Казахстане, в Приаралье, на Алтае и в Туве. Среди варненских удили есть пара довольно редкой формы — стремевидные с отверстием в форме «шахматной пешки». Подобные удила найдены в памятниках VIII–VI веков до н. э. Алтая и Тувы.

Находки бронзовых удили, иногда с псалиями, у внутреннего или внешнего края каменных кольцевых оградок зафиксированы в Северном, Центральном и Восточном Казахстане, а также на Алтае. Характерной чертой погребального обряда носителей алды-бельской культуры Тувы VII–VI веков до н. э. являлось помещение близ уровня древней поверхности, у края могильных ям, уздечных наборов. Помещение конской сбруи на древнем горизонте, в стороне от могильной ямы, известно и на других территориях к востоку от Урала.

Поселения, жилища,
погребальный обряд.
Гороховская культура

Железные удила и псалии найдены и под камнями крепиды южнозауральского кургана 2 могильника Обручевского (конец VI — начало V века до н. э.).

Детали конской узды, пронизи для перекрестных ремней, пуговицеобразные пронизи, бляшки и т. п. с орнаментом в стиле солярно-вихревой розетки на щитке, аналогичные варненским, известны, кроме памятников второй половины VI — V века до н. э. Южного Приуралья, в комплексах VII–VI веков до н. э. Центрального Казахстана, Приаралья, Тувы и Алтая.

В зверином стиле южноуральских кочевников есть мотивы и особенности трактовки, связанные с сако-массагетским звериным стилем (Тагискен, Уйгарак) и близким стилем Казахстана (тасмолинская культура) и Алтая (пазырыкская культура). Одним из таких мотивов является изображение архара (козла), которое, безусловно, было заимствовано с юга, из горных областей Южной Сибири и Центральной Азии. Образ этот, вообще не характерный для скифского искусства, часто встречается в Южной Сибири, известен он и среди предметов звериного стиля в Приаралье, в Северном и Центральном Казахстане и Семиречье. На

этих же территориях найдены и предметы с изображением пары противопоставленных голов горных козлов. Но наиболее близко южнозауральским (обручевскому и кайранкульскому) изображение на пряжке из могильника Кайрактас в Семипалатинской области.

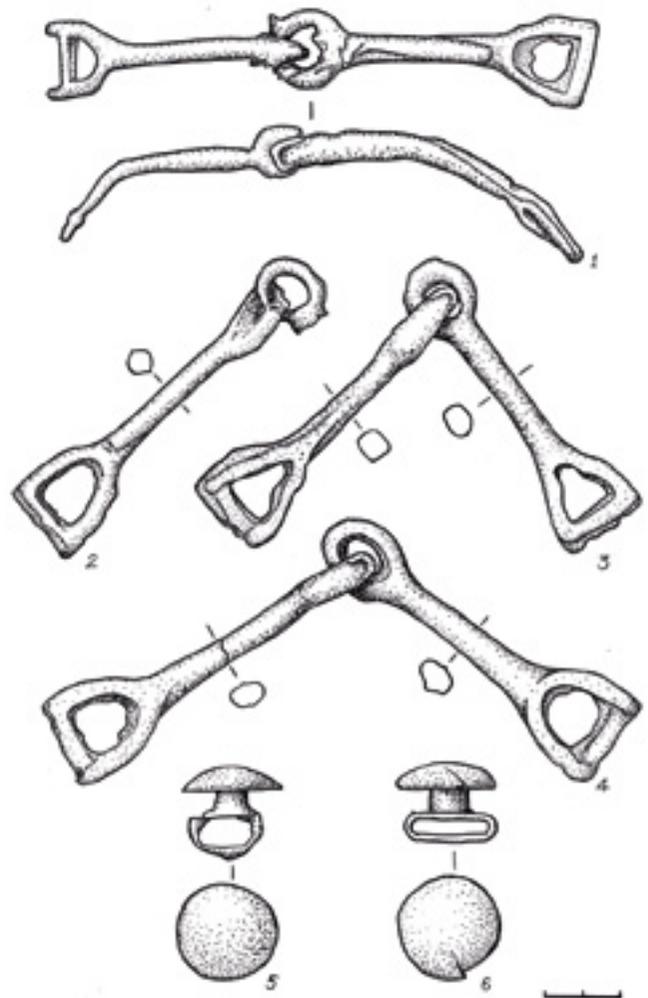
Среди образов верблюдов в искусстве ранних кочевников Евразии в качестве самостоятельной группы выделяют одиночные фигурки стоящего верблюда без рамки. Встречены они в памятниках Южного Приуралья, Киргизии, Алтая, Минусинской котловины, Северной Монголии и Северного Китая. Но особенно много их в Южном Приуралье и Северном Китае.

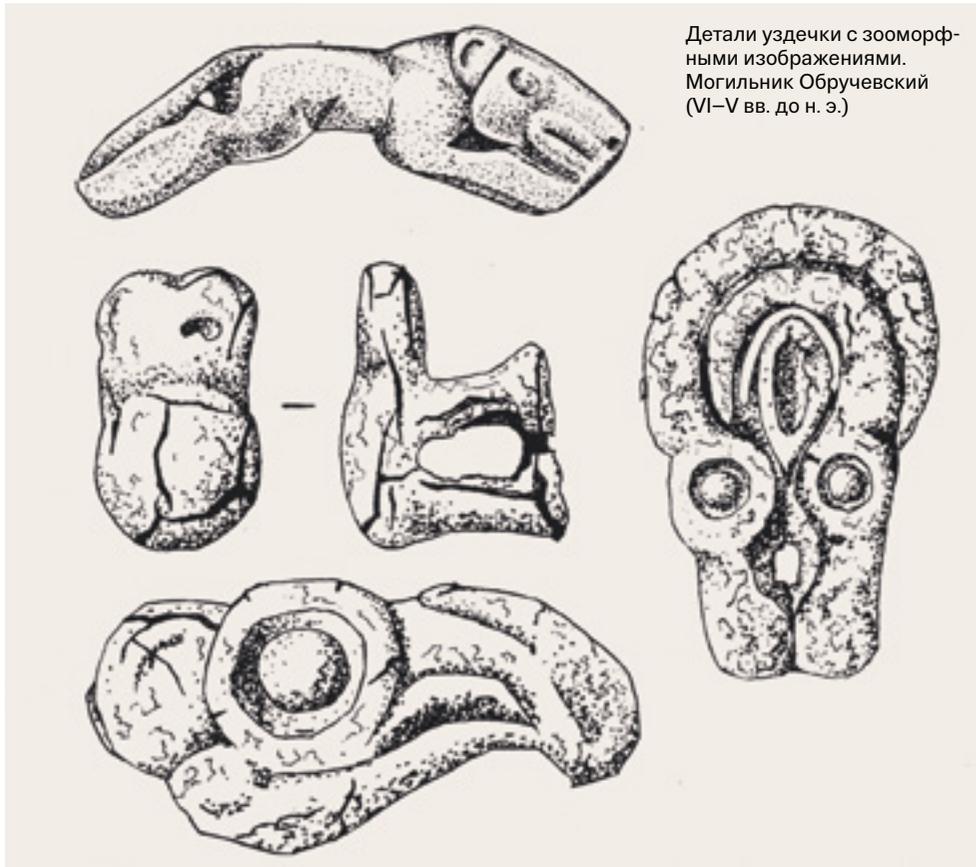
В алды-бельских (Тува), майэмирских (Алтай) и тасмолинских памятниках найдены произведения искусства, выполненные в манере «загадочной картинки», или «головоломки» (композиционный прием, предусматривающий взаимовписывание контуров фигур изображаемых животных, созданный в историко-культурном регионе Внутренней Азии и существовавший здесь на протяжении всего скифского времени). Предметы, выполненные в этой манере, известны в Южном Зауралье

Бляшки уздечного набора савроматского времени. Курган у села Варна (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Уздечный набор 2 савроматского времени. Курган у села Варна (VI–V вв. до н. э.)

Детали уздечки с зооморфными изображениями. Могильник Обручевский (VI–V вв. до н. э.)

Алды-бельская культура — археологическая культура раннего железного века на территории Тувы и прилегающих районов Монголии (VIII–VI века до н. э.).

Пазырыкская культура — археологическая культура раннего железного века на территории Горного Алтая (вторая половина VI — III век до н. э.). Основная концентрация памятников в пределах российского Алтая. С севера ограничивается степными районами; на юге, в Монгольском Алтае, — южными склонами Салюгемского хребта, на востоке — территорией Тувы, на западе — западными склонами Алтая в пределах Казахстана.

в памятниках бобровско-тасмолинской культуры, а в обручевское (древнепрохоровское) время — в памятниках Южного Зауралья и Южного Приуралья.

В восточных областях Евразии есть и изображения кошачьего хищника, стилистически близкие к обручевским. На территории Южного Приуралья встречено, насколько известно, единственное изображение бегущего хищника, близкое к обручевскому. Хотя в аналогичной манере изображена голова хищника на роговой пластине из кургана 2 могильника Покровка 1 на Илеке (не позднее V века до н. э.). Можно отметить также и определенную близость золотых бляшек со штампованным изображением припавшего к земле хищника из кургана Куйбас в Южном Зауралье и могильника уюско-саглынской культуры Кош-Пей в Туве.

Пряжки с неподвижной кнопкой или крючком для закрепления ремня и пряжки с прямоугольной или трапециевидной рамкой без подвижного язычка, являющиеся частью сбруи из кургана у хутора Черниговского в Челябинской области, наиболее

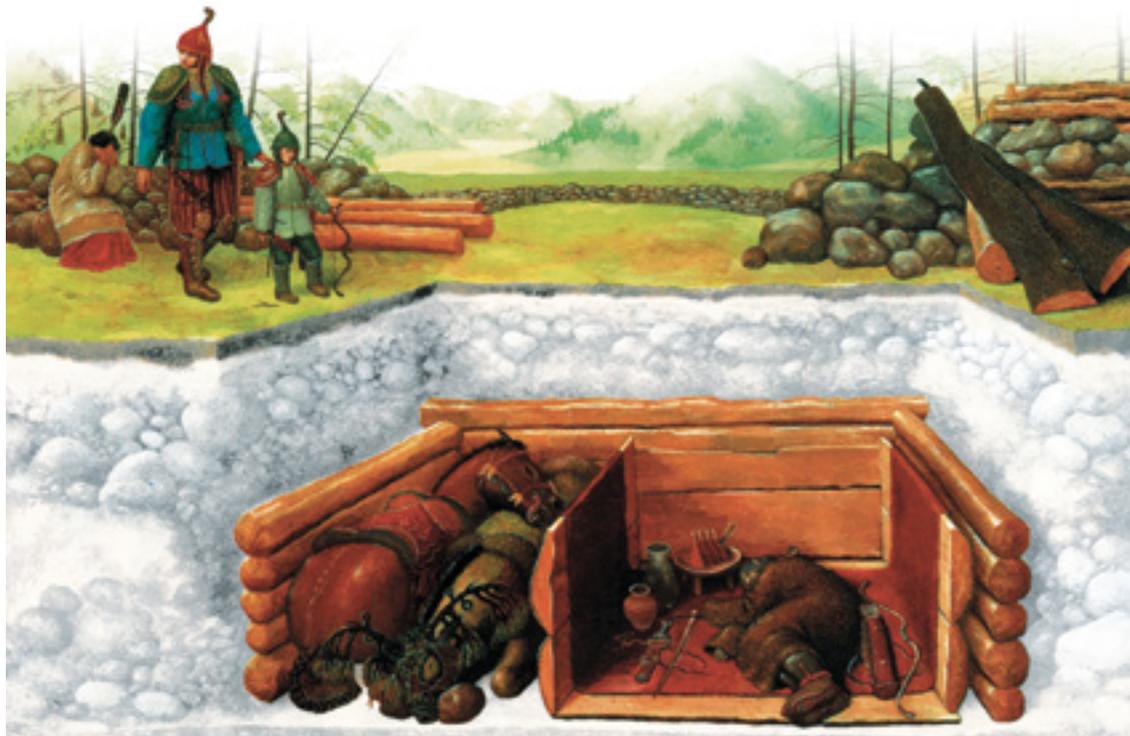
широко были распространены в скифское время на Алтае и в Южной Сибири. Известны они в Киргизии и Казахстане. На Южном Урале в памятниках конца VI — начала V века до н. э. известно еще несколько таких пряжек.

Ряд кинжалов из погребений второй половины VI — начала V века до н. э. и случайных находок из Южного Зауралья относятся к группе мечей и кинжалов с зооморфным навершием в виде двух противопоставленных голов хищных птиц или ушастых грифонов. Несколько экземпляров мечей и кинжалов обоих типов происходят из случайных находок и погребений этого же времени на Южном Приуралье. Немногочисленные мечи с такими навершиями известны в Северном Причерноморье (противопоставленные головы хищных птиц) и Прикамье (противопоставленные головы ушастых грифонов). Здесь они рассматриваются как результат связи с восточными районами Евразии, и вполне вероятно, что появились они под влиянием кочевников Южного Урала.

Саглынская культура — археологическая культура раннего железного века на территории Тувы и прилегающих районов Монголии (V–III века до н. э.).

Староалейская культура — археологическая культура раннего железного века, распространенная на правом и отчасти левом берегу Оби на участке от устья Чемровки до устья Барнаулки (вторая половина VI — III век до н. э.).

Костяное навершие с зооморфными изображениями.
Курган у села Варна
(VI–V вв. до н. э.). ГИМЮУ

Погребение пазырыкской культуры.
Реконструкция А. И. Соловьева

Кроме мечей и кинжалов на Южном Урале (под Орском и на Илеке) в памятниках второй половины VI — V века до н. э. известны и другие предметы с изображением противопоставленных голов ушастых грифонов. Вообще мотив противопоставленных голов грифонов на Южном Урале может рассматриваться как влияние традиций сакского искусства Казахстана и Сибири.

К востоку от Урала навершия кинжалов в виде противопоставленных голов ушастых грифонов известны в Семиречье и Восточном Казахстане (не позднее конца V века до н. э.), Западной Сибири (V–IV века до н. э.), на Алтае (вторая половина VI — IV век до н. э.), в Туве, Минусинской котловине (V–IV века до н. э.) и Монголии (V–III века до н. э.). Но время наибольшей популярности кинжалов с на-

Золотая бляшка с изображением припавшего к земле кошачьего хищника.

Курган Куйбас (VI–V вв. до н. э.). ГИМЮ

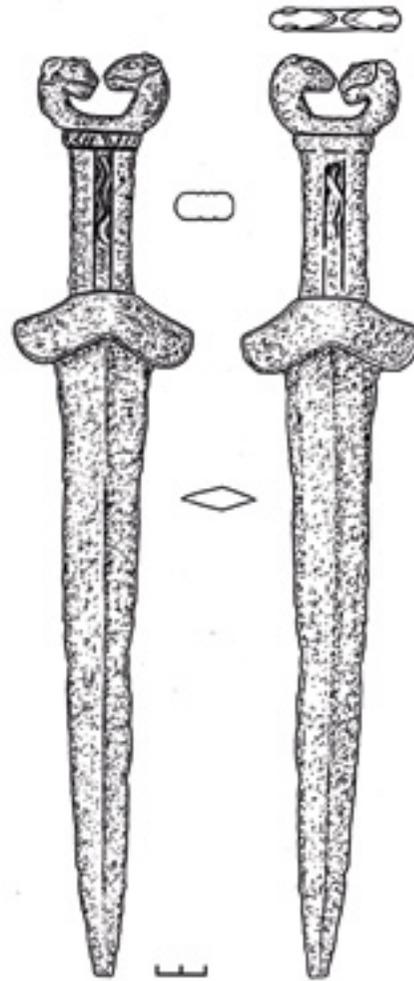

Сбруйная пряжка с щитком, оформленным в виде стилизованной головы грифо-барана.

Случайная находка (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУргу

вершием в виде грифонов и бабочковидным перекрестием падает на первую половину V века до н. э. Хотя самые ранние образцы оружия этого типа появились, вероятно, в конце VI века до н. э., а последние продолжали бытовать еще в третьей четверти V века до н. э. Кинжалы этого типа известны и в Северном и Северо-Западном Китае. Здесь же встречены и различного рода бляшки с изображениями хищных птиц и ушастого грифона. Аналогичные северокитайским поясные бляшки с изображением противопоставленных голов грифонов найдены и в памятниках староалейской культуры Верхнего Приобья, а также в Туве.

Одни исследователи считают, что родиной кинжалов с навершием в виде противопоставленных голов ушастых грифонов являются, вероятно, Ка-

Железный кинжал савроматского времени (VI–V вв. до н. э.). Случайная находка у села Долгодеревенское

захстан, Алтай и Центральная Азия. Другие считают, что территория, где происходило формирование кинжалов этого типа, — это Алтай, и уже отсюда они были заимствованы племенами Казахстана и Южного Урала. Однако головки ушастых грифонов в Южной Сибири, Казахстане и на Южном Урале появляются одновременно — в VI веке до н. э.

В кургане у села Котлик в Южном Зауралье вместе с кинжалом с навершием в виде противопоставленных голов ушастых грифонов найден железный нож, конец рукояти которого оформлен в виде головки грифона. Основной областью распространения ножей с головкой животного или птицы на конце рукояти является Южная Сибирь. Встречены они на Алтае, в Семиречье, на Средней Сырдарье. Бронзовый нож с зооморфным (голова волка) окончанием рукояти, практически полностью аналогичный ножу из Семиречья, найден

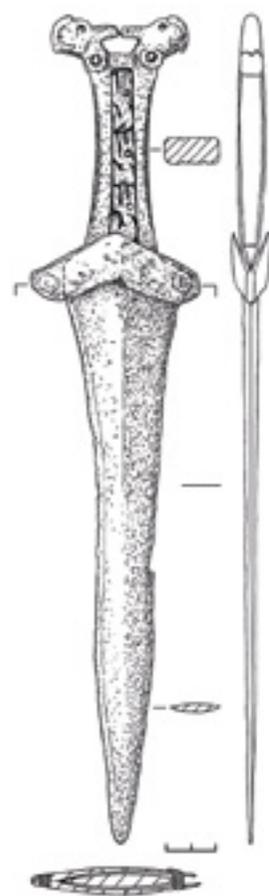
в могильнике Фирсово XIV староалейской культуры Верхнего Приобья. На запад от Урала известны три подобных ножа, наиболее близкие аналоги которых происходят из материалов карасукской и тагарской культур Южной Сибири.

Следует подчеркнуть, что традиция оформления окончаний рукоятей ножей и наверший кинжалов зооморфными изображениями, не характерная для западных регионов Евразии, широко распространяется во Внутренней Азии еще в позднебронзовое время. В начале VII века до н. э. эта традиция вместе с ее носителями проникает на Алтай и в урало-казахстанские степи, но не получает здесь широкого распространения. К раннесакскому времени

в урало-казахстанских степях относятся лишь два кинжала с зооморфными изображениями на навершии, найденные у сел Мариинское в Южном Зауралье и Рассвет в Северном Казахстане. Со второй половины VI века до н. э. эта традиция получает распространение на Алтае, в Семиречье и в степях Южного Урала, а отсюда проникает в степь и лесостепь Восточной Европы.

В нескольких южноуральских погребениях второй половины VI — первой половины V века до н. э. найдены серьги с подвеской в виде цепочки. Иногда цепочка заканчивается подвеской в форме трех- или четырехлопастного «семечка». Такие же серьги, вероятно, бытовали и у племен горохов-

Воин лесостепного Приобья. V–III вв. до н. э. Реконструкция А. И. Соловьева

Железный кинжал савроматского времени (V в. до н. э.). Варненский район. Случайная находка

Акинак с навершием в виде противопоставленных голов орлиных грифонов (по И. Тасмагамбетову)

Каменные и стеклянные бусы. V–IV вв. до н. э. Западный Казахстан (по И. Тасмагамбетову)

Каменная культура — археологическая культура раннего железного века на территории степной части Алтайского края и на пограничных с ним территориях Новосибирской и Павлодарской областей (вторая половина VI — III век до н. э.).

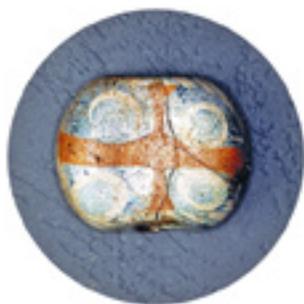
Стеклянные бусы. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Золотая серьга. VI–V вв. до н. э. Могильник Бесоба. Западный Казахстан (по И. Тасмагамбетову)

Золотая серьга. V–III вв. до н. э. Могильник Лебедевка. Западный Казахстан (по И. Тасмагамбетову)

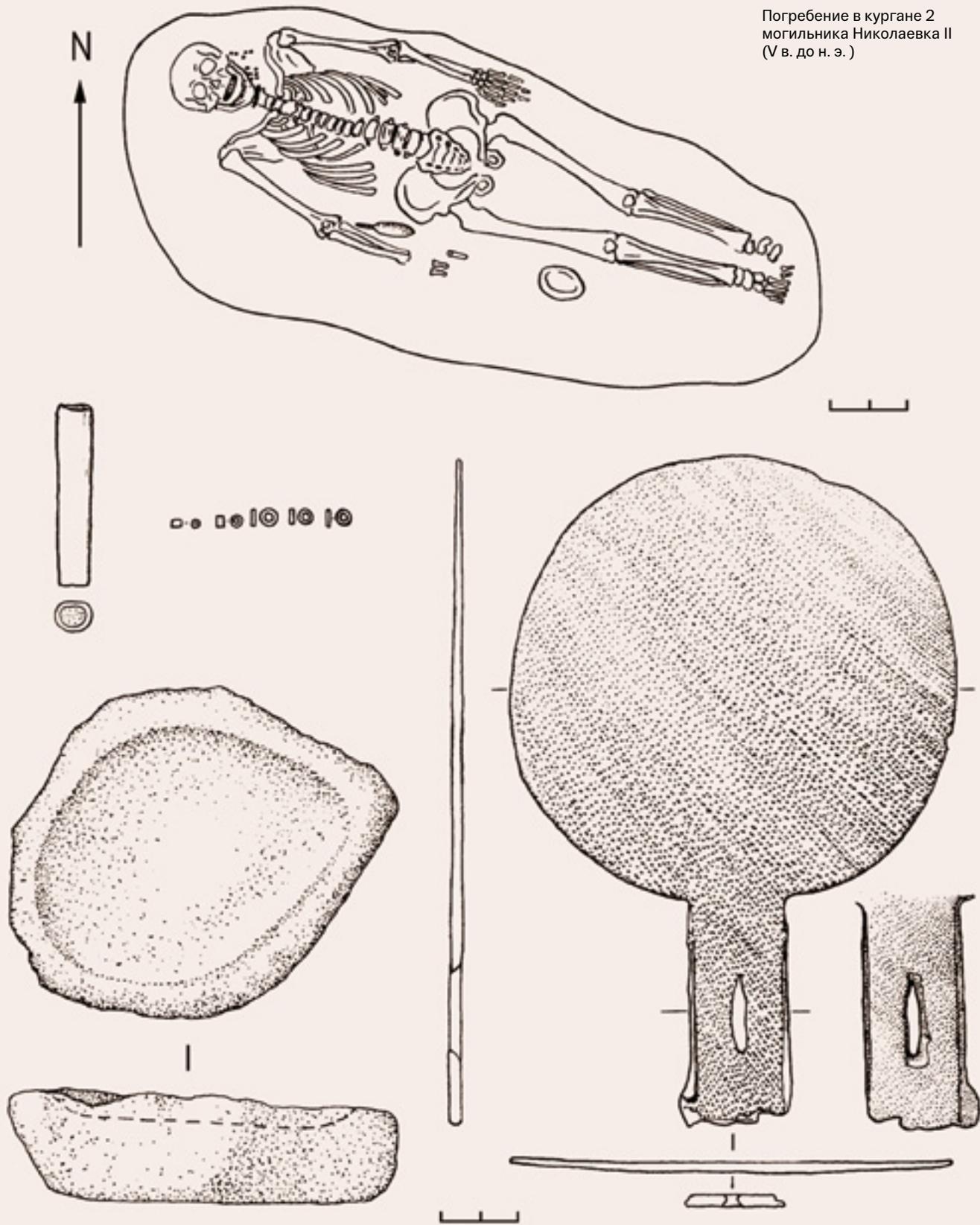
Стеклянная бусина. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

ской культуры лесостепного Зауралья. Большое количество сережек этого типа найдено в памятниках староалейской культуры Верхнего Приобья, встречены они и в памятниках Горного Алтая, Тувы и Северного Китая (Внутренняя Монголия). Серьга иной конструкции, но также заканчивающаяся трехлопастной «семечковидной» подвеской, найдена в предгорьях Алтая, в курганном могильнике

Елунинский II (VI–V века до н. э.) каменной культуры, наибольшее количество ее аналогов происходит из крупных богатых курганов Тувы и Горного Алтая. По-видимому, серьги с подвеской в виде цепочки являются характерной этнической чертой староалейской культуры. Вероятно, этот тип украшений сложился в VI веке до н. э. в сакской среде переселенцев в Верхнее Приобье. Следует отметить, что сложение староалейской и каменной культур происходило под мощным влиянием сакских племен.

В памятниках староалейской культуры конца VI — V века до н. э. найдены и «личинные бусы» —

Погребение в кургане 2
могильника Николаевка II
(V в. до н. э.)

уплощенные, синего или голубого стекла с белыми и желтыми парными глазками (иногда в ободках) и белыми, желтыми и голубыми лентами. Встречены они и на других памятниках конца VI — IV века до н. э. (в основном V века до н. э.) Алтая и прилегающих к нему территорий.

Такие же бусы, а также синие или голубые бусы с тремя глазками того же цвета в белых ободках появляются на Южном Урале на рубеже VI–V веков до н. э. и бытуют здесь почти исключительно в конце VI — первой половине V века до н. э. Изредка такие бусы встречаются в комплексах этого же или несколько более позднего времени к западу от Урала.

В степном Зауралье в погребениях конца VI — V века до н. э. в комплексах с бусами, описанными выше, встречаются плоские круглые голубые или зеленоватые крупные бусины с четырьмя глазками в белых ободках и крестообразной фигурой между ними. В небольшом количестве известны они и в Южном Приуралье. Точно такие же бусины найдены в грунтовом могильнике Обские Пески 2 староалейской культуры. Единственная аналогичная бусина к западу от Южного Урала происходит из Песочинского могильника на окраине Харькова.

В двух погребениях Южного Приуралья второй половины VI — начала V века до н. э. найдены золотые серьги с конусовидной подвеской, гладкой или украшенной зернью. Золотые серьги этого типа чаще всего встречаются в комплексах VII–V веков до н. э. Тувы и Алтая. Известны они в Центральном Казахстане и Нижнем Поволжье.

Еще одной находкой, указывающей на связи с восточными районами Евразии, можно считать железные удила с псалиями из кургана Сара в Южном Приуралье. Находки бронзовых удили этой схемы в Восточном Казахстане, Минусинской котловине, Китае и Центральном Казахстане указывают на их восточное происхождение.

В южноуральских памятниках конца VI — рубежа IV–III веков до н. э., но главным образом конца VI — V века до н. э., известны зеркала с длинной плоской металлической ручкой, отлитой вместе с плоским диском, который иногда имеет слегка отогнутый и заостренный край. В более позднее время, чем на Южном Урале, они появляются

Бронзовое зеркало савроматского времени. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

в Поволжье и на более западных территориях, что связано с началом проникновения ранних кочевников задонских, поволжских и, возможно, южноуральских степей в Скифию. За пределами Южного Урала они встречены в Северном и Центральном Казахстане, на Алтае, в Киргизии, Семиречье, Центральной Азии. Причем у некоторых алтайских и семиреченских экземпляров в нижней части рукоятки имеется отверстие, как и у зеркала из погребения 2 кургана 2 могильника Николаевка II в Южном Зауралье. Совершенно справедливое мнение, связывающее происхождение зеркал этого типа с Ираном и Центральной Азией, где они известны еще с эпохи бронзы (а возможно, и с более раннего времени), требует некоторой корректировки. Дело в том, что зеркала этого типа (с отверстием на конце рукоятки) найдены в погребениях культуры чачуху (гоукоу) в Восточном Туркестане, датируемой XI–VI веками до н. э.

На рубеже VI–V веков до н. э. на Южном Урале распространяются и зеркала с круглым или слегка овальным диском и отлитой вместе с диском короткой плоской ручкой, известные в двух

Раскопки кургана савроматского времени. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

вариантах: с плоским диском и с диском, имеющим загнутую под тупым углом закраину. Зеркала этого типа бытуют в савроматское и раннесарматское время, когда они становятся менее массивными и уменьшаются в размерах. Зеркала с короткой боковой ручкой, иногда с отверстием на ней, изредка встречаются также в Северном и Центральном Казахстане. Эта форма зеркал, по мнению ряда исследователей, также имеет восточное (иранское и центральноазиатское) происхождение. Хотя раньше, с VII–VI веков до н. э., они появляются в Горном Алтае и Восточном Казахстане. Следует отметить, что ранние (VII–VI века до н. э.) зеркала Горного Алтая имеют достаточно длинную ручку, хотя и гораздо более короткую, чем южноуральские. Зеркала же с короткой боковой ручкой найдены здесь в памятниках, датированных концом VI — V веком до н. э.

Близость памятников второй половины VI — начала V века до н. э. Южного Урала, Семиречья, Юго-Восточного Казахстана, лесостепи и степи Обь-Иртышского междуречья, Верхнего Приобья, Тувы, Минусинской котловины и Ордоса, фиксируемая прежде всего по предметам погребального инвентаря, является следствием исторических процессов, протекавших во второй четверти — середине VI века до н. э. во Внутренней Азии (Монголия, Северный и Северо-Западный Китай). Скорее всего, речь может идти об изменении соотношения сил в среде кочевых объединений, вызвавшем перемещение племен, главным образом, внутри региона. В основе же этих процессов лежат, по нашему мнению, климатические условия региона в VII —

первой половине V века до н. э.

По данным палеоклиматических исследований, самое сильное похолодание за последние 5000 лет пришлось на середину I тысячелетия до н. э. (650–280 годы до н. э.). Это так называемое похолодание ранней субатлантической эпохи. В первой половине V века до н. э. фиксировались наиболее низкие температуры за период с середины I тысячелетия до н. э. до середины VII века н. э. В этот период наиболее крупное потепление, пришедшее на конец V — середину IV века до н. э., на рубеже V–IV веков до н. э. прерывалось коротким, но интенсивным похолоданием. В IV веке до н. э. и на рубеже II–III веков н. э. фиксировались наиболее высокие температуры за период с середины I тысячелетия до н. э. до середины VII века н. э. По новым, уточненным данным, похолодание ранней субатлантической эпохи характеризуется как ассиметричный двойной холодный эпизод, в котором два этапа похолодания были разделены кратковременным потеплением примерно между 450 и 380 годами до н. э. Судя по имеющимся данным, в Северном и Северо-Западном Китае, и прилегающих районах Монголии в период похолодания температуры года, зимы и лета были ниже современных в среднем на 0,5 градуса. Осадков же на всей территории выпало больше современной нормы. Количество их увеличивалось с севера на юг — до 50 миллиметров в год на юге Ордоса. Таким образом, климат в Северном и Северо-Западном Китае и Южной Монголии в VII — первой половине V века до н. э. можно охарактеризовать как более прохладный и влажный, чем современный. Такие климатические ус-

ловия способствовали развитию скотоводческого хозяйства, расцвету скотоводческих культур, что подтверждается и археологическими материалами из Ордоса и Восточного Туркестана. Длительные же благоприятные климатические условия ведут к росту численности населения и увеличению поголовья скота, что в силу различных причин вызывает усиление подвижности и агрессивности кочевых обществ. Усиление агрессивности приводит, во-первых, к частым междоусобным столкновениям

за пастбищные угодья, во-вторых — к стремлению освоить новые территории за счет соседей.

Очевидно, в результате междоусобных столкновений во второй четверти — середине VI века до н. э. часть кочевого населения «выплеснулась» из Внутренней Азии. Этот процесс затронул, вероятно, прежде всего Туву и, возможно, Минусинскую котловину. В Туве на смену алды-бельской культуре приходит саглынская, не имеющая, по мнению некоторых исследователей, местных корней. Часть

Деревянный гребень савроматского времени. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

алды-бельцев вынуждена была покинуть регион и переместиться на запад, что привело, возможно, к «импорту» алды-бельских традиций в западном направлении.

В результате перегруппировки сил во Внутренней Азии произошла, очевидно, и общая подвижка населения с востока на запад. В ходе нее кочевое население Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана, примыкающего к Восточному Туркестану и составляющего с ним единое историко-культурное пространство, было частично вытеснено из этого региона. Наличие же в степях Центрального Казахстана мощного объединения кочевников, находящегося на стадии расцвета, обусловило два основных направления движения кочевого населения Восточного Туркестана. Одна его часть, двигаясь вдоль предгорий Алтая, до-

Военный предводитель пазырыкской культуры. V–III вв. до н. э. Реконструкция А. И. Соловьева

стигла Верхнего Приобья, где и закрепились на территориях, ранее занимаемых племенами большереченской культуры. Причем движение в этом направлении имело, вероятно, характер неоднократных миграций или нескольких импульсов, не оставивших явных следов на промежуточных территориях. Вторая часть кочевников Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана двинулась на запад — через Семиречье, Среднюю и Нижнюю Сырдарью на Южный Урал. Это движение, скорее всего, имело характер постепенного расселения. Результатом стало освоение Семиречья, вхождение отдельных групп мигрантов в состав кочевых и полукочевых объединений Юго-Восточного Приаралья, Южного Зауралья и Приуралья. Вполне вероятно, что в конце VI века до н. э. какая-то часть этих переселенцев вместе с примкнувшими к ним кочевниками Южного Урала устремилась на запад — в степи Северного Причерноморья (так называемые новые скифы). Следует подчеркнуть, что наличие в составе населения как Южного Урала, так и Верхнего Приобья родственных коллективов обусловило и дальнейшие, на протяжении всего V века до н. э., связи этих регионов.

Место ушедших на север и запад кочевников Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана заняли кочевники, родственные племенам, проникшим в Горный Алтай и положившим начало пазырыкской культуре. В результате в V–III веках до н. э. складывается культурное и, возможно, политическое единство населения Алтая, Ордоса и Восточного Туркестана.

Приход на Алтай в середине VI века до н. э. кочевников из Внутренней Азии привел к тому, что часть носителей культуры раннескифского времени под давлением пазырыкцев переместилась в другие районы Алтая (в основном в северо-западном направлении) и соседние регионы. Вполне вероятен и приход на Южный Урал отдельных алтайских групп, принявших участие в формировании населения восточных предгорий Урала.

Нарисованная картина этнокультурных изменений в восточной части степной Евразии выглядела бы гораздо четче, если бы на эти перемещения кочевого населения из Внутренней Азии не накладывалась миграция саков Центрального и Север-

Каменный жертвенник в форме стилизованной головы хищной птицы.

Савроматское время (VI–V вв. до н. э.). Могильник Шатрово. ГИМЮУ

ного Казахстана не только на север, в лесостепь Западной Сибири, но и на восток, в степное Обь-Иртышское междуречье и Верхнее Приобье. Однако, как представляется, подвижка саков Казахстана произошла позднее миграции кочевников Восточного Туркестана, хотя, вероятно и не намного. Скорее всего, все эти перемещения происходили при жизни одного-двух поколений. Поэтому разграничить их на современном уровне датирования не представляется возможным.

Следует отметить, что факты широких миграций из Внутренней Азии на запад не находят пока достаточно отчетливого подтверждения в палеоантропологических материалах. Очевидно, процесс таких проникновений был достаточно сложным и постепенным, скорее всего, многоактным. Если же численность этнического суперстрата намного меньше, чем численность субстрата, новые антропологические признаки могут проявиться не в комплексе, а в «смазанном», дисперсном виде. Видимо, эти пульсирующие миграции осуществлялись разнокультурными и, скорее всего, разноэтническими коллективами, носителями достаточно специфических комплексов материальной культуры. Конкретные результаты миграций в различных районах не были однозначными и зависели от реальной демографической и социальной ситуации в каждом регионе.

Начиная с первой половины VI века до н. э. отчетливо фиксируются миграции саков Северного и Центрального Казахстана, и Приаралья в степное и лесостепное Обь-Иртышье, имевшие характер отдельных импульсов. С притоком ираноязычного степного населения в VI — первой половине V века до н. э. связывается распространение в лесостепи

и степи Обь-Иртышского междуречья и в Верхнем Приобье подкурганного способа захоронения и отчасти западной ориентировки погребенных, каменных жертвенников без ножек, некоторых форм керамики и образцов звериного стиля, а также, возможно, появление обряда захоронения в подбоях и могильных ямах с дромосом. С погребальными конструкциями саков Казахстана в виде каменных

Железный кинжал савроматского времени из кургана у села Котлик (VI–V вв. до н. э.). ГИМЮУ

Железный кинжал савроматского времени (V в. до н. э.). Школьный музей, село Киргиз-Мияки. Республика Башкортостан

ящиков, возможно, генетически связаны обкладки стен могильных ям плахами или горбылем, а также деревянные рамы на дне могильных ям. В Северном и Центральном Казахстане мы находим и истоки ряда инноваций в погребальном обряде некоторых культур степного и лесостепного Обь-Иртышья и Верхнего Приобья VI–V веков до н. э. Вероятнее всего, в VI — начале V века до н. э. в эти районы мигрировали племена Центрального и Северного Казахстана. Их участие в сложении ряда культур раннего железа Верхнего Приобья признает в настоящее время большинство исследователей. Различается только оценка степени участия в их сложении местного и пришлого компонентов.

Пришлый характер части носителей каменной культуры лесостепи Верхнего Приобья подтверждается и данными антропологии. Определенное влияние со стороны культур сакского круга памятников испытала и быстрианская культура VI–II веков до н. э. северных предгорий Алтая. Среди памятников этой культуры выделяется как инородный могильник VI века до н. э. Точилинский Елбан. Здесь выявлена группа погребений усопших вытянуто на спине, головой в северо-западный сектор. Данная ориентировка необычна для скифского и раннескифского времени лесостепной и предгорной зон Алтая, а также для пазырыкских памятников. Зато такая ориентировка и положение погребенных — вытянуто на спине — характерны для памятников тасмолинской и саргатской культур. Скорее всего, появление этих погребений в могильнике Точилинский Елбан, так же как и ряде других подобных комплексов VI века до н. э. в горно-предгорной зоне Алтая, связано с проникновением кочевников Северного и Центрального Казахстана. С воздействием, вероятно, кочевых племен Казахстана связано и появление на Средней Катуни погребений усопших в положении вытянуто на спине, большинство которых датируются концом VI — началом V века до н. э.

Быстрианская культура — археологическая культура раннего железного века, распространенная в северных

предгорьях Алтая от Маймы до Причумышья (вторая половина VI–III века до н. э.).

В ходе этих миграций в лесостепное и степное Обь-Иртышье были привнесены более передовое по тем временам вооружение и конская упряжь. Именно во второй половине VI — на рубеже VI–V веков до н. э. здесь появляются первые железные мечи и кинжалы, которые полностью копируют западные «савроматские» образцы, трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники стрел. В это же время происходит смена бронзовых удил железными, появляются и распространяются железные двудырчатые псалии.

Как представляется, продвижение кочевников урало-казахстанских степей на север и северо-восток было обусловлено взаимодействием трех основных факторов: во-первых, экологической обстановкой в степи в VI веке до н. э., особенно во второй его половине; во-вторых, историческими событиями конца VI — начала V века до н. э. в Центральной Азии, в частности в Приаралье; в-третьих, изменением в это же время этнополитической ситуации в урало-казахстанских степях.

Как уже отмечалось, в VI веке до н. э. экологические условия в урало-казахстанских степях (Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан) способствовали подъему скотоводческой экономики и, соответственно, росту численности населения, что свою очередь обуславливало расширение ареала культур. Однако следует подчеркнуть, что длительные благоприятные климатические условия в связи с увеличением поголовья скота и ростом численности населения могут привести к истощению природных ресурсов освоенной территории. Данное обстоятельство, если оно имело место, также может стимулировать расширение ареала культур за счет освоения новых летних и зимних пастбищ. Однако освоение новых летних (да и зимних) пастбищ не приводит, как правило, к оседанию и переходу к полукочевому скотоводству. Другое дело, если возможности освоения новых пастбищ исчерпаны. В таком случае неизбежна миграция отдельных групп кочевников (избыточное население) за пределы уже освоенного ими региона. Вероятно, такая ситуация имела место в степях Северного и Центрального Казахстана уже в VI веке до н. э. Это вынудило часть населения урало-казахстанских степей передвинуться на

восток — в степное Обь-Иртышское междуречье и предгорья Алтая, где воздействие казахстанских кочевников на культуру местного населения фиксируется с первой половины VI века до н. э.

Образование быстро набирающего силу этнопопуляционного кочевого объединения в степях Южного Урала сопровождалось значительным ростом численности населения в регионе. Данное обстоятельство, вероятно, вызвало столкновения за наиболее ценные кочевниками зимние пастбища, расположенные в полосе современных пустынь Центральной Азии и Казахстана. Борьба между номадами Южного Зауралья, с одной стороны, и кочевниками Центрального и Северного Казахстана — с другой, шла за территории, примыкающие к Нижней и Средней Сырдарье, — Приаральские Каракумы и Кызылкумы. Ценность этих территорий особенно возросла в связи с начавшимся формированием на Нижней и Средней Сырдарье ремесленно-земледельческих центров. Вероятно, в ходе этой борьбы южнозауральские племена уже в начале V века до н. э. оттеснили тасмолинцев в низовья Сарысу и пески Мойынкум. Тем самым кочевники Южного Зауралья не только значительно сократили площади зимних пастбищ тасмолинцев, но и лишили племена Центрального и Северного Казахстана возможности непосредственных контактов с кочевыми и полукочевыми племенами Центральной Азии, а также с присырдарьинскими ремесленно-земледельческими центрами.

Следует подчеркнуть, что именно зимние пастбища являлись основным фактором, лимитирующим численность кочевого объединения. При отсутствии необходимых площадей этих пастбищ неизбежно происходит оседание кочевников и переход их к полукочевому скотоводству или даже к полной оседлости. Оседание осуществляется на границах земледельческих оазисов или в районах летних пастбищ с благоприятными природными условиями для ведения полукочевого скотоводческого хозяйства. Такими районами являются горнолесные массивы в урало-казахстанских степях (Улугтау, Боровое, Баян-Аул, Каркаралинск, Кент и др.), а также лесостепные районы Зауралья и Западной Сибири. Благоприятны для кочевого

и полукочевого скотоводства и степные предгорья Алтая.

Потеря наиболее ценных зимних пастбищ создала, очевидно, кризисную демографическую ситуацию в степях Северного и Центрального Казахстана. Обострению обстановки способствовали, вероятно, и длительные благоприятные климатические условия предшествующего времени. Они, как уже отмечалось, могли привести к истощению природных ресурсов освоенной территории в связи с увеличением поголовья скота и ростом численности населения. Выходом из этого кризиса стало расширение ареала тасмолинской и тасмолинско-улубаевской культур. Проявилось оно в уходе части населения Северного и Центрального Казахстана на север, северо-восток и восток — в Ишимскую лесостепь, в степное и лесостепное Обь-Иртышье, а также в северо-западные и северные предгорья Алтая и в Верхнее Приобье. Кочевники, пришедшие в Ишимскую и Барабинскую лесостепь, приняли участие в сложении саргатской культуры, ушедшие же в Обь-Иртышское междуречье и Верхнее Приобье приняли участие или оказали определенное влияние на сложение каменской, староалейской, быстрианской культур.

Как уже отмечалось, результатом исторических событий второй половины VI — начала V века до н. э. в Центральной Азии и в частности в Приаралье стал отток части кочевых и полукочевых племен Среднеазиатского междуречья за пределы региона. Возможно, какие-то незначительные их группы и могли оказаться в степном и лесостепном Обь-Иртышье и Верхнем Приобье, но это маловероятно. Более вероятным представляется их проникновение в зауральско-западносибирскую лесостепь, где они приняли участие в сложении гороховской и саргатской культур. Отметим также, что в гороховской культуре прослеживается больше, нежели в саргатской, параллелей с Центральной Азией. Это обстоятельство заставляет нас предполагать, что основной поток мигрантов из Центральноазиатского междуречья в лесостепь был направлен в Южное Зауралье. Кроме того, доля выходцев из Центральной Азии в составе мигрировавших в лесостепь ираноязычных кочевников в Зауралье была, вероятно, значительно выше, чем

в Западной Сибири. Основную массу переселенцев в Западную Сибирь (Ишимская и Барабинская лесостепь) составили, на наш взгляд сакские племена Северного и Центрального Казахстана. Кроме того, мы не можем исключить и вероятность инфильтрации в ходе этих событий небольших групп населения или даже отдельных лиц из степей Южного Урала как в Северный и Центральный Казахстан, так и в лесостепное и степное Обь-Иртышье.

Подводя итоги рассмотрению истории кочевников степей Южного Зауралья во второй VI — первой половине V века до н. э., прежде всего отметим, что в начале этого периода в степи и лесостепи Евразии происходят значительные изменения, связанные с распадом прежних этнокультурных образований раннескифского (раннесакского) времени и формированием новых. В урало-казахстанских степях

наиболее ярко этот период представлен в Южном Зауралье. Здесь на смену бобровско-тасмолинской культуре VII–VI веков до н. э. приходит прохоровская (раннесарматская) культура конца VI — V века до н. э.

Формирование прохоровской культуры в Южном Зауралье явилось результатом сложного взаимодействия, по крайней мере, четырех основных компонентов. Один из них местный, представленный носителями бобровско-тасмолинской культуры, остальные — пришлые. Последние, судя по имеющимся материалам, представлены саками Юго-Восточного Приаралья, «скифами» восточно-европейской степи и лесостепи, а также кочевниками Внутренней Азии. Появление их на территории Южного Зауралья, а также Южного Приуралья обусловлено различными обстоятельствами и, скорее всего, не было синхронным.

Проникновение отдельных групп «скифов» на Южный Урал, прежде всего в Южное Приуралье, фиксируется уже на рубеже VII–VI веков до н. э. и в первой половине VI века до н. э. Но наиболее массовым и целенаправленным проникновением скифского этнического компонента, скорее всего, приднепровского лесостепного, было в конце VI века до н. э. и обуславливалось изменением этнополитической ситуации в Причерноморье и Волго-Камье. Массовый отток в конце VI века до н. э. ананьинского населения Среднего Поволжья на север и восток приводит к тому, что основной источник, стабильно снабжавший в VII–VI веках до н. э. население степи и лесостепи Причерноморья цветным металлом, иссякает. Военная же активность кочевников Южного Зауралья на южных рубежах иткульской культуры в VII–VI веках до н. э. привела, на наш взгляд, к установлению уже в VI веке до н. э. каких-то форм зависимости иткульцев от кочевников. Эксплуатация иткульского населения включала помимо неэквивалентного обмена сбор дани продуктами металлургии и металлообработки. Полученный кочевниками металл мог идти на экспорт в качестве платы за престижно значимые вещи. Уже во второй половине VI века до н. э. кочевники Южного Зауралья включаются в обменные операции по «торговому пути Геродота». Массовый отток ананьинцев из Среднего По-

Скифские конные воины (1, 3) V в. до н. э. и греческий гоплит IV в. до н. э. Реконструкция М. В. Горелика

волжья приводит к тому, что кочевники Южного Зауралья становятся, по-видимому, основными поставщиками металла в лесостепное и степное Причерноморье. Проникновение групп скифского лесостепного приднепровского населения в Южное Зауралье было обусловлено не только стремлением контролировать пути поступления уральского металла в Причерноморье («путь Геродота»), но и желанием поставить под свой контроль его производство. С конца VI века до н. э. и устанавливаются прочные двухсторонние связи кочевников Южного Зауралья — носителей прохоровской культуры — с населением лесостепного Поднепровья и Среднего Подонья, отчетливо фиксируемые археологическими материалами.

Вероятно, сразу же за «скифами» в Южное Зауралье, так же как и в Южное Приуралье, приходят саки Юго-Восточного Приаралья. Основной причиной, вызвавшей включение сакских племен Приаралья в состав кочевого населения Южного Урала, а также проникновение их в лесостепь Зауралья и Западной Сибири, были, как представляется, исторические события в Центральной Азии, связанные с политикой Ахеменидов в этом регионе во второй половине VI века до н. э. Вероятно, эти же события, прежде всего в Хорезме, вынудили номадов, кочевавших между западными отрогами гор Южного Урала и Южным Приаральем, не только передвинуть свои зимовочные территории на Устюрт, но и перенести политический, экономический и культурный центр своего племенного объединения и родовые могильники с юга на север, в степи Южного Приуралья. Именно этим объясняется появление во второй половине VI века до н. э. как будто совершенно новой, не имеющей местных корней культуры ранних кочевников Южного Приуралья, резкое и многократное увеличение кочевнических памятников, почти не известных в предшествующее время.

Однако эти же события в Центральной Азии почти не сказались на племенах тасмолинской общности Северного и Центрального Казахстана, по-прежнему сохранявших свои традиции погребальной обрядности. Отсутствие же значительных инноваций со всей очевидностью свидетельствует о том, что во второй половине VI — начале V века

до н. э. массовых миграций в эти районы не произошло. Данное обстоятельство можно, как представляется, объяснить тем, что племенные объединения тасмолинцев Центрального Казахстана и улубаевцев Северного Казахстана были еще достаточно сильны, чтобы не допустить массового притока на свою территорию кочевников извне, в частности из Центральной Азии.

Близость памятников второй половины VI — начала V века до н. э. Южного Урала, Семиречья, Юго-Восточного Казахстана, лесостепи и степи Обь-Иртышского междуречья, Верхнего Приобья, Тувы, Минусинской котловины и Ордоса, фиксируемая главным образом по предметам погребального инвентаря и отчасти по элементам погребального обряда, является следствием процессов, протекавших во второй четверти — середине VI века до н. э. во Внутренней Азии (Монголия, Северо-Восточный, Северный и Северо-Западный Китай). Скорее всего, речь может идти об изменении соотношения сил в среде кочевых объединений, вызвавшем перемещение племен главным образом внутри региона. В результате перегруппировки сил во Внутренней Азии произошла, очевидно, и общая подвижка населения с востока на запад. В ходе нее кочевое население Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана, примыкающего к Восточному Туркестану и составляющему с ним единое историко-культурное пространство, было частично вытеснено из этого региона. Наличие же в степях Центрального Казахстана мощного объединения номадов, находящегося на стадии расцвета, обусловило два основных направления этого движения. Одна часть кочевого населения Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана, двигаясь вдоль предгорий Алтая, достигает Верхнего Приобья, где и закрепляется на территориях, ранее занимаемых племенами большереченской культуры. Вторая часть номадов Восточного Туркестана двинулась на запад — через Семиречье, Среднюю и Нижнюю Сырдарью на Южный Урал. Это движение, скорее всего, имело характер постепенного расселения. Результатом стало освоение Семиречья, вхождение отдельных групп мигрантов в состав кочевых и полукочевых объединений

Юго-Восточного Приаралья, Южного Зауралья и Приуралья.

Если состав пришлого компонента в Южном Зауралье и Южном Приуралье был одинаков, то соотношение его составляющих в этих регионах было явно неодинаково. Данное обстоятельство, так же как и различие абортгенного населения, обусловило своеобразие приуральского и зауральского вариантов единой прохоровской (раннесарматской) культуры Южного Урала на древнепрохоровском этапе ее развития. В Южном Приуралье решающую роль в социально-политической структуре общества ранних кочевников играл «скифский» этнический компонент. Для Южного Зауралья вопрос о ведущем компоненте в формирующейся социально-политической структуре общества пока остается открытым и требует дальнейших исследований.

Бронзовый чекан с головой грифона. VI–V вв. до н. э. Могильник Акчий (Восточный Казахстан) (по И. Тасмагамбетову)

Приток нового населения в степи Южного Зауралья в конце VI — начале V века до н. э. привел, очевидно, к ожесточенной борьбе за передел не только пастбищных угодий, но и маршрутов кочевания. В ходе столкновений отдельные группы аборигенного бобровско-тасмолинского населения были вытеснены из степных равнинных территорий в восточные предгорья Южного Урала. Изменив формы ведения кочевого хозяйства, они вплоть до IV века до н. э. сохраняли свои традиции в погребальной обрядности. Часть же прежних хозяев южнозауральских степей была вынуждена уйти в зауральскую лесостепь, в среду местных племен, оставивших памятники воробьевского типа. Здесь на основе смешения воробьевских, тасмолинских, а также пришедших сюда кочевых групп из Юго-Восточного Приаралья формируется гороховская культура.

Уход части центральноазиатских кочевников с прежних мест обитания на Южный Урал не повлек за собой разрыва их традиционных экономических и культурных связей с земледельческими областями, особенно с Хорезмом. Различная же направленность этнокультурных связей приуральских и зауральских кочевников, фиксируемая археологическими материалами, была обусловлена пастбищно-кочевой системой. Для кочевников Южного Приуралья основные векторы этих связей были направлены на юг и на запад — в сторону Хорезма, восточноевропейской степи и лесостепи. Ранние кочевники Южного Зауралья поддерживали связи прежде всего с кочевым и оседлым населением Юго-Восточного Приаралья и племенами зауральской лесостепи — носителями иткульской и гороховской культур. В конце VI — V века до н. э. южнозауральские кочевники по-прежнему поддерживают этнокультурные связи с тасмолинцами Северного и Центрального Казахстана, а через них и с более восточными регионами Евразии. Однако значение восточного вектора связей кочевников Южного Зауралья постоянно уменьшается.

Появление в конце VI — начале V века до н. э. на территории Южного Урала нового быстро крепнущего этнопотестарного объединения кардинальным образом изменило расстановку сил в уралоказахстанских степях. Ведущую роль в этом

регионе постепенно начинают играть кочевники Южного Урала. Со временем они, а не тасмолинцы Центрального Казахстана, становятся «законодателями моды» не только в материальной, но, вероятно, в какой-то степени и в духовной культуре. Проявлением этого стал процесс постепенной «сарматизации» культуры кочевников восточной части урало-казахстанских степей, начавшийся, вероятно, уже с V века до н. э., но особенно ярко проявившийся на протяжении IV–III веков до н. э. Различного рода контакты, в том числе и военно-политические, с южнозауральским населением способствовали быстрому распространению среди кочевников Северного и Центрального Казахстана, а через них и у ряда племен востока Евразии, новых типов конской узды, наконечников стрел и клинкового оружия.

Одним из факторов, обусловивших усиленные роли южноуральских номадов в урало-казахстанских степях, было то, что население Южного Урала, в особенности племена Южного Зауралья, стали независимыми в получении цветного металла от кочевников Центрального Казахстана. Потребности в нем удовлетворялись теперь за счет иткульских племен лесостепного Зауралья. Военная активность номадов Зауралья на южных границах ареала иткульской культуры привела к тому, что уже в конце VI века до н. э. иткульское население попало в зависимость, скорее всего данническую, от своих степных соседей. Увеличение внутренних потребностей в цветном металле, а также интересы «внешней торговли» у южнозауральских номадов, очевидно, стимулировали и рост его производства на зауральских городищах, расцвет иткульского очага металлургии и металлообработки.

Фотофиксация погребения савроматского времени. Могильник Кичигино II (VI–V вв. до н. э.)

В V–IV веках до н. э. иткульцы становятся основными поставщиками металла кочевникам Южного Урала.

Контакты номадов урало-казахстанских степей с племенами лесостепи Зауралья и Западной Сибири, прослеживаемые еще с VII–VI веков до н. э., достигли своего расцвета в V–IV веках до н. э. В это время население лесостепи подверглось интенсивному иранскому воздействию, что нашло отражение, кроме всего прочего, как в угорских языках, так и в системе угорского мировоззрения. Усиление контактов с ираноязычными кочевниками степей в конце VI — первой половине V века до н. э. сопровождалось, вероятно, проникновением отдельных их групп в зауральско-западносибирскую лесостепь. Эти пришлые группы сыграли решающую роль в ускорении социально-экономического развития лесостепного населения, приняли участие в формировании саргатской (на востоке) и гороховской (на западе) культур. Иранский суперстрат явился культурообразующим фактором и стабилизатором этнополитической структуры лесостепного населения, занимая господствующее положение в среде саргатцев и гороховцев. К концу V века до н. э. в Южном Зауралье оформляются две основные модели взаимодействия населения степи и лесостепи — «иткульская» и «гороховская».

В VI — начале V века до н. э. в степи и лесостепи Обь-Иртышья и в Верхнем Приобье отчетливо фиксируется приток кочевого населения из Северного и Центрального Казахстана, принявшего участие в сложении ряда культур этого регио-

на. Миграция тасмолинцев и улубаевцев на север и северо-восток — в западносибирскую лесостепь, Обь-Иртышское степное и лесостепное междуречье и в Верхнее Приобье — обуславливалось взаимодействием трех основных факторов: во-первых, экологической обстановкой в степи в VI веке до н. э., особенно во второй его половине; во-вторых, историческими событиями конца VI — начала V века до н. э. в Центральной Азии, в частности в Приаралье; в-третьих, изменением в это же время этнополитической ситуации в урало-казахстанских степях. Кочевники тасмолинской общности, пришедшие в Ишимскую и Барабинскую лесостепь, приняли участие в сложении саргатской культуры, ушедшие же в Обь-Иртышское междуречье и в Верхнее Приобье приняли участие или оказали определенное воздействие на сложение каменской, староалейской и быстрианской культур.

Результатом борьбы номадов Южного Зауралья и кочевников Северного и Центрального Казахстана за наиболее ценные кочевниками зимние пастбища, примыкавшие к Средней и Нижней Сырдарье, стало вытеснение тасмолинцев и улубаевцев в низовья Сарысу и пески Мойынкум. Тем самым кочевники Южного Зауралья не только значительно сократили площади зимних пастбищ тасмолинцев, но и лишили племена Центрального и Северного Казахстана возможности непосредственных контактов с кочевыми и полукочевыми племенами Центральной Азии, а также с присырдарьинскими ремесленно-земледельческими центрами.

Список литературы

1. Акимова М. С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. 1968. № 3.
2. Багашев А. Н. Материалы по краниологии населения гороховской культуры // Тюменский исторический сборник : материалы науч. конф., посвящ. 50-летию ист. фак. Тюмен. гос. ун-та. Тюмень, 1996.
3. Багашев А. Н. Этногенетические связи саргатских племен // Второй международный конгресс этнографов и антропологов : резюме докл. и сообщений : в 2 ч. Ч. 1. Уфа, 1997.
4. Багашев А. Н. О роли пришлого и местного компонентов в расогенезе населения западносибирской лесостепи эпохи раннего железа // Проблемы взаимодействия человека и природной среды : материалы итоговой науч. сессии Ученого совета Ин-та проблем освоения Севера Сиб. отд-ния РАН, 1999 г. Вып. 1. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2000.
5. Берлизов Н. Е. Относительная хронология азиатской Сарматии VII в. до н. э.— IV в. н. э. // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 4. Армавир ; М., 1998.
6. Гуцалов С. Ю. Проблемы изучения древней истории Западного Казахстана // Жизнь, отданная науке : межвуз. науч. чтения, посвящ. памяти проф. В. Ф. Мамонова : тез. докл. Челябинск, 2002.
7. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М. : Наука, 1985.
8. Железчиков Б. Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
9. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : РОССПЭН, 1997.
10. Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука, 1994.
11. Матвеева Н. П. Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1998.
12. Матвеева Н. П. Гипотетическая реконструкция социальных структур населения гороховской культуры // XIV Уральское археологическое совещание, г. Челябинск, 21–24 апр. 1999 г. : тез. докл. Челябинск : Рифей, 1999.
13. Могильников В. А. К генезису культур Западной Сибири в эпоху раннего железа // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1997.
14. Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука, 1983.
15. Савельев Н. С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфим. археол. вестн. 2000. № 2.
16. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М. : Наука, 1964.
17. Щеглов Д. А. Массagetский поход Кира Великого (локализация и историческая интерпретация) // Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе : материалы Междунар. конф. СПб., 1998.
18. Юсупов Р. М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир : препр. Уфа : БНЦ УрО РАН, 1991.
19. Юсупов Р. М. Южный Урал и Восток. Древность и современность в антропологии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : тез. докл. и сообщений к междунар. науч. конф. Уфа, 1993.
20. Яблонский Л. Т. Саки Южного Приуралья (археология и антропология могильников). М., 1996.
21. Яблонский Л. Т. Арало-Уральские этногенетические параллели в исторической ретроспективе // Второй международный конгресс этнографов и антропологов : резюме докл. и сообщений : в 2 ч. Ч. 1. Уфа, 1997.
22. Яблонский Л. Т. Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000.

Реконструкция кургана
Темир в заповеднике Аркаим,
Челябинская область.
Фото: А. Таиров

История Южного Урала

3
ГОМ
Ишарба
3

ЮЖНОЕ
ЗАУРАЛЬЕ
в конце V —
II веке до н. э.

Глава 3. ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ в конце V — II веке до н. э.

Во второй половине V века до н. э. в большинстве регионов степной Евразии происходят значительные изменения в погребальной обрядности и материальной культуре кочевого и полукочевого населения, что свидетельствует об изменении его состава. В урало-казахстанских степях эти изменения особенно отчетливо фиксируются на материалах Южного Урала, и в частности Южного Зауралья, при переходе от древнепрохоровского (конец VI — V век до н. э.) к раннепрохоровскому (вторая половина V — IV век до н. э.) этапу прохоровской археологической культуры. В это время появляются новые типы погребений (или наблюдается преобладание того или иного типа, известного здесь раньше, но не имевшего широкого распространения), отмечаются и изменения населения в антропологическом отношении, что говорит о притоке иноэтничных элементов.

Анализ погребального обряда ранних кочевников Южного Зауралья второй половины V — IV века до н. э. дает основание утверждать, что большинство его черт уходит корнями в предшествующее время. В то же время отчетливо фиксируются и инновации, связанные не только с дальнейшим развитием общества, его внутренними изменениями, но и с факторами внешнего порядка. Инновации в материальной культуре проявились прежде всего в появлении новых форм клинково-

го оружия — мечей и кинжалов со сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестием (так называемого переходного типа), с прямым перекрестием и навершиями различной формы — коротким брусковидным, серповидным, прямым. В конце V — начале IV века до н. э. появились и новые типы зеркал — большие дисковидные с широким валиком по краю, с широким валиком по краю и небольшой конической или полусферической выпуклиной в центре, а в Южном Приуралье — и так называемые «музыкальные». Значительные изменения произошли и в керамическом комплексе.

В конце V — IV веке до н. э. по сравнению с предшествующим временем:

- резко увеличивается количество вводимых захоронений (составляют более половины всех погребений);
- отсутствуют кольцевые рвы вокруг курганов, каменные или каменно-земляные оградки;
- реже совершаются ритуальные действия, связанные с огнем, на подкурганной площадке и в насыпи, набор их менее разнообразен;
- менее распространены деревянные сооружения срубного или шатрового типа под насыпью крупных курганов, кольцевые или полукольцевые глиняные площадки вокруг могильной ямы (встречаются лишь в памятниках конца V — начала IV века до н. э.). Ко второй половине IV века до н. э. сооружение крупных курганов с мощными деревянными надмогильными конструкциями прекращается;

– появляются погребения в подбоях (составляют более четверти всех захоронений);

– увеличивается количество захоронений в ямах с заплечиками, одновременно уменьшается количество погребений на уровне материка (археологам неизвестны погребения на древнем горизонте и на помосте; единственная дромосная гробница со сложным деревянным сооружением — курган Темир — относится к числу наиболее ранних памятников прохоровского времени);

– могильные ямы в массе своей уменьшаются в размерах, но становятся несколько глубже;

– в заполнении могильных ям реже используются угли и зола, уменьшается и количество ям, в заполнении которых присутствует камень;

– появляются, вероятно, гробовины и погребальные носилки;

– господствующей становится ориентировка погребенных головой на юг (с отклонениями), на втором месте — ориентировка головой на юго-восток, на третьем — на запад;

– в качестве напутственной пищи в могильную яму чаще всего помещают переднюю ногу барана с лопаткой или часть его грудинки;

– происходят изменения в составе и распределении погребального инвентаря: отсутствуют каменные жертвенники, ритуальные гальки, емкости с краской; появляются новые виды украшений; уменьшается количество погребений, сопровождаемых керамикой, зеркалами, оселками; увеличивается число погребений, сопровождаемых наконечниками копий, украшениями (прежде всего бусами), ножами, кусками мела или охры; чаще встречаются удила, хотя украшения узды уже почти неизвестны, и т. д.

Практически аналогичные изменения происходят и в Южном Приуралье, что, впрочем, неудивительно, ибо в предшествующее время в степях Южного Урала складывается этнопотестарная общность типа племенного союза. Поэтому различные исследователи, обращаясь к материалам Южного Урала, не выделяют среди них памятники Южного Зауралья и Южного Приуралья, а рассма-

Погребение воина сарматского времени. Могильник Кичигино I (конец V–IV в. до н. э.)

тривают их вместе, обозначая как «памятники Южного Приуралья».

На рубеже савроматского и раннесарматского времени в степи от североказахстанского Приишимья до реки Урал и от зауральской лесостепи до Присарыкамьшья, Узбоя и южных чинков Устюрта, включая, очевидно, дельтовые области Сырдарьи, распространяются коллективные многоактные погребения в могильных ямах с дромосом. Но уже в раннесарматское время они не являются ведущей формой погребального обряда у степняков и постепенно исчезают окончательно. Та же ситуация зафиксирована и для Южного Урала, где в IV веке до н. э. коллективные погребения в могильных ямах с дромосом уже не встречаются. Причем дромосные могилы второй половины V — начала IV века до н. э. отличаются от дромосных гробниц конца VI — V века до н. э. Если дромосы ранних погребений начинаются от одного из углов ямы и ориентированы чаще всего в широтном направлении, то дромосы более поздних погребений, как правило, отходят от одной из стенок и ориентированы на юг.

В переходное савромато-сарматское время на Южном Урале начинают распространяться и катакомбные захоронения, правда, количество их незначительно. Для раннесарматской прохоровской культуры характерны катакомбы с камерой, вырытой в короткой стороне входной ямы, которые не имеют близких аналогий в савроматское время.

Рассматривая вопрос о катакомбных погребениях сарматского времени и сравнивая их с более ранними, в частности с катакомбой из кургана 2 могильника Мечет-Сай, К. Ф. Смирнов пришел к выводу, что «о прямом генетическом родстве мечетсайских катакомб прохоровской культуры с этой более древней говорить трудно». Подбойно-катакомбные погребения прохоровской культуры, по его мнению, «могли возникнуть в силу пока не-

известных нам причин в иной среде — как у приуральских кочевников, так и у родственных племен Казахстана» [28, с. 157–159].

Говоря об отличии прохоровского погребального обряда от савроматского, необходимо подчеркнуть, что он характеризуется резким изменением соотношения типов могильных ям, по существу — появлением некоторых новых форм, в частности подбойных могил и ям с заплечиками. Кроме того, ни в Южном Зауралье, ни в Южном Приуралье погребений в подбоях, датируемых концом VI — первой половиной V века до н. э., практически нет.

Многочисленные высказывания о причинах массового появления у кочевников Южного Урала подбойных и катакомбных могил могут быть сведены к двум основным утверждениям. Согласно одному, это явление должно быть связано с полной или частичной сменой населения, иногда — с заимствованием этого обряда. Согласно второму, развитие могил подбойных и катакомбных типов шло конвергентно, спонтанно и было связано главным образом с изменениями в религиозных воззрениях.

Катакомба — вырытое в грунте погребальное сооружение, состоящее из вертикальной или наклонной входной ямы и погребальной камеры,

устроенной в виде глубокой ниши в стенке входной ямы; часто входную яму с камерой соединяет коридор (дромос).

Глиняные сосуды сарматского времени. Могильник Кичигино I (конец V—IV в. до н. э.)

Следует особо подчеркнуть, что дромосные могилы с коллективными захоронениями, а также катакомбно-подбойные погребения второй половины V — начала IV века до н. э. концентрируются лишь в Южном Зауралье (Восточное Оренбуржье, южные районы Челябинской области, между-речье Сакмары и Урала в их верхнем течении). Единичные аналогичные комплексы исследованы на территории Оренбургской и Уральской областей и в Самарском Заволжье. Причем ранние катакомбы и подбои являются показателем высокого социального статуса погребенных.

Таким образом, в IV веке до н. э. на Южном Урале широко распространяются погребения в могильных ямах с подбоем вдоль длинной стенки с южной ориентировкой костяков. Причем наиболее ранние из них относятся ко второй половине V века до н. э. Аналогичные, по сути, явления фиксируются на пространствах урало-казахстанских степей, в Южной Сибири и Волго-Уралье. Это дает

основание предполагать, что распространение подбойных захоронений на огромных пространствах степи имело взрывообразный характер. Данное явление связано с притоком нового населения с востока. Территорией, где традиция совершения погребений в могильных ямах с подбоем и катакомбах сохранялась на протяжении всей первой половины I тысячелетия до н. э., является Северный и Северо-Западный Китай. Причем обычай захоронения в подбоях являлся одним из признаков особой культурной общности, существовавшей в этом регионе. Погребения в подбоях связываются с юэчжами (большинством исследователей) или усунями. И те и другие, согласно китайским письменным источникам, обитали в северо-западных районах нынешнего Китая.

Вероятно, именно с территории Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана) основное ядро переселенцев мигрировало в урало-казахстанские степи и прежде всего на Южный

Погребальная камера кургана Темир (IV в. до н. э.)

Погребение в кургане Темир (IV в. до н. э.). Реконструкция в музее-заповеднике Аркаим

Урал. Однако количество их было, очевидно, невелико. Представлены они были, скорее всего, богатыми и знатными родами, занявшими господствующее положение в ряде регионов степи — прежде всего на Южном Урале. Привнесенная ими традиция погребений в подбоях с южной ориентировкой покойников нашла на Южном Урале благодатную почву, тем более что выделение южного сектора как маркера высокого социального, прежде всего воинского и жреческого статуса происходила здесь и ранее. Таким образом, подбойные захоронения с южной ориентировкой погребенных, являясь первоначально показателем принадлежности к определенному этносу, очень быстро стали своеобразным маркером высокого социального статуса среди воинского и жреческого сословий кочевого общества Южного Урала.

Как уже отмечалось, во второй половине V — начале IV века до н. э. инновации в материальной культуре проявились прежде всего в появлении но-

вых форм клинкового оружия — мечей и кинжалов со сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестием (переходного типа), с прямым перекрестием и навершием различной формы.

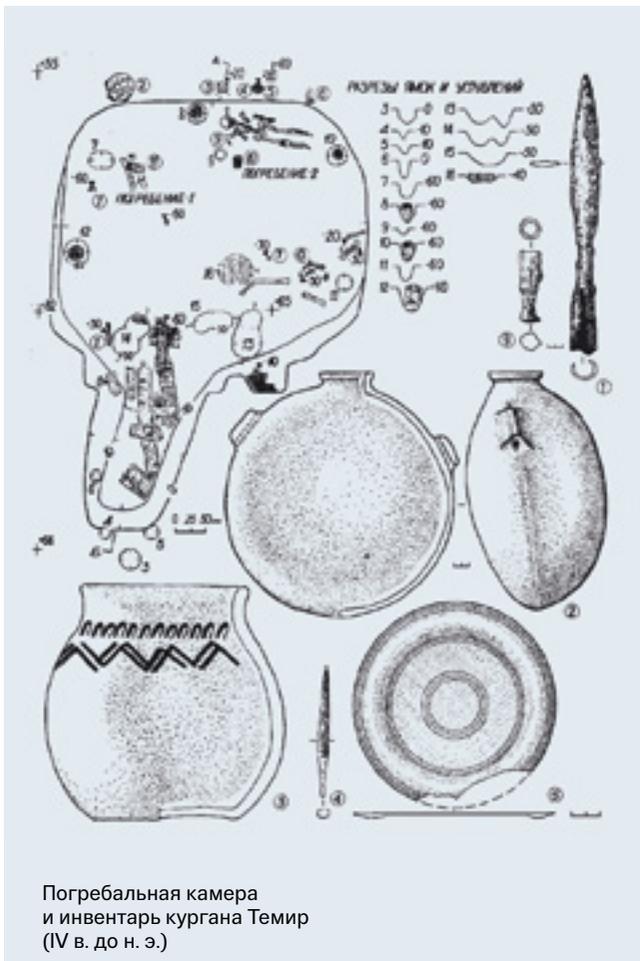
Первые образцы мечей и кинжалов переходного типа появляются в Южном Зауралье во второй половине V века до н. э. Единичные кинжалы и мечи с прямым перекрестием и разной формой навершия (серповидное, прямое, рожковидное) на Южном Урале появляются в IV веке до н. э., возможно даже, в его первой половине или в самом начале IV века до н. э., но ведущей формой становятся с рубежа IV–III веков до н. э. и существуют, за исключением, очевидно, кинжалов с прямыми перекрестием и навершием, на всем протяжении прохоровской культуры. Кинжалы же с прямыми перекрестием и навершием в II–I веках до н. э. уже неизвестны. Отметим также, что мечи с прямым перекрестием и серповидным навершием сложились к рубежу IV–III веков до н. э., но начинают встречаться в Южном Приуралье и особенно к западу от него, как правило, не ранее III века до н. э.

Несколько кинжалов с дуговидным перекрестием и различным оформлением навершия происходит с территории Верхнего Приобья, где они датируются, как правило, второй половиной V — IV веком до н. э., хотя не исключается и более раннее их появление.

Наиболее древним кинжалом с серповидным навершием в урало-казахстанских степях является, вероятно, железный кинжал с серповидным навершием и бабочковидным перекрестием из кургана 1 могильника Бесоба на Илеке, датированный по комплексу наконечников стрел второй половиной VI — началом V века до н. э.

Меч с серповидным навершием и сердцевидным перекрестием найден в Верхнем Приобье у села Горьковского. Ряд его архаических черт, такие как форма перекрестия и клинка, двутавровая с валиками по краям рукоять, позволяют датировать его концом VI — V или V–IV вв. до н. э. Из лесостепного Алтая известно также несколько мечей и кинжалов с прямым перекрестием и серповидным навершием, которые датированы IV–III вв. до н. э.

Все эти находки позволили барнаульским археологам высказать мнение о том, что приалтайские

Погребальная камера и инвентарь кургана Темир (IV в. до н. э.)

степи были тем районом, где происходило формирование мечей с серповидным навершием, а также наметить схему их развития в лесостепном Алтае. Появившись в конце VI — V веке до н. э., к концу V — IV веку до н. э. они сменяются мечами и кинжалами с узким, промежуточным между бабочковидным и сломанным под углом перекрестием, а к концу IV века до н. э. появляется тип с прямым перекрестием, который в III–II веках до н. э. некоторое время сосуществует со ставшими более популярными и распространенными в это время мечами и кинжалами с кольцевым навершием.

На Южном Урале кинжалы и мечи с серповидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием датируются IV веком до н. э.

Наиболее ранним кинжалом с рожковидным навершием является, вероятно, кинжал из кургана 1 могильника Айдабуль II в Северном Казахстане. Его рожковидное навершие сочетается с бабочковидным перекрестием. Первоначально могильник датировался V–IV веками до н. э., впоследствии на основании результатов анализа наконечни-

ков стрел был передатирован и отнесен к рубежу VI–V веков до н. э. Из этого же региона (курган 6 могильника Берлик II) происходит железный кинжал с подтреугольным (ложнотреугольным) перекрестием и рожковидным навершием V–IV веков до н. э.

Железные кинжалы с рожковидным навершием, сломанным под углом, близким к бабочковидному, а также с выпрямленными или приподнятыми концами перекрестием, найденные в Верхнем Приобье, датированы по сарматским аналогиям концом V — IV в. до н. э. или даже IV–III вв. до н. э.

По сарматским аналогиям концом IV — III в. до н. э. датирован железный кинжал с прямым навершием, прорезной рукоятью и прямым перекрестием из кургана 16 могильника Новотроицкий II в Верхнем Приобье, хотя найденные вместе с кинжалом пряжка и бляхи поясного набора по стилю изображений соответствуют изобразительному искусству пазырыкцев и саков конца V — IV–III вв. до н. э. Бронзовые кинжалы такой же формы найдены в погребениях V–IV вв. до н. э. на Алтае.

Погребение воина сарматского времени в могильной яме с подбоем. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.)

Серия кинжалов с прямым брусковидным навершием, сплошной или прорезной рукоятью и различной формы перекрестиями происходит из курганов V–IV вв. до н. э. в долине Узунтала (Горный Алтай). Среди них есть кинжал с узким бабочковидным, близким к сломанному под тупым углом перекрестием и кинжал со слегка изогнутым дуговидным перекрестием.

Исходными территориями распространения клинкового оружия со сломанным под тупым углом, дуговидным и прямым перекрестием являются, очевидно, Северный и Северо-Западный Китай и Западная Монголия. Среди разнообразных перекрестий бронзовых кинжалов из этого региона есть перекрестия в виде бруска, изломанного под прямым углом, дуговидные с приподнятыми окончаниями, узкие бабочковидные, приближающиеся по форме к сломанному под тупым углом, а также сломанные под тупым углом. Датируются они, как правило, в пределах VII–V вв. до н. э. Такие же кинжалы, чаще всего с навершием в виде противопоставленных голов хищных птиц, известны

в Минусинской котловине, Туве и на Алтае. Прямые перекрестия известны в Северном Китае еще с раннесакского времени. Здесь же известны и железные кинжалы со сломанным под тупым углом перекрестием и кольцевым, овальным или слегка изогнутым брусковидным навершием, датируемые в пределах V–III вв. до н. э.

Появление на Южном Урале, прежде всего в Южном Зауралье, образцов клинкового оружия со сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестием привело к возникновению гибридных форм мечей и кинжалов. В них сочетаются навершия, характерные для предшествующего времени (широкие брусковидные, антенные, волютообразные, когтевидные и т. п.), и перекрестия, соединяющие в себе признаки бабочковидных или подтреугольных и сломанных под тупым углом или дуговидных — узкие бабочковидные или крыльевидные. Существовали они достаточно короткое время и абсолютное большинство их не выходит за рамки V века до н. э., датируются они второй половиной V в. до н. э.

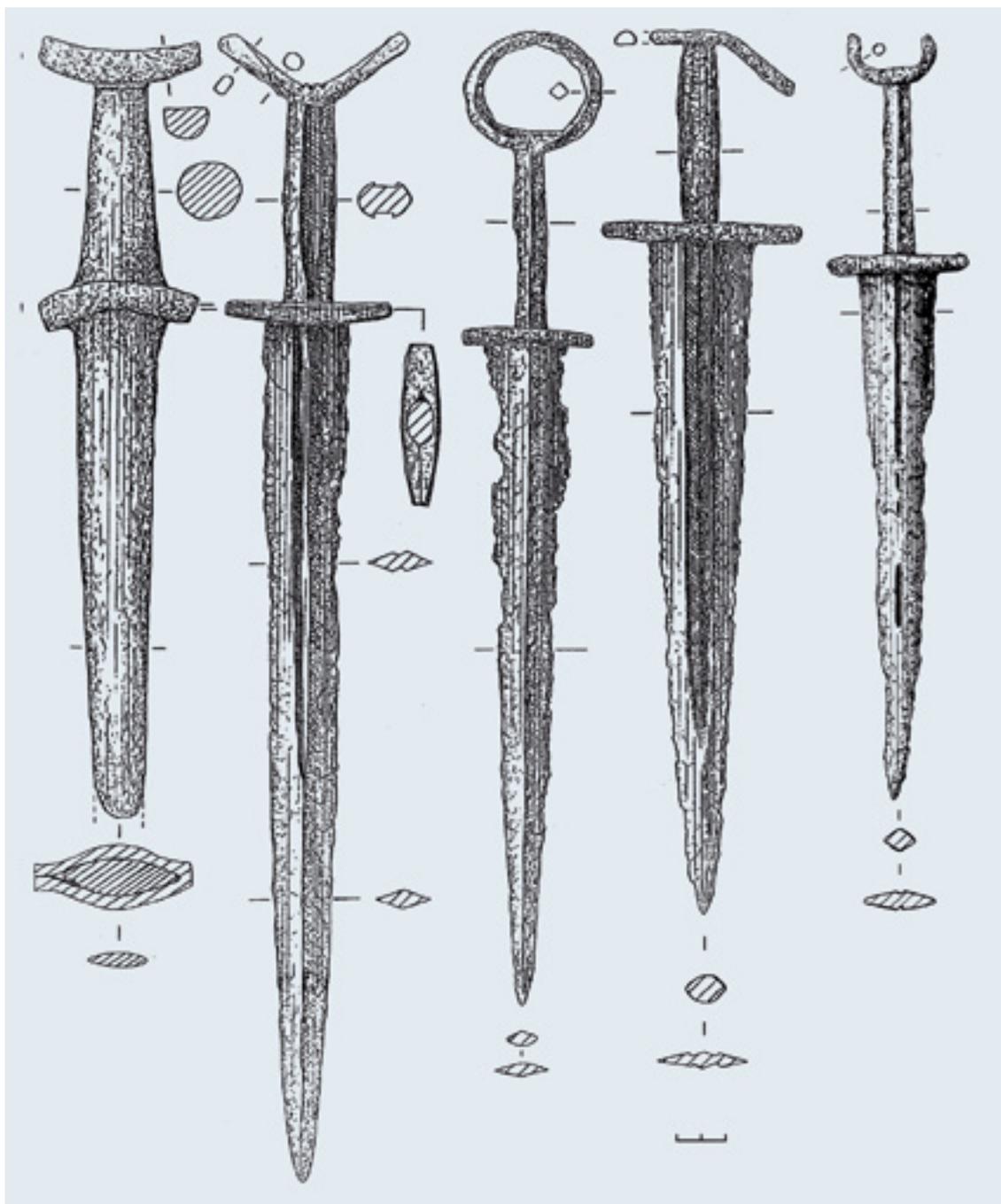

Длинный железный меч и бронзовые наконечники стрел в погребении воина сарматского времени. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.)

На рубеже савроматского и сарматского времени на Южном Урале появляются новые формы зеркал, не связанные с савроматскими. Это, в первую очередь, зеркала с валиком по краю диска. Наиболее ранними из них являются зеркала с широкой плоской ручкой и с широким утолщенным валиком, которые появляются во второй половине V — начале IV века до н. э. Вероятно, чуть позднее, скорее всего на рубеже V–IV веков до н. э., входят в употребление зеркала с длинной боковой ручкой,

утолщенным краем диска, резными concentрическими окружностями (циркульным орнаментом), в центре которых располагается коническая выпуклость, окруженная высоким валиком. Зеркала этого типа, не имеющие каких-либо истоков в культуре кочевников Южного Урала савроматского времени, существовали только в IV веке до н. э. Хотя, как представляется, вполне вероятно, что отдельные их экземпляры на Южном Урале и в Нижнем Поволжье могут встречаться и в погребениях ру-

Железные кинжалы сарматского времени (IV–II вв. до н. э.)

бежа IV–III веков до н. э., а на более западных территориях — и в III–II веках до н. э. Уточним лишь, что речь здесь идет о целых зеркалах, а не об их фрагментах, помещение которых в могильную яму стало традицией позднее. В Южном Зауралье к зеркалам этого типа относятся зеркала из кургана 11 могильника Мало-Кизыльский I, датированного III–II веками до н. э., погребений 3 и 4 кургана 3 могильника Победа (начало IV века до н. э.). В Южном Приуралье зеркала «типа мало-кизыльского»

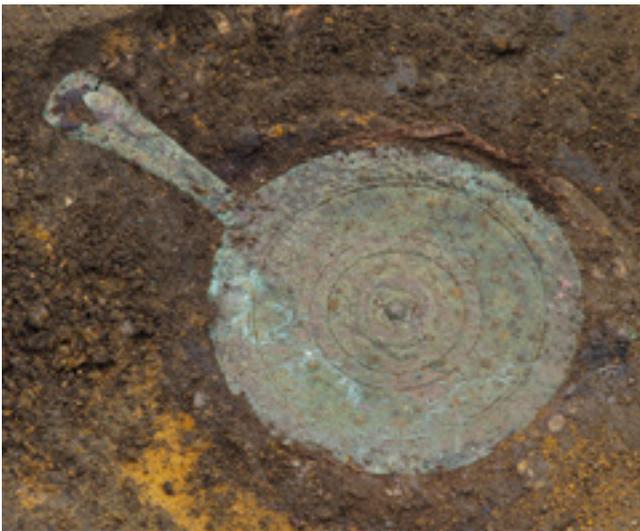
появляются в конце V — середине IV века до н. э. и существуют до III–II веков до н. э.

Этот тип зеркал имеет, возможно, отношение к формированию зеркал с валиком по краю диска, а также с выпуклостью в центре. Как представляется, определенное воздействие рассматриваемые зеркала оказали и на оформление зеркал: а) с плоским диском, отлитым вместе с ручкой, и циркульным орнаментом на тыльной стороне; б) с диском, имеющим утолщенный край, длинную ручку, отлитую вместе с диском, и циркульным орнаментом на тыльной стороне.

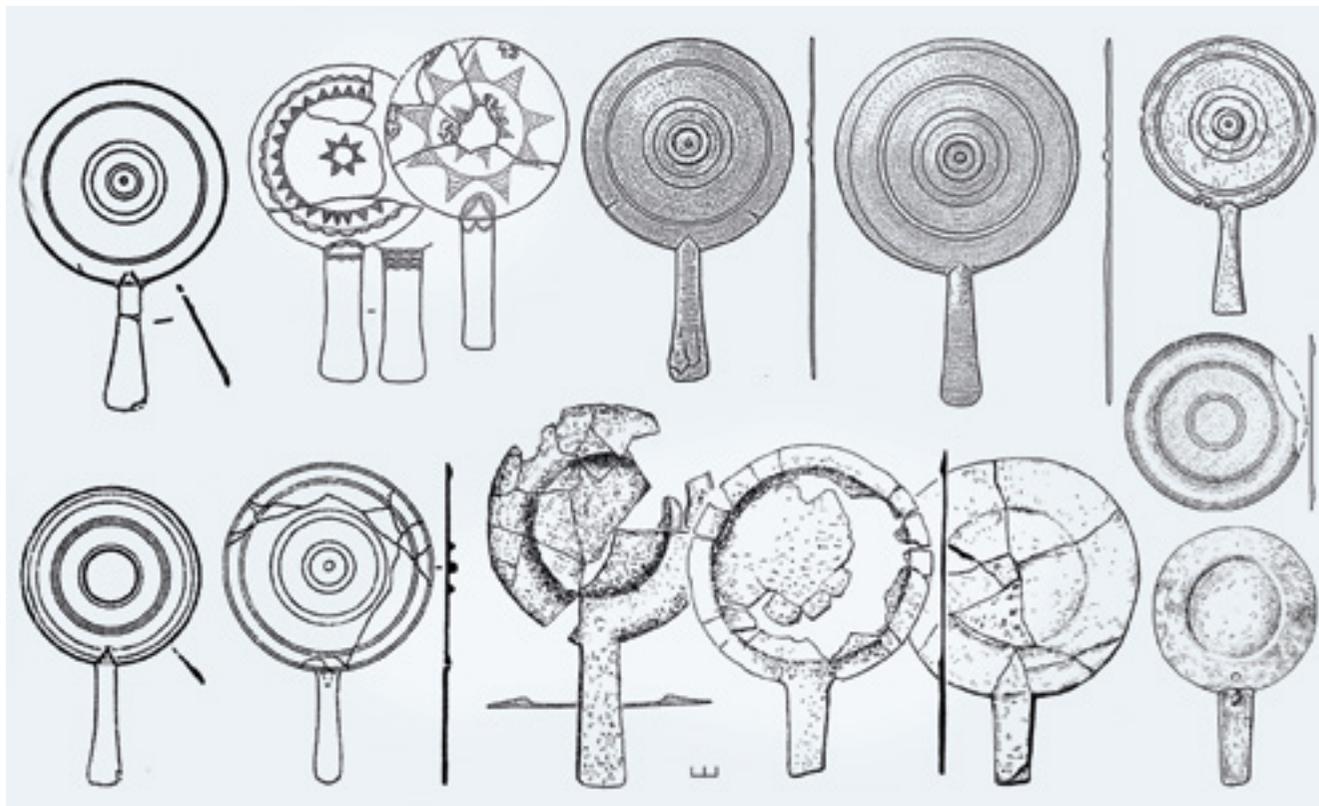
Образцом для изготовления зеркал «типа мало-кизыльского» послужили, скорее всего, «зеркала-погремушки», или «музыкальные зеркала», одно из которых найдено в погребении 5 кургана 8 южноуральского могильника Мечетсай. Дополнительным, хотя и косвенным подтверждением такого вывода может служить тот факт, что дважды подобные зеркала были найдены в пределах одного могильника (Мечетсай в Южном Приуралье, Рогозиха I на Алтае).

Бронзовое зеркало сарматского времени в могильной яме. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.). ГИМЮУ

Погребение женщины-жрицы сарматского времени. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.)

Бронзовые зеркала ранне-сарматского времени Южного Зауралья

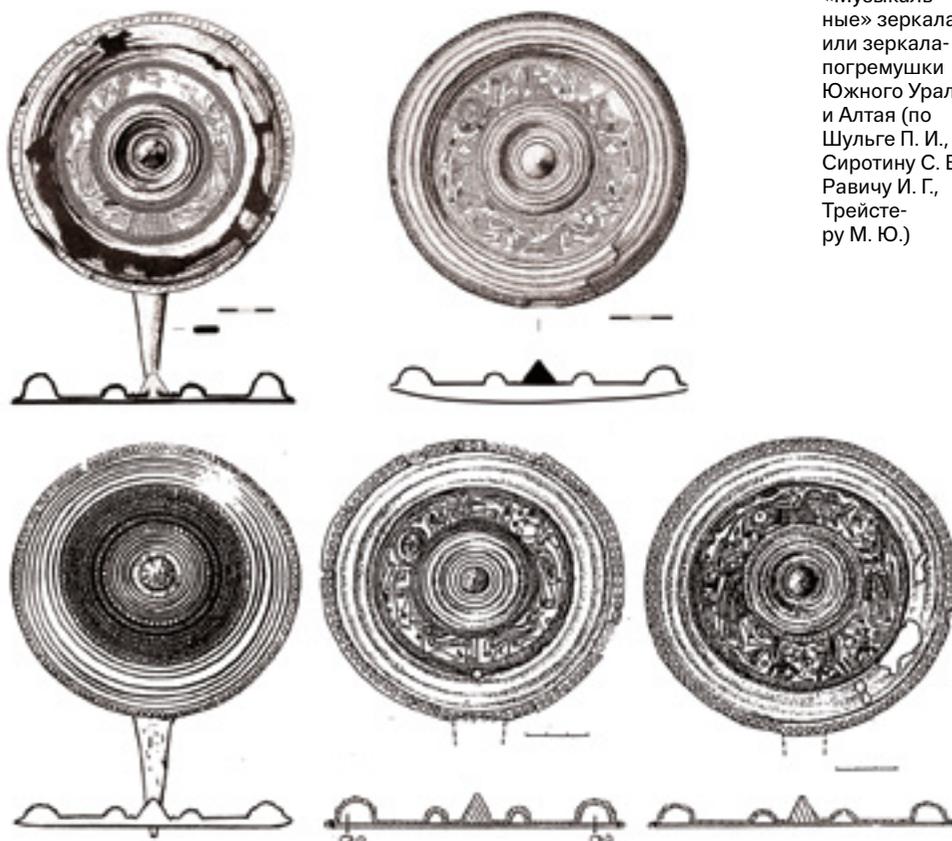
Бронзовое зеркало сарматского времени. Курганная группа у поселка Победа (конец V–IV в. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Бронзовое зеркало с гравированным орнаментом. Курган Соржан-Кстау (IV в. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Гривна и височные подвески сарматского времени. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.). ГИМЮУ

«Музыкальные» зеркала или зеркала-погремушки Южного Урала и Алтая (по Шульге П. И., Сиротину С. В., Равичу И. Г., Трейстеру М. Ю.)

Гривна — нагрудное украшение в виде обруча, носившееся на шее.

Зеркала-погремушки появляются, вероятно, в конце VI или на рубеже VI–V веков до н. э. (могильник Локоть-4 на Алтае) и бытуют до IV века до н. э. включительно (могильники Мечетсай на Южном Урале, Пазырык в Горном Алтае). Примечательно, что три зеркала (мечетсайское на Южном Урале, рогозихинское и локтевское на Алтае) встречены в погребениях женщин-жриц, близких по погребальному обряду и совершенных в течение короткого промежутка времени.

Стиль и форма зеркал из Мечетсая, Пазырыка и Рогозихи свидетельствуют не только о едином месте производства, но и, вероятно, об одном мастере, который их изготовил в конце V века до н. э. или на рубеже V–IV веков до н. э. Подтверждением вывода о едином месте производства этих зеркал может служить очень большая близость химического состава их металла.

Что же сближает эти погребения, да и могильники, в которых найдены зеркала-погремушки? Во всех четырех случаях могилы центральные с парными захоронениями женщин (Мечетсай, Локоть

и, вероятно, Рогозиха) или женщин и мужчин (Пазырык). В трех погребениях умершие ориентированы головой на юго-западный сектор (Мечетсай, Рогозиха, Локоть); зеркала лежали в головах, иногда рядом с ними были помещены стрелы (Мечетсай, Локоть), музыкальные инструменты (Мечетсай, Пазырык, возможно, Локоть) и каменные жертвенники (Рогозиха, Пазырык) и т. п.

Интересно, что в инвентаре и погребальной обрядности могильника Рогозиха-1, относимого к каменной культуре, немало сходного с инвентарем и погребальным обрядом ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. К такому относятся каменные жертвенники на четырех ножках или без ножек, бронзовые гривны с заходящими друг за друга концами, мечи с прямым перекрестием и антенным навершием, серьги в виде незамкнутого кольца, один конец которого загнут в небольшую петлю для подвески, использование охры и мела, ориентировка и положение умерших (вытянуто на спине) в центральных захоронениях. Здесь же найдено зеркало типа «мало-кизыльского»,

Гривна с изображением животных на концах. Ставропольский (Казинский) клад (IV вв. до н. э.) (по Корольковой Е. Ф.)

а также зеркало с плоским диском и длинной, слегка расширяющейся рукоятью. Параллели на Южном Урале находят могильные ямы с заплечиками и ящики (или рамы), сооруженные из толстых горбылей или полубревен на дне могильных ям, внутрь которых помещали умерших. Примечательно, что в погребении 5 кургана 8 могильника Мечетсай, откуда происходит зеркало-погремушка, также находилась деревянная рама, а в инвентаре присутствовали бронзовые гривны с заходящими друг за друга концами.

В могильнике Локоть-4, погребальный обряд и инвентарь которого имеют аналоги в культурах V–IV веков до н. э. Казахстана и Южного Приуралья, а также каменной культуры на Алтае, большая часть могил имела у дна уступы (заплечики), на которые опиралось бревенчатое перекрытие. Умершие укладывались вытянуто на спине, головой на юг или юго-запад. В головах или ногах покойного ставился сосуд. В инвентаре могильника присутствуют серьги в виде незамкнутого кольца, один конец которого загнут в маленькое колечко

для крепления подвески. Весь могильник датируется в рамках конца VI — IV вв. до н. э.

В плане выяснения времени появления зеркал «типа мало-кизыльского» чрезвычайно важно наблюдение, что, судя по образцу из Второго Пазырыкского кургана, уже с середины V века до н. э. зеркала-погремушки упрощаются, заменяясь в IV веке до н. э. цельнолитыми имитациями. Зеркала «типа мало-кизыльского» существовали сравнительно ограниченный период времени — в конце IV — III–II веках до н. э., возможно, даже в III–II веках до н. э. При этом наиболее ранние экземпляры конца IV — III века до н. э. представляет фрагмент зеркала из погребения 26 кургана 6 могильника Мечетсай.

В заключение сюжета о зеркалах хотелось бы отметить некоторые достаточно важные моменты. Если признать индийское происхождение зеркал-погремушек, к чему сейчас склоняется все больше исследователей, то ближайшей территорией, через которую они могли попасть на Алтай, является Восточный Туркестан. Отсюда, как известно,

Каменный жертвенник на четырех ножках. Курган у села Березовка (конец V в. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

издревле шел торговый путь в долину Инда. В Восточном Туркестане помимо зеркал с плоским диском и длинной боковой ручкой в одном из могильников бассейна реки Или, датированном 750–200 гг. до н. э., встречено зеркало с утолщенным краем (или широким валиком по краю диска) и длинной ручкой.

Анализ ювелирных украшений кочевников Южного Урала савроматского и раннепрохоровского времени ясно показывает, что в IV веке до н. э. происходят заметные изменения во всем ювелирном комплексе. По всем категориям украшений прослеживается смена распространенных ранее форм на новые. Изменения в количественном составе внутри различных категорий ювелирных украшений, в форме, конструкции и технологии их изготовления особенно активно происходили на рубеже V–IV веков до н. э. Все это дает основание утверждать, что смена моды на украшения в IV веке до н. э., наряду с другими изменениями в материальной культуре и погребальном обряде, скорее, связана с притоком нового населения.

Отметим, что ряд украшений, появившихся на Южном Урале и в частности в Южном Зауралье в конце V — начале IV века до н. э., наиболее близкие аналоги находят в памятниках V–III веков до н. э. в районах к востоку от Урала — прежде всего в Верхнем Приобье. Так, найденным в кургане 1 могильника Агаповские горы IV серьгам с нижним концом, закрученным в тугую спираль, и верхним, образующим высоко поднятую дужку, наиболее близки экземпляры из могильника Новотроицкое II в Верхнем Приобье. Аналоги проволочных серег в виде незамкнутого кольца, один конец которого загнут в маленькое колечко для крепления подвески, известны в памятниках VI–V вв. до н. э. Верхнего Приобья и V–III вв. до н. э. Алтая. В Верхнем Приобье (могильник Михайловка IV, датированный V–IV вв. до н. э.) найдены и наиболее близкие южноуральским кольца с заходящими концами из бронзовой проволоки, обтянутой золотой фольгой. Здесь же находят аналоги и спиралевидных колец. Височные кольца из бронзовой проволоки с заходящими друг за друга концами, а также в полтора, два или три оборота известны в памятниках культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья

XIII–VI вв. до н. э. Встречены они и в памятниках дворцового типа IX–VII вв. до н. э. Забайкалья.

С конца V века до н. э. на Южном Урале резко уменьшается количество погребений с каменными жертвенниками, а к концу IV века до н. э. традиция их изготовления и помещения в могильную яму практически прекращает свое существование. Большой интерес представляют и выводы В. К. Федорова, основанные на фиксируемой им динамике распространения основных атрибутов культа Сомы / Хаомы на Южном Урале. Он, в частности, отмечает, что этот культ «высоко значимый и необычайно популярный в VI–IV веках до н. э. в среде ранних кочевников Южного Урала, к концу IV — началу III века до н. э. неожиданно сдает все свои позиции». Одним из атрибутов этого культа являются костяные ложечки, которые в VI–V веках выступают как принадлежность прежде всего воинов, хотя некоторое количество их встречается в женских погребениях. В V–IV веках до н. э. удельный вес «воинских» и «женских» погребений сравнивается. С III века до н. э. ложечки практически перестают встречаться в воинских погребениях, их находят лишь в женских и детских. Не противоречат этим наблюдениям и данные о «жертвенниках» и ритуальных сосудах. Таким образом, изменения, связанные с распространенностью культа Сомы / Хаомы, начинают фиксироваться со второй половины V века до н. э., а к концу IV — началу III века до н. э. этот культ неожиданно сдает все свои позиции [33, с. 15, 16, 24, 25].

А. Х. Пшеничнюк уже в одной из первых публикаций о раскопках известных ныне Филипповских курганов (конец V — начало IV в. до н. э.) отметил, что как по сопровождающему инвентарю, так и по погребальному обряду они гораздо больше тяготеют к синхронным памятникам востока и юго-востока степной Евразии, таким как курган Иссык в Казахстане, Пазырыкские курганы на Алтае и др. Особенно ярко это проявляется в изделиях, выполненных в зверином стиле [26, с. 13]. Анализируя особенности художественных изделий V–IV веков до н. э. из Прикубанья, Е. Ф. Королькова ближайшие аналоги кубанского звериного стиля обнаруживает в памятниках Южного Приуралья. Причем прослеживается достаточно устойчивая переключ-

ка между памятниками обеих регионов в категориях предметов, украшенных в зверином стиле, их конструкции, зооморфных мотивах, принципах формообразования, стилистических приемах и композиционных схемах. Кроме того, кубанские художественные изделия IV века до н. э. несут в себе черты евразийского звериного стиля с приемами стилизации, характерными для памятников из регионов Южного Приуралья и Южной Сибири. Объяснить этот феномен можно, если признать возможность неоднократного проникновения на протяжении скифской эпохи определенных групп евразийских кочевников с востока степной Евразии на территорию Предкавказья. Вполне вероятно существование одной из таких волн не позднее начала IV века до н. э. Эти группы кочевников, по ее мнению, были представлены кочевниками Южного Приуралья и Южной Сибири [18, с. 94, 99, 110]. Рассматривая же материалы Филипповских курганов, Е. Ф. Королькова выделяет в них группу изделий, которые по своим стилистическим особенностям ближе всего к зооморфным изображениям Алтая и Южной Сибири, что дает ей основание опять же предположить вероятность проникновения кочевников с востока [19, с. 40, 41].

Восточное происхождение имеют и культовые круглотелые сосуды из кургана 1 могильника Филипповка I. Причем их прототипы обнаруживаются в центральноазиатских памятниках еще в эпоху бронзы. В скифское же время они встречаются в памятниках Алтая и Южного Приуралья. На китайские аналоги в памятниках пазырыкского времени Алтая, Восточного Туркестана и Семиречья (курган Иссык) и на влияние искусства Китая на искусство кочевников востока степной Евразии обратили внимание и другие исследователи.

С проникновением нового населения, возможно, из центральноазиатского региона, следует, вероятно, связывать появление в лесостепи, а затем и в степи Южного Урала ламеллярного доспеха с костяными вертикальными пластинами прямоугольной формы, имеющими боковые и угловые отверстия. Формирование его связано с китайской военной традицией, восходящей к эпохе неолита. Система отверстий, присущая пластинам доспеха этого типа, возникла в Китае в эпоху поздней брон-

зы, но окончательно оформилась в регионах Дальнего Востока и Центральной Азии не ранее V века до н. э. И уже отсюда ламеллярный доспех с костяными пластинами указанного типа был заимствован населением Алтая, которое способствовало его распространению на земли Южного Урала. В лесостепном Притоболье костяные панцирные пластины прямоугольной формы с боковыми и угловыми отверстиями известны в памятниках гороховской культуры IV–II веков до н. э. На Южном Урале они найдены в двух погребениях раннего IV века до н. э. — в кургане 7 Филипповского могильника и кургане 10 могильника Переволочан.

Возможно, с этим импульсом с востока следует связывать и появление на Южном Урале сосудов с налепными ушками по плечикам. Такие сосуды с двумя или, реже, четырьмя ушками известны в памятниках Верхнего Приобья, предгорного и Горного Алтая, датированных в пределах V–III вв. до н. э. Восточное происхождение у кочевников Южного Урала имеют и сосуды с подковообразными налепами, которые достаточно часто встречаются в лесостепном и предгорном Алтае, но особенно характерны они для памятников V–III веков до н. э. Горного Алтая.

Анализируя инновации в погребальном инвентаре ранних кочевников Южного Урала второй половины V — IV века до н. э., нельзя не заметить, что аналоги большинства из них происходят с территории степи и лесостепи Обь-Иртышского междуречья и Верхнего Приобья. Фиксируемая близость ряда элементов погребальной обрядности

Керамический сосуд сарматского времени. Могильник Победа (IV в. до н. э.)

и особенно материальной культуры послужила основой для представления о раннем, уже в V веке до н. э., проникновении «савроматов» Южного Урала и Нижнего Поволжья на восток — в лесостепь и степь Обь-Иртышья, в Верхнее Приобье и Горный Алтай. С приходом сюда в V–IV веках до н. э. небольших групп савромато-сарматов связывают появление шатровых надмогильных конструкций, диагональных погребений в больших, близких к квадрату ямах, погребений в подбоях, меловой подсыпки, кусочков мела и охры в погребениях, размещение рядом с погребенным (в изголовье или сбоку) жертвенной пищи в виде бока лошади или ноги барана. Из инвентаря с савромато-сарматскими миграциями связывают прежде всего каменные жертвенники, особенно прямоугольные на четырех ножках, а также зеркала различного типа с длинной боковой ручкой, браслеты и серьги в полтора оборота, мечи и кинжалы «сарматских» типов, колчаные крюки, бронзовые колесовид-

ные подвески (амулеты-колесики), отдельные детали конского снаряжения и др. Проникновение в V–III веках до н. э. поздне-савроматского и ранне-сарматского населения происходило, по мнению В. А. Могильникова, от Южного Зауралья до Верхнего Приобья вдоль южной кромки лесостепи между саргатским (в Западной Сибири) и тасмолинским (в Центральном Казахстане) ареалами [23, с. 109]. К данному региону приурочены находки каменных жертвенников на ножках и колесовидных подвесок. Эта миграция кочевников Южного Урала в Верхнее Приобье подтверждается, по его мнению, и антропологическими данными, ибо черепа из могильников IV–II веков до н. э. Центральной Барабы проявляют наибольшую близость к краниологии сарматов Приуралья и Нижнего Поволжья, а также саков Казахстана [22, с. 87].

Высказанное В. А. Могильниковым мнение о наличии в культуре населения Верхнего Приобья сарматских элементов, связанных с проникновением сюда в V–IV веках до н. э. и в конце IV — начале III века до н. э. ранних кочевников с Южного Урала, нашло поддержку у части исследователей. Вместе с тем ряд археологов, отмечая определенные связи населения лесостепного Приобья с савромато-сарматами, подчеркивают, что это не было результатом непосредственного влияния сарматов. Перечисленные выше «сарматские» черты присущи, по их мнению, широкому кругу памятников эпохи ранних кочевников и являются общими для группы племен, которые проживали на Южном Урале, в Казахстане и Западной Сибири.

Так была или нет «савромато-сарматская миграция» в V–IV веках до н. э. на восток — в степь и лесостепь Верхнего Приобья?

Появление традиции сооружения низких шатровых вымоستков на кольцевом вале вокруг могильной ямы, аналогичных верхнеприобским, трудно связать с какой-то определенной археологической культурой. Распространяется она по евразийским степям с запада на восток как престижная традиция возведения элитарных курганов для воинской знати. Появление этой традиции на юге Кулунды обусловлено, очевидно, культурным влиянием саков Северного Казахстана или носителей саргатской культуры тоболо-иртышской лесостепи.

Конный латник — знатный воин пазырыкской культуры (VI–V вв. до н. э.). Реконструкция М. В. Горелика

Оружие сарматского времени.
Челябинская область.
Случайные находки
(IV–II вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Связывать появление погребений в подбоях в Верхнем Приобье и прилегающих к нему районах с приходом сюда уже в V веке до н. э. кочевников («савроматов») Южного Урала вряд ли правомерно. Подбойные захоронения на Южном Урале появляются во второй половине — конце V века до н. э. и широко распространяются лишь с начала IV века до н. э. Причем это почти исключительно подбой с меридиональным или близким к нему расположением погребальной камеры и ориентировкой погребенных головой в южный сектор. В то же время в Восточном, Центральном и Северном Казахстане подбойные захоронения с широтной ориентировкой погребальных камер продолжают бытовать на протяжении всего V века до н. э. В Центральном Казахстане известны и подбойные захоронения с северо-западной ориентировкой погребенных. В Верхнем Приобье три ранних погребения в подбоях, обнаруженные в Восточной Кулунде и датируемые в пределах V–III вв. до н. э., ориентированы широтно. Погребения разграблены, кости в них перемешаны, инвентарь отсутствует. Возможно, первоначально погребенные в них были уложены головой на запад. Пять других подбойных захоронений с меридиональной ориентировкой погребальных камер датированы III–II вв. до н. э. Конструктивно они наиболее близки к подбойным захоронениям VI–IV вв. до н. э. могильника Жол-Кудук в Павлодарском Прииртышье. Причем в этом могильнике встречены и могильные ямы с заплечиками и деревянными перекрытиями, что сближает этот некрополь с могильниками каменной культуры Верхнего Приобья. Аналогичного типа подбой представлены и в могильнике Айдабуль II в Северном Казахстане, а также в курганах саков Семиречья VI–V веков до н. э. Все это привело В. А. Могильникова к выводу о том, что появление подбойных погребений в Верхнем Приобье отражает проникновение в данный регион с запада саков Восточного Казахстана и, возможно, небольших групп кочевников Южного Приуралья [22, с. 22, 23]. Как представляется, подбойные захоронения в Верхнем Приобье, если они действительно датируются V–III в. до н. э., являются лишь свидетельством одной из форм инфильтрационных контактов — переселения небольшой родовой группы

из Северного или Восточного Казахстана. К такому же выводу в отношении женских подбойных захоронений Горного Алтая пришел А. С. Суразаков, который предположил, что это погребения иноплеменниц, взятых в жены представителями местного населения из удаленного иноэтнического массива [30, с. 54].

Диагональные погребения в прямоугольных и квадратных ямах появляются на Южном Урале и в Нижнем Поволжье с середины V века до н. э. и составляют всего 2,3 % погребальных комплексов VI–IV веков до н. э. В IV–III веках до н. э. число диагональных погребений увеличивается до 4,7 %. Диагональное положение погребенных в этих регионах можно включить, наряду с подбойной конструкцией могил, мечами переходного типа и другими признаками, в перечень инноваций, маркирующих черты формирующейся раннесарматской культуры. Причем этот признак после рубежа IV–III веков до н. э. на Южном Урале и в Нижнем Поволжье уже не встречается. Кроме того, связывать диагональный обряд погребения с конкретными этническими группами населения вряд ли возможно, так как диагональные захоронения входят в число признаков, маркирующих высокий социальный статус погребенных во многих регионах евразийских степей.

Все диагональные погребения Южного Урала и Нижнего Поволжья можно разделить на две хронологические группы — раннюю, которая включает комплексы, датируемые преимущественно V–IV вв. до н. э., и позднюю, включающую погребения I–II вв. н. э. Диагональные погребения Кулунды датированы III–II вв. до н. э., однако на исконно сарматской территории диагональные погребения этого времени пока неизвестны.

Как показало детальное изучение засыпи, дна и стенок более 700 могильных ям эпохи бронзы и раннего железа в различных регионах степной зоны, в том числе и степном Приуралье, «меловая подсыпка» является результатом естественного процесса солевой аккумуляции и представляет собой смесь легкорастворимых солей. Причем в степном Приуралье наличие действительно меловой подсыпки не зафиксировано ни в одном из почти 200 погребений бронзового и раннего железного веков. Эти данные позволяют высказать обоснованные сомнения в существовании данного признака в погребальном обряде [9, с. 171–173].

Каменные жертвенники без ножек или на четырех невысоких (намечающихся) ножках не могут выступать в качестве культуросопределяющей категории инвентаря ранних кочевников Южного Урала, ибо в VII–VI веках до н. э. они бытуют в уралоказахстанских степях, Приаралье и Семиречье.

В Верхнем Приобье наиболее ранние жертвенники без ножек появляются в середине VI века до н. э. и бытуют до конца V — IV века до н. э. В то же время распространение в лесостепи и степи Обь-Иртышья в IV–III веках до н. э. каменных жертвенников без ножек можно связать, как и появление подбоев с широтной ориентировкой погребальных камер, с притоком кочевого населения из Центрального и Северного Казахстана, где изделия этого типа продолжали использоваться на протяжении всего V века до н. э. У ранних кочевников Южного Урала овальные или подпрямоугольные каменные жертвенники без ножек, аналогичные находимым в лесостепи и степи Обь-Иртышья, выходят из употребления уже к середине V века до н. э.

Жертвенники же на двух или четырех высоких ножках на Южном Урале распространяются практически одновременно с их появлением в Верхнем Приобье и Горном Алтае. В Горном Алтае каменные жертвенники этого типа найдены только в двух погребениях знати (Пазырык, Каракол), причем оба жертвенника сопровождалась зеркалами. Попали же они сюда, по мнению В. А. Могильникова, вместе с женщинами из степного или лесостепного Приобья во второй половине — конце V века или даже на рубеже V–IV веков до н. э. (Пазырык) и в IV–III веках до н. э. (Каракол) [22, с. 89–91]. Характерные же для Южного Урала (культуросопределяющие) жертвенники на трех высоких зооморфных ножках неизвестны ни в Верхнем Приобье, ни на Алтае, за исключением, пожалуй, одного — из кургана I могильника Богдановка.

Следует также отметить, что на Южном Урале круглые каменные жертвенники на трех или четырех ножках датируются в рамках конца VI — V вв. до н. э., но главным образом в рамках конца VI — первой половины V в. до н. э. Прямоугольные жертвенники на двух или четырех высоких ножках на

Погребальные сооружения и погребальный обряд. Памятники ранних кочевников

Южного Зауралья второй половины V—IV вв. до н. э.

Южном Урале также могут быть отнесены к концу VI — V в. до н. э., позднее они уже не встречаются. Лишь круглые орнаментированные жертвенники без ножек доживают до рубежа IV–III веков до н. э., но и их немного. Таким образом, можно констатировать, что к началу IV века до н. э. обычай помещать в могильную яму каменные жертвенники на Южном Урале практически пресекается. Что же касается других категорий инвентаря «сарматских» форм, то выше уже было сказано, что на Южном Урале и в Верхнем Приобье они появляются практически одновременно.

Близость памятников степи и лесостепи Обь-Иртышского междуречья и Южного Урала конца V — IV вв. до н. э. является, скорее всего, результатом движения на запад во второй половине V — IV веке до н. э. различных групп родственных племен, живших до этого в пределах Северного и Северо-Западного Китая, скорее всего, Восточного Туркестана. Первое, по всей видимости, наиболее массовое переселение осуществлялось, вероятно, несколькими последовательными волнами, но на протяжении достаточно короткого промежутка времени — в пределах, скорее всего, третьей четверти V века до н. э. В дальнейшем, на протяжении IV века до н. э., эти миграции уже имели менее массовый характер. На запад, главным образом на Южный Урал, уходили небольшие родовые подразделения, которые вливались в среду родственных племен.

Первый этап этого движения в третьей четверти V века до н. э. проходил, вероятно, почти по тому же сценарию, что и миграция конца VI века до н. э. Основная масса кочевого населения шла через Семиречье на Южный Урал, вливаясь по ходу движения в среду местных кочевых племен. Небольшая же часть переселенцев из Восточного Туркестана откололась от основного массива и передвинулась на север — в степь и лесостепь Обь-Иртышья. Возможно, в отличие от предыдущего переселения, какая-то часть кочевников Восточного Туркестана вошла в состав кочевников Северного Казахстана, привнеся туда «сарматские» элементы погребальной обрядности и инвентаря.

Переселенцы принесли на Южный Урал и в Верхнее Приобье близкие формы инвентаря, включая

оружие (мечи и кинжалы переходных и «раннесарматских» форм), украшения, зеркала различных типов, в том числе с длинной ручкой и циркульным орнаментом на оборотной стороне диска, некоторые образцы звериного стиля и т. п. С этим передвижением следует связывать появление на Южном Урале захоронений в подбоях с меридиональным расположением погребальной камеры и южной ориентировкой погребенного, захоронений в могильных ямах с заплечиками. В Верхнее Приобье, в отличие от Южного Урала, пришло в основном население, которое практиковало обряд погребения в могильной яме с заплечиками.

Судьба переселенцев из Восточного Туркестана была различной. В Верхнем Приобье в силу своей малочисленности они довольно быстро растворились в аборигенной среде. Этим, вероятно, можно объяснить то, что инновации в погребальном обряде и инвентаре, четко фиксируемые в IV веке до н. э., здесь довольно быстро затухают. Интеграция пришлого и местного компонентов приводит здесь к нивелировке культуры в III веке до н. э.

На Южном Урале пришельцы довольно быстро и органически слились с местным населением, заняв, вероятно, ведущие позиции в общественной жизни. Привнесенные же ими инновации — как в погребальном обряде, так и в инвентаре — продолжали развиваться на протяжении всего раннесарматского времени. Процесс этот стимулировался притоком в течение IV века до н. э. новых, пусть и немногочисленных групп кочевников Восточного Туркестана, принесших, в частности, обряд захоронения в катакомбах, где погребальная камера является продолжением входной ямы.

Чем конкретно было вызвано движение кочевников Восточного Туркестана на запад, сказать в настоящее время достаточно сложно. В основе его могли лежать как климатические изменения в регионе, так и события политической истории на северных и северо-западных границах Китая.

По имеющимся данным, самое сильное похолодание за последние 5000 лет приходится на середину I тысячелетия до н. э. (650–280 гг. до н. э.). Это так называемое похолодание ранней субатлантической эпохи. В первой половине V века до н. э. фиксировались наиболее низкие температуры за

период с середины I тысячелетия до н. э. до середины VII века н. э. В этот период наиболее крупное потепление приходится на конец V — середину IV века до н. э., на рубеже V–IV веков до н. э. оно прерывается коротким, но интенсивным похолоданием. В IV веке до н. э. и на рубеже II–III веков н. э. фиксировались наиболее высокие температуры за период с середины I тысячелетия до н. э. до середины VII века н. э. [13, с. 5–24; 14, с. 9–24]. По новым, уточненным данным, похолодание ранней субатлантической эпохи характеризуется как асимметричный двойной холодный эпизод, в котором два этапа похолодания были разделены кратковременным потеплением примерно между 450 и 380 годами до н. э. В Северном и Северо-Западном Китае и прилегающих районах Монголии в период похолодания температуры года, зимы и лета были ниже современных в среднем на 0,5 градуса. Осадков же на всей территории выпадало больше современной нормы. Количество их увеличивалось с севера на юг — до величины 50 миллиметров в год на юге

Ордоса [15, с. 393]. Таким образом, климат в Северном и Северо-Западном Китае и Южной Монголии в VII — первой половине V века до н. э. можно охарактеризовать как более прохладный и влажный, чем современный. Такие климатические условия способствовали развитию скотоводческого хозяйства, расцвету скотоводческих культур. Резкое же глобальное потепление в середине V века до н. э. не могло не отразиться на природных условиях региона, а следовательно, и на хозяйстве кочевников.

В Китае в конце периода Чуньцю (770–475 гг. до н. э.) происходит усиление некоторых кочевых племен западных жунов, обитавших в бассейне реки Вэйхэ и далее к западу, что приводит к созданию ряда протогосударственных образований. Среди них самым крупным было в то время «царство» Ицью. Известно, что в 470 году до н. э. Ицью присылает дань цинскому гунну, а через двадцать с лишним лет Цинь нападает на Ицью и захватывает в плен его правителя. В 430 году до н. э. Ицью предпринимает крупный поход против Цинь.

Китай в период Чжаньго (около 350 г. до н. э.)

Борьба Цинь и Ицью с переменным успехом продолжается до середины IV века до н. э. Усиление в середине этого столетия военной мощи Цинь и «внутренние смуты» в Инцюе (331 г. до н. э.) привели к тому, что в 327 году до н. э. Ицью признал себя вассалом Цинь. После этого Цинь перешел к последовательным действиям, направленным на захват земель Ицюя. В 314 году до н. э. поход циньцев закончился присоединением 25 «городов» к царству Цинь. В 272 году до н. э. правитель Ицюя был заманен в циньскую столицу и там убит. На территории его царства были основаны циньские округа.

В середине V века до н. э. основатель китайского царства Чжао Сян-цзы (умер в 425 году до н. э.) присоединил к своему государству не только земли области Дай на территории современного уезда Вэй провинции Хэбэй, а также на прилегающих землях северо-восточной части провинции Шаньси, но и некоторые более западные территории, населенные кочевниками. Закрепляя за собой вновь приобретенные земли, Сян-цзы возводит там пограничную стену. С конца IV века до н. э. в сфере влияния Чжао оказались и лоуфани, известия о которых впервые появляются в IV веке до н. э. Судя по данным, относящимся к периоду Чжаньго («Сражающихся царств», 403–256 гг. до н. э.), лоуфани — это кочевые племена, центром расселения которых были северные районы провинции Шаньси и прилегающие области Ордоса. В предшествующее время (конец IV века до н. э.) лоуфани жили восточнее — близ западных границ царства Янь, где они неоднократно подвергались нападениям сюнну и ху (например, между 314 и 312 годами до н. э.). Затем лоуфани упоминаются к северу от царства Чжао. На рубеже IV–III веков до н. э. лоуфани вместе с племенами линьху были разгромлены «на севере» чжаоским правителем Улин-ваном. В дальнейшем линьху упоминаются на северных границах Чжао, а лоуфани — только к западу от него. После этого разгрома лоуфани утратили не только контроль над торговыми путями, но и пастбища на севере Шаньси. На захваченных землях были организованы три новых округа царства Чжао, в результате чего территория царства увеличилась по меньшей мере вдвое. Для за-

щиты вновь приобретенных и осваиваемых земель была возведена пограничная стена. Судя по письменным источникам, аннексия принадлежавших кочевникам областей часто сопровождалась полным вытеснением или уничтожением кочевого населения.

Насколько соотносятся между собой климатические трансформации в регионе к северу и северо-западу от «Сражающихся царств» и исторические события на их границах, определить в настоящее время трудно. Но, скорее всего, именно они вызвали изменение в соотношении сил кочевых объединений, перегруппировку и перемещения кочевников внутри региона, начиная со второй половины V века до н. э. и на протяжении всего

Нападение кошачьих хищников на быка. Бронзовая скульптура. III в. до н. э. Диен (провинция Юньнань, Китай)

Бронзовый барабан с изображением волков и тигров. III в. до н. э. — I в. н. э. Диен (провинция Юньнань, Китай)

IV века до н. э. Следствием этих же событий явился и отток части кочевого населения Восточного Туркестана за пределы Центральной Азии.

О том, что такой отток имел место уже в V веке до н. э., свидетельствуют материалы региона, далекого не только от степей Южного Урала, но и от Верхнего Приобья,— долины озера Дали и бассейна впадающих в него рек, расположенной к югу от Янцзы в ее верхнем течении, на территории современной провинции Юньнань. Этот район, как и зоны, расположенные непосредственно к северу от него, удобен для скотоводства. В V веке до н. э. здесь в культуре Диена в результате кратковременного, но сильного влияния извне формируется всаднический комплекс, который всеми своими аналогиями связан с северными степными районами. Для этого

Деревянный сосуд с оковкой в виде шагающего оленя с рогами, украшенными головками хищных птиц (конец V — IV в. до н. э.). Могильник Филипповка I. ОГИКМ

Всадник на лошади с подвешенным к поясу горитом. Костяная фигурка (конец V — начало IV в. до н. э.). Могильник Филипповка I (по Золотые олени Евразии..., 2002)

комплекса, или «культуры всадников-меченосцев», характерны изображения мужчин — конных воинов, тяжеловооруженных, с доспехами и щитами, с большими усами и естественной или накладной бородой, в длинных сравнительно узких штанах. Комплекс вооружения представлен длинными мечами, тяжелыми копьями, чеканами. Северными элементами в культуре Диена кроме тех, что связаны с конем, следует также считать «звериный стиль», поясные пряжки, пятилепестковые бляшки, бляшки с изображением тигра, северные виды скота и явно не монголоидный тип лица. Аналогии всему этому можно отыскать лишь в степях на северо-западе и севере (до Ордоса как восточной точки). Вероятно, в своих походах на юг тибето-бирманоязычные цяны, смешавшиеся с представителями какой-то группы центральноазиатских или южносибирских народов (юэчжи?), достигли правобережья верхней Янцзы и покорили земледельческое прототайское и древнемонкхмерское население. Возникла устойчивая культура, обслуживающая общество, где представители указанной группы заняли господствующее положение.

На Южном Урале наступление новой эпохи также ознаменовалось распространением длинных мечей и копий. Концом V века до н. э. датируются наиболее ранние экземпляры длинных железных мечей. К концу V — IV веку до н. э. относится абсолютное большинство наконечников копий раннего железного века, найденных на Южном Урале. В это же время в искусстве южноуральских кочевников появляются изображения вооруженных всадников (оковка закраины деревянного сосуда из кургана 1 и костяная скульптурка из погребения 1 кургана 3 могильника Филипповка). Вероятно, тогда же образ конного воина входит в искусство кочевников Семиречья (скульптурное изображение вооруженного всадника в сцене охоты на бронзовой курильнице из окрестностей Алматы). Курильницы, или светильники этого типа традиционно датируются V–III или IV–III вв. до н. э.

Как уже отмечалось, привнесенная в третьей четверти V века до н. э. в Южное Зауралье традиция погребений в подбоях с южной ориентировкой покойников нашла на Южном Урале благодатную почву, тем более что выделение южного сектора

как маркера высокого социального, прежде всего воинского и жреческого статуса происходило здесь и ранее. Таким образом, подбойные захоронения с южной ориентировкой погребенных, являясь первоначально показателем принадлежности к определенному этносу, очень быстро стали своеобразным маркером высокого социального статуса среди воинского и жреческого сословий кочевого общества Южного Урала.

Приход в Южное Зауралье немногочисленных, но достаточно богатых и знатных кочевых родов из Восточного Туркестана имел следствием и зарождение новой традиции, получившей развитие позднее и уже на другой территории. Мы имеем в виду традицию центрически-круговой планировки погребений под курганной насыпью. В литературе уже обращалось внимание на более раннее появление такой планировки в Южном Зауралье, нежели в Южном Приуралье, где она фиксируется

с конца V века до н. э. Причем в Южном Зауралье в наиболее ранних курганах с этой планировкой (курган 1 могильника Агаповские Горы IV; курганы 2 и 3 курганной группы Победа; курган 3 могильника Кичигино I) основное погребение, датированное в пределах первой половины V в. до н. э. и относимое к древнепрохоровскому этапу, достаточно четко отличается по погребальному обряду и инвентарю от погребений, введенных в насыпь кургана. Последние же являются одними из наиболее ранних погребений раннепрохоровского этапа (вторая половина V — IV в. до н. э.). Это одиночные захоронения в подбоях или простых грунтовых ямах с ориентировкой погребенных головой в южный сектор, с инвентарем раннесарматских форм (мечи переходного типа, зеркала типа «малокизыльских», костяные ложечки, ворворки и т. п.).

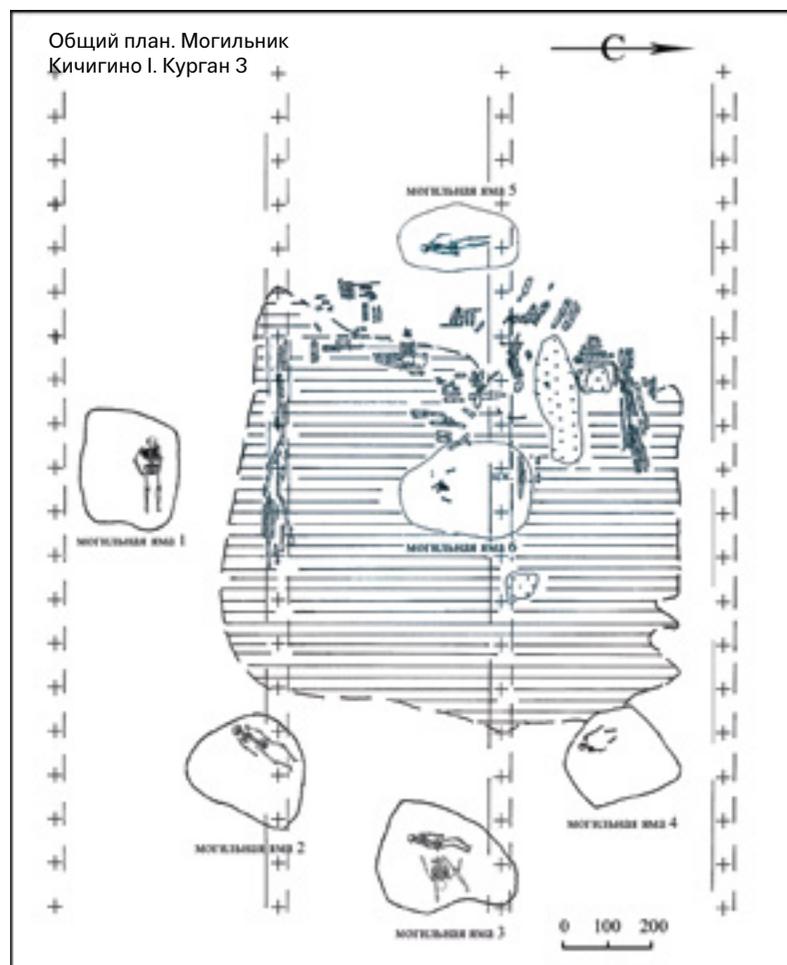
Очевидно, здесь мы имеем дело с двумя тесно связанными явлениями. Одно — «обычай приоб-

Оковка — металлическая деталь, являющаяся украшением деревянного сосуда; надевалась на венчик сосуда или прибивалась к его тулову с помощью гвоздиков, также сделанных из соответствующего металла.

Ворворка — подвижная деталь для застегивания и закрепления концов ремешков и шнурков.

Ворворки. Могильник Кичигино I (VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

щения». Курган в кочевых обществах выступал как своеобразный символ связи соорудивших его коллективов с данной территорией, как знак собственности коллектива на определенную территорию. Отсюда вполне естественным выглядит стремление более поздних мигрантов со стороны тем или иным способом приобщиться к этому символу, то есть к сооружениям, оставленным их предшественниками. И они либо сооружали свои курганы рядом с уже существующими, либо погребали своих усопших в насыпях более ранних курганов, не тревожа, однако, при этом находящиеся там захоронения.

Второе явление связано, вероятно, со стремлением мигрантов приблизить своих усопших к «мифическим предкам». Включение иноплеменников в существующую структуру общества неизбежно требовало и включения их в существующую родовую генеалогическую систему — реальную или, чаще, мифическую. Вводные в насыпь более ран-

него кургана погребения являлись, таким образом, символом включения мигрантов в структуру общества, символом «обретения» ими предков, издавна обитавших на данной территории. В дальнейшем этот зародившийся в Южном Зауралье обычай был привнесен в Южное Приуралье, где в новую историческую эпоху получил новое содержание. В условиях возрастания значения кровнородственных связей он должен был подчеркивать родство всех погребенных под насыпью кургана, принадлежность их к одному коллективу.

Северными соседями ранних кочевников степей Южного Зауралья во второй половине V — II веке до н. э. были племена иткульской, гороховской и саргатской культур.

В развитии иткульского очага медной металлургии выделяются три периода: VII–VI, конец VI — V и IV–III века до н. э. В первые два периода его развитие идет по нарастающей, восходящей линии;

Раскопки кургана 3
могильника Кичигино I

третий период — это время некоторого равновесия и последующего движения по нисходящей. В V веке до н. э. территория иткульского очага металлургии расширяется и достигает максимума. В это же время меняется характер памятников и производства на них — появляются производственные площадки, предназначенные для выплавки меди в значительных масштабах, производство становится биметаллическим — наряду с медным производством отмечено наличие железоделательного ремесла. Кроме того, в производстве металла наблюдается развитие определенной специализации. В V–IV веках до н. э. иткульцы становятся основными поставщиками металла кочевым народам Южного Урала. Одновременно они снабжают медью, ее сплавами и готовыми изделиями племена Прикамья. По-видимому, так же, как и в предшествующее время, иткульские металлурги являлись тем звеном, которое соединяло с востока ананьинский мир с кочевниками Южного Урала и племенами урало-казахстанских степей.

Часть продукции иткульских металлургов поступала в бассейн Белой, в кара-абызские и приуральские гафурийские производящие центры. Иткульской медью и изделиями из нее снабжались и производящие центры саргатской и гороховской культур. Об этом могут свидетельствовать данные

Бронзовый кельт. Погребение гороховской культуры. Могильник Мавринский Увал (V–II вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

спектроаналитического исследования цветного металла с памятников гороховской культуры лесостепного Зауралья и саргатской Среднего Притобьля и Северного Казахстана. Потребителями иткульского цветного металла и изделий из него были и кочевники Северного Казахстана [4, с. 145–149].

Время постепенного упадка иткульского очага приходится на IV–III века до н. э. В этот период перестают функционировать основные производственные центры. Продолжают свое существование центры, возникшие в основном в V веке до н. э., но появляются и новые. Именно на них продолжает развиваться производство железа. Но, вероятно, это уже отдельные пункты, а очаг как система, как

Городище иткульской культуры Иртяш-10

Бронзовые антропоморфные
фигурки. Гороховская
культура. Сапоговский клад
(III-II вв. до н. э.).

Иллюстрация из книги
В. Я. Толмачева «Древности
Восточного Урала» (1913)

Тб. I.

Зап. Урал. Общ. Люб. Ест., т. XXXII.

1. дер. Сапогова. $\frac{2}{5}$.

По фот. сним. Н. А. Терехова.

единый организм прекращает свое существование в III веке до н. э.

Как уже отмечалось выше, в V веке до н. э. гороховцы активно осваивают земли воробьевских, баитовских и иткульских племен в лесостепном Зауралье. В это время на месте Воробьевского городища эпонимной культуры была возведена трехплощадочная гороховская крепость сложной конструкции. Гороховская керамика появилась на баитовских, иткульских и гамаюно-иткульских городищах. Кольцевые гороховские и сходные с ними укрепления с фигурной линией фортификаций распространились в Притоболье, низовьях Синары, на нижней и средней Исети. Как показала стратиграфия Носиловского городища и ряда других памятников Среднего Притоболья, прослеживается определенная тенденция к постепенному перемещению гороховского населения на восток, вытеснению баитовцев и заселению их территорий. В конце V — начале IV века до н. э. гороховцы уже занимали северную зауральскую лесостепь от восточного склона Урала до Среднего Тобола. Однако это движение гороховского населения на восток было остановлено встречным движением саргатских племен, первые памятники которых в Среднем Притоболье датируются концом V — началом IV века до н. э. Главной причиной перемещения саргатского населения на запад можно считать, с большой долей вероятности, перенаселенность в восточном ареале культуры при отсутствии свободных земель на востоке. Однако нельзя не учитывать и возможное стремление приблизиться к металлургическим центрам Зауралья.

Столкнувшись в Среднем Притоболье с гороховским и баитовским населением, саргатцы часть его ассимилировали, а часть оттеснили на север (баитовцы) или на запад, северо-запад и юг (гороховцы). Под давлением пришельцев в конце V — начале IV века до н. э. гороховское население из северной зауральской лесостепи вынуждено было передвинуться на запад, на территорию, занимаемую племенами иткульской и гамаюнской культур (восточные склоны Урала и его горнолесные районы). Это движение документируется появлением гороховской керамики в верхних слоях иткульских и гамаюнских памятников, курганах или бескур-

ганных погребениях гороховской культуры (иногда непосредственно на иткульских памятниках) на восточном склоне Урала.

Часть гороховских племен, включив в свой состав отдельные группы иткульского, гамаюнского и воробьевского населения Зауралья, продолжила свой путь на запад и осела на правобережье среднего течения реки Белой, оттеснив, а частично и ассимилировав местные племена (гафурийская группа памятников). Другая же группа оказалась в Северо-Восточной Башкирии (айская группа памятников). Определенное влияние пришлые зауральские лесостепные племена оказали и на сложение кара-абызской культуры.

В Зауралье ареал гороховской культуры в конце V — начале IV века до н. э., по-видимому, несколько смещается к югу, захватывая северную часть южной лесостепи (южнее реки Миасс), где до этого, в VII–V веках до н. э., фиксируются лишь памятники кочевого населения. В результате указанного процесса здесь появляются не только погребальные комплексы смешанного характера, к примеру причелябинская группа курганов, но и типично гороховские погребения. Интересны в этом плане материалы могильника у села Шатрово под Челябинском. В кургане 1 выявлено погребение VII–VI веков до н. э. с яркими сакскими чертами в погребальном обряде и инвентаре. Исследованный в этом же могильнике курган 3 дал типичное гороховское погребение с северной ориентацией костяка [31, с. 129–133].

Экспансия саргатских племен на запад привела к резкому обострению политической ситуации в лесостепном Зауралье. Именно на начальном этапе соседства гороховцев и саргатцев возникало большинство известных городищ на Нижней и Средней Исети и левобережье Тобола. Однако в скором времени ситуация стабилизировалась. Период конфронтации двух крупных культур сменяется длительным периодом их активного взаимодействия. Гороховский племенной союз оказывается расколотым на две части. Оставшиеся в Среднем Притоболье гороховцы включились в формирование притобольского варианта саргатской культуры, привнося в него свои традиции в обрядах, домостроительстве, гончарстве. На ме-

сте гороховских поселений возникают саргатские или смешанные, носящие саргатско-гороховские черты, появляются курганы с захоронениями носителей разных культур. Но процесс интеграции шел сложно, что объясняется, вероятно, устойчивостью гороховского компонента, обусловленной сохранением в Зауралье его крупного, относительно самостоятельного объединения. Это, по мнению Н. П. Матвеевой, заставляет характеризовать контакты гороховцев и саргатцев как межэтнические, в которых гороховские племена представляли юго-западную группу угров и, возможно, даже являлись ядром образовавшейся на Южном Урале прамадьярской общности [21, с. 158].

Тесное взаимодействие в хозяйственной, культурной и, возможно, политической сферах привело к тому, что в настоящее время очень трудно разграничить саргатские и гороховские комплексы III–II веков до н. э. Гороховская посуда этого времени по формам и основным узорам весьма близка саргатской и, несомненно, носит отпечаток влияния последней. Об этом взаимовлиянии говорят находки саргатской керамики на гороховских памятниках и наоборот.

После освоения Среднего Притоболья саргатское население постепенно включило в орбиту своего влияния иткульских металлургов, рыболовов и охотников лесного Зауралья (кашинская культура). Свидетельством этого может служить керамика переходных типов: гороховско-саргатская, саргатско-иткульская, саргатско-кашинская и т. д. Однако контакты саргатских племен с кочевниками Южного Урала в V–III веках до н. э. ограничивались, вероятно, лишь военно-политической сферой. Данное обстоятельство обусловило то, что в саргатских памятниках этого времени встречены в основном близкие сарматским формы оружия и лишь изредка — конской упряжи и поясной гарнитуры.

В IV–III веках до н. э. саргатские племена по-прежнему поддерживали различного рода контакты с кочевниками Северного Казахстана. В основе их лежала генетическая близость верхушки саргатского общества с номадами Северного Казахстана. Эта близость обусловила совпадение всех ведущих характеристик погребальной обрядности носителей саргатской и улубаевско-тасмолинской культур Северного Казахстана, совпадение

Антропоморфная пластика — скульптурное произведение малых форм, выполненное из металла, камня, глины и других материалов, по форме похожее на человека, скульптура с чертами человеческого тела, которая передает обобщенный (стилизованый) либо реалистический образ человека.

Бронзовые антропоморфные фигурки. Гороховская культура. Сапоговский клад (III–II вв. до н. э.). СОКМ

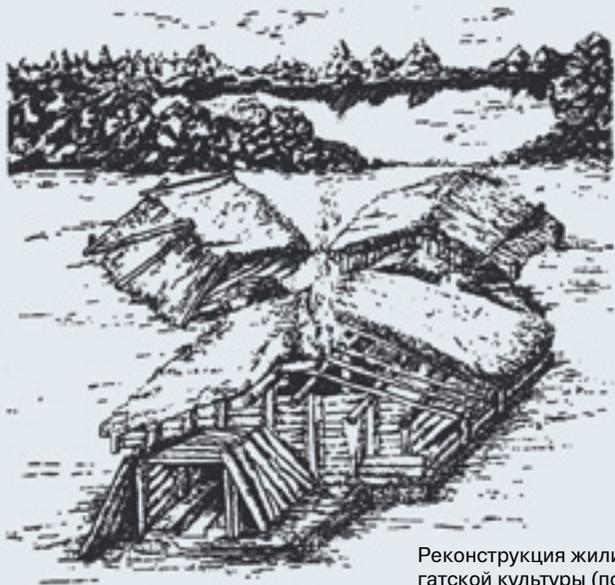
конструкции их погребальных сооружений. В курганах IV–II веков до н. э. кочевников Северного Казахстана появляется круглодонная керамика, типологически близкая к саргатской. Результатом глубокого проникновения в степи Северного Казахстана лесостепных элементов культуры стало появление в Ишимо-Чаглинском микрорайоне группы курганов, в которых сочетаются разнородные элементы погребального обряда и инвентаря. Вероятно, при посредничестве саргатских племен поступал к кочевникам Северного Казахстана иткульский металл.

Начавшаяся в конце III века до н. э. подвижка лесных кулайских племен Приобья в южном направлении несколько изменила ситуацию в восточном ареале саргатской культуры. Она, в частности, вызвала отток части барабинского и прииртышского населения на запад и частично на юго-восток, в районы Алтая. Вероятно, давление саргатских

племен с востока привело к подвижке населения и в лесостепном Зауралье. Следствием этого процесса явилось окончательное поглощение гороховского и иткульского населения и распространение саргатских культурных стереотипов по всему лесостепному Зауралью. Концом III — первой половиной II в. до н. э. датируются самые поздние гороховские погребальные комплексы.

В конце III века до н. э. начинается новый цикл проникновения южноуральских кочевников в лесостепь Зауралья и Западной Сибири, который заканчивается, вероятно, во второй половине II века до н. э. Очевидно, с этим проникновением связано увеличение в памятниках саргатской культуры количества воинских захоронений с оружием и конской упряжью прохоровских форм, а также комплексов с огнем, могильных ям с заплечиками, появление южной и широтной ориентировок и т. п.

Причинами, вызвавшими проникновение южнозауральских кочевников в лесостепь, были не только ухудшающиеся климатические условия в степи, но и неблагоприятная политическая ситуация в Средней Азии, близ их зимних кочевий (см. ниже). Но это проникновение носило уже совершенно иной характер, чем в конце VI — начале V века до н. э. Во-первых, оно, очевидно, было менее массовым. Эта миграция носила, скорее всего, характер внедрения отдельных родовых групп или их сегментов в состав саргатского населения. Во-вторых, происходило оно в совершенно иных исторических условиях. Если в конце VI — V веке до н. э. кочевой мир Зауралья находился в стадии подъема, то в конце III века до н. э. — в стадии глубокого упадка. С другой стороны, в конце VI — V веке до н. э. степные кочевники столкнулись в зауральской лесостепи с разнородным и раздробленным населением, составлявшим своеобразную мозаику культур и культурных типов. В конце III века до н. э. заканчивается процесс поглощения саргатцами предшествующих культурных образований лесостепи. В конце III — начале II века до н. э. в лесостепи Зауралья и Западной Сибири уже существовало мощное племенное объединение, находившееся на довольно высоком уровне социально-экономического развития.

Реконструкция жилищ саргатской культуры (по Коряковой Л. Н., Матвеевой Н. П.)

Определенное воздействие на племена лесостепи Тоболо-Иртышского междуречья оказали и события второй половины II века до н. э. в Средней Азии. Разгром в низовьях и по среднему течению Сырдарьи кочевых племен (среди которых были и номады Южного Зауралья и, что вполне вероятно, кочевые племена Северного и Центрального Казахстана) вызвал передвижение их основной массы на юг. Отдельные же группы, включающие не только южнозауральских, но, вероятно, и казахстанских кочевников, возможно, вынуждены были уйти на север, в лесостепь. Здесь они были включены в состав местного полукочевого населения, привнеся свои традиции погребальной обрядности.

Миграция кочевников Южного Зауралья как на запад, так и на юг, разгром оставшихся пришедшими из Внутренней Азии юэчжами имели далеко идущие для Урало-Аральского региона последствия. Племена зауральско-западносибирской лесостепи, носители саргатской культуры, теперь могли установить непосредственные, в том числе и торговые связи с земледельческими районами Средней Азии. Последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры датируется основная масса среднеазиатского импорта (прежде всего богатых женских украшений) в саргатских памятниках Западной Сибири. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в это время межплеменная торговля в Западной Сибири с участием саргатских племен достигла своего расцвета. В их руки перешел, вероятно, и контроль над торговыми путями, ведущими на юг. Вполне допустимо и предположение о постоянных прямых контактах лесостепного населения Зауралья с государственными образованиями Средней Азии. Запустение южнозауральских степей способствовало в какой-то степени расцвету саргатского племенного союза, что сопровождалось ростом населения в лесостепи, особенно в Зауралье.

В джетыясарских могильниках Юго-Восточного Приаралья, вероятно, с III века до н. э. появляются захоронения некоренного населения с керамикой, не характерной для этой культуры. Эти сосуды имеют наиболее близкие аналоги в материалах саргатской и гороховской культур. На связь с саргатской культурой указывают и могильные ямы с ровиками

вдоль стен ямы, по ее периметру. Среди саргатских погребальных памятников известны и могильные ямы с нишками для сосудов в продольной стенке, столь характерные для джетыясарских погребений. Бытовой и относительно массовый характер керамики, близкой саргатской, ее низкое качество позволяют говорить о переселении в II—I веках до н. э. в низовья Сырдарьи, к джетыясарским поселениям определенных масс зауральско-западносибирского населения. С этим передвижением связывается и появление в памятниках джетыясарской культуры литых бронзовых антропоморфных фигурок, части

Железный кинжал сарматского времени. Случайная находка у поселка Павловский (III—II вв. до н. э.)

Бусы из погребения
гороховской культуры.

Могильник Мавринский Увал
(V–II вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

антропоморфных налепов на стенках сосудов, ряда зооморфных металлических подвесок, изображений медведя на ручках керамических сосудов. Следует отметить, что в памятниках предшествующей чирикрабатской культуры Юго-Восточного Приаралья, существовавшей до начала II века до н. э., керамика, близкая к саргатской или гороховской, не зафиксирована. Данное обстоятельство может служить косвенным аргументом позднего, не ранее II века до н. э., проникновения лесостепного населения в низовья Сырдарьи.

Как уже указывалось, под давлением саргатских племен часть гороховского населения в конце V — начале IV века до н. э. смещается к югу — в северную часть южной лесостепи Зауралья. Это продвижение гороховского населения на юг сопровождалось, видимо, переходом некоторых групп к кочевому скотоводству и включением их в состав кочевников Южного Зауралья. Именно это включение дало толчок более быстрому распространению круглодонной тальковой керамики среди кочевников Южного Зауралья, окончательному оформлению керамического комплекса раннесарматской (прохоровской) культуры. Кроме того, экспансия саргатских племен создавала угрозу потери кочевниками зауральских источников металла. В этих условиях

неизбежен был военно-политический союз южно-зауральских кочевников и лесостепного гороховского населения. Последние, идя на этот союз, видели в кочевниках реальную силу, способную хотя бы на время приостановить движение восточных племен. Для кочевников же союз с гороховцами давал возможность не только постоянного, точнее сказать, круглогодичного контроля над племенами — производителями металла, что, вероятно, имело место и в предшествующее время, но и сохранения для себя этого почти единственного к тому времени источника стабильного поступления металла и изделий из него. Наличие такого союза помимо близости форм хозяйства, общности экономических интересов и, вероятно, генетического родства, явилось дополнительным фактором, обеспечивающим тесное взаимодействие на территории Южного За-

Ючжийский
вождь — кон-
ный доспеш-
ный воин (луч-
ник и мечник).
III в. до н. э.
Реконструкция
М. В. Горелика

уралья степных и лесостепных традиций в погребальной обрядности и материальной культуре.

Потребности обороны вызывали милитаризацию всех сфер жизнедеятельности кочевого и полукочевого населения Зауралья. Это проявляется, прежде всего, в широком распространении оружия ближнего боя, которое становится одной из наиболее обычных категорий погребального инвентаря у кочевников (мечи и кинжалы этого времени преобладают и среди случайных находок вооружения в Зауралье). Теперь клинковое оружие сопровождается не только «богатые», но и достаточно «рядовые» погребения номадов. Многочисленны находки железных кинжалов и в лесостепи — там, где предметы этой категории предшествующего времени чрезвычайно редки. Одновременно идет активный процесс выработки новых форм оружия. Кинжалы становятся более рациональными не только с точки зрения их механических свойств, но и с точки зрения возможности широкого, массового производства, происходит их определенная стандартизация. Получает распространение и такой вид оружия, как копье. Происходит и стандартизация бронзовых наконечников стрел. Многообразие их типов и вариантов савроматского времени сменяется в течение IV века до н. э. господством нескольких, вероятно, наиболее рациональных форм.

Возрастание роли войны и военного сословия в жизни общества неизбежно должны были вести к повышению значения воинских культов. Археологически этот процесс зафиксировать довольно трудно, но для Зауралья свидетельством его являются бронзовые литые фигурки воинов из сел Сапогово и Карино, поселка Элеватор на севере Челябинской области. Мечи и кинжалы с прямым перекрестием и серповидным, прямым или рожковидным навершием, изображенные на них, позволяют датировать эти фигурки IV–II вв. до н. э., скорее даже IV–III вв. до н. э.

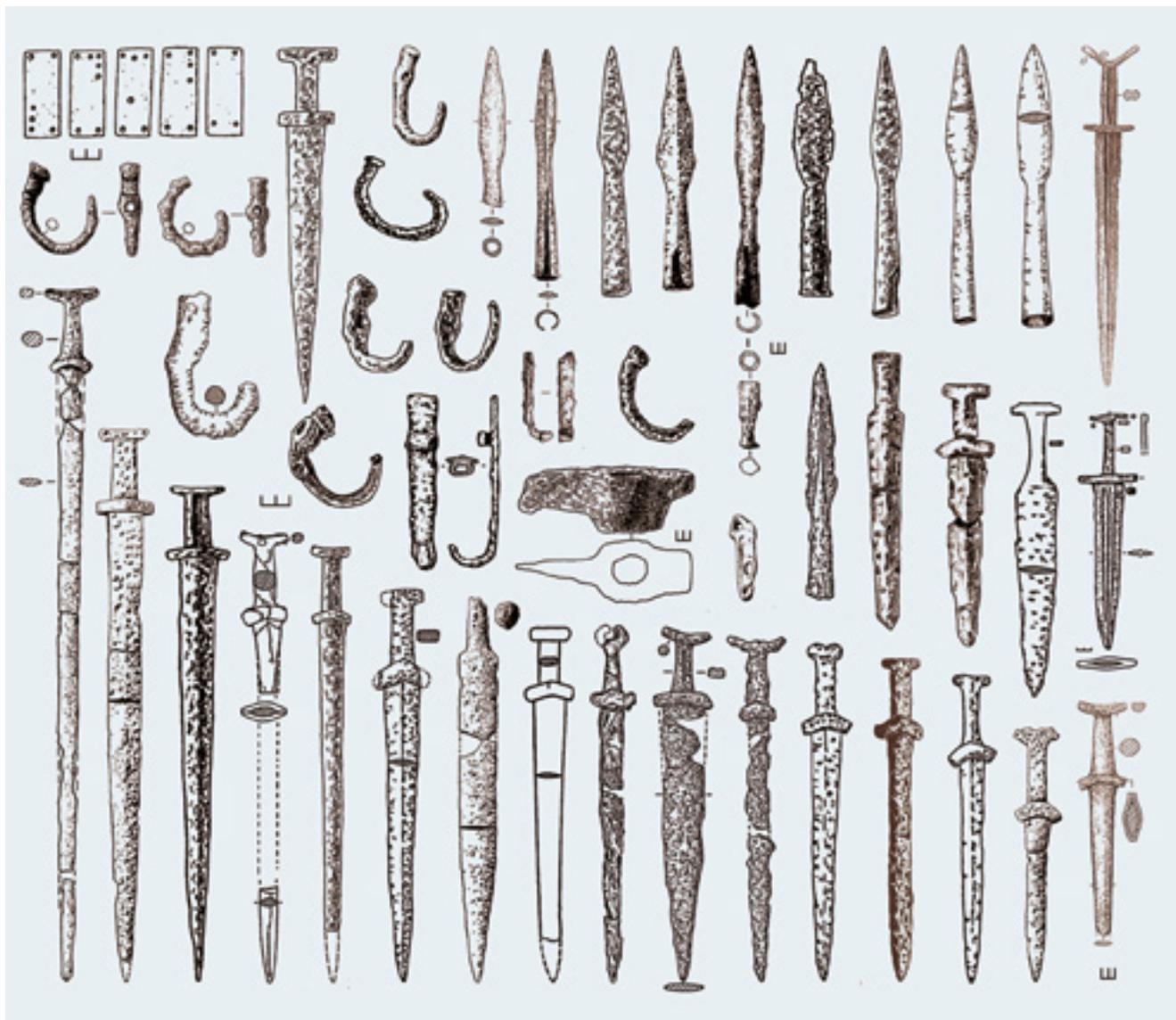
Военизация общества проявилась, видимо, и в том, что некоторые традиции погребальной обрядности (имеются в виду, прежде всего, южная ориентировка погребенных, погребения в подбоях и катакомбах), являвшиеся до этого времени одним из средств идеологической обособленности военного и, возможно, жреческого сословия, на-

чали активно перениматься рядовым населением, приобрели массовый характер. Специализация же все возрастающей части мужского населения на военной деятельности имела существенные последствия для самых разных сторон общественной жизни. Изменения же в одной сфере культуры, в данном случае в военной, приводят к изменению почти всей культуры, что мы и наблюдаем у ранних кочевников Южного Зауралья в конце V — IV веке до н. э. Ведь инновация, которая, в принципе, может начаться в любой отдельно взятой сфере культуры и в любой социальной прослойке или группе, обычно рано или поздно в той или иной мере приводит к некоторым изменениям и в других культурных сферах и социальных группах.

В социально-потестарной сфере регулярный характер войны и всеобщая милитаризация ведут

Бронзовая антропоморфная фигурка. Гороховская культура. Случайная находка у поселка Элеватор (III–II вв. до н. э.). ГИМЮУ

Оружие ранне-сарматского времени Южного Зауралья (конец V–IV вв. до н. э.)

Керамика ранне-сарматского времени Южного Зауралья (конец V–IV вв. до н. э.)

к укреплению позиций военных руководителей, вокруг которых складываются дружины профессиональных воинов. Для них война и военный грабеж сделались главным, если не единственным источником средств к существованию. Дружина с самого начала создавалась вне рамок традиции, ее членов объединяли не родственные и не общинные связи, а специализация на военной деятельности, заинтересованность в военном грабеже. Кроме того, существование прослойки профессиональных воинов само по себе могло служить стимулом к повышению агрессивности общества. Нарастанию захватнических настроений способствовала и относительная перенаселенность в условиях начавшейся аридизации.

В этнокультурной области потребности обороны вызвали укрупнение масштаба этносоциальных общностей, складывание надплеменных объединений типа союзов племен или их конфедераций. Дальнейшее укрепление военной организации, в конечном счете, вело к появлению военно-демократических и военно-иерархических форм общественной организации. В демографической сфере активизировался процесс дробления старых общностей, что сопровождалось ускоренным разрушением традиционных кровнородственных связей и утверждением связей территориальных. Войны, как правило, вызвали перегруппировку населения, нередко насильственную. А это создавало повышение его плотности, что благоприятствовало ускоренной централизации власти и управления. Война выступала и как средство выдвижения на передний план более сильных и централизованных социально-потестарных общностей, которые, как следствие, обнаруживали повышенную агрессивность.

Однако война, как ускоритель социально-экономического развития общества, действует в условиях сложных многосторонних отношений между многими факторами — экологическими, демографическими, культурными, хозяйственными, — каждый из которых оказывает то или иное позитивное или негативное влияние на развитие общества. В различные конкретно-исторические периоды развития конкретного общества доминирует тот или иной фактор (или группа факторов),

Бронзовые антропоморфные фигурки. Гороховская культура.

Сапоговский клад (III–II вв. до н. э.). ГЭ

Колчан сарматского времени. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.)

определение которого весьма затруднительно, а порой и невозможно ввиду их чрезвычайной взаимосвязанности. В той обстановке, которая сложилась в Южном Зауралье к рубежу V–IV веков до н. э., ведущим, очевидно, являлся военный фактор, вызванный подвижкой населения в зауральско-западносибирской лесостепи. Именно им было обусловлено быстрое разрушение старой и утверждение новой системы культурных стереотипов. Велико было значение военного фактора в жизни южнозауральских кочевников и в дальнейшем, что необходимо постоянно иметь в виду при рассмотрении их истории в IV–II веках до н. э.

В конце V — начале IV века до н. э. Южное Зауралье вследствие резко наступившей аридизации вступает в эпоху экологического кризиса, продолжавшегося до II–III веков н. э. Значительно уменьшается количество атмосферных осадков (примерно до рубежа эр их было на 50 мм меньше, чем в настоящее время), падает продуктивность пастбищ [11, с. 85–87; 12, с. 1045–1055]. В этих условиях передвижение в южную лесостепь гороховского населения привело, по-видимому, к обострению демографической ситуации в Южном Зауралье — перенаселенности. А при относительной перенаселенности достаточно нескольких неблагоприятных по климатическим условиям лет, чтобы массы кочевников направились на поиски новых пастбищ. Однако необходимо также учитывать и некоторые моменты социального развития номадов Южного Зауралья, отмеченные выше, и историческую ситуацию в Средней Азии, близ их зимних кочевий.

Бронзовый наконечник стрелы в груди воина сарматского времени. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.)

Все это в конечном счете и предопределило передвижение части южнозауральских кочевников и вошедших в их состав лесостепных зауральских племен. В начале IV века до н. э. (или в конце V века до н. э., что кажется менее вероятным) оно было направлено главным образом на запад и юго-запад — в степные районы Южного Приуралья: как уже неоднократно отмечалось, древние мигранты обычно устремлялись в районы, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту. Кроме того, начавшийся в Южном Приуралье в IV веке до н. э. процесс аридизации протекал более плавно и был менее выражен.

В IV веке до н. э. в степной зоне Южного Зауралья резко уменьшается количество памятников кочевого населения. Одновременно в Южном Приуралье, на территории Орско-Уральского междуречья, особенно в бассейне реки Каргалы, к началу IV века до н. э. количество погребений раннесарматской (прохоровской) культуры резко возрастает, появляются здесь и черты погребальной обрядности, свойственные зауральским номадам. Наблюдается и перемещение в это время курганов военно-жреческой элиты с пышным погребальным ритуалом (наземные деревянные конструкции, дромосные коллективные захоронения и т. п.) из Зауралья, бассейна Ори и верховьев Илека в низовья Илека и Уральское левобережье. Во второй половине IV века до н. э. картина уменьшения количества памятников кочевого населения Южного Урала с запада на восток проявляется еще ярче.

В археологической литературе неоднократно отмечалось, что в IV веке до н. э. на всей территории степей Южного Приуралья происходят большие изменения в составе кочевого населения, о чем говорят не только смена материальной культуры, но и существенные изменения в погребальном обряде, особенно появление новых типов погребений, а также изменения населения в антропологическом отношении. На основе перегруппировки и смешения различных родов, местных и пришлых из Южного Зауралья, здесь формируется раннесарматская (прохоровская) культура Южного Приуралья. Статистический анализ погребального обряда сарматских погребений IV–III веков до н. э.

Мужчина сарматского времени. Антропологическая реконструкция А. И. Нечвалоды по материалам погребения из могильника Кичигино I (IV в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

убедительно подтверждает такой характер формирования прохоровской культуры. Так, при анализе погребальных комплексов Южного Урала по двум классам по показателю близости между собой по признакам погребального обряда выделяется группа могильников IV века до н. э. Она включает могильники Южного Зауралья (Новый Кумак, Новоорский, Восточная Башкирия) и Южного Приуралья (Лебедевский). При анализе по трем классам в отдельную группу входят памятники Восточной (Зауральской) Башкирии и Лебедевки. Эти же памятники выделяются своей близостью и при факторном анализе [10, с. 113, 114, 122]. Эта близость, как представляется, является свидетельством передвижения кочевников Южного Зауралья в Южное Приуралье. Это переселение в бассейн Уила, очевидно, позволило кочевой группе из Зауралья взять под контроль важнейшую торговую магистраль, связывающую Хорезм с лесостепным

и лесным Приуральем. При анализе по трем классам выделилась и группа могильников, лежащих на путях миграций с востока на запад. Одно из направлений — из района Орска (Южное Зауралье) в Степную (Приуральскую) Башкирию и бассейн Самары, второе — из района Орска вдоль Урала на Бузулук и в верховья Узеней. Намечается также еще одно направление миграции: Илек — Урал — низовья Узеней — Волга — Дон [Там же, с. 114–116].

В плане миграции зауральских кочевников в Южное Приуралье, интересный материал дал курган 6 могильника Челкар III (Западный Казахстан, плато Сынтас), датированный IV в. до н. э. Основная могила 2 этого кургана имела очень своеобразное устройство: большая грунтовая яма разделена на дне невысоким уступом на две камеры, в одной из них была захоронена женщина, в другой — мужчина. В могиле 1 этого кургана в подбое были погребены две женщины. Сосуды из могилы (также

Погребение женщины-жрицы в процессе расчистки. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.)

IV в. до н. э.) относятся к группе раннесарматской тальковой керамики. В обеих челкарских могилах погребения женщин сопровождалась колчанами с представительным набором стрел и зеркалами, аналогичными зеркалам из Мало-Кизыльского кургана и кургана 3 у совхоза «Победа» в Южном Зауралье. В исследованном на этом же плато Сынтас кургане 4 могильника Челкар V в парном погребении IV века до н. э. с южной ориентировкой костяков обнаружены три круглодонных сосуда. Два из них имеют примесь талька в тесте, а наиболее близкие аналоги (по форме и орнаментации) третьего горшка мы находим в керамике иткульской и гороховской культур.

Свидетельством продвижения зауральских номадов в Южное Приуралье могут служить и материалы погребения 10 кургана 23 могильника Покровка 2 на Илеке. Это коллективное многоактное захоронение, совершенное в могильной яме с дромосом, является основным в кургане и хорошо датируется началом IV в. до н. э. Среди многочисленного инвентаря этого погребения выделяются пряслице из тальк-сирицитового сланца и топазовая галька. Коренные выходы талька на территории Оренбургской области не зафиксированы, а ближайшее россыпное месторождение топазов известно в Южном Зауралье — в долине рек Санарка и Каменка (Троицкий район Челябинской области). Из погребения 6 этого же кургана происходит плоскодонный сосуд оригинальной формы, ближайшие аналоги которого можно найти в материалах кургана 21 могильника Новый Кумак в Оренбургском Зауралье.

Обращает на себя внимание тот факт, что распространение в Южном Приуралье прохоровских черт в погребальном обряде и инвентаре совпадает здесь с появлением круглодонной, в том числе и тальковой керамики, совершенно не характерной для этого региона в предшествующее время. Кардинальное изменение не только формы сосудов, но и технологических навыков у лепивших их людей могло быть связано лишь с появлением носителей этих новых навыков [24, с. 29]. Наличие круглодонной и тальковой керамики в погребениях IV в. до н. э. степной части Южного Приуралья можно объяснить не только усилением в этот период се-

зонных, возможно, и брачных контактов кочевников данного региона с населением лесостепи и леса Урала и Зауралья, но и переселением какой-то части населения оттуда к степным кочевникам. Как представляется, носителями новых навыков, пришлыми племенами в Южном Приуралье как раз и могли быть кочевники Южного Зауралья, интегрировавшие к этому времени в своем составе племена из зауральской лесостепи.

Придя на новое место, номады Южного Зауралья принесли с собой и свои традиции изготовления керамики, в том числе тальковой. Здесь, в Южном Приуралье, они столкнулись с более многочисленными носителями иных технологических традиций. Этот процесс выразился в появлении в IV веке до н. э. в Южном Приуралье керамики, формовочная масса которой имела достаточно сложный рецепт, включающий тальк. Традиция использования талька для составления формовочных масс в Южном Приуралье сохраняется и в дальнейшем. В III–II веках до н. э. наряду с тальком в глину добавляется шамот, на изготовление которого шли сосуды с примесью талька. И это при том, что сосуды были уже плоскодонные и орнаментированы в другой традиции.

Следует отметить, что кочевые и полукочевые племена Южного Зауралья, ушедшие в разное время на запад, и их потомки сохраняли традиционные связи с Зауральем. Отсюда они по-прежнему получали большую часть необходимого им цветного металла. Отсутствие в Южном Приуралье и Самарском Заволжье коренных выходов и обнажений талька, необходимого для составления традиционных формовочных масс, применяемых для изготовления керамики, обусловило, очевидно, потребность в импорте и этого вида сырья. Поступало оно, вероятно, в виде брусочков стандартной формы и размеров — так называемых молоточковидных предметов, часто встречаемых в погребениях IV–II веков до н. э. Южного Приуралья и Самарского Заволжья. Со временем эти предметы, по видимому, приобрели и определенную знаковую (престижа, происхождения?). В дальнейшем, вероятно, в связи с отсутствием доступа к источникам тальковых пород, для изготовления «молоточков» стали применять и другие породы камня.

О включении в состав южнозауральского кочевого населения, ушедшего в Южное Приуралье, выходцев из зауральской лесостепи могут в известной степени свидетельствовать находки каменных плит с изображением головы барана. Основной территорией их распространения является лесостепное Притоболье. Единичные экземпляры встречаются в Поволжье, на Нижней Оби, в Северном Казахстане и даже в Иранском Азербайджане. На Южном Урале они найдены близ города Троицка, у села Каракульского на реке Уй, у села Красный Огородник на Сундуке, у села Камардиновка на реке Ток в Оренбуржье, в деревне Бекешево Баймакского района Башкирии. Следует отметить, что Камардиновский жертвенник, так же как и жертвенники, найденные в лесостепном Зауралье, связан не с погребением, а с жертвенным или культовым местом. Изготовлен он из серого мелкозернистого песчаника, встречающегося в Южном Зауралье.

С включением в состав кочевого населения степи выходцев из зауральско-западносибирской лесостепи следует связывать появление в Южном Приуралье северной ориентировки погребенных. С этим же процессом связывают распространение

в Зауральской Башкирии (курган 10 могильника Переволочан) и на Илеке (курган 7 могильника Филипповка) панцирей с костяными пластинами. Впрочем, не исключено, что защитный панцирный доспех с такими пластинами был привнесен на Южный Урал с территории Алтая или, шире, Внутренней Азии.

С вхождением лесостепных зауральских племен в состав номадов Южного Зауралья и перемещением этого конгломерата племен в конце V — IV веке до н. э. некоторые исследователи связывают передвижение ранних угров (древних венгров) в Южное Приуралье и степную часть Приуральской Башкирии [39, р. 163]. Это предположение согласуется и с данными антропологии. Как считает Т. А. Тот, ареал, в котором в диапазоне XII—II веков до н. э. протекал процесс формирования морфологических особенностей родовых или племенных групп протовенгров, простирается от Северо-Западного Прикаспия до Мугоджар и Приаралья. По его мнению, сюда начиная с конца эпохи бронзы постепенно переселялись отдельные группы угорского населения из лесостепного и степного Зауралья [32, с. 152, 153, 156]. Исследование же

Плитка с изображением головы барана. Гороховская культура (V—II вв. до н. э.). ГИМЮУ

палеоантропологических материалов IV–III веков до н. э. из могильников Черная 2 и Кардаилово (Илекский район Оренбургской области) привело антрополога А. Н. Багашева к ряду весьма интересных выводов. Во-первых, к исследуемым сарматским черепам таксономически наиболее близки саргатские выборки из Абатского могильника и могильников Притоболья. Во-вторых, анализ антропологических материалов свидетельствует о наличии в составе населения Оренбуржья сарматского времени своеобразного морфологического комплекса, который генетически может быть связан с аналогичным расовым компонентом в составе населения гороховской культуры. В различных пропорциях этот компонент присутствует и в составе саргатского населения Западной Сибири, а в Притоболье он выступает как преобладающий [3, с. 74].

И последнее. Анализ изотопного состава кислорода фосфатов костей человека из могильника Покровка на Илеке выявил его значительное отклонение от нормы. Это обстоятельство позволило предположить, что рассматриваемые индивидуумы — из числа пришельцев предположительно из южной части Западной Сибири. Это, по мнению авторов исследования, подтверждает гипотезу об участии пришлого населения из лесостепных районов Западной Сибири в формировании племен прохоровской культуры (ранние сарматы) на Южном Урале [29, с. 113, 119].

Миграция ранних кочевников Южного Зауралья на юго-запад, в степи Южного Приуралья, началась, вероятно, массовым переселением в самом начале IV века до н. э., что, впрочем, не исключает и более раннего проникновения в этот регион отдельных наиболее сильных в военном отношении групп. Очевидно, переселения продолжались и в дальнейшем, на протяжении всего IV века до н. э., возможно, постепенно затухая. Новый массовый приток южнозауральских номадов в степи Южного Приуралья произошел, вероятно, в последней четверти IV века до н. э. Вызван он был не столько продолжавшей ухудшаться экологической обстановкой, сколько нестабильной политической ситуацией на южных границах их расселения. Имеется в виду среднеазиатский поход Александра Македонского и последовавшие за этим процессы. Эти

события вызвали определенные подвижки в кочевом мире и стимулировали активное проникновение южнозауральских, а вслед за этим и приуральских кочевых племен на запад.

В конце IV века до н. э. перестают функционировать могильники Орской группы, на рубеже IV–III веков до н. э. прекращают свое существование все известные могильники Юго-Восточной Башкирии, отмечается резкое уменьшение количества памятников прохоровского времени на остальной территории Южного Зауралья. В Южном Приуралье на рубеже IV–III веков до н. э. оставлены практически все крупные могильники.

На рубеже IV–III веков до н. э. южнозауральские мигранты, количество которых уже вряд ли было велико, уходят не в степи Южного Приуралья, а в степное Заволжье и в степную и лесостепную Приуральскую Башкирию. Сюда в это же время устремляется основная масса приуральских кочевников, носителей уже сформировавшейся прохоровской культуры. В Заволжье с этим расселением, вероятно, могут быть связаны комплексы рубежа IV–III — начала III века до н. э., имеющие явный приуральский облик и круглодонную тальковую керамику в отдельных погребениях. В Приуральской Башкирии возникает ряд крупных некрополей III–II веков до н. э., таких, как могильники Старые Киишки и Бишунгарово. Отдельные сарматские погребения появляются в низовьях Белой. Это передвижение зауральских и приуральских племен в лесостепную Башкирию фиксируется и антропологами. Сравнение мужских черепов из Филипповских курганов в степях Южного Приуралья с материалами могильников Старые Киишки и Ново-Мурапталово в Приуральской Башкирии показало расогенетическое единство населения, оставившего эти курганные могильники. Сравнение черепов из этих могильников с материалами из Альмухаметовских курганов VI–V веков до н. э. в Зауральской Башкирии свидетельствует о том, что основной расовый тип населения Южного Урала в VII–V веках до н. э. не претерпел изменений и достаточно четко прослеживается в последующее время [35, с. 149].

Продвинувшиеся в Южное Приуралье зауральские номады восприняли ту систему ведения

хозяйства, которая существовала здесь и была в наибольшей степени приспособлена к условиям жизнедеятельности данного ареала. То есть пути их сезонных перекочевок неизбежно должны были совпадать с таковыми в предшествующее время. Дело в том, что система материального производства местного субстрата в кочевых обществах практически не была подвержена воздействию извне и являлась сильнейшим доминантным факто-

Реконструкция внешнего облика сарматского воина по материалам из раскопок Филипповских курганов (по Яблонскому Л. Т., Рукавишниковой И. В.)

ром, способствовавшим ассимиляции мигрантов. Об этом в какой-то мере могут свидетельствовать и погребения прохоровского времени на Устюрте, месте зимних пастбищ части южно-приуральских кочевников, в частности погребение с мечом переходного типа в могильнике Каскажол (Восточный Устюрт) и, вероятно, распространение круглых каменных или глиняных жертвенников без ножек с орнаментом по бортику: Причелябинская группа курганов, район Орска, Прохоровский могильник, Оренбург, верховья Ори, Илек, Устюрт (могильник Каскажол, комплекс Байте I), Закаспий (могильник Джанак II). Следует напомнить, что, вопреки устоявшимся представлениям, кочевники, судя по данным этнографии, хоронили своих умерших не только на зимовках, но и вблизи летних кочевий. Так, у тувинцев умершие члены одной семьи могли быть похоронены в зависимости от времени года на родовых территориях, вблизи зимних или летних кочевий.

Некоторые предметы кочевнических погребений V–IV веков до н. э. Устюрта и Закаспия имеют очень близкие аналоги среди материалов не только Южного Приуралья, но и Южного Зауралья. Это бусины-скарabeоиды и костяные пронизи от колчана (Каскажол), близкие бусинам из кургана Темир, исследованном в Чесменском районе Челябинской области, и пронизи-костыльку из Аландской группы II в Кваркенском районе Оренбургской области; железный колчанный крючок из могильника Патма-Сай, полностью аналогичный темирским. Можно также упомянуть сосуды из могильника Дэвкескен 4 на Устюрте, близкие по форме, пропорциям и орнаментации южнозауральским.

Наиболее раннюю группу памятников кочевников Устюрта, суммарно относимую к VII–IV векам до н. э., составляют курганы с каменными ящиками на древнем горизонте; V–II вв. до н. э. датируется период культуры погребений на горизонте под курганной насыпью (в каменном ящике, или в пределах каменного кольца, или спирали, или в склепах на горизонте — для многоактных захоронений). Памятники указанной культуры распространены в Закаспии, по Узбою, всему Устюрту и Мангышлаку. Это культура скотоводческих племен, кочевавших, используя плато Устюрт и прилегающие

к нему районы как пастбищные и зимовочные территории. Ряд исследователей считают возможным этнически определить данную группу погребений, так же как и близкие им памятники Узбой и Мангышлака (прежде всего склепы на горизонте), как принадлежащие массагетам.

Ранее уже отмечалось, что после политических событий второй половины VI века до н. э. в Средней Азии часть кочевого населения присарыкамьшско-

го историко-этнографического района вынуждена была изменить места своих основных зимних пастбищ, передвинув их на запад — на Устюрт и Мангышлак. Таким образом, плато Устюрт и прилегающие к нему районы (Узбой, Закаспий, Мангышлак) стали использоваться не только как летние пастбищные территории, но и как зимовочные. Данная группа кочевников в новую эпоху сохранила в своей погребальной обрядности ряд признаков

Мужчина сарматского времени (IV–III вв. до н. э.). Антропологическая реконструкция Е. Веселовской по материалам могильника Арал-тобе (Западный Казахстан)

обрядности предшествующего — раннесакского — времени. Это, во-первых, возведение погребально-го сооружения на древнем горизонте. Во-вторых, сооружение коридорообразных входов-дромосов в погребальные камеры. В-третьих, обычай, допускающий частичное или даже полное разрушение относительно более ранних захоронений при совершении последующих. В-четвертых, сооружение специальных каменных валиков, иногда двойных, ограничивающих места захоронений. Не исключено и то, что на распространение в Восточном Прикаспии наземных склепов с коридорообразными входами определенное воздействие оказали южноуральские кочевники. Они уже с конца VI века до н. э. широко использовали в своей погребальной обрядности дромосные могилы, в том числе и для коллективных захоронений.

Процесс освоения номадами Восточного Прикаспия района Узбоя, начавшийся не ранее середины I тысячелетия до н. э. и связанный с изменением экологической обстановки, привел к тому, что на рубеже V–IV веков до н. э. здесь появляются отдельные памятники, а в IV веке до н. э. складывается своеобразная культура скотоводческого населения. Представлена она не только погребальными памятниками (наземные каменные склепы с коллективными многоактными захоронениями), но и культовыми комплексами и сезонными поселениями. Отдельные черты погребального обряда и немногочисленный инвентарь узбойских памятников (предметы вооружения, пряжки, костяные ложечки, глиняные курильницы, украшения) находят ближайшие аналоги в раннесарматских памятниках Южного Урала. Прослеживаются тесные связи скотоводов этого региона и с оседлым населением Хорезма и подгорной равнины Копетдага, а также более отдаленных областей Ирана и Закавказья. Помимо погребений на горизонте внутри каменного сооружения в южной части Восточного Прикаспия (Большой Балхан, Узбой, Заузбойское плато) выявлено небольшое количество земляных курганов. Под их насыпью исследованы подбойные и катакомбные захоронения с южной и северной ориентировкой погребенного. Датируются они широко — от IV–II веков до н. э. до первых веков нашей эры.

Параллельно культуре погребений на горизонте на Устюрте существовала и другая археологическая культура — савромато-сарматская, в том ее варианте, который известен в науке как самаро-уральская группа или область. Об этом свидетельствует чрезвычайная близость погребальных памятников Устюрта и Южного Приуралья. Это погребения в подбое с южной ориентировкой покойника; погребения в широкой прямоугольной грунтовой яме, ориентированной широтно или меридионально, в центре подквадратного или круглого каменного сооружения на древнем горизонте; погребения в узкой грунтовой яме с каменным кольцом на древнем горизонте; погребения в яме с заплечиками. Исследованы здесь, в могильнике Дэвкескен 4, и коллективные многоактные погребения V — рубежа V–IV вв. до н. э. в обширных могильных ямах, часто с дромосами.

Без сомнения, большая часть населения степей Южного Приуралья раннего железного века вела кочевой образ жизни с круглогодичным циклом кочевания. Пути кочевий шли в меридиональном направлении и выходили на юге к границам древних городских и оседло-земледельческих цивилизаций Хорезма и юга Туркмении. Один из традиционных маршрутов перекочевков проходил, вероятно, вдоль Восточного чинка Устюрта, по краю которого отмечена почти сплошная полоса курганов ранних кочевников. Эта полоса почти полностью совпадает с маршрутами перекочевков казахов племени табын. Зимовали они в районах Южного Приуралья, ранней весной поднимались на Устюрт, к лету перекочевывали в бассейн Сагиза, Уила и Эмбы. В отдельные неблагоприятные годы они уходили на север, достигая порой бассейна реки Белой.

Особенно осязательным присутствием южноуральских кочевников на Устюрте становится с начала IV века до н. э. И связано это, скорее всего, с политическими событиями на южной границе кочевого мира — в Приаралье и прежде всего в Хорезме. Здесь необходимо лишь подчеркнуть, что кочевая степь и Хорезм представляли собой единую экономическую систему, а в основе тесных взаимосвязей кочевников Южного Приуралья и Хорезма лежит «сарматский кочевой цикл» или, шире, пастбищно-кочевая система Урало-Аральского региона [37,

Пластина с изображением хищных птиц.

Курган Соржан-Кстау (IV в. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

с. 78; 38, с. 37]. Без сомнения, развитие общества, оставившего на Южном Урале памятники прохоровской культуры, необходимо рассматривать как процесс, интегрированный с развитием социально-экономической системы государственных образований Центральной Азии этого времени.

В конце VI века до н. э. Хорезм и часть кочевников между Аралом и Каспием вошла в состав одной из сатрапий персидской державы. Политика Ахеменидов в отношении кочевников была, по всей вероятности, достаточно жесткой. Не исключено, что именно этим объясняются нежелание части номадов признать господство персов и перенесение ими центра своего племенного объединения (и родовых могильников) на север, в степи Приуралья. Однако восстания в покоренных областях и мятежи сатрапов вели к ослаблению Ахеменидского государства. В этих условиях при Артаксерксе II (404–359 гг. до н. э.) Хорезм, ранее в административном отношении объединенный с Парфией, становится отдельной сатрапией Ахеменидского государства. Это преобразование имело своим следствием строительство укрепленного центра новой административной единицы с дворцом сатрапа. Этим центром, вероятно, должно было стать городище Калалыгыр, строительство которого развернулось на рубеже V–IV веков до н. э. Однако персы, видимо, запоздали с учреждением Хорезмийской сатрапии. Хорезм отпадает от Ахеменидов, добившись независимости. Персы вынуждены были уйти из страны, бросив недостроенным свой город. Хо-

резм, Согдиана и сакские племена к концу царствования Артаксеркса II из подданных царя переходят в разряд его союзников.

Добиться независимости Хорезм мог, вероятно, только опираясь на поддержку кочевых племен, также стремившихся к независимости. Это, скорее всего, вызвало изменение его взаимоотношений с кочевниками: из противников они должны были стать союзниками. Отметим в этой связи, что правитель Хорезма Фарасман, согласно сообщению Арриана, прибыл на переговоры с Александром Македонским «с конницей в полторы тысячи человек» [2, IV, 15, 4]. Необходимость союза обусловила, вероятно, то, что Устюрт — это традиционное место зимних стойбищ южноприуральских кочевников — стал относительно безопасным районом. Возможно, Хорезм, стремясь заручиться поддержкой воинственных номадов, предоставил им и определенные гарантии безопасности. Вероятно, результатом этого стала возможность появления в начале IV века до н. э. погребальных памятников кочевников, в том числе и приуральских, на Восточном чинке Устюрта, рядом с хорезмийским городищем Большая Айбугир-кала. Возникновение этого городища относится к концу V — началу IV века до н. э. Оно являлось главным опорным пунктом торговли Хорезма с кочевниками Южного Приуралья. Показательно, что одновременно в начале IV века до н. э. в урочище Айбугир исчезают курганы с погребениями на горизонте.

Вероятно, из Хорезма на Южный Урал поступала часть красноглиняной станковой керамики, представленной в прохоровских погребениях Южного Зауралья целыми или фрагментированными сосудами и пряслицами из их стенок. Через Хорезм могли поступать на Южный Урал, в том числе и в Южное Зауралье, бусы и подвески из индийского сердолика и халцедона, натурального или искусственно окрашенного в черный цвет, с белым, вытравленным содой орнаментом. Они встречаются как в нижних слоях (IV–II века до н. э.) Кой-Крылган-кала, так и в погребениях IV–III веков до н. э. могильника Туз-гыр. Найдены они и в памятниках чирикратской культуры.

С середины IV века до н. э. в связи с передвижением в Южное Приуралье части номадов Южного

Устюрт. Храм-
святилище Кызылуийк
(конец I тыс. до н. э.)

Зауралья, включивших в свой состав выходцев из зауральского лесостепного населения, масса кочевников, зимующих на Устюрте, возрастает. Кроме того, относительная перенаселенность степей Южного Приуралья определила миграцию населения этого региона не только на Запад, прежде всего в Нижнее Поволжье, но, очевидно, и на Устюрт.

Согласно палеоклиматическим данным, в середине I тысячелетия до н. э. в условиях пониженных среднеиюльских температур и повышенной влажности в районе Присарыкамьшской дельты Амударьи господствовали лесные тугайные сообщества. На прилегающих же пространствах Устюрта сформировались лугостепные и степные сообщества на плодородных каштановых почвах с близким залеганием грунтовых вод. В Присырыкамьше, пустынях Каракумы и Кызылкумы, на плато Устюрт, в солончаках Барса-Кельмес функционировали системы проточных озер [6, с. 30–35].

Миграция из степей Южного Приуралья на Устюрт привела к значительному увеличению кочевого населения, постоянно обитающего между Каспием и Аралом. В конце IV века до н. э. или на рубеже IV–III веков до н. э. на Устюрте, в левобережном Хорезме и в Прикарабогазье появляются целые могильники с захоронениями в подбоях с южной и северной ориентировкой погребенных, в катакомбах с южной ориентировкой покойников,

в простых ямах с меридиональной ориентировкой. Их широкое распространение свидетельствует, как считает Б. И. Вайнберг, об одновременном продвижении из Приуралья в Восточный Прикаспий и левобережный Хорезм особой группы населения, которую она называет «юэчжи», впрочем, не вкладывая в это название конкретного этнического содержания. Эта группа, по ее мнению, мигрировала с территории, получившей в литературе название «коридор Хеси» или «Ганьсуйский» (провинция Ганьсу в современном Китае), в Южное Приуралье. Отсюда она через плато Устюрт проникает в левобережный Хорезм и Восточный Прикаспий [5, с. 150, 151, 241–249].

Соглашаясь в целом с выводами Б. И. Вайнберг, необходимо, однако, внести в них некоторые коррективы. Во-первых, вне всякого сомнения, исходная территория миграции данной группы восточных кочевников находилась где-то в районах Северного Китая или, что более вероятно, Восточного Туркестана. Во-вторых, судя по материалам погребальных памятников Южного Урала, миграция восточных кочевников в этот регион произошла, скорее всего, в третьей четверти V века до н. э. И, наконец, в левобережном Хорезме появляются уже не восточные кочевники («юэчжи»), а ранние сарматы Южного Урала, носители прохоровской культуры, в окончательном сложении которой и приняли участие эти мигранты с востока.

Возрастание роли кочевников в Арало-Каспийском регионе особенно наглядно проявляется в событиях, связанных с покорением севера Центральной Азии Александром Македонским. Активное участие в них кочевого населения хорошо фиксируется античными источниками. Как отмечают многие исследователи, без союза с кочевниками сопротивление завоевателям оказывалось бы с самого начала обреченным на поражение.

Усиление кочевников и возрастание их политического влияния в Центральной Азии способствовало тому, что они стали чувствовать себя полными хозяевами пространств между Аралом и Каспием, не опасавшимися за свои родовые могильники и святилища. В этой же обстановке на Устюрте, но все же довольно далеко от Хорезма, возникают комплексы байтинского типа. Наличие здесь, помимо курганов, культовых сооружений в виде выкладок, жертвенников и настоящих храмов, а также большого количества антропоморфных изваяний дает основание рассматривать их как святилища. Эти святилища имели ярко выраженный воинский характер и были, очевидно, связаны с культом героизированных предков и военных вождей.

Следует отметить, что в IV–III веках до н. э. в северной части Восточного Прикаспия наряду со святилищами байтинского типа (Устюрт и Мангышлак) возникают также святилища дыкылтас-

ского типа (Мангышлак). Характерной чертой памятников типа Дыкылтас являются каменные менгириобразные стелы. На всех же святилищах байтинского типа, в отличие от святилищ дыкылтасского типа, обнаружены антропоморфные каменные скульптуры. Как представляется, дыкылтасский тип святилищ можно связать с культурой погребений на горизонте. Культовые комплексы, предшествующие и одновременные дыкылтасским святилищам, исследованы также на Узбое и в Северо-Западной Туркмении. На Узбое они датируются V–II вв. до н. э. (Ичянлыдепе). В Северо-Западной Туркмении в центре горного массива Большой Балхан изучен комплекс Гарраулдепе, очень близкий конструктивно святилищу Дыкылтас, но функционировавший с VII–VI веков до н. э. по II век до н. э. Состоял он из каменного здания, округлых каменных оград с отдельно стоящими стелами и других сооружений. Байтинский тип святилищ связан, очевидно, с кочевниками Южного Приуралья. Явную «сарматоидность» кочевых племен, оставивших святилища типа Байте III, отмечает большинство исследователей.

О присутствии южноуральских кочевников на Устюрте свидетельствуют также следующие факты. На территории комплекса Байте I с антропоморфными скульптурами исследовано полностью разграбленное погребение конца V — IV века до н. э.

Вьючная фляга и ее фрагмент с процарапанной надписью

из кургана Темир (IV в. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Каменные и стеклянные бусы. Курганная группа

у поселка Победа (конец V–IV в. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Оно по всем своим признакам относится к культуре погребений на горизонте. Однако в погребальной камере, в которой полностью отсутствовали кости человека, найден фрагмент песчаникового блюда-жертвенника с орнаментом по бортику, аналогичного южноуральским. На святилище Байте III основное коллективное захоронение кургана б совершено на древней дневной поверхности, внутри кольца из плашмя уложенных каменных плит. Погребение почти полностью разграблено и разрушено. Вводное же захоронение мужчины было совершено в неглубокой яме, выкопанной в западной поле кургана. Погребенный лежал головой на юг в сопровождении небогатого инвентаря, в составе которого были бронзовые наконечники стрел. Оба погребения датированы второй половиной IV — первой половиной III в. до н. э.

Истоки традиции изготовления каменных статуэток святилищ байтинского типа следует искать, как представляется, в среде южноуральских кочевников. Обычай устанавливать в курганных могильниках каменные монументы в степях Южного Урала существовал с середины VI века до н. э. по конец IV века до н. э. На Устюрте каменные антропоморфные скульптуры появляются с конца V века до н. э., а со временем здесь создаются грандиозные святилища. Причем наиболее ранние устюртские изваяния по своим морфологическим и иконографическим особенностям и предметному репертуару весьма близки южноуральским.

Появление же самих святилищ связано с теми изменениями, которые произошли на Южном Урале в IV веке до н. э. Как уже неоднократно отмечалось, в конце VI — V веке до н. э. на территории степей Южного Урала существовало крупное этнопотестарное объединение кочевников с иерархической структурой. Для него была характерна значительная степень социальной дифференциации, что находило отражение в погребальной обрядности. Своего расцвета это объединение достигло, вероятно, в конце V — самом начале IV века до н. э. Именно в это время появляются такие грандиозные сооружения, как «царские» Филипповские курганы. Однако начавшиеся в это же время деструктивные процессы, связанные с изменением климатических условий в степях Южного Урала, переселением части южноуральских племен в Южное Приуралье, оттоком южноуральского кочевого населения за пределы региона, приводят во второй половине IV века до н. э. к окончательному распаду этого объединения. Произошедшие трансформации в обществе фиксируются изменениями в погребальной обрядности, и прежде всего тех ее элементов, которые связаны с координацией действий значительного количества людей, использованием в обряде большого количества материальных ценностей. Исчезает традиция сооружения сложных надмогильных, подкурганых и околокурганых конструкций, больших квадратных и дромосных могил, уменьшается количество животных, используемых для тризн и жертвоприношений. Широкое распространение получает обычай совершать большое количество захоронений в одном кургане, а также впускать погребения в курганы предшествующего времени. Происходит и определенная унификация погребальной обрядности. Все это позволяет сделать предположение о том, что в течение IV века до н. э. в обществе ранних кочевников Южного Урала происходит переход от сетевой политико-экономической стратегии к корпоративной.

Сетевые политико-экономические стратегии наращивают власть эксклюзивно, внутри субгрупп часто с индивидуализирующим акцентом. Власть концентрируется путем обмена ценностей через границы разных социальных групп. Сетевые

Инвентарь из курганов могильника Филипповка I. ОГИКМ

Каменная статуя из святилища Байте. Устюрт

Антропоморфное изваяние могильника Есет (конец VI – IV в. до н. э.). Западный Казахстан

Раскопки кургана сарматского времени. Могильник Кичигино I (конец V–IV в. до н. э.)

Комплект украшений из погребения женщины-жрицы сарматского времени. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.). ГИМЮУ

стратегии делают упор на проницаемость границ, обмен престижными товарами, концентрацию богатств, соперничество в распределении рабочей силы, патриархальность и детализирующую идеологию. Групповая идентичность и членство направлены на выделение и различительность, создают закрытые группы, которые формируются на принципах генеалогий и этнической риторики. Соперничающие деятели формируют многочисленные структурные связи и альянсы; коалиции чаще всего временны и индивидуальны. Группы соревнуются за привлечение рабочей силы. Такие механизмы, как патриархальность и ранжированные статусы, отражают деятельность по контролю труда и созданию мотиваций к нему. Эта стратегия отражается в артефактах, связанных с погребальным обрядом, жилищами, одеждой и искусством. Обмен, пересекающий границы социальных объединений, чрезвычайно оживлен и труден для контроля центральной властью. Богатство приобретает путем внешнего обмена, при этом упор делается не на «домашние» товары, а на небольшое количество особо ценных товаров и информацию. Вложения в технологии производства пригодных для дальнего обмена товаров и услуг более значимы для общества, чем при корпоративной стратегии. Идеологические системы в основном частные, локализирующие, с множественными культурами.

Политико-экономические стратегии, принадлежащие корпоративному типу, строят властно-экономические взаимоотношения коллективно, инклюзивно, иногда даже анонимно. При корпоративной стратегии деятели сосредотачивают людей и ресурсы внутри самих социумов, подчеркивая коллективную принадлежность, концентрируя трудовые усилия людей и направляя их на производство общих запасов пищевых продуктов. Корпоративные стратегии строят политико-экономическую власть коллективно, и власть может быть рассредоточенной или идеологически анонимной. Подчеркивается теоретически эгалитарность (уравнительность). Власти имеют средства для контроля передвижения населения в определенных границах. Архитектура поселений демонстрирует формальное упрощение и стандартизацию. Ритуалы, как правило, подчеркивают момент общего

участия и направлены на объединение индивидуумов и групп в единое целое. Последнее проявляется в строительстве монументальных сооружений для коллективных ритуалов. Средства символической коммуникации отличает тенденция к канонизации, повторению широко распространенных стандартов.

Вкратце различия сетевой и корпоративной стратегий можно представить в виде противопоставления ряда их основных характеристик: концентрация богатства — большее распределение богатства; показная пышность элиты — символы власти; погребения правителей — монументальные ритуальные пространства; индивидуальная власть — разделение власти; престижное потребление — более умеренное накопление; линейная родовая система — сегментарная организация; персональное прославление — общинные культы.

Следует заметить, что в различных типах социумов и на всех уровнях интеграции можно обнаружить оба этих вида стратегий. Но лишь одна из них может доминировать в данных социальных условиях, особенно на одном уровне социокультурной интеграции.

Подчеркнем также, что наиболее наглядным свидетельством корпоративной стратегии является строительство монументальных публичных сооружений, символизирующих объединение в целом и предназначенных для участия широких масс населения в общих ритуалах.

Вернемся, однако, в Арало-Каспийский регион. Многоактные захоронения в подземных склепах (ямы с дромосом) конца V — III века до н. э., сходные по существу с узбойскими, открыты и на территории Присарыкамышской дельты. Отличие присарыкамышских склепов от узбойских состоит в использовании подземных конструкций и отсутствии предметов вооружения в составе погребального инвентаря. Помимо коллективных захоронений в подземных склепах здесь же, иногда в тех же могильниках, исследованы и захоронения IV–II веков до н. э. (или второй половины IV — II века до н. э.) в узких прямоугольных ямах и ямах с подбоями. Причем в этой группе встречены как одиночные и парные, так и коллективные многоактные захоронения. Ориентировка погребенных

Раскопки храма-святилища
Кызылуик. Устюрт

различна, включая южную, при преобладании северной. Для погребений в простых ямах и ямах с подбоями, также как и для захоронений в подземных склепах, характерно почти полное отсутствие предметов вооружения. Все эти погребения (в ямах с дромосами, узких прямоугольных ямах, ямах с подбоями) оставлены местным полуоседлым скотоводческим населением, находившимся в зависимости от государственно-административных структур Хорезма.

Коллективные захоронения в ямах с дромосами (подземные склепы) Присарыкамьшья, имея сходство по существу с узбойскими, тем не менее, наиболее близки южноуральским погребальным комплексам этого типа. Но если на Южном Урале коллективные погребения в ямах с дромосами датируются в пределах конца VI — IV в. до н. э., то в Южном Приаралье они появляются не ранее конца V века до н. э. Следует также отметить, что в Присарыкамьшье пока не обнаружены погребальные комплексы, которые можно было бы уверенно датировать V в. до н. э. Одновременно с по-

явлением дромосных могил в Присарыкамьшье появляется круглодонная керамика, не известная на территории Хорезма в предшествующее время и имеющая полные аналоги в южноуральских памятниках V–IV вв. до н. э. Появляется и обычай помещения с погребенным заупокойной пищи в виде сочлененной с лопаткой передней ноги барана. Все это наводит на мысль о том, что данный тип погребальных сооружений в Южном Приаралье мог появиться в результате оседания здесь беднейшей части кочевников Южного Урала.

С процессом оседания на границах Хорезма части южноуральских кочевников следует, очевидно, связывать и появление в Присарыкамьшье ранних (IV–II вв. до н. э.) подбойных захоронений. Вскоре после прихода в оазис низовьев Амударьи выходцы из этой группы кочевников захватывают власть в Хорезме и основывают свою династию. С конца II века до н. э. или рубежа II–I веков до н. э. эта кочевая династия чеканит собственную монету. Причем тамги на ее монетах близки тамгам на монетах правителей Согда (Самарканда и Бухары)

этого же времени. Тамги такого же типа известны и в Юго-Западной Монголии, на Устюрте (святилище Байте III) и в Северном Причерноморье. В этой связи отметим, что в Южном Приуралье в кургане середины V века до н. э. Имангазы-Карасу II на реке Жаксы-Каргала найдена каменная плита с тамгообразным знаком в виде круга и отходящего от него горизонтально Г-образного «отростка». Аналогичный знак встречен на стеле из комплекса Дыкылтас и на плитах засыпки главной культовой конструкции на святилище Байте III. Отметим также, что аналогичные знаки известны в Центральной и Восточной Монголии.

О возможности оседания кочевников Южного Урала на границах Хорезма говорят и антропологи. По утверждению Л. Т. Яблонского, «данные краниологии со всей определенностью свидетельствуют об общем (на высоком таксономическом уровне) происхождении сарматских и присарыкамьшских популяций кангюйской эпохи. При этом географическая прародина общего краниологического комплекса лежит за пределами Южного Приуралья и располагается, вероятно, в степях Приуралья и Зауралья савроматского времени» [36, с. 102]. Р. М. Юсупов отмечает, что антропологические ма-

Тамга на каменной статуе из святилища Байте. Устюрт

териалы могильника Филипповка «оказались морфологически более близкими к сакским племенам Приуралья IV–II вв. до н. э. Та же картина выявляется при анализе черепов савроматов и ранних сарматов из других районов Южного Приуралья (Старые Кишки, Ново-Мурапталово)». Это, по его мнению, может указывать и на единые корни их расогенеза [35, с. 150]. Заслуживает внимания и предположение Л. Т. Яблонского о том, что в составе южноуральских кочевников, осевших в Присарыкамьше, были выходцы из зауральской лесостепи. Об этом может свидетельствовать не только конструктивная близость сакар-чагинских склепов и жилищ лесостепного Зауралья, но и широкое распространение ориентировки погребенных в северный сектор [36, с. 17, 22, 48, 49, 103].

Миграция кочевников Южного Приуралья к границам Хорезма и их оседание здесь имели постепенный и спорадический, волнообразный характер. Этому оседанию способствовали не только далеко зашедшее в их среде социальное расслоение, но и, вероятно, протекционистский характер политики Хорезма по отношению к кочевникам в поздне- и послеахеменидское время. Вполне вероятно, что Хорезм использовал этих скотоводов как воинский контингент на своих границах. Кроме крепостей в скотоводческой зоне левобережного

Глиняный сосуд с утраченным кожаным носиком-сливом. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.). ГИМЮУ

Изображение Аршака I
на монете

Хорезма появляются специальные ремесленные поселения, существовавшие с IV–III веков до н. э. по IV век н. э. Производимая в них продукция использовалась в качестве платы кочевникам за воинскую службу. Очевидно, определенная часть этой продукции поступала и на пограничные рынки, открытые для торговли с кочевой степью, не зависящей политически от Хорезма. Нельзя также не учитывать и экологический фактор. Концентрация значительных масс населения в Южном Приуралье на фоне начавшейся аридизации привела к оттоку уже в IV веке до н. э., но особенно на рубеже IV–III веков до н. э., южноприуральских кочевников не только на запад, но и на юг, в частности в Присарыкамьшье. Осев на границах Хорезма и став структурной частью системы хорезмийской государственности, эти скотоводы находились уже в непосредственной политической зависимости от государственных институтов власти. Следует подчеркнуть, что осевшие скотоводы жили внутри границ Хорезмского оазиса. От кочевого мира с запада их отделяла система пограничных крепостей, таких как Канга-кала, Бутентау I и II, ранний Дев-кескен и др. Время их возведения — рубеж V–IV — IV век до н. э.

В середине III века до н. э. кочевые племена даев (дахов) продвинулись к юго-восточным берегам Каспия и появились в Парфии. Здесь в результате успешного восстания, возглавляемого Аршаком, представители кочевой аристократии даев, или парнов, захватили власть в независимом Парфянском государстве. Во главе этого царства стала кочевая династия аршаков, правившая с середины III века до н. э. по III век н. э. Большинство иссле-

дователей совершенно справедливо отождествляют дахов (даев) с носителями прохоровской культуры Южного Приуралья. О наличии сарматского компонента среди кочевников Северной Парфии свидетельствуют данные погребального обряда (погребения в катакомбах с южной ориентировкой погребенных) и инвентаря исследованных здесь курганных могильников.

Миграция кочевников из Южного Зауралья в Южное Приуралье, произошедшая в самом начале IV века до н. э., привела, вероятно, к относительной перенаселенности и в Южном Приуралье. В условиях же начавшейся аридизации концентрация значительных масс кочевого населения и скота в наиболее благоприятных районах приводила к усилению антропогенного воздействия на пастбища и, как следствие, к их дигрессии. Это вкупе с другими факторами (социального, политического и экономического характера) определило усиление военной активности и миграцию кочевников данного региона в западном и южном направлениях. Уже в IV веке до н. э. раннепрохоровские погребения появляются в степном Заволжье, на левобережье Нижней Волги и в Волго-Донском междуречье, на правом берегу Дона. Причем среди них преобладают погребения с оружием, в том числе с мечами, имеющими дуговидное или сломанное под тупым углом перекрестье. Встречаются здесь, преимущественно в Заволжье, и погребения с круглодонной керамикой с примесью талька в тесте. Это, первое по времени, проникновение прохоровских племен на запад следует отнести, вероятно, к первой половине IV века до н. э. и скорее всего, как нам видится, ближе к середине этого столетия. Именно в первой половине IV века до н. э. в античных источниках впервые появляются сведения о сирматах в донских степях, с которыми ряд исследователей связывают носителей прохоровской культуры Южного Приуралья или считают, что носителями этого этнонима было смешанное савромато-сарматское (прохоровское) население.

Вероятно, в это же время какая-то группа зауральских кочевников проникла и в днепровско-донскую лесостепь. Это наряду с тесными этнокультурными контактами населения данных регионов в предшествующее время, очевидно,

Женщина сарматского времени. Антропологическая реконструкция А. И. Нечвалоды по материалам погребения из могильника Кичигино I (IV в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

обусловило распространение в днепровской лесостепи в IV–III вв. до н. э. катакомб с южной ориентировкой погребенных. Вполне вероятно, что с этим движением номадов на запад связано и появление в лесостепной Скифии височных подвесок со спиральными привесками, перстней со сдвоенным спиральным щитком типа южнозауральских.

С этими же событиями, возможно, связано и появление на территории Европейской Скифии некоторых типов культовых круглодонных сосудов (круглообразные кубки с вертикальными зооморфными ручками, округлые чаши с зооморфной ручкой-выступом). В Скифии сосуды этого типа фиксируются лишь в памятниках конца IV — на-

Дахи в V–II вв. до н. э. (по Балахванцеву А. С.)

Границы	Прочие	Подпись
— граница государств Селевкидов в середине III в. до н. э.	→ Дахи направление меридиональных перекрестки дахов в V–III вв. до н. э.	Каспийская историко-географическая область археологические культуры
--- границы отдельных областей	→ Дахи направление массовых миграций дахов в IV–III вв. до н. э.	Согдийская этническое обозначение
• населенные пункты	→ Дахи направление набегов парков в IV в. до н. э.	Согдийские географические обозначения (в скобках указаны современные)
• населенные пункты (исторические)	→ Дахи направление вторжений парков в III–II вв. до н. э.	Примечание: Береговая линия Каспия на V–III вв. до н. э. указана предположительно, при уровне моря – 22,5 (± 2) м
□ Памятники археологии	→ Дахи парные проходы и перевалы	Авторы карты: А. А. Асташик, А. С. Балахванцев
□ Иды-Кале крепости		Компьютерная обработка М. А. Асташик, 2015 г.
△ Лядники могильники		
▲ Груше 17 19 могильники дахов V–III вв. до н. э.		

чала III века до н. э., тогда как на Южном Урале они известны уже в конце V — начале IV века до н. э.

На рубеже IV–III веков до н. э. происходит новая, более массовая миграция приуральских кочевников в степное Заволжье и в степь и лесостепь Приуральской Башкирии. Позднее, в III веке до н. э., вероятно, в связи с продолжающимся ухудшением экологической обстановки в степи, кочевники уже из Заволжья уходят в Нижнее Поволжье и далее на запад и юго-запад.

С III века до н. э. Нижнее Поволжье постепенно становится основным регионом расселения носителей прохоровской культуры, вытеснивших отсюда предшествующее население. Одновременно сюда переносится и центр их племенного объединения.

Перемещения и перегруппировки кочевых племен на территории Южного Урала, дальние их походы на Запад уже в IV веке до н. э., продвижение отдельных групп в Подонье и Северное Причерноморье и вызванные этим враждебные отношения со скифами привели к прекращению функционирования «торгового пути Геродота». Уже в IV веке до н. э. происходит заметное уменьшение количества изделий из металла восточной группы (источники типа ЕУ и более восточные) в памятниках лесостепного Поднепровья.

Но экспорт металла из Зауралья на запад продолжался и в IV–III веках до н. э. Однако теперь он был направлен главным образом в Нижнее Поволжье, на Нижний Дон и в Прикубанье. Из металла группы ЕУ отлита часть предметов из кургана 4 Сладковского могильника: бляхи конской узда и одежды, зеркало, ворворка, наконечники стрел. Некоторые из них являлись, вероятно, импортными, изготовленными в восточных (лесостепное Зауралье) мастерских. Другие отлиты на месте из импортного сырья. Следует отметить, что значительная часть предметов из этого кургана изготовлена из металла группы ВК. В различных производственных центрах, в том числе, вероятно, лесостепных зауральских, изготовлены и различные предметы (зеркала, пряжки, наконечники стрел и т. п.) из сарматских погребений III–I веков до н. э. Нижнего Дона. Варианты путей, по которым сюда могла поступать медь, разнообразны. Но один из них являлся традиционным. Имеется в виду маршрут, который

Рукоять меча с зооморфными изображениями (IV вв. до н. э.). Могильник Филипповка I. ОГИКМ

Височные подвески сарматского времени.

Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.). ГИМЮУ

Битва сарматов со скифами.
Реконструкция М. В. Горелика

в предшествующее время, в VI–V веках до н. э., связывал Южный Урал с Нижним Доном, Прикубаньем и Предкавказьем и включал в себя восточный отрезок «торгового пути Геродота». Проходил он через Самарское Заволжье и Волго-Донское междуречье в лесостепное Подонье, а оттуда — на Нижний Дон и в Прикубанье.

С начала IV века до н. э. крупным центром цветной металлообработки на юго-востоке Европы становится Елизаветовское городище (V — первая половина III в. до н. э.), важнейший центр греко-варварского и межплеменного торгового обмена. Этот единственный в регионе центр такого рода снабжал своей продукцией не только оседлое население дельты Дона, но и кочевников и полукочевников Нижнего Подонья. Бронзолитейное производство на городище базировалось на регулярно поступающем привозном сырье. Причем это был главным образом металл, очень близкий к группе ЕУ.

О продолжающихся устойчивых связях населения лесостепного Подонья с кочевым миром Южного Урала в конце V — IV веке до н. э. свидетельствуют мечи «переходного» типа (со сломанным под тупым углом перекрестием), основным районом распространения которых является лесостепное и степное Зауралье. Возможно, под влиянием южноуральских номадов на Среднем Дону во второй — третьей четверти IV века до н. э. появляются

Вток — металлическая деталь, которая надевалась на основание древка копья.

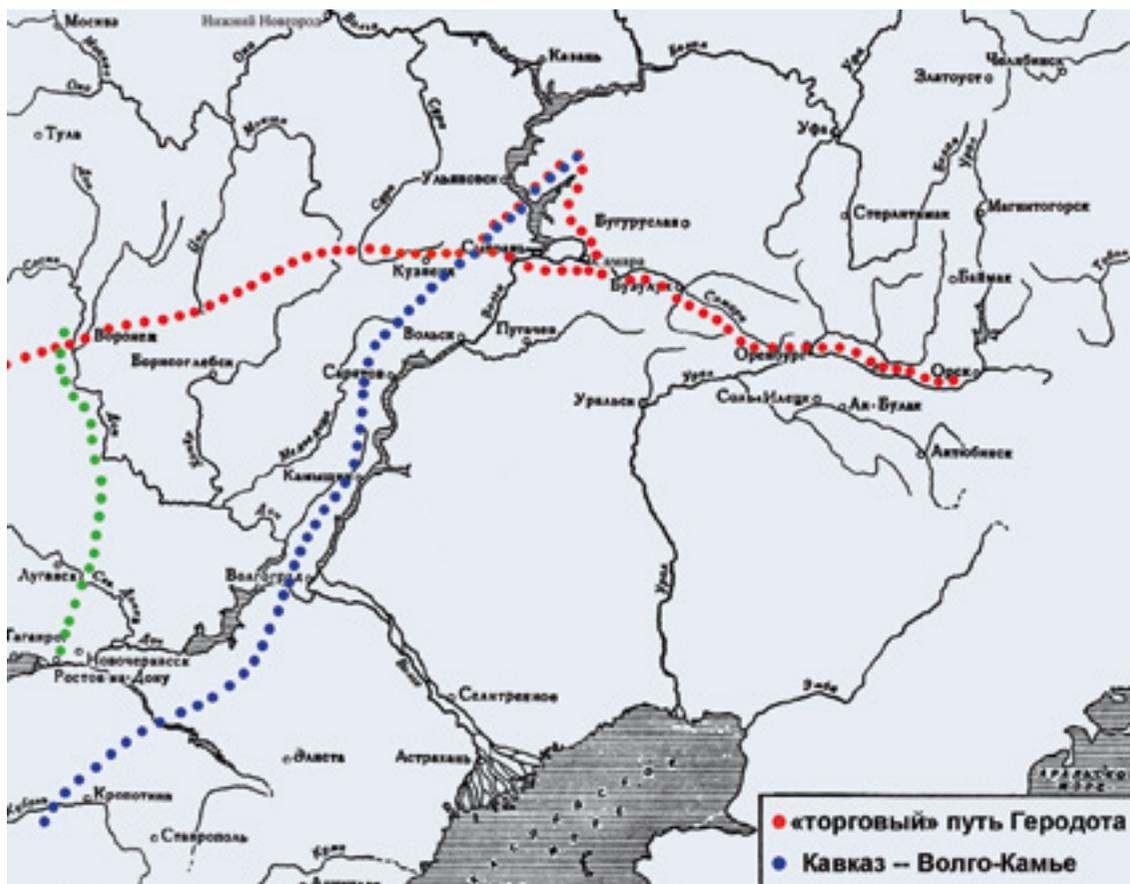
Сарматский тяжеловооруженный воин (III в. до н. э.).
Реконструкция М. В. Горелика

мечи гибридных форм, такие как меч из кургана 38 Староживотинского могильника — с волютообразным навершием, обычным для скифских акинаков, и прямым перекрестием.

Одной из особенностей вооружения населения Среднего Дона исследователи считают использование рюмкообразных подтоков (втоков) для копий и дротиков. Аналогичный подток найден вместе с копьем, близким по форме к среднедонским, в кургане Темир в Южном Зауралье. Железный наконечник копья из южнозауральского кургана Кочкарь, имеющий листовидное перо и коническую втулку, плавно переходящую в валикообразное ребро, относится к «северокавказскому» типу. Наконечники этого типа в Северном Причерноморье были распространены на протяжении всего скифского периода, хотя и не получили здесь сколько-нибудь широкого распространения. Известны такие копья и на Среднем Дону. По мнению С. Ю. Гуцалова, копье как вид вооружения, выработанный в Скифии, было привнесено в сарматские регионы воинской знатю. Возможно, результатом контактов с насе-

лением Скифии стало распространение в Южном Приуралье и скифских воинских ритуалов, таких как забивание копий в могилу умершего воина, намеренная ломка его оружия [7, с. 60; 8, с. 58].

С территории лесостепного Подонья происходит значительная серия кинжалов V–IV вв. до н. э. с когтевидным навершием. Большинство из них принадлежат к типам, более характерным для кочевников Приуралья. В Приуральской Башкирии найден железный кинжал, ближайшие аналоги которого известны в лесостепном Подонье, степном Причерноморье и на Нижнем Дону. Мы имеем в виду железные кинжалы с обложенной золотом рукоятью или без обкладки из Чертомлыка, Частых курганов, могильника Колбино I, Толстой Могилы, кургана 8 группы «Пять братьев». Из могильника Колбино I происходит зеркало с широким плоским валиком по краю и длинной плоской ручкой. Обратная его сторона украшена точечным орнаментом в виде шестилепестковой розы. Погребение, в котором найдено это зеркало, надежно датируется амфорой «колхидского типа» второй половиной

«Торговые» пути савроматского времени в волго-уральских степях

IV в. до н. э. Отметим, что зеркала с точечной орнаментацией, в том числе и с шестилепестковой розеткой, — довольно частая находка в кочевнических древностях IV века до н. э. на Южном Урале.

Вполне вероятно, что в IV веке до н. э. кочевники Южного Урала заимствовали с запада, от скифских племен Восточной Европы, металлический чешуйчатый доспех, хотя в данном случае не исключено и влияние ближневосточной традиции. Вероятнее всего, из Скифии заимствованы и щиты со сплошным металлическим покрытием, экземпляр которых найден в кургане 10 могильника Переволочан.

В плане связей номадов Южного Зауралья с населением лесостепного Подонья, а через них и с племенами лесостепного Поднепровья, а позднее — Нижнего Дона и Прикубанья, интересные материалы дали, отмеченные выше курганы Переволочанского могильника конца V — IV века до н. э. в Зауральской Башкирии. В лесостепном Подонье и на правом берегу Среднего Поднепровья находят ближайšie аналоги железным псалям с плоскими шляпками на концах из кургана 10 этого могильника. В Поднепровье псалии данного типа появляются в начале V века до н. э., но широко распространяются лишь в IV—III веках до н. э. В Подонье они происходят из комплексов V — рубежа V—IV веков до н. э. На Среднем Дону в курганах V—III вв. до н. э. мы находим аналоги и железным налобникам из кургана 10 могильника Переволочан. Из комплекса IV—III вв. до н. э. происходит бронзовое колесико с восемью отверстиями, аналогичное колесу из кургана 9 Переволочана. Бронзовая бляшка с четырьмя полушарными выпуклостями по краям и одной в центре из кургана 10 Переволочана аналогична бляшке из комплекса рубежа V—IV вв. до н. э. или начала IV в. до н. э. правобережья Среднего Поднепровья, в состав которого входит и бронзовое колесико с четырьмя спицами, аналогичное южноуральским. Такие же бляшки, так же как и бронзовые колесики с четырьмя спицами, известны и на Среднем Дону в памятниках IV—III вв. до н. э. Из этих же регионов происходят и ближайšie аналоги бронзовой бляшки с плоской и гладкой лицевой поверхностью и петель на обороте из кургана 6 могильника Переволочан. Из кургана 10 этого же могильника происходят две железные ду-

говидные пластины длиной 12 см с петлями на концах. Аналогичный по форме и близкий по размерам предмет найден в Шолоховском кургане в междуречье Дона и Северского Донца. Данный комплекс датируется временем не позднее начала IV века до н. э. и связывается, так же как и расположенные рядом курганы у хуторов Сладковский и Кашеевка, с сирматами. Причем наряду с очень яркими раннепрохоровскими чертами памятники этой зоны V—IV веков до н. э. имеют очень много общего и со среднедонскими комплексами, особенно в предметах вооружения, конской сбруи и украшениях. Одновременно здесь известны мечи с брусковидным навершием и без металлического перекрестья.

К концу IV века до н. э. в донской лесостепи появляются захоронения, содержащие, помимо мечей синдо-меотского типа, инвентарь кубано-нижнедонского облика. Эти инновации в составе погребального инвентаря среднедонских курганов вряд ли можно объяснить лишь результатом усиления культурных и торговых связей, тем более что они появляются на Среднем Дону в конце скифской эпохи, когда гибнут или забрасываются лесостепные городища. Не исключено, что если не все, то некоторые из них являются отражением начавшегося проникновения на северо-запад каких-то групп номадов савромато-сирматского круга. Вероятно, одним из побудительных мотивов нашествия этих групп было стремление установить контроль над путями поступления цветного металла, объем экспорта которого, вероятно, уже значительно сократился.

В Самарском Заволжье выявлена группа ранних прохоровских погребений, датируемых временем от рубежа V—IV веков до н. э. до рубежа IV—III веков до н. э. Большинство их сконцентрировано в бассейне реки Самары. Вероятно, именно долина Самары с притоками являлась тем коридором, по которому уже на рубеже V—IV веков до н. э. или в самом начале IV века до н. э. южноуральские, в том числе и южнозауральские кочевники продвигались на запад. Следует напомнить, что из Самарского Заволжья происходят два зеркала «ольвийского» типа. Одно из них найдено в кургане 2 Андреевского могильника (левый берег Самары), недалеко от которого находятся могильники

Утевка I–IV, где выявлены раннепрохоровские погребения, в одном из которых обнаружен круглодонный сосуд с характерной для Зауралья примесью талька в тесте. Помимо круглодонных сосудов с тальком в формовочной массе в Самарском Заволжье в раннепрохоровском погребении IV века до н. э. обнаружен и каменный жертвенник в виде круглого блюда с плоским дном и орнаментом на бортике. Традиция изготовления сосудов с примесью талька в формовочной массе в Самарском Заволжье продолжает существовать и в III — первой половине II века до н. э. Однако отсутствие талька в керамике Поволжья, так же как и Южного Приуралья, обусловило применение шамота, содержащего тальковую дресву.

С прекращением функционирования «торгового пути Геродота» меняются и каналы поступления на Южный Урал стеклянных украшений из приморских городов Северного Причерноморья. В VI–IV веках до н. э. они доставлялись из Крыма, Азиатского Боспора, Пантикапея через степи Северного Причерноморья и далее, вероятно, по «геродотову торговому пути». В III–I веках до н. э. основным источником их получения становятся Азиатский Боспор и Пантикапей, и поступают на Южный Урал они теперь через Нижнее Поволжье.

С освоением ранними сарматами во второй половине IV века до н. э. степей Прикубанья и Предкавказья и установлением непосредственных контактов с местным населением, возможно, следует связывать появление в ряде погребений IV века до н. э. Южного Урала, в том числе и Южного Зауралья, кинжалов синдо-меотского облика (с брусковидным или овальным навершием и без перекрестия), распространенных в Прикубанье и Предкавказье. Хотя не исключено, что на территорию Южного Урала это оружие попало через лесостепное Подонье, где мечи синдо-меотского типа появляются в конце IV века до н. э.

В плане связей южнозауральских кочевников с далеким Юго-Западом интересна находка зуба ископаемой акулы в погребении III–II веков до н. э. из кургана у села Варна. Такие амулеты и подвески найдены в курганах конца IV века до н. э. Прикубанья (Курджип) и Припорожского Поднепровья (Мелитопольский). В Курджипском кургане вместе с мечом синдо-меотского типа найдены меч и кинжал с серповидными навершиями (перекрестия не сохранились). Его погребальный обряд и ряд категорий материальной культуры чрезвычайно близки к древностям Южного Урала IV века до н. э., что позволяет отнести данный курган к погребениям сарматской (прохоровской) знати.

Каменный жертвенник с орнаментом по бортику. Южное Зауралье. АМ КГУ

Во второй половине III века до н. э. в урало-казахстанских степях, так же как и на примыкающей к ним территории Центральной Азии, происходят значительные изменения, связанные в целом с трансформацией этнокультурной ситуации в восточной части степной Евразии, вызванной подвижками кочевого населения Внутренней Азии. Однако связывать эти изменения лишь с северным походом Модэ 203–202 годов до н. э. вряд ли правомерно. Очевидно, продвижение на север и северо-запад отдельных групп или родовых подразделений кочевников Внутренней Азии, и не только хунну, могло происходить и ранее, по крайней мере, уже в середине III века до н. э., в период создания и усиления хуннского племенного объединения в этом регионе.

Кроме того, надо иметь в виду и некоторые моменты политики как отдельных китайских царств конца периода Чжаньго, так и империи Цинь по отношению к северным «варварам» — кочевым племенам Северного и Северо-Западного Китая. Как уже упоминалось, в 327 году до н. э. протогосударственное объединение западных жунов Ицью признало себя вассалом Цинь. В 314 году до н. э. поход циньцев закончился присоединением 25 ицьюйских «городов» к царству Цинь. В 272 году до н. э. правитель Ицью был заманен в циньскую столицу и там убит. На территории его царства были основаны циньские округа. На рубеже IV–III веков до н. э. лоуфани — кочевые племена, центром расселения которых были северные районы провинции Шаньси и прилегающие области Ордоса — вместе с племенами ху и линьху были разгромлены «на севере» чжаоским правителем Улин-ваном. В дальнейшем линьху упоминаются на северных границах Чжао, а лоуфани — только к западу от него. После этого разгрома лоуфани утратили не только контроль над торговыми путями, но и пастбища на севере Шаньси. На захваченных землях были организованы три новых округа царства Чжао, в результате чего его территория увеличилась по меньшей мере вдвое. Для защиты вновь приобретенных и осваиваемых земель была возведена пограничная стена. В период с 300 по 295 год до н. э. Чжао в союзе с Ци и Янь полностью захватило владение Чжуншань (на западе современной провинции Хэбэй), населенное

потомками племен белых ди. Между 265 и 245 годами до н. э. Ли Му, военачальник царства Чжао, разгромил ряд северных кочевых племен. В тексте главы 81 «Ши Цзи» повествуется: «Ли Му, служивший в северных пограничных областях царства Чжао... готовый отразить нападение сюнну... Вдоль границ были поставлены башни с сигнальными огнями... Когда сюнну вторглись малыми силами, то он отошел... Узнав об этом, сюннуский шаньюй вторгся в чжаоские земли с огромной массой своих воинов. Но Ли Му... развернул свои левый и правый фланги и ударил по армии сюнну, нанеся ей крупное поражение. Погибло более 100 тысяч сюннуских конников. Он уничтожил [племена] даньлань, разгромил [племена] дунху, принудил сдаться [племена] линьху. Шаньюй спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам Чжао». Ко времени Ли Му земли владения Янь были расширены на север за счет захвата земель, принадлежавших племенам дунху, и обнесены стеной [16, с. 107–108].

В ходе военных кампаний 214–212 годов до н. э. циньская империя вытеснила ряд кочевых племен из Ордоса. Для защиты вновь приобретенных земель от набегов «варваров» была построена пограничная стена. В результате сюнну ушли на север, куда была перенесена и ставка Тоуманя. Однако через несколько лет, уже при Модэ, сюнну покоряют лоуфаней и байен, захватывают ранее завоеванные китайцами земли на востоке Ордоса.

В III веке до н. э. подконтрольные сюнну (хунну) земли могли охватывать подковообразно излучину Хуанхэ, в том числе и Ордос, заселенный племенами лоуфань и байян. На востоке сюнну граничили с дунху, а на западе — с юэчжи, жившими в районе Ганьсуйского коридора. Здесь, в юго-западной части современной провинции Ганьсу, во второй половине III века до н. э., вероятно, находились коренная территория и основные центры юэчжей, привязанные к древней трансасиатской торговой трассе.

Во второй половине III века до н. э. юэчжи представляли собой могущественный и, следует особо подчеркнуть, этнически неоднородный племенной союз кочевников Внутренней Азии. Власть юэчжийских вождей и расселение их племен рас-

пространялись на большую часть Монголии, Джунгарию, Тянь-Шань, а также на Таримский бассейн и верховья Хуанхэ. Прямо или косвенно китайская историография свидетельствует о долгой истории хунно-юэчжийских столкновений. До конца III века до н. э. юэчжи имели явное военно-политическое превосходство над хуннами, которое утратили на рубеже III–II веков до н. э.

В 209 году до н. э. Маодунь, старший сын хуннского шаньюя Тоуманя, узурпировал трон, объявив себя шаньюем и объединил хунну. Вслед за этим он разгромил дунху и овладел степной частью Манчжурии. Затем он напал на юэчжей и оттеснил их на запад. С этого времени началась длительная война между хуннами и юэчжами. Около 205–204 годов до н. э. Маодунь-шаньюй покорил ордосские племена лоуфань и байян. В 203–202 годах до н. э. он подчинил племена Саяна, Алтая и Верхнего Енисея (хуньюй, кюеше, динлинов, гэгунь, цайли). Самую жестокую войну Маодуню и его наследнику Лаошань-шаньюю пришлось выдержать с юэчжами. Окончательная победа была одержана хуннами в 165 году до н. э.¹ Вождь юэчжей пал в бою, а из его черепа Лаошань Цзюй сделал чашу для питья. После этого поражения начался исход на запад большей части юэчжей, обитавших на территории современного Северного и Северо-Западного Китая. Первоначально из Ганьсу и Нинся (Северный Китай) юэчжи уходят в Таримскую котловину и долину реки Или (Восточный Туркестан и Семиречье), вытеснив оттуда сэ (саков). Вскоре под ударами усуней они покидают и эти территории и движутся далее — через Фергану в Центральную Азию. Между 141 и 128 годами до н. э. юэчжи разгромили Бактрию (Дася) и «подчинили эту страну» [20, с. 236–241]. Однако большая часть пришедших с востока кочевников осталась в Центральной Азии, в том числе в бассейне Сырдарьи и в Приаралье².

¹ Предлагаются и другие даты этого поражения юэчжей: 160 год до н. э., 158 год до н. э., 174 год до н. э.

² Существует точка зрения, согласно которой юэчжи пришли в междуречье Амударьи и Сырдарьи, минуя Сырдарью и собственно Среднюю Азию. Путь их из Ганьсу лежал вдоль хребтов Борохоро, Кокшалатау, Алайского, Зеравшанского, Гиссарского через «железные ворота» к берегам Амударьи [17, с. 126, 127].

Бронзовый котел.
Ордос, Китай
(по Ordos Bronze Wares)

Время начала второй волны миграции юэчжей, с территории Восточного Туркестана и Семиречья, точно в источниках не указывается и разными исследователями оно определяется в пределах 160–129 гг. до н. э.

Таким образом, уже в III веке до н. э., по крайней мере с середины этого столетия, вполне вероятны миграции на север и северо-запад отдельных групп или родовых подразделений кочевников из Внутренней Азии. Так, в III в. до н. э. на Южный Алтай, по-видимому, с юго-востока проникают небольшие группы носителей одного из вариантов культуры плиточных могил или ранних гуннов. Памятники III в. до н. э. Южного Алтая (плато Укок) дают заметное увеличение доли монголоидного компонента, по сравнению с предшествующим пазырыкским населением. Обнаруженный здесь высоколицый монголоидный компонент можно связать с хунну Забайкалья и Монголии. Во второй половине III в. до н. э. в Горный Алтай начинают проникать

племена хунну, что неоднократно фиксируется в погребальных комплексах «пазырыкцев».

Следует подчеркнуть, что в употребляемые здесь и далее этнонимы «сюнну», «хунну», «гунны», «юэчжи» не вкладывается конкретного этнического содержания. Мы следуем лишь за исследователями, употребляющими данные этнонимы в своих работах. Для нас важно лишь то, что эти этнонимы применяются ими для обозначения тех или иных групп кочевого населения Монголии, Северного и Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана).

Зарождение новых культурных стереотипов, характерных для хуннского времени, отмечается уже на завершающем этапе развития культуры скифского облика Саяно-Алтая — рубеж IV–III — середина II века до н. э. На территории Тувы признаки появления новых культурных традиций обнаруживаются в пределах III века до н. э., причем в более явном виде, нежели в других районах Саяно-Алтая.

Все большее усиление хунну в Монголии и Синьцзяне привело к росту их влияния на «пазырыкцев», что способствовало усилению этнокультурных контактов, а затем, вероятно, к гуннской экспансии в районы Горного Алтая. Приток нового населения в районы Алтая фиксируется в конце III — первой половине II века до н. э. Именно в это время прекращает свое существование пазырыкская культура Алтая, что стало результатом разгрома «пазырыкцев» хуннами. Крайняя малочисленность памятников II–I веков до н. э. заставляет предполагать уход части населения с территории Горного Алтая уже на рубеже III–II веков до н. э. Вполне возможно, что часть пазырыкского населения в составе широкой общности племен Алтая, Восточного Казахстана и части Монголии, соотносимой с племенным объединением юэчжей, покинула территорию Горного Алтая и мигрировала на запад.

В III веке до н. э. в Восточном Казахстане появляются памятники кулажургинской культуры III века до н. э. — I века н. э. Эта культура по основным показателям погребального обряда и инвентаря резко отличается от культуры этого региона предшествующего времени. Наибольшее сходство памятники первого этапа кулажургинской культуры обнаруживают с памятниками Алтая и Тувы.

Бронзовое зеркало. Ордос, Китай (по Ordos Bronze Wares)

Серебряная бляшка со сценой терзания. Ордос, Китай (по Ordos Bronze Wares)

Почтовый блок «The Hunnu Empire – 2200». Монголия

Данное обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, о тесных связях кулажургинского населения Восточного Казахстана с племенами Горного Алтая и Внутренней Азии. С другой стороны, сходство кулажургинских памятников с синхронными комплексами соседнего Алтая, возможно, объясняется близостью и родством населения. Не поднимая вопроса о происхождении кулажургинской культуры, хотелось бы еще раз обратить внимание на уже отмеченную в литературе близость кулажургинских памятников к погребальным сооружениям кара-кобинской группы или культуры конца VI — рубежа III–II веков до н. э. Горного Алтая.

В Центральном Казахстане своеобразную группу памятников составляют погребальные комплексы коргантасского типа, датированные III–I веками

до н. э. Особенностью этих комплексов являются особые жертвенные места — отсеки, устроенные, как правило, с северо-восточной стороны ям за изголовьем погребенных. Во всех отсеках найдены черепа баранов, лошадей, редко коз и только в одном случае — быка с одним шейным позвонком, а также кости ног животных (копыта, фаланги). Сравнение погребений коргантасского типа с погребениями всех этапов тасмолинской культуры показывает, что коргантасский обряд погребения для тасмолинских племен Центрального Казахстана неизвестен. Аналоги его видят в хуннских памятниках Монголии и Забайкалья, отмечая, что такие головные жертвенные отсеки типичны для рядовых захоронений хунну Внутренней Азии. Иногда эта деталь обряда появляется и у народов, находящихся

Татуировка мужчины. Второй Пазырыкский курган (по Руденко С. И.)

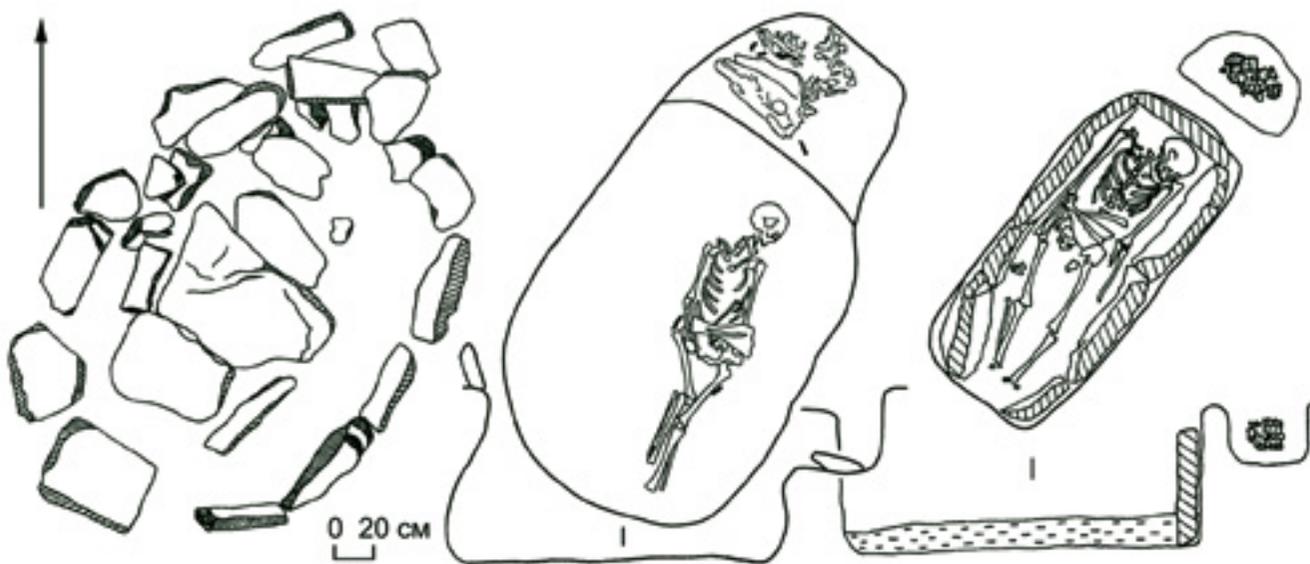
под сильным хуннским влиянием. Исходя из этого, можно сделать вывод, что подобные жертвенные места — отсеки с черепами животных — нужно связывать с хуннским погребальным обрядом. Территориально ближайший к коргантасскому обряд погребения прослежен на Северо-Западном и Южном Алтае и связан, вероятно, с инфильтрацией сюда населения из Северного Китая. Положение умерших — вытянуто на спине, головой на северный сектор — при наличии костей коров, овец, лошадей, баранов и коз (черепов, фаланг, копыт, лопаток), которые укладывались в определенном порядке в головах погребенного в специальной нише и на перекрытии могилы, довольно часто встречается в могилах скифского времени Северного Китая (Маоцингоу, Таохунбала и др.).

Период IV–II веков до н. э. является заключительным этапом в истории улубаевско-тасмолинской культуры Северного Казахстана. В это время крупные курганы знати выносятся вглубь степей и стоят изолированно друг от друга. Усложняется как наземная, так и подземная части погребальных сооружений. Усложняются и более разнообразными становятся конструкции погребальных камер. Наряду с простыми грунтовыми ямами и подбоями распространяются катакомбы. В IV–II веках до н. э. сохраняется западная ориентировка погребенных, в том числе и в подбойных могилах. На дне мо-

гильных ям в Сергеевском микрорайоне обнаружены остатки берестяных гробовищ, деревянных рам. Культ огня сохранился в тех же формах, что и в предшествующее время, но стал более выразительным. В составе заупокойной пищи растет процентное содержание лошади, прежде всего за счет поминальных тризн. В курганах IV–II веков до н. э. наряду с плоскодонной посудой появляется круглодонная, которая типологически близка саргатской и сарматской керамике.

Помимо отдельных находок кинжалов прохоровских форм (с прямым перекрестием и серповидным навершием) среди памятников IV–II веков до н. э. Северного Казахстана выделяется небольшая группа с яркими раннесарматскими чертами. Эти черты проявляются не только в погребальном обряде (катакомбы, простые грунтовые ямы и ямы с заплечиками, где погребенные лежали головами на юг, иногда с отклонениями к востоку или западу, в качестве напутственной пищи клались передние ноги овцы), но и в инвентаре (зеркала, керамика).

Как уже отмечалось ранее, возможно, что в ходе миграции кочевников Восточного Туркестана в степи Южного Урала какая-то, вероятно, незначительная их часть могла войти в состав объединения кочевников Северного Казахстана. С этими мигрантами связаны, очевидно, погребения конца V — начала IV века до н. э. — Берлик II, курган 6 и Урнек,

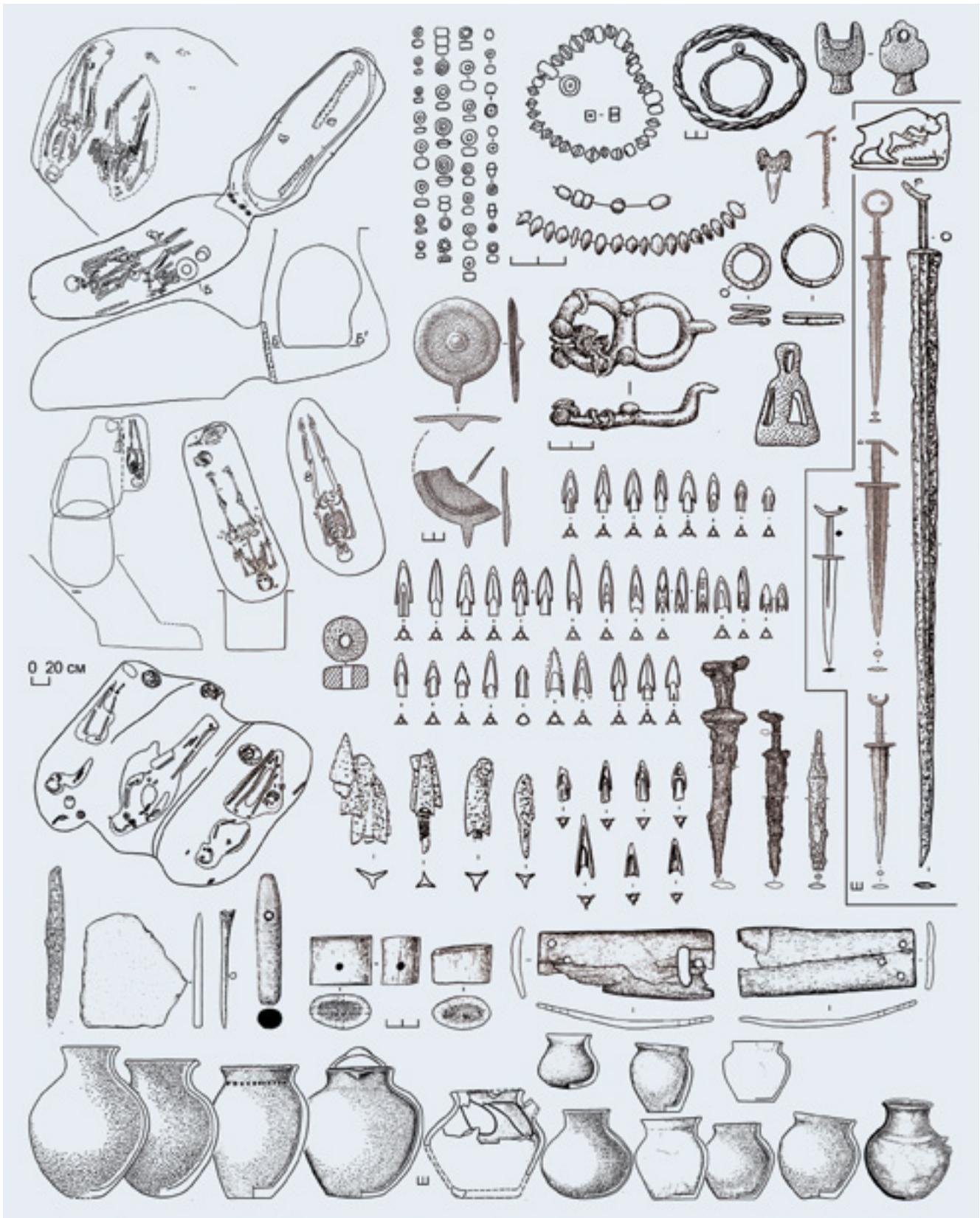
Памятники коргантасского типа (III–I вв. до н. э.).
Центральный Казахстан

курган 2 — с яркими раннесарматскими чертами в погребальном обряде и инвентаре. В дальнейшем сарматские черты в среде номадов Северного Казахстана поддерживались переселением в этот регион части ранних кочевников Южного Зауралья. В этой связи следует отметить, что погребения с южной ориентировкой костяков в Северном Казахстане совершенно не известны в его южной части (Ишимо-Чаглинский микрорайон), примыкающей к степям Центрального Казахстана, но распространены в Сергеевском микрорайоне, наиболее близком по природным условиям к Южному Зауралью. Следует подчеркнуть, что передвижение ранних кочевников Южного Зауралья в Северный Казахстан в IV–III веках до н. э. вряд ли имело массовый характер. Скорее всего, его следует рассматривать как одно из проявлений постоянных перегруппировок внутри кочевого мира, процесса отрыва отдельных родов или родовых подразделений от основного массива и включения их в состав родственных кочевых объединений. В этом случае происходят изменения маршрута кочевания и мест летних пастбищ, тогда как расположение зимовок (зимних пастбищ) практически не меняется. Результатом таких перегруппировок и является, вероятно, ситуация, когда представители одного рода, зимующие в непосредственной близости, летом расходятся на сотни километров друг от друга, занимая различные регионы Казахстана.

Непрерывность развития и этнокультурное единство населения Северного Казахстана, так же как и населения Центрального Казахстана, нарушается к рубежу новой эры. В II веке до н. э. — I веке н. э. происходит изменение погребального обряда. Западная и северо-западная ориентировка погребенных сменяется южной, распространяются подбойно-катакомбные захоронения. Появляются новые формы клинкового оружия (кинжалы с прямым перекрестием без навершия или с кольцевым навершием, кинжалы и мечи без металлического перекрестия и навершия), луки с костяными накладками, которым соответствуют более крупные железные черешковые трехлопастные наконечники стрел. Погребальный обряд и характер вещевого инвентаря указывают на усиление связей с юго-восточными и южными регионами азиатских

Железные кинжалы раннесарматских (прохоровских) форм (IV–II вв. до н. э.). Северный Казахстан. СКОИКМ

Погребальный обряд
и инвентарь памятников
ранних кочевников Южного
Зауралья (III–II вв. до н. э.)

степей. Господство южной ориентировки, некоторые типы предметов вооружения находят аналоги в подбойно-катакомбных погребениях Семиречья. Наблюдается сходство керамического комплекса с сосудами усуньской культуры и отдельными типами посуды улуг-хемской и кокэльской культур Тувы.

На Южном Урале, в частности в Южном Зауралье, с передвижениями племен Внутренней Азии и Саяно-Алтая в III–II веках до н. э. можно связать появление уже в III веке до н. э., и особенно в II веке до н. э., ряда инноваций в материальной культуре. Сразу отметим, что инноваций в погребальном обряде в этот период почти не прослеживается. Связано это, вероятно, не столько с малочисленностью в южноуральских степях погребений III–II веков до н. э., сколько с тем, что сюда, очевидно, проникали группы, родственные ранее ушедшим на запад кочевникам.

Инновации в погребальном обряде проявляются лишь в появлении погребений в каменных ящиках, в генезисе которых вполне возможен восточный импульс. Наиболее территориально близки этому типу погребений Южного Приуралья памятники коргантасского типа Центрального Казахстана.

Инновации в материальной культуре проявились прежде всего в вооружении. В III–II веках до н. э. появляются кинжалы с прямым перекрестием без навершия или кольцевым навершием, без металлического перекрестия и навершия, новая конструкция лука — с концевыми костяными накладками. К инновациям можно отнести и распространение миниатюрных височных колец и серег в полтора-два оборота, появление бронзовых литых миниатюрных котелков, прорезных колокольчиков, бронзовых и железных восьмерковидных пряжек с неподвижным боковым выступом или крючком, а также костяных поясных пряжек.

Генезис мечей и кинжалов с овально-кольчатым навершием следует связывать, по мнению В. А. Могильниковой, с территорией древнего Ирана. Так, кинжал с навершием в форме овального кольца изображен на рельефе с фигурой мидийского воина на лестнице апанады Персеполя первой половины V века до н. э. В результате взаимодействия центральноазиатских саков с Ахеменидским Ира-

ном мечи и кинжалы с таким навершием частично распространились среди кочевников. Наиболее древним в кочевнической среде В. А. Могильников считает кинжал из кургана 1 могильника Сынтас на Илеке. По его мнению, вероятно, вместе с саками Центральной Азии мечи и кинжалы с таким навершием попали на Алтай, а затем и в лесостепь Верхнего Приобья [22, с. 47]. Здесь известна группа железных мечей и кинжалов с овально-кольцевым навершием и прямым или слабодуговидным перекрестием. Наиболее ранним из них является меч из разрушенного погребения у села Калистратиха близ Барнаула, датированного по сопровождающему инвентарю IV веком до н. э. или V–IV веками до н. э. Вероятно, концом V — серединой IV века до н. э. датируется могила 32 могильника Староалейка 2 (Барнаульское Приобье), в которой найден железный кинжал с кольцевым навершием и широким сломанным под тупым углом перекрестием.

Кинжал с овально-кольчатым навершием и прямым перекрестием обнаружен и в погребении 9 кургана 2 могильника Новотроицкий II. Вместе с ним найдены железный нож без выделенной рукояти и навершия, характерный для комплексов V–IV веков до н. э., и золотая накладка с изображением коня с вывернутым крупом. Последняя идентична накладке на ножнах кинжала из кургана Иссык в Семиречье. Исходя из предложенной даты кургана Иссык — последняя четверть IV — начало III века до н. э., — В. А. Могильников датировал новотроицкое погребение и найденный в нем кинжал концом IV — III веком до н. э. [22, с. 46, рис. 40, 7; 41, 5]. Однако, как нам кажется, К. А. Акишевым была предложена более реальная датировка кургана Иссык — V век до н. э. [1, с. 39].

Кинжал с вытянутым овальным кольцом навершия, прорезной рукоятью и прямым перекрестием из погребения 5 кургана 23 могильника Новотроицкое II датирован III–II веками до н. э. Этим же временем датирован и кинжал из окрестностей села Новообинцево. У него прямое узкое перекрестие, гладкая сплошная рукоять и кольцевое разомкнутое навершие. Впрочем, не исключена и более ранняя их датировка — в пределах IV–III веков до н. э.

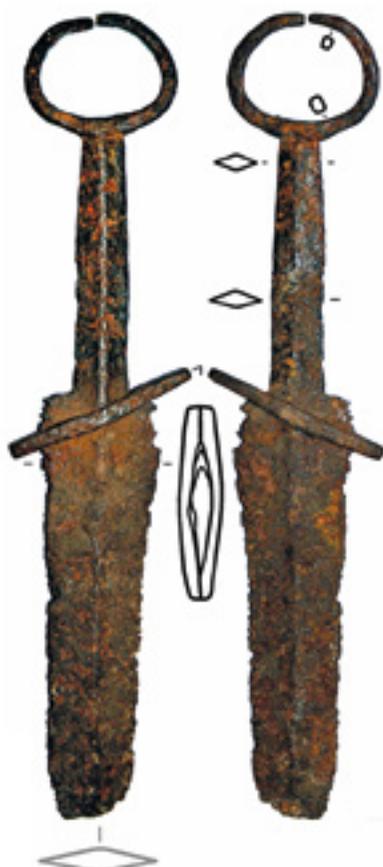
В Южном Приуралье мечи и кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием, согласно

традиционной точке зрения, начинают появляться в конце III — II веке до н. э. или в III веке до н. э. Из Башкирии происходит целая серия кинжалов с разомкнутым кольцевым навершием и прямым перекрестием, датируемых авторами публикаций о них III веком до н. э. Среди них самым ранним является, вероятно, кинжал из Стерлитамакского музея. Концы его волют выполнены в виде головок зверей или птиц. Кинжал с прямым широким перекрестием, прорезной рукоятью, вероятно, кольцевым навершием и лезвием с широкими вертикальными канавками, найденный у деревни Месели в Башкирии, датирован IV–III веками до н. э. Авторы публикации подчеркнули, что подобные формы для сармато-скифского вооружения нехарактерны, но изредка встречаются в Минусинской котловине, на Памире и в Восточном Казахстане в памятниках V–III веков до н. э. Однако попытка обосновать раннюю дату этих кинжалов пока

остаётся гипотетичной по той причине, что все они представляют собой случайные находки. Как считает А. С. Скрипкин, в настоящее время вряд ли следует говорить о самостоятельном генезисе сарматских мечей с кольцевым навершием в Волго-Уральских степях, в результате которого они появляются здесь в III веке до н. э. Как он совершенно справедливо отметил, в течение большей части раннего железного века кинжалы и мечи с кольцевым навершием были достаточно широко распространены на территории Северного Китая, Тувы, Алтая и Минусинской котловины. Традиция изготовления оружия с такой формой навершия уходит здесь своими корнями в эпоху бронзы. В хуннское время клинковое оружие с кольцевым навершием широко распространяется в Восточном Туркестане и Внутренней Азии. Появление же его в Южном Приуралье связано с влиянием восточных традиций [27, с. 291].

Костюм знатного сака («Золотого человека»). Курган Иссык (конец V — начало IV в. до н. э.). Реконструкция К. Алтынбекова

Железный кинжал сарматского времени (III в. до н. э.). Школьный музей, село Зильдярово (Республика Башкортостан)

Бронзовые
наконеч-
ники стрел.
Ордос, Китай
(по Genghis
Khan)

В Северном Китае железные кинжалы с кольцевым (круглым или овальным) навершием и сломанным под углом или дуговидным перекрестием найдены в погребениях V–III веков до н. э. В Минусинской котловине тагарские кинжалы с прямым перекрестием, в том числе с кольцевым либо полукольцевым навершием, являются более древними, нежели кинжалы с бабочковидным перекрестием, и восходят к карасукским прототипам. Известны и тагарские кинжалы с прямым перекрестием и прямым или серповидным навершием. Ряд тагарских кинжалов имеет и сломанное по углом или близкое к этому перекрестие.

Железные кинжалы без навершия и перекрестия в сформировавшемся виде известны уже в раннесарматское время. Данное положение подтверждается находкой железного меча без навершия и перекрестия в раннесарматском погребении IV века до н. э. могильника Муракаево (Южное Зауралье). Найден он в погребении 3 кургана 4 вместе с мечом, имеющим брусковидное слабо изогнутое навершие и брусковидное изогнутое под тупым углом перекрестие.

На рубеже IV–III веков до н. э. на Южном Урале впервые появляются железные наконечники

стрел с длинным черешком, достигающим в длину 12–17 сантиметров. Особенно характерны они для III века до н. э., в погребениях же III–II веков до н. э. они встречаются достаточно редко, а позже II века до н. э. неизвестны. Причем среди наиболее ранних образцов, датируемых рубежом IV–III веков до н. э., есть экземпляры, где в бронзовые наконечники вставлены длинные (0,46 метра) железные черешки. Происхождение таких наконечников связывается с Китаем и Монголией. Практически полными аналогами столь необычного для сарматов оружия являются китайские арбалетные болты, то есть стрелы для арбалетов. В III веке до н. э. эти арбалетные болты были, как правило, биметаллическими — с бронзовым втульчатый наконечником и железным древком. Очевидно, что данный тип стрел документирует начало контактов сарматов с Китаем еще в III веке до н. э. Впрочем, не исключено, что арбалеты попали к сарматам не непосредственно от китайцев, а через «третьи руки».

Бронзовые и железные восьмеркообразные пряжки с неподвижным боковым крючком или выступом (различного типа) появляются на Южном Урале на рубеже IV–III веков до н. э. и, как правило, не встречаются позже II века до н. э. На рубеже IV–

III веков до н. э. появляются и железные кольцевые пряжки с боковым крючком-выступом, не ранее III века до н. э.— аналогичные бронзовые. Такие пряжки известны в памятниках III–II веков до н. э. как Южного Зауралья, так и Южного Приуралья.

Находки бронзовых литых миниатюрных котелков в западных регионах степной Евразии довольно редки. Один такой котелок происходит из комплекса кургана IV–III веков до н. э. в урочище Дарьевка (правобережье Среднего Приднепровья). Два котелка найдены в Ставропольском крае. Один происходит из кургана 6 у села Китаевка, датированного временем около II века до н. э. Второй, датированный IV–III веками до н. э.,— из разрушенного могильника у хутора Херсонка. Известны они

в IV–II веках до н. э. на Кавказе. Гораздо больше их в памятниках гунно-сарматского времени Южной Сибири и памятниках таштыкской культуры. Миниатюрные модели котелков-подвесок, найденные в ряде памятников Тувы, могут выступать в качестве надежных хронологических индикаторов II века до н. э. Поясные подвески-колокольчики в виде миниатюрных котелков известны и в погребениях III–II веков до н. э. носителей кара-абызской культуры Приуральской Башкирии. В степях Южного Приуралья и Нижнего Поволжья они происходят из ряда сарматских погребений, в том числе и III–II веков до н. э.,— из кургана В4 у хутора Шульц, курганов могильников Вишневая Балка, Кушум и др. Данные изделия, несомненно, имеют восточное происхождение.

Кинжалы с кольцевым навершием. Ордос, Китай (по Ordos Bronze Wares)

Следует отметить, что клинковое оружие с кольцевым навершием, также как и рамчатые пряжки со сценами терзания хищником верблюда или с изображением лежащего верблюда, подвески в виде миниатюрных бронзовых котелков, костяные ложковидные застёжки, костяные навершия гребней, в Южном Приуралье появляются не ранее II века до н. э. Распространение же всех этих предметов связано, вероятно, с проникновением какой-то группы кочевников, ранее обитавших далеко на востоке.

Восточное происхождение бронзовых ажурных поясных пряжек с изображением сцен терзания хищником верблюда, найденных в Центральном Казахстане и Южном Зауралье, а также в Центральной Азии и Нижнем Поволжье, не вызывает сомнений. Районы Северного Китая были, вероятно, тем местом, где первоначально сформировалась мода на ажурные поясные пряжки. Появление таких пряжек в Нижнем Поволжье фиксирует один из ранних этапов проникновения каких-то групп кочевников внутреннеазиатского происхождения в западные регионы.

Пряжка со сценой нападения тигра на верблюда найдена в кургане 1 могильника Карамурун II в Центральном Казахстане вместе с обломком рукояти кинжала с серповидным навершием, бронзовым трехгранным втульчатом, костяными, железными трехлопастными и трехгранными черешковыми наконечниками стрел небольшого размера, каменным жертвенником. Причем бронзовый наконечник найден в области брюшины погребенного. Близкая карамурунской пряжка найдена у села Ванюши близ Челябинска в 1893 году при строительстве железной дороги. Вместе с ней в музей поступила тазовая кость человека с застрявшей в ней бронзовой трехгранной стрелой. Вместе с бронзовым трехлопастным втульчатым наконечником стрелы, лежащим вместе с костяком лошади, помещенным в ногах погребенного здесь человека, ориентированного головой на юг, найдена и пряжка, аналогичная пряжке, найденной у поселка Тастагым (рубеж IV–III веков до н. э.). Погребение 14 кургана 1 могильника Петрунино II в Нижнем Поволжье, в котором найдена ажурная пряжка со сценой терзания хищником верблюда, так же как

Поясная пряжка с изображением сцены терзания хищника на верблюда.

III в. до н. э. Южный Казахстан (по И. Тасмагамбетову)

и весь могильник в целом, датируется III–II веками до н. э. или II веком до н. э.

Пришедшие с востока юэцжи в середине — второй половине II века до н. э. вытеснили, главным образом на юг, племена Нижней и Средней Сырдарьи, в том числе и номадов Южного Зауралья с их зимних пастбищ. В это движение на юг были, возможно, втянуты и номады Южного Приуралья. Однако основная масса кочевников Южного Приуралья, как представляется, вынуждена была уйти в Нижнее Поволжье и в степи между Волгой и Доном, что привело к значительному увеличению их населения. Это, в свою очередь, стимулировало дальнейшее движение сарматов на запад. Очевидно, что какие-то подразделения восточных кочевников в это же время проникли в приуральские и Волго-Донские степи. Поэтому дальнейшее развитие здесь прохоровской культуры в II–I веках до н. э. проходило под значительным влиянием традиций, имеющих восточное происхождение.

Как уже отмечалось, кочевники, проводившие лето в Южном Зауралье, на зиму перекочевывали в северное и северо-восточное Приуралье, на Среднюю и Нижнюю Сырдарью, в Приуральские Каракумы и Кызылкумы, низовья Чу и Сарысу. Здесь они соприкасались с кочевым и полукочевым

населением, обитавшим в этих местах постоянно. И это население не обязательно было этническим отличным. В его состав могла входить часть кочевой народности или племенного объединения, по тем или иным причинам кочующая в этом регионе или осевшая и ведущая полукочевой или даже оседлый образ жизни. Этим была обусловлена быстрая передача новшеств в области материальной культуры. Единая генетическая основа и близкий уровень социально-экономического развития способствовали различного рода контактам, облегчали заимствования не только в области материального производства, но и в духовной сфере.

Специфика кочевого хозяйства, его односторонняя скотоводческая направленность и неустойчивость неизбежно требуют установления разнообразных экономических контактов с земледельческими областями. Эти взаимосвязи возникают с самого начала развития кочевого скотоводства. Они необходимы для получения продуктов

земледелия и ремесла, без которых номады не могли существовать, так как по самому характеру своего хозяйства кочевники не могут самостоятельно обеспечить производство этой продукции в достаточном количестве. Поэтому кочевники, более заинтересованные в экономических связях с жителями земледельческих областей, зачастую выступали и их инициаторами и были их активной стороной. Необходимые им продукты они получали путем обмена (торговли) и в виде военных трофеев, дани и т. п.

Расположение зимних пастбищ номадов Южного Зауралья вблизи земледельческих оазисов Центральной Азии благоприятствовало активным контактам кочевого и оседлого населения, налаживанию тесных экономических, культурных и политических связей. Любое же изменение исторической ситуации в Центральной Азии, особенно близ традиционных зимних кочевий, неизбежно приводило к трансформациям в кочевом мире, в том

Плита с рельефным изображением всадника. II в. н. э. Танаис (Нижний Дон). ГЭ

числе и у номадов Южного Зауралья. В свете этих выводов мы и попытаемся рассмотреть историю взаимоотношений ранних кочевников Южного Зауралья на раннепрохоровском (вторая половина V — IV век до н. э.) и прохоровском (III—II века до н. э.) этапах с населением Центральной Азии.

На рубеже V—IV веков до н. э. в бассейне Жанадарьи на основе культуры сакских племен низовьев Сырдарьи под сильным культурным влиянием земледельческих оазисов юга Центральной Азии формируется чирикратская культура оседлых и полuosедлых скотоводов (рубеж V—IV — начало II века до н. э.). В ареале культуры выявлены две природно-хозяйственные зоны: северная (на меридиональных руслах Пражанадарьи), занятая скотоводами под пастбища, и южная, где располагались оазисы неукрепленных поселений с сопровождающей их примитивной ирригацией. В пределах южной зоны располагались и укрепленные поселения. В северной зоне отсутствовали оседлые

поселения, зато обнаружены следы временных, скорее всего, зимних стоянок скотоводов и отдельные погребальные сооружения. Исходя из данных этнографии, «чирикратцы», ведя кочевое хозяйство в этой зоне, вряд ли покидали ее в летний период. Эта же территория, судя по материалам XIX — начала XX века, могла использоваться и частью номадов Южного Зауралья для своих зимних пастбищ. Скорее всего, именно северная зона чирикратской культуры и являлась тем регионом, где осуществлялись контакты ее носителей с ранними кочевниками Южного Зауралья. Возможно, это свидетельствует о том, что уже к IV веку до н. э. стали обычными традиционные перекочевки с зимовок в дельте Сырдарьи на летовки к рекам Илек и Урал.

Археологические материалы чирикратской культуры позволили локализовать на этой территории одну из поздних сатрапий Ахеменидского государства на крайнем северо-востоке его

Фалар (декоративная металлическая бляха в конской упряжи, соединяющая ее ремни) с изображением лежащего льва. Случайная находка у поселка Сурган (II в. до н. э.). МПич

владений — в области «саков, которые за Согдом». Только с включением территорий в низовья Сырдарьи в состав Ахеменидской державы можно связывать появление здесь в IV веке до н. э. монументальных сырцовых построек, гончарного комплекса керамики, имеющего аналоги в южных земледельческих областях Центральной Азии (Согд,

Парфия и, возможно, Бактрия). Можно предполагать даже переселение из этих областей групп ремесленников и строительных мастеров, которые передавали местному населению основные навыки производства, принимали участие в строительстве монументальных зданий и крепостных сооружений, в частности сатрапской резиденции на городи-

Фляга. Городище Чирик-Рабат
(IV–II вв. до н. э.). ЦГМ РК

ще Бабиш-Мулла 1. Подобные явления характерны для периода господства Ахеменидов в Центральной Азии и связаны с политикой центральной власти по отношению к окраинным владениям.

О постоянных связях носителей чирикрататской культуры с кочевниками Южного Зауралья свидетельствуют близкие формы бронзовых зеркал, в частности с валиком по краю, костяных ложечек, рукоятей ножей и гребней, каменных курильниц, бронзовых наконечников стрел, железных кинжалов, спиралевидных бронзовых височных колец. По своим формам лепные горшки чирикрататской культуры наиболее близкие аналоги имеют в сакских комплексах VII–V веков до н. э. на Нижней Сырдарье, в погребальных комплексах ранних кочевников Южного Урала, а также в памятниках первого этапа соседней джетысарской культуры. Определенные аналоги можно проследить и в орнаментации чирикрататской и южнозауральской керамики. Прослеживаются параллели в конструкции погребальных сооружений (обширные могильные ямы с дромосом с южной стороны) и деталях их оформления (глиняная обмазка с побелкой стенок и дна могильных ям) у кочевников Южного Зауралья и «чирикрататцев» (курган Темир и курган на городище Чирик-рабат).

В плане сармато-чирикрататских связей показательно коллективное погребение в катакомбе могильника Баланды IV (IV–III века до н. э.). Обширная овальная погребальная камера, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, в южной стенке имела дромос. Погребенные (семь человек) были уложены вытянуто на спине, головой на юго-восток. Сопроводительный инвентарь (железные кинжал и нож, бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел, бронзовые височные кольца в полтора оборота, бусина из синего стекла с белыми глазками, стеклянная подвеска) имеют многочисленные аналоги в памятниках IV–II веков до н. э. Южного Урала. Из 11 найденных сосудов лишь два изготовлены на гончарном круге. Остальные горшки лепные, близкие по форме и технологии изготовления как к сосудам с поселений и городищ чирикрататской и джетысарской культур, так и к горшкам из погребений ранних кочевников Южного Урала.

Подтверждением достаточно тесных связей, и не только экономических и, возможно, политических, но и, вероятно, матримониальных, существовавших между кочевниками Южного Урала и кочевым и оседлым населением Юго-Восточного Приаралья, могут в какой-то степени выступать и данные антропологии. Сравнительный анализ палеоантропологического материала ранних кочевников Южного Приуралья с черепами древнего населения из могильников урало-казахстанских степей позволил Р. М. Юсупову прийти к выводу, что наибольшая близость выявляется при сравнении черепов из Южного Приуралья с черепами саков Казахстана и Приаралья (Чирик-рабат) VII–II веков до н. э. и усунями-уге из Восточного Казахстана. При этом материалы могильника Филипповка I в Южном Приуралье оказались морфологически более близкими сакским племенам Приаралья IV–II веков до н. э. [35, с. 149, 150].

Возможно, что не только через Хорезм, но и через носителей чирикрататской культуры в Южное Зауралье попали индийские сердоликовые полосчатые бусы и халцедоновые бусы натурального цвета или искусственно окрашенные в черный цвет с белым, вытравленным содой орнаментом («гравированные» бусы). Такие бусы найдены в комплексе мавзолеев Чирик 2 и Бабиш-Мулла 2. Вероятно, в керамических мастерских чирикрататской культуры были изготовлены красноглиняные фляги, изредка встречающиеся в Южном Зауралье. Они, так же как и чирикрататские, лишены какого-либо орнамента, чем отличаются от хорезмийских.

По мнению ряда исследователей, носителей чирикрататской культуры следует отождествить с даями (дахами) из античных источников³. Переселение дахов к северным границам Парфии первоначально осуществлялось, вероятно, по приглашению Селевкидов. Здесь они должны были обеспечить защиту эллинистических владений от набегов других кочевников Центральной Азии, в частности массагетов. Основной же причиной массового ухода носителей чирикрататской

3

Существуют и другие варианты локализации первоначально обитания дахов (даев) и отождествления их с носителями конкретных археологических культур.

культуры (дахов) на юго-запад и частично на восток, в Семиречье, исследователи считают ухудшение экологической ситуации (прекращение стока воды в русла древних южных сырдарьинских протоков).

Джетыасарская культура занимала территорию к северо-востоку от чирикрабатской, на протоках Кувандарьи и Пракувандарьи (Эскидарьялыка). Хозяйство обитателей джетыасарских городищ носило комплексный характер: занятие скотоводством (преобладал крупный рогатый скот), игравшим преимущественную роль в хозяйстве, и земледелием сопровождалось охотой и рыболовством. Возможно, Джетыасарский оазис был включен в Ахеменидскую сатрапию, созданную в низовьях Сырдарьи.

Истоки джетыасарской культуры видят в комплексах эпохи поздней бронзы Восточного Приаралья (Северный Тагискен). Исходя из того, что для погребений раннего типа в джетыасарской культуре характерна северная ориентировка погребенных, типичная для саргатской и тасмолинской культур, а наиболее близкие аналоги джетыасарской «кухонной» посуды ручной лепки происходят с памятников тасмолинской культуры, есть определенные основания связывать формирование джетыасарского комплекса с районом, близким к югу Западной Сибири и Центральному Казахстану⁴. Таким районом, возможно, является малоизученная область гор Улутау и долины реки Сарысу. Отсюда не позднее рубежа IV–III веков до н. э., когда режим обводнения Восточного Приаралья сделал этот район пригодным для постоянной жизни населения, джетыасарцы могли прийти в низовья Сырдарьи. Это предположение достаточно интересно, но, естественно, требует дальнейшего более тщательного исследования. В какой-то степени с ним может согласовываться вывод о развитии

4

Аналоги этих сосудов есть не только в материалах тасмолинской культуры Центрального Казахстана, но и в савромато-сарматских памятниках Южного Урала и Нижнего Поволжья. Имеются в виду сосуды с насечками по бережку, с орнаментом на тулове или плечиках в виде налепных шишечек и полукруглых валиков, иногда сочетающихся с шишечками. Аналогичный налепной орнамент был широко распространен на территории от Западной Монголии и Алтая до Северного Кавказа.

Кольца и бусы из погребения женщины-жрицы сарматского времени. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.). ГИМЮУ

улубаевско-тасмолинской культуры Северного Казахстана, который можно распространить и на тасмолинскую культуру Центрального Казахстана. К V–IV векам до н. э. сокращение территории тасмолинской культурно-этнографической общности, отсутствие свободных земель в степи приводят к перемещению части кочевого населения в лесостепь. В этих условиях вполне возможно и оседание кочевников Северного и Центрального Казахстана в благоприятных для оседлого скотоводства и земледелия районах Восточного Приаралья. В этом процессе, очевидно, могли принять участие и кочевники Южного Зауралья, чьи зимние пастбища, так же как и пастбища части номадов Северного и Центрального Казахстана, находились в данном регионе.

Как представляется, между джетыасарской культурой и культурой ранних кочевников Южного Зауралья прослеживаются определенные параллели в конструкции погребальных сооружений. Речь идет о камерных гробницах Южного Зауралья (Темир) и джетыасарских склепах первого типа (подземных) середины и второй половины I тысячелетия до н. э. Входы в камеры склепов располагались с юга. На полах камер, покрытых глиняной обмазкой, в абсолютном большинстве случаев перед входом находились кострища, иногда правильной формы — в виде овала или круга. Внутри камеры склепа вдоль одной или нескольких стен встраива-

лись лежанки — суфы. Они слагались из сырцового кирпича или вырезались в материке и тщательно покрывались глиняной обмазкой. Эти лежанки могут быть сопоставлены с участками древней поверхности, оставленными вокруг могильных ям, между ними и стенами камер, в гробницах кочевников Южного Зауралья. В кургане Темир этот участок, а также дно могильной ямы и внутренний вал, на который опиралась деревянная конструкция, были покрыты белой глиняной обмазкой. На дне могильной ямы перед дромосом также находилось кострище.

Двудырчатые роговые и костяные псалии, найденные на джетыасарских городищах (Бедаик-асар, Томпак-асар), аналогичны бронзовым и костяным псалиям из памятников Южного Урала савроматского и раннесарматского времени, одновременных и более поздних памятников Западной Сибири и Алтая. Джетыасарские лепные плоскодонные горшки по своим пропорциям и технологии изготовления близки, прежде всего, к сосудам, найденным в погребениях савроматского и раннесарматского времени Южного Урала. Тожественны южноуральским савромато-сарматского времени и джетыасарские усеченно-биконические пряслица.

В ранних памятниках джетыасарской культуры (вторая половина I тысячелетия до н. э. — начало I тысячелетия н. э.) встречено значительное количество бронзовых зеркал различных типов. Среди них дисковидные зеркала без ручки, зеркала с короткой боковой ручкой-штырем и плоским диском или с бортиком по краю диска, зеркала с короткой боковой ручкой-штырем и диском, имеющим по краю выпуклый валик, такие же зеркала, но с утолщением («умбоном») в центре («бактрийского» типа). Наиболее близкие аналоги этих зеркал известны в памятниках Южного Урала, в том числе и Южного Зауралья, савроматского и раннесарматского времени⁵. Достаточно частой находкой в джетыасарских погребальных памятниках яв-

ляются бронзовые зеркала «пелопонесского» типа (с длинной боковой ручкой с округлым в плане расширением на конце). Первые образцы этих зеркал попали в Приаралье из Восточной Европы, вероятно, через территорию Южного Урала. Зеркало этого типа в Южном Приуралье встречено в погребении конца IV века до н. э. в составе группы «Башкирское стойло».

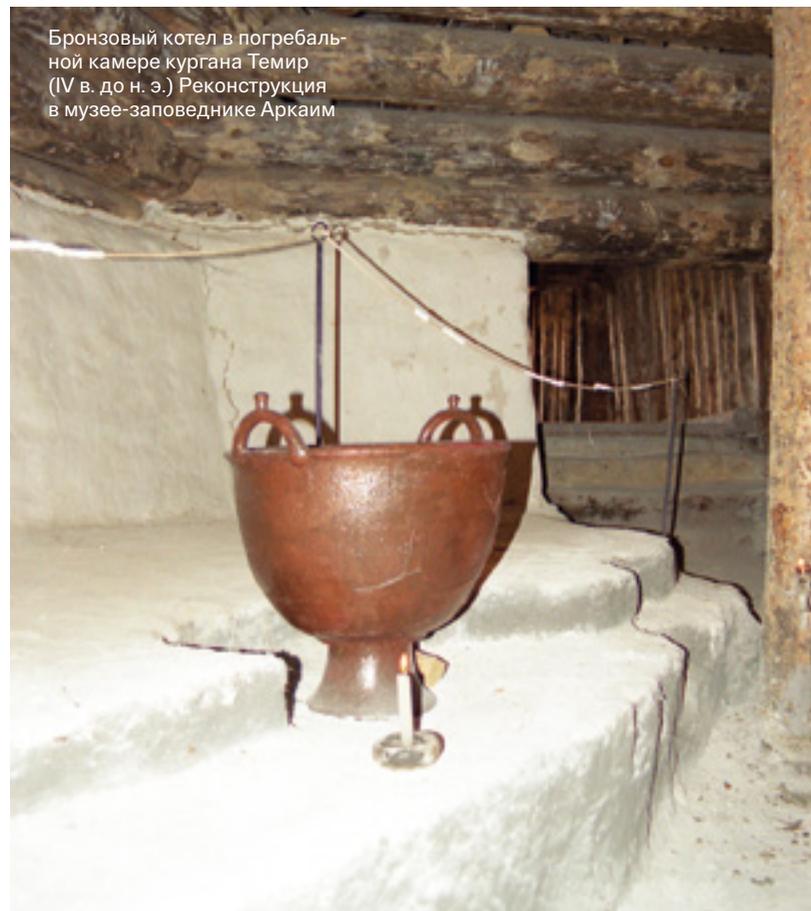
Металлографическое изучение джетыасарских зеркал позволяет прийти к выводу, что в джетыасарских поселениях было налажено собственное производство зеркал. При этом использовалась технология горячейковки бронз с высоким

Бронзовое зеркало с ручкой-штырем III–II вв. до н. э.

Западный Казахстан (по И. Тасмагамбетову)

Бронзовый котел в погребальной камере кургана Темир (IV в. до н. э.) Реконструкция в музее-заповеднике Аркаим

5

Касаясь зеркал «бактрийского» типа, следует отметить, что независимо от того, как решается вопрос об их происхождении, они являются показателем тесных связей, существовавших между кочевниками и земледельцами Средней Азии.

содержанием олова. Основой производства была «чистая медь», которая, вполне вероятно, поступала с Южного Урала через кочевников Южного Зауралья в обмен на готовую продукцию. Очевидно, что при посредничестве южнозауральских nomадов зеркала разных типов, произведенные в джетыасарских мастерских из высокооловянистых бронз, поступали в Южное Приуралье и Нижнее Поволжье. Следует отметить, что, судя по материалам этих регионов, джетыасарский центр производства зеркал возник, вероятно, не ранее IV века до н. э. В лесостепное Зауралье, к носителям гороховской и саргатской культур, изготовленные в Центральной Азии зеркала попадали не только через кочевников, но и в результате караванной торговли.

Из каких-то, пока не определенных центральноазиатских ремесленных центров на Южный Урал, так же как и в степь и лесостепь Обь-Иртышья и Верхнее Приобье, поступали сложные по изготовлению серьги с подвесками различной формы. О связях кочевников Южного Зауралья с Центральной Азией говорит и находка в погребении 2

кургана 2 Яковлевского курганного могильника (рубеж V–IV веков до н. э.) семян кориандра.

Вторжение в 329 году до н. э. в Центральную Азию армии Александра Македонского вызвало энергичное сопротивление местного земледельческого населения, на стороне которого выступили и кочевые племена. Среди тех, кто активно противостоял завоевателям, источники неоднократно называют nomадов, обитавших за Сырдарьей. К ним на помощь пришли и кочевники из соседних, северных областей, в том числе, вероятно, и сарматы. По крайней мере, античные источники при описании событий, связанных с центральноазиатским походом Александра, неоднократно упоминают дахов («даи с Танаиса»), скифов, живущих за Танаисом (Арриан, III; IV; Квинт Курций, VII).

По мнению ряда исследователей, столкновение с хорошо организованной греко-македонской армией вызвало значительные изменения как в вооружении, так и в тактике боя степных кочевников. Это в конечном счете привело не позднее рубежа IV–III веков до н. э. к появлению у nomадов Урало-

Сарматский катафрактарий.
Реконструкция А. М. Хазанова

Фалар из кургана 4
у села Володарка

Аральского региона, в частности у кочевников Южного Урала, конницы бронированных пикейщиков — катафрактариев.

Возможно также, что стычки южноуральских кочевников с греко-македонской армией, а позднее и эллинизированными армиями государств Центральной Азии привели к появлению у номадов новых форм оружия (местное подражание греческой махайре из могильника Старые Киишки) или деталей его украшения (ножны парадных мечей из кургана 1 могильника Прохоровка и Красногорского кургана). Таким же образом, вероятно, попали на Южный Урал и кирасы из кургана 1 Прохоровки и погребения 4 кургана 4 могильника Бердянский V. Впрочем, меч из погребения 3 кургана 20 могильника Старые Киишки некоторые исследователи сопоставляют с кельтскими мечами эпохи среднего латена Северного Причерноморья, подчеркивая, однако, его местное, южноуральское, производство.

Участием воина, захороненного в кургане 4 у села Володарка (Уральская область), в боевых действиях или грабительских походах на эллинистическом Востоке в II веке до н. э. объясняется присутствие в этом погребении двух серебряных фаларов. Однако, как представляется, следует об-

ратить внимание на следующую деталь. В районе города Уральска, близ которого находится село Володарка, издревле существовали наиболее удобные переправы через реку Урал на торговом пути из Хорезма в Среднее Поволжье. Интересно заметить, что в такой же топографической ситуации обнаружен фалар у станции Сурган на реке Ишим.

Греко-македонское завоевание привело к значительному уменьшению численности центральноазиатского населения, уничтожению производительных сил и материальных ценностей. Оно разорвало то экономическое единство оседлых и кочевых народов, которое существовало здесь в предшествующее время. Война за передел сатрапий, разгоревшаяся после смерти Александра между его полководцами, борьба Бактрии и Парфии за независимость вряд ли способствовали быстрому восстановлению хозяйства региона. Все это, естественно, не могло не сказаться на экономических связях оседлого мира Центральной Азии с кочевниками.

Сарматский катафрактарий.
Реконструкция М. В. Горелика

Включение же около 306 года до н. э. значительной части центральноазиатского региона в состав Селевкидского государства вызвало переориентацию торговли его земледельческого населения на запад и юг. Торговые связи с кочевым миром были нарушены, поток сельскохозяйственной и ремесленной продукции, идущий на север, резко уменьшился. В этих условиях кочевники, крайне заинтересованные в торговле с оседло-земледельческими центрами, вынуждены были предпринять меры, обеспечивающие их жизненные потребности. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, стремление кочевников восстановить экономическое равновесие приводило к активному их вмешательству в междоусобную борьбу земледельческих государств, насильственному подчинению городов и сельской местности с целью получения необходимых продуктов земледелия и ремесла в виде добычи или дани. Причем процесс завоевания земледельческих областей кочевыми племенами в Центральной Азии обычно сопровождался поселением значительной части этих пришлых племен среди местного оседлого населения и переходом их в новых условиях к полукочевой жизни или к оседлости. Это вызывало сильные этнические взаимовлияния, создавало этнические новообразования, сочетающие в себе элементы местного (оседлого) и пришлого (кочевое) населения, влекло за собой процессы ассимиляции и постепенной интеграции прежних кочевников.

С конца IV века до н. э. идет активный процесс освоения номадами окраин земледельческих оазисов Центральной Азии. Здесь они ведут свое традиционное кочевое хозяйство или переходят к полuosедлому либо оседлому образу жизни. Процессу оседания на границах оазисов способствовали неблагоприятные климатические условия и относительная перенаселенность в степи и, что вполне допустимо, политика социальной верхушки кочевого общества, заинтересованного в продуктах земледелия и ремесла, в постоянном контроле над земледельческим населением оазисов, особенно необходимым в периоды политической дестабилизации. Среди тех племен, которые появились в это время близ земледельческих центров Центральной Азии,

были, вне всякого сомнения, и номады Южного Зауралья — носители раннесарматской культуры.

Проникновение сарматского этнического компонента вглубь Центральной Азии, в частности в Согдиану, началось еще в конце IV века до н. э. в связи с их участием в борьбе с греко-македонским завоеванием. Продолжалось оно и позднее — на протяжении всего III века до н. э. Известно, что в начале III века до н. э. местное земледельческое население Согдианы при поддержке заяксартских саков (кочевников, обитавших на правобережье Сырдарьи), воспользовавшись поражением Селевка в Индии, предприняло попытку сокрушить его господство. Возможно, в начале III века до н. э. имело место и большое движение центральноазиатских кочевых племен, попытавшихся ликвидировать ряд форпостов селевкидской власти — основанных Александром Македонским городов-крепостей. Косвенные данные позволяют предположить, что это движение кочевников коснулось и Ферганы, во всяком случае, Западной. В это время подверглись разрушению Александрия Эсхата и Александрия Маргианская. В ответ на это была послана карательная экспедиция под руководством стратега Селевка и Антиоха Демодама (между 293 и 289 годами до н. э.), разгромившая восставших и проникшая за Яксарт. С целью обезопасить в будущем оазис Маргианы от нападения кочевников Антиох I Сотера приказал обнести его большой стеной — длиной около 250 километров.

Присутствия сарматов в Согдиане находит и археологическое подтверждение. Так, концом IV — III в. до н. э. следует, вероятно, датировать наиболее ранние погребения в могильниках Агалыксай (курганы 9 и 10) и Акджартепе (курган 4) в районе Самарканда с сарматскими чертами в погребальном обряде и инвентаре: могильная яма с заплечиками, южная ориентировка погребенных, железный меч с прямым перекрестием и рожковидным навершием, бронзовое зеркало с черешком и валиком по краю диска. С сарматами, обитавшими в долине Заравшана в канун падения Греко-Бактрии, связаны, вероятно, и катакомбы, камеры которых служат прямым продолжением дромоса с южной ориентировкой погребенных (катакомбы льявандакского типа).

Монета с изображением
Антиоха III Великого

Монета с изображением
Евтидема I

Форпост — передовой сторожевой пост; передовой пункт, ведущее начало, опора чего-либо.

С начала III века до н. э. керамика, близкая по форме и технологии изготовления (примесь талька?) южноуральской, появляется в Ташкентском оазисе (городище Шаштепа). Здесь же, на городище Шаштепа, исследованы захоронения с сарматскими чертами в погребальном обряде и инвентаре. Эти данные свидетельствуют о проникновении в начале или середине III века до н. э. в Ташкентский оазис сарматского этнического компонента, принявшего участие в формировании каунчинского культурного комплекса.

По-видимому, к этому же времени относится и начало проникновения сарматских (или сарматоидных) кочевых племен в Ферганскую долину с ее древней земледельческой культурой, высоко развитым ремеслом и богатыми пастбищами предгорий. Особенно массовым это проникновение было, вероятно, в II веке до н. э. в процессе сакско-го и юэжжйского переселения. По мнению ряда исследователей, с сарматами (или сарматоидными племенами)⁶ можно, очевидно, связывать появление в юго-западных районах долины подбойных могил с южной ориентировкой погребенных, некоторые традиции изготовления керамики, отдельные категории погребального инвентаря (кинжа-

лы, зеркала и т. п.). «Ретрансляторами» сарматской культуры на Фергану могло быть население Приаралья или сарматоидные племена долины Зерафшана (Согд). Однако не исключено, что некоторые изделия, имеющие близкие аналоги в сарматском мире, поступали в Фергану в результате торговых операций с кочевниками.

В середине III века до н. э. кочевые племена даев (дахов) передвинулись к юго-восточным берегам Каспия и появились в Парфии. Здесь в результате успешного восстания, возглавляемого Аршаком, представители кочевой аристократии даев или парнов захватили власть в независимом Парфянском государстве. Во главе этого царства встала кочевая династия аршакидов (середина III века до н. э.— III век н. э.). Для осуществления своей политики аршакиды часто использовали в качестве наемников значительные отряды других кочевников, что способствовало постоянному пополнению и увеличению кочевое население страны. О наличии сарматского компонента среди кочевников Северной Парфии свидетельствуют данные погребального обряда (погребения в катакомбах с южной ориентировкой погребенных) и инвентаря из исследованных здесь курганных могильников.

Однако все эти передвижения III века до н. э., за исключением, вероятно, только переселения даев, вряд ли носили массовый характер. Скорее всего,

6

Под «сарматоидными» здесь понимаются, с одной стороны, местные кочевые и полукочевые племена, подвергшиеся интенсивному воздействию кочевых сарматов, с другой стороны — осевшие на границах оазисов сарматы, воспринявшие многие черты культуры местных племен.

это было проникновение или просачивание отдельных немногочисленных групп. И лишь события II века до н. э. привели к массовым передвижениям кочевых племен правобережья Сырдарьи, в том числе и южнозауральских номадов, тех, которые продолжали кочевать по традиционным маршрутам после ухода значительной их части на юго-запад и запад. Определенное влияние на это передвижение кочевых племен Южного Зауралья на юг оказала, возможно, и обстановка на северных рубежах их кочевий, в зауральско-западносибирской лесостепи. С конца III века до н. э. наблюдается новый массовый приток саргатцев в лесостепное Притоболье, вызванный, вероятно, активным расселением в конце III века до н. э. лесных по происхождению кулайских племен. Это передвижение саргатского населения с востока на запад вызвало распад гороховского племенного союза и, как следствие, активную ассимиляцию их пришельцами.

Уже с конца III века до н. э. орды кочевников, находящихся на границах земледельческих областей, представляли реальную угрозу для государственных образований Центральной Азии. Одним из аргументов в пользу необходимости скорейшего заключения мирного договора с селевкидским царем Антиохом III правитель Греко-Бактрии Евтидем в 206 году до н. э. выдвигал напряженное положение на границах, у которых стояли полчища «варваров», угрожавших и ему, и Антиоху III. В состав этих «варваров» входили, вероятно, и «сарматы» (носители сарматоидной культуры). Возможно, в связи с угрозой со стороны кочевников в конце III — начале II века до н. э. сооружаются и оборонительные валы, в частности Кампыр-дувал, ограждавшие с севера оазисы Согда. Возможно, в это же время на северо-западных границах Хорезма возводится пограничная линия типа «длинных стен», предназначенная для регулирования и контроля над процессами экономического обмена с кочевниками. Толчком к массовому передвижению номадов из Нижней и Средней Сырдарьи в земледельческие области Центральной Азии послужил, скорее всего, приток с востока новой волны кочевников, известных в китайских источниках

под именем юэчжи⁷, вытеснивших местные племена из занимаемых ими районов.

Между 141 и 128 годами до н. э. Греко-Бактрийское царство, ослабевшее в результате междоусобных распрей, экспансии соседней Парфии, захватившей Маргиану и отложения Согдианы, пало под ударом северных кочевников. В их составе китайские и греческие источники называют юэчжей и скифские племена, кочевавшие к северу от Яксарта (Сырдарьи) — асии, пасианы, тохары, сакараулы (сакаравлы). Этноним «асии» достаточно рано засвидетельствован среди сарматов, а также достаточно надежно определяется в некоторых личных именах из Северного Причерноморья, причем в оформлении, явно указывающем на сармато-осетинскую диалектическую среду. Определенное сходство в названии сарматских племен, перешедших, по сообщению Плиния, Танаис (Дон), прослеживается и с названием племен, которые, согласно Страбону, напали на Греко-Бактрию. Это обусловлено путаницей в определении Танаиса (Дона) и Яксарта (Сырдарьи), характерной для античной литературы со времени Александра Македонского. Однако не исключено, что такая схожесть объясняется сходством этнической номенклатуры этих районов. В настоящее время участие сарматов в разгроме Греко-Бактрии ни у кого, пожалуй, не вызывает сомнений. Кроме того, пребывание сарматов в отдельных областях Центральной Азии засвидетельствовано исторической топонимикой и ономастикой. Это топонимы «сармат» (Ташкентский округ), «самат» (Каракалпакия), «сирак» (Заврашан, районы Самарканда, Ташкента и Ферганы) и другие, названия родов самат и кара-сирак, входящих в каракалпакские племена мюйтен, колдаулы и мангыт.

Однако выделить погребальные комплексы собственно сарматов среди памятников второй половины II — I века до н. э. в Центральной Азии достаточно сложно. Во-первых, к середине II века до н. э. в результате массовых миграций в IV веке до н. э.

7

Этноним «юэчжи» применяется здесь как собирательный для обозначения этнически неоднородных кочевников южных районов Саяно-Алтая, Западной Монголии, Северного Китая и Восточного Туркестана.

и на рубеже IV–III веков до н. э. кочевников Южного Зауралья на запад и юго-запад — в степное и лесостепное Южное Приуралье и в Нижнее Поволжье, а также оседания части их на границах центральноазиатских оазисов количество чисто кочевого населения, или собственно сарматов Южного Зауралья было весьма незначительно. Во-вторых, и это пожалуй главное, археологически культура сарматов Южного Урала, особенно Южного Зауралья, и сарматоидного кочевого и полукочевого населения Центральной Азии была чрезвычайно близка к культуре части пришедших из Внутренней Азии племен, обозначаемых обобщающим этнонимом «юэчжи». Эта близость явилась следствием постоянного притока кочевого населения Северного и Северо-Западного Китая и Монголии на Южный Урал и в степные области Центральной Азии в течение второй половины V — первой половины II века до н. э., носившего, как представляется, волнообразный характер. Первая массовая волна миграций кочевых племен из Внутренней Азии приходится, скорее всего, на третью четверть V века до н. э. Основная масса переселенцев этой волны вошла в состав номадов Южного Урала, и, вероятно, лишь незначительная их часть осталась на Нижней и Средней Сырдарье. Затем наступает период «ползучей» миграции — периодического притока немногочисленных и разрозненных групп кочевого населения из Северного и Северо-Западного Китая и Монголии. Часть их входила в состав номадов Южного Зауралья, однако основная масса смешивалась с осевшими на границах земледельческих оазисов южнозауральскими кочевниками (сарматоидными племенами). Данный процесс был обусловлен неблагоприятными природными условиями в степной зоне Южного Урала в III–II веках до н. э. Именно они являлись фактором, препятствующим росту численности кочевого населения и способствующим увеличению полукочевого и кочевого населения Центральной Азии. Тесные же связи кочевого и полукочевого населения Центральной Азии и Южного Зауралья вели к нивелировке их культур. Вторая волна относительно массового переселения номадов Внутренней Азии приходится на рубеж III–II веков до н. э. Мигранты этой волны в массе своей задержались на Ниж-

ней и Средней Сырдарье, и лишь незначительные их группы вошли в состав номадов Южного Урала. Таким образом, к середине II века до н. э. культуры сарматов Южного Урала, сарматоидного населения Центральной Азии и определенной части кочевников Внутренней Азии оказались весьма близки по своим основным показателям (многочисленность подбоев, ямы с заплечиками, длинные мечи, кинжалы с прямым перекрестьем и серповидным или волутообразным навершием, некоторые типы пряжек и т. д.).

Из всего разнообразия погребальных памятников II–I веков до н. э. Центральной Азии с кочевниками Южного Урала (сарматами) можно связывать, как представляется, если не все, то часть захоронений с южной ориентировкой погребенных в могильных ямах с подбоем и катакомбах с камерой, расположенной на продолжении длинной оси входной ямы. Вместе с умершим в эти погребения помещали жертвенную пищу, представленную передней ногой овцы с лопаткой, рядом помещали железный нож. Существенную часть инвентаря, так же как и у кочевников Южного Урала II–I веков до н. э., составляли предметы внутреннеазиатского происхождения.

С юэчжами — выходцами из Внутренней Азии связывается появление в Центральной Азии могильников тулхарской группы Южного Таджикистана, Бухары и Ферганы и айгырджальской группы Семиречья и Тянь-Шаня. Это захоронения в подбойных могилах с северной ориентировкой погребенных (тулхарская группа) и захоронения в подбоях с западной или восточной ориентировкой погребенных (айгырджальская группа). Грунтовые могилы, перекрытые деревянным накатом, с западной ориентировкой погребенных (чильпекская группа) в Семиречье связываются с сакскими племенами, вошедшими в состав усуньского племенного союза.

Указание античных источников на то, что кочевые племена вторглись в пределы Греко-Бактрии с севера, из-за Яксарта, к северу от которого находились их кочевья, делает наиболее логичным предположение, что сарматские племена, принявшие участие в этом движении на юг, были представлены номадами Южного Зауралья, кочевавшими между

восточными отрогами Урала и нижним и средним течением Сырдарьи. В это движение были, очевидно, включены и южнозауральские по своему происхождению племена, осевшие по Яксарту и в Фергане в предшествующее время и успевшие в какой-то степени воспринять традиции местных кочевых и полукочевых народов. Письменные источники, свидетельствующие о массовом приходе в последней трети II века до н. э. на восточные рубежи парфянской державы кочевников, определяют их общим термином «скифы», реже, но более точно, — «саки» или «сакарауки». В этом движении кочевых народов на юг, возможно, приняли участие и кочевники Южного Приуралья.

Присутствие определенного сарматского или сарматоидного элемента во второй половине II века до н. э. в долине Зерафшана подтверждается и археологическими данными. Среди них — могильные ямы с подбоем или заплечиками, южная ориентировка погребенных, кости передней ноги овцы с лопаткой, около которых или под которыми лежит маленький железный нож, кинжалы раннесарматских форм. При изучении погребальных сооружений кочевников Центральной Азии конца II — I века до н. э. обращает на себя внимание то, что катакомбы с камерами, расположенными на продолжении длинной оси входной ямы, исследованные на территории Согдианы, находят прямые аналоги среди памятников III века до н. э. Южной Туркмении и III века до н. э. — I века н. э. Ташкентского оазиса (Шаушукумский могильник). Следует отметить, что в Южной Туркмении ямы с катакомбой, расположенной по одной оси с входной ямой, в ее южной стенке, с погребенными, уложенными головой на юг, являются единственным типом погребального сооружения кочевого населения. В Шаушукумском могильнике из семи катакомб лишь в одной камера находилась в южном конце, а в остальных — в северном. Кроме катакомб здесь выявлены и погребения в подбоях. Исследователи Шаушукумского могильника датировали его III–V вв. н. э. Памятники Южной Туркмении связываются с дахами. Исходя из этого, а также учитывая отсутствие каких-либо данных об участии дахов в наступлении на Греко-Бактрию, исследователи приходят к выводу, что рассматриваемые

Вверху:
Монета с изображением
Фраата II

Монета с изображением
Антиоха VII Сидета

погребения в Согдиане следует связывать с пришельцами из области среднего течения Сырдарьи (Ташкентский оазис). С кочевниками, жившими за Яксарту, связывают появление сарматских элементов в курганах Зеравшана. Не исключается и переселение каких-либо групп приуральского населения — носителей сарматоидной культуры — в Фергану в процессе сакско-юэчжийских передвижек II–I веков до н. э.

Вполне вероятно, что уже во II веке до н. э. какие-то группы восточных кочевников проникли на Нижний Узбой. Здесь в могильнике Келькор 2 выявлена группа погребений в овальных грунтовых ямах с расширением к голове погребенного. Умершие укладывались головой на восток или север, хоронились в сопровождении мечей с прямым перекрестием и без навершия и кинжалов с прямым перекрестием и кольцевидным навершием. Небольшое количество погребений II–I веков до н. э. выявлено и на севере Устюрта, в могильнике Дауна. Захоронения совершались в неглубоких ямах, обложенных вдоль стенок камнем, внутри круглых каменных выкладок или оград круглой или прямоугольной формы. Умершие укладывались головой на север или запад, хоронились в сопровождении

Вверху:
Монета, приписываемая
царю Артабану II

Монета с изображением
Митридата II

небогатого инвентаря, среди которого отсутствуют вещи хорезмийского производства.

В 129–128 годах до н. э. произошло и вторжение кочевых племен в Парфию, которое может рассматриваться как одно из звеньев того же передвижения кочевников, которое привело к завоеванию Бактрии. Согласно сообщению Юстина (Страбон, XI, 8, 2; Помпей Трог, XLI; XLII), парфянский царь Фраат II (138–128 гг. до н. э.) пригласил «скифов» (тохаров) для борьбы с Антиохом VII Сидета. Ко времени появления кочевников в Парфии Антиох VII был уже разбит парфянами. Не получив обещанной награды, «скифы» принялись грабить земли своего бывшего союзника и объединились с восставшими пленными греками. В борьбе с кочевниками погибли Фраат II и его преемник Артабан II (128–123 гг. до н. э.). Нападение «скифов» удалось отбить лишь внуку Фраата Митридату II (123–88/87 гг. до н. э.). После поражения часть «скифов» осела в Дрангиане и Сакастане (Сеистане), а другая часть, вероятно, проникла в Бактрию. Не исключено, что именно устюртско-мангышлакский регион какое-то время (50–80 лет?) являлся базовым для сарматоидных кочевых групп, которые в конце II века до н. э. начали активное продвижение на юг, приведшее к за-

хвату Парфии и Гиркании и складыванию державы Аркашидов [25, с. 295–315].

Интересные параллели прослеживаются между событиями второй половины II века до н. э. и начала XVIII века. В 1723 году джунгары, кочевые племена Западной Монголии и Восточного Казахстана, вытеснили казахов с присырдарьинских районов и захватили ряд городов (Сайрам, Ташкент, Туркестан). В этот же период из-за раздоров в государстве аштарханидов правитель Самарканда обратился за помощью к казахам, обещая богатую добычу в завоеванных областях Мавераннахра. Казахи переживали тяжелые дни — джунгары, выбрав удобный для нападения момент, когда они еще находились на зимних стоянках, захватили их кочевья и произвели страшный погром. Спасаясь от него, часть казахов откочевала к Ходженту и в Ферганскую долину, часть ушла к Хиве и Бухаре, а оттуда под натиском местных феодалов — в Западный Казахстан, на Яик (Урал). Большая же часть, в основном представители Среднего жуза, охотно откликнулись на приглашение самаркандского правителя и, придя к нему со всеми своими кибитками и скотом, захватили всю долину Зерафшана вплоть до Бухары. Здесь в течение семи лет казахи производили опустошения, не встречая отпора. Многие из них осели на этих землях.

Таким образом, пришельцы с востока в середине — второй половине II века до н. э. вытеснили, главным образом на юг, племена Нижней и Средней Сырдарьи, в том числе и номадов Южного Зауралья, с их зимних пастбищ. Поражение юэчжи от сюнну и усунь в 172–164 годах до н. э. привело к миграции значительной их части из Внутренней Азии в Центральную Азию. Однако эта миграция не ограничилась штурмом Греко-Бактрии, основная часть осталась на вновь обретенной родине, в том числе в бассейне Сырдарьи и в Приаралье. Немногочисленное аборигенное население Южного Зауралья было, вероятно, включено в состав пришлых народов и довольно быстро ими ассимилировано. Быстрая ассимиляция может объясняться и возможным генетическим родством аборигенного и части пришлого населения. Придя на новое место, кочевники с востока неизбежно должны были воспринять ту систему материального

производства, которая существовала здесь до них и была наиболее приспособлена к условиям жизнедеятельности в данном ареале. Иначе говоря, пришедшие с востока племена стали кочевать теми же маршрутами, которыми передвигались до этого местные номады, располагаться на тех же самых летних и зимних пастбищах, что, в конечном счете, было обусловлено физико-географическими условиями региона. Со второй половины II века до н. э. Южное Зауралье становится местом летовок пришедших с востока кочевников, включивших в свой состав и остатки местного населения, и входит в сферу влияния кочевых политических образований Центральной Азии.

Эти, а также и более поздние изменения в соста-

ве населения нашли отражение в антропологическом материале. По данным краниологии, на рубеже и в первые века нашей эры в среде сарматского населения Южного Урала происходит дальнейшее наложение монголоидной примеси и некоторое изменение антропологического типа. Ряд данных указывает на метисное происхождение этого комплекса признаков, но с иными компонентами, чем те, которые участвовали в формировании ранних сарматов Приуралья [34, с. 6].

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что середина — вторая половина II века до н. э. является верхним рубежом существования раннесарматской (прохоровской) культуры в Южном Зауралье. На смену ей здесь приходит культура,

Графическая фиксация погребения женщины-жрицы сарматского времени. Могильник Кичигино I

теснейшим образом связанная с кочевым миром Центральной Азии. Его политическая активность выразилась в образовании в Приаралье и бассейне Сырдарьи таких государств, как Кангюй и Янцай.

Подводя итог рассмотрению истории кочевников Южнозауральских степей во второй половине V — II веке до н. э., отметим ряд основных моментов.

Во второй половине V века до н. э. во многих регионах степной Евразии происходят значительные изменения в погребальной обрядности и материальной культуре кочевого и полукочевого населения. В урало-казахстанских степях они особенно отчетливо фиксируются на материалах Южного Урала в целом и Южного Зауралья в частности при

переходе от древнепрохоровского (конец VI — V в. до н. э.) к раннепрохоровскому (вторая половина V — IV в. до н. э.) этапу раннесарматской (прохоровской) археологической культуры.

Инновации, фиксируемые в погребальном обряде и инвентаре кочевников Южного Зауралья, связаны, очевидно, не только с дальнейшим развитием общества, его внутренними изменениями, но и с притоком с востока нового населения. С этим населением можно связать появление подбойных захоронений с южной ориентировкой погребенных. Территорией, где традиция погребений в могильных ямах с подбоем и катакомбах сохранялась на протяжении всей первой половины I тысячелетия до н. э., является Северный и Северо-Западный

Инвентарь погребения женщины-жрицы сарматского времени. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.). ГИМНУ

Китай. Вероятно, именно с территории Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана), скорее всего, в третьей четверти V века до н. э. произошла миграция основного ядра переселенцев в урало-казахстанские степи, в основном на Южный Урал. Однако количество их было, очевидно, невелико. Представлены они были, скорее всего, богатыми и знатными родами, занявшими господствующее положение в ряде регионов степи — прежде всего на Южном Урале. Привнесенная ими традиция захоронений в подбоях с южной ориентировкой покойников нашла на Южном Урале благодатную почву, тем более что выделение южного сектора как маркера высокого социального, прежде всего воинского и жреческого статуса происходила здесь и ранее. Таким образом, подбойные захоронения с южной ориентировкой погребенных, являясь первоначально показателем принадлежности к определенному этносу, очень быстро стали своеобразным маркером высокого социального статуса среди воинского и жреческого сословий кочевого общества Южного Урала.

Кинжал с зооморфным навершием и перекрестием. Ордос, Китай (по Ordos Bronze Wares)

Анализируя инновации в погребальном инвентаре ранних кочевников Южного Урала второй половины V — IV века до н. э., нельзя не заметить, что аналоги большинства из них происходят с территории степи и лесостепи Обь-Иртышского междуречья и Верхнего Приобья. Эта близость ряда элементов погребальной обрядности и особенно материальной культуры послужила основой для представления о приходе в лесостепь и степь Обь-Иртышья, в Верхнее Приобье и Горный Алтай в V — начале III века до н. э. небольших групп савромато-сарматов Южного Урала. Однако, вероятнее всего, близость памятников степи и лесостепи Обь-Иртышского междуречья и Южного Урала конца V — IV века до н. э. является результатом движения на запад во второй половине V — IV веке до н. э. различных групп родственных племен, живших до этого в пределах Северного и Северо-Западного Китая. Первое, по всей видимости, наиболее массовое переселение осуществлялось, очевидно, несколькими последовательными волнами, но на протяжении достаточно короткого промежутка времени — в пределах, скорее всего, третьей четверти V века до н. э. В дальнейшем на протяжении IV века до н. э. эти миграции уже имели менее массовый характер. На запад, главным образом на Южный Урал, уходили небольшие родовые подразделения, которые вливались в среду родственных племен.

Первый этап этого движения в третьей четверти V века до н. э. проходил, вероятно, почти по тому же сценарию, что и миграция конца VI века до н. э. Основная масса кочевого населения шла через Семиречье на Южный Урал, вливаясь по ходу своего движения в среду местных кочевых племен. Небольшая же часть переселенцев из Восточного Туркестана откололась от основного массива и передвинулась на север — в степь и лесостепь Обь-Иртышья. Возможно, в отличие от предыдущего переселения, какая-то часть номадов Восточного Туркестана вошла в состав кочевников Северного Казахстана, привнеся туда «сарматские» элементы в погребальной обрядности и инвентаре.

Переселенцы принесли на Южный Урал и в Верхнее Приобье близкие формы инвентаря, включая оружие (мечи и кинжалы переходных

и «раннесарматских» форм), украшения, зеркала различных типов, в том числе с длинной ручкой и циркульным орнаментом на оборотной стороне диска, некоторые образцы звериного стиля и т. п. С этим передвижением следует связывать появление на Южном Урале захоронений в подбоях с меридиональным расположением погребальной камеры и южной ориентировкой погребенного, погребений в могильных ямах с заплечиками. В Верхнее Приобье, в отличие от Южного Урала, пришло в основном население, которое практиковало обряд погребения в могильной яме с заплечиками.

Судьба переселенцев из Восточного Туркестана была различной. В Верхнем Приобье в силу своей малочисленности они довольно быстро растворились в аборигенной среде. Этим, вероятно, можно объяснить то, что инновации в погребальном обряде и инвентаре, четко фиксируемые в IV веке до н. э., здесь довольно быстро затухают. На Южном Урале пришельцы довольно быстро и органически слились с местным населением, заняв, вероятно, ведущие позиции в общественной жизни. Привнесенные же ими инновации как в погребальном обряде, так и в инвентаре, продолжали развиваться на протяжении всего раннесарматского времени. Процесс этот стимулировался притоком в течение IV века до н. э. новых немногочисленных групп кочевников Восточного Туркестана, принесших с собой, в частности, обряд захоронения в катакомбах, где погребальная камера является продолжением входной ямы. Приход в Южное Зауралье кочевых родов из Восточного Туркестана имел своим следствием и зарождение традиции центрически-круговой планировки погребений под курганной насыпью, получившей развитие позднее и уже на другой территории — в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье.

Чем конкретно было вызвано движение кочевников Восточного Туркестана на запад, сказать в настоящее время достаточно сложно. В основе его могли лежать как климатические изменения в регионе, так и события политической истории на северных и северо-западных границах Китая. Именно они вызывали изменения в соотношении сил кочевых объединений, перегруппировки и перемещения кочевников внутри региона начиная со

второй половины V века до н. э. и на протяжении всего IV века до н. э. Следствием этих же событий явился и отток части кочевого населения Восточного Туркестана за пределы Внутренней Азии.

Северными соседями ранних кочевников урало-казахстанских степей во второй половине V — II веке до н. э. были племена иткульской, гороховской и саргатской культур. В V–IV веках до н. э. иткульцы стали основными поставщиками металла кочевым народам Южного Урала. Одновременно они снабжали медью, ее сплавами и готовыми изделиями племена Прикамья. По-видимому, так же как и в предшествующее время, иткульские металлурги являлись тем звеном, которое соединяло с востока ананьинский мир с кочевниками Южного Урала и племенами урало-казахстанских степей.

В V веке до н. э. гороховцы активно осваивают земли воробьевских, баитовских и иткульских племен, причем прослеживается определенная тенденция к постепенному перемещению гороховского

Бронзовые котлы сарматского времени в экспозиции Музея археологии и этнографии

Челябинского государственного университета (конец V–IV в. до н. э.)

населения на восток, вытеснению баитовцев и заселению их территорий. В конце V — начале IV века до н. э. гороховцы уже занимали северную зауральскую лесостепь от восточного склона Урала до Среднего Тобола. Однако это движение гороховского населения на восток было остановлено встречным движением саргатских племен. Под давлением пришельцев гороховское население из северной зауральской лесостепи вынуждено было передвинуться на запад, на территорию, занимаемую племенами иткульской и гамаюнской культур (восточные склоны Урала и его горно-лесные районы). Часть гороховских племен, включив в свой состав отдельные группы иткульского, гамаюнского и воробьевского населения Зауралья, продолжила свой путь на запад и осела на правобережье среднего течения реки Белой, оттеснив, а частично и ассимилировав местные племена. Другая же группа оказалась в Северо-Восточной Башкирии. В Зауралье

Бронзовая антропоморфная фигурка. Деталь. Гороховская культура. Случайная находка у поселка Карино (III–II вв. до н. э.). ГИМЮУ

Древовидный идол иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). ОГМ

ареал гороховской культуры в конце V — начале IV века до н. э., по-видимому, несколько смещается к югу, захватывая северную часть южной лесостепи, где до этого, в VII–V веках до н. э., фиксируются лишь памятники кочевого населения. Это продвижение гороховского населения на юг сопровождалось, вероятно, переходом некоторых групп к кочевому скотоводству и включением их в состав кочевников Южного Зауралья. Именно это включение дало толчок более быстрому распространению круглодонной тальковой керамики у кочевников Южного Зауралья, окончательному оформлению керамического комплекса прохоровской культуры.

После освоения Среднего Притоболья саргатское население постепенно включило в орбиту своего влияния иткульских металлургов, рыболовов и охотников лесного Зауралья. В IV–III веках до н. э. саргатские племена по-прежнему поддерживали различного рода контакты с кочевниками Северного Казахстана. В основе их лежала генетическая близость верхушки саргатского общества с номадами Северного Казахстана. Однако контакты саргатских племен с кочевниками Южного Урала в V–III веках до н. э. ограничивались, вероятно, лишь военно-политическими процессами. Начавшаяся в конце III века до н. э. подвижка лесных по происхождению кулайских племен в южном направлении несколько изменила ситуацию в восточном ареале саргатской культуры, вызвав отток части барабинского и прииртышского населения на запад и частично на юго-восток, в районы Алтая. Вероятно, давление саргатских племен с востока привело к подвижке населения и в лесостепном Зауралье. Следствием этого явилось окончательное поглощение гороховского и иткульского населения и распространение саргатских культурных стереотипов по всему лесостепному Зауралью.

В конце III века до н. э. начинается новый цикл проникновения южноуральских кочевников в лесостепь Зауралья и Западной Сибири, который заканчивается, скорее всего, во второй половине II века до н. э. Причинами, вызвавшими это проникновение, были не только ухудшающиеся климатические условия в степи, но и неблагоприятная политическая ситуация в Центральной Азии, близ

их зимних кочевий. Однако это проникновение было уже менее массовым, чем в конце VI — начале V века до н. э., и носило, скорее всего, характер внедрения отдельных родовых групп или их сегментов в состав саргатского населения. Происходило же оно в совершенно иных исторических условиях. Если в конце VI — V веке до н. э. кочевой мир Зауралья находился в стадии подъема, то в конце III века до н. э. — в стадии глубокого упадка. С другой стороны, в конце VI — V веке до н. э. степные кочевники столкнулись в зауральской лесостепи с разнородным и раздробленным населением, составлявшим своеобразную мозаику культур и культурных типов. В конце III — начале II века до н. э. в лесостепи Зауралья и Западной Сибири уже существовало мощное племенное объединение, находившееся на довольно высоком уровне социально-экономического развития.

Определенное воздействие на племена лесостепи Тоболо-Иртышского междуречья оказали и события второй половины II века до н. э. в Центральной Азии. Разгром в низовьях и по среднему течению Сырдарьи кочевых племен (среди которых были и номады Южного Зауралья, и, что вполне вероят-

но, кочевые племена Северного и Центрального Казахстана) вызвал передвижение их основной массы на юг. Отдельные же группы, включающие не только южнозауральских, но, вероятно, и казахстанских кочевников, возможно, вынуждены были уйти на север, в лесостепь. Здесь они были включены в состав местного полукочевого населения, привнеся свои традиции в погребальную обрядность. Миграция кочевников Южного Зауралья как на запад, так и на юг, разгром оставшихся юэчжами имели далеко идущие для Урало-Аральского региона последствия. Племена зауральско-западносибирской лесостепи, носители саргатской культуры, теперь могли установить непосредственные, в том числе и торговые связи с земледельческими районами Центральной Азии. В их руки перешел, вероятно, и контроль над торговыми путями, ведущими на юг. Вполне допустимо и предположение о постоянных прямых контактах лесостепного населения Зауралья с государственными образованиями Центральной Азии. Запустение южнозауральских степей, очевидно, способствовало расцвету саргатского племенного союза, что сопровождалось ростом населения в лесостепи, особенно в Зауралье.

Фрагмент сосуда, керамическое пряслице и серебряные украшения. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.). ГИМЮ

Расселение сарматов.
Основные направления
передвижения сарматов

с территории Южного Урала
в IV веке до н. э. – V веке н. э.

В конце V — начале IV века до н. э. Южное Зауралье вследствие резко наступившей аридизации вступило в эпоху экологического кризиса, продолжавшегося до II–III веков н. э. В этих условиях передвижение в южную лесостепь гороховского населения привело, по-видимому, к обострению демографической ситуации в Южном Зауралье — перенаселенности. Все это в конечном счете и предопределило передвижение части южнозауральских кочевников и вошедших в их состав лесостепных зауральских племен. В начале IV века до н. э. оно было направлено главным образом на запад и юго-запад, в степные районы Южного Приуралья, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту. Очевидно, переселения продолжались и в дальнейшем, на протяжении всего IV века до н. э., возможно, постепенно затухая. Новый массовый приток южнозауральских номадов в степи Южного Приуралья произошел, вероятно, в последней четверти IV века до н. э. Вызван он был не столько продолжавшей ухудшаться экологической обстановкой,

сколько нестабильной политической ситуацией на южных границах их расселения. Имеется в виду центральноазиатский поход Александра Македонского и последовавшие за этим процессы. Эти события вызвали определенные подвижки в кочевом мире и стимулировали активное проникновение южнозауральских, а вслед за ними и приуральских кочевых племен на запад. На рубеже IV–III веков до н. э. южнозауральские мигранты, количество которых уже вряд ли было велико, уходят не в степи Южного Приуралья, а в степное Заволжье и в степную и лесостепную Приуральскую Башкирию. Сюда в это же время устремляется основная масса приуральских кочевников — носителей уже сформировавшейся прохоровской культуры.

Продвинувшиеся в Южное Приуралье зауральские номады восприняли ту систему ведения хозяйства, которая существовала здесь и была в наибольшей степени приспособлена к условиям жизнедеятельности данного ареала. То есть пути их сезонных перекочевков неизбежно должны были совпадать с таковыми в предшествующее время. Об этом в какой-то мере могут свидетельствовать погребения прохоровского времени на Устюрте —

месте зимних пастбищ части южноприуральских кочевников. Особенно осязаемым присутствием южноуральских кочевников на Устюрте становится с начала IV века до н. э. И связано это, скорее всего, с политическими событиями на южной границе кочевого мира — в Приаралье и прежде всего в Хорезме. С середины IV века до н. э. в связи с передвижением в Южное Приуралье части номадов Южного Зауралья, включивших в свой состав выходцев из зауральского лесостепного населения, масса кочевников, зимующих на Устюрте, возрастает. Усиление кочевников и возрастание их политического влияния в Центральной Азии способствовало тому, что они стали чувствовать себя полными хозяевами пространств между Аралом и Каспием, не опасавшимися за свои родовые могильники и святилища. В этой же обстановке на Устюрте возникают комплексы байтинского типа, связанные, очевидно, с кочевниками Южного Приуралья. Появление святилищ связано, как представляется, с переходом ранних кочевников Южного Урала во второй половине IV века до н. э. от сетевой политико-экономической стратегии к корпоративной.

Перемещения и перегруппировки кочевых племен на территории Южного Урала, дальние их походы на Запад уже в IV веке до н. э., продвижение отдельных групп в Подонье и Северное Причерноморье и вызванные этим враждебные отношения со скифами привели к прекращению функционирования «торгового пути Геродота». Уже в IV веке до н. э. происходит заметное уменьшение количества изделий из металла восточной группы (источники типа ЕУ и более восточные) в памятниках лесостепного Поднепровья. Но экспорт металла из Зауралья на запад продолжался и в IV–III веках до н. э. Однако теперь он был направлен главным образом в Нижнее Поволжье, на Нижний Дон и в Прикубанье.

IV–II века до н. э. — заключительный этап в истории улубаевско-тасмолинской культуры Северного Казахстана. Среди памятников этого времени выделяется небольшая группа с яркими раннесарматскими чертами, которые проявляются не только в погребальном обряде, но и в инвентаре. Появление их связано, очевидно, с переселением в этот регион части ранних кочевников Южного Зауралья,

Каменная статуя
из святилища Байте.
Устюрт

которое вряд ли имело массовый характер. Скорее всего, его следует рассматривать как одно из проявлений процесса постоянных перегруппировок внутри кочевого мира, отрыва отдельных родов или родовых подразделений от основного массива и включения их в состав родственных кочевых объединений.

В III веке до н. э. на территории Саяно-Алтая и сопредельных с ним регионов, в том числе в урало-казахстанских степях, фиксируются определенные этнокультурные изменения, обусловленные подвижками кочевого населения Внутренней Азии. Связывать эти изменения лишь с северным походом Модэ вряд ли правомерно. Очевидно, продвижение на север и северо-запад отдельных групп или родовых подразделений кочевников этого региона, и не только хунну, могло происходить и ранее, по крайней мере, уже в середине III века до н. э., в период создания и усиления хуннского племенного объединения в этом регионе.

На Южном Урале, в частности в Южном Зауралье, с передвижениями племен Внутренней Азии и Саяно-Алтая в III–II веках до н. э. можно, очевидно, связать появление уже в III веке до н. э., и особенно в II веке до н. э., ряда инноваций в материальной культуре, прежде всего в вооружении. Это кинжалы с прямым перекрестием без навершия или кольцевым навершием, без металлического перекрестия и навершия, новая конструкция лука — с концевыми костяными накладками. К инновациям можно отнести и распространение миниатюрных височных колец и серег в полтора-два оборота, появление бронзовых литых миниатюрных котелков, прорезных колокольчиков, бронзовых и железных восьмерковидных пряжек с неподвижным боковым выступом или крючком, а также костяных поясных пряжек. Инноваций же в погребальном обряде в этот период почти не прослеживается. Связано это, вероятно, не столько с малочисленностью в южноуральских степях погребений III–II веков до н. э., сколько с тем, что сюда проникали группы, родственные ранее ушедшим на запад кочевникам.

В IV–II веках до н. э. отток кочевников Южного Зауралья происходил не только на запад, но и на юг. Вторжение в Центральную Азию армии Александра Македонского вызвало энергичное сопротивление местного земледельческого населения, на стороне которого выступили и кочевые племена. Среди тех, кто активно противостоял завоевателям, источники неоднократно называют номадов, обитавших за Сырдарьей. К ним на помощь пришли и кочевники из соседних северных областей, в том числе, вероятно, и сарматы. Греко-македонское завоевание привело к значительному уменьшению численности центральноазиатского населения, уничтожению производительных сил и материальных ценностей. Оно разорвало то экономическое единство оседлых и кочевых народов, которое существовало здесь в предшествующее время. Война за передел сатрапий, разгоревшаяся после смерти Александра между его полководцами, борьба Бактрии и Парфии за независимость вряд ли способствовали быстрому восстановлению хозяйства региона. Все это, естественно, не могло не сказаться на экономических связях оседлого мира Центральной Азии с кочевниками. Включение же значительной части центральноазиатского региона в состав Селевкидского государства вызвало переориентацию торговли его земледельческого населения на запад и юг. Торговые связи с кочевым миром были нарушены, поток сельскохозяйственной и ремесленной продукции, идущий на север, резко уменьшился. В этих условиях кочевники, крайне заинтересованные в торговле с оседло-земледельческими центрами, вынуждены были предпринять меры по обеспечению своих жизненных потребностей. С конца IV века до н. э. идет активный процесс освоения номадами окраин земледельческих оазисов Центральной Азии. Здесь они ведут свое традиционное кочевое хозяйство либо переходят к полuosедлому или оседлому образу жизни. Процессу оседания на границах оазисов способствовали неблагоприятные климатические условия, относительная перенаселенность степи и, что вполне допустимо, политика социальной

Железный кинжал сарматского времени (II в. до н. э.). Школьный музей, село Большие Каркалы (Республика Башкортостан)

Сарматский вождь. Могильник Аралтобе. Западный Казахстан. Реконструкция К. Алтынбекова и З. Самашева

верхушки кочевого общества, заинтересованного в продуктах земледелия и ремесла, в постоянном контроле над земледельческим населением оазисов, особенно необходимом в периоды политической дестабилизации. Среди тех племен, которые появились в это время близ земледельческих центров Центральной Азии, были, вне всякого сомнения, и номады Южного Зауралья. Особенно массовым это проникновение было, вероятно, в II веке до н. э. Толчком, вызвавшим массовый отток кочевого населения Южного Зауралья вглубь Центральной Азии, стал, вероятно, приток с востока новой волны кочевников, известных в китайских источниках под именем юэчжи. Из всего разнообразия погребальных памятников II–I веков до н. э. Центральной Азии с кочевниками Южного Урала (сарматами) можно связывать, как нам кажется, если не все, то часть захоронений с южной ориентировкой погребенных в могильных ямах с подбоем и катакомбах с камерой, расположенной на продолжении длинной оси входной ямы.

Пришедшие с востока юэчжи в середине — второй половине II века до н. э. вытеснили, главным образом на юг, племена Нижней и Средней Сырдарьи, в том числе и номадов Южного Зауралья,

с их зимних пастбищ. Немногочисленное аборигенное население Южного Зауралья было, вероятно, включено в состав пришлых народов и довольно быстро ими ассимилировано. Придя на новое место, кочевники с востока неизбежно должны были воспринять ту систему материального производства, которая существовала здесь до них и была наиболее приспособлена к условиям жизнедеятельности в данном ареале. Иначе говоря, пришлые с востока племена стали кочевать теми же маршрутами, которыми передвигались до этого местные номады, располагаться на тех же самых летних и зимних пастбищах, что, в конечном счете, было обусловлено физико-географическими условиями региона. Со второй половины II века до н. э. Южное Зауралье становится местом летовок пришедших с востока кочевников, включивших в свой состав остатки местного населения, и входит в сферу влияния кочевых политических образований Центральной Азии.

Середина — вторая половина II века до н. э. является верхним рубежом существования раннесарматской (прохоровской) культуры в Южном Зауралье. На смену ей здесь приходит культура, теснейшим образом связанная с кочевым миром Центральной Азии.

Список литературы

1. Акишев К. А. Курганы Иссык: Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978.
2. Арриан. Поход Александра / пер. с древнегреч. М. Е. Сергеенко. М. : Миф, 1993.
3. Багашев А. Н. Материалы к краниологии сарматов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень : ИПОС СО РАН, 1997.
4. Бельтикова Г. В. Иткульский очаг металлургии: ориентация, связи // Урал. ист. вестн. 2002. № 8.
5. Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э.— VIII в. н. э. М. : Вост. лит., 1999.
6. Глушко Е. В. Цикличность ландшафтообразования Южного Приаралья в голоцене // География и природные ресурсы. 1996. № 4.
7. Гуцалов С. Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н. э. : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.
8. Гуцалов С. Ю. Скифы на Южном Урале // Этнопанорама. 2001. № 1.
9. Демкин В. А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пушино : ОНТИ ПНЦ РАН, 1997.
10. Железчиков Б. Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н. э.). М. : б. и., 1997.
11. Иванов И. В. Место сарматской эпохи в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена // Проблемы истории и культуры сарматов : тез. докл. междунар. конф. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1994.
12. Иванов И. В., Чернянский С. С. Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция черноземов Зауралья // Почвоведение. 1996. № 9.
13. Клименко В. В. Климат и история в эпоху первых высоких культур (3500–500 гг. до н. э.) // Восток. 1998. № 4.
14. Клименко В. В. Климат и история от Конфуция до Мухаммада // Восток. 2000. № 1.
15. Клименко В. В., Климанов В. А. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в северном полушарии // Докл. Акад. наук. 2003. Т. 391, № 3.
16. Ковалев А. А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ ; Чита : Изд-во БГУ, 2002.
17. Ковалев А. А. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. : материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб., 1996.
18. Королькова Е. Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. 2001. Вып. 35.
19. Королькова Е. Ф. Филипповские курганы и звериный стиль // Золотые олени Евразии. СПб. : Славия, 2003.
20. Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н. э.— VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М. : Наука : Гл. ред. вост. лит., 1988.
21. Матвеева Н. П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск : Наука, 1993.
22. Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М. : б. и., 1997.
23. Могильников В. А. О савромато-сарматской миграции в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы науч.-практ. конф. Вып. 5, ч. 2. Барнаул : б. и., 1995.
24. Мошкова М. Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности : науч. докл., представл. в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989.
25. Ольховский В. С., Яценко С. А. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М. : ГЕОС, 2000.
26. Пшеничнюк А. Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале : препр. Уфа : БНЦ УрО АН СССР, 1989.
27. Скрипкин А. С. Сарматский погребальный комплекс II–I веков до нашей эры из Заволжья // Нижневолж. археол. вестн. 2003. Вып. 6.
28. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М. : Наука, 1975.
29. Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России). М. : Ин-т географии РАН, 2002.
30. Суразаков А. С. О некоторых проблемах изучения социальных отношений населения Горного Алтая эпохи железа // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск : б. и., 1992.
31. Терехова Л. М., Чемякин Ю. П. Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983.
32. Тот Т. А. Древнейшие периоды происхождения протохуннов // Вопросы антропологии. Вып. 36. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970.
33. Федоров В. К. Культ Сомы / Хаомы у ранних кочевников степей Евразии (на материалах костяных ложек из южно-уральских погребений VI в. до н. э.— IV в. н. э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002.
34. Юсупов Р. М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир : препр. Уфа : БНЦ УрО РАН, 1991.
35. Юсупов Р. М. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург : Оренб. губерния, 2001.
36. Яблонский Л. Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М. : Вост. лит., 1999.
37. Ягодин В. Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Вып. 1. Ташкент : Фан, 1982.
38. Ягодин В. Н. Хорезм и ранние кочевники Устюрта // Античная культура Средней Азии и Казахстана : тез. докл. Всесоюз. науч. совещания. Ташкент : Фан, 1979.
39. Fodor I. Einige kulturgeschichtliche Beziehungen der Ungarischen Urgeschichte // A Mora ferenc museum. Ekvongve, 1971.

**Урочище Путиловская
Заимка на реке Уй.**
Пластовский район,
Челябинская область.
Фото: А. Таиров

История Южного Урала

3
ГОМ
глава
4

ИСКУССТВО
ЮЖНОГО
ЗАУРАЛЬЯ
ЭПОХИ РАН-
НИХ КОЧЕВ-
НИКОВ
(I тысячелетие
до н. э.)

Глава 4. **ИСКУССТВО ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ (I тысячелетие до н. э.)**

Мелкая пластика

Общая характеристика скифо-сибирского звериного стиля Евразии. Савромато-сарматский звериный стиль кочевников Южного Урала

Звериный стиль — условное наименование широко распространенного в древнем искусстве стиля, отличительной чертой которого было изображение отдельных животных, частей их тела, а также сложных композиций из нескольких животных. Стиль возник у ряда народов в бронзовом веке, особенное распространение получил в раннем железном веке. В наиболее развитом виде выступает в скифо-сарматском искусстве Северного Причерноморья, Южного Урала и Нижнего Поволжья, а также в искусстве племен Южной Сибири I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры — отсюда название «скифо-сибирский звериный стиль».

Скифо-сибирский звериный стиль сложился под влиянием искусства Внутренней Азии и Китая, Передней Азии и Ирана, а в Причерноморье он испытал значительное влияние древнегреческого искусства. Сплав разных элементов, подвергшихся местной переработке и дополнявшихся местными элементами, привел к формированию оригинального звериного стиля. Для него харак-

терна реалистическая передача форм животных и их движений. Наиболее распространены изображения травоядных животных, хищных зверей и птиц, а также фантастических существ (грифонов). Наряду с изображениями фигур животных встречаются сцены борьбы зверей (чаще всего орла или хищника, терзающего травоядное животное). Реалистичность изображений сочеталась с определенной условностью: фигуры зверей располагались применительно к форме вещи, которую они украшали; животные изображались в канонических позах (скачущие, борющиеся; копытные с подогнутыми ногами; хищники — иногда свернувшиеся в кольцо). Существовали условные приемы и в передаче отдельных частей тела животного (глаза в виде кружков, рога — в виде завитков, пасть — полукругом и т. д.). Часто вместо целого животного изображалась только часть, служившая его символом (голова, лапы, когти зверей и птиц, клюв и т. п.). Тело зверя иногда заполнялось фигурками животных или их частями и схематичной головой хищной птицы. Достаточно часто отдельные части животного или птицы (лапа, коготь, нога с копытом, клюв, хвост птицы, глаз и пр.) воспринимались как целое, символизируя определенное качество. Изображения выполнялись в невысоком рельефе при помощи ковки, чеканки, литья, тиснения и резьбы, чаще всего из бронзы, золота, серебра и железа. Известна резьба по дереву и кости, аппликации из кожи и войлока; встречена

татуировка человеческого тела, выполненная в зверином стиле.

В наборе предметов, на которые помещались изображения животных, особенно в ранний период развития скифо-сибирского звериного стиля, отчетливо проявляется его связь с воинской средой и военным бытом. Можно выделить три основные группы предметов: оружие, предметы сбруи боевого коня и предметы сакрального и социально-культурного назначения (зеркала, жертвенники). На вещах повседневного обихода и украшениях звериный стиль встречается лишь изредка. Вероятно, именно воинская среда и явилась определяющей в формировании эстетических принципов искусства ранних кочевников степной Евразии, которые проявлялись не только в выборе сюжетов, но и в стилистике изображений. В своей основе звериный стиль имеет, скорее всего, магические представления. Согласно правилам магии, изображение определенных животных или отдельных частей их тела способствует перенесению на обладателя таких изображений присущих этим животным черт. Все это и характерно для скифо-сибирского звериного стиля, сюжеты которого почти всегда отражают идеал воина. Особо выделяются и подчеркиваются те органы животных, которые символизировали зоркость и остроту слуха, силу, ловкость и смелость в борьбе — глаз, ухо, рога, зубастая пасть, клюв, когтистые лапы. Вполне вероятно, что отдельные образы звериного стиля связаны с конкретными божествами или представлявшими божественными космическими силами. Причем одно и то же божество могло воплощаться в различных животных, а животные одного и того же вида могли служить для воплощения различных божеств.

Во второй половине V и особенно в IV веке до н. э. скифо-сибирский звериный стиль претерпевает существенные изменения, отражающие эпохальные этнокультурные изменения в степной и лесостепной Евразии. Наиболее характерной чертой звериного стиля этого времени является усиление орнаментализации и схематизации, что приводит к утрате тех черт условного и обобщенного реализма, которые были присущи ему в предшествующий период. Возрастает парадно-декоративная функция звериного стиля, а его связь

с чисто военным бытом уменьшается. Растет популярность антропоморфных образов и сюжетов, не составляющих, однако, единого стилистического направления. Распространяются жанровые сцены, вероятно, связанные с героическим эпосом. Уменьшается и значение религиозной функции звериного стиля, однако магическая его сторона, вероятно, еще сохраняется. В III веке до н. э. почти повсеместно происходит быстрое и полное исчезновение звериного стиля.

В скифо-сибирском зверином стиле отчетливо выделяются его варианты, в том числе поволжско-уральский, или савромато-сарматский, связанный в основном с ирано-язычными кочевниками Южного Урала и Нижнего Поволжья. Географическое положение волго-уральских степей определило его тесные связи и зависимость, с одной стороны, от зооморфного искусства скифов Причерноморья и Прикубанья, с другой стороны — от звериного стиля саков Казахстана и Центральной Азии, ранних кочевников Южной Сибири и Внутренней Азии. Среди зооморфных изображений в савромато-сарматском варианте звериного стиля первое место занимают хищники кошачьей породы, достаточно часто изображаются волк и медведь, а также хищная птица орлиной породы или фантастический орлиноголовый грифон, а затем уже олень, лось, кулан, горный козел и баран, верблюд, сайгак, лошадь и баран. Наиболее излюбленные образы местной фауны — волк и медведь. Иногда животные изображены в борьбе или представлены сцены терзания и борьбы животных, что является особенностью южноуральской стилистической группы звериного стиля. Кроме изображений отдельных фигур животных или их частей в этой группе известны композиции из ряда животных. Специфическую для культуры Южного Урала группу предметов представляют каменные жертвенники с зооморфными изображениями. В памятниках Южного Урала найдена и серия изображений птиц, выполненных очень схематично. Силуэтно передана голова с большим клювом, иногда намечен круглый глаз. В некоторых случаях такое контурное изображение головы птицы сочетается с солярным знаком в виде сегнерова колеса и хвостом-палметкой. Обычное явление для

Инвентарь из памятников Южного Урала (вторая половина VIII – середина VI в. до н. э.),

оформленный в традиции скифо-сибирского звериного стиля

Инвентарь
из памятников Южного Урала
(вторая половина VI –
третья четверть V в. до н. э.),

оформленный в традиции
скифо-сибирского
звериного стиля

Сегнерово колесо — колесо, спицы которого дугообразно изогнуты в одном направлении.

Символ, связанный с образом катящегося солнечного колеса.

Южного Урала — использование мотивов хвоста, клюва, копыта, когтя в качестве символов определенных животных.

В развитии искусства звериного стиля кочевников Южного Урала VIII–IV веков до н. э. можно выделить четыре основных периода, соответствующих основным этапам их истории: вторая половина VIII — первая половина VII века до н. э.; вторая половина VII — середина VI века до н. э.; вторая половина VI — третья четверть V века до н. э.; последняя четверть V — третья четверть IV века до н. э.

Памятники звериного стиля кочевников Южного Урала VIII — середины VI века до н. э. представлены пока только материалами, найденными на территории Южного Зауралья. Кочевники этого времени были наиболее тесно связаны с номадами Северного и Центрального Казахстана, входя вместе с ними в тасмолинскую историко-этнографическую общность. Наиболее тесными связи у представителей этой общности были с кочевым и полукочевым населением Приаралья. Поэтому ближайшие аналоги предметов искусства кочевников Южного Урала находят в искусстве номадов этого времени в Приаралье, Северном и Центральном Казахстане. Более отдаленные аналоги происходят с территории Саяно-Алтая и Северо-Западного Китая (Синьцзян, Восточный Туркестан), что является результатом генезиса культуры кочевников тасмолинской общности.

Искусство звериного стиля третьего периода (вторая половина VI — третья четверть V века до н. э.) имеет в своей основе искусство предшествующего времени. Формирование культуры кочевников Южного Урала савроматского времени происходило в результате сложения четырех основных компонентов — аборигенного, представленного кочевниками тасмолинской общности, и пришлых из лесостепи Восточной Европы, Приаралья, Вос-

точного Туркестана и, возможно, Тувы и Алтая. Все эти составные части проявляются и в искусстве. В зверином стиле этого времени восточное направление связей сохраняется. Ближайшие аналоги, кроме, естественно, немногочисленных комплексов этого времени Приаралья, находятся опять же на территории Саяно-Алтая и Северо-Западного Китая. Но, и это следует подчеркнуть, преобладающее их большинство происходит из памятников предшествующего времени (VII — первая половина VI века до н. э.) этих регионов.

В принципе вторая половина VI — третья четверть V века до н. э. — это и есть период развития собственно звериного стиля в искусстве кочевников Южного Урала. Именно в этот период их искусство наиболее самобытно и узнаваемо. Можно сказать, что искусство кочевников Южного Урала как таковое, как явление, характеризуют практически только памятники этого времени.

В это же время в восточной части Евразии, на территории Алтая и прилегающих к нему территориях Монголии и Китая, складывается регион «пазырыкского» искусства, отличного от искусства кочевников других регионов, в том числе и Южного Урала.

В конце V века до н. э. на Южном Урале появляются произведения искусства, близкого именно к «пазырыкскому». Этот стиль, хоть и преобладает в материалах памятников последней четверти V — третьей четверти IV века до н. э., все же не до конца вытеснил старую местную традицию. Это явление может объясняться притоком на Южный Урал в третьей четверти V века до н. э. новой волны кочевников, приведшей к резкой трансформации стереотипов культуры, в том числе искусства. Ядро этих мигрантов составили выходцы из Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана) — носители традиций «пазырыкского» искусства в зверином стиле. Однако количество их было, очевидно, невелико. Представлены они были, скорее всего, богатыми и знатными родами, занявшими господствующее положение в ряде регионов степи — прежде всего на Южном Урале. Вследствие чего «пазырыкский» стиль и стал определяющим для верхушки южноуральского кочевого общества.

Изображения оленей и антилоп из памятников Южного Урала (последняя четверть V – третья четверть IV в. до н. э.),

оформленные в традиции скифо-сибирского звериного стиля (по Е. В. Корольковой)

Изображения хищников, козлов, баранов, голов хищных птиц и грифонов из памятников Южного Урала

(последняя четверть V – третья четверть IV в. до н. э.), оформленные в традиции скифо-сибирского звериного стиля (по Е. В. Корольковой)

Изображения хищников

Изображения хищников весьма многочисленны, встречаются как самостоятельные изображения и как элементы сложных композиций, служащих оформлением каких-либо предметов. Самостоятельные изображения показывают полную одиночную фигуру животного в различных вариациях (бегущее или стоящее, «припавшее к земле», лежащее, свернувшееся в кольцо) или отдельно голову зверя.

Изображения хищников встречаются на различных предметах: накладках на колчан; поясных бляшках; нашивных бляшках от одежды; предметах вооружения (рукояти кинжалов, колчаные или портупейные крючки); деталях конского убора (уздечные бляшки, псалии); каменных жертвенниках; украшениях и т. п. На изображениях встречаются хищники разных видов. Для VII–VI веков до н. э. это прежде всего кошачьи (обычно барс). Во второй половине VI — V веке до н. э. чаще изображали

Детали поясного набора (бляшки с петлей на обороте в виде стоящего хищника кошачьей породы).

Могильник Кичигино I (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Золотая бляшка с изображением припавшего к земле кошачьего хищника.

Курган Куйбас (VI–V вв. до н. э.). ГИМЮУ

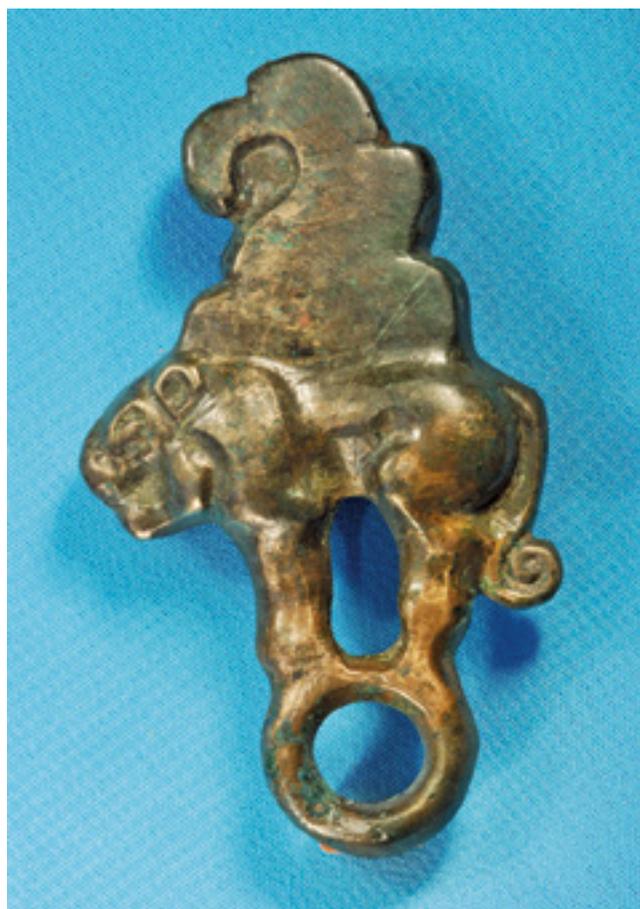
Ручка бронзового котла в виде медведя. Курган Темир (IV в. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

волка, реже — кошачьего хищника, иногда — медведя. Немногочисленные сильно стилизованные изображения волка или медведя встречаются и на предметах конца V — первой половины IV века до н. э. Видовую принадлежность животных на некоторых изображениях определить достаточно сложно, ибо они сочетают в себе признаки различных хищников. Вероятно, перед мастером стояла задача передать черты хищника вообще, а не конкретного его вида.

Одиночные фигуры стоящих кошачьих хищников изображены на поясных бляшках из кургана 5 могильника Кичигино I (вторая половина VII века до н. э.). Из этого же кургана происходит и бляха с изображением стоящего кошачьего хищника с протомой хищной птицы над ним. Ручки одного из бронзовых котлов из кургана Темир (первая половина IV века до н. э.) выполнены в виде сильно стилизованных фигур стоящих медведей.

Хищник на золотой нашивной бляшке из кургана Куйбас (конец VI — V век до н. э.) изображен в традиционной для Южного Урала позе «припавшего к земле» зверя. Морда изображенного в профиль зверя с оскаленной пастью расположена вертикально по отношению к подогнутым когтистым лапам, параллельным телу укороченных пропорций. Определить вид зверя затруднительно, но, судя по треугольному уху, короткой морде и длинному, загибающемуся на конце в кольцо хвосту,

Деталь поясного набора (бляха в виде стоящего на кольце кошачьего хищника со стилизованной головой орла над спиной). Могильник Кичигино I (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Протома — изображение передней части тела животного или мифологического существа.

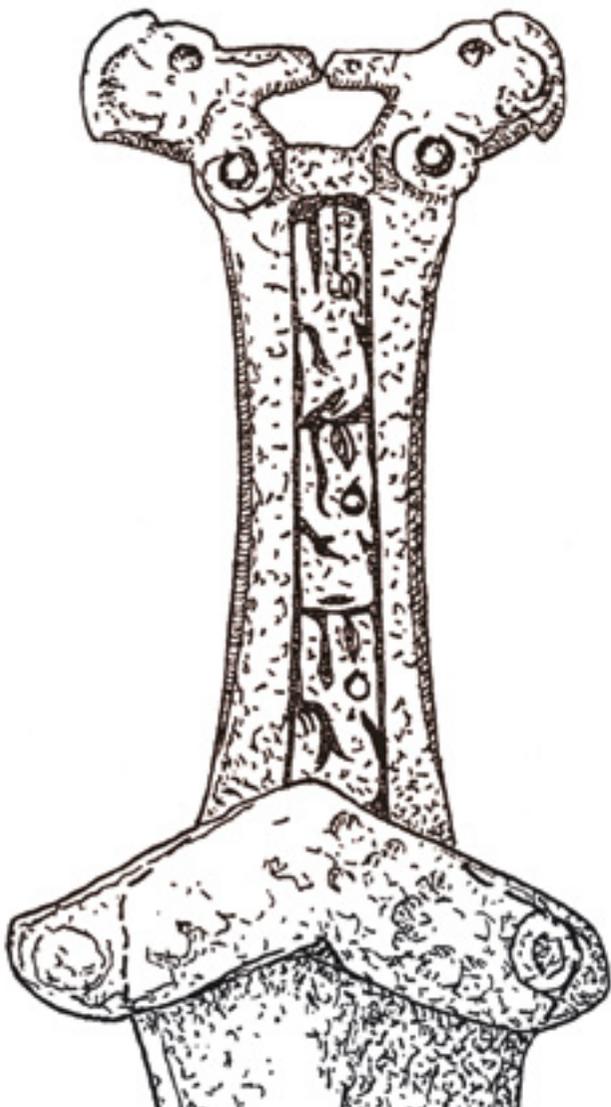
это кошачий хищник. Пасть окаймлена рельефным валиком, круглый глаз очерчен рельефной окружностью, полукруглое ухо также передано валиком. За ухом круглой выпуклостью показана щека. Хищность животного подчеркнута не только оскаленной пастью с мощными клыками, но и когтистыми лапами.

У волков (?), изображенных на рукояти железного кинжала из села Варна (V век до н. э.), голова с круглым глазом, приостренным ухом и оскаленной или закрытой пастью вытянута вперед. Пара хищных зверей мордами друг к другу в позе «припавшего к земле» животного показана на перекрестии кинжала из села Устиново (V век до н. э.). Определить вид животных затруднительно, но наибольшие ассоциации их изображения вызыва-

ют с волком. В пасти хищники держат разделенное на части кольцо, которое может одновременно являться схематическим изображением зубов животных. Такой образ может быть связан с мифологическим сюжетом проглатывания небесного светила хищником, в качестве которого выступает волк или собака.

В позе «припавшего к земле» зверя изображены и животные на гривне из кургана 3 могильника Кичигино I (IV век до н. э.). Их туловища и головы имеют удлиненные пропорции. Головы расширены за счет выпуклого лба и относительно широкой, как бы обрубленной пасти животного. На одной голове в пасти рельефными черточками показаны зубы. На другой внутри пасти выпуклой полоской показан либо язык животного, либо кабаньих клык. Большое сердцевидное ухо расположено за глазом и занимает всю ширину головы, слегка выступая за ее верхний край. К уху сзади примыкает длинный подтреугольный выступ, занимающий почти всю верхнюю часть спины животного. Лопатка и бедро каждого животного орнаментированы рельефными спиралями. Туловища, лапы и длинные хвосты покрыты поперечными рельефными насечками.

Трактовка изображений на кичигинской гривне неоднозначна. В пользу того, что перед нами хищные звери, говорят их зубастые пасти, длинные хвосты, а также положение ног, свойственное

Перекрестие железного кинжала савроматского времени (V в. до н. э.). Случайная находка у села Устиново. МКМ

Рукоять железного кинжала из села Варна (VI–V вв. до н. э.). Случайная находка

изображениям хищников. При этом резко обрубленная морда зверя напоминает пяточок свиньи. Это, в сочетании с торчащим вверх клыком, показанным в пасти одного из животных, позволяет предполагать, что перед нами изображение кабана. Длинный выступ подтреугольной формы в верхней части спины животного, примыкающий к его уху, напоминает изображение гривы кабана в традиции скифского звериного стиля.

Сходство изображений хищника и кабана по целому ряду стилистических признаков прослеживается на протяжении всей истории искусства ранних кочевников Евразии, начиная с архаических его образцов. Примером может служить изображение зверя на костяном гребне из кургана 2 Варненской группы курганов, наиболее близкие стилистические параллели которому находятся в изображениях кабанов. Это копытное животное иногда изображалось в позах, которые свойственны хищникам, и составляло особую группу в классификации животного мира, лежавшей в основе

скифской изобразительной традиции [5, с. 107; 6, с. 46–48].

Хищник на кичигинской гривне представляет очень близкую аналогию зооморфным окончаниям гривен из Ставропольского (Казанского) клада, которые, как отмечает Е. Ф. Королькова, до недавнего времени считались не имеющими аналогий и практически выпадали из контекста изучения скифо-сибирского звериного стиля [4, С. 71]. Отметим также сходство орнаментального оформления области бедер, плечевого пояса и гривы хищника на кичигинской гривне и ряде изделий из кургана Филипповского 1.

У бегущего волка, изображенного на уздечной бронзовой бляшке из кургана 2 Обручевского могильника, мощная голова с сомкнутой пастью, маленькое полукруглое ухо. Вытянутые вперед передние ноги смыкаются с головой, хвост же прижат к вытянутым назад задним лапам. Фигура хищника динамична и хорошо передает стремительный бег животного.

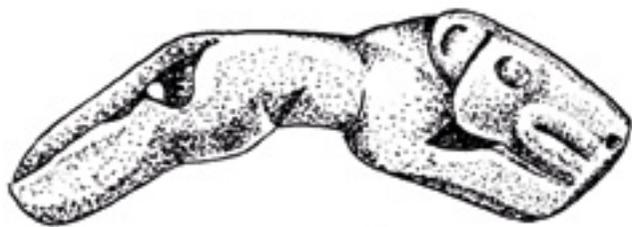

Гривна из погребения женщины-жрицы сарматского времени. Могильник Кичигино I (IV в. до н. э.). ГИМЮУ

Уздечная бляшка с изображением бегущего волка. Могильник Обручевский (VI–V вв. до н. э.)

Бляха с изображением свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. Клад на берегу озера Травакуль (VII–VI вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Отдельную группу зооморфных мотивов Южного Урала, связанных с образом кошачьих хищников, представляют свернувшиеся в кольцо звери. Изображение подчинено условной композиционной схеме, задача которой — вписать тело животного в круг. Следует отметить, что мотив свернувшегося в кольцо хищника достаточно широко распространен в зверином стиле искусства степной Евразии. Причем ни в какой иной изобразительной традиции этот мотив не встречается.

С территории Челябинской области происходят три изделия с этим мотивом: подпружная пряжка с берега озера Иртяш; бляхи, найденные на берегах озер Травакуль и Увильды. Последней чрезвычайно близка бляха из числа случайных находок в Курганской области. Все они выполнены по одной композиционной схеме, характерной для ранней изобразительной традиции восточных регионов скифского мира VII — первой половины VI века до н. э. Туловище хищника передано в виде неширокой ленты, охватывающей и замыкающей всю композицию в себе и придающей животному поджарый вид. Передняя лапа прижата к шее и плечу, ее кисть находится под мордой, задняя лапа согнута так, что ее кисть находится возле локтя передней лапы (встречно-параллельное расположение лап). Хвост, загнутый на конце в кольцо, находится над мордой зверя. У хищников на подпружных пряжках с Иртяша и Травакуля большое овальное ухо, выделенный кружками глаз, хорошо проработанные пасть и ноздри. Поджатые лапы с кольчатыми окончаниями примыкают друг к другу. Щека обозначена округлой выпуклостью, плечо и бедро выделены выпуклым рельефом. Ближайшей аналогией иртяшской и травакульской пряжкам является подпружная пряжка из кургана 33 могильника Уйгарак в Приаралье.

Бляхи с озера Увильды и из Курганской области уникальны, аналогов им не известно. Уникальность их заключается, прежде всего, в том, что свернувшиеся в кольцо кошачьи хищники имеют лапы хищной птицы с длинными когтями. Плечо и бедро хищника на обеих бляхах обозначены четко очерченной выпуклостью, ухо, глаз и ноздря — сквозными отверстиями, окруженными рельефными валиками. У хищника на увильдинской бляхе они

Бляха в виде свернувшегося
в кольцо кошачьего хищника.
Находка у озера Увильды.
ГИМЮУ

круглые, примерно одного размера. У курганского зверя глаз и ноздря круглые, а ухо каплевидной формы. Конец утолщенного невыделенного хвоста увильдинского хищника закручен в кольцо, подчеркнутое сквозным отверстием, у курганского он закручен в спираль. На шее и хвосте животного на курганской бляхе имеются рельефные продольные борозды. Характерной особенностью изображения на обеих предметах является увеличенный треугольный подбородок хищника. Отличает бляхи и то, что задняя часть зверя превратилась в голову с таким же округлым выступающим ухом, и это создает почти симметричную композицию из двух голов. При этом глаз на голове, расположенной слева, одновременно является ноздрей правой головы. Как представляется, на этих бляхах можно увидеть еще одну голову молодого животного — детеныша. Его круглое ухо образует окончание хвоста основного хищника, ноздря которого одновременно является и глазом детеныша. Мордой его служит подбородочный выступ взрослого животного. Таким образом, древний мастер создал две головы кошачьих хищников — взрослого (основное животное) и детеныша (дополнительное животное), прижавшегося к морде взрослого.

В погребении 1 кургана 5 могильника Кичигино I, датированного второй половиной VII века до н. э., найдено шесть рельефных золотых бляшек с изображением хищника из породы кошачьих (лев, барс?). Пять из них украшали кожаный горит, а шестая находилась на груди погребенного. Животные показаны лежащими с поднятой головой, развернутой анфас. У них круглые глаза, окруженные рельефным валиком, небольшие полукруглые уши. Длинный хвост, конец которого закручен в спираль, прижат к тулову. Бедро подчеркнуто высоким рельефом. На лапах рельефными углублениями показаны когти. Все изображение наполнено величавым спокойствием зверя, не имеющего соперников. В той же манере выполнена фигурка лежащего хищника на золотой серьге из этого же погребения.

Среди южноуральских изображений хищных животных есть изображения, которые являются комбинацией различных черт, свойственных разным животным. Они могут быть отнесены, по определению Е. Ф. Корольковой, к категории «мон-

стров», представляющих собой синтезированные образы устрашающего характера [4, с. 77]. Одним из таких «монстров» является животное, изображенное на резном костяном гребне из кургана 2 Варненской группы курганов (вторая половина VIII — первая половина VII века до н. э.). У него большая голова, пропорциями и другими своими чертами напоминающая голову кабана. Однако лапы с длинными когтями и длинный хвост, конец которого загнут в кольцо, характерны для изображений кошачьих хищников.

Одной из наиболее распространенных форм реализации образа хищника в искусстве кочевников Южного Урала является изображение только головы или протомы животного. Головой волка заканчивается уздечная бляшка, имитирующая клык кабана, из могильной ямы 2 кургана 5 могильника Кичигино I (начало V века до н. э.). Его зубастая оскаленная пасть, в которой хорошо просматриваются клыки, имеет подчеркнуто удлиненные пропорции. Овальный глаз и острое треугольное ухо дополняют намеренно утрированную видовую характеристику животного. Сильно стилизованная

Бляшка с изображением лежащего льва. Могильник Кичигино I (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Горит — футляр для лука и стрел из кожи, дерева, ткани, металла. Состоял из футляра для лука с пришитым к нему снаружи отделением для стрел и носился всегда на поясе, на левом боку.

Гориты нередко богато украшались золотыми, серебряными и бронзовыми бляшками, накладками и оковками, вышивкой, аппликацией, мехом, кистями.

Стрелы и бляшка. Погребение раннесакского времени. Могильник Кичигино I

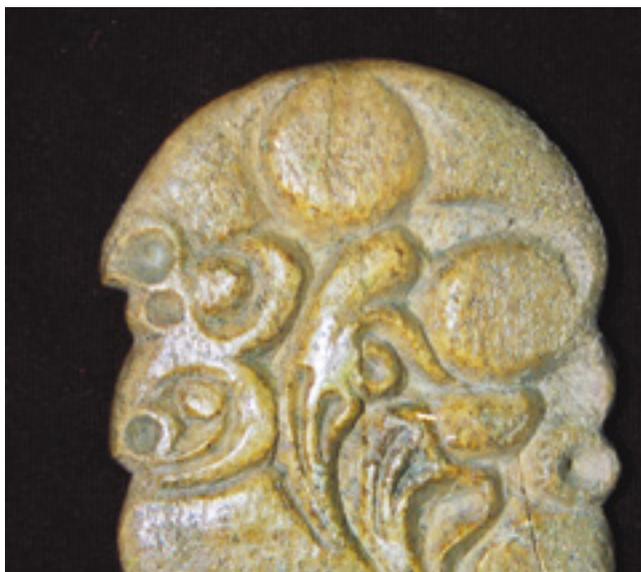

Бляшки с изображением лежащих львов. Могильник Кичигино I. Раннесакское время (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Бронзовая уздечная подвеска с изображением головы волка. Деталь. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Костяной гребень раннесакского времени. Деталь. Варненские курганы. МАиЭ ЧелГУ

Ножка каменного жертвенника со стилизованным изображением волчьей головы. Могильник Обручевский (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

голова волка с длинной мордой вырезана на костяной пластине (вероятно, ручка костяной ложечки) из кургана у села Клястицкого (V век до н. э.). На голове намечены глаза и уши. Сомкнутая пасть заканчивается двумя острыми треугольными клыками.

Ножки одного из каменных жертвенников, найденных в кургане 2 могильника Обручевский (вторая половина VI — начало V века до н. э.), оформлены в виде волчьих голов. Уши зверя прижаты к голове. В оскаленной пасти особо подчеркнуты крупные клыки. Ножки второго жертвенника из этого кургана выполнены в виде головы короткомордого зверя, скорее всего, медведя, с круглой лобастой головой и закрученными ушами. В оскаленной пасти животного, подчеркнутой рельефным валиком, выделены его мощные зубы. Особо выразительна голова медведя на ножках жертвенника из кургана 2 могильника Маровый Шлях (вторая половина VI — начало V века до н. э.). У животного большие округлые уши, слегка выпуклые круглые глаза, укороченная морда с едва намеченными ноздрями. В оскаленной пасти рельефно выделены длинные мощные верхние клыки. В виде головы хищника выполнены и ножки жертвенника из кургана у поселка Черниговского. У животного выпуклый лоб, обведенные валиком круглые глаза. На морде в высоком рельефе показаны острые уши с треугольным выступом в основании, за счет чего

они приобретают стреловидную форму. Возможно, в данном случае мы имеем дело с комбинацией признаков двух хищников — медведя и волка.

Навершие железного кинжала из села Долгодеревенского (V в. до н. э.) выполнено в виде противопоставленных голов кошачьих хищников. У них хорошо различимы миндалевидные глаза с круглыми зрачками, круглые выступающие уши и пасть от кончика морды до уха. В той же манере выполнены и навершия на хуже сохранившемся кинжале из кургана I могильника Кичигино II. Навершие кинжала, найденного у села Мариинского, представляет собой уплощенное скульптурное изображение протом двух кошачьих хищников с одним общим плечевым суставом. У хищников хорошо выделенные уши, небольшие овальные глаза. Оскаленная пасть, показанная круглыми выемками, заканчивается сомкнутыми клыками. Передние лапы показаны условно — в виде небольшой колодочки.

В ряде случаев голова хищника или вся его фигура служат оформлением предмета, имеющего и другую декорировку. В этом случае хищник включается в общую композицию и смысловой контекст всего декора. Примером может служить костяное навершие из кургана у села Варна (конец VI — начало V в. до н. э.). Центральное место в его композиции занимают два образа — медведя и хищника, — внутри которых вписываются изображения хищных птиц и кошачьих хищников. На широкой его части изображена голова медведя с массивной оскаленной пастью. Уши округлой формы, дополнительно проработаны внутри. Хорошо выраженный полукруглый выступ над каплевидным глазом резко переходит в прямую горизонтальную линию морды со слабо выделенным носом. Лента губ, имеющая одинаковую толщину по всей длине, окаймляет оскаленную пасть и под прямым углом переходит в такую же широкую и равномерную полосу прямой нижней челюсти. Заканчивается лента стилизованным изображением головы хищной птицы с длинной тонкой шеей и мощным изогнутым клювом. Коренные зубы медведя переданы с помощью двух овальных сквозных отверстий и представляют собой сплошной монолит нижних и верхних зубов. Длинные клыки хорошо выражены. На коротком, как бы полусогнутом тулове зверя размещено

Ножка каменного жертвенника со стилизованным изображением головы медведя. Могильник Обручевский (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Ножка каменного жертвенника. Могильник Маровый Шлях. МПиЧ

стилизованное изображение еще одного (кошачье-го?) хищника со сведенными передними и задними когтистыми лапами и выгнутой спиной. У животного короткая оскаленная пасть, овальный слабо проработанный глаз, поджатый хвост. Тела обоих хищников смыкаются с головой зверя неопределенной видовой принадлежности, сочетающей в себе черты волка и медведя. У него вытянутая оскаленная волчья морда и крупные округлые медвежьи уши. Зубы, переданные с помощью трех сквозных отверстий, представляют собой сплошной монолит. Лента губ, имеющая одинаковую толщину по всей длине, окаймляет оскаленную пасть и тоже заканчивается стилизованным изображением головы хищной птицы. Клюв ее отделяет каплевидный глаз хищника от его большого полукруглого уха. В нижней своей части ухо переходит в изображение еще одной стилизованной головы хищной птицы.

Варненское навершие входит в число произведений искусства ранних кочевников Южного Урала, выполненных в манере «загадочной картинки», или «головоломки» (композиционный прием, предусматривающий взаимовписывание контуров фигур изображаемых животных, известный в искусстве Тувы и Центрального Казахстана раннесакского времени). В этой же манере выполнен и упомянутый выше гребень из кургана 2 Варненской группы. Он увенчан фигуркой хищника с согнутыми под тупым углом ногами и опущенной головой. Изображение выполнено в низком рельефе, так что его толщина не намного превышает толщину рабочей части гребня. Голова удлинена за счет сильно расширенной пасти зверя. Ухо, глаз и ноздря показаны небольшими округлыми выемками. Лопатка и бедро животного подчеркнуты рельефными крупными выступами, по форме приближающимися к сферическим сегментам. Когти поданы несколькими извилистыми линиями. При этом справа от ког-

Железный кинжал с навершием в виде противоположенных голов кошачьих хищников. Могильник Кичигино II. МНТУ ЮУрГУ

Рукоять бронзового кинжала раннесакского времени. Случайная находка у села Мариинское. МАиЭ ЧелГУ

тя задней лапы проведена линия, явно лишняя для изображения когтя. При переворачивании изображения в этой его части можно увидеть профильную голову оленя, отростки рогов которого образованы когтями зверя, а передний отросток — той самой «лишней» линией. На нижней части лапы, представляющей в данной ситуации собственно голову, можно разглядеть слабо прочерченный кружок — глаз. В таком случае понятно, зачем на лапе изображена небольшая «лишняя» деталь — это ухо оленя.

Завиток между бедром и передней лапой зверя выглядит как хвост, но у животного уже изображен хвост, заканчивающийся кружком. И то, и другое положение хвоста традиционно для раннескифского звериного стиля. При этом хвост с кружком на конце сзади от бедра зверя уравнивает композицию, располагаясь практически симметрично ноздре. Его можно прочесть и как направленную вверх голову хищной птицы с круглым глазом (кончик хвоста) и загнутым клювом (сам хвост). Спира-

левидный же завиток хвоста, пропущенного между задних лап и примыкающего к передней лапе, можно трактовать как глаз и хохолок грифоньей головы, клюв которой образован когтями передней лапы. Под краем пасти зверя слабо читается профильная фигурка животного. Расположенные рядом когти зверя в данном случае выглядят как рога оленя.

В манере «загадочной картинке» оформлен и железный крючок-застежка из кургана у села Котлик. На его щитке мы можем видеть опущенную и прижатую к передней ноге голову лошади. У нее полукруглый глаз, рот, подчеркнутый валиком, небольшое выступающее ухо. Голова и передняя нога лошади являются одновременно сильно изогнутым туловищем хищника. У него сомкнутые передние и задние ноги (соответственно передняя нога и голова лошади) и прижатая к ним голова с длинной оскаленной пастью, обведенной лентой-валиком, овальным глазом и круглым ухом. Последнее,

Костяной гребень раннесакского времени. Варненские курганы (вторая половина VIII — первая половина VII вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

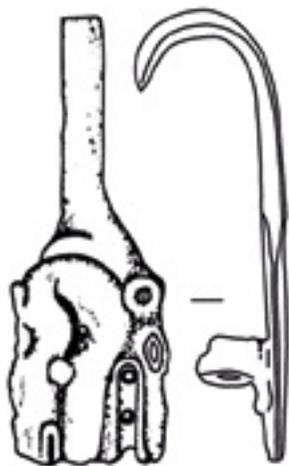
Костяное навершие с зооморфными изображениями. Детали. Курган у села Варна (VI—V вв. до н. э.). ГИМЮУ

в свою очередь, является глазом птицы, изогнутый клюв которой лежит поверх шеи лошади.

Изображения хищников из памятников ранних кочевников Южного Урала, как отмечает Е. Ф. Королькова, стилистически и иконографически тяготеют к регионам Южной Сибири, Алтая и Центральной Азии [4, с. 82]. Отличаются они растянутостью формата в целом и утрированно вытянутыми, непропорционально увеличенными мордами. При этом черты, связанные с образом хищности и устрашения, подчеркнуты особенно: как правило, показана оскаленная пасть с зубами, а лапы снабжены огромными когтями.

Щиток крючка-застежки с изображением голов волка, лошади и хищной птицы. Курган у села Котлик (VI–V вв. до н. э.). ГИМЮУ

Изображения копытных

Среди изображений, выполненных в традициях скифо-сибирского звериного стиля, достаточно представительную серию составляют зооморфные мотивы, связанные с образами различных травоядных. В этих изображениях наряду с признаками, передающими реальные характеристики животных, присутствуют стилизованные признаки. Общие силуэты фигуры животного, ее пропорции могут быть нарушены в зависимости от композиционных требований, а некоторые особенности тела вообще игнорируются. Одновременно большое значение придается передаче типичных признаков, которые позволяют опознать конкретный вид животного. К ним относятся, прежде всего, формы рогов, особенности морды и ушей.

Мотив кабана в искусстве ранних кочевников Южного Урала представлен немногочисленными, но достаточно яркими образцами. Примером в Южном Зауралье может служить навершие рукояти нагайки из кургана 4 Бобровского могильника, выполненное в виде реалистической головы вепря с оттянутой назад и приостренной холкой, миндалевидным ухом и выделенной щекой. Глубокой врезной линией показаны глаза и клыки животного.

Несколько более многочисленны в Южном Зауралье предметы искусства с изображением горного козла или барана. Отметим прежде всего бронзовые сбруйные бляшки для перекрестных ремней в форме сдвоенных в зеркальной композиции голов горных козлов с одним общим ухом из кургана 2 могильника Обручевский (конец VI — начало V в. до н. э.). У них вытянутые, лишенные детализации морды, подчеркнута большие круглые глаза, круто закрученные рога. Пространство между рогами и головами животных заполнено одним общим ухом каплевидной формы.

Чрезвычайно интересна находка в Большом Климовском кургане (вторая половина VI — начало V в. до н. э.) уздечной бляшки в виде головы барано-птицы. Этот образ, широко распространенный в раннескифское время в степи и лесостепи Восточной Европы, неизвестен в зверином стиле не только кочевников Южного Урала, но и более

восточных областей сакского мира. Точные аналоги климовского изображения неизвестны. Однако манера передачи рогов рядом полудуг находит ближайшие параллели на изображениях барано-птиц из Келермесских курганов и комплекса Норшунтепе в Анатолии.

В искусстве ранних кочевников Южного Урала среди изображений травоядных животных встречается яркий представитель местной фауны — сайгак. Противопоставленные головы сайгаков украшают поясные обоймы из кургана 5 могильника Кичигино I (вторая половина VII в. до н. э.). Головой сайгака заканчивается и бронзовый костылек из этого же комплекса. Протому сайгака можно видеть на фрагменте костяной пластины из кургана Березки Vб. Морды изображенных животных имеют характерное утолщение и ярко выраженную горбоносость. У самцов сайгаков на кичигинских поясных обоймах показаны рога с характерным для этих животных рифлением. Их миндалевидные глаза подчеркнуты рельефным ободком, выделенные овальные уши имеют сквозное отверстие в центре. Самки сайгаков, головы которых изображены на костыльке и костяной пластине, не имеют рогов. У кичигинской сайгачихи круглый глаз, подчеркнутый рельефным ободком, выступающее овальное ухо, небольшой рот. Голова сайгачихи на резной костяной пластине из могильника Березки Vб положена на согнутую переднюю ногу, переданную весьма схематично. В центре ее круглого глаза показан зрачок, округлое выступающее ухо подчеркнуто спиралью.

Сбруйные бляшки. Могильник Обручевский (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Изображение головы лошади встречается на различных предметах, датированных VII–V вв. до н. э. Но особенной выразительностью отличаются головы лошадей на предметах поясной гарнитуры из кургана 5 могильника Кичигино I. Это выполненные в одном стиле подвесной крючок и поясная бляха с изображением головы лошади на длинной «лебединой» шее. У обоих животных глаз показан в виде круглого углубления, окруженного невысоким валиком. Небольшими углублениями проработаны также ноздри и рот. Грива изображена в виде накладывающихся друг на друга трех продольных валиков. У лошади на крючке округлое ухо со сквозным отверстием в центре продолжает линию лба и как бы оттянуто назад. У лошади же на бляхе овальное ухо стоит торчком,

Навершие рукояти нагайки (VII–VI вв. до н. э.). Могильник Бобровский. ТКМ

перпендикулярно линии лба. У обоих животных подчеркнута выступающая надо лбом челка, а грива на шее заканчивается овалом.

В другой манере выполнены разнонаправленные головы лошадей (верблюдов?) на поясной бляхе для подвешивания оселка или колчана из этого же кургана. За счет слабо выделенных щек абрис их головы приближается к треугольному. Глаза каплевидные, окруженные валиком. Челка в виде вертикального подтреугольного выступа продолжается валиком, отделяющим голову животного от шеи. От середины этого валика в сторону шеи отходят небольшие овальные уши. Грива показана небольшим полукруглым слабо выделенным выступом.

Большей обобщенностью и простотой характеризуется трактовка лошади на предметах из погребений конца VI — V века до н. э. Это протомы лошади на портупейном крючке из кургана Котлик, описанном выше. У нее полукруглый глаз, подчеркнутый валиком рот, небольшое выступающее ухо. Стилизованные головы лошадей просматриваются на верхних окончаниях железных псалиев из кургана у села Варна. У одного из этих псалиев нижнее окончание оформлено в виде копыта.

К копытным относится и лось, голова которого изображена на уздечных бляшках для перекрестных ремней, найденных близ Красносельки Увельского района. Голова имеет характерные для этого животного признаки — она крупная, горбоносая, с нависающей мясистой верхней губой, что особенно хорошо видно в профиле. Глаза круглые, окруженные валиком, между каплевидными рельефными ушами показана высокая холка, отделенная от них глубокими канавками.

Чрезвычайно интересен железный кинжал из села Устиново под Миассом. Его навершие оформлено в виде двух протом крупных животных. У них круглые выпуклые глаза, узкие овальные вытянутые назад уши, покатый лоб. Их форма, а также общий абрис головы вызывают наибольшие ассоциации с тельцом. Под головами тельцов — изображения согнутых передних ног. Следует отметить, что изображение быков не характерно для оформления оружия ранних кочевников степной

Костяная сбруйная пряжка в форме сдвоенных в зеркальной композиции голов горных козлов. Могильник Обручевский (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Уздечная бляшка. Большой Климовский курган (VI–V вв. до н. э.)

Поясные обоймы с изображением противопоставленных голов сайгаков.

Могильник Кичигино I. Раннесакское время (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Деталь поясного набора (бляха в виде стоящего на кольце кошачьего хищника со стилизованной головой орла над спиной и подвешенным к ней крючком в виде головы лошади на длинной шее). Могильник Кичигино I. Раннесакское время (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Деталь поясного набора (бронзовая бляха с протомами двух верблюдов).

Могильник Кичигино I (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Деталь поясного набора (бронзовый крюк с изображением головы лошади).

Могильник Кичигино I (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Уздечные бляшки для перекрестных ремней со стилизованным изображением

головы лося. Могильник Красноселка (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Евразии. Поэтому появление не характерного для скифо-сибирского звериного стиля образа тельца можно, вероятно, связывать с влиянием ахеменидского Ирана.

Южноуральские изображения копытных животных дают большое разнообразие иконографических типов и форм, находящих аналоги в памятниках Алтая, Южной Сибири и Внутренней Азии.

Изображения птиц

Образ хищной птицы — один из наиболее распространенных в искусстве кочевников Южного Урала. Среди птичьих изображений абсолютно преобладают изображения только головы, которые могут выступать в качестве отдельного или дополнительного мотива. В качестве самостоятельного мотива могут быть показаны и отдельные части тела хищной птицы — коготь или хвост, а также их комбинации. Чаще всего изображалась не просто хищная птица, реально существующая в природе, а некий ее символ, включающий в себя мощный клюв, большой круглый глаз и округлое звериное ухо. Наличие уха в изображениях хищной птицы свидетельствует, по мнению Е. Ф. Корольковой, о каком-то содержательном аспекте, заставлявшем внести эту деталь, отсутствующую у представителей фауны в природе, и отражает результат осмысления реальности, а не ее фиксации [4, с. 54].

Среди изображений одной лишь птичьей головы можно выделить несколько иконографических типов, которые, как правило, хорошо соотносятся с функциональным значением предметов, на которых они выполнены. Это, прежде всего разнообразные бляшки и обоймы, служащие украшением конской узды. Достаточно часто головы хищных птиц со звериными ушами («ушастые грифоны») украшают окончания псалиев. Для изображенных на них птиц характерны мощный, круто загнутый клюв с четко очерченной восковицей, большой глаз (чаще всего круглый) с рельефным валиком, создающим внешний контур. Ниже уровня глаз расположено рельефно проработанное ухо округлой формы. В качестве примера можно привести уздечную бляшку из кургана 2 могильника Обручевский, обоймы для перекрестных ремней и бронзовый псалий из кургана 3 могильника Маровый Шлях, бронзовые псалии из могильника Кичигино 1. Уникальным для Южного Урала является железный

нож из кургана у села Котлик. Конец его рукояти оформлен в виде головки грифона с подчеркнутой восковицей, выпуклым овальным глазом и намеченным полукруглым ухом.

Среди изделий этой группы особняком стоит уздечная бляшка из случайных находок в Троицком районе. Она выполнена в форме головы хищной птицы с мощным загнутым в кольцо клювом, большим круглым глазом, массивной восковицей, переданной несколькими горизонтальными рельефными линиями. Данное изображение находит аналоги к западу от Урала — в иконографии скифских художественных изделий восточноевропейской степи и лесостепи.

Наиболее распространенными вариантами птичьих образов являются крайне схематизированные и обобщенные изображения головы с мощным клювом, иногда с небольшим округлым выступом на затылке, обозначающим ухо. В этих изображениях отсутствует всякая детализация: обозначается только силуэт клюва — прорезью в виде волюты или «запятой» либо общей суммарной рельефной проработкой. Чаще всего такие плоскостные изображения выступают в качестве оформления предметов уздечной гарнитуры — бляшек или щитков обойм для перекрестных ремней. В ряде случаев такое контурное изображение головы хищной птицы сочетается с солярным знаком в виде сегнера-ва колеса и хвостом-палметкой, как на изделиях из кургана у села Варна, или с птичьим когтем, как на изделиях из погребения 2 кургана 5 могильника Кичигино. Некоторые обоймы для перекрестных ремней сочетают только солярный знак с хвостом-палметкой.

В кургане 5 могильника Кичигино I найдены золотые обкладки в форме стилизованной головы хищной птицы, которые служили для украшения деревянных сосудов. Такие же изображения использовались для оформления предметов поясной гарнитуры из этого кургана. Так, на одной из поясных блях над фигурой стоящего на кольце кошачьего хищника помещена сильно стилизованная голова орла. Такой же головой заканчивается поясная бляшка с изображением головы лошади. Окончания цепочки для подвешивания кинжала к поясу выполнены в виде сильно стилизованных

Восковица — участок утолщенной кожи у основания надклювья некоторых птиц, на котором расположены наружные отверстия ноздрей.

птиц с подчеркнутыми головой и клювом. В виде стилизованной головы хищной птицы выполнена и концевая поясная бляха-застежка.

Головной убор погребенного в основной могиле кургана 5 могильника Кичигино I украшен двумя золотыми ажурными пластинами в виде сильно стилизованных хищных птиц, покрытых сложным прорезным орнаментом. Выполнен он с использованием мотива «сложного завитка», состоящего из направленных в противоположные стороны клювовидных отростков, дополненных полукруглыми фестонами, спиралями и пламевидными фигурами, в виде изогнутого вытянутого треугольника. В комбинации этих орнаментальных мотивов можно увидеть фигуры хищных птиц или грифонов, одна из которых показана присевшей на лапы с повернутой назад головой (более крупная пластина), а у другой можно разглядеть хвост и крылья (меньшая пластина). Наиболее близкий аналог этих предметов происходит из кургана 1 могильника Шерубай в Центральном Казахстане. Общим же контуром все эти пластины напоминают золотые бляхи-застежки из кургана Аржан 2 в Туве, форма которых определена как сложный завиток, и из кургана 5 могильника Талды 2 в Центральном Казахстане. Эти предметы не ажурные, сходство с пластинами из Кичигина и Шерубая состоит лишь в общем контуре.

Стилистически отличаются от выше описанных изображения голов хищных птиц на рукояти кинжала из села Устиново. У них мощный длинный загнутый вниз клюв с четко проработанной разделительной линией и круглый выпуклый глаз. Особенностью этих изображений, помимо отсутствия уха, является перпендикулярная голове шея, напоминая шею грифа.

Навершие кинжала из кургана у села Котлик выполнено в виде пары противопоставленных головок «ушастых грифонов» с круто загнутыми вниз и завернутыми в кольцо соприкасающимися клювами. Их круглые уши слегка выступают из головы. Ближайшие аналоги выше описанных южноуральских изображений хищных птиц обнаруживаются прежде всего в памятниках искусства Алтая, Южной Сибири и Северного Китая. Трактовка грифонов образов на изделиях, найденных на этих территориях, отличается от изображений скифского времени в западных регионах Евразии большей фактурностью и рельефностью. При всей лаконичности изобразительного решения образы грифонов чрезвычайно выразительны и свидетельствуют о самобытности, высоком уровне мастерства и существовании развитой художественной традиции в искусстве кочевников Южного Зауралья.

Как уже отмечалось, в качестве самостоятельного мотива могут выступать и отдельные части тела

Окончание бронзового псаля в виде головы ушастого грифона. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.)

хищной птицы. Так, в комплекс уздечных принадлежностей из могильной ямы 2 кургана 5 могильника Кичигино 1 входят обоймы для перекрестных ремней двух типов. У обойм первого типа щиток выполнен в виде контурного изображения головы хищной птицы, а сама обойма — в виде ее когтя. Второй тип — обоймы в виде когтя без щитка. Обойма первого типа найдена в Черниговском кургане, исследованном в 1888 году в Верхнеуральском уезде.

С территории Южного Зауралья происходит несколько железных кинжалов с навершием в виде пары стилизованных согнутых птичьих лап. У их основания выбито по два concentрических кружка, изображающих глаза. Один из таких кинжалов найден в Аргаяшском районе, второй — в Чебаркульском. Особенно выразителен второй кинжал, навершие которого трактовано в виде пары когтистых лап в три изгиба, соединенных между собой поперечной перекладиной. В основании каждой лапы изображены глаза в виде двойных кружочков.

В ряду предметов с изображением хищных птиц, относящихся к эпохе ранних кочевников Южного Урала, совершенно особое место занимает бронзовая печатка (?) из кургана 2 могильника Соржан-Кстау (IV в. до н. э.). На небольшой прямоугольной бронзовой пластине размером 3,0×1,5×0,3 см размещено изображение двух птиц с повернуты-

Фестон — один из выступов (зубчатой или округлой формы), которыми окаймляется край чего-либо. В прикладном искусстве и живописи, а также в портновском искусстве декоративный элемент, орнаментальная полоса с обращенным вниз узором в форме листьев, цветов, ступенчатых зубцов, равнобедренных треугольников и т. д.

Украшение головного убора в виде стилизованного изображения птицы. Могильник Кичигино I (вторая половина VII в. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

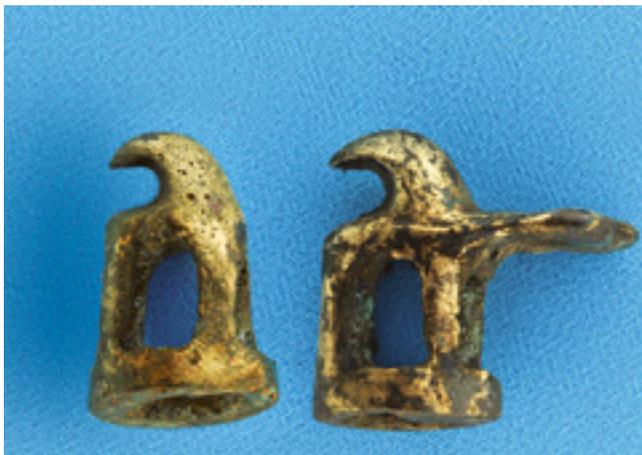
Бляшки уздечного набора савроматского времени. Курган у села Варна (VI–V вв. до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Сбруйная бляшка в виде стилизованной головы хищной птицы. Окрестности поселка Суналы (VI–V вв. до н. э.)

Бронзовая уздечная подвеска со стилизованным изображением головы хищной птицы. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

ми назад головами, идущих друг за другом. У них короткие приземистые тулова, мощные короткие ноги с длинными лапами. Большая голова каждой птицы снабжена коротким загнутым на конце клювом и крупным круглым глазом. Покоится голова на массивной шее, плавно переходящей в тулово. Небольшой хвост с коротким опереньем распущен веером. Крыло S-видной формы загнуто в сторону головы. Оперенье на хвосте и крыльях передано с помощью углублений. Все изображение отлито в высоком рельефе и дополнительно подработано гравировкой. Аналоги описанных изображений на территории степной Евразии нам не известны. Сходство их с изображениями хищных птиц в искусстве ахеменидского Ирана заставляет предполагать не местное их производство.

Бронзовые уздечные бляшки для перекрестных ремней со стилизованным изображением головы и когтя хищной птицы. Могильник Кичигино I (VI–V вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Каменная скульптура

Изваяние «Елантау»

Монументальные антропоморфные изваяния являются важнейшим элементом культуры кочевников Евразии эпохи древности и средневековья. Из всех известных к настоящему времени южноуральских антропоморфных каменных изваяний и стел эпохи ранних кочевников с территории Южного Зауралья происходит наиболее древнее из них. Обнаружено оно было в кургане 1 могильника Елантау близ села Варна.

Изваяние, выполненное из серого гранита, представляет собой верхнюю половину плоской скульптуры. Посредством изображения на шее гривны голова четко отделена от туловища. С помощью

Каменное изваяние савроматского времени. Могильник Елантау (VI–V вв. до н. э.). Варненский РКМ

дополнительной обработки голове была придана яйцевидная форма, выведены широкие брови, удлиненный прямой нос, миндалевидные глаза. Рот, показанный едва заметным углублением, окантовывают усы. От лба к макушке идет валикообразное ребро, с помощью которого мастер попытался передать шлем. Боковые грани шлема рельефно выделены у скульптураемого. На боковых гранях изваяния видны уши в виде овалов с углублением по центру. Гривна, отделяющая голову от тулова, изображена на лицевой и боковых гранях изваяния. На груди скульптуры контррельефом переданы два широких углубления подпрямоугольной формы. Очевидно, это детали защитного доспеха. Ниже едва просматривается правая рука, согнутая в локте. Ее растопыренные пальцы находятся на животе. Левая рука не сохранилась. Обратная сторона фигуры плоская, без каких-либо изображений.

У варненского изваяния имеются многочисленные аналоги среди каменных антропоморфных скульптур Северного Кавказа и Украины раннескифского времени (VII–V вв. до н. э.), поэтому оно является ярким свидетельством участия «скифских» племен Северного Причерноморья в сложении культуры кочевников Южного Урала второй половины VI — V века до н. э.

Птицевидная фигурка иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). ГИМЮУ

Искусство племен иткульской культуры

Основная часть памятников иткульской культуры располагается вдоль восточного склона Уральских гор на полосе шириной примерно 150 км от верховья реки Реж (правый приток реки Ниццы) до озера Чебаркуль. Восточная граница их распространения проходит примерно по устью реки Синары (правый приток Исети). В настоящее время хронологические рамки существования культуры определяются VII–III веками до н. э. Иткульская культура характеризуется высокоразвитым металлургическим производством. На протяжении длительного времени иткульские металлурги являлись основными поставщиками меди и изделий из нее для множества племен Евразии — как к востоку, так и к западу от Урала.

Основу иткульского искусства малых форм составляют орнитоморфные и антропоморфные фигурки, которые имеют достаточно устоявшуюся иконографию. Они входили в состав святилищных комплексов или кладов либо представляют собой отдельные (случайные) находки.

Орнитоморфные фигурки

Орнитоморфные фигурки, как правило, схематичны, но, тем не менее, исходя из общего абриса фигур, предварительно выделяются четыре класса: с условной головой (безголовые); хищные («соколы», «орлы», «коршуны», «совы»); нехищные («дятлы», «вороны» или «голуби»); фантастические [7, с. 127–128]. По форме крыльев они разделяются на три группы: с дугообразно изогнутыми узкими и широкими; с изогнутыми под прямым углом узкими и широкими; с изогнутыми под тупым углом трапециевидными или треугольными крыльями. Во всех группах имеются как гладкие крылья, так

Орнитоморфный — уподобленный птице, использующий или стилизующий фигуры

или части фигур реальных или фантастических птиц.

и украшенные поперечными валиками. Иногда валики выступают за края крыльев с одной или двух сторон, придавая крыльям «взъерошенный» вид. В ряде случаев на стержнях крыльев присутствуют выступы разной формы. В каждой из групп фигурки различаются и формой головы, которая может быть смоделирована либо в плоской манере, либо высоким рельефом. Голова может быть в виде выступа (литника), антропоморфной или птицевидной. На ней встречаются один выступ — «полугорошина» (или вытянутая «капля»), который можно трактовать как нос или клюв; две «полугорошины» — «глаза»; три «полугорошины» (или две «полугорошины» с валиком или «каплей» между ними), изображающие, вероятно, личину. У ряда фигурок на голове справа или слева, иногда в обе стороны, имеются выступы, показывающие, очевидно, клювы. По форме хвоста можно выделить три группы: с прямым, веерообразным и выемчатым («рыбообразным», или «рыбным») хвостом. Хвосты, так же как и крылья, могут быть гладкими или украшенными вертикальными или веерообразно расходящимися валиками. Изредка они украшались валиками горизонтальными или перекрещивающимися в виде сетки. Кроме того, орнитоморфы различаются по наличию или отсутствию кия на груди, выступов по бокам тулова, лапок-полугорошин, орнаментации валиками, петли на обороте.

На ряде иткульских памятников прослежена связь птицевидных фигурок с металлургическими комплексами. По мнению В. Д. Викторовой, орнитоморфы представляют собой вместилища душ умерших металлургов, а их разнообразие связано с разным социальным статусом и уровнем мастерства умерших [1, С. 76–77; 2, с. 102]. Однако более предпочтительной представляется «... версия, согласно которой «иткульские птицевидные идолы могли быть связаны непосредственно с магическими обрядами и ритуалами, сопровождавшими сакральную сторону жизни древних горняков, металлургов и литейщиков... Хотя присутствие культовой металлопластики на святилищах со следами человеческих жертвоприношений или рядом с погребениями не исключают ее связи с душами умерших, но вряд ли конкретных людей» [7, с. 127].

Птицевидная фигурка иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). ГИМЮУ

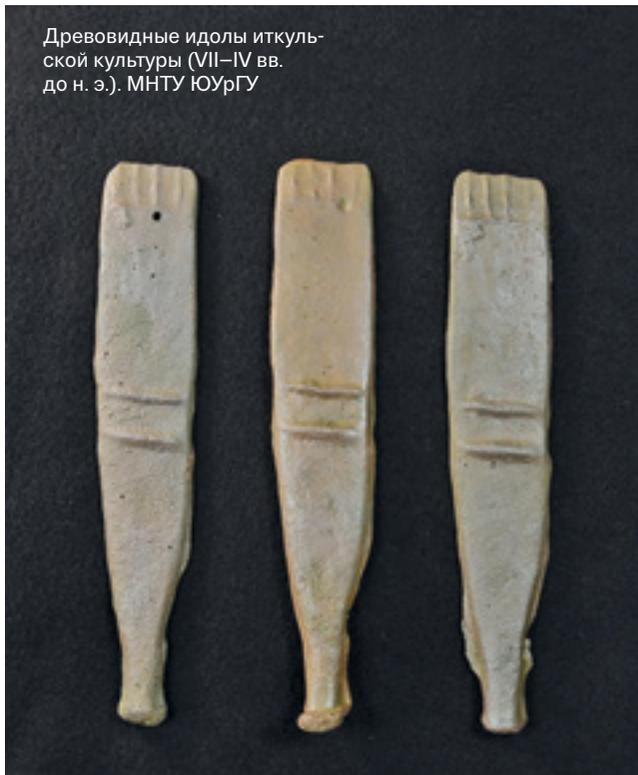
Птицевидная фигурка иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). ОГМ

Антропоморфная пластика

Иконография антропоморфных фигурок достаточно устойчива, и их можно разделить на две большие группы — со столбообразным абрисом и абрисом человеческой фигуры.

Большинство из более антропоморфных фигур имеют прямоугольный вытянутый контур. В литературе для их обозначения применяются такие термины, как «столбообразные», «древовидные» или «солнцеголовые». В верхней части таких фигур прорабатывается личина, завершающаяся лучами или треугольными выступами. У некоторых фигур прямой горизонтальной линией показаны брови, с которыми смыкается длинный нос, моделированный валиком. Глаза показаны крупными выпуклинками, иногда обведенными рельефным валиком, а рот — выпуклиной, коротким валиком или узким овалом. Изредка обозначены короткие трехпалые

Древовидные идолы иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Древовидные идолы иткульской культуры (VII–IV вв. до н. э.)

руки, иногда их заменяют небольшие бугорки. Ноги обычно не выделены. Встречаются фигурки, на боку которых изображен ползущий или стоящий зверь (клады с горы Малой и Адуйского камня). Иногда верхняя часть фигуры отделяется от нижней несколькими валиками-поясками.

Антропоморфные «столбообразные» фигурки могут быть одиночными, сдвоенными или тройными, с соединенными руками или связанные по «поясу» перемычкой (клад на горе Азов в Кусинском районе). Встречена композиция из пяти фигур, соединенных как пальцы одной руки (поселение Березки II на озере Аргази).

Изредка встречаются антропоморфные фигурки с поднятыми вверх руками, заключенные в дугообразную рамку. На голове фигурки с горы Азов шлем, руки подняты кверху, центральную линию тулова пересекают поперечные полосы — имитация ребер. В состав клада на горе Азов входила и уникальная фигурка человека с расставленными в стороны руками с четырьмя растопыренными пальцами, сидящего «по-дамски» на спине крупного зверя (волка?).

Вторую группу антропоморфных фигурок составляют изображения человеческих фигур с опущенными и слегка отведенными от туловища беспальными руками. В отличие от фигурок первой группы у них хорошо выражены расставленные ноги. Выполнены они, чаще всего, весьма небрежно. Большинство их безлики, хотя у одной из фигурок с горы Азов показаны глаз и нос. У некоторых фигурок подчеркнуты признаки мужского пола.

Интересное наблюдение в отношении некоторых орнитоморфных фигурок сделал Ю. П. Чемякин [8, с. 73]. Речь идет о птицевидных изображениях, на туловище которых «полугорошинами», или жемчужинами, показаны «лапки», а оперенье хвоста передано вертикальными валиками. Если их перевернуть на 180 градусов, то можно увидеть сходство с антропоморфными «столбообразными» фигурками.

Искусство племен гороховской культуры

Антропоморфная металлопластика гороховской культуры

В 1900 году крестьянин В. М. Говорухин при распашке участка земли в 4,5 версты от деревни Сапогово (ныне село Новобурино Кунашакского района Челябинской области) нашел в слое чернозема двадцать бронзовых антропоморфных фигурок. «Сапоговский клад» — под таким наименованием найденные человечки вошли в историческую науку (о его причудливой судьбе см. [3, с. 95–97]). Датировка клада в пределах конца IV — III в. до н. э. хорошо обосновывается аналогами изображенных на фигурках предметов вооружения в древностях южноуральских степей. Культурная принадлежность клада окончательно не определена, но большинство исследователей связывает его с племенами гороховской культуры V–II вв. до н. э.

Фигурки Сапоговского клада были отлиты в двусоставных глиняных формах с частичной последующей обработкой. В ряде случаев из-за неплотного соединения створок форм металл образовал причудливые разливы, выходящие за контуры фигурок. Использовано было восемь форм, в каждой из которых отлиты две-три фигурки. У двух фигурок на оборотной стороне имеется продолговатый линзовый выступ, идущий вдоль тела. Обратные стороны остальных фигурок гладкие, со следами волокнистой древесной структуры на них. Очевидно, что изготовление форм для их отливки производилось путем оттиска в глине деревянных фигурок. У них в высоком рельефе были выточены борода, прическа, нависающий лоб, а также черты лица, пальцы рук и предметы вооружения. Затем лицевая сторона обрабатывалась каким-то составом или ложились, тогда как обратная оставалась необработанной. После чего фигурки оттискивались в глине. После дополнительной подработки, просушки и обжига створок форма была готова к употреблению.

Тщательный анализ всех сохранившихся фигурок Сапоговского клада позволил В. Ю. Зуеву разделить их на восемь типов изображений, которые

Бронзовые антропоморфные фигурки. Гороховская культура. Сапоговский клад (III–II вв. до н. э.). ГЭ

Бронзовые антропоморфные фигурки. Гороховская культура. Сапоговский клад (III–II вв. до н. э.). ГЭ, СОКМ

Бронзовые антропоморфные
фигурки. Гороховская

культура. Сапоговский клад
(III–II вв. до н. э.). ГЭ, СОКМ

образуют три иерархично соподчиненные группы персонажей [3, с. 97–102]. Первая группа включает три типа фигурок, вторая — два, третья — три типа. Таким образом, мы получаем вполне цельную и уравновешенную с точки зрения законов симметрии композицию из трех групп парных изображений, ранжированных на три категории не только по росту фигурок, но и по принадлежащим им атрибутам. В число последних входят предметы вооружения: длинные мечи, кинжалы, налучья и гориты, а также украшения — гривны и браслеты.

Первая группа включает три типа самых больших фигурок. Главными среди них являются, очевидно, два бронзовых человечка с золотыми гривнами на шеях и многовитковыми браслетами на правых запястьях. К их ногам при помощи ремешков-перехватов прикреплена пара набедренных кинжалов в ножнах. Эти фигурки отличаются тщательностью отделки и проработки всех основных деталей. Рассматривая их в социальном аспекте, мы должны, безусловно, считать их изображениями царьков (князей), главных лиц социума (племени, рода), который они возглавляли.

Следующую как по размерам, так и по рангу группу образуют две фигурки, отличительной особенностью которых является чрезмерная вооруженность. У сохранившегося человечка длинный меч, лезвие которого, выходящее за край фигурки, ныне обломано; боевой пояс, к которому с правого бока было явно что-то подвешено. К поясу прикреплены и два набедренных кинжала, перехваченных у голени ремешками. Особенностью лица этой фигурки является закрытый левый глаз, в то время как правый явно открыт. На шее и верхней части груди изображена многовитковая гривна. Сочетание этих и ряда других деталей заставляет видеть в фигурке изображение верховного жреца — человека, облеченного в военно-теократическом обществе высшей духовной властью.

Фигурки третьего типа из первой группы изображают, вероятно, военачальников. Об этом говорят, помимо их размеров, набор вооружения, включающий длинные мечи и гориты, а также изображения каких-то символических предметов, возвышающихся над их плечами.

Вторая группа человечков включает фигурки двух типов. Это прежде всего три фигурки, изображающие мужчин-воинов с характерным для всадников набором вооружения. Последний включает длинный всаднический меч, набедренный кинжал и горит, в котором четко просматривается лук. Это, вероятнее всего, воины-дружинники. Фигурки второго типа из этой группы олицетворяют, скорее всего, жен богатырей. Интересно, что на фигурках именно этой группы явно подчеркнута их половая принадлежность.

Третья группа человечков из Сапоговского клада, как уже отмечалось, состоит из трех типов фигурок. Первую группу составляют фигурки воинов, все вооружение которых состоит из набедренного кинжала. Из, предположительно, трех фигурок сохранилась лишь одна, найденная в поселке Элеватор Кунашакского района. У нее большая дискообразная голова, на которой обозначены глаза в виде небольших округлых бугорков, длинный, сильно выступающий, слегка горбатый нос, щеки, сильно выступающий вперед округлый подбородок. Туловище плоское, широкое, четырехугольной формы с выступающими грудями, обозначенными округлыми выпуклостями. Следует отметить, что такими же выпуклостями показаны груди и на других фигурках клада, причем не только на женских, но и на мужских, с подчеркнутыми половыми признаками. Руки у описываемой фигурки дугообразно изогнуты и прижаты к бедрам. Длинные тонкие пальцы правой руки широко расставлены; большой и указательный пальцы прямые, остальные согнуты. Кисть левой руки отсутствует (возможно, литейный брак, хотя не исключено и преднамеренное изображение руки без кисти). Судя по остаткам ног, они были согнуты в коленях и раздвинуты. На правом бедре помещено схематическое изображение кинжала.

Второй тип человечков из третьей группы представлен тремя схематическими женскими фигурками. На лице у них валиками показаны лишь горизонтальная линия бровей и короткий нос, на теле — бугорки груди. Мужские и женские фигурки из третьей группы характеризуют «средний» слой общества — лично свободных общинников.

К этому же социальному слою относятся, судя по размерам, и образы «стариков». Это изображение немощных старцев с окладистыми бородами и настолько иссохшими телами, что видны ребра. На дискообразной голове показаны брови, глаза, нос и рот. Руки дугообразно изогнуты, пальцы либо сжаты, либо расставлены.

Таким образом, фигурки из Сапоговского клада не только позволяют охарактеризовать одно из направлений искусства населения лесостепного Зауралья второй половины I тысячелетия до н. э., но и дают нам редкую возможность составить представление о социальной структуре этого населения.

В июне 2014 года в Государственный исторический музей Южного Урала поступили две медные антропоморфные фигурки, найденные во время рыбалки в обрыве и на пляже правого берега реки Синара близ поселка Карино Кунашакского района. Сделаны они достаточно небрежно и после отливки дополнительно не обрабатывались. Несомненно, это изображения мужчин-воинов. У них не-

большие круглые головы, на которых рельефными валиками показаны глаза, нос и рот (?). Туловище плоское, четырехугольной формы. Ноги прямые, широко расставленные, ступней нет. Заканчиваются они тремя пальцами, что делает их похожими на птичьи лапы. У первой фигурки руки отведены в стороны, пальцы широко расставлены. Причем на правой руке четыре пальца, на левой — пять. За правым плечом длинным слегка изогнутым выступом показан, вероятно, лук в чехле. К поясу наклонно, рукоятью вправо, подвешен длинный меч. На левом плече выступ, напоминающий схематическую фигуру человека с расставленными руками. У второй фигурки руки также отведены в стороны. Правая рука недолита, а на кисти левой руки четыре широко расставленных пальца. К поясу, так же как у первой фигурки, подвешен длинный меч. За правым плечом короткий выступ, такой же длины и формы выступ имеется на левом плече. В верхней части головы у обеих фигурок — неубранный литник.

Бронзовые антропоморфные фигурки. Гороховская культура. Случайная находка у поселка Карино (III–II вв. до н. э.). ГИМЮУ

Жертвенные плиты с головой барана

С территории степной и лесостепной Евразии, главным образом лесостепного Зауралья, происходят многочисленные так называемые жертвенные камни, или плитки, с изображением головы барана. За более чем столетний период их изучения было высказано множество предположений об их датировке и культурной принадлежности. Ситуация с плитками с изображением головы барана осложняется тем, что абсолютное их большинство — это случайные находки, ни одна из плиток не была найдена в хорошо датированном комплексе. Но, тем не менее, в настоящее время подавляющее большинство исследователей связывает их с населением гороховской культуры лесостепного Зауралья середины I тысячелетия до н. э. Об этом говорит, во-первых, совпадение ареалов распространения таких плиток и памятников гороховской культуры — бассейн рек Исеть, Миасс и среднее течение Тобола. Во-вторых, широкое распространение плиток с головой барана — от Нижнего Приобья до плато Устюрт и Иранского Азербайджана — можно объяснить лишь исходя из исторической ситуации, сложившейся в степи и лесостепи Южного Зауралья в начале второй половины I тысячелетия до н. э.

Определяя функциональное назначение плиток, большинство исследователей называют их жертвенниками, служившими для выполнения различных ритуальных действий.

По степени проработки деталей изображения головы барана жертвенные плиты делятся на три основные группы или типа: «реалистические», «стилизированные» и «схематические». К первому типу относятся плитки, заканчивающиеся изображением головы барана с сильно выступающей мордой, рельефными закрученными рогами. Глаза, ноздри, губы у них также показаны выпуклым рельефом. Головы высечены в верхней части камня и кажутся приподнятыми. Ко второму типу относятся менее реалистичные изображения. Головы у них сливаются с верхней и нижней плоскостями камня и кажутся лежащими на земле. Рога показаны в виде изогнутого на концах выпуклого валика, глаза и ноздри переданы бугорками. К третьему типу

относятся плоские плитки с выступом. Эти плитки лишь по общей форме повторяют плитки с головой барана. Выступ на их боковой поверхности лишь схематически, без проработки каких-либо деталей, показывает голову [9, с. 6; 10, с. 118–140].

Южнозауральские плитки

В степной зоне Южного Зауралья в пределах Челябинской области найдено три плитки с изображением головы барана «реалистического» типа.

Это прежде всего плита, найденная в 1958 году близ Троицка, на пахотных угодьях совхоза имени Ленина Каракульского района. Она круглая в плане, со слегка выпуклыми боковыми стенками и прямыми гранями. Нижняя поверхность плитки плоская, на верхней же имеется округлое углубление. Голова животного приподнята. От нижней поверхности плитки она отделена ступенькой. Морда барана сложно моделирована: нос с горбинкой, нижняя губа и подчелюстное пространство провисают. Губы, переданные выпуклой полосой, сверху и снизу подчеркнуты желобками. Овальные глаза показаны бугорками, ноздри — ямками с выпуклым краем. Нижняя поверхность головы сужается к носу. Она имеет слегка углубленную середину и V-образный контур, образованный уплощенной отшлифованной полосой. Рога переданы выступающим рельефом, их завитки спускаются на переднюю сторону плитки. На лбом рога разделены

Плитка с изображением головы барана. Гороховская культура (V–II вв. до н. э.). ГИМЮУ

Плитка с изображением головы барана с реки Миасс. Гороховская культура (V–II вв. до н. э.). ЦГМ РК

Плитка с изображением головы барана. Село Каракульское. Случайная находка. ОРКМ

нешироким пропилом. Основание их подрезано прямой линией.

К типу «реалистических» относится и плитка, найденная «близ реки Миасс в Челябинском уезде». Она имеет овальную в плане форму и вертикальные боковые стенки. Переход от верхней стороны к боковым отмечен узкой наклонной полосой. Верхняя и нижняя ее поверхности слабовыпуклые. Нижняя поверхность уступом поднимается к голове барана. Основание головы имеет правильную форму четырехгранной усеченной пирамиды. Морда немного сужается к средней части, а затем вновь расширяется к округлому носу. Губы, округлые глаза и каплевидные ноздри показаны выступающим рельефом. Выпуклостью переданы и уши. Профильная линия морды выделена ребром. Промежуток между ноздрями и губами выбран горизонтальным желобком. Рога, показанные выпуклой полосой, подчеркнуты снизу желобком. Над лбом рога смыкаются углом и на стыке они разделены небольшим пропилом. Завитки рогов, более объемные, чем сами рога, опускаются на переднюю сторону плитки. Основания рогов и уши расположены на одной линии, подчеркнуты резьбой.

Самая большая из известных в настоящее время плит с изображением головы барана найдена на реке Уй у села Каракульского Октябрьского района. Голова приподнята над нижней поверхностью плитки, из-за чего сбоку выглядит устремленной вперед и вверх. В профиле хорошо выделяется горбатый нос животного. Впалые щеки оформлены слегка углубленными плоскостями. Круглые глаза, миндалевидные ноздри и прямые губы переданы выпуклым рельефом. Лоб от глаз до рогов выделен горизонтальной площадкой правильных прямоугольных очертаний: двум углам прямоугольника соответствуют глаза, с противоположной стороны от прямой линии лба поднимаются рога. Очень выпуклые спиралевидные рога расходятся из одной точки над лбом, опускаются вниз и, делая крутой завиток, сильно выступают вперед. Сразу за рогами в центре на верхней плоскости плитки выделена полусферическая выпуклость. На противоположном торце плитки вертикальной выпуклой полосой показан хвост. Нижняя сторона изделия плоская, верхняя — чуть впалая. На верхней стороне ближе к хвосту оформлено округлое углубление.

Список литературы

1. Викторова В. Д. Почему на птицевидных изображениях появились личины // Уральский исторический вестник. Екатеринбург : Академкнига, 2002.
2. Викторова В. Д., Непомнящих В. В., Непомнящих О. З. Находки на горе Азов // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга : материалы конф. : в 2 ч. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999.
3. Зуев В. Ю. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad Polus. Археологические изыскания. Вып. 10. СПб. : ФАРН, 1993.
4. Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петерб. востоковедение, 2006.
5. Переводчикова Е. В. Гривна с изображениями в зверином стиле из кургана 3 у села Кичигино // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск, 2017.
6. Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М. : Вост. лит., 1994.
7. Чемякин Ю. П. Культовая металлопластика иткульской культуры // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья : материалы всерос. науч.-практ. конф., г. Пермь, 9–12 февр. 2016 г. Пермь, 2016.
8. Чемякин Ю. П. Случайная находка в окрестностях Коркино // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург : Квадрат, 2006.
9. Ченченкова О. П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. Екатеринбург : Тезис, 2004.
10. Ченченкова О. П. Плитки с изображением головы барана из лесостепного Зауралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2001.

Река Увелька.
Увельский район.
Фото: А. Таиров

История Южного Урала

3

ГОМ
Заключение

Заключение. **ЭТНОГЕОГРАФИЯ ЮЖНОГО УРАЛА (VII–IV века до н. э.)**

Этноним — названия наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и тому подобное.

Рассматривая этническую картину Южного Урала раннего железного века, необходимо иметь в виду, что на протяжении всей эпохи она неоднократно менялась. В соответствии с вековыми циклами, характерными для природы и общества, изменения рассматриваемой картины происходили около середины VII века до н. э. и середины VI века до н. э., во второй половине V века до н. э., конце IV века до н. э. и середине III века до н. э. Менялся не только этнический состав населения, но менялось и доминирующее племенное объединение, что объясняет смену этнонимов, фиксируемую разновременными письменными источниками (данный очерк написан на основе работ: [1, с. 29–36; 2, с. 53–59; 3, с. 11–24; 4, с. 64–67; 5, с. 20–25; 8; 10, с. 104–115; 11, с. 15–35; 12, с. 215–238; 13, с. 184–190; 14, с. 38–46; 15, с. 44–48; 16; 18, с. 276–316]).

Самые ранние сведения в античной литературной традиции о народах евразийских степей связаны с именем Аристея, гражданина небольшого греческого города Проконнеса на одноименном острове в Мраморном море. Аристей во второй половине VII века до н. э. совершил далекое путешествие в страну исседонов. Однако конечной его целью был счастливый и мирный народ гипербореев, который обитал на самом краю ойкумены у берегов великого моря. В поэме, позже названной греками «Аримаспея», фрагменты которой сохранились в передаче других античных авторов, он рассказал о большом передвижении народов в евразийских степях. Оно произошло незадолго до путешествия Аристея — в конце VIII — первой половине VII века до н. э. Начало ему, согласно Аристею, положили аримаспы, «самые могучие из всех мужей». Они потеснили исседонов, исседоны изгнали скифов, скифы же вытеснили киммерийцев, которые ушли из Северного Причерноморья в Переднюю Азию.

Маршрут, по которому двигался Аристей, проходил, скорее всего, вдоль южного побережья Черного моря, через Колхиду и перевалы Центрального Кавказа в долину верхнего течения реки Кубани. Отсюда его путь лежал на север через земли скифов, а затем исседонов, обитавших «у вод, близ реки». Рекой, на берегах которой побывал Аристей, мог быть, как считает И. В. Пьянков, и Тобол, и Ишим, и Иртыш [11, с. 29]. Впрочем, не исключено, что этой рекой был один из левых притоков Тобола.

Основные указания на местообитание исседонов содержатся в сочинении древнегреческого историка Геродота, «отца истории», как его еще называют,

Головной убор в виде калафа. Битва аримаспов с грифонами. IV в. до н. э. Курган Большая Близница. Таманский полуостров. ГЭ

который побывал в V веке до н. э. в городе Ольвия, основанном греками на северном берегу Черного моря. Согласно Геродоту, исседоны жили к востоку от аргиппеев и «напротив» массагетов, то есть к востоку от Среднего Урала и к северу от степей и пустынь Прикаспия. Это указание позволяет локализовать исседонов времени Геродота (VI–V века до н. э.) в лесостепи Зауралья и видеть их след в названии реки Исеть. Большинство исследователей в настоящее время считают, что во времена Аристея исседоны обитали в степи и лесостепи Южного Урала и Зауралья, где протекала река Кампас (Тобол или Ишим) [11, с. 187; 12, с. 217]. Геродотовы исседоны были, вероятно, носителями полукочевых культур этого региона, южными уграми, возможно, предками позднейших мадьяр [13, с. 185, 189, прим. 7]. Об исседонах Геродот пишет: «Исседоны, как говорят, имеют вот такие обычаи: когда у человека умирает отец, все родственники приводят мелкий скот и затем, принеся его в жертву и разрубив мясо на куски, разрубают и тело умершего отца того человека, который их принимает. Смешав все мясо, они устраивают пиршество. Голову умершего, удалив с нее волосы и очистив, они золотят, а затем пользуются ею как чашей для возлияний при ежегодных больших жертвоприношениях. Сын делает это для отца, подобно тому как эллины справляют поминальный день. Вообще же и они считаются справедливыми; женщины у них совершенно равноправны с мужчинами. Так вот и о них сведения есть, а о том, что находится выше них, исседоны говорят — там есть одноглазые люди и грифы, стерегущие золото. Переняв от исседонов, это рассказывают скифы, а у скифов позаимствовали мы, прочие, и называем их по-скифски аримаспами; ведь словом “арима” скифы обозначают “одно”, а словом “спу” — “глаз» (Геродот, IV, 26, 27).

В описанных Геродотом действиях с головой умершего исследователи видят истоки формирования характерного для обских угров обычая изготовления погребальных масок и посмертных кукол, используемых для го-

Грифон, поедающий ари-
маспа. 125–75 годы
до н. э. Греция. Музей Гетти
в Лос-Анджелесе

довых поминок. Следует отметить, что на территории Среднего и Южного Зауралья известны находки чаш из человеческих черепов, которые относятся к двум эпохам — позднему неолиту и раннему железному веку [7, с. 13–20]. Погребений населения зауральской лесостепи VII–VI веков до н. э. не известно, а первые захоронения носителей гороховской археологической культуры датируются временем не ранее второй половины V в. до н. э.

Во внешнем облике исседонов Аристея поразила их прическа — «длинные пучки волос». Ношение кос или просто пучков волос — характерная черта обских угров в старину. Былинные богатыри и вообще воины брили либо выстригали переднюю часть головы, оставляя сзади две косы. Такая прическа служила признаком принадлежности к военной касте [9, с. 108].

«Выше», то есть выше по течению реки исседонов, обитали могучие ари-маспы, богатые лошадьми, стадами овец и быков. Они постоянно воевали с чудовищными животными-грифами из-за золота, которое добывалось на лугах реки Плутон — возможно, верхнего течения той же реки, на берегах которой жили исседоны. Аримаспы делали набеги и на исседонов, тесня их. Вполне очевидно, что под именем «аримаспы» у Аристея и Геродота выступают кочевники степей Южного Зауралья и Притоболья.

Грифы — «звери, похожие на львов, но с крыльями и клювом орла» — выкапывают золото из земли, сооружая себе гнезда. По другой версии, ари-маспы «собирают золото на поверхности песков», похищая его у гигантских муравьев, которые выкапывают золото, делая себе норы. Выше аримаспов простирались высокие горы Рипеи, с которых никогда не сходит снег и дует сильный ветер Борей. Еще выше, за Рипеями, согласно Аристею, вплоть до «другого моря» жили блаженные гипербореи. Это счастливые и справедливые люди, здоровые и долговечные, жизнь которых сплошной праздник. Они не знают ни тяжких трудов, ни кровавых раздоров. Солнце у них восходит во время весеннего равноденствия, а заходит во время осеннего, так что день и ночь делятся по полгода.

В четвертом томе своего сочинения «отец истории» Геродот описывает торговый путь, идущий из Северного Причерноморья далеко на северо-восток, к аргиппеям, которые жили, скорее всего, в Южном Приуралье, на территории современной Приуральской Башкирии. Согласно Геродоту, «у подножия высоких гор обитают люди, о которых говорят, что они все — и мужчины, а также женщины — плешивые от рождения, курносые и с большими подбородками; они говорят на особом языке, но носят скифскую одежду. Питаются они плодами деревьев. Название дерева, [плодами] которого они живут, — понтик, по величине оно приблизительно равно фиговому дереву, плод приносит равный размерам бобу, но с косточкой. Как только плоды созревают, их процеживают через [куски] ткани, из плодов вытекает сок густой и черный, название этого сока — асхи. Этот сок они слизывают и, смешивая с молоком, пьют, а из густого осадка этого сока приготавливают лепешки и питаются ими. Ведь скота у них немного, так как сколько-нибудь пригодных пастбищ там нет. Каждый живет под деревом: зимой — покрыв дерево плотным белым войлоком, а летом без войлока. Их не обижает никто из людей, так как говорят, что они священны. У них нет никакого оружия

для войны. Именно они разбирают споры соседей, а тот, кто прибегает к ним искать убежище, не терпит ни от кого обид: название этого народа — аргиппей... Так вот, пространство до них известно, а о том, что лежит выше плешивых, никто не может ничего точно сказать, так как горы высокие, недоступные отрезают [этот край], и никто через них не проходит. Эти плешивые рассказывают, — по моему, они рассказывают недостоверное, — что в горах живут козлоногие мужи; а если перейти через этих людей, то живут другие, которые спят в течение шести месяцев. Это я отвергаю с самого начала. А о том, что лежит к востоку от плешивых, точно известно, что там живут исседоны; о том же, что находится по направлению к северному ветру, выше плешивых и исседонов, неизвестно ничего, кроме того, что они сами рассказывают» (Геродот, IV, 23–25).

Пути ежегодных перекочевок и миграции ранних кочевников Южного Урала в IV–II вв. до н. э.

Причина «плешиности» аргиппеев могла объясняться тем, что они стригли себе волосы, считая, что «иметь на голове волосы как у женщин, так и мужчин позором». «Большие челюсти» — это явно широкие скулы. Такой тип лица характерен, например, для некоторых групп башкир, живущих в верховьях рек Ай и Белая. Для них характерны также слабое развитие волосяного покрова на лице, большое межглазничное расстояние и нередкая вдавленность переносья [17, с. 282]. У башкир Приуралья известно блюдо, приготавливаемое из плодов дикой вишни, которое называется «ачи». Жилище аргиппеев находит параллели в бытовавшем у башкир коническом шалаше или балагане с деревянной основой и покрытием из войлока или бересты. Конечно, аргиппеев нельзя считать прямыми предками нынешних башкир. Однако нет ничего невероятного в том, что часть потомков аргиппеев могла влиться позднее в состав башкир, сохраняя многие свои обычаи и черты внешнего облика [14, с. 43–44].

Прежде чем перейти к этнической картине Южного Урала конца IV века до н. э., напомним, что южноуральские степи были лишь местом летовок крупного этнопотестарного объединения кочевников, сложившегося еще в конце VI — начале V века до н. э. и состоявшего из двух тесно связанных между собой, но достаточно самостоятельных частей, или орд — зауральской и приуральской. Своего расцвета это объединение достигло в конце V — самом начале IV века до н. э.

Зимние пастбища ранних кочевников Южного Приуралья (приуральской орды) находились, очевидно, в низовьях Эмбы, на Мангышлаке, Устюрте, в низовьях Амударьи, близ границ Хорезма. Зауральские номады (зауральская орда) зимовали, вероятнее всего, в Кызылкумах, на Средней и Нижней Сырдарье (по обоим берегам), в Северном и Северо-Восточном Приаралье (пески Большие и Малые Барсуки, Приаральские Каракумы), в предгорьях Каратау, низовьях Чу и Сарысу, то есть вблизи Согдианы.

Ключевым событием центральноазиатского похода Александра Македонского был конфликт со «скифами» (один из местных кочевых народов), жившими на границе с Согдианой по Сырдарье. Согласно существующим в то время географическим представлениям, Сырдарья и Дон являлись частями единой реки Танаис, которая традиционно считалась у древних греков границей Азии и Европы. А так как к Сырдарье Александр шел из Азии, то за ней, на ее правом берегу, была уже Европа, и жившие здесь кочевники назывались европейскими скифами. Эти скифы фигурируют в контексте пяти событий: 1) они присылают войско на помощь Бессу против Александра; 2) как только Александр появляется в Согдиане, они направляют к нему посольство; 3) Александр готовит поход против скифов, скифы снаряжают против него войско и присылают посольство, в результате в битве на реке Танаис скифы терпят поражение; 4) после битвы скифы присылают посольство с извинениями, одновременно приходят послы от саков; 5) на следующий год скифы опять присылают в Мараканды посольство с мирными предложениями, которые Александр отклоняет.

Источники не называют этнонима этого народа, а дают ему условные географические обозначения: европейские скифы; скифы, живущие за

Танаисом; скифы, живущие у Танаиса; даи, живущие на этой стороне Танаиса или даи с Танаиса [18, с. 287–288]. Причем, описывая одни и те же события, разные источники по-разному называют фигурирующие в них народы. Так, Арриан трижды упоминает кочевников, приславших свое войско на помощь Бессу: Бесс «поджидает прихода скифов союзников», «при Бессе находились даи, жившие на этой стороне реки Танаиса», в Согдиану за Бессом последовали даи с Танаиса. Курций Руф также упоминает этих союзников Бесса, но называет их скифами, живущими у Танаиса, или скифами, живущими за Танаисом. Эти и другие свидетельства античных источников позволяют, считает Д. А. Щеглов, отождествить европейских скифов с даями или дахами, «которые более всего известны тем, что в середине III в. до н. э. захватили Парфиену и тем самым положили начало созданию Парфянской державы». Именно даи (скифы из-за Танаиса) оказываются главным источником военного напряжения в Центральной Азии [18, с. 292–295]. Вероятнее всего, под этнонимом «дахи с Танаиса» в источниках фигурирует зауральская орда этнопотестарного объединения южноуральских кочевников конца V — IV века до н. э.

Воины ахеменидского Ирана и Центральной Азии. Реконструкция М. В. Горелика:
1 — персидский тяжелооруженный всадник;
2 — персидский всадник-телохранитель;
3 — персидский легкооруженный всадник-лучник;

4 — ликийский тяжелооруженный всадник; 5 — фригийский тяжелооруженный воин; 6 — согдийский воин; 7 — сакский тяжелооруженный всадник (по Б. Г. Гафурову, Д. И. Цибукидису)

Воины Александра Македонского. Реконструкция М. В. Горелика:
1 — македонский гоплит;
2 — македонский этер;
3 — греческий гоплит;
4 — греческий пелтаст;

5 — греческий пращник;
6 — фессалийский всадник;
7 — фракийский пелтаст;
8 — фракийский всадник (по Б. Г. Гафурову, Д. И. Цибукидису)

В период центральноазиатского похода Александра Македонского в Согдиане вспыхивает восстание под предводительством Спитамена, в котором активное участие приняли отряды кочевников. Они фигурируют в пяти эпизодах, связанных с восстанием: в операциях Спитамена против македонцев летом 329 года до н. э., летом 328 года до н. э. и зимой 328/327 годов до н. э., в действиях отряда Кена и Артабаза, в рассказе о последнем убежище Спитамена у этих кочевников и о планах Александра совершить поход против них. Ни одно предприятие Спитамена не обходилось без поддержки кочевников. Этими кочевниками были дахи и массагеты, которые в источниках, повествующих о восстании Спитамена, выступают как дахи, массагеты, скифы-кочевники или скифы [18, с. 295–310].

Однако дахов Спитамена нельзя путать с даями с Танаиса, поскольку в античной традиции эти два народа всегда четко различались. Дахов Спитамена можно отождествить с кочевниками, которые вместе с массагетами жили близ границ Хорезма [Там же, с. 310–311], то есть на Мангышлаке, Устюрте, в низовьях Амударьи. Очевидно, что под этнонимом «дахи» в событиях, связанных с восстанием Спитамена, в источниках фигурирует приуральская орда этнопотестарного объединения южноуральских номадов конца V — IV века до н. э.

Таким образом, в античной исторической традиции ранние кочевники Южного Урала IV века до н. э. фигурируют под этнонимами «даи» или «дахи». И, хотя зауральские и приуральские кочевники выступают под одним и тем же этнонимом, тем не менее, древние авторы их достаточно хорошо различали.

Одно из первых упоминаний дахов содержится в персепольской надписи Ксеркса, относящейся к 486–482 годам до н. э. В ней среди стран, подвластных царю, отмечается «даха». Так как в ней вместе с дахами фигурируют саки-хаумаварга и саки-тиграхауда, то вполне вероятно, что в это время дахи обитали где-то в районе Приаралья, близ границ Хорезма, где находились их зимние пастбища и зимовки [5, с. 23; 6, с. 7].

Летом 331 года до н. э. македонское войско во главе с Александром Великим переправилось через Евфрат и двинулось вглубь персидских владений. Решающее сражение, произошедшее 1 октября 331 года до н. э. на равнине у селения Гавгамелы, закончилось полным поражением персов. В этой битве на левом фланге своей армии персидский царь Дарий III Кодоман поставил, как свидетельствуют источники, скифскую конницу, бактрийцев и серпоносные колесницы, а за ними — бактрийских всадников, даев и арахонтов, рядом — персидские конные и пешие подразделения попеременно, за ними — сусиев и кадусиев. Перечисленным подразделениям противостояла конница этеров под командованием самого Александра.

После поражения у Гавгамел Дарий III бежал в Мидию, где укрылся в столице Экбатанах. Александр двинулся туда лишь весной 330 года до н. э., после захвата основных центров персидской державы — Вавилона, Суз и Персеполя. При приближении македонян Дарий бежал в Парфию, где был убит сатрапом Бактрии Бесом. Последний объявил себя царем персидской державы Артаксерксом IV и, как сообщает Курций Руф, ожидал

Битва Александра с Дарием.
Мозаика из Помпей.
125–120 года до н. э.
Неаполь, Национальный
археологический музей

подкрепления, состоящего из «хорасмиев, даев, индов и скифов, живущих за Танаисом». Теперь все враждебные Александру силы сосредоточились в Восточном Иране и областях Центральной Азии, куда бежал Бесс. Все это чрезвычайно встревожило Александра, который бросил свою армию в Центральную Азию [6, с. 8–9; 8, с. 179–181, 210–211].

После покорения Бактрии и вступления в пределы Согдианы Александр, как сообщает Курций Руф, «к тем скифам, которые населяют Европу... послал из [числа] друзей некого Дерду передать им, чтобы они без разрешения царя не переходили являющуюся границей реку Танаис». Таким образом, Александр лишает даев возможности использовать зимовочные территории на левобережье Танаиса (Сырдарьи). Возведение же Александрии-Эсхаты на границе кочевого мира и Согда не только способствует ослаблению контроля кочевников над этой территорией, но и создает плацдарм для проникновения македонцев вглубь степей. Арриан пишет, что город «будет основан в удобном для похода на скифов месте, если он когда-нибудь состоится, и для защиты от набегов живущих по ту сторону реки варваров». Курций Руф также передает эту мысль: Александр «выбрал на берегу Танаиса место для основания города, [как бы] крепости для [удержания] как уже покоренных [земель], так и тех, в которые он решил вслед за тем проникнуть». Ради разрушения города даи и начинают войну. «...Царь скифов, держава которого простиралась по ту сторону Танаиса, считал, что город, основанный македонцами на берегу реки, является ярмом на его шее; он послал брата по имени Картасис с большим отрядом всадников разрушить [этот город] и отогнать македонское войско далеко от реки», — отмечает Курций Руф.

Даи сосредоточили свое войско на берегу Танаиса и начали метать стрелы во врага, похваляясь тем, что македоняне не рискнули проникнуть в их владения. Александр не мог стерпеть такого пренебрежения и отдал приказ о подготовке кожаных мешков (бурдюков) для переправы. Предсказатель

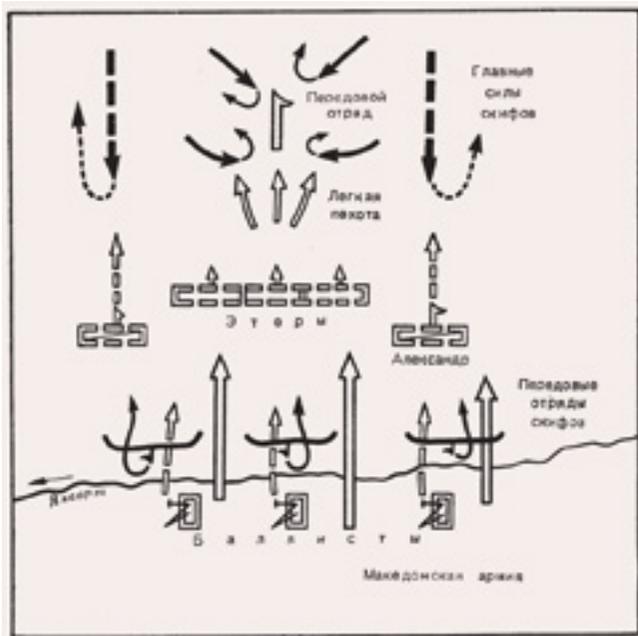
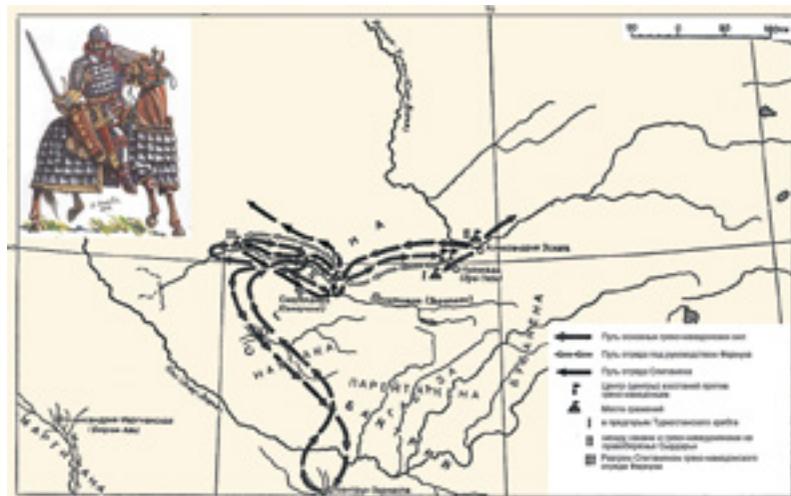

Схема битвы на Танаисе (Яксарте, Сырдарье) (по Б. Г. Гафурову, Д. И. Цибукидису)

Военные действия в Центральной Азии в 329 году до н. э. (по Б. А. Литвинскому).

Конный латник – знатный сакский воин из Приаралья (IV в. до н. э.). Реконструкция М. В. Горелика

Аристандр, ссылаясь на плохое предзнаменование, отсоветовал царю переходить реку. Однако кочевники не оставляли македонян в покое, и в конце концов Александр решил на форсирование Танаиса, чтобы не быть посмешищем для кочевников.

Перед переправой войска на правый берег Танаиса македоняне выпустили из метательных машин (баллист) стрелы в даев, ранив некоторых из них. Одна стрела, пробив щит и панцирь, убила всадника. Напуганные кочевники отступили от реки, и македонское войско под звуки труб начало переправляться через Танаис.

Первыми ступили на правый берег лучники и пращники. Они держали под огнем даев, чтобы те не имели возможности приблизиться к берегу и помешать переправе пехотинцев. Сариссофоры и тяжелые греческие конники, число которых достигало 1200, после переправы начали атаку на даев. Но их маневр не удался: даи, атаковав лавой, а затем использовав прием ложного отступления, окружили греко-македонскую тяжелую конницу, забросали ее стрелами и беспрепятственно скрылись. Тогда Александр ввел в бой легковооруженных лучников, агриан и пехоту. После этого в атаку пошла тяжелая конница, поддержанная легковооруженными всадниками, не дававшими даям возможности развернуться и напасть снова. Так греки и македоняне вышли из окружения и добились преимущества.

Кочевники начали отступать по всем направлениям. Македоняне, разгоряченные битвой, бросились преследовать их, невзирая на палящий зной и мучительную жажду. Даи умчались в солончаковые степи, и македоняне гнались за ними на расстояние 80–100 стадий (15–18 километров). Лишь с наступлением ночи они прекратили погоню.

Об ожесточенности битвы можно судить по потерям, которые были значительны с обеих сторон. Даев пало до тысячи, в плен было взято 150 воинов, в том числе их предводитель Сатрак. У македонян потери составили

160 убитыми и тысячу ранеными. Если вспомнить потери греков и македонян в самой крупной битве с персами, при Гавгамелах — 100 человек убитыми, по Арриану, что считается некоторыми исследователями ошибкой, — то нельзя не прийти к выводу, что стычка с даями была более ожесточенной и кровавой [8, с. 253].

После этих событий, вероятно, последовало второе посольство даев, стремившихся к установлению мира с Александром. Как пишет Арриан, «цель [этого] посольства была в том, чтобы выразить готовность скифов исполнить все, что будет приказано Александром; они поднесли Александру дары от царя скифов, которые у них почитаются выше всего, [и передали], что [царь желает] выдать за Александра [свою] дочь ради упрочения дружбы и военного союза с ним. Если же Александр не удостоит царевну скифов своей руки, то [царь] готов выдать за самых верных людей Александра дочерей сатрапов скифской земли и других могущественных людей Скифии; [послы] заявляли, что [царь] и сам придет, если [Александр] прикажет, чтобы от него самого услышать, что [тот] прикажет... Пришедшим от скифов Александр ответил любезно и так, как было удобно при тех обстоятельствах; [но] от скифских невест отказался». Курций Руф отмечает снисходительность Александра по отношению к побежденным даям, «поскольку всех пленников [он] отпустил без выкупа, чтобы [этим] удостоверить, что с отважнейшим из племен он состязался в храбрости, а не в ярости» [18, с. 279–284].

Еще во время похода Александра к Танаису летом 329 года до н. э. в Согдиане вспыхнуло восстание согдийцев и бактрийцев, во главе которого стал согдиец Спитамен, осадивший Мараканду. Закончив войну с даями, Александр отправил отряд Менедема в 2360 человек в Мараканду, где македонский гарнизон отчаянно отбивался от наседавших отрядов Спитамена. Последний, получив известие о приближении Менедема, поспешил отойти на север Согдианы. Македонцы бросились в погоню и, увлекшись, оказались на краю скифской пустыни, где «вопреки здравому смыслу» напали на кочевников. Этот необдуманный поступок привел к тому, что обитавшие на границах Согдианы и Хорезма массагеты и дахи присоединились к восставшим. Заключив союз с номадами, Спитамен, пополнивший свой отряд 600 всадниками, решил перейти к активным действиям.

Кочевники применили привычную для них тактику — осыпав противника стрелами, они стремительно исчезали. Отряд Менедема не знал покоя: конница Спитамена наседала и на отступавших, и на тех, кто еще удерживал позиции. Македонские всадники, измотанные предшествующими долгими переходами, не могли противостоять дахам. Было принято решение отступить к реке Политимет (Зеравшан?), под защиту леса, куда не могла проникнуть конница кочевников и где можно было с большим успехом использовать пехоту.

Арриан дает две версии драмы, развернувшейся на берегу Политимета. В первом варианте предводитель македонской конницы Каран по собственной инициативе переправил кавалерию на другой берег, чтобы между ним и отрядом Спитамена был водный рубеж. Македонская пехота (около 1500 человек), оказавшись без прикрытия с флангов и тыла, устремилась вброд через

реку под защиту конницы. Этим тактическим промахом воспользовались согдийские всадники, которые стали теснить пехотинцев сзади и с фронта. Они засыпали солдат противника стрелами и сбивали выбравшихся на противоположный берег опять в воду. Македонцы укрылись на небольшом островке. Воины Спитамена и кочевники часть укрывшихся перестреляли из луков, а остальных взяли в плен и затем убили. Во втором варианте этих событий отряд Менедема погиб в схватке с засевшими в приречных зарослях кочевниками. В ходе сражения командиры македонян действовали произвольно, не сообразуясь с общим ходом битвы. Они так и не смогли договориться о том, кто должен возглавить войско, ибо все боялись ответственности перед царем. Из всего отряда, как отмечает Арриан, спаслось не более 40 всадников и 300 пехотинцев.

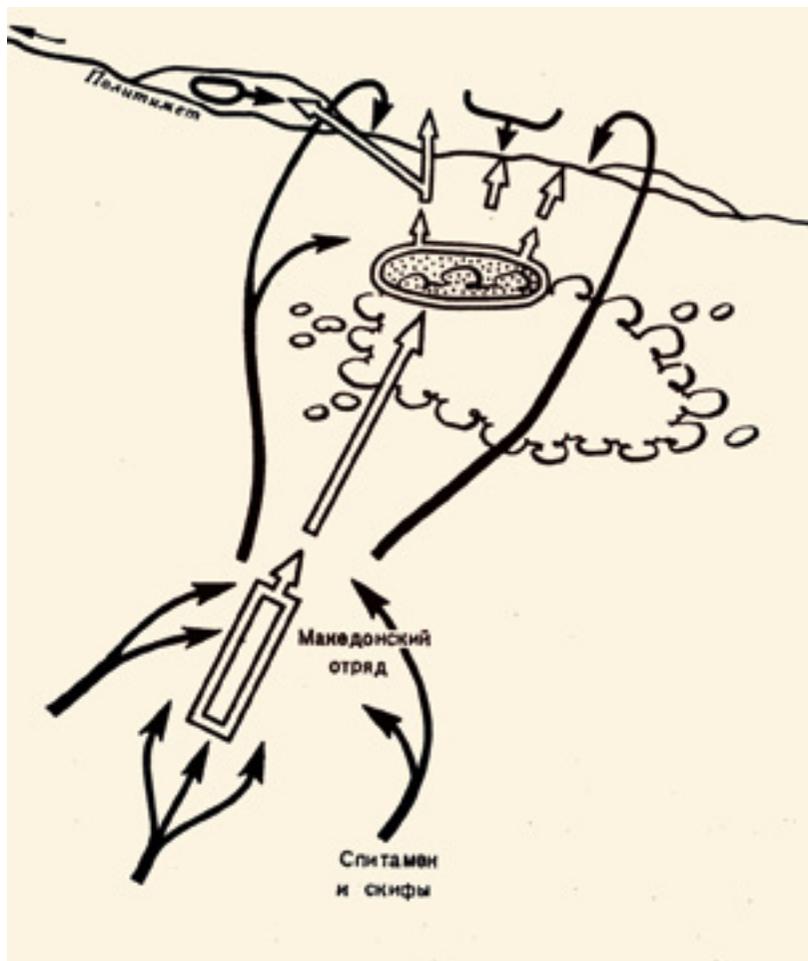
Воспользовавшись плодами победы, Спитамен вновь осадил Мараканду. Александр, военному престижу которого гибель большого отряда на реке Политимет нанесла значительный ущерб, решил жестоко наказать согдийцев и поспешил на помощь к осажденным. Пройдя за три дня ускоренным маршем 1500 стадий, македоняне на рассвете четвертого дня подошли к городу. Однако Спитамен вновь ушел на север и укрылся у кочевников. Преследуя противника, Александр дошел до скифской пустыни, но не рискнул углубиться в нее, помня о судьбе отряда Менедема. Повернув обратно, македоняне опустошили всю Согдиану, проявляя при этом невероятную жестокость. Оставив в Согдиане трехтысячный отряд пехоты, Александр со своей армией ушел на зимние квартиры в Бактрию.

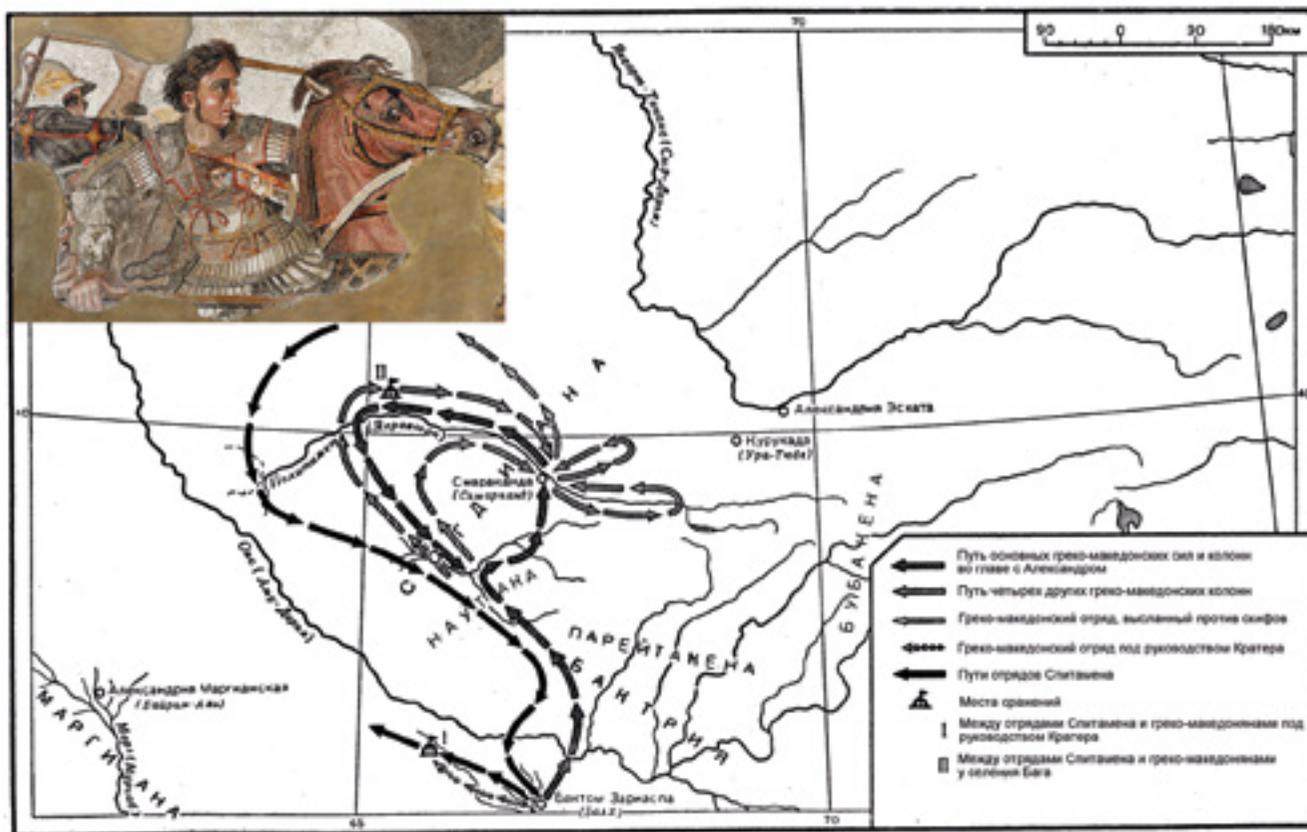
Всю весну и лето 328 года до н. э. македоняне были заняты борьбой со Спитаменом. Весной этого года сам Александр направился к Мараканде,

Всадник, стреляющий из лука (V–IV вв. до н. э.). Сибирская коллекция Петра I. ГЭ

Схема битвы на Политимете (по Б. Г. Гафурову, Д. И. Цибукидису)

Военные действия в Центральной Азии в 329 году до н. э. (по Б. А. Литвинскому). Битва Александра с Дарием (деталь). Александр. Мозаика из Помпей. 125–120 годы до н. э. Неаполь, Национальный археологический музей

а пять других отрядов во главе с его ближайшими сподвижниками начали методично захватывать укрепления согдийцев. К кочевникам-дахам, у которых укрылся Спитамен, были посланы Кен и Артабаз. Чем закончилось это посольство, неизвестно, но Спитамен недолго пробыл у номадов. Узнав, что Александр находится в Мараканде, он, набрав у дахов и массагетов отряд в 600 воинов, объявился в Бактрии. Здесь он, уничтожив один из македонских сторожевых постов, подошел к Бактрам (Зариаспе). Не решившись штурмовать город, Спитамен с ушел с богатой добычей. Двое оставленных в городе «друзей» Александра с отрядом в 80 человек бросились в погоню. Неожиданно наткнувшись на кочевников, они многих уничтожили и отняли добычу, но при возвращении в город попали в засаду и были перебиты. Узнав о случившемся, Кратер, который находился в это время в Бактрии, во главе основных сил двинул войско на кочевников. Они же, не приняв бой, ушли в сторону пустыни. Кратер кинулся в погоню и настиг отряд Спитамена на краю этой пустыни. К имевшимся у Спитамена 600 всадникам из числа дахов и массагетов присоединилась еще тысяча. Завязалась битва, победа в которой досталась Кратеру. Потеряв в ходе схватки 150 всадников, кочевники ускакали в пустыню, македоняне же не решились их преследовать. Курций Руф, вероятно, имея в виду этот эпизод, отмечает, что Кратер в сражении победил мятежников, причем дахи потеряли до тысячи воинов, а все массагеты спаслись бегством.

Приближалась зима, и Александр решил не идти на зимние квартиры в Бактрию, а зазимовать в Наутаке, поближе к театру военных действий.

В Согдиане оставался Кен, которому были подчинены македонские части и бактрийско-согдийские формирования. Согласно Арриану, Александр поручил Кену «следить за страной и охранять ее и чтобы, если окажется, что зимой где-то бродит Спитамен, устроить ему засаду и захватить его».

Узнав, что Александр ушел в Наутаку, Спитамен прибывает в Баги (Габы) — укрепление на границе между Согдианой и землями кочевников. Здесь он вербует около трех тысяч воинов из числа обитавших здесь дахов. Навстречу Спитамену выдвинулся Кен. В произошедшей битве победу одержали македонцы, уничтожившие до 800 вражеских всадников. Часть согдийцев и бактрийцев изменили Спитамену и перебежали к Кену. Тогда кочевники разграбили обозы бывших союзников и вместе со Спитаменом бежали в свои земли. Позже, узнав, что Александр готовит против них поход (по некоторым источникам, он выступил в поход), дахи, чтобы отвлечь вторжение в свои земли, убивают Спитамена, а его голову посылают македонскому царю [8, с. 255–263].

Мужчина и женщина сарматского времени. Антропологическая реконструкция А. И. Нечвалоды по материалам погребений из могильника Кичигино I (IV в. до н. э.)

В действиях кочевников нет ничего «загадного» [8, с. 263]. Летом, пока семьи и скот были на далеких от театра военных действий летовках в приуральских степях, дахи ради военной доблести и добычи поддерживали Спитамена. Зимой, когда семьи и скот обосновались на зимовках близ границ Согдианы и Хорезма, война оказалась «на пороге их дома». Рисковать всем ради Спитамена дахи, конечно же, не хотели. Поэтому, узнав о планировавшемся походе Александра в их земли, они нашли способ его предотвратить.

Таким образом, главным противником Александра в Центральной Азии были дахи (даи) — кочевые племена Южного Урала, — чьи зимовочные территории находились близ границ Согдианы и Хорезма. Вероятно, опасения потерять наиболее ценные для кочевников зимние пастбища и обусловили конфликт между даями (дахами) Танаиса и македонцами. В свете опасения дахов за свои зимние кочевья на Устюрте и в низовьях Амударьи следует рассматривать «загадное» убийство Спитамена и посылку его головы Александру.

Замирив Согдиану, Александр двинулся дальше на восток — в Индию. Бывшие противники македонцев — даи и массагеты — приняли участие в этом опасном предприятии, участвовали в битве при Гидаспе в 326 году до н. э. Причем даи в этом сражении воевали под командованием самого Александра и первыми атаковали индийскую кавалерию [6, с. 10; 8, с. 296–298].

После распада державы, созданной Александром Македонским, одно из дахских племен — парны (апарны) — стали совершать систематические набеги на территории, примыкающие к юго-восточному побережью Каспийского моря. Завоевание парнами около 238 года до н. э. селевкидской сатрапии Парфиены привело к образованию Парфянского государства — одной из крупнейших держав древнего мира.

Список литературы

1. Балахванцев А. С. Дахи Средней Азии в эпоху Александра Македонского: данные нарративной традиции // Восток. 2012. № 1.
2. Балахванцев А. С. Кочевники Южного Урала VI–IV вв. до н. э. в античной нарративной традиции // Записки восточного отделения Российского археологического общества. Новая сер. Т. 3 (28). СПб. : Контраст, 2015.
3. Балахванцев А. С. Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н. э. (по данным археологии) // Рос. археология. 2016. № 1.
4. Балахванцев А. С. Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н. э.: происхождение, хронология и локализация // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого, г. Санкт-Петербург, 2–5 нояб. 2004 г. СПб. : Ин-т истории матер. культуры РАН, 2005.
5. Балахванцев А. С. Южноуральские дахи и держава Ахеменидов в V веке до н. э. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение.
6. Васильев В. Н., Савельев Н. С. Ранние дахи Южного Урала по письменным источникам. Уфа : БГОМ, 1993.
7. Васина Ю. В., Таиров А. Д. Скальное святилище на озере Травакуль // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социал.-гуманит. науки. 2016. Т. 16, № 3.
8. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М. : Наука, 1980. 456 с.
9. Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М. : Наука, 1991.
10. Пьянков И. В. Аргиппей (Источники) // Античная древность и средние века. Вып. 6. Свердловск, 1969.
11. Пьянков И. В. Аристей: путешествие к исседонам // Исседон. 2005. Т. 3.
12. Пьянков И. В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки. (К вопросу о дальневосточном импульсе в истории евразийских степей конца II — I тыс. до н. э.) // Записки восточного отделения Российского археологического общества. Новая сер. Т. 2 (27). СПб., 2006.
13. Пьянков И. В. Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
14. Пьянков И. В. Путь к аргиппеям // Урал. следопыт. 1968. № 7.
15. Пьянков И. В. Рифей миф и реальность // Урал. следопыт. 1978. № 8.
16. Пьянков И. В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб. : Петерб. лингвист. о-во, 2013. 736 с.
17. Руденко С. И. Башкиры: ист.-этнограф. очерки. Уфа : Китап, 2006.
18. Щеглов Д. А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Великого // Записки восточного отделения Российского археологического общества. Новая сер. Т. 2 (27). СПб., 2006.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

АМ КГУ — археологический музей Костанайского государственного университета имени А. Байтурсынова (Республика Казахстан)

ГИМЮУ — Государственный исторический музей Южного Урала (Челябинск)

ГЭ — Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

ЗГКМ — Златоустовский городской краеведческий музей (Челябинская область)

МАиЭ ЧелГУ — Музей археологии и этнографии Челябинского государственного университета

МКГ — Музей имени кинорежиссера С. А. Герасимова (с. Кундравы, Челябинская область)

МКМ — Миасский краеведческий музей (Челябинская область)

МНГУ ЮУрГУ — музей «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

МПиЧ — Музей «Природа и Человек» (заповедник Аркаим, Челябинская область)

ОГИКМ — Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей

ОГМ — Озерский городской музей (Челябинская область)

РКМ — районный краеведческий музей

СКОИКМ — Северо-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (г. Петропавловск, Республика Казахстан)

СОИКМ — Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина

СОКМ — Свердловский областной краеведческий музей (Екатеринбург)

ТКМ — Троицкий краеведческий музей (Челябинская область)

ЦГМ РК — Центральный государственный музей Республики Казахстан (Алматы)

ШКМ — Шадринский краеведческий музей (Курганская область)

При создании тома использованы материалы исследований:

Абдулганеева М. Т., Абрамовой М. П., Агапова С. А., Агеева Б. Б., Агеевой Е. И., Акимовой М. С., Акишева А. К., Акишева К. А., Алексеева А. Ю., Алексеева В. П., Алекшина В. А., Алехина Ю. П., Андрианова В. Б., Аникеевой О. В., Аргынбаева Х., Арслановой Ф. Х., Арутюнова С. А., Ахинжанова С. М., Ахмедова Б. А., Ахмерова Р. Б., Ахунбабаева Х. Г., Багашева А. Н., Байпакова К. М., Балабановой М. А., Балахванцева А. С., Балдия М., Барцевой Т. Б., Басина В. Я., Беговатова Е. А., Бейсенова А. З., Белодеденко М. В., Белого А. В., Бельгибаева М. Е., Бельтиковой Г. В., Берденова С. А., Берлизова Н. Е., Бессоновой С. С., Бикбулатова Н. В., Бисембаева А. А., Боброва В. В., Богданова Е. С., Боковенко Н. А., Болтрика Ю. В., Борзунова В. А., Бородаева В. Б., Бородовского А. П., Боталова С. Г., Брашинского И. Б., Бромлея Ю. В., Булдашова В. А., Бурякова Ю. Ф., Вайнберг Б. И., Варенова А. В., Варущенко А. Н., Варфоломеева В. В., Васильева В. Н., Васильева И. Б., Васильева К. В., Василькова Я. В., Вахтиной М. Ю., Веддер Дж., Ведянина С. Д., Вереш П., Викторова С. В., Викторовой В. Д., Винникова К. Я., Виноградова А. В., Виноградова В. Б., Виноградова Н. Б., Виноградова Ю. А., Вишневской О. А., Ворошилова А. Н., Вострова В. В., Гаврилюка А. Г., Гайдученко Л. Л., Галаниной Л. К., Гарустовича Г. Н., Гафурова В. Г., Генинга В. Ф., Гинзбурга В. В., Глушко Е. В., Гольевой А. А., Горбунова В. С., Горбуновой Н. Г., Гракова Б. Н., Грача А. Д., Гройсмана П. Я., Грязнова М. П., Гуляева В. И., Гуцалова С. Ю., Дандамаева М. А., Дашковского П. К., Дворниченко В. В., Дегтяревой А. Д., Демиденко Ю. В., Демина М. А., Демкина В. А., Деопика Д. В., Десятчикова Ю. М., Добжанского В. Н., Дуке Х., Дэвис-Кимболл Дж., Евдокимова Г. Л., Епимахова А. В., Ермолаевой А. С., Жданко Т. А., Железчикова Б. Ф., Житникова В. Г., Завитухиной М. П., Завьялова В. И., Загороднего А. С., Заднепровского Ю. А., Заседателевой С. Н., Збруевой А. В., Здановича Г. Б., Зданович С. Я., Зиманова С. З., Зуева В. Ю., Зуева Ю. А., Зыкиной В. С., Иванова В. А., Иванова Г. Е., Иванова И. В., Иванчика А. И., Иевлева М. М., Ильинской В. А., Исмагила Р., Исмагулова О., Исмагуловой А. О., Итиной М. А., Кадырбаева М. К., Калиевой С. С., Кан Ин Ука, Керимбаева Т., Киреева С. М., Кирыюшина К. Ю., Кирыюшина Ю. Ф., Киселева С. В., Клейна Л. С., Клепикова В. М., Климанова В. А., Клименко В. В., Клочко В. И., Кляшторного С. Г., Ковалева А. А., Ковпаненко Г. Т., Комиссарова С. А., Кондратьева И. И., Копылова В. П., Коренюка С. Н., Кореняко В. А., Корепанова К. И., Корольковой Е. Ф., Коряковой Л. Н., Косарева М. Ф., Косинцева П. А., Костюкова В. П., Кочеева В. А., Кошеленко Г. А., Крадина Н. Н., Краевой Л. А., Кременецкого К. В., Крупнова Е. И., Крюкова М. В., Кубарева В. Д., Кузеева Р. Г., Кузнецовой Т. М., Кузнецовой Э. Ф., Кузьминой Е. Е., Кузьминых С. В., Куйбышева А. В., Кунгурова А. Л., Курманкулова Ж., Куропятниковой С. В., Курочкина Г. Н., Курылева В. П., Кушаева Г. А., Кызласова Л. Р., Ларичева В. Е., Левина М. Г., Левиной Л. М., Либерова П. Д., Лимберис Н. Ю., Литвинского Б. А., Логвина В. Н., Лоховица В. А., Лубо-Литниченко Е. И., Лукашова А. В., Лукьяшко С. И., Лыловой Е. В., Любчанского И. Э., Мажитова Н. А., Максименко В. Е., Максимовой А. Г., Малашева В. Ю.,

Малютиной Т. С., Мандельштама А. М., Маргулана А. Х., Маркова В. Н., Марсадолова Л. С., Мартынова А. И., Мартынюка О. И., Марченко И. И., Марченко К. К., Маршак Б. И., Масанова Н. Э., Маслова В. Е., Матвеева А. В., Матвеева А. К., Матвеевой Г. И., Матвеевой Н. П., Матренина С. С., Матющенко В. И., Махортыха С. В., Мачинского Д. А., Медведева А. П., Медведской И. Н., Медниковой Э. М., Мелюковой А. И., Меньшенина Н. М., Мещерякова Д. В., Миняева С. С., Мищенко О. П., Могильникова В. А., Мозолевого Б. Н., Моисеева В. А., Мокрушина В. П., Молодина В. И., Моргуновой Н. Л., Мордвинцевой В. И., Морозова В. М., Моруженко А. А., Моци А. П., Мошкова М. Г., Муканова М. С., Мурзина В. Ю., Мышкина В. Н., Наглера А., Наумова А. М., Неверова С. В., Нечвалоды А. И., Никанорова В. П., Никонова В. П., Ниязклычева К., Новгородовой Э. А., Обельченко О. В., Обыденнова М. Ф., Ольговского С. Я., Ольховского В. С., Онгара А., Орловой Л. А., Очир-Горяевой М. А., Павленко Ю. В., Папина Д. В., Пархимовича С. Г., Парцингера Г., Патрушева В. С., Переводчиковой Е. В., Пересветова Г. Ю., Першица А. И., Петренко В. Г., Петрина В. Т., Пилипко В. Н., Плешакова А. А., Плешкова Е. А., Погребовой М. Н., Подушкина А. Н., Полеводова А. В., Полидовича Ю. Б., Полина С. В., Полосьмак Н. В., Полторацкой В. Н., Потемкиной Т. М., Прокопьева Ю. В., Пузиковой А. И., Пшеничнюка А. Х., Пьянкова А. В., Пьянкова И. В., Раевского Д. С., Ражева Д. И., Рапопорта Ю. А., Распоповой В. И., Розановой Л. С., Ростовцева М. И., Руденко С. И., Рыкун М. П., Рындиной Н. В., Рыскова Я. Г., Савельева Н. С., Савельевой Т. В., Савинова Д. Г., Савченко Е. И., Садыковой М. Х., Салтовской Е. Д., Сальникова К. В., Самашева З. С., Сарияниды В. И., Сдыкова М. Н., Семенова Вл. А., Семенюка Г. И., Сергацкова И. В., Серикова Ю. Б., Симоненко А. В., Скарбовенко В. А., Скорого С. А., Скрипкина А. С., Скудновой В. М., Смирнова А. П., Смирнова К. А., Смирнова К. Ф., Сорокина С. С., Софронова М. В., Ставиского Б. Я., Степановой Н. Ф., Стоянова В. Е., Сулейменова Р. Б., Сунгатов Ф. А., Суразакова А. С., Тарабанова В. А., Тарасова П. Е., Тарасовой И. В., Тасмагамбетова И., Телегина А. Н., Тереножкина А. И., Тереховой Л. М., Тереховой Н. Н., Тетерина Ю. В., Титова В. С., Тишкина А. А., Ткачева А. А., Толмачева В. Я., Толмачевой М. М., Толстова С. П., Толыбекова С. Е., Тота Т. А., Трегубова В. Е., Троицкой Т. Н., Трофимовой Т. А., Трудновской С. А., Трунаевой Т. Н., Туаллагова А. А., Тур С. С., Турсуновой М. С., Уасона П., Ульянова И. В., Уманского А. П., Усмановой Э. Р., Федорова В. К., Федорука А. С., Фильштрупа Ф. Ф., Филанович М. И., Фодора И., Фролова Я. В., Хабдулиной М. К., Хазанова А. М., Халикова А. Х., Хохлова А. А., Хохловой О. С., Худякова Ю. С., Цибукидиса Д. И., Цыбиктарова А. Д., Чебоксарова Н. Н., Чемякина Ю. П., Ченченковой О. П., Черемисина Д. В., Черненко Е. В., Черникова С. С., Черных Е. Н., Чернянского С. С., Чжун Сук-Бэ, Чикишевой Т. А., Членовой Н. Л., Чугунова К. В., Шамшина А. Б., Шараповой С. В., Шахматова В. Ф., Шилова В. П., Шитовой С. Н., Шорина А. Ф., Шрамко Б. А., Шульги П. И., Щеглова Д. А., Эрдниева У. Э., Юсупова Р. М., Юсупова Х., Яблонского Л. Т., Ягодина В. Н., Язовской А. Н., Яценко И. В., Яценко С. А., Яшина В. Б.

Александр Дмитриевич Таиров (р. 04.05.1955, пос. Ново-Долинский Карагандинской обл., Казахская ССР) — доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Южно-Уральского государственного (национального исследовательского) университета. Автор более 260 научных работ, в том числе нескольких монографий по проблемам древней истории, археологии и геоархеологии. Руководитель и участник археологических исследований памятников различных исторических эпох степной Евразии. Специалист в области археологии и этнокультурной истории урало-казахстанских степей в эпоху ранних кочевников.

Основные публикации:

Таиров А. Д. Древняя история Южного Зауралья : монография : в 2 т. Т. 2: Ранний железный век и Средневековье. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000 494 с.

Таиров А. Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: Материалы к историческим реконструкциям : монография. Челябинск : Рифей, 2003 68 с.

Таиров А. Д., Боталов С. Г., Любчанский И. Э. Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) : монография. Челябинск : Рифей, 2006 528 с. (Сер. Этногенез уральских народов).

Таиров А. Д., Боталов С. Г., Любчанский И. Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей : монография. Челябинск : Юж.-Урал. фил. ИИА УрО РАН, 2006 232 с.

Таиров А. Д. Кочевники урало-казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007 274 с.

Таиров А. Д., Зайков В. В., Юминов А. М., Зайкова Е. В. Основы геоархеологии : учеб. пособие / под ред. проф. В. В. Масленникова. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2011 263 с.

Таиров А. Д. и др. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала : монография. Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2012 232 с.

Таиров А. Д., Зайков В. В., Зайкова Е. В. и др. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Центральной Евразии : монография. Челябинск : Камен. пояс, 2016 316 с.

Таиров А. Д. и др. История деревни Шатмантамак : монография. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016 196 с.

Таиров А. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. Астана : Казак гылыми-зерттеу медениет институтының баспа тобы, 2017. 392 с.

Том **3**
История
Южного Урала

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

Печатается по решению
Ученого совета Южно-
Уральского государствен-
ного университета.
Протокол № 4
от 29.12.2018 г.

Александр Дмитриевич Таиров

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

Научное иллюстрированное издание

В издании использованы документы, рукописи, планы и карты из фондов центральных (РГАДА, Санкт-Петербургский филиал АРАН) и региональных (ОГАЧО, ГАСО, ГАОО) архивов, фотографии и репродукции из фондов Государственного исторического музея Южного Урала, Государственного Эрмитажа, Магнитогорского историко-краеведческого музея, музея «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета, а также общедоступные ресурсы сети Интернет, авторские фотографии С. Арканова, Ю. Ермолина, Н. Виноградова, В. Жирохова, О. Ивановой, А. Колесниковой, А. Таирова.

Редактор, ответственная за выпуск Н. О. Иванова

Корректор И. Н. Козырева

Фотохудожник С. М. Арканов

Дизайн, верстка: Р. Я. Шарапов

Подписано в печать 09.12.2019

Формат 60×90 1/8

Усл. печ. л.

Печать офсетная. Бумага мелованная

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «ИПП "Уральский рабочий"»
620990 г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Третий том 8-томной «Истории Южного Урала» посвящен этнокультурным процессам, протекавшим в регионе в I тысячелетии до нашей эры. Особое внимание уделяется взаимоотношениям ранних кочевников Южного Зауралья с окружающим их миром.

История Южного Урала